ЗАСНОВНИК І ВИДАВЕЦЬ: **ДНІПРОПЕТРОВСЬКИЙ УНІВЕРСИТЕТ імені АЛЬФРЕДА НОБЕЛЯ**

ВІСНИК

НАУКОВИЙ ЖУРНАЛ
Заснований у жовтні 2010 р.
Виходить 2 рази на рік

ДНІПРОПЕТРОВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ імені АЛЬФРЕДА НОБЕЛЯ

СЕРІЯ

ФІЛОЛОГІЧНІ НАУКИ

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ТЕОРІЇ ЛІТЕРАТУРИ ТА ЛІТЕРАТУРНОЇ КРИТИКИ

Наєнко М.К.
Леонід Булаховський і Шевельов (Юрій Шерех) 6

Шестакова Э.Г.
Проблема хаоса в современных гуманитарных науках: общий обзор литературы 11

Ватченко С.А.
Историко-литературная судьба «Амелии» Г. Филдинга 18

Мяновска И.
Литература русского зарубежья в Польше в начале XXI века 24

Максютенко Е.В.
Литературные критики XX столетия о поэтике авторства в романах Лоренса Стерна 30

Kravinskaia Y.
Sally Morgan's «My Place»: critical overview of foreign schollars 41

Мудрак Е.И.
Роман В. Вулф «Волны»: хроника создания 47

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ЕСТЕТИКИ ТА ПОЕТИКИ ЛІТЕРАТУРНОГО ТВОРУ

Ильинская Н.И.
Типология анакреонтического мотива Цикады в поэзии Джона Китса и Арсения Тарковского 52

Барковская Н.В.
Арьергард или авангард? Историко-литературное значение поэзии «Парижской ноты» 58

Соколянский М.Г.
О жанровой специфике книги Б.М. Эйхенбаума «Мой временник» 68

Програмні цілі – висвітлення результатів новітніх досліджень та досягнень філологічної науки за всіма напрямами і аспектами її розвитку та практичного застосування.

Для наукових працівників, фахівців-лінгвістів, літературознавців, перекладознавців, студентів, широкого кола науковців і дослідників всіх напрямів розвитку філології.

Матеріали публікуються змішаними мовами.

Усі права застережені. Повний або частковий передрук і переклади дозволено лише за згодою автора і редакції. При передрукуванні посилання на «***Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля»*** обов'язкове.

Редакція не обов'язково поділяє точку зору автора і не відповідає за фактичні або статистичні помилки, яких він припустився.

Журнал затверджено до друку за рекомендацією вченої ради Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля (протокол № 4 від 20.06.2012 р.).

Свідоцтво про державну реєстрацію КВ № 18373-7173ПР від 14.11.2011 р.

1 (3) 2012

Филат Т.В.
Пространственно-временной континуум рассказа И.С. Шмелева «По приходу» (к проблеме соотнесённости поэтики времени и пространства рассказа с темпоральностью и пространственностью «Лета Господнего») 75

Бароти Т.
Свобода или рабство, слово или дело? Об интертекстуальности значения «славы» в драме Леси Украинки «Оргия» 91

Lubetskaya V.
«The Whole World» and spiritual dis-tune in N.V. Gogol's works 101

Грищенко І.В.
Іноетнічна жінка у народній прозі. Специфіка фольклорного відображення 105

Vielcheva K.
The world of English fourteenth-century alliterative dream visions 109

Martsovenko S.
Roots of Ukrainian mythological and philosophical thinking in the narrative of M. Matios «Sweet Darusya» 116

Малиенко А.В.
Преображение поэтики готицизма в поздних текстах А. Радклифф 120

Русских И.В.
Западноевропейская пикареска и романы Т.Дж. Смоллетта 127

АСПЕКТИ СОЦІОКУЛЬТУРНОЇ ПРОБЛЕМАТИКИ СХІДНИХ ЛІТЕРАТУР

Надута Т.В.
Транскультурна модель сучасної сіно-американської літератури: теоретичний аспект 133

Прасол Є.А.
Літературно-культурні референції в романі Масахіко Сімада «Повелитель снів» (夢使い) 140

Усенко О.П.
Мифологема дома в творчестве Кадзуо Исигуро 146

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ЛІНГВІСТИКИ

Зирка В.В.
Реклама, потребительские мотивы, вербальная сатурация текста 150

Малиновська І.В.
Деякі новітні тенденції вербалізації наукових концептів у просторі англомовного філософського дискурсу 159

Чайка Л.В.
Вербальний конфлікт в античній та середньовічній європейській лінгвістичній традиції 167

Безкоровайная Г.Т.
Семантические поля как способ систематизации лексических единиц: попытка обобщения основных положений теории поля 172

Вакулик І.І., Ільченко Г.М.
Наукове мислення XVIII–XIX ст. та його вплив на становлення наукової картини світу 181

Сотніков А.В.
Нарис сучасних досліджень політичного дискурсу: лінгвістичний аспект 186

ГОЛОВНИЙ РЕДАКТОР –
доктор економічних наук Б.І. ХОЛОД

Редакційна рада

Заступник головного редактора
А.О. Задоя, доктор економічних наук

С.Б. Вакарчук, доктор фізико-математичних наук
В.В. Зірка, доктор філологічних наук
В.А. Павлова, доктор економічних наук
О.В. Пушкіна, доктор юридичних наук
Ю.К. Тараненко, доктор технічних наук
О.Б. Тарнопольський, доктор педагогічних наук

Редакційна колегія серії «Філологічні науки»

Головний редактор
В.В. Зірка, доктор філологічних наук, професор

Заступник головного редактора
Г.А. Степанова, кандидат філологічних наук, доцент

Н.П. Бідненко, кандидат філологічних наук, доцент
Н.П. Волкова, доктор педагогічних наук, професор
В.А. Гусєв, доктор філологічних наук, професор
Н.В. Зінукова, кандидат педагогічних наук, доцент
Н.І. Ільїнська, доктор філологічних наук, професор
С.П. Кожушко, кандидат філологічних наук, доцент
М.К. Наєнко, доктор філологічних наук, професор
В.Д. Нарівська, доктор філологічних наук, професор
Г.Л. Нефагіна, доктор філологічних наук, професор (Польща)
О.І. Панченко, доктор філологічних наук, професор
Н.Т. Пахсарьян, доктор філологічних наук, професор (Росія)
О.Б. Тарнопольський, доктор педагогічних наук, професор
Т.В. Філат, доктор філологічних наук, професор
В.Л. Удалов, доктор філологічних наук, професор
К.О. Вєльчева (відповідальний секретар)

© Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля, 2012
© Дніпропетровський університет імені Альфреда Нобеля, оформлення, 2012

Тепла О.М.
Лінгвістична концепція творення комерційної номінації 192

Наваренко І.А.
Лінгвопрагматичні особливості іспанської народної казки 196

Хабарова Н.А.
Лингвистические проявления доминирующих функций в рекламных текстах
(на материале французских аннотаций) 203

Lypska I.
Social and cultural peculiarities of french lexis in the administrative and law area and criteria
of its usage by future language experts 212

Дундій П.Н.
Англо-американізми як термінологічні запозичення у німецькому економічному дискурсі 218

Трусов С.С.
Англомовний дискурс Ради ООН з прав людини як різновид інституціонального дискурсу 226

Ритікова Л.Л., Сиротін О.С.
Особливості формування біотехнологічної термінології 232

Балалаєва О.Ю.
Лінгвістичні причини деетимологізації 237

Kalinichenko V.
Wordplay out of one approach 241

Slusar K.
Non-semantic verbs as a part of verb+noun phrases of business discourse 248

ПЕРЕКЛАДОЗНАВЧІ СТУДІЇ

Bidnenko N.
Specific features of English term-combinations consisting of multiple elements and the ways
of their translation 253

Biryukova M.
Strategies for translating passive constructions from English into Ukrainian 261

Byelyakova G.
The peculiarities of American business realia translation into Ukrainian 268

Ischenko I.
Difficulties while translating realia 273

РЕЦЕНЗІЇ, ХРОНІКИ НАУКОВОГО ЖИТТЯ

Нарівська В.Д.
Рецензія на книгу «Повернені Шевченківські раритети» 279

Нарівська В.Д.
Рецензія на книгу «Шевченко Тарас. Альбом 1845 року» 282

Степанова А.А.
Международный фестиваль «Вернуться в Россию стихами и прозой:
русскоязычные писатели вне России» (Польша, г. Слупск, июнь 2012 г.) 285

НАШІ АВТОРИ/OUR AUTHORS 289

TOPICAL PROBLEMS OF THEORY OF LITERATURE AND LITERARY CRITICISM

Naienko M.K.
Leonid Bulakhovsky and Shevelyov (Yurii Sherekh) 6

Shestakova E.G.
The problem of chaos in present-day umanities: a general overview of literature 11

Vatchenko S.A.
Historical and literary destiny of «Amelia» by H. Fielding 18

Mianovska I.
Russian literature abroad in Poland at the beginning of the XXIth century 24

Maksiutenko Ye.V.
Twentieth-century literary critics on the poetics of authorship in Laurence Sterne's novels 30

Kravinskaia Y.
Sally Morgan's «My Place»: critical overview of foreign schollars 41

Mudrak Ye.I.
V. Woolf's novel «The Waves»: a chronicle of creating 47

TOPICAL ISSUES OF AESTHETICS AND POETICS OF A LITERARY WORK

Ilinskaia N.I.
Typology of the anacreontic motif of cicada in John Keats's and Arsenii Tarkovskiy's poetry 52

Barkovskaya N.V.
Rear-guard or avant-garde? Historical and literary significance of the «Parisian note» poetry 58

Sokolianskiy M.G.
On the genre peculiarities of B.M. Eikhenbaum's book «My Chronicle» 68

Filat T.V.
Spatio-temporal continuum of I.S. Shmelyov's short story «On Coming»
(to the problem of correlation of the poetics of time and distance of the short story
with the temporality and spatiality of «The Summer of the Lord» 75

Baroti T.
Freedom or slavery, word or action? On the intertextuality of the meaning of «fame»
in Lesya Ukrainka's drama «The Orgy» 91

Lubetskaya V.
«The Whole World» and spiritual dis-tune in N.V. Gogol's works 101

Grischenko I.V.
An otherethnic woman in folk prose. The peculiarities of folk reflection 105

Vielcheva K.
The world of English fourteenth-century alliterative dream visions 109

Martsovenko S.
Roots of Ukrainian mythological and philosophical thinking in the narrative
of M. Matios «Sweet Darusya» 116

Maliienko A.V.
Transfiguration of Gothicism in late texts by A. Radcliffe 120

Russkikh I.V.
Western European picaresque and T.G. Smollett's novels 127

ASPECTS OF SOCIOCULTURAL PROBLEMATICS OF ORIENTAL LITERATURES

Naduta T.V.
Transcultural model of modern Chino-American literature: theoretical aspect 133

Prasol Ye.A.
Literary and cultural references in Masahiko Shimada's novel «Dream Messenger» 140

Usenko O.P.
The mythologem of house in Kadzuo Isiguro's works 146

TOPICAL PROBLEMS OF LINGUISTICS

Zirka V.V.
Advertising, consumers' motifs, verbal saturation of the text 150

Malynovska I.V.
Some latest tendencies of verbalizing scientific concepts within English philosophic discourse 159

Chaika L.V.
Verbal conflict in antique and medieval European linguistic tradition 167

Bezkorovainaia G.T.
Semantic fields as a way of systematizing lexical units: an attempt of summarizing basic principles
of the field theory 172

Vakulyk I.I., Ilchenko G.M.
Scientific thinking of the XVIII-XIXth centuries and its influence on scientific world view formation 181

Sotnikov A.V.
An outline of modern investigations of political discourse: the linguistic aspect..... 186

Tepla O.M.
Linguistic conception of commercial nomination coining 192

Navarenko I.A.
Lingvopragmatic peculiarities of the Spanish folk fairy-tale 196

Khabarova N.A.
Linguistic manifestations of dominating functions in advertising texts (on the basis of French annotations)..... 203

Lypska I.
Social and cultural peculiarities of french lexis in the administrative and law area and criteria of its usage by future language experts..... 212

Dundii P.N.
Anglo-Americanisms as terminological borrowings in German economic discourse 218

Trusov S.S.
English-language discourse of the UN Human Rights Council as a variety of institutional discourse 226

Rytikova L.L., Syrotin O.S.
Peculiarities of biotechnological terminology formation 232

Balalaieva O.Yu.
Linguistic reasons for deetimologization 237

Kalinichenko V.
Wordplay out of one approach..... 241

Slusar K.
Non-semantic verbs as a part of verb+noun phrases of business discourse 248

TRANSLATION STUDIES

Bidnenko N.
Specific features of English term-combinations consisting of multiple elements and the ways of their translation..... 253

Biryukova M.
Strategies for translating passive constructions from english into Ukrainian 261

Byelyakova G.
The peculiarities of American Business realia translation into Ukrainian..... 268

Ischenko I.
Difficulties while translating realia 273

REVIEWS, SCIENTIFIC LIFE CHRONICS

Narivska V.D.
Review of the edition «Shevchenko`s Returned Rarities»..... 279

Narivska V.D.
Review of the edition «Shevchenko Taras. Album of 1845» 282

Stepanova A.
International festival «To Come Back to Russia by Poetry and Prose: Russian-Language Writers out of Russia» (Poland, Slupsk, june of 2012) 285

OUR AUTHORS..... 289

Редактори *О.О. Шевцова, М.С. Ярмолюк*

Комп'ютерна верстка і дизайн обкладинки – *О.М. Гришкіна*

Підписано до друку 5.07.2012. Формат 70×108/16. Ум. друк. арк. 25,55.
Тираж 300 пр. Зам. № .

Адреса редакції та видавця:
49000, м. Дніпропетровськ,
вул. Набережна В.І. Леніна, 18.
Дніпропетровський університет
імені Альфреда Нобеля
Тел/факс (056) 778-58-66.
e-mail: rio@duep.edu

Віддруковано у ТОВ «Роял Принт».
49052, м. Дніпропетровськ, вул. В. Ларіонова, 145.
Тел. (056) 794-61-05, 04
Свідоцтво ДК № 4121 від 27.07.2011 р.

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ТЕОРІЇ ЛІТЕРАТУРИ ТА ЛІТЕРАТУРНОЇ КРИТИКИ

УДК 82.0

М.К. НАЄНКО,
доктор філологічних наук, професор
кафедри теорії літератури і компаративістики Інституту філології
Київського національного університету імені Тараса Шевченка

ЛЕОНІД БУЛАХОВСЬКИЙ І ШЕВЕЛЬОВ (ЮРІЙ ШЕРЕХ)

У статті висвітлено деякі питання взаємин Л. Булаховського і Ю. Шевельова (Шереха), описані Ю. Шевельовим у його спогадах «Я – МЕНЕ – МЕНІ… (і довкруги)». Автор зосередив увагу не стільки на суто лінгвістичних проблемах наукової діяльності цих учених, скільки на їхніх людських якостях, що подаються в інтерпретації Ю. Шевельова.

Ключові слова: лінгвістика, українська мова, переклади, мемуарна література, суб'єктивність суджень, ідеологічний конформізм, людська щирість.

В українській філології ХХ ст. означена тема може сприйматися як одна з найширших і найглибших. Бо жоден із українських лінгвістів не залишив такого багатющого наукового спадку, як Булаховський і Шевельов. Достатньо згадати виданий за редакцією першого двотомний «Курс сучасної української літературної мови» (1951), а другого – фундаментальну працю «Історична фонологія української мови» (переклад з англійської, 2002). Зіставити їх і проаналізувати – річ непроста, над цим сушитиме голову ще не один дослідник сучасного та майбутнього мовознавства, я ж спинюся лише на одному аспекті зв'язків цих двох гігантів, аспекті, що зафіксований у двотомних спогадах-мемуарах Ю. Шевельова (Юрія Шереха) «Я – мене – мені… (і довкруги)» (2001). Вельми цікавого матеріалу в них дуже багато, а ще цікавішим він був би за умови, якби натрапити на судження Л. Булаховського про Ю. Шевельова. Але таких у письмовій формі, мабуть, не існує і тому я оперуватиму лише одним кутом зору, «кутом Шевельова».

Згадані спогади вийшли десять років тому, тираж їх незначний, і доступні вони (особливо в Києві) дуже вузькому колу читачів. Одразу зазначу, що у своїх мемуарах Ю. Шевельов дуже суб'єктивний (специфіка жанру?) чи (вдамся до м'якшої форми висловлювання) індивідуальний. 2003 р. я відчув це, коли наблизився (читаючи ці мемуари) до теми «Гончар і Шевельов» (опубліковано в «Літературній Україні» 4 вересня 2003 р.). Відгуки про ту мою публікацію були неоднозначними: дехто казав, що мене сам Бог напоумив сказати правду про стосунки між цими видатними постатями в українській культурі, а інші досі кидають у мій бік невдоволені погляди, бо я, мовляв, був необ'єктивним у висвітленні такої делікатної теми. Особливо – щодо Ю. Шевельова. Виправдовуватися не буду, бо я лише прокоментував суб'єктивність у мемуарах видатного мовознавця, який брався інколи й за літературознавство, не будучи в ньому (не знаходжу м'якшого означення) достатньо компетентним. Він і сам, до речі, не раз повторював, що мовознавство для нього **наука**, а література й літературознавство – **хобі** (у його лексиконі – гобі). Любительство, як знаємо, не завжди прагне бути науковим.

Не виключено, що й цього разу мої міркування здадуться комусь неоднозначними, але такого в них буде небагато, бо про Л. Булаховського Ю. Шевельов залишив переважно

© *М.К. Наєнко, 2012*

позитивні, навіть вдячно учнівські спогади, і такими будуть про них і судження. Хоча не обійдеться й без винятків. Кілька разів Ю. Шевельов, наприклад, нарікав, що Л. Булаховський не повідомив йому про свій від'їзд (евакуацію) з Харкова на початку минулої війни (родина Л. Булаховського таке нарікання спростовує цілком; Ю. Шевельов навіть допомагав їм пакувати речі і т. ін.), а одного разу трохи скептично дорікнув Л. Булаховському, що той не знав української народної (побутової) мови. Нібито Леонід Арсенійович, «кажучи про поезію Івана Виргана… обурювався його висловом, що птах, підбитий кулею, ***грудкою*** упав на землю.

– Як можна таке написати, – обурювався Леонід Арсенійович, – адже в українській мові ***груди*** вживаються тільки в множині!

Про множинність ***грудей*** він навчився з книжок, про нормальне значення слова ***грудка*** – «*щільно стиснений кусок* (шматок! – *М. Н.*) *якоїсь речовини, переважно м'якої*» – він не знав. Бо про це слово підручники не писали, а живої мови щодення він не знав і не відчував» [1, с. 131]. На мою думку, в цьому спогаді проглядається щось анекдотичне чи просто вигадане. Та й навряд чи можна на основі суджень про одне-єдине слово робити такий глобальний висновок: «*живої мови щодення він не знав і не відчував*». Та й ***грудка*** належить не просто до мови щодення, а до мови літературної.

Ще один раз Ю. Шевельов не дуже чемно висловився, коли зауважив: Фасмер «був перший великий учений у моєму житті. Булаховський, Білецький, Сімович були добрі, чесні й справжні вчені, але не рангу Фасмера» [2, с. 35]. Македонський (згадаймо Гоголя) – великий полководець, але навіщо ламати стільці? Так само не варто в контексті Фасмера говорити про меншовартість українських учених. Не той «ряд» і різні умови формування цих наукових постатей. Пом'якшує ситуацію хіба що спогад Ю. Шевельова такого змісту: «…Коли я сказав, що я учень Булаховського, чемність (Фасмера. – *М. Н.*) перейшла в справжню симпатію» [2, с. 34].

Загалом же про Л. Булаховського Ю. Шевельов (як було сказано) писав із вдячністю за навчання в нього, як про свого найкращого вчителя, хоча інколи, мабуть, він втрачав почуття міри, коли наголошував, що йому (Булаховському) траплялися здебільшого поганенькі учні, а от у мені він одразу розгледів чи не найбільш здібного. Забракло тут, мабуть, скромності чи тактовності. Такої, наприклад, як в оцінці випадку, коли Л. Булаховський у 1951 р. опублікував його (Шевельова) розділ про синтаксис простого речення у «Курсі сучасної української літературної мови». Опублікував, мовляв, без вказівки прізвища автора, і це «був акт відваги Булаховського», оскільки ім'я Ю. Шевельова (як діаспорного буржуазного націоналіста) могло б накликати на Леоніда Арсенійовича якусь прикрість.

Ю. Шевельов зрідка висловлював жаль, що так і не вдалося йому зустрітися зі своїм першим і останнім учителем, який у повоєнні роки очолював Інститут мовознавства АН УРСР, а заступником у нього був І. Білодід («…На Булаховському список моїх учителів починався й кінчався» [1, с. 236]. З І. Білодідом зустріч Ю. Шевельова відбулася «в серпні 1962 року, на 9-му міжнародному з'їзді мовознавців у Кембріджі» [1, с. 236], тобто – тоді, коли той уже сам (Білодід) був директором Інституту. Сучасники розповідають, що І. Білодід про цю зустріч інформував співробітників Інституту мовознавства в такий спосіб: «Він (Шевельов) подав мені руку, а я свої обидві заховав за спину». У Ю. Шевельова цей епізод описано без такого жесту. Але з уточненням, що І. Білодід, «оповідаючи про «свій» тепер неподільно Інститут мовознавства в Києві… не забув згадати не без інтонації тріумфу:

– У нас висить портрет Леоніда Арсенійовича.

Це означало: «Я його наступник, не ти». Я не хотів йому казати, що тоді я теж мав портрет Булаховського від нього самого і що цей портрет висів у моєму кабінеті в Колумбійському університеті. Після моєї відставки цей портрет перейшов до мого кабінету у мене вдома. Роздвоєний світ роздвоїв і портрет Булаховського між Києвом і Нью-Йорком» [1, с. 236].

Тут не місце з'ясовувати, хто такий І. Білодід і якою насправді була зустріч та розмова між ним і Ю. Шевельовим. Свідків немає; а в подальшому тексті мемуарів Ю. Шевельов неодноразово наголошував, що І. Білодід – «стукач», що він спеціально був приставлений до Л. Булаховського органами КаДеБе як наглядач і т. д. До цієї інформації слід ставитися, думаю, «творчо»; вона не піддається перевірці, оскільки в Україні не відбулася перлюстрація старих, радянських кадрів культури, науки, політики. «Творчо» треба ставитися і до при-

пущень Ю. Шевельова, що якби обставини склалися інакше (тобто якби він не емігрував за кордон), то не виключено, що на місці І. Білодіда (як заступника, а потім і директора Інституту мовознавства) міг би виявитися й він – Ю. Шевельов. Адже коли почалася війна і Л. Булаховський (як директор Інституту) запросив його (Шевельова) в Інститут на посаду наукового співробітника, то це щось та значило. «Він сказав, що це (Інститут мовознавства. – М. Н.) справжнє осине гніздо, але в воєнні часи ще одна зарплата і ще одне звання можуть бути мені в пригоді. Може, він сподівався й на те, що тоді певніше мене евакуюють. Це не здійснилося» [1, с. 235].

За мемуарними спогадами завжди дуже важко «вгадати» справжню історію описаних у них припущень, бо вони подаються лише в освітленні однієї особи. Інша річ, якби ті припущення підтвердив ще якийсь сучасник, чи й два… А от щодо того, чи був би Ю. Шевельов заступником у Л. Булаховського і чи потіснив би він на цій посаді І. Білодіда – можна навіть не сумніватися. Особливо, коли читаєш сторінки спогадів, де йдеться про кандидатську дисертацію, яку Ю. Шевельов виконав і захистив під керівництвом Л. Булаховського. Йшлося в дисертації про мову політичної лірики П. Тичини, а по суті – про мову відомої поетичної збірки його «Партія веде». Збірка та мала 50 сторінок віршованого тексту, а Ю. Шевельов написав про них дисертаційної прози обсягом 500 сторінок. Як відбувався захист тієї дисертації, Ю. Шевельов оповів дуже докладно: «Оборона дисертації зібрала повну залю… Після звичайних моїх впровідних слів про завдання, що я собі ставив, голос мав мій перший офіційний опонент, Ленід Арсенійович. Але там не було ніякого опонування, самі похвали й дифірамби… Другий офіційний опонент… не зробив мені жодного закиду… його виступ був суцільним панегіриком. Я почувався незручно. Я мав розбивати думки своїх опонентів, а мені не було чого робити… На щастя, слова попросили з публіки. Хтось, мені зовсім невідомий… напав на мене, і напав досить гостро… Його головна теза була та, що не можна до високо актуальної політичної і партійної лірики Тичини прикладати формальні критерії, хоч би вони й стверджували доброякісність тієї поезії… Була ще одна особа, не присутня на обороні моєї дисертації, що, імовірно, була проти неї. Сам Тичина. Дисертації він не читав, але Булаховський, бувши в якихось справах у Києві, захоплено оповідав Тичині про мою працю. Булаховський був украй здивований, коли Тичина не тільки не попросив змоги познайомитися з моєю дисертацією, а промуркотів щось про непотрібність такої праці над його творами» [1, с. 244–245]. Чому? Цього не міг збагнути Булаховський, а от він – Шевельов (за його словами) збагнув. Мабуть, Тичина злякався, що навіть через лінгвістику розкриється фальш його писань про партію, йому може загрожувати арешт і т. ін. Хто його знає… П. Тичина не раз (згадують сучасники) виявляв неабиякий страх перед можливим арештом, інколи навіть (за спогадами дружини Лідії Папарук) лягав спати не роздягаючись, аби бути готовим до арешту [2].

Непросте це питання, коли йдеться про страх і про масові арешти письменників та інших діячів радянської культури наприкінці 30-х років ХХ ст. Але що міг почувати Ю. Шевельов, коли вимахав 500 сторінок дисертації про 50 сторінок наскрізь фальшивої збірки П. Тичини «Партія веде»? Щось певне можна було б сказати, якби зберігся офіційний (переплетений для захисту) текст дисертації. Ю. Шевельов пише, що його немає, загинув у вогні війни, а з собою в еміграцію свого примірника він не взяв. Дещо прояснилося б, якби прочитати окремі розділи дисертації, що публікувалися в Наукових записках Харківського університету на рубежі 30–40-х років ХХ ст. Я свідомо не збираюся їх читати, щоб не переконуватися в ідеологічному конформізмі, пристосуванні видатного лінгвіста до партійно-радянської дійсності. А все це там, напевне, було. І якби Ю. Шевельов не емігрував за кордон, а продовжив по війні розвивати ідеї мовної специфіки Тичининої збірки «Партія веде», то, безперечно ж, (пізно чи рано) потіснив би І. Білодіда на посаді заступника директора Інституту мовознавства Л. Булаховського і робив би це з науковим блиском, бо, ніде правди діти, був значно талановитішим, ніж І. Білодід. Це видно було навіть під час захисту кандидатської дисертації, після якої Л. Булаховський нібито радив Ю. Шевельову одразу братися за написання докторської.

Лейтмотивом мемуарів Ю. Шевельова можна вважати послідовне його твердження про особливість наукового обдаровання Л. Булаховського і його безкомпромісність. Деякі міркування з цього приводу автора мемуарів самі напрошуються до цитування. «Він знав

багато, в своїх викладах він не йшов на компроміси з сумлінням. У ті роки тип славіста-компаративіста ставав чимдалі рідкіснішим. Булаховський був ним з його широким знанням усіх слов'янських і литовської мов, не кажучи вже про класичні» [1, с. 121]. Дуже професійно Ю. Шевельов описав портрет свого вчителя: «Булаховський моїх студентських років дивиться на мене з фотографії, вміщеної в 4-му томі його п'ятитомника. Високе чоло розумової праці, злегка закучерявлене волосся, поділене бічним проділом, проникливі за круглими шкельцями окулярів очі аналітика… До цього треба додати білу накрохмалену сорочку й краватку-метелик, що на ті часи були або анахронізмом, або викликом, а може, тим і тим. Що не треба розуміти в сенсі політичному. Леонід Арсенійович не був політиком. …Я ніколи не чув від нього нічого антирежимного» [1, с. 122]. Це, можливо, й відповідало дійсності, але деякі інші судження Шевельова про Булаховського сприймаються чомусь не на повну віру. Наприклад, про те, що Леонід Арсенійович не любив церковно-слов'янської мови, чи, скажімо, про те, що він нібито лиш **толерантно** ставився до української мови. Ці речі, очевидно, були тоншими й точнішими.

Говорячи про своє навчання в Л. Булаховського, Ю. Шевельов часом дуже м'яко висловлювався щодо деяких своїх наслідувальних праць, написаних «за зразком» свого вчителя. Він каже, що свою розвідку «Традиції і новаторство в лексиці і стилістиці Котляревського» розпочав у дусі двотомової праці Л. Булаховського «Русский литературный язык первой половины XIX века». Мабуть, треба було додати, що не тільки розпочав, а й закінчив «за схемою» Л. Булаховського. Але щоб відрізнятися від нього, перейшов на портретні розділи: мова Котляревського, мова Гулака-Артемовського, мова Квітки-Основ'яненка, мова Шевченка і т. д. [1, с. 270]. Робота ця виявилася «не друкабельною»; бракувало їй, як у дослідженні Л. Булаховського, лінгвістичної концепції; мовні факти зафіксовані, а концепції немає.

Друга недрукована робота Ю. Шевельова, що виконана теж за порадою Л. Булаховського, присвячувалася перекладам творів О. Пушкіна українською мовою. Він пише, що не опублікував її тоді (наприкінці 30-х років) через те, що в ній фігурували «одіозні» на той час постаті перекладачів – Б. Грінченка, Олени Пчілки, І. Стешенка, М. Вороного та ін. Їх тоді кваліфікували як буржуазних націоналістів. Л. Булаховський теж не радив публікувати це дослідження, але з інших причин. Мовляв, у ньому проглядається периферійна роль Пушкіна в українській поезії. А для «солнца русской поэзии» бути на периферії – не випадає, та ще й у 1937 р., який був ювілейним щодо Пушкіна і найбільш репресивним у Радянському Союзі щодо діячів науки й культури: «Даючи рукопис Булаховському, я ще раз сказав, що краще її не друкувати… Десь за місяць Булаховський повернув мені рукопис, сказавши тільки:

– Ви мали рацію. Краще цього не друкувати.

Я відчув полегшу. Я відчуваю задоволення й сьогодні, перечитавши майже цілком зацілілий машинопис статті» [1, с. 275–276].

На останок – про зв'язки Ю. Шевельова з КаДеБе. Покликавши туди, його нібито запитали: чи Булаховський і Білецький українські націоналісти? Ю. Шевельов нібито сказав, що ні, але причину висловив сумнівну. Я не хочу її цитувати, бо в ній проглядається брак етичності автора, а крім того – названо аргументи, якими радянська охранка оперувала не в кінці 30-х років, а значно пізніше. Тут, мабуть, виявилася деяка необізнаність Ю. Шевельова з методами радянського стеження за людьми, а крім того – неповна щирість. Питання щирості в мемуарах загалом дуже хистке, особливо ж коли йдеться про живу людину, яка перебуває в специфічних умовах. У Ю. Шевельова більшість життя була специфічною, діаспорною, а перед самим падінням Харкова, в перші місяці війни, він пережив теж специфічні миті життя. Йому довелося погодитися на секретне співробітництво з органами КаДеБе, він кілька разів таємно зустрічався з кадебешником Галицьким [1, с. 286–291], давав йому якісь дрібні, нібито, свідчення, а чи були вони справді дрібними – перевірити немає змоги. Перлюстрація тут змогла б дещо прояснити, але до цього в Україні ще дуже далеко. Зрештою – не це головне в мемуарах Ю. Шевельова. Вони (особливо ж у розділах, присвячених Л. Булаховському) дуже корисні для розуміння багатьох лінгвістичних питань, пов'язаних з українською мовою. У певному розумінні вони подібні до щоденникових записів С. Єфремова 20-х років XX ст. Без них розуміння тогочасного літературного життя в Украї-

ні буде дуже неповним. Так само й без мемуарів Ю. Шевельова історія українського мовознавства страждатиме на неповноту. Тому раджу, особливо молодшому поколінню філологів, обов'язково прочитати їх і прочитати дуже уважно.

Список використаної літератури

1. Шевельов Ю. (Юрій Шерех). Я – мене – мені… (і довкруги) / Ю. Шевельов (Юрій Шерех). – Харків; Нью-Йорк: Вид-во Н.П. Коць, 2001. – Т. 1. – 440 с. Подальші посилання на це видання (номер тому і сторінки) – в дужках у тексті.

2. Сверстюк Є. Доля поета / Є. Сверстюк // Літературна Україна. – 2007. – 22 лютого.

Статья посвящена взаимоотношениям Л. Булаховского и Ю. Шевелёва (Шереха), описанным Ю. Шевелёвым в его мемуарной работе «Я – МЕНЯ – МНЕ… (и вокруг)». Автор сосредоточил внимание не столько на лингвистических проблемах научной деятельности этих учёных, сколько на их человеческих качествах, интерпретированных Ю. Шевелёвым.

Ключевые слова: лингвистика, украинский язык, переводы, мемуары, субъективность суждений, идеологический конформизм, человеческая искренность.

The article is dedicated to the relationship of L. Bulakhovsky and Yu. Shevelyov (Sherekh) described by Yu. Shevelyov in his memoir work «I – ME – TO ME … (and around)». The author focused his attention not so much on linguistic problems of scientific work of these scientists as on their human qualities interpreted by Yu. Shevelyov.

Key words: linguistics, the Ukrainian language, translations, memoirs, subjectivity of judgment, ideological conformism, human sincerity.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

УДК 82.0

Э.Г. ШЕСТАКОВА,
доктор филологических наук

ПРОБЛЕМА ХАОСА В СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ: ОБЩИЙ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В статье дается общий обзор литературы, посвященной проблеме хаоса в современных гуманитарных науках. Доказывается, что предварительным выводом может служить следующая идея: хаос изначально провокационен по своей сущности и актуализируется относительно идей граничности, неопределенности, непредсказуемости и проблемы идентификации мира и Я.

Ключевые слова: хаос, граничность, норма, бинарность, тернарность.

Хаос принадлежит к основополагающим понятиям культуры, которая пытается осознать себя. Как отмечает В. Топоров, «концепция хаоса является порождением относительно поздней эпохи, предполагающей уже определенный уровень спекулятивной мысли об истоках и причинах сущего. Наиболее архаические культуры практически не знают понятия хаоса, и, наоборот, идея хаоса особенно полно, широко и успешно разрабатывалась в древнегреческой традиции на стыке мифопоэтического и ранненаучного периодов» [1, т. 2, с. 581]. Это замечание В. Топорова принципиально важно учитывать при определении сущности и статуса хаоса, а также специфики его дальнейшего осмысления культурой, особенно новейшего времени, когда хаос превращается в одно из активных, значимых, даже, можно сказать, как не парадоксально это прозвучит, культуростабилизирующих явлений. Именно хаос, как нам представляется, выступит в роли своеобразного пути и средства возращения к проблемам онтологии культуры, гносеологии социума, эпистемологии собственно человеческого бытия, евгеники, когда до предела актуализируется вопрос видового, общественного самоопределения и культуры, и человека в качественно новых условиях жизни.

Хаос при всей своей, казалось бы, первобытности и не-созданности, не так уж аморфен и гомогенен по своей природе, как это принято представлять. Хотя осмысляющее его сознание всегда будет, явно или имплицитно, но учитывать эту изначальную, субстанциальную неоднозначность хаоса. Культурная рефлексия, включающая философскую, художественно-поэтическую, научную и даже повседневную позиции, постоянно будет двойственной. Эту двойственность схематично можно представить как взаимодополнение центробежной и центростремительной позиций, которое, пожалуй, наиболее точно и чутко уловил Ф. Тютчев: *О, страшных песен сих не пой / Про древний хаос, про родимый!* Хаос одновременно ощущается и осознается как нечто принципиально значимое для смыслопорождения и смыслосуществования, но и угрожающее же им разрушением, небытием. Хаос является той отправной точкой, которая во многом позволяет, если и не увидеть, то ощутить исток живой, становящейся жизни, но еще принципиально не знающей запретов, ограничений и предписаний, накладываемых на нее культурой. Причем культурой, осмысляемой и принимаемой как *сотворенная человеком часть окружающей среды*

© Э.Г. Шестакова, 2012

(М. Херскович) и *как целостность человеческого развития, выводящего его за природные границы* (И. Херман).

Идея хаоса, соотносясь с такими ведущими идеями и понятиями, как центр, норма, традиция, ритуал, а также слово, смысл, время и пространство, особо активизируется в кризисные, переходные периоды, когда происходит проблематизация смыслопорождающих интенций. Начиная с XVII в., т. е. с эпохи Нового времени, актуализировавшей и легитимировавшей в культурном европейском сознании расхождение двух логик, задаваемых Книгой Природы и Книгой Библии (Г. Галилей), хаос постепенно становится одним из ведущих культурных героев. При этом все более усугубляющаяся секуляризация сознания и взаимосвязанные с нею кардинальные изменения в структуре и образе новоевропейского мира и личности ни в коем случае не отводят хаосу исключительно мифопоэтической и/или же обиходно уничижительной роли, когда он понимается как отсутствие порядка, путаница, лишенная какой-либо последовательности.

Так сложилось, что в новоевропейской культуре хаос изначально удерживает самостоятельную позицию, которая уже к середине XX в. приобретает статус самоценной и самозначащей. И если в начале Нового времени это обусловлено реализацией хаоса преимущественно в пространстве философии, берущей свои истоки в античной традиции, то на рубеже Нового и новейшего времени хаос уверенно занимает место и в пространстве науки. Естественно, что понимание хаоса философией и точными науками не тождественны и зависят от их базисных принципов, основ, однако нельзя и не учитывать общего момента, сближающего философию начала XIX в. и физику конца XX в. Так, для романтизма важно: «…Для многосторонности необходима не только система с широким охватом, необходимо еще **чутье к хаосу**, что остался за ее пределами, как для всего человеческого необходимо **чутье ко всему, оставшемуся по ту сторону человеческого** (выделено нами. – *Э.Ш.*)» (Ф. Шлегель) [цит. по: 2, с. 39]. Для естественных наук XX в. бесспорно, что «в философском плане <…> это [экспериментирование со сложными системами] был действенный путь примирения свободы воли с детерминизмом. <…> Однако я чувствовал, что вопрос о стихийной самоорганизации должен относиться именно к сфере физики. <…> Порядок существовал – такой порядок, в котором постепенно вклинивалась доля случайности, еще шаг – и появлялся **хаос, скрывавший в себе свой особый порядок** (выделено нами. – *Э.Ш.*)» (Д. Фармер) [3, с. 318–319].

Для конца XX в. хаос выступает тем семантическим пространством, в котором сходятся и сложным, порой трагическим, а порой и фарсовым образом взаимодействуют философия, естественные, гуманитарные науки и повседневность как особая сфера существования культурного сознания, и, главное, культурного бессознательного. В частности на проблему активного совмещения разнородных подходов к хаосу указывают физики А. Сокал и Ж. Брикмон в книге с симптоматическим названием: «Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна» [4]. Примечательно, что одна из глав носит стилистически показательное и емкое название, которое одновременно апеллирует к нескольким фонам и фондам (философско-эстетическим, философско-социальным, собственно научным и дискурсивно-социальным) знаний, традициям осмысления хаоса: «Интермеццо: теория хаоса и “Наука постмодерна”» [4, с. 114–129]. Давая на протяжении всей работы самый пристальный, скрупулезный, порой и нарочито пародийный, уничижительный анализ философских текстов ведущих французских мыслителей второй половины XX в., таких как Ж. Лакан, Ю. Кристева, Л. Иригарей, Б. Лятур, Ж. Бодрийяр, Ж. Делёз, Ф. Гваттари, П. Вирилио, физики-интеллектуалы отмечают: «Наша цель вовсе не посмеяться над писателями, которые совершенно запутались, рассуждая об Эйнштейне или Геделе, а защитить общие (или те, которые должны быть общими) для точных и гуманитарных наук принципы рациональности и интеллектуальной честности» [4, с. 21]. При этом значимым в книге действительно является не желание высокомерно критического анализа ошибок, неточностей, глупостей и ляпсусов, допущенных гуманитариями в цитировании и осмыслении значительных открытий в области физики, а стремление установить культурную природу этого тотального для второй половины XX – начала XXI в. явления, прояснить основу схождения и пересечения, казалось бы, несовместимых позиций. И с этой точки зрения, хаос оказывается наиболее перспективным понятием, которое одновременно воплощает в себе древние

архетипические представления и является репрезентацией новых теорий, неожиданных открытий. Далеко неслучайно, что, подводя один из итогов в заочном споре с гуманитариями, А. Сокал и Ж. Брикмон пишут: «Хаотичные системы характеризуются их ограниченной предсказуемостью, поскольку даже заметное уточнение исходных данных не влечет за собой соответствующего времени, на которое распространяются наши предсказания. <…> Теория хаоса открывает множество возможностей и обнаруживает массу новых объектов» [4, с. 118]. При этом А. Сокал и Ж. Брикмон, несмотря на яростные критические выпады против гуманитариев, все же отмечают, что их, гуманитариев, представление о «теории хаоса как о революционной составляющей» эпохи постмодерна неверно, т. к. «ньютоновское «линейное мышление» замечательно использует *нелинейные* уравнения… (курсив наш. – *Э.Ш.*)» [4, с. 121]. Главным же в нелинейных системах, нелинейном мышлении (и в этом и физики, и гуманитарии сходятся), «работающих» с теорией хаоса, является понятие «чувствительность к исходным условиям» [4, с. 123], что для математики и физики означает путь к нелинейным динамическим системам, а для «широкого смысла, который придается ему в социологии, политике, истории даже теологии – <…> оно часто оказывается синонимом беспорядка». Как бы то ни было, но хаос становится объектом пристального внимания фактически представителей всех без исключения отраслей и сфер культуры. Помимо физики и философии, интерес к хаосу как ведущему понятию проявляется и в экономике, и в филологии, и в социологии, и в средствах массовой коммуникации, и в художественно-эстетической сфере, и даже в способах организации повседневности.

Вследствие тотальной «хаотизации» культуры необходимо строго и четко разграничивать сферы бытования хаоса. При этом нужно понимать, что, во-первых, семантический, эпистемологический, когнитивный объем понятия «хаос» принципиально не может быть тождественным или же совпадать для различных установок, а также сфер и отраслей знания, даже гуманитарного. Так, есть художественно-поэтическое ощущение хаоса: *И море и буря качали наш челн; / Я, сонный, был предан всей прихоти волн. / Вкруг меня, как кимвалы, звучали скалы, / Окликалися ветры и пели валы. / Я в хаосе звуков лежал оглушен, / Но над хаосом звуков носился мой сон.* (Ф. Тютчев «Сон на море») [5, с. 50]. Есть определение хаоса, данное физиками, можно сказать, специалистами в области культуры, И. Пригожиным и И. Стенгерс: «…Хаос появляется при изучении макроскопических необратимых процессов. В этом контексте мы сталкиваемся с «негативными» аспектами хаоса… <…> Однако новый важный элемент состоит в том, что хаос имеет и «позитивные аспекты» [6, с. 7]. Существует экономическая теория хаоса Б. Мандельброта, выведенная, в частности, на анализе цен на хлопок, которая убедительно демонстрирует, что «каждое специфическое изменение цен было случайно и непредсказуемо. Но последовательность изменений была независима от масштаба: кривые дневных и месячных изменений цен согласуются между собой совершенным образом». И далее хаос «…на рынках – это движение цен при отсутствии определенного направления в противоположность трендовому развитию. В поведении трейдера – это выигрыши или потери. Это – сон и пробуждение, посев и сбор урожая» [7]. Все более активизируется понятие хаоса в средствах массовой коммуникации как информационного хаоса, создающего определенный образ и эффект реальности и даже реципиента, когда «любое решение, связанное с сетью, экраном, информацией и коммуникацией, является серийным, частичным, фрагментарным, нецелостным. <…> Структура всех наших жестов квантова: это лишь случайное соединение точечных решений» [8, с. 84, 85]. Это во-первых.

Во-вторых, при всей разности, а порой и взаимоисключаемости контекстов, установок, подходов в трактовках хаоса есть нечто общее, можно сказать, константное, обусловленное сущностью, что позволяет хаосу выступать в роли одного из конституирующих начал культуры и человеческого мышления. Проблема как раз и заключается в том, чтобы прояснить эту сущность хаоса. В противном случае произойдет семантическая опустошенность понятия, которая приведет, с одной стороны, к дальнейшему расхождению и непониманию друг с другом различных наук и искусства, а культура окажется профессионально локализованной, раздробленной, к тому же принципиально исключающей *диалог культур* (В. Библер), и существующей лишь для прагматически-утилитарных целей. С другой стороны, к господству одного, спекулятивно понимаемого, смысла хаоса – беспорядоч-

ность, лишенная всякого преставления о каких-либо связях. Естественно, что одним из ценностных способов преодоления подобного рода семантической опустошенности является со-противопоставление различных представлений, концепций, обоснований хаоса с установкой на прояснение точек схождения, пересечения и диалога различных сфер и областей современной культуры.

Как уже отмечалось, хаос на протяжении всего XX в. занимает ведущее положение одновременно в естественных и гуманитарных науках. Создается и стремительно развивается как самостоятельная дисциплина – хаология, так появляются и отдельные концепции хаоса в философии, социологии, экономике. Наиболее четко это сформулировано следующим образом: «Наука о Хаосе предлагает нам новую парадигму (карту мышления), более адекватную действительности и соответствующую тому, чтобы по-иному увидеть окружающий мир…» [7]. Осмысление хаоса, таким образом, осуществляется во многих направлениях. Если условно разбить их на группы, то можно выделить, философию, экономику, физику и все более обособляющуюся науку о мифах. При этом важно учитывать, что какое бы ни было направление исследования, оно непременно будет носить междисциплинарный характер с обязательным выходом в общекультурную проблематику, что обусловлено сложной, синкретической природой хаоса.

Анализ научной литературы, касающейся проблемы хаоса и репрезентирующей различные сферы знания – физика (И. Пригожин, И. Стенгерс, А. Сокал, Ж. Брикмон, Дж. Глейк, Р.Дж. Коэн, Э.Н. Хиберт, Дж. Хорган, Д. Фармер, Б. Мандельброт, С. Буфалов, М. Бухтяк, Б. Пойзнер, Г. Малинецкий, А. Дмитриев), социология и экономика (Л. фон Мизес, У. Митчелл, Ф. Хайек, Д. Глейк, В. Сухомлинова, А. Поздняков, Л. Нургалеева), философия (Ж. Делез, Ф. Гваттари, Ж. Бодрийяр, А.Ф. Лосев, Н. Автономова), наука о мифах (Э. Тайлор, В. Тэрнер, М. Элиаде, К. Леви-Стросс, А. Лосев, Е. Мелетинский, В. Топоров, В. Иванов, Р. Кинжалов, Б. Рифтин, В. Еремина, М. Маковский), – выявил, во-первых, основные аспекты, которые являлись актуальными для исследователей, а во-вторых, общие константные характеристики хаоса. Итак, ведущими аспектами понимания, анализа хаоса, имеющими для ученых не просто формальный, а концептуально значимый характер, выступают следующие.

Определение наиболее аутентичной хаосу сферы бытования, т. е. какая область научного, философского, религиозного знания и опыта является его истоком. Большинство исследователей указывают на физику нелинейных систем. Причем это касается без исключения всех отраслей знания: будь то экономика, математика или же теория информации и коммуникации. При этом миф/мифология, как естественно было бы предположить, не играют какой-либо ведущей роли. И здесь мы сталкиваемся с первым парадоксом осмысления хаоса культурой новейшего времени. Для современного культурного сознания хаос понимается как некая сложноорганизованная, саморазвивающаяся система, укорененная в природе, но природе, понимаемой, в свою очередь, как совокупность всех физико-механико-химико-биоло-психологических сил. Таким образом, актуализация относительно хаоса проблемы «натура / культура», которая «…является исходной и исторически, и логически в осознании культуры как специфической формы бытия» [9, с. 55], осуществляется по принципу возвращения к непонятой, не услышанной, не постигнутой, не превращаемой «в культуру» «натуре». С этой точки зрения, даже такие поздние образования культуры, как системы средств массовой информации и коммуникации, оказываются близкими к природе («натуре»), осуществляющимися в пространстве ее закономерностей, норм и, как следствие этого, преодолевающими свой вторичный, утилитарно-прагматический, виртуальный, квазиприродный характер, о котором говорят большинство исследователей (Ж. Бодрийяр, П. Бурдье, П. Вирилио). Вторым доминирующим истоком выступает архетипическая, общекультурная природа хаоса, которая объясняется вновь-таки не столько через отсылку к мифам, сколько через апелляцию к психо-физиологически-телесной организации человека. Это обусловлено, скорее всего, актуальностью для культуры новейшего времени психологии, психоаналитики (З. Фрейд, К. Юнг, А. Адлер, А. Клейн, Л. Выготский, А. Леонтьев, И. Кон) и, преимущественно, феноменологически понимаемой телесности (Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти, М. Фуко, Ж. Делёз).

Следующий немаловажный аспект – выяснение природы хаоса, т. е. что собой представляет хаос, в чем он укоренен, что является его порождающей и движущей силой. Здесь

наблюдается второй парадокс: при всей изначальности и первичности хаоса, что так или иначе, но отмечается практически всеми исследователями, все же наблюдаются настойчивые попытки определить то, что его (хаос) создает. В роли «создателя» хаоса может выступать онтологический принцип – самоорганизации всего живого, его стремления к упорядоченности, но с обязательным наличием и прохождением состояния (стадии) неупорядоченности. Одна из ведущих разновидностей этого принципа – принцип бинарности, который организовывает, структурирует, поддерживает нормативно-иерархическую природу жизнедеятельности. А основополагающей манифестацией этого принципа выступает оппозиция хаос – порядок. Причем порядок осмысляется в диапазоне от нейтрального, соотносимого с ценностно не контаминированной точкой отсчета, до явно воплощенного, канонически позитивного начала. Кроме того, в этой же роли «создателя» хаоса может выступать активность познающего, оценивающего, осмысляющего субъекта, явная и демонстративная антропологическая обусловленность хаоса, т. е. вновь наблюдается имплицитная отсылка к физике, а именно общей теории относительности А. Эйнштейна, теории дополнительности Н. Бора, теореме Г. Геделя и принципу неопределенности Г. Гейзенберга. В частности Л. Нургалеева, анализируя динамику проблемы информационного хаоса, отмечает, что она относится к разряду эмоциональной экзистенции, обусловленной внутренней организацией, структурированностью, а также аксиологической, эпистемологической позицией Я [10]. Таким образом, понимание хаоса попадает в рациоцентричную ловушку, актуализируемую относительно бинарных нормативных систем. Он оказывается не генетически, субстанциально, эпистемологически, а аксиологически и когнитивно взаимосвязан с рационально определяемым порядком и субъектом. Введение и закрепление хаоса в паре хаос – порядок и/или же ограничение эмоциональной экзистенцией приводит, естественно, к автономизации хаоса, но, и как неизбежное следствие, к его привязанности к господствующим ценностно-нормативным системам. Однако в таком случае невозможно говорить о новой парадигме, идущей от хаоса, на чем упорно настаивает большинство исследователей.

Основные характеристики хаоса, проявляющие его сущность, также занимают одно из ведущих положений при исследовании хаоса. Говоря об основных характеристиках хаоса, необходимо помнить и обязательно учитывать поправку на сферу его бытования, разницу понимания, казалось бы, однозначных, семантически прозрачных понятий. Итак, можно выделить следующие, если и не константные, то общезначимые моменты в характеристике хаоса. Это – сложная самоорганизующаяся система с собственным поведением и режимом, направленная на децентрацию и постоянное становление. Интересно, что уже античная мысль одну из важнейших констант хаоса определит как принцип непрерывного становления (А. Лосев [1; 11; 12]). Хаос всегда привносит асимметрию, рассинхронизацию, нестабильность, катастрофичность, непредсказуемость, проблему выбора (в самом широком ее понимании), желание и стремление порождать новый порядок и ценностно-нормативные системы. В основе хаоса изначально имплицитно существует концептуальная идея, затем реализующаяся в новом семантическом пространстве или, говоря языком Ж. Делёза, измерении. Однако эта идея и особенно процесс ее реализации представляют собой сложно организованный, полисемантический «клубок» смыслов или, как точно было определено в «хаотической» культуре, – ризому. Хаос поливероятностен и полилогичен по своей сущности. Вследствие чего хаос всегда одновременно развивает все возможные смыслы.

Это развитие предполагает не столько борьбу, антагонизм смыслов, логик, тенденций, сколько их со-существование, со-развитие и со-осуществление. Можно сказать, что эти процессы идут по логике случайности. При этом хаос всегда чувствителен к начальным граничным условиям, но не зависит от них. В связи с этим даже ничтожно малые причины могут иметь глобальные последствия, причем не просчитываемые заранее. Развитие хаоса, как правило, осуществляется по типу ризомы. Именно она выступает для новейшего времени наиболее адекватным, естественным репрезентантом такого одновременно древнего и постоянно актуального феномена, как хаос. При этом «уязвимым» местом, позволяющим поймать хаос «на месте преступления», т. е. увидеть, ощутить не столько его след или же полную стихию всего неставшего, непредсказуемого, а момент перехода к но-

вой системе, выступают явления, определяемые через понятия *самоорганизованная критичность*, *кромка хаоса*, находящиеся сейчас в активной научной разработке (Г. Малинецкий, А. Дмитриев). Как отмечает Г. Малинецкий в статье «Хаос. Тупики, парадоксы, надежды», кромка хаоса – это со-противопоставление динамики, присущей собственно хаосу, и привносимой извне случайности [13]. Но особенно важно то, что хаос принципиально не тождественен беспорядку: «Хаос в теории хаоса и есть порядок – и даже не просто порядок, а сущность порядка» (Иван Тугой [14]); хаос может выступать и разрушающим, и созидающим началом.

Не менее, чем предыдущие моменты, занимают исследователей и соотносимые с хаосом понятия, а также задаваемые этим проблемы и тенденции развития, как хаоса, так и ставших понятий. К таким понятиям, прежде всего, относятся понятия, репрезентирующие норму в самом широком ее понимании, что относится к парадоксальным явлениям. Это традиция, логика, становление, развитие, порядок. Фактически хаос никак не может преодолеть рациоцентризма, ловушки нормативно сознания, задающего логику бинарности. Однако понятия нормы, порядка, закономерностей уже не носят самодовлеющего этического, аксиологического характера. Их пытаются осмыслить онтологически, с точки зрения всеобщей формы бытия, только внешне различно преломляющейся в различных сферах и отраслях, как знания, так и повседневности. Второй блок соотносимых понятий составляют понятия, репрезентирующие нестабильность, нарушения/разрушения границ. Это болезнь, ошибка, искажение, случайность, игра, произвол, множественность, вариативность, нерегулярность, непредсказуемость, кризис. Эти два блока соотносимых с хаосом понятий образуют оппозицию, основанную на логике противопоставления, когда все понятия в человеческом сознании заложены парами и имплицитно подразумевают друг друга. Эту особенность человеческого сознания в ряде работ отмечал французский лингвист Э. Сепир. И только в редких работах, посвященных хаосу, намечается логика не бинарности, а триарности (триадности, тернарности): Ж. Делёз, Ф. Гваттари, Ж. Бодрийяр, Ю. Лотман. Именно тернарность является наиболее аутентичной хаосу субстанциальной основой, позволяющей ему преодолеть свою зависимость от разума и взаимосвязанных с ним аксиологических, когнитивных, эпистемологических представлений.

Антитетичные хаосу понятия также довольно-таки часто привлекают внимание исследователей. И здесь вновь наблюдается своеобразный парадокс, обусловленный как синкретичным характером хаоса, так и действенной рациоценричной ловушкой нормативного сознания. Так, первый блок антитетичных понятий представляют такие понятия, как жизнь, традиция, порядок, опыт, закономерность, мера упорядоченности, т. е. те, что являются значимыми и не отменяемыми и в пространстве (парадигме) хаоса. Общей основой, дающей возможность подобного, не эклектичного, а закономерно необходимого употребления данных понятий, является память, реализуемая через сложное отношение запоминание / забывание / забвение / припоминание. Второй блок представляют понятия, принципиально явно и непосредственно не корригирующие с хаосом. Это понятия, активизированные и вызванные к «публичной жизни» целым рядом культурных переворотов и сломов, которые, кстати, и хаос превратили во вновь крайне актуальное явление. К этим понятиям, прежде всего, относятся следующие: цивилизация, центр, идентификация, тождественность (самотождественность), последовательность, целесообразность, общезначимый, общепринятый, здравый смыслы. Можно сказать, что через антитетичное соотнесение с ними хаос вновь возвращается в пространство культуры, т. е. то семантическое пространство, которое, собственно, его и породило, как в античности, так, практически, во всех древних культурах.

Общим выводом могут служить следующие положения. Хаос изначально провокационен по своей сущности и актуализируется относительно идей граничности, неопределенности, непредсказуемости и проблемы идентификации мира и Я. При всей своей безóбразности и неопределенности, хаос не является чем-то принципиально неопределяемым, закрытым и изначально недоступным, завершенным для развития и понимания.

Список использованной литературы

1. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.

2. Берковский Н.Я. Романтизм в Германии / Н.Я. Берковский. – Л.: Худ. лит., 1973. – 450 с.

3. Джеймс Г. Хаос: создание новой науки / Г. Джеймс; пер. с англ. М. Нахмансона, Е. Барашковой. – СПб.: Амфора, 2001. – 398 с.

4. Сокал А. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна / А. Сокал, Ж. Брикмон; пер. с англ. А. Костиковой и Д. Кралечкина. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2002. – 248 с.

5. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников / Ф.И. Тютчев. – М.: Правда, 1988. – 480 с.

6. Пригожин И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени / И. Пригожин, И. Стенгерс; пер. с англ. Ю.А. Данилова. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 240 с.

7. Торговый хаос [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.nsu.ru

8. Бодрийяр Ж. Прозрачность Зла / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. Л. Любарской и Е. Марковской. – М.: Добросвет, 2000. – 258 с.

9. Каган М.С. Философия культуры / М.С. Каган. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. – 416 с.

10. Нургалеева Л.В. Информационный хаос сегодня и вчера [Электронный ресурс] / Л.В. Нургалеева. – Режим доступа: //www.ghcube.com //chaos.html

11. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии / А.Ф. Лосев; сост. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1993. – 959 с.

12. Лосев А.Ф. Словарь античной философии. Избранные статьи / А.Ф. Лосев. – М.: Мир Идей, 1995. – 232 с.

13. Малинецкий Г. Хаос. Тупики, парадоксы, надежды / Г. Малинецкий // Компьютерра. Тема номера – Хаос «На кромке хАоса и хаОса». – 1998. – № 47. – С. 25–26.

14. Тугой Иван. Теория хаосаведения. Введение в теорию хаоса [Электронный ресурс] / Иван Тугой. – Режим доступа: //www.ghcube.com/fractals/chaos.html

У статті наводиться загальний огляд літератури, яка присвячена проблемі хаосу в сучасних гуманітарних науках. Доводиться, що попереднім висновком може бути така ідея: хаос споконвічно є провокаційним за своєю сутністю та актуалізується стосовно ідей межі, невизначеності, непередбачуваності та проблеми ідентифікації світу і Я.

Ключові слова: хаос, межа, норма, бінарність, тернарність.

In article the general review of the literature devoted to a problem of chaos in the modern humanities is given. It is proved that as a preliminary conclusion the following idea can serve. The chaos initially provocation on the essence also is staticized concerning ideas boundaryty, uncertainty, unpredictability and a problem of identification of the world and I.

Key words: chaos, boundaryty, norm, binarity, ternarity.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

УДК 821.111 «17»

С.А. ВАТЧЕНКО,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры зарубежной литературы
Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ СУДЬБА «АМЕЛИИ» Г. ФИЛДИНГА

Рассматривается неоднозначность мнений литературных критиков и читателей о последнем романе Г. Филдинга «Амелия».

Ключевые слова: комическая эпопея в прозе, литература чувствительности, ричардсонианский роман, тема провидения, образ автора, проблема влияния и оригинальности художественных решений.

В декабре 1751 г. лондонцы наконец-то обрели возможность ознакомиться с содержанием романа Генри Филдинга «Амелия». Появление в печати очередной книги автора увлекательных комических историй о Джозефе Эндрюсе и Томе Джонсе ожидали с нетерпением. Еще осенью опытный издатель Эндрю Миллар озадачил ценителей таланта писателя, посетовав, что едва ли сумеет удовлетворить растущий спрос читателей, даже несмотря на то, что предпринял меры: привлек дополнительно типографские станки для реализации заказа. Слова книгопродавца возымели действие, и в первые дни книга раскупалась мгновенно[1]. Однако не столько напористость делового человека и не слепая самонадеянность знатока литературного рынка определили безошибочное поведение «предприимчивого шотландца», сколько тревога, подкрепленная мнениями коллег о том, что текст рукописи, с которой они ознакомились, – странный, необычный, и едва ли, будучи опубликованным, повторит успех «Тома Джонса».

Судьба «Амелии», «любимого детища» Филдинга, к этому времени ставшего влиятельным мировым судьей и знаменитым романистом, оказалась трудной и противоречивой. Уже 23 декабря, полагает М. Баттестин, Филдингу был ясен вердикт, вынесенный ему столичными интеллектуалами. Передавая с оказией своему близкому другу Джеймсу Харрису копию, как замечает Филдинг, «моей оболганной книги», он с горечью признается, что в его адрес было высказано обилие критики, которую в последнее время вряд ли удосужился услышать какой-либо другой сочинитель[2] [5, с. 532–533].

[1]Поначалу интерес к «Амелии» был велик, и ряды книг на прилавках стремительно редели, что заставило Миллара планировать второе издание в 3000 экземпляров, но вскоре он отказался от задуманного. Продажи упали, и лишь в 1759 г. последние напечатанные при жизни Филдинга тексты «Амелии» нашли своего читателя. Любопытно, что роман пользовался в то время бóльшим успехом на континенте. Уже в 1752 г. «Амелию» перевели на немецкий, а в 1756 – на датский языки, однако «французская» «Амелия» появилась в 1762 г., когда второе английское издание романа Филдинга увидело свет [5; 9; 17].

[2]28 декабря Джон Эптон также напишет Харрису и поделится своими впечатлениями о провале «Амелии». Он отметит, что Филдинг настроен философски, хотя «Амелия» не оправдала надежд как читателей, так и книготорговцев. В романе не находят характеров, подобных пастору Адамсу, Сквайру,

© *С.А. Ватченко, 2012*

Но вопреки сдержанному приему, оказанному «Амелии», звучали и благожелательные отзывы. Их оказалось немного, но они были проницательными и взвешенными. Не только Джон Клиланд в «Ежемесячном обозрении» (1752) восхищался оригинальностью темы романа, хвалил Филдинга за то, что писатель проявил внимание к героине в ситуации, когда его предшественники утрачивали к ней интерес после свершившегося замужества, оценивал «Амелию» как очевидную победу в жанре. С ним были солидарны ряд критиков. Но более всего Мэтью Мэйти удалось уловить подлинные достоинства книги, и в «Британском журнале» (1752) он выразил восхищение «автором, чье перо не только целомудренно, но и возвышенно, так как сочинитель не только срывает покровы с человеческой природы, но и облагораживает ее» [5, с. 536–537]. Мэйти превозносил правдивость описаний, отточенность диалогов, разнообразие характеров в романе. Он почувствовал, что Филдинг обличал «пороки соотечественников и созданные ими законы с тем, чтобы реформировать их». Мэйти утверждал, что «в тексте «Амелии» ощутимо присутствие не столько гражданина и судьи, сколько философа и подлинного христианина»[3] [цит. по: 5, с. 537].

М. Баттестин напомнит, что совершенно неожиданно слова одобрения были произнесены доктором Джонсоном. Известно, что прежде он не мог заставить себя прочитать «Джозефа Эндрюса» и весьма невысоко отзывался о добродетелях автора «Тома Джонса», но от последней книги Филдинга не мог оторваться. Несмотря на свое восхищение Ричардсоном, предпочел Амелию Филдинга Клариссе, так как она, по утверждению Джонсона, является наиболее привлекательной героиней всех когда-либо написанных романов[4] [5, с. 537].

Все же английский литературный мир прохладно встретил «Амелию» и не отдал должное глубине эксперимента романиста. Несомненно, Филдинг был уязвлен, и в выпусках издаваемого им в 1752 г. «Ковент-Гарденского журнала» он в лицах разыграл воображаемый процесс над Амелией, представшей перед судом цензоров, ведущих дознание, где ее обвинял адвокат, выступавший от лица города, опираясь на «Законодательный акт о глупости». Последующее разбирательство, где вместо Амелии в роли обвиняемых оказались ее недалекие и злобные критики, по мнению М. Баттестина, выявило просчеты романа, в которых его упрекали, в изложении самого автора. Прежде всего оппоненты не воспринимали как излишнюю серьезность поднятых писателем проблем подлинной религиозности и добродетели, так и героиню, которой, быть может, не хватало духовности. Не устраивали и персонажи романа, либо слишком неправдоподобные (доктор Гаррисон), либо избыточно поверхностные (полковник Бат), а также сцены в тюрьме ужасали падением нравов. Но более всего в расчет принимались язвительные реплики утонченных леди, порицавших книгу, при этом не удосужившись ее прочесть[5].

Твакому и Вестерну. Об «Амелии» говорят снисходительно, но не впадают в крайности. Миллар рассчитывал на большие доходы и поэтому был разочарован, Филдинг, вопреки, смеется, шутит, у него хороший аппетит, как и прежде. И так будет продолжаться до тех пор, пока мошенники не переведутся в Ковент Гардене, а Филдинг не перестанет подписывать судейские бумаги [5, с. 533].

[3]Даже испытывавшие к Филдингу симпатию литераторы опасались реакции читателей на присутствующие в тексте «Амелии» сцены из жизни социального дна, содержащие неприукрашенные характеры обитателей Ньюгейтской тюрьмы.

[4]Ричардсон, напротив, спустя два месяца после публикации «Амелии», уверял, что книга эта «уже давно мертва, как если бы была издана 40 лет назад и написана ради коммерческих целей» [цит. по: 5, с. 533].

[5]Как досадный промах восприняли критики драматический поворот в судьбе юной героини: во время дорожного происшествия она получила ушибы и раны, и одна из них была болезненной. Амелия не уберегла свой хорошенький носик, он был сломан к удовольствию завистниц. Филдинг провел Амелию через испытания, которые выпали на долю его жены-красавицы Шарлотты Крейдок, попавшей, к счастью, в руки искусного хирурга, вернувшего ей былую привлекательность. Лишь незаметный шрам, который делал ее еще более миловидной, остался на память о нелепом и трагическом событии. В романе Филдинг забыл упомянуть о само собой разумеющемся чудесном излечении Амелии, и это стало импульсом к появлению потока пародий, сатир, бурлескных текстов, где фигурировал образ «безносой Венеры». К рядам насмешников (а их было невероятно много) присоединился и Смоллетт, всегда ревниво следивший за успехами Филдинга [5, с. 534–535].

Завершит судебное разбирательство речь писателя, где, обратившись к цензору, Филдинг не только признается в том, как дорога ему «Амелия», но и утверждает, что, сочиняя ее, он следовал канонам избранных. И если внимательно присмотреться, то едва ли в ней можно найти так много отклонений от установленных предписаний. «Вряд ли Гомер либо Вергилий следовали правилам с большей тщательностью, чем я, – продолжает Филдинг, – сердечный образованный читатель прозорливо заметит, что последний стал для меня образцом для подражания» [5, с. 538]. И затем, рассчитывая на снисхождение судей, Филдинг признает, что едва он не подвержен ошибкам, и заявит, что хотел бы найти с судом компромисс, который всегда возможен, когда подвергают наказанию за допущенные глупости. «Поэтому, – продолжает он, – я торжественно заявляю, господин цензор, что более не потревожу мир ни одним из моих творений, вызванных к жизни той же музой» [5, с. 538].

Пройдет время, однако полемика вокруг наиболее неоднозначного романа Филдинга продолжается и сегодня [2; 6; 8; 9; 11; 12; 14]. И так же эмоционально, как и английские читатели XVIII в., современные критики ищут объяснение причин столь ощутимой перемены во вкусах художника. Они не перестают размышлять по поводу литературной неудачи Филдинга [13–16].

Сквозным мотивом непрекращающихся по сей день споров об «Амелии» оказывается вызывающая сожаление мысль о том, что яркий, праздничный мир «Тома Джонса» померк, и его заслонил обыденный, прозаический образ большого города, обитателям которого трудно преуспеть в «искусстве жизни». Разочаровывает и манера повествования автора, более не склонного к теплому, искрящемуся юмором и остроумием общению с читателем, как бы разыгрывающего перед ним театральный спектакль по поводу рождения нового жанра – комической эпопеи в прозе. Теперь его поведение сдержанно, едва ли холодность тона и язвительная проницательность изменяют рассказчику, когда он описывает слабости и простодушие добродетельных героев, как и вероломство и склонность к саморазрушению характеров, чьи «владельцы» не покидают пределы Ньюгейтской тюрьмы. Вопросы, которые задают себе литераторы прошлых веков и критики текущего десятилетия, удивительно перекликаются между собой, как и их ответы. Прежде всего, они задумываются над тем, с кем можно сравнить Филдинга – создателя «Амелии»? Похож ли он на раннего Филдинга, не увидевшего отличия между парадной страницей истории и теневой в «Джонатане Уайльде»? Равен ли он Филдингу – творцу шедевра – «Тома Джонса» или уступает ему? Насколько сохраняет новизну и оригинальность, ступив на территорию Ричардсона – рассказав о трудностях, выпавших на долю хрупкой Амелии[6], а быть может, Смоллетта, представ в роли объективного регистратора суетных пороков, погони за властью и успехом, разыгрывающейся в городских декорациях?

И здесь отдельным исследователям несколько изменяет чутье, они преувеличивают значение внешних влияний на Филдинга, не замечают свежести его концепций, независимости от навязываемых ему моделей. Р. Полсон в добротной биографии «Жизнь Генри Филдинга» подчеркнул, что в октябре 1748 г. Филдинг написал письмо Ричардсону, воздавая похвалу «Клариссе» [11, с. 285]. Само письмо и упоминание о «Клариссе» на страницах «Якобитского журнала» показывают, какое воздействие роман Ричардсона произвел на Филдинга во время чтения, что убедительно подтверждает, насколько знакомство с «Клариссой» его переменило и привело к созданию «Амелии». «Действительно, – утверждает Полсон, – это единственное объяснение радикального и неожиданного отказа Филдинга от собственной манеры, открытой им в «Томе Джонсе» [11, с. 285]. Ряд свойств, внешне сбли-

[6]М. Баттестин отмечает, что взгляды на «Амелию» ричардсонианцев пропитаны предубеждением, так как Филдинг без позволения посмел «охотиться в чужих угодьях» [5, с. 535]. Миссис Донелен писала автору «Клариссы»: «Бедняга Филдинг, я думаю, что замысел был хорош, но он не ведал, как его воплотить, и эта попытка стоила ему утраты его гения. Томас Эдвардс советовал Филдингу не утруждать себя в описании возвышенных либо нежных порывов души, которые он слишком упрощенно представлял. «Я полагаю, – наставлял он одного из своих знакомых, – что если Хогарт и Филдинг осознавали природу своих талантов, они должны были бы следовать голландской манере письма и довольствоваться тем, что заставляли людей смеяться из-за того, что истинно великие темы лежат за пределами их возможностей [5, с. 535].

жающих романы Ричардсона и Филдинга, казалось бы, прямо понуждает исследователей называть «Амелию» ричардсонианским романом.

Художественные открытия Ричардсона проецируют на поэтику «Амелии». Ричардсонианским находят и заголовок, для которого Филдинг избрал женское имя, сразу же обозначившее и тему женской судьбы в романе. С помощью эпистолярной формы Ричардсона оценивают и включение в последний текст филдинговского романа обилие вставных историй, рассказанных от первого лица. Разорванность сюжета в «Амелии», приемы ретардации и ретроспекции, где внимание читателя приковано к прошлому персонажей, которое не отпускает их и о чем они постоянно вспоминают, называют приемом, эквивалентным формам художественного психологизма, освоенного в романах в письмах, где обращение с течением времени было весьма свободным. Излишне зависимым от Ричардсона находят и решение образа повествователя в «Амелии», исполняющего здесь более скромную роль и поделившегося теперь остроумием и красноречием со своими персонажами [11, с. 286].

Драматизация структуры романа, которой увлекся Филдинг в своей пространной экспериментальной прозе, определила не только концепцию образа автора в «Амелии», но и воплощение центральной коллизии и участь Амелии Бут, поистине, следуя Р. Полсону, «новой Клариссы», чьи житейские трудности воспринимаются в контексте семейных отношений [11, с. 286]. Она удивительно целостна по натуре и своими поступками утверждает неотвратимость вознаграждения добродетели, концовки, которую Филдинг желал «Клариссе». Не отрицая достоинств Ричардсона, а именно глубины репрезентации темы разрушительного поведения мужчин в социуме, безжалостно обманывающих женщин, часто толкающих их к падению и гибели, все же видеть в «Амелии» Филдинга лишь содержательную перелицовку «Клариссы» едва ли убедительно.

Однако в оркестровке проблемы испорченности нравов и вседозволенности в попирании прав слабого Филдинг объединит в «Амелии» мелодраматическую тональность и резкие сатирические обертоны в духе своего кумира Ювенала. И в этом случае Филдингу также откажут в самостоятельности эстетической концепции и обратятся к фигуре Смоллетта, большого, достойного художника, шотландца по происхождению, весьма сложно и неоднозначно оценивающего литературные успехи Филдинга. И хотя суждения исследователей о воздействии Смоллетта на Филдинга весьма осторожны, тем более что создателя «Перегрина Пикля» и «Родрика Рэндома» часто упрекали в неумелом, а иногда неоправданном, совмещении стихии пикарески и литературы чувствительности в жанре романа, что спровоцировано известной двойственностью натуры его героев – циничных, расчетливых и чувствительных одновременно, Смоллетт все же получит в глазах отдельных критиков преимущество перед Филдингом[7]. И потому стилевая подвижность «Амелии», где мрачный колорит смягчает теплые, светлые краски, в которых выписан образ главной героини, хотя открыто не будет названа заимствованной, но в то же время не удивит многих своей оригинальностью.

Историко-литературная рецепция «Амелии» Филдинга не только драматична, но и обладает увлекательной интерпретативной интригой, и несходство мнений о статусе романа в художественном наследии писателя во многом провоцирует в последние десятилетия возрождение интереса к его тексту [1; 8; 10; 17]. И удивительно, но именно внимание литературных критиков к «Амелии», к ее поэтологической инаковости в ряду комических форм Филдинга приводит и к неожиданной переоценке достижений романиста. Полемизируя с критиками прошлых лет, воспринимавшими «Амелию» как «предательство Филдингом

[7]Обладая ранимым и подозрительным нравом, Т.Дж. Смоллетт, участник многих литературных войн, разыгрывающихся в среде лондонских писателей середины века, открыто обвинял Филдинга в том, что образы Партриджа из «Тома Джонса» и мисс Мэтьюз из «Амелии» были позаимствованы из его «Родрика Рэндома». Р. Полсон с осторожностью относится к утверждениям Смоллетта, полагает, что такие схождения в романистике могут быть случайными, хотя констатирует, что, действительно, судьбы мисс Мэтьюз и мисс Уильямс удивительно подобны, и отдает должное мастерскому владению палитрой сатирических и мелодраматических красок, которые Смоллетт обнаружил в «Родрике Рэндоме». И так как образный строй «Амелии», по мнению Полсона, едва ли был традиционен для Филдинга, он полагает, что, вероятно, эти художники взаимовлияли друг на друга, они знали творчество каждого, и эти параллели между ними могли иметь место [11, с. 288].

своего художественного гения», современные исследователи видят в ней «не только вызывающий восхищение поворот Филдинга к «социальному реализму» (Р. Розенгартен), но и неожиданную для его читателей тягу к эксперименту по созданию психологически неоднозначных характеров» [14, с. 7]. Филологи убеждены, что Филдинг остается верен своим прежним эстетическим открытиям, углубляет их. Так, литературовед-теолог Ричард Розенгартен рассматривает «Амелию» как продолжение темы Софьи Вестерн, которая порою заслоняет и «Джозефа Эндрюса», и «Тома Джонса». Обращение Филдинга к судьбе женщины в романе трактуется критиками нового этапа не столько как досадное отступление от сложившейся литературной практики, но как позитивное бурное рождение модерной эстетики писателя, обеспокоенного и сочувствующего тяготам жизни обездоленных и не реализовавших себя людей. Ричард Розенгартен иронично подметит, что обозначившиеся среди специалистов разночтения «Амелии» приводят к озадачивающему прецеденту. В пространстве критической мысли возникает как бы образ-символ колеса фортуны, которое, не замедляя бега, усилиями исследователей-традиционалистов возносит на вершину славы «Тома Джонса» и отбрасывает вниз «Амелию», либо наоборот, уже благодаря работам последних десятилетий о Филдинге «Амелию» превозносят и отвергают «Тома Джонса» [14, с. 6–7]. И эта парадоксальная ситуация делает их выбор необратимым.

Роберт Олтер, характеризуя поколение литературоведов, отдающих предпочтение «Тому Джонсу» и недооценивающих «Амелию» [14, с. 6–7], утверждает, что негативную роль в восприятии «Амелии» сыграла тема религии, так как избранник героини, Уильям Бут, «являет собою редкостную для Филдинга попытку изображения героя-христианина», но, по мнению исследователя, эта неудача во многом объяснялась сложностью для литераторов XVIII ст. убедительно представить «жизнь христианина в мире людей, утративших веру» [4, с. 146]. И поэтому явные назидательные цели автора не были восприняты читателями эпохи, когда для многих оказывалось очевидно, что христианская вера все более ослабляла влияние в быстро меняющемся мире.

Однако многие из обращавшихся к тексту «Амелии» не разделяют мнение Р. Олтера и полагают, что Филдинг двойственно интерпретирует проблемы религии в романе. Образ Амелии, так сочувственно переданный Филдингом, наоборот, настаивают они, привлекает внимание к суровой реальности, в которой она существует, и ее жизнь полностью опровергает поучительные сентенции доктора Гаррисона, пастора-благодетеля четы Бутов и сторонника идей христианского провидения в романе. Мир едва ли доброжелателен к Амелии, и ее непоколебимая вера не способна защитить ее от отчаяния.

В «Амелии» надежда на силы провидения разрушается под бременем социального зла, и стремление сохранять реалистическую установку в романе и совместить ее с провидением оказывается невозможным, так как одно исключает другое. И те из интерпретаторов, которые видят «Амелию» Филдинга именно в таком свете, движение писателя от оптимистического универсума «Тома Джонса» к передаче жесткости существования человека в водовороте урбанистического хаоса, оценивают как прозрение писателя и его этико-эстетическую зрелость, что склоняет их предпочтения в сторону «Амелии».

Список использованной литературы

1. Ингер А. Последний роман Генри Филдинга / А. Ингер // Филдинг Г. Амелия. – М.: Наука, 1996. – С. 445–485.

2. Роджерс П. Генри Филдинг. Биография / П. Роджерс. – М.: Радуга, 1984. – 207 с.

3. Филдинг Г. Амелия / Г. Филдинг. – М.: Наука, 1996. – 535 с.

4. Alter R. Fielding and the Nature of the Novel / R. Alter. – Cambridge: Harvard UP, 1968. – 238 p.

5. Battestin M. Henry Fielding. A Life / M. Battestin, R. Battestin. – L.; N.Y.: Routledge, 1989. – 738 p.

6. The Cambridge Companion to Henry Fielding / [ed. by C.Rawson]. – Cambridge: Cambridge UP, 2007. – 202 p.

7. Fielding H. Amelia [Электронный ресурс] / H. Fielding. – Режим доступа: www.gutenberg.com

8. Haggerty G.E. Fielding's Novel of Atonement: Confessional Form in Amelia / G.E. Haggerty // Eighteenth-Century Fiction. – 1996. – Vol. 8. – Issue 3. – P. 1–18.

9. Pagliaro H. Henry Fielding. A Literary Life / H. Pagliaro. – N.Y.: St. Martin's Press, 1998. – 237 p.

10. Parker A.J. The Author's Inheritance. Henry Fielding, Jane Austen, and the Establishment of the Novel / A.J. Parker. – DeKalb: Northern Illinois UP, 1998. – 238 p.

11. Paulson R. The Life of H.Fielding / R. Paulson. – Oxford: Blackwell Publishers, 2000. – 400 p.

12. Rawson C. Henry Fielding / C. Rawson // The Cambridge Companion to the Eighteenth Century Novel / [ed. by J. Richetti]. – Cambridge: Cambridge UP, 1996. – P. 120–152.

13. Richetti J. Fielding: System and Satire // Richetti J. The English Novel in History. 1700 – 1780 / J. Richetti. – L., N.Y.: Routledge, 1999. – P. 121–161.

14. Rosengarten R. Providence Displaced: The Recourse to the Final Judgment in «Amelia» // Rosengarten R. Henry Fielding and the Narration of Providence / R. Rosengarten. – N.Y.: Palgrave, 2000. – P. 91–115.

15. Sabor P. Richardson, H. Fielding, and Sarah Fielding / P. Sabor // The Cambridge Companion to English Literature. 1740–1830. / Ed. by Th. Keymer, J. Mee. – Cambridge: Cambridge UP, 2004. – P. 139–156.

16. Smallwood A. The Status of Fielding's Heroines: Tom Jones and Amelia // Smallwood A. Fielding and the Woman Question / A. Smallwood. – N.Y.: St. Martin's Press, 1989. – P. 144–171.

17. Varey S. «Amelia» // Varey S. Henry Fielding / S. Varey. – Cambridge: Cambridge UP, 1986. – P. 107–134.

Розглядається неоднозначність думок літературних критиків та читачів щодо останнього роману Г. Філдінга «Амелія».

Ключові слова: комічна епопея в прозі, література чутливості, річардсоніанський роман, тема провидіння, образ автора, проблема впливу та оригінальності художніх рішень.

The variety of literary critics' opinions on the last H. Fielding's novel «Amelia» is examined.

Key words: comic epic poem in prose, literature of sensibility, Richardsonian novel, the theme of Providence, the problem of influence and originality of artistic decisions.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

УДК 821.161.1

И. МЯНОВСКА,
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой исследований культуры России
в Университете имени Казимира Великого в Быдгоще (Польша)

ЛИТЕРАТУРА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В ПОЛЬШЕ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

В статье исследуется восприятие и состояние литературы русской эмиграции в Польше в начале XXI в. Литература эмигрантов плодотворно исследовалась в монографиях, статьях, учебных пособиях польских исследователей, а также в научных журналах и на международных конгрессах и конференциях. Помощь некоторым польским вузам предоставил Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына в Москве, снабжая их книгами и журналами с текстами русских эмигрантов.

Ключевые слова: исследование, русские эмигранты, литература русского зарубежья, эмигрантология, волны русского рассеяния, литературный процесс, русская зарубежная словесность, кафедра россиеведения, Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына.

В конце 80-х – начале 90-х годов прошлого столетия историко-литературный и культурный процесс в Польше получил новое освещение. В литературный обиход вошла русская культура «с того берега», называемая еще «возвращенной», «эмигрантской», «изгнаннической», «зарубежной» – такими и многими другими определениями она называлась [1, с. 13–55; с. 184–250; с. 8–66; с. 387–396]. Российская эмиграция XX в., шедшая тремя волнами, по справедливому мнению основателя термина «эмигрантология» Л. Суханека, имела своей целью сохранить память о дореволюционной России и национальное самосознание. Она позволила осознать миру интеллектуальный и художественный опыт революции, объяснить духовное состояние человеческой цивилизации, указать враждебные ей силы [2, с. 388].

В начале XXI в. для польского и российского литературоведения не подлежит сомнению факт, что о процессе единства русской литературы XX в. можно говорить, сопоставляя ее два рукава – литературу, создаваемую в советской метрополии и в зарубежье.

Освоение запрещенных в российской литературе имен началось в Польше уже в 70-е годы разработками о творчестве И. Бунина Галины Бжозы [3, с. 111–129; с. 160–163; с. 23–53; с. 63–81]. В 80-е годы И. Бунину, а затем Б. Зайцеву посвятили свои работы и другие исследователи [4, с. 25–42].

Однако коренные изменения в осваивании литературы русского зарубежья начались в Польше после 1989 г., а первый научный центр, осуществлявший долгосрочную программу, находился в Ягеллонском университете, в нем проводилась серьезная работа о банке данных, о печати эмиграции и русской культуре XX в. В 90-е годы в итоге разработок группы краковских научных сотрудников с ее руководителем Л. Суханеком вышли три сборника, содержащие аспектные статьи о русских эмигрантах, в основном первой и третьей волны рассеяния [5]. Выходили в 90-е годы и антологии с отрывками текстов эмигрантов, так как их книги издавались в недостаточном количестве и, конечно, не всегда в Польше [6].

© *И. Мяновска, 2012*

В конце минувшего века появились в Польше монографические исследования, статьи, энциклопедические справочники и указатели, учебники и учебные пособия, отражающие русскую литературу эмигрировавших после октябрьского переворота (в 20-е – 30-е годы, первая волна), далее после второй мировой войны (вторая волна) и в 70-е – 80-е годы (третья волна). Некоторые исследователи считают, что в конце 80-х – начале 90-х годов после ликвидации СССР возникла и четвертая волна русской эмиграции – экономическая, называемая «утечкой мозгов» [7, с. 43].

Исследователи проявили интерес к творчеству известных мастеров слова – И. Бродского (Э. Никадем-Малиновска, М. Грыгель), И. Бунина (А. Пашкевич, К. Цесьлик), Г. Владимова (К. Петшицка-Бохосевич), А. Зиновьева, Ю. Дружникова, А. Солженицына и Э. Лимонова (Л. Суханек), В. Максимова (К. Дуда), А. Ремизова (Г. Вашкелевич и А. Возьняк), А. Терца-Синявского (А. Возьняк) [8]. Невозможно даже перечислить всех монографий, посвященных российским эмигрантам, вышедших в конце XX – начале XXI в. Однако, несомненно, можно констатировать, что объектом анализа польских литературоведов стала, прежде всего, первая и третья волна эмиграции. Второй волне (прозе Л. Ржевского) посвящена до сих пор лишь одна статья [9, с. 51–58].

Еще в 1993 г. Л. Суханек наметил основные пути развития литературы русского зарубежья и важнейшие аспекты ее исследования [10, с. 262]. В 2000 г. в продолжении этой темы краковский ученый отмечает: «Вопрос русская эмиграция и поляки входит в более широкую тему – русская культура в Польше, которая, в свою очередь, является частью еще более обширной проблемы – Россия и Польша» [11, с. 264]. В контексте сказанного стоит отметить книгу «Польско-российские отношения. Стереотипы, реалии, надежды» («Stosunki polsko-rosyjskie. Stereotyry, realia, nadzieje»), вышедшую в торуньском издательстве Adam Marszałek в 2008 г. В ней историки, философы, социологи, дипломаты и, наконец, литературоведы пытаются показать отношения поляков и россиян в разных аспектах и с разной точки зрения: вчера – сегодня – завтра [12].

К началу XXI ст. в Польше определились научные центры и ученые, для которых русская культура и литература, создаваемые на чужбине, стали основным направлением исследований. Стоит начать этот короткий перечень с работ общего плана, позволивших расставить нужные акценты в оценках литературы русской диаспоры. Большим событием был выход книги профессора Бронислава Кодзиса (Опольский университет), посвященной первой волне русского рассеяния – литературным центрам, писателям, творческим объединениям, периодике и книгопечатанию [13, с. 272–274]. Это исследование внесло в эмигрантологию ценный фактографический материал.

В начале нашего столетия вышла также книга, посвященная третьей волне русского рассеяния, в которой проводится анализ типологической модели нефикциональной прозы, определяются пути ее развития в контексте литературных традиций [14]. В качестве анализируемого материала берутся произведения А. Амальрика, И. Бродского, В. Буковского, В. Войновича, и, конечно же, А. Солженицына и Абрама Терца (Андрея Синявского) и многих других российских диссидентов. Проза эта, как справедливо говорится в «Заключении» книги, «... благодаря своему неизуродованному цензурой реализму, сумела дезавуировать позитивистскую официальную литературу, назвав собственными именами обвалы в логоцентрической коммунистической системе... отвергла универсализм этой системы, ее однородность и схематизм, исходя из своих творческих поисков и новаторской эстетики» [15, с. 209].

Прозу третьей волны русского исхода анализирует также варшавский исследователь А. Володьзко-Буткевич [16]. Рассматривая современную русскую прозу в рамках единого литературного процесса XX в., Володьзко-Буткевич пытается определить в нем место «пасынков России» Ю. Алешковского, М. Гиршина, Ф. Горенштейна, С. Довлатова, З. Зиника, А. Львова, В. Максимова и Ю. Милославского [17]. В книге, вышедшей в 2004 г., варшавский исследователь проводит анализ прозы С. Довлатова, Ю. Дружникова и А. Солженицына [18]. Володьзко предлагает деление прозаиков последнего десятилетия XX в. на традиционалистов, постмодернистов, затем отдельно эмигрантов третьей волны исхода, авторов популярной прозы, «новых реалистов» и, наконец, писателей «поколения next», появление интер-сетевой литературы.

Появились статьи, научные разработки, посвященные прозе М. Алданова, Л. Андреева, М. Арцыбашева, И. Бунина, Г. Владимова, В. Войновича, Ф. Горенштейна, С. Довлатова, Ю. Дружникова, Б. Зайцева, Э. Лимонова, Д. Мережковского, В. Набокова, М. Шагала, И. Шмелева и многих других, рамки данного исследования не позволяют проанализировать их.

Надо отметить, что в нашем веке исследователи проявили интерес и к творчеству неизвестных в Польше писателей-эмигрантов, вводя их в литературный обиход в Польше. Имена Александра Минчина, Вячеслава Репина, Дины Рубиной и Эфраима Севелы уже осваиваются литературоведами [19, с. 111–119].

Стоит сказать, что литература русского зарубежья осмысливается и в новых польских учебниках, хотя пока их немного. После объемного учебного пособия под редакцией Анджея Дравича, вышедшего еще в 1997 г., в котором литература русской диаспоры нашла свое отражение, появились в начале века лишь три учебника – в Гданьске, Кракове и Быдгоще, в которых выборочно анализируется русская зарубежная словесность [20]. Хочется верить, что в будущем будет создан учебник по эмигрантологии совместными усилиями славистов из разных стран, учитывающий богатый опыт эмиграции и эмигрантологии.

Также и новые польские энциклопедические издания учитывают имена эмигрантов: от словаря под ред. Ф. Неуважного, лексикона немца В. Казака, переведенного на польский язык Б. Кодзисом, путеводителя Т. Климовича, быдгощского указателя прозы третьей волны до лексикона А. Дравича, Ф. Неуважного и В. Ольбрых. Но, к сожалению, названные работы относятся к половине или концу минувшего столетия, а в XXI в. новые указатели и справочники не появились [21].

Литература русского зарубежья осваивалась и на международных конгрессах славистов: Краков (1998), Любляна (2003), Охрид (2008), где результаты исследований соотносились с изучением этого явления в более широких рамках. В Ягеллонском университете прошли две международные конференции, посвященные литературе и культуре русской диаспоры (август 2002, май 2007), обе организованные кафедрой россиеведения [22]. В Опольском вузе в 2009 г. прошла международная конференция «Литература, язык и культура восточных славян в эмиграции» [23]. В других польских вузах на разных международных конференциях звучат доклады о российских художниках слова в эмиграции[1]. Не только польские центральные журналы («Slavia Orientalis» и «Przegląd Rusycystyczny»), а также вузовские («Acta Polono-Ruthenica», «Studia Rossica Posnaniensia», «Studia Rossica») и многие другие отражали многоаспектно литературу русского зарубежья.

Стоит отметить, что и мировая эмигрантология приложила большие усилия к тому, чтобы в Россию вернулись ценные книги, архивы, рукописи известных творцов зарубежной культуры. Примером является деятельность Дома Русского Зарубежья им. А. Солженицына, благодаря которому многие ценные книги появились также в нашей стране и в наших вузах.

Все началось с 1990 г., когда в Библиотеке иностранной литературы в Москве была организована выставка книг старейшего издательства зарубежной России «YMCA – PRESS». На ней появились запрещенные книги философов и богословов Н. Бердяева, о. Сергия Булгакова, С. Франка, белого генерала А. Деникина, диссидента писателя А. Солженицына [24]. Далее такая же выставка прошла в музее А.С. Пушкина в Петербурге. В переломный для России 1991 г. (распад СССР) было зарегистрировано предприятие «Русский путь», имковский филиал, осуществлявшее просветительскую и издательскую деятельность. Начали выходить книги, которые до сих пор издавались лишь на Западе, например «Русская литература в изгнании» Г. Струве или «Дни» Б. Зайцева [25].

В Польше большой интерес представляют книги издательства «Русский путь». Хочется отметить, что в 2002 г. в Ягеллонском университете усилиями кафедры россиеведения, возглавляемой тогда профессором Л. Суханеком, прошла выставка книг эмигрантов, подаренных издательствами «YMCA Press» и «Русский путь». Куратор выставки Л. Суханек справедливо сказал, что наследие этих издательств составляет сокровищницу русской культу-

[1]В октябре 2011 г. в Католическом Люблинском университете прошла международная конференция, посвященная культуре русской, украинской и белорусской эмиграции.

ры [26, с. 15]. Среди них большой интерес вызывает серия «Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999» в шести томах, составитель – В.Н. Чуваков. Трудно переоценить также книги Б. Носика, И. Одоевцевой, А. Ремизова, И. Савина, А. Солженицына, Н. Струве, прот. А. Шмемана, а также «Вестник русского христианского движения». Надо сказать, что, кроме Ягеллонского университета и названной кафедры (ныне института россиеведения), выставка книг издательства «Русский путь» состоялась в 2009 г. еще в двух исследовательских центрах культуры русской эмиграции – в Университете им. Казимира Великого в Быдгоще и Варминьско-Мазурском университете в Ольштыне. Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» (переименована в Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына) передала безвозмездно кафедре исследований русской культуры в Быдгоще свыше 300 книг, вышедших не только в издательстве «Русский путь».

Как вытекает из вышесказанного, в начале XXI в. литература русской диаспоры плодотворно исследовалась польскими литературоведами в их научных трудах, на конгрессах и конференциях, в энциклопедических указателях и учебных пособиях.

Интеллектуальным центром, представленным собирать и изучать богатство мысли Зарубежья, является ныне Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына со своими архивными фондами, рукописями, альбомами, редкими коллекциями, библиотекой с подлинными раритетами и книгами издательств «YMCA Press» и «Русский путь», помогающий осваивать литературу русской диаспоры также в Польше. Изучение и исследование литературы «дальних берегов» польскими учеными, начавшееся в конце 80-х годов ушедшего столетия, получило большие перспективы развития в начале XXI в. благодаря монографиям, статьям, разработкам, научным конференциям и, наконец, большему доступу к источникам – книгам эмигрантов.

Список использованной литературы

1. Suchanek L. Literatura rosyjska jest tam, gdzie znajdują się pisarze rosyjscy / L. Suchanek // Emigracja i tamizdat. Szkice o współczesnej prozie rosyjskiej / [pod red. L. Suchanka]. – Kraków, 1993. – C. 13–55; Михайлов О. В рассеяньи – целостная / О. Михайлов // Российский литературоведческий журнал. – М. – 1993. – № 1. – С. 184–250; Литература русской эмиграции // Литературное зарубежье России. Экнциклопедический справочник / под общ. ред. Е. Челышева и А. Дегтярева, гл. ред. Ю. Мухачев. – М., 2006. – С. 8–66; Rosjoznawstwo. Wprowadzenie do studiów nad Rosją. Podręcznik akademicki / pod red. L. Suchanka. – Kraków, 2004. – C. 387–396.

2. Suchanek L. Emigracja rosyjska / L. Suchanek // Rosjoznawstwo. Wprowadzenie do studiów nad Rosją. Podręcznik akademicki / pod red. L. Suchanka. – Kraków, 2004. – C. 388.

3. Г. Бжозы / Бжоза Г. // Studia Rossica Posnaniensia. – 1970. – № 1. – С. 111–129; Г. Бжоза // Literatura na świecie. – 1971. – № 6. – С. 160–163; Г. Бжоза // Litteraria. – 1975. – Т. VII. – С. 23–53; Г. Бжоза // Litteraria. – 1979. – Т. XI. – С. 63–81.

4. Majmieskułow A. Chronotop drogi w prozie Iwana Bunina / A. Majmieskułow. – Bydgoszcz, 1982; Paszkiewicz A. Fabuły opowiadań I. Bunina lat dziesiątych / A. Paszkiewicz // Rusycystyczne Studia Literaturoznawcze. – Katowice. – 1982. – T. 6; Maciejewski Z. Sugestie autobiografizmu w rosyjskiej prozie neorealistycznej («Žyzn' Arsieniewa» I. Bunina i «Putieszestwije Gleba» B. Zajcewa) / Z. Maciejewski // Annales Universitatis Mariae -Skłodowska. – Lublin; Polonia. – 1985. – Sectio FF. – Vol. III. – № 2. – C. 25–42.

5. Emigracja i tamizdat. Szkice o współczesnej prozie rosyjskiej / [pod red. L. Suchanka]. – Kraków, 1993; Dać świadectwo prawdzie. Portrety współczesnych pisarzy rosyjskich / pod red. L. Suchanka. – Kraków, 1996; Realiści i postmoderniści. Sylwetki współczesnych rosyjskich pisarzy emigracyjnych / pod red. L. Suchanka. – Kraków, 1997.

6. Antologia wolnej literatury rosyjskiej / pod red. A. Drawicza. – Warszawa, 1992; Mianowska J. Antologia rosyjskiej prozy emigracyjnej (pierwsza i trzecia fala emigracji) / J. Mianowska. – Bydgoszcz, 1997.

7. Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты / отв. ред. Е. Земская. – М.; Вена, 2001. – С. 43.

8. Waszkielewicz H. Modernistyczny starowierca. Główne motywy Aleksego Remizowa / H. Waszkielewicz. – Kraków, 1994; Woźniak A. Tradycja ruska według Aleksego Remizowa /

A. Woźniak. – Lublin, 1996; Paszkiewicz A. Opowieści Iwana Bunina z lat 1913-1916. Wybrane zagadnienia poetyki / A. Paszkiewicz. – Wrocław, 1980; Cieślik K. Iwan Bunin. Zarys twórczości / K. Cieślik. – Szczecin, 1998; Suchanek L. A. Sołżenicyn. Pisarz i publicysta / L. Suchanek. – Kraków, 1994; Nikadem-Malinowska E. Poezja i myśl. Twórczość Josifa Brodskiego jako fakt europejskiego dziedzictwa kulturowego / E. Nikadem-Malinowska. – Olsztyn, 2004; Grygiel M. Poetycki świat wartości Josifa Brodskiego / M. Grygiel. – Lublin, 2005; Pietrzycka-Bohosiewicz K. W poszukiwaniu autentyzmu. Twórczość prozatorska Georgia Władimowa / K. Pietrzycka-Bohosiewicz. – Kraków, 2001; Woźniak A. Ułuda czy cud. W świecie sztuki Abrama Terca-Siniawskiego / A. Woźniak. – Lublin, 2004; Suchanek L. Homo sovieticus. Świetlana przyszłość. Gnijący zachód. Pisarstwo Aleksandra Zinovieva / L. Suchanek. – Kraków, 1999; Suchanek L. Parias i Heros. Twórczość Edwarda Limonowa / L. Suchanek. – Kraków, 2001; Suchanek L. Anioły, biesy, prawda. Pisarstwo Jurija Drużnikowa / L. Suchanek. – Kraków, 2007.

9. Mianowska J. Литературные реминисценции в романе Леонида Ржевского «Между двух звезд» / J. Mianowska // Acta Polono-Ruthenica. – Olsztyn. – 2005. – T. X / red. W. Piłat. – C. 51–58.

10. Suchanek L. Rosyjska literatura emigracyjna. Próba spojrzenia całościowego / L. Suchanek // Slavia Orientalis. – 1993. – № 2. – C. 262.

11. Suchanek L. Русская эмиграция третьей волны и поляки / L. Suchanek // Slavia Orientalis. – 2000. – № 3. – C. 264.

12. Stosunki polsko-rosyjskie. Stereotypy, realia, nadzieje / [pod red. J. Marszałek-Kawy, Z. Karpusa]. – Toruń, 2008.

13. Кодзис Б. Литературные центры русского зарубежья 1918–1939. Писатели. Творческие объединения. Периодика. Книгопечатание / Б. Кодзис. – Мюнхен, 2002. Рец. J. Mianowska // Annales Neophilologiarum. – Szczecin. – 2005. – № 1 / red. naukowy I. Kowalska-Paszt. – C. 272–274.

14. Kowalska-Paszt I. Proza niefikcjonalna trzeciej fali emigracji rosyjskiej. Model typologiczny / I. Kowalska-Paszt. – Szczecin, 2001.

15. Kowalska-Paszt I. Proza niefikcjonalna trzeciej fali emigracji rosyjskiej. Model typologiczny / I. Kowalska-Paszt. – Szczecin, 2001. – C. 209.

16. Wołodźko A. Pasierbowie Rosji. O prozaikach trzeciej emigracji / A. Wołodźko. – Warszawa, 1995; Wołodźko-Butkiewicz A. Od pieriestrojki do laboratoriów netliteratury. Przemiany we współczesnej prozie rosyjskiej / A. Wołodźko-Butkiewicz. – Warszawa, 2004.

17. Wołodźko A. Pasierbowie Rosji. O prozaikach trzeciej emigracji / A. Wołodźko. – Warszawa, 1995.

18. Wołodźko-Butkiewicz A. Od pieriestrojki do laboratoriów netliteratury. Przemiany we współczesnej prozie rosyjskiej / A. Wołodźko-Butkiewicz. – Warszawa, 2004.

19. Mianowska J. Nieznane stronice literatury trzeciej fali emigracji rosyjskiej. Aleksander Minczin: proza życia / J. Mianowska. – Bydgoszcz, 2001; Jankowski A. Proza Efraima Seweły. Z historii literatury rosyjskiej trzeciej fali / A. Jankowski. – Kielce, 2004; Mianowska J. В кругу неизвестных имен третьей волны русской эмиграции: литературные реминисценции в романе Вячеслава Репина «Звездная болезнь или Зрелые годы мизантропа» / J. Mianowska // Kultura rosyjska w ojczyźnie i diasporze / pod red. Lidii Luburskiej. – Kraków, 2007. – C. 111–119; Mianowska J. Дина Рубина вчера и сегодня / J. Mianowska. – Toruń, 2003.

20. Historia literatury rosyjskiej XX wieku / Praca zbiorowa pod red. A. Drawicza. – Warszawa, 1997; Sałajczykowa J. Prozaicy pierwszej fali emigracji rosyjskiej 1920–1940 / J. Sałajczykowa. – Gdańsk, 2003; Rosjoznawstwo. Wprowadzenie do studiów nad Rosją. Podręcznik akademicki / pod red. L. Suchanka. – Kraków, 2004; Mianowska J. Литература русской эмиграции и возвращенная в образцах и с комментариями / J. Mianowska. – Быдгощ, 2007.

21. Słownik pisarzy rosyjskich / red. F. Nieuważny. – Warszawa, 1994; Kasack W. Leksykon literatury rosyjskiej XX wieku od początku stulecia do r. 1996 / przekład, opracowanie, bibliografia polska i indeks osób B. Kodzis / W. Kasack. – Wrocław, 1996; Mianowska J. Писатели русского зарубежья (третья волна эмиграции). Проза. Библиографический указатель / J. Mianowska. – Bydgoszcz, 1995; Klimowicz T. Przewodnik po literaturze rosyjskiej i jej okolicach (1917–

1995) / T. Klimowicz. – Wrocław, 1997; Drawicz A. Literatura rosyjska. Leksykon / A. Drawicz, F. Nieuważny, W. Olbrych. – Warszawa, 1999.

22. Картина мира и человека в литературе и мысли русской эмиграции / pod red. A. Dudka. – Kraków, 2003; Kultura rosyjska w ojczyźnie i diasporze / pod red. L. Liburskiej. – Kraków, 2007.

23 Słowianie wschodu na emigracji. Literatura. Kultura. Język / pod red. B. Kodzisa i M. Giej. – Opole, 2010.

24. Электронный ресурс: http://www. bfrz.ru

25. Электронный ресурс: http://www. bfrz.ru

26. Suchanek L. «YMCA-PRESS» i «Russkij Put'» – świadectwo trwałości kultury rosyjskiej / L. Suchanek // Książki emigracji rosyjskiej i Rosji współczesnej. – Kraków, 2002. – С. 15.

Статтю присвячено дослідженню сприйняття та стану літератури російської еміграції в Польщі на початку XXI ст. Література емігрантів плідно досліджувалась у монографіях, статтях, навчальних посібниках польських науковців, а також у наукових журналах та міжнародних конгресах і конференціях. Деяким польським вищим навчальним закладам надав допомогу Дім Російського Зарубіжжя ім. О. Солженіцина в Москві, за сприяння якого задовольнялися потреби у книгах, журналах з текстами російських емігрантів.

Ключові слова: дослідження, російські емігранти, література російського зарубіжжя, емігрантологія, літературний процес, російська зарубіжна словесність, кафедра росієзнавства, Дім Російського Зарубіжжя ім. О. Солженіцина.

This article examines the perception and status of the Russian emigration literature in Poland at the beginning of the 21st century. Emigrants' literature was investigated fruitfully in monographs, articles, textbooks of Polish researchers and academic journals as well as in the international congresses and conferences. The Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad in Moscow assisted some of the Polish universities by providing them with books and magazines containing the texts of Russian emigrants.

Key words: study, Russian emigrants, Russian emigration literature, emigrantology, waves of Russian emigration, literary process, Russian emigration literary activity, Department of Russian Studies, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad.

Надійшло до редакції 5.05.2012.

УДК 821.111 «17»

Е.В. МАКСЮТЕНКО,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры зарубежной литературы
Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара

ЛИТЕРАТУРНЫЕ КРИТИКИ XX СТОЛЕТИЯ О ПОЭТИКЕ АВТОРСТВА В РОМАНАХ ЛОРЕНСА СТЕРНА

Систематизируются наблюдения над такой стадией восприятия категории авторства в романах Л. Стерна, которую отличает теоретическая и историко-литературная зрелость.

Ключевые слова: категории автора и авторства, проблема модернизации либо реконструкции историко-литературного контекста, европейские научные школы и концепт авторства в романах Л. Стерна.

Литературные критики XX в., художники слова, чье творчество станет воплощением тенденций кардинального обновления литературы, Дж. Джойс, В. Вулф, Т. Манн назовут Лоренса Стерна в ряду своих предшественников, и именно в эту эпоху, культуру которого нарекут модернистской, создадут наиболее глубокие научные труды о писателе (Б. Леман, 1941; Э. Дилуорт, 1948; Д. Ван Гент, 1953; Дж. Трауготт, 1954; Г. Флюшер, 1961; Дж. Стедмонд, 1967; М. Нью, 1969; М. Баттестин, 1974; Ф. Карл, 1974; М. Байрд, 1985; В. Изер, 1988; В. Шкловский, 1921; М. Тронская, 1960; А. Елистратова, 1966; Н. Иткина, 1968; К. Атарова, 1988; В. Маевская, 1989 и др.). В ушедшее столетие литературоведческие изыскания, посвященные Стерну, превратятся в мощный поток исследований, постепенно нарастающий, обретающий широту, которую сложно охватить и всесторонне освоить, но, к счастью, время и специалисты отберут из них образцы, ставшие резонансными событиями в истории научной мысли, именно с ними литературные критики будут сверять свой поиск в течение многих лет.

Завещанный европейскими романтиками предварительный эскиз стиля Стерна как некой системы признаков, постоянно напоминающих об авторском присутствии и авторской активности, организующей художественный материал[1], последующими поколениями исследователей во многом будет принят как обобщение уникальной стилевой манеры Стерна. Интерес к проблеме авторства в творчестве Стерна, научной теме, благодаря мощным импульсам теоретической рефлексии обретшей в течение первых десятилетий XX в. зрелость и весьма гибкую терминологическую оснащенность (В. Кайзер, К. Хамбургер, М. Бахтин, В. Виноградов и др.), в литературной критике несколько запаздывает и

[1]В XIX ст. известные литераторы выделят ряд чуждых классичности, новых, узнаваемых, взаимозависимых примет творческой деятельности писателя, таких как внимание к «мгновениям» жизни сознания (Колридж), стратегия смешения комического и патетического модусов (Колридж, Де Квинси, Скотт, Карлейл, Гете), юмористическая апология индивидуальности (Хэзлитт, Бланкенбург), открытие игровой философичности и фантазийной формы (Виланд, Гете, Бланкенбург, Ф. Шлегель).

© *Е.В. Максютенко, 2012*

полноценно обретет звучание лишь в 1960–70-е гг. в работах плеяды ученых (У. Бут, 1961; Д. Гроссфогель, 1968; Дж. Престон, 1971; П.М. Спэкс, 1976; В. Харитонов, 1971; А. Зорин, 1979; Е. Константиновская, 1985), принадлежащих тем школам, которые сохраняют эту категорию и пытаются ее отстоять в ситуации «кризиса авторства», ставшего важным событием в литературоведческой науке прошлого столетия.

Исследовательская мысль первой половины XX ст. вне зависимости от того, какую национальную школу она представляет (Дж. Сейнтсбери, 1913; У. Кросс, 1919; К. Воэн, 1907–21; Г. Рид, 1929; У. Уоткинс, 1939; Б. Леман, 1941; Э. Дилуорт, 1958; И. Верцман, 1938; А. Франковский, 1940; М. Тронская, 1940-60-е гг. и др.), движется в направлении поиска убедительных контекстуальных критериев описания поэтологии Стерна, пытаясь также очертить возможные стратегии понимания авторского замысла[2]. Среди наиболее ярких литературных явлений эпохи, воздействующих на Стерна, филологи называют традицию августианского интеллектуального острословия, опыта «скриблерианцев» – Поупа, Свифта, Арбетнота; настаивают на влиянии смехового мироотношения, закрепленного в поэтологической практике ренессансных художников – Рабле, Эразма, Шекспира; упоминают об усвоенной через Монтеня и Бертона форме психологической интроспекции, дополненной концепциями Локка и Юма; рисунке игрового философского поиска-вопрошания, пронизывающем «Тристрама Шенди» и переданном с помощью парадоксальных языковых формул, напоминающих виртуозное искусство беседы Сократа и софистов, и др. Следует отметить, что проблема значимости для Стерна эстетических открытий почитаемых им предшественников – особая грань изучения прозы писателя, и о каждом из его «кумиров» можно весьма долго и много рассуждать, однако чаще всего исследователи указывают на особый долг Стерна по отношению к Шекспиру и Сервантесу, что он сам не только не скрывает, но и открыто декларирует.

Если близость Шекспиру очевидна в текстах Стерна, насыщенных цитатами, аллюзиями, реминисценциями из сочинений великого драматурга, и все его герои, по остроумному замечанию У. Кросса, могут быть включены в «шекспировское братство шутов» («Shakespearean brotherhood of fools») [6, p. 73], то восхищение Сервантесом прежде всего сказывается в претерпевшей метаморфозы в прозе Стерна теме кихотизма, соотнесенного с идеей воображения, и художественном решении образов многих стерновских персонажей, одержимых миром иллюзий и игры, где кихотизм, привитый автором на почву английской эксцентричности, обретает черты шендианства, оцениваемого, быть может, не столько как бегство от реальности, сколько как творческое наслаждение от ее пересоздания. Специалисты полагают, что косвенно Стерн также продолжает линию утверждения английской версии антиромана в европейской литературе XVIII в.

Именно XX ст. обострит для исследователей проблему включения художественного наследия Стерна в адекватный контекст, и вопрос о степени модернизации либо восстановления облика «исторического» Стерна разделит специалистов и проложит линию на-

[2]Не только стилевой репертуар эпохи вспоминают специалисты, толкуя о Стерне, но и вопрос о жанровой принадлежности его прозы. Несмотря на то, что литературоведы (Ф. Карл, К. Атарова, Дж.А. Стивенсон, Т. Кеймер и др.) с большим сомнением оценивают эти намерения, тем не менее все же впадают в искушение выявить меру эстетического поиска Стерна в области жанра. Более всего об этом будут размышлять исследователи XX ст., но не для того, чтобы «заковать» сочинения Стерна в некие готовые жанровые формы, а скорее понять природу творческого эксперимента, осуществленного писателем. И, естественно, в этом вопросе нет единодушия, и решение филологов так же парадоксально, как парадоксален жанровый облик стерновской прозы. Наиболее проницательные исследователи не столько каталогизируют следы узнаваемых жанровых первообразов, присутствующих в текстовой ткани «Тристрама Шенди» («биографическое», «мемуарное» повествование, пикареска, «роман воспитания», «анатомия», «исповедь», традиция литературы «характеров» и моралистических эссе), сколько констатируют неоспоримую новизну творческого выбора Стерна, предложившего сочетание, казалось бы, альтернативных возможностей – театрально-драматического представления (основой и «Тристрама», и «Сентиментального путешествия» является искусство беседы и разговорного жанра), «считывания» заглавным героем с экрана собственного сознания образов, эмоций, возникающих рассуждений, адресованных участливому слушателю, и в то же время рождающихся приемов психолого-лирического и феноменологического типов письма (Г. Рид, Б. Леман, Д. Ван Гент, У. Фридман, К. Атарова, В. Маевская).

пряжения между разными школами. Литературные критики XX в. (У. Кросс, Г. Рид, У. Уоткинс, Э. Тьювесон, М. Нью, М. Баттестин, Р. Полсон, Дж. Маллен, В. Гросвенор Майер, А. Хоувз, Р. Портер, И. Верцман, М. Тронская, А. Елистратова, Н. Иткина, В. Маевская и др.) более заинтересованы, по сравнению со своими предшественниками, в воссоздании культурного климата XVIII ст., которому принадлежат тексты Стерна, и процесс «воскрешения» философско-эстетического духа эпохи протекает несколько по-разному в англоязычной и российской, украинской литературной науке. Если последним присущ весьма широкий системный путь моделирования английской культурной истории XVIII ст. через концепцию смены интеллектуальных движений, отмеченных, особенно в первой половине XX ст., излишней социологической тенденциозностью (представление о просветительстве, характерное для академической науки и гуманитарной мысли советского периода, позже уточненное благодаря работам Т. Адорно, М. Хоркхаймера, 1969; Р. Портера, 1981; В. Ферроне, Д. Рош, 2003; Н. Пахсарьян, 1996, 1999; А. Липатова, 1982, 1995; С. Ватченко, 1999; И. Лимборского, 2003, А. Якимовича, 2004 и др.), то английским и американским филологам свойственна конкретно-адресная традиция преломления культурных явлений в прозе Стерна. Они скорее избегают построения мегаконструкций литературно-эстетического опыта августианского века и осваивают более предметно грани культурного континуума эпохи (Стерн и психологическая теория сознания Локка; Стерн и этический сентиментализм Шефтсбери, Хатчесона, А. Смита; Стерн и скептическая философия Юма; Стерн и философско-моральный принцип пробабилизма шотландской школы «здравого смысла» и т. д.).

Также более настойчиво английские и американские литературные критики демонстрируют рецептивный подход к интерпретации Стерна, что делает позицию исследователя XX в. демонстративно «восполняющей по отношению к авторской» (В. Тюпа) [4, с. 104], и хотя это допустимая и неизбежная в истории литературы форма расширения контекста истолкования смысловых границ произведения писателя, все же многие из специалистов относятся к этому явлению весьма осторожно.

В небольшой работе Б. Лемана «О времени, личностном бытии и авторе (очерк о «Тристраме Шенди»: комедии)», 1941, примечательной тем, что литературовед одним из первых прямо заявил тему авторства как предмет научного поиска, предчувствие черт эстетики литературного модернизма в творчестве Стерна составит сюжет предпринятого исследования, предопределит и осовременит фон восприятия проблемы [8]. Б. Леман скорее тяготеет к формалистической методологии и для себя допускает возможность весьма сдержанного интереса к историко-литературным подробностям генеалогии прозы Стерна. А свое внимание уделяет поэтологическим знакам, предвосхищающим открытия художников-модернистов (Пруста, Джойса, Т. Манна) в аспекте ведущих свойств художественного строя романистики Стерна, уже озаботившегося приемами репрезентации идеи темпоральной длительности, замещающей линейное время, концепта личностного бытия, предстающего как более сложное понятие в отличие от характера [8, p. 233].

Как истый последователь «ньюкритицистских» технологий Леман не столько проявит заинтересованность к содержательной стороне «Тристрама Шенди» и «Сентиментального путешествия», сколько покажет себя наблюдательным и интересным литературоведом со «свежим» взглядом на механизмы функционирования оригинальной и, несомненно, как ему представляется, «модерной» структуры романов Стерна, которая и составляет основу для интерпретации читателем столь сложных произведений экспериментального автора XVIII ст. Примечательным оказывается в статье Лемана весьма свободное, теоретически неотрефлектированное, но передающее грани взаимосвязи авторской парадигмы, употребление имени Стерна в качестве фигуры исторической личности, автора-творца, а также проблематизация попытки соотнесения личностной ипостаси Стерна-сочинителя и образа автора (намек на биографическую основу образа повествователя через сближение имен Йорика – Стерна в «Сентиментальном путешествии»).

Однако концептуальным положением работы становится иная сторона Стерна-творца, заявленная как «бессознательное» Стерна («Sterne's psyche») [8, p. 236, 237], мотивирующее и во многом объясняющее, по мнению Лемана, природу провидческих открытий писателя, которые, как он считает, Стерн осуществил неосознанно и которые остались «темными, непонятными для его современников» («dark to his contemporaries») [8, p. 233].

В духе эстетики модернизма оперируя концептом «бессознательного» Стерна, Леман комментирует новое видение литературного материала Стерном, преображенное под воздействием глубинной реальности художника, не допускающего в собственной прозе повиновения каким-либо устойчивым образцам, будь-то этическим, философским, эстетическим, значимым для писателей, оглядывающихся на идею по-разному понимаемого канона (Ричардсон, Филдинг).

Б. Леман не претендует на многогранное выражение сложной структуры авторской парадигмы в прозе Стерна, так же, как и на описание полноты смысла его сочинений, скорее он заинтересован в узком понимании авторской функции как эстетического смысла, соотнесенного со знаками («indications») [8, p. 233] нового поэтического стиля Стерна[3], в котором проявляется, по словам Лемана, его «гений, восстающий против правил» («irregular genius») [8, p. 234].

На первый взгляд, те исследовательские работы XX ст., где тема авторства в творчестве Стерна прямо обозначена литературными критиками как ведущая (Б. Леман, 1941; У. Бут, 1961; Д. Гроссфогель, 1968; Л. Хартли, 1970; Дж. Престон, 1971; П.М. Спэкс, 1976; П. Бриггс, 1991; Ф. Доногью, 1996; В. Харитонов, 1971; А. Зорин, 1979; Е. Константиновская, 1985), не так многочисленны, отмечены разнонаправленностью подходов, не демонстрируют явной преемственности в истолковании вопроса и не становятся откликами на драматические повороты теоретической мысли, проблематизирующие кризис авторства и либо отменяющие категорию автора (Р. Барт, М. Фуко, Ж. Деррида, Ю. Кристева), либо, напротив, возвращающие ей значимый статус не только в литературоведении, но и гуманитаристике (Ш. Берк, А. Компаньон, Э. Беннетт, В. Маркович, М. Фрайзе, В. Шмид, А. Большакова, А. Кораблев и др.).

Создается впечатление, что филологи, пишущие об авторской парадигме в художественных текстах Стерна (У. Бут, Дж. Престон, Д. Гроссфогель, В. Харитонов, Е. Константиновская и др.), запаздывают в освоении уже сложившихся к этому времени аналитических форм осмысления категории автора или намеренно не спешат перелагать сложный аспект поэтологии Стерна на язык иногда действительно упрощающих этот многомерный феномен излишне схематичных универсальных конструкций. В то же время каждая из упомянутых, имевших место в XX в. литературоведческих попыток понимания идеи автора в прозе Стерна оказывается плодотворной, несмотря на то, что исследовательские очерки невелики по объему, близки жанру статьи и выполняют миссию скорее предварительной научной «разведки» темы.

В последней трети XX ст. происходит ощутимый поворот в заинтересованности исследователей рядом вопросов, соотнесенных с природой, характером созидающего начала в текстах Стерна, и теперь уже литературные критики (У. Бут, Дж. Престон, Д. Гроссфогель, П. М. Спэкс, В. Харитонов, Е. Константиновская) последовательно нацелены на историко-литературный поиск и теоретически взвешенное описание не только ценностных авторских ориентиров, закрепленных в произведениях Стерна, но и роли автора и читателя в процессе функционирования эстетической реальности в пространстве культуры. Конкретный научный опыт и отношение к приятию или полемике с традицией в понимании концепции автора, несомненно, воздействуют на характер толкования и актуализации ведущей литературоведческой категории. Исследователи 1960-70-х гг. также, как и их предшественники, пытаются предложить собственную версию разгадки тайн мастерства и прояснения путей «выстраивания» смысла автором-творцом, но движутся к поставленной цели, отчасти дополняя друг друга и все же размежевываясь в аналитических процедурах. Так на этом временном этапе общим для литературоведов вне зависимости от национальных

[3]Б. Леман весьма сдержанно опишет семантико-формальные черты произведений Стерна, предвосхитившие модерную поэтологию XX в. Среди них он выделит: открытие мира сознания, состоящего из «заплаток»-ассоциаций, внимание к персоналистическому измерению человека, представленному в темпоральном континууме длящегося настоящего, предпочтение поэтического космоса, сотворенного воображением, реальности, вытесняемой идеями случая, относительности, воплощение литературной формы как парадокса процессуальности, не имеющей ни начала, ни конца, открытие особого вида философичности, которая не навязывается, но как бы «обволакивает» текст романа [8, p. 233–250].

школ, прежде всего, окажется интерес к структуре произведения и прояснение роли автора по отношению к художественному целому и отдельным его уровням и элементам.

У. Бут в монографии «Риторика художественной прозы» («The Rhetoric of Fiction», 1961), ставшей классическим историко-теоретическим трудом, противостоящим весьма влиятельным течениям научной мысли 1920–60-х гг. (формализм, «новая критика», структурализм), отчасти справедливо подвергающим сомнению авторское единовластие над процессами смыслопорождения, вступает в сотворческий диалог не только со Стерном, обращаясь к истолкованию его романного шедевра, «Тристрама Шенди», но и с рядом критиков, признавших свое поражение перед таким художественным явлением, как «Тристрам Шенди», констатировавших, что по своему содержанию и форме роман являет собой литературную провокацию, где материал одерживает верх над художником.

У. Бут предлагает описание повествовательных приемов (более всего его интересует обилие комментариев и отступлений, появляющихся в тексте романа как результат «инсценировки» рассказа о собственной жизни героем-Автором) и нарративных инстанций в «Тристраме Шенди» (где в непрекращающейся беседе начинающий писатель постоянно посвящает слушателей в трудности сочинительства), стремится убедить и читателей и исследователей в том, что этому странному роману, которому многие литературные критики отказывают в формальной связности, присущ особый тип художественного единства, и за ним стоит автор и его замысел создания особой поэтической реальности, когда с помощью «ненадежного» рассказчика и его подвижной точки зрения возникает семантическая нестабильность повествования, заданная неоднозначность звучания многих тем, мотивов, приводящая к осложнению коммуникативной ситуации. Большая часть литературоведов, констатирует У. Бут, полагает, что яркая фигура рассказчика, постоянно прерывающего ход повествования собственными отступлениями, угрожает формальной целостности текста, приводит к «потере» его смысловой оси; и среди «самых возмутительных злоупотреблений подобного рода», уточняет Бут, называют и «Тристрама Шенди», эту «безумную», «воистину эксцентричную» книгу, «немыслимую смесь отрывков из обрывков», покорившую Англию и Европу в 1760 г., с самого начала воспринимаемую как литературная загадка»[4]. Бегло упомянув историко-литературных «предков» «Тристрама Шенди» (изживающий себя в кризисе жанра комический роман; собрание философских эссе; сатирические произведения), Бут продемонстрирует, что в свете этих трех традиций рождается и художественная целостность стерновской книги, и настаивает, что в «Тристраме Шенди» есть «своего рода комический сюжет, хотя и «взорванный изнутри»; здесь воссоздается... исчерпывающая картина одного разорванного сознания, а само произведение являет собою нелепый плод не вполне нормального повествователя – вроде писаки из «Сказки бочки» [1, с. 149].

В «Риторике художественной прозы» У. Бут выступит инициатором введения в литературоведческий обиход понятия «имплицитный автор», повествовательной инстанции, «воссоздаваемой читателем в процессе чтения как подразумеваемый... «образ автора», за которой в западноевропейской нарратологии закрепят функцию «точки интеграции» всех повествовательных приемов и свойств текста, того сознания, в котором все элементы образа текста обретают смысл» (Х. Линк). Обозначив его несовпадение с реальным автором и дистанцирование от категории повествователя, Бут все же сохранит идею персоналистичности смысла, от чего откажутся теоретики литературы, впоследствии по-своему комментирующие и уточняющие концепт имплицитного автора (Х. Линк, Е. Хаард, С. Чэтмен, Ж. Женетт, Б. Корман, В. Шмид, М. Бал и др.)[5]. «Введя практику двусмысленного по-

[4]«Что это, – вопрошает У. Бут, повторяя сомнения многих специалистов, – сумбурный комический роман, в котором главный источник комизма... теряется в дебрях комментария повествователя?... собрание игривых эссе в духе Монтеня – но с большей долей беллетристических приправ, чем это требовалось Монтеню? Или это сатира в традициях свифтовской «Сказки бочки», – продолжает Бут, – вбирающая в себя, как писал сам Стерн, «все, что мне попадется смехотворного?..» [1, с. 143].

[5]Д. Гроссфогель замечает, что герои «Тристрама Шенди» скорее «живут в реальности слов и антиреальности действия» [7, p. 138].

вествования в качестве одного из магистральных направлений прозы, Стерн первым сделает ставку на особую проницательность читателя» [1, с. 158] и актуализирует образ «имплицитного автора» в «Тристраме Шенди», что проявится в осознанной игре с дистанцией, разделяющей персонифицированного ненадежного повествователя и имплицитного автора, к эстетической установке которого дано приблизиться в процессе литературной коммуникации компетентному читателю. Сомнительность, зыбкость суждений повествователя в «Тристраме Шенди», избранная нарративная стратегия в романе, где рассказчику разрешено постоянно «путаться и противоречить себе», действительно способствует росту самооценки читателя, который, по мнению Бута, «обладает более четкими, чем у повествователя, представлениями о том, что нормально и здраво, то есть представлениями, близкими к позиции имплицитного, «подразумеваемого» автора [1, с. 158].

В появившихся спустя десятилетие работах Д. Гроссфогеля («Пределы романа», 1968) и Дж. Престона («Сотворенное «я»: роль читателя в художественной прозе XVIII ст.», 1970) [7; 9] исследователи сохраняют установку на воссоздание примет присутствия автора в текстах Стерна, но каждый из упомянутых литературных критиков описывает поэтологию прозы писателя (а объектом изучения в соответствующих главах монографий они избирают именно «Тристрама Шенди»), исходя из отчасти соприкасающихся и в то же время разнящихся поисково-аналитических оснований.

Чрезвычайно впечатляет модерная техника научного исполнения тем каждым их филологов. Д. Гроссфогель, отталкиваясь от устоявшейся в академической традиции идеи предпринятого Стерном преображения романной формы через приемы и средства комической модальности, устремление Стерна окрасить повествование в личностные тона соотносит с маниакальной одержимостью речью и рассказчиком, и отдельными персонажами (Вальтер Шенди, капрал Трим, доктор Слоп), а также распределяет за каждым из героев романа различные речевые роли и речевое поведение (Вальтер – теоретик, Тристрам – актер-импровизатор, Тоби – мудрец, сохраняющий молчание) и именно с неповторимостью личной речи связывает и создание воображаемых миров, которые гармонично проницают реальность (вымышленную или внетекстовую) либо сами разрушаются под ее воздействием, а иногда искажают реальность. По-своему Д. Гроссфогель, не называя категорию имплицитного автора, введенного У. Бутом, все же, вероятно, принимает ее и утверждает, что это он, автор, дирижирует процессом смыслообразования, и здесь Д. Гроссфогель выступает последователем феноменологической литературоведческой школы и указывает, что когда возникают сбои в любой речевой самореализации какого-либо из персонажей в «Тристраме Шенди», представленных в диалоге, монологе, в их комических искажениях, влекущих разрывы, зазоры, фрагментацию словесной ткани текста, тогда там прежде всего проступает художественное сознание автора, его творческий лик, некий креативный импульс, не совпадающий с повествователем, героями, реальным автором и влияющий на протекающие семантические процессы через игру значений.

Многие из концепций, изложенных почти одновременно Дж. Престоном, перекликаются с положениями работы Д. Гроссфогеля. Литературовед также видит в «Тристраме Шенди» «роман о творческом воображении» [7, p. 134], косвенно констатируя предвосхищение Стерном ведущих свойств романтической эстетики и, солидаризируясь с Д. Гроссфогелем, сосредоточит внимание на начальном и завершающем моментах процесса литературной коммуникации – на возможностях и условиях порождения текста (роль автора) и его интерпретации (функция читателя). Казалось бы, что Дж. Престон, актуализируя проблему текстуального анализа и констатируя значимость фигуры читателя в процессе истолкования семантики произведения, принимает постструктуралистские воззрения на динамику смыслопорождения и вносит свой вклад в дело «десакрализации автора» (Р. Барт). Однако литературный критик избирает более гибкую и скорее наднаправленческую позицию, когда функцию автора как основного «инвестора» значения оценивает более сложно, передает ему возможность не только пробуждения равноценного по силе сотворчества читателя в акте понимания текста (когда читатель может выступить в роли автора), но и закрепляет за ним возможность создания модели рецепции, где гипотетически выстраивается стратегия образцовой текстуальной компетенции и сам автор предполагает возмож-

ность идеального прочтения собственного сочинения, выступая в роли подразумеваемого читателя[6].

Весьма любопытно сопоставить, как воплощающая модель художественной коммуникации триада «Автор – Герой – Читатель» будет востребована исследователями, принадлежащими классической историко-литературной традиции (школа М.М. Гиршмана), в качестве структурного жанрового инварианта, отличающего романную форму эпохи ее становления, а именно XVIII ст., что позволит Е. Константиновской (1984; 1985) выявить типологическое родство сочинений Филдинга, Стерна, Гоголя, где повествовательная конструкция станет «несущей опорой» возводимого на ней романного «строения» [2; 3]. Это свойство поэтики европейского романа XVIII в. – особую значимость «встречи» и открытого диалога между автором и читателем, выделенных внутри текста в «событие рассказывания», – Е. Константиновская назовет метасюжетом[7] и опишет как устойчивую жанровую конвенцию сравниваемых произведений, так как неповторимость романного содержания, по убеждению многих исследователей, прежде всего обусловлена тем, что это «повествование о частном человеке с частной точки зрения, апеллирующее к индивидуальному опыту читателя»[8] [2, с. 2]. Вследствие избранной методологии и широты компаративистской оптики Е. Константиновская допускает возможность обозначить типологическое родство заданий авторов романов, где процесс наррации обыгрывается как «сценическое действо», в основе которого лежит поиск путей художественного воплощения рассказанной истории, и каждый из писателей – Филдинг, Стерн, Гоголь – выбирает различные коммуникативные стратегии, составляющие важную концептуальную сторону литературных произведений, дополняющие и уточняющие их смысловой потенциал. Если Филдинг в «Томе Джонсе», тяготея к неоклассицистической эстетике, по мнению Е. Константиновской, подчинит общение автора с читателем гармонии упорядоченной литературной формы и соотнесет между собой по принципу равновесия сюжет и метасюжет, которые «идут в тексте параллельно, не переплетаясь и не сталкиваясь» [2, с. 14], то в «Тристраме Шенди» Стерна, пронизанном духом предромантического бунтарства, недоверия канону, метатекстовый повествовательный уровень заслонит фабульный и предстанет пространством, где тема творчества будет разнолико освещена как бесконечный процесс «освоения мира в слове», а драматизм противостояния неумолимости времени, сладость духовных мук Автора-сочинителя сможет оценить лишь Читатель-единомышленник. В поэме Гоголя «Мертвые души», традиционно трактуемой как реалистическое полотно, Е. Константиновская увидит особую функцию метасюжетного плана (органично проницающего фабульный пласт), который, не разрушая целостности произведения, обеспечивает эпический синтез в романе.

Диссертация Е. Константиновской «Автор, читатель, герой в романе (Филдинг, Стерн, Гоголь)» увидела свет в 1985 г., и здесь сознательно допущено нарушение хроникальной последовательности в аналитической репрезентации литературоведческих материалов, посвященных теме авторства в прозе Стерна. Но сделано это для того, чтобы более выпукло продемонстрировать схождение отдельных научных положений, концепций, избранных ракурсов исследований литературными критиками (Дж. Престон, Д. Гроссфогель, Е. Константиновская), принадлежащими различным школам, что отчасти может быть объяснено откликом специалистов на появление продуктивных и резонансных аналитических технологий, достаточно весомых и во многом определяющих[9].

---

[6]Речь идет о том, что каждый тип текста программирует собственного читателя, и Дж. Престон соотносит эту идею со всеми уровнями структуры «Тристрама Шенди», подчеркивая, что процесс интерпретации текста множествен [9].

[7]Е. Константиновская настаивает на особом значении метасюжета в тексте классического романа, «проходящего по самой границе художественного и реального миров и являющегося одновременно и условным и безусловным», когда «...реальное бытие читателя и повествователя превращается в вымышленное, идеальное, нехудожественное в художественное, так что сама граница художественного мира романа становится проблематичной» [2, с. 5].

[8]Следуя В. Кайзеру, роман – это «изложенный личностным повествователем и предназначенный личностному читателю рассказ о мире, полный в той мере, в какой этот мир постижим как продукт личного опыта» [3, с. 3].

[9]Идея коммуникативной природы порождения художественного смысла, заложенная Р. Якобсоном, затрагивающая процессы смыслопорождения и семантических интерпретаций.

Примечательно, что опубликованные в 70-е гг. работы В. Харитонова («Образ автора и его место в романе Л. Стерна «Тристрам Шенди», 1971) [5] и П. Мейер Спэкс («Воображая собственное «я»: автобиография и роман в Англии XVIII ст.», 1976) [11], представляющие несовпадающие научные подходы (В. Харитонов следует историко-литературным концепциям традиционного литературоведения, а П. Спэкс близок опыт уже заявивших о себе в 1960–70-е гг. в западной мысли постмодернистских течений), все же несут на себе печать неких общих тенденций, отчасти сближаются не только в проявлении интереса к внутритекстовым механизмам воплощения субъектной сферы, но и к значимости воздействия на произведение культурных референтов.

Можно лишь сожалеть, что небольшое поисковое эссе В. Харитонова, изложенное в форме тезисов, не осуществилось как объемное исследование, и отметить, что, обратившись к категории образа автора, введенной в теоретический обиход В. Виноградовым, принятой в среде литературоведов и затем уточненной филологами (М. Бахтин, Б. Корман, М. Брандес, Н. Бонецкая, Н. Тамарченко, В. Шмид и др.), В. Харитонов скорее всего понимает ее как средоточие «структурных качеств словесно-художественного целого», отмечает регулятивную функцию ликов художественного «я» в тексте Стерна, стягивающих к центру многоуровневый строй литературного произведения, где каждая из граней образа автора соотнесена с характерным ролевым поведением (освоенным различными жанровыми формами, влившимися в романную стихию «Тристрама»)[10] и выступает, наряду с образом внутритекстового адресата – читателя, фактором смыслопорождения. В понимании семантических пределов термина образа автора В. Харитонов проявляет скорее подвижность взглядов, нежели стабильность, объединяя идеи отдельных литературоведов. Так, иногда трактует понятие весьма широко как социокультурный аспект индивидуального авторства (позиция, которая с 70–80-х гг. XX ст. все более настойчиво завоюет внимание англоязычной литературной критики – Э. Кернан, П. Бриггз, Ф. Доногью), иногда же скорее как биографическую личность сочинителя (Н. Тамарченко, А. Кораблев, Е. Созина, Т. Автухович)[11], а также находит возможным соотнести дефиницию с субъектом эстетической деятельности, концептом, который чаще всего передают через дефиницию имплицитного автора, реализующегося в мире художественного произведения через функцию повествовательного голоса, присвоенного внутритекстовому заместителю автора, персонифицированному либо имперсональному [5, с. 51–55]. В «Тристраме Шенди» Стерна образ автора в интерпретации В. Харитонова являет собою динамичную, лишенную постоянства фигуру повествователя, исполненную внутренних несообразностей и, по мнению литературоведа, благодаря избранному Стерном парадоксально-противоречивому решению личности рассказчика[12], с одной стороны, несет в себе функцию центра, притягивающего к себе границы романа, а с другой – обладает потенциалом центробежных сил, семантически и формально как бы «взрывающих» целостность произведения и «размыкающих» текст в пространство культуры, намечая при этом возможность сближения с коммуникативными инстанциями внетекстовой действительности – биографическим автором и реальным читателем.

[10]В мозаичном образе Тристрама-повествователя соединены разные грани, которые проявляются в пестром составе рефлексии, пронизывающей метатекст романа. Индивидуальное сознание героя становится сценой, где получает возможность речевой реализации опыт переживания мира героем, примеряющем на себя различные типы и амплуа социального поведения, которые, по мнению В. Харитонова, отлились в готовые литературные формы и учтены создателем «Тристрама Шенди». Так, слой эстетических рассуждений Тристрама – начинающего автора В. Харитонов связывает с важным структурным мотивом западноевропейского комического романа, объемные моралистические сентенции, к которым склонен персонаж, В. Харитонов соотносит с моделью нравоописательного очерка, литературы характеров, а внимание повествователя к психологическому измерению времени, одержимость стихией прошлого, элегическая тема памяти о чреде утрат отсылает к массиву психологической прозы, воспоминаниям, исповеди и близким к ним жанрам автобиографии и мемуаров [5, с. 52–55].

[11]Классическая традиция биографической литературы, без которой не мог бы состояться такой жанр, как комментарий к литературному произведению.

[12]Следуя В. Харитонову, «внутренние противоречия художественной системы» «Тристрама Шенди» рождены именно «сложной природой «образа автора» [5, с. 55].

Вышедшая в 1976 г. монография П.М. Спэкс «Воображая собственное «я»: автобиография и роман в Англии XVIII ст.» [11] содержит раздел о «Тристраме Шенди» Стерна, где через сопоставление жанров документальной и художественно-фикциональной автобиографии, а именно в таком ракурсе предлагает П.М. Спэкс представить поэтологию «Тристрама», будет осмыслено родство английских литературных памятников XVIII в. (труды Гиббона и сочинения Стерна) как свидетельства духовного наследия эпохи, не только несущих на себе печать облика столетия, но и свидетельствующих о различии путей построения историко-культурной персонологии. Попытка П. Спэкс описать роман Стерна через модель автобиографии по-своему имеет основания, так как жанровые черты литературной формы (жизнь индивида, преображенная искусством личной наррации) присутствуют в «Тристраме Шенди», хотя и не исчерпывают спектр его жанровых возможностей. Историко-литературная основа научного поиска П. Спэкс во многом перекликается с очерченным кругом проблем, заявленных В. Харитоновым в статье «Образ автора и его место в романе Л. Стерна «Тристрам Шенди», и в то же время указывает на возникновение новой научной перспективы – постмодернистской, допускающей культурное смешение научных языков феминистской и психоаналитической литературной критики, социокультурных подходов, а также классических аналитических стратегий интерпретации текста. Избрав предметом истолкования персональную идентичность героя-рассказчика, П. Спэкс весьма неожиданно и свежо перетолкует смысловые пласты «Тристрама Шенди»; процесс сохранения единства сознания Тристрамом-автором с помощью способности рефлектировать, задумываться над возможностями и гранями саморазвития выстроит через определенные критерии идентичности, являющие собою своеобразный отклик на изменяющуюся реальность. Личность Тристрама-сочинителя, констатирует П. Спэкс, дана в движении, поиске и понимании своей неповторимости, где физические, ментальные, психологические, эмоциональные, креативные свойства выстраиваются в неповторимый рисунок и рождают в воображении Тристрама образ собственного «я», и путь обретения идентичности[13] идет через драматические испытания, кризисы и раскрывается, следуя П. Спэкс, через способность героя-повествователя к созданию рассказа о себе, когда он выступит в роли автора текста личной жизненной истории. Именно ипостась автора и то бремя авторства, которое принимает на себя рассказчик, в большей степени индивидуализируют «я» героя и делают его объектом автоинтерпретации [11].

Начиная с 80-х гг. XX в. в литературоведении вновь актуализируется интерес к биографической составляющей парадигмы авторства в творчестве Стерна, теме, уже представленной и по-своему осмысленной в литературной критике второй половины XIX ст., где ряд концептуальных положений, связанных с введением в обиход первых опытов описания проблемы, позже закрепленной в определенной системе терминологии, будет очерчен, выделен, обозначен как перспектива научной стратегии будущего.

Ранние биографы Стерна и классики литературной биографики рубежа XIX–XX ст. (В. Скотт, П. Фитцджеральд, Г. Такерман, Г. Трейлл, С. Ли, У. Кросс, Л. Мелвилл), овладевая опытом реконструкции облика ушедших культурных эпох и возвращения к жизни памяти об оставивших след в истории личностях, совместными усилиями составят набросок «жизненного текста» Стерна и выделят в качестве поискового канона задания, вероятно, не имеющие, по их мнению, однозначного решения. Так на уровне историко-литературной констатации критики поставят вопрос о пределах, границах, объеме понятия биографического автора, об опасностях наложения и проецирования образа реального автора, его опыта на фигуру внутритекстового заместителя, опишут как наблюдение над поэтологией прозы Стерна явление художественного биографизма в творчестве писателя, а также обо-

[13]П. Спэкс последовательно выделяет определенные грани персональной самоидентификации Тристрама, включающие в себя осознание своей телесности как драматического переживания бессилия, несостоятельности и болезней, неспособности осуществления маскулинной модели поведения, связанной с идеей обретения власти, агрессией, стремлением к обладанию, и творческого воображения, «противостоящего смерти и предлагающего своему владельцу особую форму замещения жизни, столь изобильную и приводящую в смятение, что она компенсирует ему краткость и тяготы физического существования» [11, p. 134].

значат в качестве одного из перспективных подходов к прочтению творчества Стерна феномены автобиографизма и биографического мифа, оцениваемые специалистами как сближение в личности художника человека и творца через креативно-игровое поведение, искусством перевоплощения разрушающее границы между текстом и жизнью.

Исследования о Стерне, вышедшие в свет в порубежные десятилетия XX в. (П. Бриггз, 1991; Дж. А. Стивенсон, 1994; Ф. Доногью, 1996; А. Кемпбелл Росс, 2001; Л. Алябьева, 2004 и др.), подхватывают многие поднятые ранее в биографической литературе темы, но истолковывают их иначе, более широко в междисциплинарном пространстве истории культуры и литературоведения. Критиков (У. Коннели, П. Бриггз, Ф. Доногью, А. Кемпбелл Росс, Л. Алябьева) привлечет публичный образ Стерна, запечатленный в сознании его современников. Они будут постоянно соотносить масштабность личности Стерна и силу воздействия его творчества на читателей, размышлять над природой его авторитета и укажут на востребованный эпохой эстетический комплекс новизны, модерности, обусловивших глубину успеха писателя в среде образованных европейцев, оценивающих поставгустинианскую эпоху как «век новизны» («Age of Novelties») [10, p. 8].

Список использованной литературы

1. Бут У. Риторика художественной прозы (глава из книги) / У. Бут; пер. с англ. О. Анцыферовой // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. – 1996. – № 3. – С. 132–159.

2. Константиновская Е.Я. Автор, читатель, герой в романе (Филдинг, Стерн, Гоголь): автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.01.08 «Теория литературы» / Е.Я. Константиновская. – М., 1985. – 17 с.

3. Константиновская Е.Я. Поэтика и этика аукториального повествования: К типологии европейского романа (Филдинг, Стерн, Гоголь) / Е.Я. Константиновская. – Куйбышев, 1984. – 36 с. – Деп. в ИНИОН АН СССР, № 16839.

4. Тюпа В. Контекст / В. Тюпа // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. ред. Н. Тамарченко. – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – С. 104.

6. Харитонов В. Образ автора и его место в романе Л. Стерна «Тристрам Шенди» / В. Харитонов // Научная конференция по проблемам литературы Просвещения. – М.: МГУ, 1971. – С. 51–55.

7. Cross W. Laurence Sterne / W. Cross // The Development of the English Novel / Wilbur Cross. – N.Y.: The Macmillan Company, 1919. – P. 69–76.

8. Grossvogel D. Sterne: «Tristram Shandy» / D. Grossvogel // Limits of the Novel: Evolutions of a Form from Chaucer to Robbe-Grillet / D. Grossvogel. – Ithaca; N.Y.: Cornell University Press, 1968. – P. 136–159.

9. Lehman B.H. Of Time, Personality, and the Author: A Study of «Tristram Shandy»: Comedy / B.H. Lehman // Studies in the Comic / J.R. Caldwell, W.H. Durham, B.H. Lehman, G. McKenzie, F. Ross. – Berkeley: University of California Press, 1941. – P. 233–250.

10. Preston J. «Tristram Shandy» (1): The Reader as Author. «Tristram Shandy» (2): The Author as Reader / J. Preston // The Created Self: The Reader's Role in Eighteenth-Century Fiction / John Preston. – L.: Barnes and Noble, 1970. – P. 133–195.

11. Ross I.C. Laurence Sterne: A Life / Ian Campbell Ross. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – 498 p.

12. Spacks P.M. The Beautiful Oblique: «Tristram Shandy» / Patricia Meyer Spacks // Imagining a Self: Autobiography and Novel in Eighteenth-Century England / Patricia Meyer Spacks. – Cambridge: Harvard University Press, 1976. – P. 127–157.

Систематизовано спостереження над такою стадією сприйняття категорії авторства в романах Л. Стерна, яку відрізняє теоретична та історико-літературна зрілість.

Ключові слова: категорії автора та авторства, проблема модернізації або реконструкції історико-літературного контексту, європейські наукові школи й концепт авторства в романах Л. Стерна.

Observations on such a stage of reception of the category of authorship in L. Sterne's novels are systematized that is distinguished by its theoretical as well as historical and literary maturity.

Key words: categories of author and authorship, the problem modernization and reconstruction of historical and literary context, European scientific schools and concept of authorship in L. Sterne's novels.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

УДК 821.111-312.6.09

Y. KRAVINSKAIA,
Senior Lecturer of Chair of Foreign Languages for Humanities
Taurida National Vernadsky University

SALLY MORGAN'S «MY PLACE»: CRITICAL OVERVIEW OF FOREIGN SCHOLLARS

The analysis of critical thought devoted to the novel «My Place» written by Australian author Sally Morgan was conducted in the article. In the critical overview the basic themes of the novel, the main reasons of the schollars' attention to the literary work, its social message, strong and weak points were outlined. The critical analysis allows the author of the article to continue the research of the novel from the view-point of its place in Postcolonial literature.

Kew words: Identity, Aboriginal Author, Critics, Aboriginality, Autobiographical Novel.

In the late decades of the 20th century the postmodern image of the world tended to be overspread as a basis of the narrative methodology of the prosaic form. The analysis of postmodern image is directed to outline the global and aesthetic dominant point of the current period. It must be noted that postmodernism as any other literary phenomena is being under study from the critical, philosophical and aesthetic point of view. Such philosophers as R. Barthes, J. Derrida, M. Foucault, G. Deleuze, F. Guattari made great contribution in researching its genesis. Among Ukrainian and Russian scholars we cannot but mention the works of D. Zatonsky, L. Batkin, T. Denisova, T. Gundorova, V. Strada and others. The latter have made great attempt in describing postmodern realm and interpreting the prolific authors of the time. For example, D. Zatonsky in his work «Postmodernism: Genesis Hypotheses» revealed the roots of postmodernism in Ecclesiastes' ideas and Western philosophers from Hegel up to Derrida and Peter Sloterdijk. In his interpretation of «The Dogs of Paradise» by Abel Posse, «The Last World» by Christoph Ransmayr Zatonsky substantiates his vision of postmodernism with bright images of literary works. So he asserts, «Postmodernism spreads neither fear nor anger or even effective frustration, but sense of life which can be defined in exact way as resignation» [2, p. 13]. The works of L. Batkin should be also taken into account because he concentrated his activity in the issue of what postmodernist is as a central figure of post-apocalyptic world which is in complete and mystical disorder [1, p. 4]. The principles of Postmodern image of the world are in the centre of scientific inquiry of Ukraine. The theoretical works are being translated into Ukrainian. Scientific inquiry concerning the phenomenon of postmodernism is being conducted nowadays. Current researchers take an attempt to analyse the works of foreign postmodern authors. The great attention is paid to European and American ones. Among them we should highlight such names as J.S. Barth, U. Eco, K. Vonnegut, Jr., C. Ransmayr, P.B. Auster, J.R. Fowles, A. Posse. Moreover, the list is being constantly enlarged.

Nowadays, the authors of Australia, China, Japan, India, Egypt are gaining the international success. Undoubtedly, they participate in the process of developing postmodern literary discourse making it more complex with the help of national and indigenous features. One of the important

© *Y. Kravinskaia, 2012*

features of the authors is that the greater part prefers English as an international language of their literary activity demonstrating the influence of the English belletristic tradition on them. As to Ukrainian critical realm the authors have been researched much less than ones of European and the US area. For instance, the profound analysis of postmodern activity of Australasian authors has not been made yet. So our attempt to attract the attention of investigators to the legacy of Australian author Sally Morgan can be characterised as topical one. The goal of the article could be formulated as to sketch out the background of the author and her novel, and to argue the idea that Sally Morgan being a graphic example of postnational basis in Australian literature is a postmodern author as well.

Sally Morgan is recognised as one of Australia's best known Aboriginal writers. Being the eldest of five children in a family of a mixed origin she found school difficult because of the questions from other students about her complexion and family background. This experience of her hidden origin, and subsequent quest for identity was the stimulus for her first book «My Place» published in 1987. It tells the story of her self-discovery through reconnection with her Aboriginal roots and community. The book was an immediate success and has since sold over half a million copies in Australia. It has also been published in the United States, Europe and Asia.

As to social, cultural basis of the novel Sally Morgan is described as a part of «Stolen Generations» by many critics. A.O. Neville, one of the architects of what are now generally known as the Stolen Generations, explained a three-step approach to racial policy. It included the forced removal of «half-caste» children from their mothers, the control of marriage among «half-castes», and the encouragement of intermarriage with the white community. These measures have lead to a situation in which it would be possible to forget that there had ever been any Aborigines in Australia at all [5, p. 48]. Without any hesitation such policy was disastrous for aboriginal culture and community in itself. The stolen Generations being in the peripheral part of Australian culture have become central at the edge of 20th and 21st centuries. John Frow designated the situation in terms of «the clash between an assimilationist project that assumes the inevitable absorption or extinction of the indigenous population, and the resistant survival of a dispossessed and disoriented people living on stolen time» [10, p. 360]. A proliferating number of diverse Stolen Generation narratives – books, plays, films, exhibitions, TV programmes, newspaper articles, magazine stories – in which the merging of written and oral, documentary and (auto)biographical sources confirms the crucial role of the trend in reanalysing the historical past.

Numerous researchers consider *My Place* one of the brightest examples of a Stolen Generation narrative. Nevertheless it was not seen as a Stolen Generation narrative from the very beginning but rather as an Aboriginal life-story, a 'dialogically generated' form which usually combines the traditional techniques of collective Aboriginal storytelling with autobiographical individualism and white editorial expertise. Attwood points out that it was not originally seen as one by its first critics and reviewers although, co-opted since through the process of «narrative accrual», it is much more likely to be seen as one today [4, p. 204]. In this sphere Morgan's *My Place* is compared with Kim Scott's «Benang», sometimes loosely seen as a «sequel» to *My Place*, is, for all its extensive use of sources, clearly a work of fiction: a novel [13, p. 99].

My Place and *Benang* are both attempts to sort an Aboriginal inheritance out of the broken elements of memory. This attempt is held back in Morgan's text by shame, the need or desire to keep Aboriginal identity hidden; in Scott's, shame is redirected, hurled back in white faces as a means of confronting them with their own disgrace. Both texts are concerned to reclaim the history that has been discarded by others, literally in some cases in the way of the unwanted «half-caste», rejected by a white father unable or unwilling to take responsibility for what he has done. Thus, while My Place insists on the need for Aboriginal people to claim a right place in history, Benang goes further, setting itself aggressively against the white man's history, and reversing the processes of geneaological barbarism by which Aboriginal histories have been systematically superseded or suppressed [6, p. 140].

Morgan's *My Place* plays an important role in the development of Australian literature because it was the first time when non-aboriginal reader discovered the life of indigenous people not from the historical and ethnographic point of view but being based on multicultural, postnational attitude. It has also become popular worldwide. Sally Morgan published *My Place* in

1987. It became a best-seller and Fremantle Arts Centre Press reprinted it three times that year [8, p. 35]. From the beginning, the book enjoyed wide success and its popularity has increased in the following years. The book is sold 110,000 copies in Australia in about a year and a half from publication [22, p. 755]. By 1999 a total of more than 500,000 copies had been sold in that country and abroad [3]. The book brought the author the 1987 Human Rights and Equal Opportunities Commission Award for Literature, the 1988 Braille Book of the Year Award and the 1989 Western Australian Citizen of the Year Award for Arts, Literature and Culture. Thus, according to the modern literary criticism works, Sally Morgan has firmly established herself as a voice for indigenous people in the world.

As to critical appreciation My Place was welcomed by the majority of literary researchers. Adam Shoemaker supported the view that she universalised her personal family story and opened up a window into previously hidden Australian history for non-Aboriginal readers. «*My Place* will in fact be the first taste of indigenous writing for many who would otherwise not be exposed to it all and who will be encouraged to read further as a result» [20, p. 343]. Bain Attwood sees the reason of her stunning success in the fact that she is in a better position than a non-Aboriginal to draw information from full/part-Aboriginal people as her mother tongue is English and she was able to relate her story and the part-Aboriginal point of view in words and concepts that the general English-speaking world could understand [4, p. 317].

Regretfully the favourable comprehension of the novel was not unanimous. Attwood who has positive vision of the works emphasized that using English can be seen as one of the weaknesses of the work. J. Huggins is a strong supporter of the idea declaring «that My Place's greatest weakness is requiring little translation (to a white audience)» [12, p. 460]. Huggins also suggests that Aboriginal writers should «keep indigenous languages, styles and methodologies» [12, p. 460]. Though H. Sonoda defends Morgan's attempt to express aboriginality in English, «… it is possible for Aboriginal writers to retain their indigenous essence and to make their stories understood by their tribal readers. However, non-Aboriginal people cannot read books written in tribal languages and thus would miss the chance to learn about tribespeople» [21, p. 165]. Critics also debate the level of Aboriginality revealing in the text. Lizzy Finn in her critical works writes «the text does not put forward any single definition of Aboriginality» [9, p. 20]. It is also agreed by Attwood and Huggins. But If Aboriginality is defined as the nature of nomadic indigenous people who inhabited Australia before the white colonisation, it is not applicable to any contemporary part-Aboriginal people who live in urban white society. So Hughes remarks that it is dangerous to narrow the definition of tribal identity too much, implying that it is inappropriate to criticise Sally's Aboriginality because it does not fit some limited definition [14, p. 27]. Besides, Sally Morgan is not purely Aboriginal. According to A. Reed «Sally's achievement as an individual comes in acknowledging and integrating the two racial streams that flow together and comprise her identity» [18. p. 639].

In order to see the social reasons which urged Morgan to create My Place the state of aboriginal people in Australia in the 2nd part of the 20th century must be taken into consideration. Australian authorities have gradually created the image of marginal community which is really closed and is not worth studying in current conditions. When asking modern «Ausie» about Aborigines they display great unwillingness to communicate, to connect with or to identify themselves as an indivisible unique society with Indigenous people. Such a situation is a result of absence of information. In an interview with Mary Wright, Sally Morgan says when she was researching her book government files about indigenous people were under the control of the police and not open to the public [23, p. 10]. To overcome this difficulty Sally Morgan employed the oral history approach which, as Paula Hamilton points out, emerged during the 1960s and 1970s as an effective method to reveal the hidden life history of oppressed people [11, p. 482]. Sally Morgan succeeded in creating objective story based on the mentioned approach. In spite of her emotional resentment of injustice concerning Aboriginal people she endeavoured to make objective and bright picture of everyday life of unknown Australia. The book highlights a number of humorous, everyday episodes which help counteract any inclination towards bitterness. Macleod admits that the tragic history of her people is lightened by happy events along the way such as the account of Sally's wedding and her mother's success in the flower business. Furthermore, characters in the book have their own ways of dealing with unhappiness [16, p. 34].

For example, Sally's mother has her own philosophy which is to «laugh over difficult situations» [18, p. 32]. As a result My Place became successful not only in her national group but through all layers of Australian society

Being the first writer of indigenous origin who became accepted among different national groups Sally Morgan outlined the new frame of identity which combines Aboriginal roots and white people relationships of present day. Many literary critics consider identity as one of the main themes of the novel. Anne Brewster points out that identity is variable and susceptible to societal mores when she states that «identity is a shifting, changing and relational thing; it is contingent and constructed according to historical circumstance and political strategy» [7. p. 15]. Although Sally has Aboriginal blood, she is told by her grandmother and mother that she is Indian, obviously to protect her from being sent to mission school under the assimilation policy. Lizzy Finn writes that «there is no one place where identity is rooted» [9, p. 23], implying that the source of «identity» is complex. According to her book, Sally follows a white way of life and lives as an Australian in the city of Perth, even as she is recognised by indigenous people as a member of an Aboriginal group called Burungu in Pilbara, the northern section of Western Australia. Her personal experience shows the reader the opportunity to construct new connections with another national circle both for white population and aboriginal people so to build up a new postnational identity.

The pioneering attitude in describing aboriginal identity is seen as one of the main reasons of stunning success by many critics. Brewster insists that «it gave many Australians their first meaningful picture of contemporary urban Aborigines» [7, p. 7]. In the story, Sally's grandmother is brought up to feel ashamed that she is indigenous owing to the discriminatory ideas fostered by the assimilation policy. Although in her younger years she dreams of becoming white, as a grandmother she thinks this is shameful. She tells Sally about her experience of being torn between a white identity and a black identity because she is part-Aboriginal: «There I was, stuck in the middle. Too black for the whites and too white for the blacks» [18, p. 336]. It indicates how difficult it is to define the part-Aboriginal identity, and how complicated the concept of Aboriginality is. The following researchers give novice approaches to the issue. Rowse considers the book to be «a challenge to historical understanding of the changing apprehensions of «Aboriginality» within Australia's settler colonial culture» [19, p. 468]. Susan Lever states that My Place helps the reader to recognise that «Aboriginal problems are not «long ago and far away» but part of the present» [15, p. 115]. Thus, the book deals with current problems rooted in the past which contemporary urban indigenous people face.

My Place remains the most influential work of Sally Morgan, not only because of its extremely wide popularity but also because it provided a new model for other writers, particularly those of indigenous background. There is a strong persuasion among literary critics that *My Place* is autobiographical novel which is non-fiction in its structure. Memorisation as a method of ideas' presentation gave the author an opportunity to encourage her counterparts in showing the world a new image of literature, a new soul of country of a mixed postnational shape. As a final point of critical analysis of the novel position among other works of Australian authors it can be noted that Sally Morgan's voice is one which many people by different cultural and national descent will be able to comprehend. Sally Morgan shows how Australian people have been impoverished by their inability to come to terms with what they have done to the original settlers, the Aboriginal people. One can say that a book is only dormant, not yet fully alive, unless a readership is won. They occupied not only the land but also the minds, the ready ones for it. *My Place* was fortunate in this regard.

Bibliography

1. Баткин Л.М. О постмодернизме и «постмодернизме». О судьбе ценностей в эпоху после модерна [Электронный ресурс] / Л.М. Баткин // Октябрь. – М., 1996. – № 10. – Режим доступа: http://www.philology.ru/literature3/batkin-96.htm

2. Затонский Д.В. Постмодернизм: гипотезы возникновения [Электронный ресурс] / Д.В. Затонский // Иностранная лит-ра. – М., 1996. – № 2. – Режим доступа: http://www.philology.ru/literature3/zatonsky-96a.html

3. Aboriginal Art Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aboriginalartonline.com/art/sally-morgan.php

4. Attwood B. Portrait of an Aboriginal as an Artist. Sally Morgan and the Construction of Aboriginality: Rev. of My Place by Sally Morgan / B. Attwood //Australian Historical Studies – 1992. – Vol. 25. – No. 99. – P. 302–318.

5. Beresford Q., Omaji, P. Our State of Mind: Racial Planning and the Stolen Generations [текст] / Quentin Beresford, Paul Omaji, Fremantle Arts Centre Press: Fremantle, WA, 1998.

6. Birch T. The First White Man Born [текст]: Miscegenation and Identity in Kim Scott's Benang', in J. Ryan and C. Wallace-Crabbe (eds.) / T. Birch // Imagining Australia: Literature and Culture in the New World / Harvard University Press. – Cambridge, M.A., 2004. – P. 137–157.

7. Brewster A. Reading Aboriginal Women's Autobiography / A. Brewster, Sydney University Press – South Melbourne, 1996. – 229 p.

8. Cameron L. Sally Morgan. Aboriginal Experience / L. Cameron // 2 UG Topic Area. Glebe: Pascal Press. – 1994. – P. 35–37.

9. Finn L. Postnational Hybridity in Sally Morgan's My Place [Электронный ресурс] / L. Finn // Moveable Type. – 2008. – С. 11–28. – Режим доступа: http://www.ucl.ac.uk/english/graduate/issue/4/pdfs/finn.pdf

10. Frow J. A Politics of Stolen Time / J. Frow // Meanjin. – 1998. – Vol. 57, 2. – P. 351–67.

11. Hamilton P. Oral History / P. Hamilton // The Oxford Companion to Australian History, 2nd ed. / Edited by G. Davison, J. Hirst and S. Macintyre; Oxford University Press. – Melbourne, 1999. – P. 481–483.

12. Huggins J. Always was Always will be / J. Huggins // Australian Historical Studies. – Vol. 25, No. 100. – P. 459–464.

13. Hughan G. Australian Literature: Postcolonialism, Racism, Transnationalism / G. Hughan; Oxfrod University Press Inc. – New York: 2007. – 210 p.

14. Hughes M.A. The Complexity of Aboriginal Identity: Mudrooroo and Sally Morgan / M.A. Hughes // Westerly. – 1998. – № 43 (1). – P. 21–27.

15. Lever S. Life and Art: Helen Garner and Sally Morgan / S. Lever // Real Relations: The Feminist Politics of Form in Australian Fiction / Halsted Press. – Sydney, 2000. – P. 105–119.

16. Macleod M. When an Unfortuante Life is a Real Blessing: Rev. of My Place by Sally Morgan / M. Macleod // Times on Sunday. – 1987 – P. 24–34.

17. Morgan S. My Place / S. Morgan; Fremantle Arts Centre Press. – Fremantle: 1987. – 444 p.

18. Reed E. Sally Morgan: A Black Tall Poppy? / E. Reed // Australian Historical Studies. – Vol. 25. – No. 101. – P. 637–639.

19. Rowse T. Sally Morgan's Kaftan / T. Rowse // Australian Historical Studies. – 1993. – Vol. 25. – No. 100. – P. 465–468.

20. Shoemaker A. Trackling Black Australian Stories: Contemporary Indigenous Literature / A. Shoemaker // The Oxford Literary History of Australia. edited by B. Bennett and J. Strauss / Oxford University Press – Melbourne, 1998 – P. 332–347.

21. Sonoda H. A Preliminary Study of Sally Morgan's My Place / H. Sonoda // Otemon Journal of Australian Studies. – 2009. – Vol. 35. – С. 157–170.

22. Thomas S. Aboriginal Subjection and Affirmation [текст]: Rev. of My Place by Sally Morgan / S. Thomas // Meanjin. – Summer. – 1988. – P. 755–761.

23. Wright M. Interview with Sally Morgan and Gladys Milroy / M. Wright // Autobiography: The Writer's Story. Edited by D. Hammond, M. O'Neill and J. Reid / Fremantle Arts Centre Press. – Fremantle, 1988. – P. 10–14.

У статті зроблено аналіз критичних праць, присвячених роману австралійської письменниці Саллі Морган «My Place» («Моє місце»). У ході дослідження було виявлено основні теми роману, загальні причини пильної уваги вчених, його соціальне послання, сильні та слабкі сторони. Критичний

огляд дозволяє автору статті продовжити розгляд роману с точки зору його місця в постколоніальній літературі.

Ключові слова: ідентичність, аборигенна письменниця, критики, аборигенність, автобіографічний роман.

В статье сделан анализ критических работ, посвященных роману австралийской писательницы Салли Морган «My Place» («Моё место»). В ходе критического обзора были выявлены основные темы романа, общие причины пристального внимания ученых к роману, его социальное послание, сильные и слабые стороны. Критический обзор позволяет автору статьи продолжить рассмотрение романа с точки зрения его места в постколониальной литературе.

Ключевые слова: идентичность, аборигенный автор, критики, аборигенность, автобиографичный роман.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

УДК 821.111 «19»

Е.И. МУДРАК,
соискатель кафедры зарубежной литературы
Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара

РОМАН В. ВУЛФ «ВОЛНЫ»: ХРОНИКА СОЗДАНИЯ

В статье рассматриваются история создания и особенности жанрового эксперимента в романе В. Вулф «Волны».

Ключевые слова: модернистский роман, лиризованная проза, драматизация повествования, «поток сознания», внутренний монолог.

В 1931 г. В. Вулф познакомит читателя с романом «Волны» («The Waves»), произведением, отмеченным печатью несомненной оригинальности даже в ряду модернистских экспериментальных текстов. Предчувствуя рождение литературной формы, где была бы передана жизнь сознания, его креативная мощь, воссоздан театр лицедействующего «я» художника, В. Вулф попытается воплотить свое эстетическое «задание» в жанре, который не исключал бы «ни прозу, ни поэзию, но в тоже время был бы и романом, и драмой» [5, p. 240; 6, p. 128]. Целью данной статьи станет обращение к истории рождения замысла одного из самых новаторских и сложных произведений английской литературы начала XX в.

Из дневников писательницы известно, что желание написать роман пришло к ней ***летом 1926 г.***, когда В. Вулф завершала правку рукописи «На маяк». В лирической интерлюдии «Time Passes», разделяющей текст книги на две части («The Window» и «To the Lighthouse»), В. Вулф в совершенстве овладевает импрессионистической техникой «укрощения» времени, явленного в динамической круговерти природных циклов увядания и возрождения. С помощью изменчивой пейзажной мозаики она живописует стремительность жизненного потока, где трагические эпизоды гибели земного сменяются светом надежды, знаками весеннего пробуждения[1]. Писательница незаметно вплетает фабульную нить в орнаментальный рисунок описаний. В «Волнах» В. Вулф вновь возвращается к опыту имперсонального повествования, и ей представляется, что именно так возможно воссоздать атмосферу духовных импульсов.

Осенью 1926 г. В. Вулф расширяет и дополняет предварительные наброски романа, насколько известно, до 1927 г. связного художественного текста «The Waves» не существо-

[1]В своих дневниках В. Вулф, как всегда неожиданно, сравнивает три романных фрагмента с графическим образом буквы «Н», где «два вертикальных блока соединены коридором» [1, p. 74]. Первая и третья главы романа представляют собой один день из жизни семьи, отдыхающей в доме на побережье Шотландии, скрепляющим звеном между ними становится вторая часть («Проходит время»), где плещется «темное воображение бессознательного» [1, p. 74]. В структуре романа «На маяк» эта часть является некой фабульной паузой, которая словно размыкает главы, но на самом деле оказывается, по мысли Дж. Бригс, важной связкой, придающей произведению особую эмоциональную тональность.

© *Е.И. Мудрак, 2012*

вало, он был представлен фрагментарно, эпизодично, и будущая книга оставалась в тени других работ В. Вулф.

С 1926 г. В. Вулф заявляет о себе как о художнике, которого интересует феминистское движение, свои размышления она изложит в литературно-критическом эссе «A Room of One's Own» (1929)[2]. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. В. Вулф не прекращает и работу над литературно-критическими статьями, пишет рецензии и обзоры для текущей периодики журналов «*The Times Literary Supplement*» и «*Nation and Athenaeum*», пополняет свой эссеистический сборник, который планирует сделать продолжением первой части «Обыкновенного читателя». Создаваемые в этот период очерки – «Узкий мост искусства», «Стадии литературы», «Новая биография», «Как следует читать книгу» – оказываются важным творческим этапом, готовящем почву новым художественным открытиям писательницы.

Весна 1927 г. явится для В. Вулф временем испытаний, она готовит к изданию «На маяк», тревожится о том, что ее литературные тексты утратили «яркость, красоту и очарование». Тщательно работая над текстом книги, В. Вулф сомневается в себе, в дневниках она называет себя «суетливым несведущим писателем», растратившим свой талант. Пора трудностей наступает и в отношениях с друзьями и близкими, нарастает охлаждение отношений с сестрой, Леонардом Вулфом, она отдаляется от Блумсбери (Литтона Стречи, Клайва Белла, Роджера Фрая), утрачивает теплоту ее дружба с Витой Саквилл-Уэст [4, p. 375].

Однако публикация ***5 мая 1927 г.*** романа «На маяк», а спустя полтора года «Орландо», биографии-мифа, вобравшей в себя историю всей английской литературы, приносит писательнице общеевропейскую известность, к ней приходит и финансовый успех [2, p. 242]. Ее книги переводят на европейские языки, издают в США. Чарльз Марон познакомит французского читателя с фрагментами текста «На маяк», полностью роман опубликуют во Франции в лишь 1929 г., его оценят как литературный шедевр и удостоят В. Вулф литературной наградой «*Femina*», учрежденной во Франции журналом «*La Vie Heureuse*» как альтернатива «мужской» Гонкуровской премии [4, p. 386][3].

Отчасти горечь от утрат и охлаждения дружеских связей излечивается знакомством с интересными для В. Вулф современниками – писателем Хью Уолполом и композитором Этель Смит [4, p. 514–515][4]. Крепнет сотрудничество с Т.С. Элиотом, произведения которого Леонард и Вирджиния Вулф продолжают публиковать в Хогарт Пресс, а сам он становится частым гостем в Родмелле, загородном доме Вулфов**.** В. Вулф все так же активно трудится в издательстве, редактирует сочинения молодых авторов: Дж. Хемпсона, К. Ишервуда,

[2]В 1928 г. В. Вулф пригласили прочитать лекции в колледже Кембриджа на тему «Женщины и художественная проза». Материалы лекций, объединенные темой женского творчества, позднее стали основой знаменитого очерка «Своя комната» («A Room of One's Own», 1929), текста первостепенной значимости для феминистской литературной критики, положившего начало современной полемики по вопросам женского авторства. Эссе построено как размышление автора над судьбой женщины художника, теми трудностями и социокультурными препятствиями, которые ей предстояло преодолевать на своем пути в разные исторические эпохи. Написанная в легком изящном стиле, эта работа, по мнению Дж. Голдман, размывает границы между литературной критикой и художественной прозой и становится «самым важным вкладом В. Вулф в теорию литературы». В ней затрагиваются актуальные проблемы гендера, андрогинности, патриархальных традиций, субъективизма, женского письма, «телесности» и пр. [3, p. 97].

[3]Несмотря на нежелание В. Вулф участвовать в церемонии награждения, это событие стало одним из наиболее важных и приятных впечатлений года. Признание, несомненно, льстило В. Вулф, в то же время она не преминула иронично отозваться о ритуале награждения, напоминающем ей «the dog show prize» [4, p. 387]. Поклонники таланта В. Вулф во Франции к этому времени были уже знакомы с «Комнатой Джейкоба», в 1929 г. на французский перевели «Миссис-Дэллоуэй» и «Орландо».

[4]Хью Уолпола В. Вулф представили в 1923 г. и поначалу он ей показался «холодным и тщеславным», однако вскоре писатель станет ей другом [5, p. 275]. В. Вулф многие узнают в Джейн Роуз, героине романа Х. Уолпола «Ганс Фрост» (1929), жене художника прерафаэлита. Представляя Дж. Роуз читателю, автор назовет героиню «лучшей современной романисткой Англии [4, p. 567; 5, p. 275]. Этель Смит (1858–1944) – эксцентричная феминистка и известный английский композитор начала века. В. Вулф выведет ее под именем суфражистки Роуз Парджитер в «Годах», а также, полагают, представит в образе незадачливой мисс Ла Троуб («Между Актов»).

У. Пламера, Д. Леона, философские труды Фрейда и Юнга. Она сближается с оксфордскими поэтами – У.Х. Оденом, Л. Макнили, С. Дей Льюисом, С. Спендером [4, p. 415][5].

Весной 1927 г. В. Вулф впервые озаглавит будущую книгу и назовет ее «The Moths» («Мотыльки»), писательница пояснит в дневнике, что ее преследует образ гибнущих в огне мотыльков. Этот мотив быстротечности жизни и беззаботности, уже давно освоенный в литературе (поэзия У. Блейка, Дж. Китса, Э. По)[6], для В. Вулф имеет свою личную окраску – воспоминания о детстве и играх с братом. В то же время В. Вулф привлекает аллегоризация темы – метаморфозы циклов жизни и перерождений, столь схожие, по ее мнению, со стадиями взросления художника [2, с. 241].

Летом 1929 г. В. Вулф записывает, что роман, над которым она работает, не будет «похож, ни на одну из предыдущих книг», он «требует всей моей выдержки и выносливости», его можно сравнить не столько с текучей мыслью человека, сколько с плывущим по волнам кораблем… скорее сознанием, где мысль никогда не замирает. Образы отдельных сознаний предстают как острова в потоке, который я пытаюсь преодолеть, здесь будет присутствовать и образ женского авторства» [6, p. 131, 230]. Писательница впервые заявит о необычности литературной формы «The Waves», о том, что она видит в ней «драматическую поэму идей» («a play-poem idea») [6, p. 303]. Она также недовольна прежним заголовком и ищет другой – «Ночные бабочки? или чья-то жизнь?» («The Moth? or the life of anybody?») [6, p. 313]. В. Вулф продолжает переписывать текст книги: в одной из ранних версий «Волн», напоминает Дж. Бригс, она начинает повествование с описания крупной бабочки и ее таинственного рисунка «мерцающего» и «исчезающего» [2, p. 246].

Дж. Бригс, комментируя ранние фрагменты романа, укажет, что поначалу В. Вулф хотела представить ряд дополняющих друг друга пластов – один общий универсальный, который, суммируя поток индивидуальных историй, дает сюрреалистическое видение бытия. Это картина-фреска, где женщины в страданиях и стонах дают рождение новой жизни, а сам процесс уподоблен первобытно-бесконечному морю, источнику всего сущего, где «одна волна наследует другой…». Другие же повествовательные уровни должны были быть связаны с опытом существования внутреннего человека, и В. Вулф обозначает их как психологический и литературный [2, p. 243]. По замыслу писательницы они должны были быть сквозными и включать в себя метафоры и символы из книги «Бытия». По наброскам, оставленным В. Вулф, текст «Волн» начинался эпизодом из детства героев (рассвет на берегу моря) и «мог бы быть назван Автобиографией» [6, p. 236]. Писательница пыталась достигнуть эффекта одновременности ощущения через наложение на внешний событийный план (группа детей, играющих на побережье) ассоциативной жизни сознания, «мира воображения», создать навязчивое звуковое ощущение разбивающихся о берег волн, шум которых подобен отзвуку биения материнского сердца [6, p. 236]. В дневнике В. Вулф признается, что она хотела «рассказать историю мира от самого его начала», ее интересовала «не одна жизнь, а все жизни вместе» [6, p. 248]. Эти начальные фрагменты остались незаконченными и не вошли в окончательный вариант рукописи.

В августе 1929 г. дневниковые записи В. Вулф пронизывает чувство неудовлетворенности, недовольства ходом работы – «кружением», но «продвижением вперед». В. Вулф пишет роман и постоянно комментирует сам процесс творчества, как бы ведет хронику создания романа. Она старательно фиксирует стадии воплощения замысла, его материализа-

[5]В эссе «Поэзия, художественная литература и будущее» (1927), опубликованном в *New York Herald Tribute*, В. Вулф выступит в защиту молодого поколения художников и поэтов, ищущих новый поэтический язык, более «гибкие и эластичные» формы, способные отразить «сложность современного сознания» [7, p. 11–12]. Поколению 1930-х гг., убеждена В. Вулф, нужен другой текст, «более напряженный, однако, не будучи драмой, он, вероятно, будет отстранен от жизни и, как поэзия, будет лишь очерчивать явления, не детализируя их» [7, p. 23, 18].

[6]В. Вулф часто возвращается к символичному образу мотылька в некоторых своих эссе – «Чтение» (1919) и «Смерть мотылька» (1940). Здесь оказывается важным контекст ее личных интерпретаций этого образа, во многом восходящий к античности. Интерес к энтомологии оказывается важной темой и в романе «Комната Джейкоба». В очерке «On Being Ill» (1939) В. Вулф признается, что болезнь обостряет ее воображение, оно часто становится ярким и подвижным: «Что-то происходит в моем сознании… Оно подобно куколке бабочки (хризалиде)… во мне словно мотылек расправляет крылья» [6, p. 287].

цию. В. Вулф отмечает в дневнике: «Я хочу увидеть, как впервые появляется на свет моя мысль, я хочу проследить свой собственный процесс», «погрузиться в донные воды», «шаг за шагом спуститься в колодец своего воображения» [6, p. 112, 113, 243].

В течение 1929 г. текст романа не складывается в целое, и лишь поздней ***осенью 1929 г.*** «Волны» обретают свой узнаваемый облик. К В. Вулф приходит решение скрепить повествование образами драматических персонажей («Dramatis Personae»), подхваченных потоком времени [2, p. 248]. Она уходит от описания внешней реальности, погружается в пространство «я» и подчиняет монологи своих героев ритму, связанному с движением биологического цикла: «Детство – Взросление – Зрелость – Смерть» [6, p. 313]. В. Вулф вновь возвращается к заголовку и пытается объективировать ритм повествования, сблизить его с незатихающим бегом волн. Она вводит дополняющие друг друга повествовательные планы: саморганизующийся, претендующий на безличность рамочный текст, реплики автора («…Susan said», «…Neville said»), выполняющие драматическую разграничительную функцию, не позволяющие окончательно превратить текст в драму, и неумолкающие голоса персонажей [2, p. 248]. ***В октябре 1929 г.*** роман наконец-то обретет заголовок – «The Waves», образ также во многом навеянный ранними воспоминаниями писательницы, о которых она расскажет в автобиографическом эссе «Очерки прошлого»: «Бабочки, хотя, я думаю, это будут Волны, пишутся с трудом…» [6, p. 262].

В образах романа, которым автор дала имена – Сьюзан, Бернард, Джинни, Льюис, Невилл, Рода, современники узнавали облики дорогих В. Вулф людей. Так, Сьюзан она подарила черты сестры Ванессы: ее страсть к жизни, любовь к детям, ощущение прочности созданного ею семейного мира. Льюиса многие соотносят с Т.С. Элиотом, которому, как и герою, была свойственна обособленность, замкнутость, отчужденность, на это указывает и его неанглийское произношение. Полагают, что аллюзией на имя героя служит родной город Элиота – Сент-Льюис. Невилл, по признанию писательницы, был частично «списан» с Литтона Стречи. Прототипом таинственного Персиваля, чей образ является магической сердцевиной романа, стал брат Тоби, которому В. Вулф хотела посвятить «Волны»[7].

И наконец, ***зимой 1930 г.*** к В. Вулф приходит решение ввести в текст романа десять фрагментов, которые станут своеобразными природными интерлюдиями, где передано течение дня от рождения до заката и образ незатихающего моря и волн, бегущих и разбивающихся о берег. Теперь она видит «Волны» как особый поэтико-музыкальный синтез, как роман-рапсодию, где ведущим оказывается роль ритма [6, p. 316][8]. В. Вулф осознает, что ее роман – ни на кого не похожее «странное дитя», так трудно обретающее жизнь с помощью слова, открывает новую стадию ее творчества, писательница убеждена, что «вскоре придут книги, которые дадут жизнь новым текстам: разным по стилю и тематике» [6, p. 203][9].

---

[7]***В феврале 1931 г.***, завершив роман, В. Вулф записывает в дневнике: «Я написала последние слова «О, Смерть ….» пятнадцать минут назад… В любом случае это сделано; и я нахожусь все эти несколько минут в состоянии полного покоя, счастья и грусти, думая о Тоби, если бы только я могла написать *Джулиан Тоби Стивен* (1881–1906) на первой странице» [6, p. 10].

[8]***В сентябре 1930 г.*** работа над романом идет быстро и легко, и В. Вулф уточняет, что он «создан, основываясь на ритме, а не на сюжете», и дополняет, что «Волны» должны «гармонировать с художнической перспективой» [6, p. 316]. Дж. Бригс предположила, что В. Вулф создает рисунок интерлюдий, следуя мотивики сонетов Шекспира (60 и 73), где присутствует совмещение ритмов человеческой жизни с постепенным угасанием дня [2, p. 262].

[9]В начале 1930-х гг. В. Вулф начинает вести наблюдения над собственным сознанием, она ведет этот дневник как психолог-литератор, отстраненно наблюдающий за своим «я». Писательница занимается самоанализом, фиксирует все свои эмоции и размышления, погружается в глубины дотоле ею не исследованные. В. Вулф открывает в своем дневнике новые рубрики, пытается разобраться в себе, и делает это с удовольствием, экспериментируя и играя роль психоаналитика. На протяжении нескольких недель она ведет дневник, где под разными заголовками («Творчество и размышления», «Мое собственное сознание», «Сочинения современников» и др.) наблюдает малейшие, иногда вовсе неприметные изменения своих ощущений – охлаждение в отношении к близким и друзьям, смену привычек [4, p. 530]. Свой опыт, мысли и психологические состояния она введет в роман, раздарит всем героям, и потому Леонард Вулф позднее скажет, что образы шести персонажей «The Waves» представляют собой вариации воплощения авторского «я» [2, p. 242; 4, p. 529; 6, p. 229–230].

Тема творческого сознания художника входит во все романы В. Вулф постоянно обогащаясь. Во многих произведениях писательницы образ художника является важным и проявляет себя новой гранью. Если в ранних романах «Отплытие» (1915), «Ночь и день» (1919), «Комната Джейкоба» (1922) писатель Теренс Хьюит, поэт Ричард Алардис, драматург Уильям Родни и художник Чарльз Стил были малозаметными героями, то уже в романе «На маяк» образ художника становится ключевым, обретает гендерную окраску и отныне будет воплощен в фигуре независимой женщины, сознательно отказывающейся от социальных условностей «мужского» мира и самостоятельно выбирающей свой путь (Лили Бриско, мисс Ла Троуб). В литературных биографиях В. Вулф, «Орландо» и «Флаш», ведущей темой является тема творчества, а его носители являются уже главными персонажами и представляют собою ипостаси женского и мужского авторства – Орландо, чета Элизабет Баррет Браунинг и Роберт Браунинг[10].

В последних романах В. Вулф «Волны» и «Между актов» возникает иная концепция образа художника, предтечей которой станет героиня романа «На маяк» Лили Бриско. Здесь возникает эффект повествующего сознания, которое предстает как художническое. В «Волнах», «Годах» и «Между актов» меняется сам характер повествования: голос повествователя безличен, но он принимает на себя активную творческую роль, постоянно напоминает о себе, и наряду с традиционной возникает и драматическая функция суфлера, голоса из-за кулис, во многом делая структуру романа интертекстуальной.

Современные исследователи (Г. Ли, Дж. Бригс, Дж. Голдман, К. Фруола), упоминая об автобиографических корнях «Волн», опираясь на жанровую концепцию произведения, предложенную самой В. Вулф, которая называла роман «Автобиография», все более настойчиво заявляют о том, что они видят в «Волнах» модернистский *Künstlerroman* текст, где передано сознание автора, представленное как дневник рождения художественного замысла. Тема художника, размышляющего над творчеством, уже была освоена в модернистской прозе, но В. Вулф создает свой собственный текст, такой же единичный и неповторимый, как романы Пруста и Джойса.

Список использованной литературы

1. Briggs J. The Novels of the 1930s and the Impact of History / J. Briggs. // The Cambridge Companion to Virginia Woolf / Ed. by S. Roe and S. Sellers. – Cambridge, 2000. – P. 72–90.
2. Briggs J. Virginia Woolf. An Inner Life / J. Briggs. – Harcourt, 2005. – 240 p.
3. Goldman J. The Cambridge Introduction to Virginia Woolf. – Cambridge, Cambridge University Press, 2006. – 197 p.
4. Lee H. Virginia Woolf / H. Lee. – L., 1997. – 357 p.
5. The Diary of Virginia Woolf. In 5 vols / Ed. by Anne Olivier Bell / Vol. 2. – N. Y., L., 1978. – 340 p.
6. The Diary of Virginia Woolf. In 5 vols / Ed. by Anne Olivier Bell / Vol. 3. – N.Y., L., 1980. – 410 p.
7. Woolf V. Granit and Rainbow / V. Woolf. – N.Y., L. 1958. – 224 p.
8. Woolf V. The Waves [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gutenberg.net.au/ebooks03/0301221h.html

Розглядаються історія створення та особливості жанрового експерименту у романі В. Вулф «Хвилі».

Ключові слова: модерністський роман, ліризована проза, драматизація розповіді, «потік свідомості», внутрішній монолог.

The article deals with the creation of V. Woolf's famous novel «The Waves» as well as with the peculiarities of its genre experiment.

Key words: modernist novel, lyrical prose, dramatization of narration, «stream of consciousness», interior monologue.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

[10]В «Орландо», несомненно, находит свое литературное воплощение мысль В. Вулф (отчасти заимствованная ею у Кольриджа) об «андрогинном сознании» поэта, высказанная ею в эссе «Своя комната».

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ЕСТЕТИКИ ТА ПОЕТИКИ ЛІТЕРАТУРНОГО ТВОРУ

УДК 82.091

Н.И. ИЛЬИНСКАЯ,
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой мировой литературы и
культуры имени проф. О. Мишукова
Херсонского государственного университета

ТИПОЛОГИЯ АНАКРЕОНТИЧЕСКОГО МОТИВА ЦИКАДЫ В ПОЭЗИИ ДЖОНА КИТСА И АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО

В статье рассматривается модификация сквозного в мировой поэзии образа цикады (кузнечика, сверчка) как «двойника» творческой личности. В поэтическом диалоге Джона Китса и Арсения Тарковского прослежена трансформация образов Кузнечика и Сверчка; выявлена инвариантная составляющая, воплощенная в идиостилистике поэтов, типологическое сходство и различие в интерпретации данных образов.

Ключевые слова: анакреонтика, мотив, поэтология, инвариант, поэтический диалог.

Образы Кузнечика и Сверчка как «двойники» творческой личности восходят к анакреонтическому мотиву цикады. В мировой поэзии он имеет богатую и разветвленную историю, которая начинается в начале XVIII в. с публикации в Голландии билингвального сборника стихотворений Анакреонта и Сафо. Довольно скоро любителям древностей становится известно, что большая часть произведений – это лишь дилетантские подражания позднего эллинизма античному лирику. Однако этот факт не мешает анакреонтее покорять утонченную читательскую аудиторию в Старом и Новом Свете и победно шествовать в веках. Как напишет Булат Окуджава, «восемнадцатый век из античности / в назиданье нам, грешным, извлек / культ любви, обаяние личности, / наслаждения сладкий урок». И, дополним, восемнадцатый век актуализирует анакреонтическую мифологему поэта – любимца Муз, баловня и избранника судьбы, посредника меж миром дольним и горним.

Особую популярность приобретает лирическая миниатюра «К цикаде», которая становится претекстом разноплановых семантических трансформаций вот уже на протяжении нескольких столетий. Перечень поэтических имен, обратившихся к образу цикады, настолько внушительный, что не представляется возможным даже простое их перечисление.

Интерес русской литературы к природным, в частности зооморфным мотивам, образам и символике, зафиксирован литературоведением. Это раздел «Символика насекомых» в масштабном исследовании А. Ханзен-Леве «Мифопоэтический символизм» [8, с. 539–555], статьи Л. Звонаревой «Зооморфный код в поэзии Зинаиды Гиппиус» [2], С. Саловой «Фабула о кузнечике в русской анакреонтике XVIII века» [5], В. Владимирцева «Поэтический бестиарий Достоевского» [1]. Отдельные упоминания содержатся в статьях, посвященных творчеству того или иного автора (например, Вяч. Вс. Иванов «Хлебников и наука» [3, с. 378]). Непосредственно образ цикады рассматривается в оказавшихся недоступными для нас работах западных русистов [8, с. 554]. Задача данной статьи – проследить транс-

© *Н.И. Ильинская, 2012*

формации образов Кузнечика и Сверчка в поэтическом диалоге Джона Китса и Арсения Тарковского, выявить инвариантную составляющую, типологическое сходство и различие в их интерпретации. Специального исследования в заявленном ракурсе не проводилось.

Инвариантом семантики образа цикады или его русского аналога кузнечика является анакреонтический миф о поэте – любимце богов и баловне судьбы. Его отголоски находим в предании, изложенном Платоном. Как известно, в нем рассказывается о появлении на земле Муз и песен, от которых излишне впечатлительные люди пришли в экстатический восторг. Не щадя «живота», они без устали предавались искусствам. От этих странных личностей и произошла порода цикад. За исключительную преданность искусствам Музы даровали им способность жить беззаботно и радостно петь до самой смерти. После кончины цикады отлетают в обитель Муз, чтобы продолжить там свою нескончаемую песнь.

По-видимому, такое «творческое поведение» подсказывает К. Кедрову – поэту XX ст. – «старую-новую» семантику образа Стрекозы. (В скобках напомним, что именно «К стрекозе» называется русифицированная анакреонтея А. Кантемира, положившая начало русскоязычным вариациям. В ее рамках первоначально оформляется символико-аллегорическая семантика образа кузнечика-поэта). Современным автором связываются воедино, а не противопоставляются «пела» и «дело»: «Ты все пела – *это дело».* Посредством переноса логического ударения инверсирована эзопо-крыловская мораль и актуализировано исходное значение анакреонтического мифа о блаженном поэте-цикаде (кузнечике), смысл жизни которого – вдохновенное творчество.

Отголоски мифа содержатся в таких инвариантных чертах образа поэта-кузнечика, как оптимистическое мирочувствие, уверенность в священности поэтического дара и его бессмертии – непременной атрибуции творческой личности, медиаторские функции посредника между небом и землей. По мере отхода от претекста образ цикады / кузнечика трансформируется и дополняется новыми смыслами. В культурной преемственности образа кузнечика (цикады, сверчка) происходит переориентация образно-семантической структуры первоисточника в соответствии с эстетическими принципами, жанровыми канонами литературного направления или идиостилистики автора. Конкретизируем этот тезис, обратившись к поэзии названных авторов.

Сонет «Кузнечик и сверчок», написанный за 15 минут в дружеском соревновании, становится одним из самых известных произведений Джона Китса. В нем сконцентрированы константы его поэтологии, а именно: утверждение гармонического единства природы и поэзии как равновеликих реальностей; устремленность к красоте, которая разлита на земле во многих, в том числе и будничных проявлениях; естественность процесса творчества, вырастающего из свободы выбора автора. Для поэзии не существует запретных или неподобающих тем. Однако, наслаждаясь красотой подлунного мира, поэт целомудренно не посягает на высочайшую роль Творца – он до самозабвения, как мифологическая цикада / кузнечик воспевает совершенство и гармонию Божьего творения. Отметим, что именно эта способность – преображать «случайные черты» в поэтическом слове, сближает таких разных по времени и по социокультурным условиям жизни поэтов, как Джон Китс и Арсений Тарковский. Оба также ценят в поэзии богатство культурной памяти.

Можно утверждать, что в определенной степени английский поэт обгоняет свое время. Этот тезис подтверждается высокой литературной репутацией поэзии Дж. Китса в литературе XX в., у истоков которой – прерафаэлиты и Оскар Уайльд. В пользу сказанного свидетельствует и своего рода творческое соревнование современных русских переводчиков Д. Китса. Так, сонет «Кузнечик и сверчок» насчитывает около десятка версий, среди которых – переводы Б. Пастернака, С. Маршака, О. Чухонцева, М. Новиковой, С. Сухарева, Т. Спендиаровой. В отличие от традиционного для романтиков образа поэта-пророка или демонической личности, в этом и других стихотворениях Джон Китс исповедует близкую современным поэтологиям концепцию поэта-протея. Вот как пишет об этом сам автор: «Поэт самое непоэтическое существо на свете, ибо у него нет своего поэтического «я»: он постоянно заполняет собой самые разные оболочки» [цит. по: 9, с. 8). Эту особенность наблюдаем в «Кузнечике и сверчке», где творческая личность представлена двумя равнозначными ипостасями: образами освященного традицией кузнечика (цикады) и его менее

именитого собрата – домашнего сверчка. «Поэзия земли» не умолкает никогда, потому что для Дж. Китса, как отмечает И. Шайтанов, «прекрасное повсюду: и в летнем стрекоте кузнечика, и в запечной песне сверчка, и в мгновенной потрясенности человека, переживающего минутность своего бытия на берегу океана вечности» [9, с. 11].

В русле темы укажем на типологическую параллель с А. Тарковским. Взлелеянный двумя веками русской поэзии образ поэта Пророка / Жреца / Царя / Мессии в поэтологии русского автора встречается со своей антитезой – образом поэта, гордыня которого смиряется «оскромнением». Так, в стихотворении «Кузнец» двойником поэта выступает уничижительный «кузнечик», то есть не мастер, сотворивший свой мир, а всего лишь что-то «смастеривший» подмастерье. Такая демифологизация образа в русской поэзии встречается впервые, поскольку интерпретация образа кузнечика (цикады) в подобном модусе не характерна.

Сравнение подстрочника сонета Дж. Китса и переводов на мотивном и лексическом уровнях (по понятным причинам не анализируются уровни поэтической фоники и версификационный) позволяет выявить некоторые особенности поэтического «полилога». Так, инвариантной остается китсовская метафора «поэзия земли». Ее модификации располагаются в семантическом поле его поэтологии – «прекрасному в природе нет конца»; «поэзии в природе нет конца», соединяя, согласно Китсу, естественную красоту мира и поэзию. Нарушает общее согласие Б. Пастернак, передавая первый стих библейской реминисценцией из Екклезиаста: «В свой час своя поэзия в природе»; «В свой час во всем поэзия своя» (ср.: Всему свое время, и время всякой вещи под небом – Еккл. 3:1), создавая тем самым онтологический подтекст.

Во всех переводах сохраняется параллелизм – семантическая доминанта, заданная оригиналом и анакреонтической традицией поэтического бессмертия: «Поэзия земли никогда не умирает», «Поэзия земли никогда не прекращается». Общим является «разрешение» в заключительных строках антитезы жаркого лета и зимней стужи благодаря их «примирению» в неумолкающей песне Сверчка и Кузнечика. Если иметь в виду аллегорическое прочтение, то, возможно, речь идет о представителях разного типа творчества или макро- и микрокосмоса, одинаково ценных и необходимых для мировой гармонии.

Показателен еще один момент: в образе Кузнечика Дж. Китсом акцентирована очаровательная беззаботность, переполненность жизнью и сибаритство как знак культурной преемственности и верности анакреонтическому претексту. На лексическом уровне это передано словами «роскошь лета», «восторг», «усталость от веселья», что синонимично отражают практически все переводы за исключением пастернаковского. Русский поэт не следует буквально за оригиналом. Благостная лень и аполлонизм китсовского Кузнечика трансформируются в дерзость, дионисийский размах и хмельное экстатическое безумие истинно русского поэта: «Кузнечик – вот виновник тех мелодий. / Певун и лодырь, потерявший стыд, / Пока и сам, по горло пеньем сыт, / Не свалится последним в хороводе».

Как видим, «русифицированный» Б. Пастернаком английский Кузнечик в полной мере отражает «стихийно-игровой дар» поэта, тяготеющий к сплетению разнокачественных сплетений и ассоциаций. М. Эпштейн, говоря о концепции природы в лирике поэта, точно замечает: «В природе, как ее видит поэт, преобладает беспорядок, свежий хаос, наплыв безудержных влечений, хлещущих через край» [10, с. 249]. Такое восприятие бытия поэтом-кузнечиком становится своего рода традицией: в более новых переводах он «шалит, звенит» (М. Новикова); «блаженствует, опьянев от света, звенит и стрекочет» (Т. Спендиарова); падает, «обессилев от рулад» (С. Сухарев). И хотя Кузнечик и Сверчок Дж. Китса гармонично дополняют друг друга, все-таки пение сверчка лишь напоминание, отражение, иллюзия в полусне или полудреме, что подчеркивается на лексическом уровне глаголами «кажется», «чудится». Такова в общих чертах поэтическая идеология Дж. Китса, воплощенная в сонете «Кузнечик и сверчок».

В корпусе поэзии Арсения Тарковского кузнечики занимают лидирующие позиции по сравнению со сверчками. Это стихотворения «Загадка с разгадкой», цикл «Кузнечики», «Кузнец», «Где целовали степь курганы». О сверчке – только одно, но знаковое в поэтологии А. Тарковского стихотворение с таким же названием – «Сверчок». Образ кузнечика полифункционален, однако неизменной остается его устойчивая связь с поэтологиче-

ской проблематикой. Он маркирует культурную преемственность и выступает коррелятом поэта-неотрадиционалиста, того, «кто из рук Анакреона / Вынул скачущий огонь». Отметим и отличие: это изменение «среды» обитания поэта-кузнечика (цикады), по сути «взрывающим» анакреонтическую традицию. По сравнению с традиционным буколическим топосом анакреонтеи или идиллическим пейзажем в сентиментализме кузнечик поэта XX в. находится в инородной обстановке. Он окружен бездушным железом, он сам из железа, из этого же материала его книга (стихотворение «Кузнец»), что имеет свой подтекст. То есть в характерные для мифологемы эпикурейские мотивы гармонии, свободы и радости творчества входит трагический модус.

Оригинальный и самобытный образ поэта представлен в стихотворении А. Тарковского «Сверчок» [6, с. 40], которое является первым в череде его кузнечиков / сверчков. Стихотворение, написанное в 1940 г., отличается от анакреонтеи переработкой устойчивых мотивов и семантики. При этом сохраняется преемственность между образами «цикады» и «обрусевшими» «кузнечиком» и «сверчком». Как представляется, стихотворение «с ключом», и мы попытаемся это доказать, обратившись к интертекстуальному анализу.

Начнем с того, что по сравнению с любимцем богов и муз, коим является вольный житель полей кузнечик, локус сверчка ограничен – он домашний «певец» для немногих или лучше сказать для избранных. Несмотря на явную зависимость от злой воли («И один для меня приготовит крутой кипяток»), поэт-сверчок самодостаточен в осознании своего «шестка» («А другой для меня приготовит шесток золотой»). Сразу же становится ясным, что это не аллюзия на известную уничижительную поговорку («Знай сверчок…»). Шесток «сияет» золотом, коррелирующим мифопоэтическому мотиву божественного покровительства поэту со стороны Аполлона и муз. Возникает еще одна ассоциация – она тоже сигнализирует о культурной памяти и восходит к золотому Кузнечику Г. Державина, который «сам собою богат»; «золоту» Кузнечика В. Хлебникова – «крылышкуя золотописьмом». Иными словами, «запечный сверчок» предельно четко осознает место своего творчества на «золотом шестке» русской поэтической традиции.

Печной запечек – это аналог «Луга зеленого» русской литературы в ситуации культурной «рассеянности» писателей. Только вместо свободного луга – печная зола (пепелище) и «заповедная», то есть «сокровенная», «скрытая» от других песня сверчка. Аллюзивно-реминисцентный пласт стихотворения позволяет восстановить дорогие А. Тарковскому имена. В «заповедной» песне сверчка, которая в первоначальном варианте текста называется «похоронная», аллюзивно «присутствует» Марина Цветаева. Как указывает сам автор, «эпитет «заповедная» во второй строке придуман М. Цветаевой вместо моего, который ей не понравился» [6, с. 436]. Строка «Я по крови домашний сверчок» перекликается с известным мандельштамовским «Мне на плечи кидается век-волкодав, / Но не волк я по крови своей» («За гремучую доблесть грядущих веков»), напоминая о духовном родстве поэтов и о тех, кого уж нет. Возможно, бедная скрипка сверчку досталась от поэта Я. Полонского – на ней играл его «Кузнечик-музыкант».

В тоске по мировой культуре и поисках «литературного отечества» автор обращается к памяти: поэт-сверчок «одной крови» с нездешней цикадой. Он также, как и она, «богат песнями», бережно хранит русскую речь, усматривая в этом свою особую миссию для поколений («Сколько я поговорок сложил в коробок лубяной, чтобы шарили дети в моем лубяном коробке»). Мотив памяти, как культурной, так и памяти-воспоминания, связанный с поисками своей «родословной в искусстве», реализуется в диалоге с поэтами русского зарубежья. «Проницательный читатель» (а другого у А. Тарковского в те годы и не было), понимает, кто такие «путешественники в далеком краю». В тексте «спрятана» реминисценция из стихотворения Вяч. Иванова «Цикада». В нем цикады, как и сверчок А. Тарковского, наделяются апокалиптическими пророческими функциями. Они «трубят» о катастрофе почти физического исчезновения прежней жизни и о «последних временах» культуры: «Ты не слышишь меня, / голос мой – как часы за стеной, / А прислушайся только – и я поведу за собой, / Я весь дом подыму: / просыпайтесь, я сторож ночной! / И заречье твое отзовется сигнальной трубой» (ср. у Вяч. Иванова: «Цикады, цикады! / Любят вас Музы: / …/ Вы трубачи! Куйте мне в трубы…).

Созданный А. Тарковским образ поэта-сверчка соотносится с одним из вечных архетипов творцов – легким, жизнерадостным, «моцартианским». В тексте его маркеры – бедная старая скрипка, мотив «вечного детства», мудрое приятие жизни. И в этом контексте можно говорить о пушкинском коде творческой личности, в котором поэт XX в. ценит «божественную сущность, моцартианскую» [7, с. 264]. Но скрипка «с единственной медной струной» напоминает как о трагической судьбе Паганини, так и о нереализованном поэтическом даре самого автора.

Формируя концепцию творческой личности, А. Тарковский находит предшественника и в ближайшем окружении. Это поэт милостью Божией – О. Мандельштам, который воплощает схожие черты творческого поведения. О художественном влиянии поэта-акмеиста на поэтику А. Тарковского сказано достаточно. Так, широко известны слова А. Ахматовой о том, как поэт, «задавленный» Мандельштамом, все-таки смог обрести творческую индивидуальность. Помимо творческого влияния, общими являются нонконформистская позиция поэтов, индивидуальные «проекты» их судьбы, способность создавать собственные миры – художественные и реальные; подчеркнутая суверенность «приватного» существования, неоднократно заявленные и в жизни, и в стихах. Включение в интертекстуальное поле образа сверчка-поэта позволяет сделать вывод о «литературной родословной» А. Тарковского – это европейская культура и русский модернизм; о его принадлежности к неотрадиционалистскому (В. Тюпа) типу творчества, сориентированному на культурную традицию и определенный вид творческого поведения. А всякая «литературная семья», по слову О. Мандельштама, «держится на интонации и на цитате, на кавычках».

Так, в поэтическом сознании А. Тарковского происходит переосмысление сквозных для мировой литературной традиции образов кузнечика и сверчка, в результате которого рождается еще один авторский миф о поэте. В отличие от гармоничной и безмятежной анакреонтеи Дж. Китса стихотворение русского поэта дополняется новыми обертонами, порожденными горьким опытом XX в.

Список использованной литературы

1. Владимирцев В. Поэтический бестиарий Достоевского // Альманах «Достоевский и мировая культура». – 1999. – № 12. – С. 120–134.

2. Звонарева Л. Зооморфный код в поэзии Зинаиды Гиппиус // Литературная учеба: Литературно-философский журнал. – 2000. – Кн. 4, июль–август. – С. 100–111.

3. Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Том II. Статьи о русской литературе / Вяч. Вс. Иванов. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 342–399.

4. Китс Д. Стихотворения и поэмы: пер. с англ. / Д. Китс; сост., вступ. статья, коммент. И. Шайтанова. – М.: Худож. лит., 1989. – 319 с.

5. Салова С.А. Фабула о кузнечике в русской анакреонтике XVIII века // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 13. – Самара: Изд-во «НТЦ», 2007. – С. 30–44.

6. Тарковский А.А. Стихотворения / А. Тарковский; вступ. ст. М. Тарковской. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 480 с. – (Всемирная библиотека поэзии).

7. Тарковский А. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. Поэмы; Стихотворения разных лет; Проза / А. Тарковский; сост. Т. Озерской-Тарковской; примеч. А. Лаврина. – М.: Худож. лит., 1991. – 270 с.

8. Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / А. Ханзен-Леве; пер. с нем. М.Ю. Некрасова. – СПб.: Академический проект, 2003. – 816 с.

9. Шайтанов И. Джон Китс / И. Шайтанов // Китс Д. Стихотворения и поэмы: пер. с англ. / сост., вступ. статья, коммент. И. Шайтанова. – М.: Худож. лит., 1989. – 319 с.

10. Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник Вселенной…»: Система пейзажных образов в русской поэзии / М.Н. Эпштейн. – М.: Высш. шк, 1990. – 303 с.

У статті розглядається модифікація наскрізного у світовій поезії образу цикади (коника, цвіркуна) як «двійника» творчої особистості. У поетичному діалозі Джона Кітса та Арсенія Тарковського

простежено трансформацію образів Коника й Цвіркуна; виявлено інваріантну складову, яку втілено в ідіостилістиці поетів, типологічну схожисть і відмінність в інтерпретації цих образів.

Ключові слова: анакреонтика, мотив, поетология, інваріант, поетичний діалог.

The article deals with modification of image of a cicada (grasshopper, cricket) that is a through image in the world poetry and considered to be a double of creative individuality. The author of the article traces transformations of images of Grasshopper and Cricket in poetic dialogue between John Keats and Arseniy Tarkovskiy: invariant component, expressed in individual stylistics, typological similarity and difference in interpretation of these images are revealed.

Key words: anacreontic poetry, motive, poetology, invariant, poetic dialogue.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

УДК 82.02

Н.В. БАРКОВСКАЯ,
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой современной русской литературы
Уральского государственного педагогического университета
(Екатеринбург, Россия)

АРЬЕРГАРД ИЛИ АВАНГАРД? ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОЭЗИИ «ПАРИЖСКОЙ НОТЫ»

В статье рассматривается историко-литературное значение поэзии «парижской ноты», предвосхитившей психологический и поэтический опыт русских эмигрантов XX в. Обнаруживается влияние поэтического наследия «русских парижан» на поэзию андеграунда, а затем, на рубеже XX–XXI в., на творчество эмигрантов так называемой «четвертой волны». В российской актуальной поэзии 2000-х гг. наиболее ощутимо влияние «автоматических стихов» Б. Поплавского, что демонстрируется на примере книги Г. Гелюты «Третьи лица».

Ключевые слова: поэзия «парижской ноты», актуальная поэзия, литература эмиграции.

Поэзия «первой волны» эмиграции не может быть арьергардом уже по одному тому факту, что открывает российский XX век – век, когда, в среднем, каждые 25 лет наблюдалась очередная «волна» исхода. Психологический и поэтический опыт «первых» во многом оказался матричным, архетипичным для поэтов «второй», «третьей» и «четвертой» волн эмиграции.

Как правило, историко-литературное значение поэзии эмиграции «первой волны» видят в продолжении традиций русского модернизма начала XX в. Как светотень в живописи углубляет пространство картины, дает объем, так и поэзия «парижской ноты» дает перспективу, эстетическое пространство для поэзии Серебряного века. Г. Адамович писал: «Ничего не забываю, / Ничего не предаю, / Тень несозданных созданий / По наследию храню…» [1, с. 91]. Миссию хранителя высокой классической поэзии взял на себя В. Ходасевич. В стихах Г. Иванова, Н. Оцупа и многих других классическая русская поэзия (не только Пушкин или Лермонтов, но и Блок, Анненский, Гумилев) постоянно ощущается как родная почва.

Казалось бы, «парижская нота» затихла почти сто лет назад. Игорь Чиннов пророчил, что «недолго продлится / Нежная нота твоя» – «Так в опустелой квартире / Ночью звонит телефон» [1, с. 293]. Однако, по мнению В.П. Крейда, «парижская нота» не отзвучала в 30-х гг., с различными модуляциями она длилась до конца 70-х гг. [2, с. 29], благодаря чему не прерывалась нить традиции русской классической поэзии, обновленной «прививкой» модернизма начала XX в. Вобрав традиции и русской, и европейской культуры, лучшие поэты создали резко индивидуальные поэтические миры, выразившие состояние человека именно нового, катастрофического столетия.

В 1970–80-е гг., а тем более, после отмены цензурных ограничений в 90-х гг., читатели открыли для себя литературу Русского Зарубежья. Общеизвестно повальное увлечение На-

© *Н.В. Барковская, 2012*

боковым, мало кто сумел избежать его влияния. После опубликования трехтомника произведений Г. Иванова, подготовленного Е.В. Витковским и В.П. Крейдом в 1994 г., трагическая ирония этого крупнейшего поэта, потрясающая музыкальность его стихов мощно повлияли на российских поэтов; это влияние чувствуется до сих пор, например, в «Каменских элегиях» Ю. Казарина [3]. Литература эмиграции пришла к читателю одновременно с Серебряным веком, поэтому естественно, что эмигрантская поэзия 20–30-х гг. воспринималась как его прямое продолжение и завершение. Потом «бум» несколько схлынул. Но сегодня очевидно, что поэтические открытия «русских парижан» органично вписались в российскую поэзию конца XX – начала XXI в.

Первоначально рецепция поэзии авторов-эмигрантов осуществлялась в литературе андеграунда. Так, знаменитый сонет Г. Сапгира «Она» (о рубашке, которая «не по любви, а с отвращеньем чужое тело обнимала») напоминает образ из стихотворения Б. Божнева:

Закройте шкаф… О, бельевой сквозняк…
Как крепко дует ветер полотняный…
Да, человек раздевшийся – бедняк,
И кровь сочится из рубашки рваной.

Мне кажется, что эти рукава
Просили руку у веселых прачек,
Что эта грудь, раскрытая едва.
Сердечко накрахмаленное прячет… [4, с. 19–20]

Своеобразный «натурализм» поэзии Б. Божнева предвосхитил неопримитивизм «лианозовцев», с характерным для них пересечением натурализма и гротеска. Концепт пустоты, важный для творчества Г. Сапгира (например, стихотворение «Фриз разрушенный»), также отсылает к божневскому приему неполноты слов в надписи на статуе, закрытой туманом:

Я для тог без рук до пле
Чтоб нежн и ранящ длань
Не прикаса боль ко мне нич… [4, с. 99]

Потом, в 80–90-е гг., в постмодернистской поэзии оказалась востребованной принципиальная «цитатность» творчества поэтов-эмигрантов «первой волны», охарактеризованная, в частности, на материале поэзии Г.В. Иванова в работе В. Маркова «Русские цитатные поэты» [5]. Сложносоставный диалог с классическими текстами продолжается и до сих пор, в творчестве, например, Т. Кибирова, давно «переросшего» рамки московского концептуализма[1].

Затем наследие «парижской ноты» актуализировалось на рубеже XX–XXI вв. в творчестве эмигрантов «четвертой волны». Казалось бы, процессы глобализации, отсутствие «железного занавеса», самиздата и тамиздата, возможность свободно вернуться в Россию, вездесущий Интернет – все эти факторы в корне изменили понятие «писатель-эмигрант». Живущие в Швейцарии М. Шишкин или датчанин Е. Клюев остаются русскими писателями. Тем не менее смена местожительства и языковой среды не проходит безболезненно. Если В. Ходасевич воспринимал Берлин сквозь призму «петербургского» текста русской литературы, то, допустим, Катя Капович [6, с. 225] в книгах стихов «Веселый дисциплинарий» и «Свободные мили» экстраполирует реалии Н.Тагила на американский город, воспроизводя прием «сдвоенного кадра», явленный В. Ходасевичем в «Соррентийских фотографиях». Ел. Сунцова, также уехавшая из Н.Тагила в Америку, совершенно не случайно вспоминает Георгия Иванова и Ирину Одоевцеву:

Снова нос щекочет дым –
не тебе, а им двоим –

[1]См.: Кибиров Т.Ю. Лада, или Радость: Хроника верной и счастливой любви. – М.: Время, 2010. Уже название иронически отстраняется от набоковского романа «Ада, или Радости страсти», в качестве эпиграфов к главам используются строки классических поэтов, а сюжет строится на клише, характерных для массовой литературы.

заграничных сигарет,
у тебя которых нет.

На незанятых местах
плачут в аэропортах
те, к кому не улетишь
в Ригу и Париж [7, с. 8].

Сошлемся на мнение З. Зиника: «Эмигрантское мировоззрение возникает, когда автор начинает чувствовать себя перемещенным лицом. Можно ли считать эмигрантскую литературу явлением отжившим, пережившим себя в век глобальных связей? По-моему, нет. Я считаю, что концепция эмиграции по-прежнему важна для понимания определенного типа литературы» [8, с. 24–25].

Наконец, ощущение потерянной почвы и собственной чужести присутствует в поэзии также и тех авторов, которые не уехали из постперестроечной России *(«…мы обманутое поколение… Нас вырастили в этой стране, вырастили под ее потребности, приспособив к жизни в ней, – и как раз тогда, когда мы стали взрослыми, с-о-в-е-р-ш-е-н-н-о-л-е-т-н-и-м-и, выяснилось: страны, для которой нас вырастили и приспособили, больше нет*» [9, с. 461]).

Согласно социологическим исследованиям, поколение доперестроечное (те, кому сейчас от 40 до 60 лет) ощущает себя «потерянным поколением», «лишними людьми», невостребованными обществом. Для поколения переходного периода – «детей перестройки» (кому сейчас от 25 до 45 лет) характерен синдром ностальгии по прошлому, синдром раннего разочарования, отсутствие значимых целей [10, с. 97, 100–102]. Эти два поколения можно назвать эмигрантами из советского детства. Транзитность, «пограничность», ощущение «между», зависание между двух миров – общая черта для них. Таким мироощущением обусловлены переклички в их творчестве с поэзией «парижской ноты». Так, например, стихотворения Г. Адамовича или Н. Оцупа напоминает элегическая интонация М. Яснова:

Память переполнилась,
переутомилась.
То, что раньше помнилось, –
то теперь помнилось.
Дорогие небыли.
золотые были, –
были или не были?
Не были. Но были. [11, с. 17]

Филигранное мастерство, изящный каламбур – всё, что характерно для замечательных стихов М. Яснова для детей, пропитывается здесь просветленной грустью: восемь строк объединены не только лексическими повторами, омонимической и тавтологической рифмой, но «песенными» дактилическими, а в первой строке даже гипердактилическими окончаниями. Впрочем, отчетливость хорея и аскетизм синтаксиса и лексики создают, тем не менее, говорной тип интонации, задушевного самопризнания в духе «поэзии человеческого документа» русских парижан.

Подобные примеры можно без труда умножить. Нам уже приходилось отмечать поразительные переклички со стихами Б. Поплавского в творчестве «последнего советского поэта» Б. Рыжего [12]. Обоих можно назвать представителями «незамеченного поколения». Поплавский – из тех эмигрантских детей, у которых не было свободного выбора судьбы, уделом которых стали неприкаянность, одиночество, «экзистенциальная» бездомность. Юность Рыжего пришлась на время резкого психологического слома, девальвации прежней системы ценностей при отсутствии новой. Символично название сборника его стихов – «На холодном ветру». Обоих поэтов ждала ранняя трагическая смерть, и они предчувствовали её.

Видимо, похожи были и типы личности, во всяком случае, для обоих был характерен нонконформизм, нежелание вписываться в «приличную» ситуацию. Поплавский призна-

вался, что *одним он прекланялся, другим перехамил*. Рыжий, несколько бравируя, включал в стихотворения блатные и нецензурные слова. Оба не хотели казаться «слабаками» и «паиньками». Вместе с тем обоих отличала душевная тонкость, отзывчивость, способность к состраданию, романтизм. Отметим перекличку звуковой детали, ставшей эмблемой поэзии «парижской ноты» – замирающий в отдалении гудок паровоза или звон трамвая (в стихотворениях Б. Поплавского «Черная Мадонна», «Остров смерти»; у Б. Рыжего: «*если в прошлое, лучше трамваем…*», «*Сесть в трамвай 10-й…*»).

Сочувствие неживым предметам, как и микроурбанизм, берут начало в лирике И. Анненского. От него же, возможно, пришла и лирическая доминанта: жалость (к себе, к другим людям, к вещам) и ощущение близости смерти. Красота города не только грубая, но и хрупкая, обреченная. Это особенно остро ощущает лирический герой, стоящий «у бездны на краю». Характерным локусом у обоих поэтов выступает городской парк, замусоренный, но все-таки нежный и прекрасный.

Флейта, музыка дождя нередко звучат в стихах Поплавского, не противопоставлявшего высокое и низкое искусство. В романе «Аполлон Безобразов» он писал: «*Боже мой, как пронзали мое сердце старые довоенные вальсы из немецких опереток, под которые я тосковал гимназистом на бульварах…*»; любимая музыка Терезы – «*вальсы с граммофонных пластинок, бесконечно кроткие, те вальсы, которые пишут погибшие спившиеся композиторы, вкладывая в них душу своих неосуществленных симфоний*». И в стихах: «*И пел Орфей, сладчайший граммофон*» [13, с. 79], «*автоматический рояль незаведенный*» [13, с. 230], «*Напевают цветы в саду*» [13, с. 59]. В какой-то степени феномен стихопрозы Б. Рыжего напоминает об «автоматических стихах» Поплавского.

«…Так над коробкою трубач с надменной внешностью бродяги, с трубою утонув во мраке, трубит для осени и звезд. И выпуклый бродячий пес ему бездарно подвывает. И дождь мелодию ломает» [14, с. 34].

Обе музыки (трубача и бездомного пса) звучат в унисон: «*И все печальнее мотив, и все печальней*».

Б. Рыжий ушел из жизни в 27 лет, в 2001 г. Поэты более молодого поколения, «благополучных» нулевых годов, нередко утрачивают лирическое «я», у них исчезает музыкальность интонации. Доминируют чувства неудовлетворенности (А. Беляков: «*Но тесен офис для меня*» [15, с. 47]), одиночества и отчужденности, совсем как у поэтов «первой» эмиграции.

Отметим текстуальные переклички:

Г. Иванов:
«Бедные люди» – пример тавтологии.
Кем это сказано? Может быть, мной [16, с. 431].

Г. Гелюта:
бедные люди,
бедные –
какие еще? [17, с. 18].

А. Штейгер:
Горе?
Но здесь начинаются прятки –
Эта любимая взрослых игра.
– «Все, разумеется, в полном порядке.»
У собеседника – с плеч гора [1, с. 159].

Г. Гелюта:
С каждым разом быстрей отвечаешь на вопросы вроде
как у тебя дела?
Всё хорошо.
И правда всё
Хорошо [17, с. 21].

Наиболее актуален в ситуации затрудненной самоидентификации опыт «автоматических стихотворений» Б. Поплавского. Как и художники-сюрреалисты, Поплавский запечат-

левает не действительный мир и не мир воображаемый, а мир вообразимый, некую промежуточную реальность, нечто, находящееся между видимым и тайным, свободное парение над миром земным. Его поэтическое пространство иррационально-глубоко, текуче, странно изменчиво, полно метаморфоз (т. е. превращений неживого в живое и наоборот). Поплавский чувствует молчаливую жизнь асфальта, тентов у магазинов, флагов, с их взлетами, трепетанием на ветру и бессильным падением. Само небо – звездный флаг над землей. Ангелы, небесные дирижабли, дева рассвета странно появляются здесь, среди городской суеты.

Это мир онирический, представляющий собой сон или галлюцинацию. Во сне объективный предмет и субъективные образы сознания одинаково значимы, имеют один статус. Сон позволяет проникнуть в сверхреальность, отталкиваясь от реальности, не порывая окончательно с ней; это длящееся состояние между жизнью и смертью, когда жаль почти покинутого земного, предметного мира, трогательного в своей грубой материальной красоте. Б. Поплавский полагал, что «в малом, что приснилось вам на рассвете было все, что есть во вселенной и то что снилось вселенной» [18, с. 59]. Сон – способ неучастия в обыденности, герой Поплавского – не социальный тип и не характер (не случайно в «автоматических стихах» личное местоимение либо отсутствует, либо используется обобщенное «мы»). Б. Поплавский считал, что «*во сне мое «я» уничтожается, и это и есть начало вхождения в настоящую жизнь*». Его онирическая реальность соединяет человека со сферой мирового, мистического; концом сновидения оказывается не возвращение в физическую реальность бодрствования, а редукция и сознания, и мира к некоей точке – первоначалу. Пространство сновидения у Поплавского подобно воронке, втягивающей предметы и ощущения, смешивающей их и прессующей в один исходный атом. Например:

Тихо воду качала вечность
Колесом шумела плотина
На закате сын человечий
Опускался в сизую тину
Снег готовился нá землю пасть
Ветви сосен качались, качались
Снова было как в запертый день
Сон боялся на землю упасть
Незаметно снежинки встречались
Все еще было только в начале
Все обратно хотело
Хотело не быть
Плакать без дела
Себя забыть [18, с. 149].

Автоматические стихи Поплавского стоят за пределами традиционной литературности (хотя известно, что это не буквальная фиксация спонтанных образов-слов, Поплавский правил, редактировал свои тексты). Автор не боится бесформенности, деструкции стиховой упорядоченности: как правило, в его автоматических стихах не используются размеры силлабо-тоники, строки разновелики, не группируются в строфы, отсутствуют знаки препинания, нередко нет рифмы. Стихотворения напоминают верлибр, где абсолютная свобода ограничена лишь концевой паузой. Однако движение лирического сюжета вполне отчетливо. Энигматичная, рассыпанная структура поэтического мира всякий раз стремится к развеществлению, а голос – к замиранию, к точке молчания. Этому соответствует аскетизм выразительных и ритмико-мелодических средств, намеренная бедность опорных лейтмотивов, сама графическая форма текста, словно «убывающая» к концу. В следующем примере длина строки варьируется от двух до тринадцати слогов:

Соединенье железа, стекла, зеленого облака,
Предсмертной слабости, а также скрежета.
Испарины снега, бумаг, геометрии и перчаток
Снятых со многих, многих снов

Давно истлевших
Забытых
Кто знал тогда что перед нами предстанет
На западе
И почему столько судов замерзло на юге
Полных вращения
Что-то вдруг изменилось
Как будто реки вдруг оказались над нами
Раньше чем мы отвернуться успели
Нас относило к иным временам
Дико свистели лодки встречные нам
Долго потом на песке
Мы рыдали от счастья, от жалости к листьям
От боли волненья
А домик в бутылке
Все стоял и стоял –
Он не заметил вращенья.
Сладко зевая
Вышел хозяин
Обратно вернулся
Заснул [18, с. 57].

В стихотворениях Поплавского нарушена семантическая сочетаемость слов: паралогизм выражает парапсихологию. Ряд бессвязных образов («сумерки речи») воплощает мир сумеречный и тихий, в котором стираются границы обособленных предметов и состояний; предмет речи становится зыбким, ускользающим; не случайно автор часто включает в стихотворение образ парения – левитации.

Руки колесного города
Опускались глубоко в воду
В доме пустом газета поднималась на небо
Там катились шары голубые в песок на свободу
День был всюду где нужно и только над жизнью он не был
В море цветы отдыхали
Им шептали холодные зори
Непонятные людям спокойные песни слова
Они улыбались, они от судьбы отдыхали
Их огромная в ад наклонялась и падала в сон голова [18, с. 148].

В словах истончается понятийный смысл. Начало одного их стихотворений («*Встреча в палате больничного запаха с сном о смородине изумило лицо военных бутылок…*» [18, с. 191]), напоминает не только знаменитую фразу французских сюрреалистов про «*изысканный труп…*», но и фразу Л.В. Щербы: «*Глокая куздра бодланула бокра и кудрячит бокренка*». Действительно, в стихотворениях Поплавского доминирует не логическое, а грамматическое значение слов, то есть некая потенция смысла. Синтаксические связи слов сохраняются (правда, не всегда; в приведенном примере нарушено согласование: «*встреча… изумило*»), поддерживаясь звуковыми перекличками: ассонанс звука [а] – «*встреча в палате… запаха*»; звуков [и], [о] – «*изумило лицо военных бутылок*»; аллитерация звука [с] – «*с сном о смородине*» и т. д. Иногда созвучия образуют внутренние рифмы: «*Волос опять танцевал, но смутился и пал на затылок*»; в этом же стихотворении: «*лампа*» – «*мечтала*» – «*по делам*». Поплавский воссоздает течение сна через струение речи и струение смысла, рисуя мир «неготовый», только еще «становящийся».

Стоицизм как мироотношение, имперсональность, абсолютная безнадежность роднят стихи молодого нижегородского автора Г. Гелюты (по образованию – лингвист, экономист, переводчик с японского языка) со стихами Б. Поплавского, так же, как и мотивы зимы, снега, сна. Его мир – «нигде / никогда / ничего» [17, с. 37], «не во что/ нечего /пого-

ворить не с кем» [17, с. 26], рыба говорит со льдом, лед прислушивается, рыба открывает рот и это всё, никто не слышит [17, с. 29]. Стихи Г. Гелюты – это медитации, погружение в себя, когда «я» выходит за свои пределы, и становится возможным визионерство. В этой метафизической поэзии культурная традиции Запада странным образом смыкается с восточной философией, мир бытовых предметов получает самостоятельное существование, явления трансформируются, переходят друг в друга, как и стихотворные строки с бесконечными анжамбеманами меняют свой смысл, когда слово попадает в контекст следующей строки, сминая логику синтаксиса.

на какие не поднимайся этажи,
не увидеть тебя.
вот матросы всматриваются в туман,
цепляясь
за бельевые
канаты из вытянутых жил,
но никто не кричит
земля
поворачивается
поворачивается, свет заливает впадины,
линии на руке,
выходит из берегов, что твои слова.
это – всегда болезнь, болотные огоньки
каждое утро ты прова-
ливаешься всё глубже,
минуя тайные тропы и ходы,
как проглоченная шифровка
крейсер идет ко дну,
капитан любуется солнцем сквозь соленую толщу воды,
изучая наощупь в себе
твою
глубину [17, с. 9].

Интертекстуальные мотивы полны горькой самоиронии, скорее, они отчуждают от классической традиции, чем подключают к ней. Так, например, звучат реминисценции из гумилевского «Жирафа»:

выбирай из того что есть –
хочешь – заваривай чай.
извлекай из чашки палочки, листочки, ручейный сор.
большего не проси.
прочего не замечай,
не разбрасывай слов,
не растрачивай сил попусту.
что тебе до волшебных зверей, африканских озёр?
вот окно, облака, сквозняки –
насколько достанет взор,
на расстоянии вытянутой руки.
это твоё время, твоё место, твоя никчёмная жизнь –
типовой набор никому не нужных вещей.
выбор прост.
в сущности, выбора нет –
торопись –
чай остынет –
не согреться уже ничем [17, с. 20].

Лирическая ситуация та же, что и в стихотворении Гумилева: обращение к другому, чтобы утешить, помочь (правда, у современного поэта это, скорее, при всей субъектной не-

определенности, обращение к самому себе). Но если у Гумилева дождливому Петербургу противопоставлялся безграничный простор, напоминающий роскошной экзотикой о сказках «Тысячи и одной ночи», то у Гелюты романтическое двоемирие отвергается, остается только сумеречный мир на расстоянии вытянутой руки, а советы напоминают «заповеди счастья», с которыми Б. Зайцев обращался к читателям лирического очерка «Белый снег» в период «военного коммунизма» 1921 г.: «*помни о печке*», «*ешь*», «*спи*» – «*или ты не выдержишь*», но «*выдержать ты можешь, должен*» [19, с. 169]. Вместо балладного распева в стихотворении Гумилева, у Гелюты – фразовый стих, с нерегулярной рифмой (*чай-не замечай; сор-озёр-взор; сквозняки-руки*), синтаксис устной речи.

Стихотворение Б. Поплавского «Рукопись, найденная в бутылке» также переосмысляется Г. Гелютой:

Выброшенные в море, бутылки с запиской внутри –
беспримерные проявления человеческого оптимизма
всё равно что сказать первой под руку посудине –
«горшочек, вари!»
и готовиться к обеду, не замечая, как убегают последние крысы,
как улетают птицы,
с кольцами –
для добра,
труда,
служенья
или – так,
дешёвые побрякушки
среди пуха и перьев – не тусклее золота, серебра,
и вряд ли ярче горошины под подушкой,
столь похожей на жемчужину – на ощУп,
на послание в бутылке – по своей сути
Ты ошибаешься, вовсе я не грущу,
вытаскивай эту бумажку и наливай. Хуже уже не будет [17, с. 27].

По мнению В. Хазана, мирочувствие «парижской ноты» можно определить «как постижение такой глубины социальной трагедии изгнания, когда из-за полностью перевернутого жизненного уклада со всей его устоявшейся системой ценностей, привычек, отношений и связей возникло неартикулируемое словесно, но ощущаемое едва ли не физически, кожей, носящееся в «воздухе эпохи» дыхание приближающейся смерти. Смерти не обязательно и даже не столько в физическом, сколько в метафизическом смысле – как умирание некоего былого целостного мира…» [20, с. 124]. Как и в стихотворении Поплавского «Покушение с негодными средствами», в данном тексте Г. Гелюты финал утверждает полную бессмысленность надежды на спасение. Корабль, как известно, устойчивый символ цивилизации и эмблема мятежного духа; гибель «Титаника» в 1915 г. всеми была воспринята как сигнал о тупике, в который зашел исторический прогресс. В какой-то степени, в стихотворении Гелюты можно увидеть намек на людей, бегущих из России «для добра, труда, служенья или – так», вместе с тем герой понимает, что «хуже уже не будет».

Характерно, что в стихи-медитации Г. Гелюты вкраплены восточные мотивы, в частности, лисы-оборотни, ключевой персонаж китайской мифологии и распространенный образ в неподцензурной поэзии 70–80-х гг. В связи с этим можно вспомнить «желтого дракона», учащего людей высшей мудрости, из стихотворения Б. Поплавского «Детство Гамлета». Получается, если использовать выражение Л. Шестова, почти «апофеоз беспочвенности»: эмиграция как состояние отчужденности от родной почвы делает душу восприимчивой для иных материй, не существующих для социума, нации, народа, дает возможность погружения в глубины души, где снимается оппозиция Восток / Запад, так волновавшая творцов Серебряного века.

Итак, наши весьма отрывочные наблюдения показывают, что поэзия «первой волны» эмиграции не только доводила до логического конца искания Серебряного века, но и открывала новые перспективы, намечала проблематику всего XX ст. и прокладывала доро-

гу таким формам стиха, как верлибр, интонационно-фразовый стих, стихопроза и другим промежуточным формам речевой организации, снимающим жесткое разграничение эпического и лирического родов литературы, преодолевая замкнутость лирического субъекта на своем «я». «Распад атома», если использовать название новаторской поэмы в прозе Г. Иванова, порождал не только разрушающую радиацию, но и стимулировал новое понимание извечной дилеммы субъекта и объекта.

Список использованной литературы

1. В Россию ветром строчки занесет…: Поэты «парижской ноты» / сост., предисл., примеч. В.П. Крейда. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 384 с.

2. Крейд В. «В линиях нотной страницы…» // В Россию ветром строчки занесет…: Поэты «парижской ноты» / сост., предисл., примеч. В.П. Крейда. – М.: Молодая гвардия, 2003. – С. 5–30.

3. Казарин Ю. Каменские элегии: стихотворения. Ч. 1 / Ю. Казарин. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2009. – 104 с.; Казарин Ю. Каменские элегии: стихотворения. Ч. 2, 3 / Ю. Казарин. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2010. – 76 с.

4. Божнев Б. Элегия эллическая / Б. Божнев. – Томск: Изд-во «Водолей», 2000. С. 19–20.

5. Марков В.Ф. Русские цитатные поэты. П.А. Вяземский и Георгий Иванов / В.Ф. Марков // О свободе в поэзии. Статьи. Эссе. Разное. – СПб: изд. Чернышева, 1994. – 368 с.

6. Гутрина Л.Д. Ностальгия по «родному советскому» в поэзии Кати Капович («Веселый дисциплинарий» (2005), «Свободные мили» (2007) / Л.Д. Гутрина // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2 (40). – С. 217–225.

7. Сунцова Е. После лета / Е. Сунцова. – Нью-Йорк: Айлурос, 2011. – 123 с.

8. Зиник З. В погоне за собственной тенью / З. Зиник // Эмиграция как литературный прием. – М.: НЛО, 2011. – 264 с.

9. Клюев Е.В. Андерманир штук: Социофренический роман / Е.В. Клюев. – М.: Время, 2010. – 624 с.

10. Семенова В.В. Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии / В.В. Семенова // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 80–107.

11. Яснов М.Д. Амбидекстр / М.Д. Яснов. – СПб.: Вита Нова, 2010. – 240 с.

12. Барковская Н.В. Борис Поплавский и некоторые тенденции в современной поэзии / Н.В. Барковская // Русское Зарубежье: приглашение к диалогу: сб. науч. тр. / отв. ред. Л.В. Сыроватко. – Калининград: Изд-во КГУ, 2004. С. 76–79.

13. Поплавский Б. Сочинения / Б. Поплавский. – СПб.: Летний сад, 1999. – 448 с.

14. Рыжий Б. На холодном ветру: Стихотворения / Б. Рыжий. – СПб.: , 2001. – 80 с.

15. Беляков А. Книга стихотворений / А. Беляков. – М.: ОГИ, 2001. – 88 с.

16. Иванов Г.В. Собр. соч.: в 3 т. – Т. 1. / Г.В. Иванов. – М.: Согласие, 1993. – 495 с.

17. Гелюта Г. Третьи лица: Первая книга стихов / Г. Гелюта. – М.: АРГО-РИСК; Книжное обозрение, 2010. – 56 с.

18. Поплавский Б. Автоматические стихи / Б. Поплавский; вступ. ст. Е. Менегальдо, подготовка текста А. Богословского, Е. Менегальдо. – М.: Согласие, 1999. – 228 с.

19. Зайцев Б. Белый свет: Проза / Б. Зайцев. – М.: Худож. лит., 1990. – 237 с.

20. Хазан В. Из наблюдений над эмигрантской поэтикой / В. Хазан // Литературоведческий журнал. – 2008. – № 22. – С. 123–146.

У статті розглядається історико-літературне значення поезії «паризької ноти», що попередила психологічний та поетичний досвід російських емігрантів ХХ ст. Виявляється вплив поетичної спадщини «російських парижан» на поезію андеграунда, а потім, на межі ХІХ–ХХ ст., на творчість емігрантів так званої «четвертої хвилі». У російській актуальній поезії 2000-х рр. найбільш відчут-

ний вплив «автоматичних поезій» Б. Поплавського, що демонструється на прикладі книги Г. Гелюти «Треті особи».

Ключові слова: поезія «паризької ноти», актуальна поезія, література еміграції.

The article considers historical and literary significance of the «Parisian note» poetry, which anticipated psychological and poetic experience of the Russian emigrants of the twentieth century. It reveals the influence of the heritage of the «Russian Parisians» on the underground poetry, and later, at the turn of the twenty-first century, on the creative activity of emigrants of the so-called «fourth wave». In Russian topical poetry of the 2000s the most noticeable is the influence of B. Poplavsky's «automatic poems», which is demonstrated on the example of G. Gelyuta's book «The Third Persons».

Key words: the «Parisian note» poetry, topical poetry, literature of emigration.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

УДК 82-1.821.161.1

М.Г. СОКОЛЯНСКИЙ,
доктор филологических наук, профессор,
член ESRA (Европейской ассоциации шекспироведения)
(Любек, Германия)

О ЖАНРОВОЙ СПЕЦИФИКЕ КНИГИ Б.М. ЭЙХЕНБАУМА «МОЙ ВРЕМЕННИК»[1]

Ранняя книга одного из виднейших представителей русской формальной школы Бориса Эйхенбаума отличается значительным жанровым своеобразием. В первой главе автор упоминает старинную поэму «Ha-Kerav» («Битва»), написанную на иврите его дедом Яковом Эйхенбаумом и содержащую описание шахматной игры в стихотворной форме. Такая «увертюра» в некоторой степени определяет жанровую поэтику «Моего временника». Различные ситуации современной социальной, культурной и литературной жизни исследуются автором с точки зрения их конфликтности. В данной статье ставится цель показать, каким образом мотив «битвы» выполняет объединяющую роль в этой полижанровой книге.

Ключевые слова: русская формальная школа, теория литературы, жанр, стиль, временник, история литературы.

Книга одного из лидеров русской формальной школы Бориса Эйхенбаума «Мой временник» увидела свет в 1929 г. и стала популярной в среде специалистов и студентов-филологов. Прошло буквально несколько лет, и в Советском Союзе официозная критика повела фронтальное наступление против формального метода в литературоведении в целом и его виднейших представителей в частности, вследствие чего многие историко-литературные, теоретические и литературно-критические труды талантливого учёного, включая и «Мой временник», долгое время вообще не фигурировали в издательских планах, а первое издание упомянутой книги превратилось с годами в настоящую библиографическую редкость. Новейшее переиздание её состоялось уже на пороге третьего тысячелетия [1].

Теоретик литературы по характеру своего профессионального мышления, Б. Эйхенбаум как будто бы предвидел, что наиболее острые дебаты при восприятии его книги современной критикой и тем более будущими исследователями могут коснуться её жанрового своеобразия, и на последней странице позволил себе такую ироническую аллюзию: «...В нашей современной критике есть только два жанра: статьи с примечаниями от редакции и без оных. Жанр «б е з о н ы х» мне редко удаётся, но зато и примечания не всегда удаются редакциям...» (139). При беглом прочтении может показаться, что речь здесь идёт всего лишь о форме научного изложения, а вовсе не о жанре завершаемой книги, но подготовленный и просто чуткий читатель может, кроме того, услышать в иронически окрашенной фразе скрытый призыв не зацикливаться на вопросе о жанре «Моего временника». Тем не менее полностью проигнорировать этот непростой вопрос вряд ли возможно.

[1]В первой редакции эта статья была опубликована под названием «Интеграционный мотив в жанровом симбиозе» в международном журнале «Zagadnienia Rodzajow Literackich» (T. LIII, z. 1–2, 2010. – S. 141–152).

© *М.Г. Соколянский, 2012*

Некоторое указание на жанровый характер своей достаточно лаконичной книги предложил сам автор уже в её оригинальном названии – **временник**. Применительно к новой и новейшей русской литературе этот термин производил впечатление устаревшего и уже давно практически не использовался. Не случайно же его толкования нельзя найти в специальной справочной литературе: не описан он ни в девятитомной Краткой Литературной Энциклопедии, ни в однотомной Литературной энциклопедии терминов и понятий [2], ни в других русскоязычных справочных изданиях конца прошлого – начала нынешнего веков. Стилизованно-архаическое слово присутствует, правда, в знаменитом толковом словаре «живого великорусского языка» Владимира Даля, где первое и основное его значение охарактеризовано следующими словами: «хронограф, летопись, описание минувших событий» [3, с. 261]. Притяжательное местоимение первого лица единственного числа, предшествующее весьма старому (если не сказать: архаичному) термину на титульном листе книги, указывает на то, что перед читателем не что иное, как описание жизни автора.

Вместе с тем собственно автобиографический слой при всей своей тематической и композиционной важности – лишь один из нескольких слоёв в этой необычной книге, где встречаем мы и лирические стихотворения автора, написанные им в молодости, и его литературоведческие заметки, и лаконичные отступления не сугубо биографического характера... Для специалиста-жанролога «Мой временник», быть может, как раз интересен прежде всего такой необычной жанровой пестротой, притом едва ли не как главный, возникает вопрос о путях и способах интеграции очень уж разных жанров и жанровых форм в единое целое на сравнительно небольшом текстовом пространстве.

Известно проницательное высказывание Г.О. Винокура о том, что Б.М. Эйхенбаум «сквозь литературу [4] шёл двумя дорогами» – как историк литературы и как литературный критик [5, с. 81]. Думается, что количество ведших в указанном направлении дорог может быть удвоено, если добавить к уже названным беллетристический опыт в творчестве Эйхенбаума [6, с. 445–446] и его очень своеобразное автобиографическое произведение «Мой временник».

Первый раздел этой книги называется «Словесность» и снабжён довольно точным указанием: «Из автобиографии», а первая глава раздела представляет нам «Отрывки из родословной» автора и называется необычно – «Гакраб». Для большинства читателей «Моего временника» это совершенно незнакомое слово представляло загадку. Ведёт рассказ о своей родословной Б. Эйхенбаум, начиная с середины восемнадцатого столетия, но главным персонажем главы является его дед Яков Эйхенбаум (Гельбер), имя которого и поныне довольно часто упоминается в трудах по истории еврейской культуры [7, с. 516–517]. Математик и педагог, обладал он, несомненно, и недюжинным поэтическим даром. В 1839 г. была им написана (на древнееврейском языке), а через год в Лондоне «иждивением одесского негоцианта Соломона Гуровича» (32) опубликована отдельной книгой его эпическая поэма «Гакраб» (Ha-Kerav). Через семь лет в Одессе она была издана в переводе на русский язык (с параллельным оригинальным текстом); перевод был выполнен одесским нотариусом и литератором Осипом Рабиновичем[2]. Слово «гакраб» в переводе с древнееврейского означает «битва», а объектом эпического описания в поэме явилась шахматная партия – битва чёрных и белых фигур на шестидесяти четырёх клетках шахматной доски.

Думается, что такой зачин для своей книги был выбран Б. Эйхенбаумом совсем не случайно. С чисто содержательной стороны обращение к деду и его поэме можно расценивать как прочерчивание немаловажной для автора семейной литературно-творческой традиции, хотя, по собственному признанию учёного, для него самого «литература в детстве не была задумана» (47). Но если взглянуть на «Мой временник» в согласии со «спецификаторскими» позициями Эйхенбаума-литературоведа, можно проследить иную,

[2]Живший в Одессе еврейский литератор Осип Рабинович (1817–1869) приобрёл популярность, главным образом, благодаря издававшемуся им в 1860–61 гг. еврейскому еженедельнику «Рассвет» («Разсветъ»), выходившему на русском языке, и ряду выступлений в одесской прессе. См. подробнее: Steven J. Zipperstein. The Jews of Odessa. A Cultural History, 1794–1881. – Stanford, 1985. – P. 96–107.

содержательно-формальную функцию первой главы, определяющей в какой-то мере построение всего временника.

Поэма «Гакраб» представляла собой не просто конкретное описание в стихотворной форме одной шахматной партии, но олицетворение прямого конфликта между белыми и чёрными фигурами, поединка с чётко очерченной противоположностью стратегий играющих (воюющих) сторон. Заключение о том, что шахматная партия могла послужить Эйхенбауму-внуку источником для интересных метафор было бы, пожалуй, несколько скороспелым и неточным. Хотя в его тексте и можно отыскать немало ярких метафор[3], всё же следует признать, что значение поэмы Эйхенбаума-деда для «Моего временника» проявляется в более глубоких слоях рассматриваемого произведения.

При всём разнообразии задействованных в книге жанровых форм, помимо стилевой общности, просматривается ещё одно немаловажное качество текста, проходящее через весь временник. Это качество можно назвать антиномичностью, обеспечивающей определённый драматизм, наличие внутреннего конфликта – пружины действия, напряжённость повествования. Такая антиномичность способствовала заострению тех столкновений разного рода противоположностей в книге, которые привлекали особое внимание внука создателя «Гакраба» и в истории культуры, и в языке, и в художественной литературе.

Разумеется, создавая временник, молодой литератор не прошёл и мимо острых углов, противоречий, противостояний в собственной жизни. Иногда эти противостояния фиксируются в совершенно неожиданных ситуациях. Так, занимавшийся в молодости музыкой, автор упоминает о стоящем в его комнате рояле «Бехштейн», о их «неблагополучных отношениях» друг с другом, доходя до выразительной персонификации неживого инструмента: «Мещанин Бехштейн скалит на меня свои жёлтые зубы...» (44–45). Но среди описываемых в «Моём временнике» всевозможных, чреватых ситуацией поединка противоречий – истинных и мнимых – автобиографические зарисовки вовсе не превалируют. Внимание автора чаще приковывают более общие и более важные моменты.

Так, в главе «Путешествие по Европе» Б. Эйхенбаум описывает начало своего обучения на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Наиболее значимой событийностью в жизнедеятельности факультета тех лет представляется ему «борьба двух культур: славяно-русской и романо-германской» (50). «Так и назывались два **враждующие** (выделено мной. – *М.С.*) отделения историко-филологического факультета. Первая культура строилась на церковно-славянском языке и памятниках древнерусской письменности; вторая – на провансальских трубадурах, немецких миннезингерах и на заветном имени Данте» (50). Вопреки возможным читательским ожиданиям, автор не позволяет себе задержаться на подробном описании становления своих специальных филологических интересов, литературных симпатий и антипатий в очерченном конфликтном поле, но рельефно, хоть и достаточно сжато, описывает разные стороны этой враждебности – плохо скрываемой конфликтности, в какой-то мере отражающей новую стадию уже ставшего к тому времени традиционным для российской культуры идейного спора западников со славянофилами.

Выявление такого рода конфликтных полей, обнажение не просто разных точек зрения, но и их противоборства рассеяно по всей книге. Поскольку это был временник литератора и прежде всего литературоведа, большей частью эти поединки идей обнаруживаются в художественных произведениях и, что не менее важно, в научном изучении истории литературы.

Один из разделов сочинения Эйхенбаума называется кратко и точно: «Наука». Уже сделанное как бы походя лаконичное замечание о несходстве «научных и религиозных задач» (67) даёт представление о привлекающей автора антиномичности. Тем более свойственен ему интерес к таким противопоставлениям в методологических размышлениях о литературоведении как **науке**, которые возникают ещё в студенческие годы.

Среди первых выявленных им противопоставлений привлекает внимание соотношение двух научных дисциплин: истории литературы и теории литературы. В этом сопо-

[3]Примером может служить, например, вторая фраза в описании Васильевского острова в Петербурге: «Весь остров – система параллельных и перпендикулярных проспектов. Население живёт здесь по законам начертательной геометрии...» (46).

ставлении молодого Эйхенбаума интересовало не столько их скрытое противостояние, на поверку оказывающееся достаточно условным, а их взаимодействие и взаимодополняемость. С одной стороны, «вне теории нет исторической системы», с другой – «всякая теория... необходима для того, чтобы выделить и собрать в систему нужные факты, и только» (61). Закономерность разделения литературоведения на две разные научные дисциплины для автора «Моего временника» очевидна, но интересует его не столько различие, сколько взаимосвязь теории и истории.

В той же главе есть и ещё одно сопоставление, ещё не столь значительное с точки зрения ряда университетских педагогов Эйхенбаума: история литературы с повышенным вниманием к «литературной эволюции», с одной стороны, и ставящее новые вопросы «современное положение нашей литературы» (63), с другой. Здесь не может не просматриваться чисто внешняя антитетичность, однако особенно важна для автора диалектическая связь разных историко-культурных периодов, поскольку история, по его глубокому убеждению, представляет собою «особый метод изучения настоящего при помощи фактов прошлого» (62). Аналитическое противопоставление двух разных по материалу объектов изучения в конечном итоге порождает эффект желанного синтеза.

Одна из рано осознанных Эйхенбаумом несовместимостей заключалась в бытовании любительства и профессионализма как в литературе, так и в историко-литературном знании. Любительство в литературе (в его крайнем варианте – графомании) было сатирически изображено Эйхенбаумом-прозаиком в недооценённой до сих пор повести «Маршрут в бессмертие. Жизнь и подвиги чухломского дворянина и международного лексикографа Николая Петровича Макарова». В «Моём временнике» автора больше занимает любительство в гуманитарной науке, будь то история культуры в широком смысле или собственно история литературы. Там, где любитель настойчиво ищет обязательного ответа на вопрос «почему?», професиональный историк отвечает, по мнению автора книги, «только на вопрос – “что это значит”» (67).

Впрочем, рассуждая и об этой антиномии, Эйхенбаум обращается за примерами к фактам истории отечественной литературы, в частности к творчеству Льва Толстого, чей роман «Война и мир» «явился вызовом» по отношению к разношёрстной журнальной беллетристике своего времени (69). В тот же ряд попадает отношение А. Фета к так называемой «журнальной поэзии».

Цитируя то место в «Воспоминаниях» А. Фета, где речь заходит о массовом приходе разночинцев в русскую литературу в середине девятнадцатого столетия, исследователь заостряет внимание на интересной оппозиции: «...Сама дворянская литература дошла в своём увлечении до оппозиции коренным дворянским интересам, против чего свежий, неизломанный инстинкт Льва Толстого так возмущался» (90). Объяснение такой общественно-эстетической позиции молодого Толстого – сюжет особый, занимавший автора в его книгах о Льве Толстом; в рамках предложенной темы хотелось бы обратить внимание на другое – постоянное нащупывание в истории литературы моральных и эстетических противостояний.

Сам автор временника располагал подобные примеры под предложенной им и излюбленной рубрикой «литературный быт», находя в этом своеобразном быте особую конфликтность, представляющую интереснейший материал для исследователя. Притом он предостерегал читателя своей книги от восприятия приведённых фактов как единичных. Вспомнив, например, полемику Страхова с Шелгуновым, выступление в «Современнике» Чернышевского со статьёй «Литературная собственность (Фантазия)» и пр., автор «Моего временника» с полным основанием подчёркивает, что русские журналы конца 1850-х – начала 1860-х годов «пестрят статьями на тему о литературной профессии, о журналистике, о литературной собственности и т. д.» (90). Причём здесь наибольший его интерес вызывает даже не количество материалов на определённую тему, а высокий накал полемики, поединок взглядов.

Рассуждения о литературном профессионализме и дилетантизме потребовали от исследователя ещё более глубокого историко-литературного разреза, и Б. Эйхенбаум отправляется за примерами релевантных споров к русской литературе первой трети девятнадцатого века – времени зарождения литературного профессионализма в России. Так, его чрез-

вычайно нтересует спор молодого Пушкина с его друзьями К. Рылеевым и А. Бестужевым, относящийся к первой половине 1820-х годов. Центральный вопрос спора касается роли «покровительства» в судьбе отдельного писателя, его творчества и состояния литературы в целом. Сам по себе этот острый вопрос достаточно часто обсуждался да и поныне заслуживает, наверное, специального разговора, тем более – с учётом почти двухвековой последующей истории русской (да и только ли русской?) литературы. В данном случае хотелось бы подчеркнуть иное – пристальное внимание автора «Моего временника» именно к таким, значительным столкновениям мнений в литературе прошлого.

Уходя от распространённого в ту пору упрощённого (в крайней точке – вульгарного) социологизма, Эйхенбаум проявляет интерес к тактике борьбы Пушкина за своё писательское достоинство, за свою профессиональную независимость. Слово «борьба» ещё раз подчёркивает не только сложность задачи, с которой столкнулся в 1820–30-е годы великий поэт, но и понимание молодым исследователем – на столетней дистанции – характерности таких конфликтных точек как опорных пунктов при изучении историко-литературного процесса.

Впрочем, при преимущественном, казалось бы, обращении к историко-литературному материалу в нескольких частях временника, где преобладает форма литературоведческого очерка, Б. Эйхенбаум не забывает о той литературной атмосфере, в которой сам он жил и трудился. Пристальное внимание к современной литературе вообще было свойственно большинству русских формалистов. Критический темперамент Эйхенбаума, нисколько не повредивший его отточенному аналитизму, дал себя также знать в ряде публикаций литературоведа в **литературно-критическом** разделе выходившего в 1924 г. журнала «Русский современник» – незабываемого и, осмелюсь предположить, непревзойдённого образца литературного и общественно-политического журнала прошлого века[4]. В качестве примера можно сослаться хотя бы на статью молодого формалиста о сочинениях В.В. Вересаева. Не менее иронична и убедительна была реплика Эйхенбаума в ответ на возмущённое письмо «обиженного» Вересаева, которое журнал оперативно опубликовал, дав также возможность заключительного комментария своему постоянному автору-опоязовцу.

Характерная для корифеев русской формальной школы и их последователей близость к русскому футуризму как литературному течению, их интерес к поэзии футуристов нашли своё отражение и в «Моём временнике», причём здесь автора интересует опять-таки не столько суть «литературно-бытового сдвига», произведённого футуристами, сколько момент столкновения разных эстетических позиций – резкое проивостояние молодых футуристов по отношению к эстетическим позициям т. н. «жрецов искусства» – мэтров поэзии канонизированного уже на рубеже XX–XXI вв. т. н. Серебряного века. Лаконичное рассуждение об этом эпизоде культурной истории вписано автором временника в более общую проблему литературного профессионализма, чреватую в разные эпохи поводами для принципиальных, порою ожесточённых литературных споров.

Бурная, богатая полемическими столкновениями литературная жизнь Санкт-Петербурга времён молодости автора «Моего временника» передана в разделе «Стихи и стихия» (семантическая антитеза созвучных слов слышится и в названии) фрагментарно, точечно. Эйхенбаум пишет о столичном городе, что тот «был засеян символистами... Потом по мостам и проспектам стали ходить акмеисты и футуристы...» (53). Он рассуждает о различных литературных течениях как человек, писавший смолоду во множестве стихи, но не примнувший ни к одной литературной партии, однако и в соотношении разных групп ощутима полемическая напряжённость, в какой-то степени совпадающая с социальной напряжённостью: «Приближалось время восстаний и кризисов» (54). Отзвуки той напряжённости прослушиваются и в приведённых в этой главе юношеских стихах автора, в частности, в стихотворениях «Убийственные дни...» и «Кони огненные сорвались...» (58–59).

В автобиографическом слое книги возникает ещё одна небезынтересная оппозиция – музыка и литература: «музыка была задумана в детстве, но неудачно» (42) и «литература в детстве не была задумана» (47). Хотя в дальнейшем автор ощущает и немаловажную

[4]В 1924 г. вышло всего четыре номера этого яркого и разнообразного по материалу журнала, после чего он был закрыт властями и вскоре превратился в библиотечный раритет.

общность между двумя разными видами искусства, но первоначально они сопоставлены всё по тому же принципу антиномичности: одно увлечение вытесняет другое. Когда в главе «Путешествие по Европе» литература, потеснив другие темы, выдвигается в центр рассуждений автора, снова вспоминаются им сочинение Эйхенбаума-деда «Гакраб», описанная в поэме шахматная партия, «неудачный», по мнению внука, русский перевод поэмы, выполненный Осипом Рабиновичем, и пр. Всё это лишний раз доказывает неслучайность общего зачина книги, посвящённого эпической поэме о шахматном поединке.

Не только многотемность, но и разножанровость «Моего временника» выдаёт тот высокий градус художественных поисков, который определялся, по выражению Лидии Гинзбург, ученицы Б. Эйхенбаума, его незаурядной «энергией творческого ума» [8]. Заметные отличия между использованными жанровыми формами снимают, по-видимому, всякую возможность говорить в данном случае о циклизации[5] и её конкретных средствах, но позволяют выявить иные факторы целостности этого необычного текста.

Разумеется, очень важным фактором является наличие единой фигуры автора – повествователя и мемуариста; на его жизнь, как на стержень, нанизаны и описанные эпизоды из жизни, и отдельные мемории, и эссеистические рассуждения, и литературные реминисценции, и даже собственные стихотворения автора. В единое целое объединяет столь разнородный текст и индивидуальный авторский стиль, цементирующий весь текст и заслуживающий, по-видимому, не просто внимания, а специального лингвостилистического изучения.

Помимо всего этого, хочется подчеркнуть значение ещё одного, не столь типичного, быть может, для литературы начала двадцатого века приёма. Не педалируется, тем не менее проходит через всю книгу будто заимствованный из старой эпизации шахматной партии лейтмотив, выполняющий жанрово-интеграционную функцию в разнородном тексте.

Начав с воспоминания о поэме своего деда «Гакраб», в стихах повествующей о шахматном поединке, Б.М. Эйхенбаум на протяжении всей своей лаконичной книги, где речь идёт о предметах, весьма и весьма далёких от шахмат, в каждой главе выявляет и акцентирует разного рода поединки или противопоставления. Таковые могут проявляться в событиях общественной жизни, в литературно-журнальной полемике, в истории литературы, в литературоведческой науке, в спорах конкретных творческих групп или принципиальных несогласиях отдельных литераторов друг с другом и т. д. Экспликация такой антиномичности создаёт в книге, несмотря на её внешне спокойный, по преимуществу академический стиль изложения, атмосферу повышенного драматического накала, превращающего «Мой временник» из «хронографа, летописи, описания минувших событий» (В. Даль) в напряжённый рассказ не столько о личности автора, сколько о литературе, о культуре, о сложном и драматическом времени.

Список использованной литературы

1. Эйхенбаум Б.М. Мой временник. Художественная проза и избранные статьи 20–30-х годов / Б.М. Эйхенбаум. – СПб.: ИНАПРЕСС, 2001. – 656 с. (Дальнейшие ссылки на изучаемую книгу даются в тексте статьи по этому изданию; в скобках указываются страницы).

2. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. А.Н. Николюкин. – М.: НРК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.

3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. Даль. – Т. 1. – М.: Гос. Изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. – 699 с.

4. «Сквозь литературу» – название одной из ранних книг Б. Эйхенбаума (Б. Эйхенбаум. Сквозь литературу: сб. Статей. – Л.: Academia, 1924. – 278 с.).

5. Винокур Г.О. Филологические исследования / Г.О. Винокур. – М.: Наука, 1990. – 452 с.

6. Соколянский М.Г. Повесть Б.М. Эйхенбаума «Маршрут в бессмертие» как опыт филологической прозы / М.Г. Соколянский // «Russian Literature». – LVIII. – Amsterdam, 2005. – P. 445–466.

[5]Проблема циклизации входила в круг интересов Эйхенбаума-литературоведа. Достаточно вспомнить, к примеру, его рассуждения о романе Лермонтова «Герой нашего времени» как «цикле повестей». См.: Эйхенбаум Б. О прозе. – Л.: Советский писатель, 1969. – С. 263–265.

7. Encyclopaedia Judaica: in 16 vols., vol. 6. – Jerusalem, 1971. – P. 516–517; Меламед Е. Известный Эйхенбаум... / Е. Меламед // Труды по иудаике. – Вып. 3. – СПб.: Петербургский еврейский университет, 1995. – С. 79–90.

8. Гинзбург Л.Я. Энергия творческого ума (к 100-летию со дня рождения Б.М. Эйхенбаума) / Л.Я. Гинзбург // Литературная газета. – М., 1986. – № 44. – 29 октября.

Рання книга одного з найвизначніших представників російської формальної школи Бориса Ейхенбаума відрізняється значною жанровою своєрідністю. У першій главі автор згадує старовинну поему «На-Kerav» («Битва»), яку було написано на івриті його дідом Яковом Ейхенбаумом і яка містить віршований опис гри у шахи. Така «увертюра» деякою мірою визначає жанрову поетику «Моего временника». Різноманітні ситуації сучасного соціального, культурного та літературного життя досліджуються автором з точки зору їх конфліктності. У цій статті ставиться мета показати, яким чином мотив «битви» виконує об'єднуючу роль у цій поліжанровій книзі.

Ключові слова: російська формальна школа, теорія літератури, жанр, стиль, часопис, історія літератури.

The early book of one of the leaders of Russian Formalist school Boris Eikhenbaum is marked by considerable genre diversity. In the first chapter the author mentions an old poem «На-Kerav» («Battle»), which was written in Hebrew by his grandfather Jakob Eikhenbaum and contains the description in verses of a chess game. Such the «overture» determines to some extent the genre poetics of «My Chronicle». The various situations in the contemporary social, cultural and literary life are explored by the author from the standpoint of their *conflictness*. The main goal of the essay is to show how the motif of «battle» plays an integrative role in the *polygenre* book.

Key words: Russian formalist school, theory of literature, genre, style, annals, history of literature.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

УДК 821.161.1 – 32.09

Т.В. ФИЛАТ,
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой языковой подготовки
Днепропетровской государственной медицинской академии

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ КОНТИНУУМ РАССКАЗА И.С. ШМЕЛЕВА «ПО ПРИХОДУ» (К ПРОБЛЕМЕ СООТНЕСЁННОСТИ ПОЭТИКИ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА РАССКАЗА С ТЕМПОРАЛЬНОСТЬЮ И ПРОСТРАНСТВЕННОСТЬЮ «ЛЕТА ГОСПОДНЕГО»)

В статье рассматривается проблема развития концепции и поэтики художественного пространства и времени от произведения-истока до произведения-итога. Выделяются элементы сходства, переклички, трансформации и изменения. Рассказ «По приходу» – своеобразная заявка, предтеча – при всех концептуальных, жанровых, поэтологических отличиях – многих черт пространственно-временного континуума повести «Лето Господне».

Ключевые слова: пространственно-временной континуум, поэтика литературного произведения, художественный мир произведения, пространственно-темпоральные лейтмотивы

Художественный мир писателя[1], по общему определению А.П. Чудакова, – это «оригинальное и неповторимое видение вещей и духовных феноменов, запечатлённых словесно» [2, с. 3]. Он возникает и формируется под воздействием многих литературных и внелитературных факторов (социально-исторических, биографических, личностно-психологических и др.), эволюционирует, может кардинально или частично трансформироваться, развивать или «опровергать» раннее творчество и т. д. Изучению проблем генезиса и эволюции художественного мира писателя в основном посвящены исследования конкретно-исторического характера, вынося в заглавие это понятие[2]. В теоретических работах очень часто оно не рассматривается [3; 4; 5], как и в большинстве словарей литературоведческих терминов [6; 7] (хотя есть и исключения [8, с. 730]), хрестоматиях, антологиях [9; 10], энциклопедических справочниках [11; 12]. Термин «художественный мир писателя» недостаточно прояснён в своём содержании, составе, уровнях и компонентах, в своих концептуальных и ценностных ориентирах. Так, А.П. Чудаков, глубокий и тонкий исследователь А.П. Чехова, выделяет «предметный мир», событийность, сферу героя (внешнюю, внутреннюю), идейный, повествовательный и стилистический уровни [2 с. 11], не анализируя такие важнейшие носители концепции и поэтики художественного мира писателя, как художественное время и пространство, столь значимые для чеховской поэти-

[1]Л.В. Чернец этот термин неправомерно отождествляет с понятием «творчество писателя» [1], содержание которого, несомненно, иное.

[2]Например: «В мире Пушкина» (1974), «В мире Толстого» (1978), «В мире Лескова» (1983), «О художественных мирах» (1985), [2] и др.

© *Т.В. Филат, 2012*

ки [13, с. 70–242]. Речь идёт, разумеется, не о попытке втиснуть в дефиницию максимум сведений о составе понятия «художественный мир писателя», а о необходимости выявления семантики и состава этого феномена при анализе художественного произведения. Назрела необходимость специального теоретического осмысления понятия-термина «художественный мир писателя» и появления работ литературно-исторического характера, посвящённых этой проблеме. «Художественный мир писателя» формируется его отдельными произведениями, поэтому его исследование предполагает анализ важнейших концептуальных компонентов «внутреннего» мира отдельных произведений и их сопоставление, выявление в них различного и общего, что может объединять даже разножанровые произведения.

После появления статьи Д.С. Лихачёва, обосновавшего термин «внутренний мир» произведения [14], подчеркнувшего, что он «не автономен… зависит от реальности, «отражает» мир действительности» [14, с. 76], термин вошёл в достаточно широкий литературоведческий обиход, проникнув и в теоретические работы, и в историко-литературные исследования в вариантах: «внутренний мир», «поэтический мир», «художественный мир произведения» [3, с. 94,156–159; 4, с. 172–178, 251, 275, 277–279, 454; 9, с. 31,165–173;15, с. 191–202; 16, с. 69–71, 359–376 и др.] или просто «мир произведения» [17, с. 17–18, 20, 41, 84, 93, 171–172, 177–182, 217, 264]. При этом состав «художественного мира» произведения определяется весьма разнообразно, часто без учёта иерархичности компонентов и концептуально-ценностной роли их в поэтике произведения. Одни литературоведы акцентируют роль «пространственно-временного измерения» [8, с. 730] для художественного мира произведения, как это делает В.И. Тюпа [4, с. 174], выделяя художественную функцию «художественного времени, пространства события» [4, с. 179–181]. Другие учёные выносят на первый план в качестве основополагающих такие компоненты, как «предметный мир», герои, события, идеи, а времени и пространству отводится второстепенная роль [15, с. 191–202]. Порою они вообще не включаются в характеристику «внутреннего мира» произведения [5, с. 11], а лишь упоминаются [3, с. 212–214], как это делает В.Е. Хализев, сосредоточивший основное внимание на понятии «персонаж» [3, с. 159–201]. В.А. Марков пишет, что «художественный мир, как и мир материальный, в качестве своих внутренних атрибутивных характеристик имеет пространство и время» [18, с. 4], что делает их основополагающими для поэтики произведения. Думается, что если применять термин-понятие «художественный мир» произведения как условного, «вторичного» мира, то категории времени и пространства, столь существенные для мира «первичного», должны рассматриваться как фундаментальные при анализе «внутреннего мира» произведения. Ведь и «предметный мир», «мир персонажа», событийный всегда расположены в том или ином пространстве-времени. «Любое литературное произведение, – как верно полагает А.Б. Есин, – так или иначе воспроизводит реальный мир… Естественными формами существования этого мира являются время и пространство» [19, с. 47].

Разные методологические ориентации, используя термины «художественное время и пространство», расходятся не столько в толковании их важных свойств, сколько в определении принципиальной важности ведущей роли для поэтики произведения одной из этих категорий художественного мира произведения. При этом важнейшим семантико-концептуальным, сюжетно-композиционным, художественно-функциональным основанием поэтики произведения выступает пространственно-временной континуум, в рамках которого создаётся предметный, событийный мир, внешний и внутренний мир персонажей, их поступков, речей, переживаний, взаимоотношений, адресованных читателю.

Как известно, в русскоязычном литературоведении 1960–1990-х годов сложилось два основных исследовательских подхода к анализу пространственно-временных координат произведения, различающихся акцентуацией важности роли либо темпоральности, либо пространственности в его структурно-семиотической системе. Такое расхождение в своей основе перекликается, как представляется, с двумя существующими в философии концепциями происхождения категорий времени и пространства: одни считают исходной идею времени, повлиявшую на идею пространства, другие – наоборот [20, с. 254–256]. Для М.М. Бахтина, создателя известной теории «хронотопа» [21, с. 234–407], как бы «примиряющей» в единстве эти две категории, что, кстати, делал И. Кант [20, с. 254], в художествен-

ном произведении всё же очевиден примат роли времени, что проявилось как в заглавии работы – «Время и хронотоп в романе», так и в аналитической репрезентации конкретных литературных примеров. Для В.Н. Топорова пространство – «перво-матрица» произведения, «родина» художественного» [22, с. 4], для Ю.М. Лотмана – «язык пространственных представлений» в литературном творчестве, «принадлежащий к первичным и основным» [23, с. 447,451], который используется и для выражения непространственных понятий [23, с. 451] (заметим, как и язык темпоральности). Учёный пишет: «Пространство в тексте есть язык моделирования, с помощью которого могут выражаться любые значения, коль скоро они имеют характер структурных отношений» [23, с. 443]. Лотмановский анализ художественного пространства в прозе Гоголя [23, с. 413–447], основанный на этой концепции, не затрагивает вопросы темпоральности. Думается, что следует учитывать при нахождении приоритета темпоральности или пространственности своеобразие видения мира писателем. Даже В.Н. Топоров, утверждающий, что «пространство в текстах захватывает и все их элементы» [24, с. 281], выделяет два типа отношения к пространству: особую или меньшую заинтересованность [24, с. 25]. На основе идеи концептуально-художественного приоритета той или иной категории для произведения возникает тенденция автономного изучения этих категорий, что, разумеется, допустимо: «Пространство и время всегда тесно соотнесены друг с другом, хотя… оба эти аспекта мира поддаются также разделению…» [25, с. 359–360]. Наряду с увлечением анализом хронотопов [26, с. 3–19; 27, с. 51–53; 28, с. 46–49; 29, с. 5–9] в России и в Украине появляются работы, исследующие художественное время [30, с. 160–172; 31, с. 121–142; 32, с. 145–158], художественное пространство [24, с. 227–385; 33; 34, с. 190–202; 35; 36; 37, с. 40–46], анализирующие «время и пространство» [38, с. 18–45; 39; 40; 41] или «пространственно-временной континуум» [42, с. 85–103; 43, с. 112–127]. Насколько мне известно, у нас нет специальных исследований процесса «опространствления времени», о котором писал Дж. Фрэнк [44, с. 194–213], хотя эта проблема весьма интересна и, как представляется, важна для понимания формирования предшествующего сложившемуся хронотопу соотношения пространства и времени. Думается, что терминологическое выражение «пространственно-временной континуум», которое употребляют М.А. Сапаров [42, с. 85–103], А.Я. Гуревич [43, с. 112–127] и др., представляется более точным и обобщающим при анализе художественного пространства и времени литературного произведения, так как подчёркивает совокупность, взаимосвязь и неразрывность времени-пространства (семантика слова «континуум»), которые не всегда образуют хронотоп как особое сращение, «слияние пространственных и временных примет» [21, с. 235]. Автор данной статьи солидарен с методологией анализа «художественного мира» произведения, сформулированной В.И. Тюпой, сосредоточив внимание на анализе художественного времени и пространства как пространственно-временного континуума, который обладает известной степенью определённой автономности, независимостью от других компонентов поэтики произведения, хотя и предполагает учёт художественного целого и структурно-семантические связи с ним.

Художественный мир И.С. Шмелёва, что давно замечено, весьма своеобразен, хотя далеко не полно изучен, несмотря на издание специального тематического сборника «Художественный мир И.С. Шмелёва и традиции славянских литератур» (2004), не говоря уже о многих отдельных интересных и важных наблюдениях в статьях специалистов. Совершенно очевидно, что шмелёвский художественный мир сложился в ходе определённой эволюции, где были задействованы многие литературные и внелитературные факторы, наделён своими концептуальными и поэтологическими особенностями, утвердил себя в русской литературе как высокохудожественный феномен. Задача его изучения, подготовленная работами многих шмелеведов, представляется одной из актуальных и важных. В рамках одной статьи её, разумеется, не решить, и автор ставит перед собой значительно более скромную цель: попытаться хотя бы эскизно, «пунктирно» выявить некое глубинное сходство между созданным Шмелёвым пространственно-временным континуумом, его концептуальностью, семантикой, структурой и функциями в произведениях раннего и позднего творчества, важных для генезиса и становления шмелёвского художественного мира, наметить определённые «заявки» на поэтологические элементы, пространственно-

темпоральные лейтмотивы, присутствующие в свёрнутом виде в раннем произведении, сравнив их, соответственно, с поздним, итоговым, выделить объединяющие их устойчивые компоненты, возможный эффект «разрыва», «трансформации», новую художественную интерпретацию и функциональность пространства-времени, за которым стоит своеобразное единство эволюционирующего шмелёвского творческого сознания, находящегося в динамике поисков, формирования, развития, видоизменения.

В качестве репрезентов начальной и итоговой художественной интерпретации пространственно-временного континуума берутся произведения разножанровые, но объединённые общим церковно-православным праздничным хронотопом: рассказ «По приходу» (1913) и повесть «Лето Господне. Праздники – Радости – Скорби» (1927–1931, 1934–1944)[3], о художественном времени и пространстве которой писала И. Харламова, видя в произведении «не сумму очерков, объединённых общим названием, а развитие единого, целостного художественного мира, ценностно и эмоционально окрашенного» [45, с. 48]. Итоги художественной эволюции И.С. Шмелёва при первом восприятии представляются весьма отличающимися от ранних произведений, заставляя некоторых исследователей резко противопоставлять художественный мир писателя дореволюционного и эмиграционного периодов [46, с. 64; 47, с. 290], говорить о его «новой эстетике», впрочем, не исключая «творческих исканий», хотя и не всегда конкретно прослеживая их [46, с. 57]. Правда, есть и работы, где намечается стремление представить эволюцию отдельных проблем, тем, мотивов, образов в творчестве Шмелёва [48, с. 424–440; 49, с. 77–83]. Однако при специальном и внимательном анализе поэтики его ранних рассказов можно заметить некие «зародыши», «заявки», «намётки», которые получат дальнейшее развитие в прозе писателя, обращённого «в начале своего творческого пути к «делам земным» [50, с. 136], а позднее – к религиозно-православным, духовным.

Автор данной статьи подходит к проблеме изучения художественного мира И.С. Шмелёва, его пространственно-временного континуума в аспекте возникновения, становления, трансформации, следуя за общей методологической концепцией А.П. Чудакова, автора работы «Мир Чехова: Возникновение и утверждение» (1986). В статье анализируется предреволюционный, небольшой, но вместе с тем весьма репрезентативный, «знаковый» для характеристики своеобразия шмелёвского художественного мира рассказ «По приходу» (1913) как некая «заявка», «предварительный набросок», «предтеча», где есть «ростки возникновения», будущей эволюции, нашедшей воплощение в «Лете Господнем». При этом учитывается, разумеется, разница жанров (рассказ – повесть), другая «топография», состав темпоральности и пространственности. В рассказе представлены ключевые темпорально-пространственные модусы – «здесь» – «сейчас» в обозрении локуса церковного прихода безымянного провинциального городка и «там» – «тогда» как «воспоминательное» автобиографическое время жизни автора в детстве в пространстве топографически названного пространства «отчего дома» в Замоскворечье.

* * *

Рассказ И.С. Шмелёва «По приходу» (1913) относится к периоду, который, по верному замечанию В.Д. Наривской, является временем «принципиальных изменений», особенно насыщенным «видоизменениями художественного восприятия мира» [50, с. 11], временем утверждения неореализма в творчестве писателя [51, с. 47]. «Лето Господне» [1927–1931, 1934–1944], по единодушному мнению специалистов, воплощает существенный сдвиг в мировоззрении и поэтике Шмелёва эмигрантского периода, знаменующий настойчивые творческие поиски писателя в создании иной, особой концептуальной и художественной картины мира, оплодотворённой христианским мироощущением и мировоззре-

[3]Хотя в шмелеведении актуализируется внимание к проблеме жанровой парадигмы творчества писателя, однако в этой области далеко не всё проанализировано и прояснено. Так, И.А. Ильин называет «Лето Господне» то «лирической поэмой» («Одинокий художник. Статьи. Речи. Лекции». – М., 1993. – С. 119), то «русской эпопеей» («О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин. Ремизов. Шмелёв». – М., 1996. – С. 157). Чаще всего «Лето Господне» называют романом или повестью, иногда избегают жанровой дефиниции, употребляя термин «книга», «произведение».

нием. В «Лете Господнем», как верно полагают, преобладает импрессионистическая поэтика [52, с. 64–69], преддверие которой явно ощутимо и в рассказе «По приходу» [53], где доминирует неореализм. Названные произведения могут быть яркими образцами выделенных И.А. Ильиным двух важнейших больших периодов творческой эволюции И.С. Шмелёва в качестве некоего «истока» и «свершения». Хотя и в жанровом, и в поэтологическом аспектах они весьма различны, но их объединяют феномен своеобразного анонсирования в рассказе и перекличка-трансформация ряда важнейших проблем, тем, мотивов, поэтологических компонентов, воплотившихся в «Лете Господнем».

Рассказ «По приходу» И.С. Шмелёв высоко ценил, подчёркивая его особую реалистическую направленность при сравнении с Л. Андреевым и А.И. Куприным, называя свой исток: «А ведь я в Замоскворечье родился, привык по земле ходить и люблю земной дух…» [54, с. 637]. В этом указании на свою «малую родину» звучит своеобразное «предсказание» художественного объекта «Лета Господнего» – изображение Замоскворечья, как бы намечается некая нить, которая свяжет эти произведения. В заглавии рассказа «По приходу» заявлено и место действия, и исходные доминанты сюжетного развития («движение по…»), названо церковно-административное ***пространство***, имеющее определённые границы – «приход». В названии повести «Лето Господне» определено церковно-календарное (сакральное) ***время***, тоже имеющее границы года, – Лета Господнего, а аннотирующая уточняющая часть структуры заглавия определяет «состав» этого года: «Праздники – Радости – Скорби». Поэтика заглавия обоих произведений при разной акцентации составляющих пространственно-временного континуума: в рассказе – пространство, в повести – время, в равной степени синтезирует основную его семантику. О доминировании пространства как основы архитектоники рассказа «По приходу» свидетельствует и принцип его деления на три неозаглавленных раздела: в первом дано описание интерьера церкви, во втором – домов прихожан, в третьем – домов священнослужителей, закончивших свой обход прихода, за рамки которого действие не выходит. В «Лете Господнем» выделены хронотопы годовых православных праздников, сосредоточенных в озаглавленных разделах – «Праздники – Радости» и озаглавленных главах, соотнесённых с тем или иным церковно-календарным праздником, а третья часть «Скорби» посвящена болезни и смерти отца главного героя – Вани Шмелёва. И хотя центрирующим повествование топосом в повести выступают «отчий дом» (бахтинский хронотоп) и двор, однако действием охвачены и церкви, и улицы, и рынки Замоскворечья и Москвы, берега Москвы-реки и т. д.

И в том и в другом шмелёвских произведениях заглавия последовательно конкретизируются в ходе наррации: «паратекстуальность» (по терминологии Ж. Женетта [55]), т. е. семантические отношения заглавия с текстом, весьма тесные, реализуют авторскую программную интенцию этих произведений.

Начало повествования и в рассказе, и в повести определяет место и время действия. «По приходу» начинается упоминанием «обедни у Вознесенья», которая «отошла рано, поздней сегодня не будет: надо идти по приходу славить» [56, с. 201]. В этом кратком начальном абзаце рассказа время фиксируется и церковной лексикой («обедня»), и временными маркерами («рано», «поздняя», «сегодня»), а также намечается пространство будущего сюжетного действия («идти по приходу»). Повесть «Лето Господне» [57] открывает начало Великого Поста, данного и в природной календарной темпоральности («серое утро», «мартовская капель» и т. д.), где есть и символический подтекст «очищения», заложенного в семантике Поста, и передано поведение природы, определено и место действия – «отчий дом» мальчика Вани Шмелёва. Оба произведения объединяет отказ от экспозиции: такое начало характерно для прозы XX в., где «изложение начинается как бы с средины рассказа, место и время действия, сложившиеся к началу, выступают в виде «данного» [58, с. 120]. Благодаря такому приёму художественный мир произведения предстаёт для читателя частью общей картины мира. Хотя в заглавии рассказа автор выдвигает на первый план пространство, а в повести – время, в текстовой их художественной реализации очень часто возникает сращение темпоральности и пространственности, формируется хронотопизация, где центральным выступает церковно-праздничный хронотоп: в рассказе он воплощает один праздник – Рождество, а в повести реализуется в целой системе годового церковно-праздничного цикла, где в рамках жанра повести действуют законы эпиза-

ции и лиризации пространственно-временного континуума произведения. В рассказе уже отчётливо выступает тот тип отношения писателя к категории пространства, о котором писал В.Н. Топоров: особое внимание, «заинтересованность», «способность понимать его смысл», «вживать смысл в него» [24, с. 325]. В обоих произведениях центральным предстаёт ограниченное пространство: приход в рассказе, замоскворецкий дом и двор Шмелёва в повести, которые темпорализированы праздничным временем. Это создаёт особые, присущие И.С. Шмелёву, темпорально-пространственные структурно-семантические связи его модели мира. В ней пространство локализировано (в рассказе – приход, в повести – дом и двор Шмелёвых), а время тоже имеет свои границы. Длительность времени в рассказе «По приходу» определяется временем Рождества – праздничного обхода прихода церковнослужителями, «темпоральный размер», если воспользоваться термином Д.С. Лихачёва [59, с. 209–337], невелик, дан в чётких хронометрических маркерах, начиная с десяти часов утра, когда начался обход [56, с. 203], затем отмечается «пятый час, темнеет» [56, с. 209], потом фиксируется «половина восьмого» [56, с. 211] и, наконец, возникает фраза: «день кончен» [56, с. 211] как финал темпорализированного обхода прихода, а возвращение церковников происходит ночью, что передано в пейзаже-ноктюрне [56, с. 212]. Уже в этом рассказе проступает свойственное Шмелёву творческое внимание к «языку пространства и времени», придание им многофункциональности, особое пристрастие к воссозданию праздничного церковно-православного календарного и природного времени, слитого с ним, что будет глубоко и последовательно воплощено в повести «Лето Господне». Хронотопичность и в рассказе, где дан небольшой, но насыщенный событиями отрезок праздничного времени (день), и в повести, где дан локус дома-двора Шмелёва, темпорализирована церковными праздниками года – Лето Господне, отвечает всем особенностям, которые М.М. Бахтин выделил в хронотопе: «время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно зримым, пространство же интенфицируется, втягивается в движение времени», «…причём время раскрывает пространство, а пространство осмысливается в измерении временем» [21, с. 235]. Все типы и виды пространственности в рассказе – приход, дома, фабрики, церковь, а в повести и двор, улицы, рынки Москвы, Кремль и т. д. выступают носителями шмелёвских открытых и скрытых оценочных интенций. Автор «вживает» в них особый художественный смысл: в рассказе это открытие бытовой праздничной действительности небольшого фабричного прихода, данного глазами объективного повествователя, в «Лете Господнем» – это ностальгическое воспоминание праздничного пространства-времени «рая детства», данного глазами ребёнка, экспрессивно-эмоционально окрашенное. В обоих произведениях время линеарное, но особое – церковно-календарно-праздничное, слитое с природным: в рассказе – это время условно-настоящее, синхронно-повествовательное, в повести – это прошлое, время памяти, которое, согласно А. Бергсону, современнику Шмелёва, «всё … сохраняет до мельчайших подробностей. Всё, что мы когда-то чувствовали, воспринимали, думали, желали … живёт неразрушимым» [60, с. 43–45]. Но это время «живой памяти» автора-повествователя-героя-ребёнка Вани Шмелёва разворачивается перед читателями тоже как «сиюминутное», насыщенное бытовыми деталями и подробностями праздничного быта, что было уже эскизно намечено в рассказе.

В обоих произведениях нет захватывающего сюжета, необычных событий, обрисован быт, люди обычных профессий, что присуще и неореализму, и импрессионизму. В этих произведениях предстаёт «особое временное поле» [61, с. 11, 27, 36, 76] – церковно-праздничное сюжетное время, имеющее, как уже отмечалось, определённые темпоральные рамки. В обоих произведениях церковно-календарное праздничное время тесно соотнесено с природным: в рассказе, правда, лишь краткой ремаркой – «морозное утро», «снег» [56, с. 202], а в повести значительно более развёрнуто и экспрессивно эмоционально окрашено в целой системе пейзажных зарисовок. В рассказе «По приходу» дается пейзаж-зарисовка одной и той же местности в разное время суток – днём и ночью [56, с. 203, 212], а в повести и в разное время года, и в разное время суток.

В рассказе и в повести предстаёт пространство России, связанное с традицией «городского текста» русской литературы, сформированной, как верно отмечает А.А. Степанова, под влиянием реального феномена интенсивного роста промышленных городов России [62, с. 91]. «Городской текст» представляет собой «целостную систему знаков и об-

разов, отражающую и закрепляющую … специфику ключевых моментов урбанистической культуры» [62, с. 92]. И.С. Шмелёв в рассказе «По приходу» изображает фабричный приход, где нет места природе, включает в качестве опорных «знаков» этого урбанистического пространства «красные корпуса и трубы», за которыми не видно домов [56, с. 203]. «Городской текст» «Лета Господнего» воплощён в пространстве Замоскворечья, где нет фабрик, заслоняющих частные дома, где господствует природа, основным «знаком» этого городского пространства выступает «отчий дом» Вани Шмелёва и двор, где лужа занимает большое место. Хотя оба произведения соотносятся с «городским текстом» русской литературы, но в них реализуются его разные варианты. В рассказе писатель ориентирован на хронотоп провинциального городка, охарактеризованного М.М. Бахтиным, где господствует «затхлый быт», «бытовое время» и все знают друг друга [21, с. 396], – хронотоп, широко представленный учителем Шмелёва – А.П. Чеховым. В повести «Лето Господне» автор примыкает к другой традиции «городского текста» – описанию Замоскворечья, восходящей к А.Н. Островскому, автору «Записок замоскворечного жителя» (1847), где тоже присутствует тема церковных праздников [63, с. 29–41]. И.С. Шмелёв обогащает эту бытовую и нравоописательную традицию большим лиро-поэтическим накалом, акцентируя замоскворечный православный быт – бытие, осмысленное в духе христианских ценностей. Опирается автор «Лета Господнего» и на традицию той ветви трактовки «городского текста», какая связана с Москвой [61]. При этом точные бытовые детали и нравоописательные подробности несут на себе печать не только «местного колорита», но и национального самосознания в теме «Москва – Третий Рим» [63, с. 33], пронизанной у Шмелёва исповедально-ностальгическим лиризмом в репрезентации своей «малой родины» в прошлом. К числу способов «языкового кодирования» «городского текста» В.Н. Топоров относит названия, топонимы, «имена-фамилии» [22, с. 218–220]. В рассказе нет точного географического топонима, но Шмелёв придаёт безымянному хронотопу городского фабричного прихода расширительную семантику типичного пространства русского провинциального городка именно благодаря сочетанию безымянности с точным воссозданием реальности. Такая художественная стратегия, при которой некое ограниченное пространство обретает семантику художественного воплощения страны-Родины, последовательно реализуется в топосе Замоскворечья, в описании быта дома и двора Шмелёвых, данных как репрезенты православной России в «Лете Господнем». Но Шмелёв прибегает к другому приёму: в повествование введены реальные топонимы, широко известные русскому читателю – Замоскворечье, Москва, «золотисто-розовый Кремль», Сухаревская башня, Смоленский рынок, Каменный мост, Елисеевский магазин, «тихая Якиманка», «золотистый сумрак храма Христа Спасителя», Москва-река и др. московские топонимы, создающие «топографический хронотоп», если воспользоваться термином П.Х. Торопа [64].

В рассказе «По приходу» введены «имена-фамилии» вымышленных героев (без подробных сведений о них), которые Шмелёв представляет как известные автору-повествователю и читателю. Аналогично репрезентирует писатель своих героев, вводя или фамилии (Горкин), или имена (Василь Василич, Марьюшка и т. д.). Благодаря такому приёму возникает эффект интимизации диалога автора-повествователя в рассказе и героя-повествователя в повести с читателем. Но в «Лете Господнем» этот диалог становится исповедальным, доверительно-интимным, лирическим по сравнению со сдержанно-объективной информацией нарратора в рассказе «По приходу»: приёмы, найденные в рассказе, трансформируются, хотя функциональность – интимизация общения с читателем – сохраняется и в повести, углубляясь и насыщаясь экспрессивностью.

Базовая семантика структуры понятия «приход», заявленного в заглавии, начинается с описания центра любого прихода – церкви. В дескрипции её интерьера [56, с. 203] выделены знаковые детали (алтарь, иконы, распятие, лампада, крест), писатель вводит их не в специально выделенном описательном линеарном фрагменте текста, а как бы пунктирно формирует интерьер этим особым «ансамблем деталей», которые в повествовании перемежаются с действиями персонажей, превращаясь в способ создания «сценок» [56, с. 201, 202]. Такой принцип обрисовки интерьера, концентрированно насыщенного предметами и «действующими» персонажами, в своей основе преодолевающий статику описательности и «остановку» сюжетного развития, являет собой феномен «картинного модуса» [65,

с. 69], который широко будет представлен в «Лете Господнем». Но в церковном интерьере рассказа нет ещё отчётливой сакрализации, его предметности, «эстетизации сакрального», какая будет в «Лете Господнем» [66, с. 192], хотя любовное внимание писателя к описанию предметности церковного интерьера – заявка на дальнейшую эволюцию, какая предстанет в повести «Лето Господне», где с храмом «связано как всё радостное, светлое, так и печальное, скорбное» [67, с. 56]. Такой эмоциональной ауры храма в рассказе ещё нет. «Приход» как административно-церковное, ***социальное*** пространство постепенно реализуется в описании домов прихожан, их праздничного обихода, ритуального и мирского поведения церковников, совершающих обход, последовательность и «вектор» которого определяется социальным статусом хозяина дома (от богатых к бедным). В повести «Лето Господне» господствует центрированное, ограниченное, хотя и незамкнутое пространство обитания семьи и их «обслуги» в рамках праздников Лета Господнего, где господствует хронотоп «отчего дома» (М. Бахтин), «родового гнезда», предстаёт семейно-бытовое пространство. В рассказе «По приходу» обрисован тоже ограниченный центральный топос, но он другой – социально маркированный, разделённый на микролокусы (церковь, дома, улицы), где подчёркнуты социально-бытовые их отличия, бытовая автономность. Но центрирующее повествование художественное пространство в обоих произведениях, что их в известной мере объединяет, предстаёт в разных аспектах: в рассказе в критической тональности осмысления фабричной цивилизации, где нет места природе и общности людей даже в праздничное время, а в повести – в своеобразной идеализации дома-двора как очага православного быта – бытия, объединяющего людей. В рассказе, где заложен интерес к церковно-праздничному хронотопу, ещё отсутствует мифопоэтическое начало его трактовки, которое широко входит в поэтику повести «Лето Господне». В рассказе «По приходу» доминируют описания внешнего социально-бытового пространства прихода в праздничное время Рождества, домов прихожан и церковнослужителей, которые существуют в автономных, социально-имущественно разных и разъединённых локусах, что подчёркивает на «языке пространства» непространственную черту их бытия – отсутствие «соборности» в их быте-бытии и сознании, которая станет важной ценностью в «Лете Господнем» и будет там изображена. В повести, где отец, столяр Горкин, няня, кухарка Марьюшка, Василь Василич, кучер, дворовые рабочие, живущие, думающие и действующие в рамках семейно-бытового пространства дома и двора Шмелёва, – это «герои, прикованные к друг другу», их объединяет «необходимость в контакте друг с другом» [68, с. 63]. Между ними существуют особые дружеские, доверительные отношения, скреплённые общностью православного мировидения и народными традициями «празднования» церковных праздников. В повести возникает «коллективный образ» людей, наделённых соборным сознанием. По верному наблюдению Н.С. Гребенщиковой, эта родственность, близость проступает в «проксемном поведении» персонажей в повести, в их «пространственном поведении», в стремлении обниматься, целоваться, общаться и т. д. [69, с. 54–62].

В рассказе «По приходу» писатель создаёт образы «членов церковного организма», который, как подчёркивал А.М. Любомудров [70, с. 64–65], любил изображать Шмелёв. Но в рассказе писатель ещё далёк от создания образов благочестивых, духовно богатых представителей русского духовенства, присутствующих в «Лете Господнем»: церковнослужители рассказа поглощены мирскими, прагматическими заботами соблюдения социальной иерархии при обходе домов прихожан, участием в праздничном застолье и получением пожертвований. Темы духовного преображения людей под влиянием атмосферы церковного праздника, как это будет в «Лете Господнем», в рассказе нет, ибо все заняты соблюдением лишь внешней традиционной атрибутики церковного праздника, а не его духовной сутью, столь важной и для Вани, Горкина и других обитателей дома Шмелева в повести. В рассказе «По приходу», атмосфера которого лишена лиризма, одухотворенности, нет той концепции пространственно-временного континуума, которая господствует в «Лете Господнем», где «абсолютно все пространство и время неразделимо соединено с Божеством, поэтому все происходящее воспринимается как светлое чудо русской жизни». Эта концепция у Шмелева сформируется и под воздействием его более глубокого постижения духа православия, и благодаря ностальгическому восприятию счастливого прошлого детства и страны. Но поэтика густо опредмеченного и четко темпорализированного про-

странства, заполненного людьми, ограниченного и данного в церковно-праздничное время, что образует церковно-праздничный хронотоп, бытовизация церковно-бытовой церковной обрядовостью – все эти черты повествовательной «технологии», намеченные в рассказе, будут развиты в «Лете Господнем», обогащены экспрессивной эмоциональностью, освещены духовным светом православного быта-бытия, где есть место и идеализации.

В рассказе, с его социально-критическими нотками, негативным отношением к индустриальному фабричному приходу, реалистической описательностью жизни-быта, нет того осознания настоящей, подлинной красоты жизни, «озаренной особым светом «вечного бытия» и «вечного разума» [71, с. 141], какое предстанет в «Лете Господнем» с его православными ценностями и мировидением.

В интерьерных зарисовках домов прихожан, темпорализированных праздничным временем, много деталей и сквозных мотивов: описывается праздничное застолье, разное у богатых (деликатесы – сиг, омары, балыки, семга, «черный куб» икры и т. д. [62, с. 205]) и у рабочих (щи, свинина, хлеб [62, с. 208]). В рассказе предстает не мотив общего «обеда для разных», как в «Лете Господнем», а мотив «разного обеда» для разных. Уже в рассказе И.С. Шмелев использует микромотив запаха, тоже, как и снедь, разный у богатых и бедных: у одних «пахнет портвейном и сигарой», «остро пахнет икрой… сардинками и цветами» [56, с. 204]; у бедных «густо пахнет свининой и щами» [56, с. 208]. В повести «обонятельный мотив» будет широко представлен. Так, например, описывая праздник Преображения Господнего, Шмелев подчеркивает запах «свежих яблок» [57, с. 210], а иногда описывает и целый «букет» запахов: «пахнет еловым деревом по росе и еще чем-то сладким, кажется, зацвела-таки яблоня… Пахнет и первой травой» [57, с. 190, 191]. И.А. Ильин специально отметил роль «запаха» в создании шмелёвского образа России [72, с. 181]. В рассказе «По приходу» в локусах домов прихожан хотя и эскизно, но явно присутствует отмеченная И.А. Ильиным черта шмелёвского художественного мира – «незабвенная печать русского быта» [72, с. 40], которая станет важной стороной обрисовки пространственно-временного континуума «Лета Господнего». Хронотоп праздничного «пиршества», мотив еды, присутствующий в рассказе «По приходу», представляется краткой «заявкой» на развитие этой темы в «Лете Господнем». Лейтмотивом с отчетливой социальной функциональностью выступает и мотив иконы как сакрального предмета, знака православного быта, который определяет и социальный статус владельца дома: у богатых это дорогая украшенная золотом икона [56, с. 204], а у бедных – «темный образ в новом бумажном венце, купленном на базаре» [56, с. 208]. Уже в этом рассказе анонсируется особый интерес писателя к иконе, которая станет «неотъемлемой» частью художественного мира И.С. Шмелева [49, с. 77].

Хронотоп дороги, пути – важная семантическая составляющая пространственно-временного континуума художественного мира Шмелева, часто она является, как в рассказе «По приходу», центральным сюжетным развитием. В рассказе «По приходу», в заглавии которого предполагается «дорога по…», хронотоп дороги (М. Бахтин) используется традиционно как способ обозрения локуса пространства городского фабричного прихода с его «архитектурой» и социальной многосоставностью (церковь, фабрика, дома, улицы), данными в нравоописательной и бытовой достоверности. Возникает своеобразная фрагментаризация пространства, что соответствует реальной урбанистической топографии и используется И.С. Шмелевым для реализации концептуальной авторской интенции: писатель подчеркнул социальную иерархичность (богатые и бедные дома), автономность локусов домов как знак разобщенности людей, отсутствие духа соборности, который станет, как отмечалось, важной программной идеей в «Лете Господнем» [66, с. 193]. В центральном локусе «дома Шмелевых» люди объединены не только общностью пространства, но и общим мировидением, «соборностью». Несмотря на разную концептуальность, оба произведения объединены использованием «языка пространства», «вживания» в него непространственного смысла – характеристики отношений людей. Обход прихода в рассказе – это не вариант «духовного странствия» – мотив, характерный для позднего Шмелева, который отмечает «равнодушие» своих «странствующих» к земному, поискам ими духовного совершенства [47], в «дороге» по приходу церковнослужителей много земного, утилитарного, нет обретения «духовного совершенства, проявления любви к ближнему»: «Так они ходят и ездят из дома в дома, унося в себе сотни лиц, видя радушие, холодок, пусто-

ту» [56, с. 209]. В рассказе нет мифологии пути как постижения смысла жизни, церковного праздника, Бога, что будет в поздних произведениях, в «Лете Господнем». В рассказе, где сюжетное развитие соотнесено с привычным для церковнослужителей обходом прихода в праздник Рождества, дорога дана как выполнение ими внешнего профессионального долга.

Пространственно-временной континуум повести, как считают, в обрисовке разных праздников Лета Господнего обогащен духом «пасхальности» [66, с. 193–194]. И.А. Есаулов даже считает, что «движение к Пасхе … составляет особый генеральный сюжет «Лета Господнего»« [66, с. 193]. В рассказе «По приходу» освещен другой праздник – Рождество, который художественно интерпретируется Шмелевым без «духа пасхальности», без глубокого религиозного этико-философского смысла, который отчасти есть в рассказе «Рождество в Москве» [74, с. 8–9]. В рассказе лишь зарождаются, пунктирно возникают некоторые концептуально-поэтологические принципы создания праздничного пространственно-временного континуума произведения, в котором доминирует описание внешнего, сугубо бытового его облика. В известной мере это связано с явной полемикой писателя с жанром «рождественского рассказа», где присутствуют «чудо» и обязательный счастливый конец, «изменяются законы пространства и времени, и совершается чудо, потому что Бог приходит в мир…» [75, с. 50]. Это передано в трактовке Рождества в «Лете Господнем». В авторской трактовке хронотопа праздника Рождества еще нет «безоблачной радости и благодарного принятия бытия, нет убеждения, что все прекрасно и премудро устроено» [48], как это будет в повести «Лето Господне»: даже священнослужители прихода отягчены житейскими заботами, усталостью, а в фабричном приходе господствует социальное неравенство прихожан. И.С. Шмелев в рассказе видит мир сквозь критическую призму, а в «Лете Господнем» несомненно присутствует идеализирующая направленность. Исследователи иногда ее прямо отмечают, не углубляясь в подробный анализ, видят её в «идеальном образе дома», в трактовке «патриархального уклада» дома Шмелевых, порою прибегают к замене этого термина синонимами – «сон», «сказка» [73, с. 308–322]. Иногда, избегая термина, как это делает С.М. Демкина, по сути дела перечисляют идиллические компоненты: «отчий дом, иконы и молитвы… патриархальность в семье и в отношениях хозяин-работник…» [76, с. 134], «православная купеческая семья, верная традициям, жизнь развивается согласно порядку, завещанному предками» [76, с. 134]. В этой характеристике много перекликается с определением идиллического хронотопа, данного М.М. Бахтиным, что существенно отличает семантику и функцию пространственно-временного континуума повести «Лето Господне» от рассказа «По приходу». М.М. Бахтин писал: «Идиллическая жизнь неотделима от конкретного пространственного уголка, где жили отцы и деды, будут жить дети и внуки. Пространственный мирок этот ограничен и довлеет себе, не связан существенно с другими местами, с остальным миром» [21, с. 374]. В «Лете Господнем» этот «пространственный уголок» – замоскворецкое «родовое гнездо» семьи Шмелевых, своеобразно отграниченное от остального пространства домом и двором, устоявшимся бытом и православными традициями. Как верно подчеркивает А.Е. Нямцу, «для идиллического мира характерны пространственная и временная замкнутость» [73, с. 389]. В «Лете Господнем» – это особый «замкнутый» топос дома-двора Шмелевых в Замоскворечье в год церковных праздников. Но если, например, в романе И.А. Гончарова «Обломов» (1859), по верному наблюдению А.Е. Нямцу, «идиллия пытается осуществиться, а реальность последовательно опровергает эти попытки» [73, с. 389], то в «Лете Господнем» в ностальгически идеализированном восприятии-воспоминании автора-повествователя-героя она ***утверждается*** на основе православного благочестия, духовной культуры. М.М. Бахтин также подчеркивал, что в идиллическом мире, где важен хронотоп «отчего дома» (он – центральный топос шмелевской повести), существенен быт [21, с. 375]. Его семейно-родовые народные традиции с разнообразными подробностями описаны в «Лете Господнем», что тоже свидетельствует о роли идиллического хронотопа для писателя. В повести возникает «мир русского бытового благочестия» [77, с. 8] с привычными предметами, обрядами, родными и знакомыми, близкими по духу, мир, данный в опорных вехах церковно-православных праздников Лета Господнего, т. е. особого «благого», как и в идиллии, пространственно-временного континуума, где в топосе и хроносе царит своеобразная гармоничность, при-

сущая атмосфере идиллического хронотопа. В повести И.С. Шмелёва идиллический хронотоп трактуется не как безумное и бездеятельное благополучие: «Своеобразие идиллической картины жизни не в смиренном благополучии, а в организующем ее способе существования» [4, с. 68]. М.М. Бахтин также отмечает, что в идиллическом хронотопе трагедия смерти смягчена, ибо «единство места жизни поколений ослабляет и смягчает… грани между индивидуальными жизнями… обнаруживая текучие «силы мировой жизни», которые человек «должен отдать, с которыми он должен слиться». Эта система ценностей «преображает все моменты быта, лишает их частного… характера, делает их существенными событиями жизни» [21, с. 373–384]. В «Лете Господнем», где герои, в первую очередь Горкин и Ваня, осознают благодаря православной философии неразделимость жизни и смерти, связь поколений, смерть «папеньки» («Скорби») воспринимается именно так. О такой трактовке темы смерти, не связывая с поэтикой идиллического хронотопа, в «Лете Господнем» пишут И.А. Ильин [72, с. 190], Д.В. Макаров [78, с. 106–111], а автору статьи она представляется проявлением идиллического хронотопа, оплодотворённая православным представлением о жизни-смерти у Шмелёва.

Концептуально и поэтологически существенной для определения разной организации пространственно-временного континуума сравниваемых шмелевских произведений является организация наррации, «точка зрения» автора-повествователя, его «позиция». Как верно пишет А.Е. Нямцу, «особое идеологическое значение в художественных текстах приобретает внешняя и внутренняя точки зрения» [73, с. 216]. «Точка зрения» «в плане пространственно-временной характеристики произведения», по Б.А. Успенскому, – «фиксированное» и «определенное в пространственно-временных координатах «место рассказчика»« [79, с. 80], по Б.О. Корману, это и его «положение во времени» [80, с. 21–27], а также «идейно-эмоциональная оценка», прямая или косвенная, объектов повествования [81, с. 13]. В рассказе «По приходу» автор-повествователь, находясь вне изображенного пространства («внешний наблюдатель»), но зная его, как и людей, его заполняющих, повествует как бы в синхронном времени, выступая неким внимательным наблюдателем событийного плана произведения, протекающего в определенном пространстве-времени. Он предпочитает давать скрытые оценки происходящему. В «Лете Господнем» совершенно другая «точка зрения» автора-повествователя. И.С. Шмелев «показывает нам Русь из сердечной глубины верующего ребенка» [72, с. 182] («внутренний» наблюдатель), где доминирует открытая идеологически-эмоциональная оценка, создающая особую экспрессивность, лирическую насыщенность повествования, «детский хронотоп» [4, с. 36]. В рассказе же автор-повествователь имеет другой кругозор. Обозреватель действительности «похода» по приходу – опытный, «всезнающий», зрелый человек, замечающий детали быта, социально-психологическое поведение людей, угнетающее их неравенство. Темпоральная дистанция между временем повествования и его событиями в рассказе и повести разная: в первом предстаёт «обозрение» происходящего в условном, незавершённом настоящем, во втором произведении предстаёт отдалённое прошлое, окрашенное ностальгией эмигранта и чувством «потерянного рая» детства и Родины. «Время, отделяющее рассказчика от событий рассказа, – пишет Л.В. Чернец, – своеобразный фильтр, пропускающий самые яркие, дорогие или самые стыдные, мучительные воспоминания» [17, с. 70]. В «Лете Господнем» предстают субъективно-личностные «воспоминательные» детали и подробности, в рассказе «По приходу» они – плод внимательного, «объективированного» наблюдения «нейтрального» событийному плану произведения автора-повествователя. Но при разной «точке зрения» их объединяет интерес к феномену православного церковного праздника, хотя манера авторского повествования о нём разная. Описание праздника Рождества в повести, где возникает светлый, духовно-религиозно осмысленный, с философским подтекстом образ Рождества, представлено и обрядовостью, и бытовыми деталями, особым праздничным ритмом. В рассказе же «По приходу» доминирует описание православно-бытовой стихии, «эмпирическое состояние» воплощения «религиозной ценности», если воспользоваться словами С.Л. Франка [82, с. 65], хотя внешние ключевые смыслы природной темпоральности (звёзды, земля, воздух), которые есть в дескрипции Рождества в «Лете Господнем», есть и в рассказе. Но того, что В.Н. Топоров считает «глубинным слоем» выражения «вероучения» [83, с. 50], которое присутствует в «Лете Господ-

нем» как «каноническое и импровизированное», в рассказе «По приходу» ещё нет. При всём интересе и внимании к быту и нравоописанию, писатель в этом рассказе, что будет широко представлено и в «Лете Господнем», «ходит… не с фотографическим аппаратом», как выразился А. Тинков по поводу сборника, куда вошёл и рассказ «По приходу», «а с горячим человеческим сердцем, с доброй и пытливой мыслью» [54, с. 637], которая и движет творческой эволюцией художественного мира писателя.

Эволюция темы православного церковного праздника в художественном мире Шмелёва разительна, но заявка на нее есть уже в раннем рассказе.

В кругозоре автора-героя-повествователя в «Лете Господнем» оказывается ностальгически отдалённое, но внутренне близкое во времени памяти идиллическое пространство-время, данное в предметно-бытовой насыщенности с опорой на «детский хронотоп». В рассказе «По приходу» автор-повествователь не принадлежит пространственно-временному континууму произведения, выступает сторонним, хотя и близко знакомым с ним, внимательным наблюдателем, избегающим прямых оценок происходящего. Но в обоих произведениях отчётливо проступает стремление Шмелёва позиционировать автора-повествователя и читателя внутри этих пространственно-временных границ, заинтересовать его тем художественным миром, который возникает в этих произведениях.

В трактовке пространственно-временного континуума рассказа «По приходу» доминирует социально-критическое начало, а в повести «Лето Господне» – идиллический хронотоп, что свидетельствует о разнице мировосприятия писателя в разные периоды творчества, давно замеченной специалистами. Но это не исключает внутренней переклички самого интереса к созданию праздничного хронотопа, в состав которого входит особое отграниченное пространство, которое объединяет рассказ и повесть. «Новая эстетика» И.С. Шмелева [46, с. 57] имеет определенные корни в раннем творчестве не только в поэтике «яркого бытовизма», «необычной конкретности деталей», которые отмечают многие специалисты, а и в особом пространственно-темпоральном видении Шмелева, в специфике его воссоздания через церковно-праздничную хронотопию.

Рассказ «По приходу», небольшой по текстовому объему, построен на основе праздничного церковно-календарного пространственно-временного континуума, в состав которого входит хронотоп «провинциального городка», хронотоп дороги, «опредмеченного» и темпорализированнного пространства, насыщенного бытовыми сценками и людьми, в целом относится к неореализму XX в. Однако в нем, как представляется, заложены многие темы, мотивы, специфика церковно-праздничного пространства-времени, функция и отбор деталей, пространственных, временных, предметных, принципы создания топосов и локусов, которые затем будут творчески развиты в повести «Лето Господне», обогащённой православным видением и приятием мира в русле импрессионизма. Рассказ «По приходу» – своеобразная заявка, предтеча – при всех концептуальных, жанровых, поэтологических отличиях – многих черт пространственно-временного континуума повести «Лето Господне».

Список использованной литературы

1. Чернец Л.В. Мир литературного произведения (Художественная литература в социокультурном контексте) / Л.В. Чернец // Поспеловские чтения. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – С. 32.

2. Чудаков А.П. Мир Чехова: Возникновение и утверждение / А.П. Чудаков. – М.: Советский писатель, 1986. – 384 с.

3. Хализев В.Е. Теория литературы: учебник / В.Е. Хализев. – М.: Высшая школа, 2004. – 405 с.

4. Теория литературы: в 2 т. / под ред. Н.Д. Тамарченко. – М.: Академия, 2004. – Т. 1. – 512 с.

5. Фесенко Э.Я. Теория литературы / Э.Я. Фесенко. – М.: УРСС, 2004. – 336.

6. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. – М.: Наука, 1974. – 676 с.

7. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Наука, 1987. – 752 с.

8. Літературознавчий словник-довідник / Р.Т. Гром'як, Ю.І. Ковалів [та ін.]. – К.: ВЦ «Академія», 1997. – 752 с.

9. Теоретическая поэтика: Понятия и определения: Хрестоматия для студентов / Авт.-сост. Н.Д. Тамарченко. – М.: РГГУ, 2002. – 467 с.

10. Современная литературная теория. Антология. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 343 с.

11. Современное зарубежное литературоведение. Страны Западной Европы и США. Концепции. Школы. Термины. – М.: Интрада, 1996. – 319 с.

12. Западное литературоведение XX века. Энциклопедия. – М.: Интрада, 2004. – 560 с.

13. Филат Т.В. Поэтика пространства и времени в русской повести конца 1880-х – начала 90-х годов / Т.В. Филат. – Днепропетровск: Арт-Пресс, 2002. – 418 с.

14. Лихачёв Д.С. Внутренний мир художественного произведения / Д.С. Лихачёв // Вопросы литературы. – 1968. – № 8. – С. 74–87.

15. Чернец Л.В. Мир произведения / Л.В. Чернец // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины. – М.: Высшая школа, 1999. – С. 191–202.

16. Faryno J. Wstep do literaturoznawstwa / J. Faryno. – Wyd. II. – Warszawa, 1991. – 314 s.

17. Введение в литературоведение: учеб. пособие / Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, А.Я. Эсалнек [и др.]. – М.: Высшая школа, 2004. – 680 с.

18. Марков В.А. Логико-онтологические модели пространства-времени в литературе / В.А. Марков // Пространство и время в литературе и искусстве: Методические материалы по теории литературы. – Даугавпилс: Университет, 1984. – С. 4–6.

19. Есин А.Б. Время и пространство / А.Б. Есин // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины. – М.: Наука, 1999. – С. 47–62.

20. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект, 1997. – 991 с.

21. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Наука, 1975. – С. 234–407.

22. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное / В.Н. Топоров. – М.: Академия, 1995. – 624 с.

23. Лотман Ю.М. К проблеме пространственной семиотики / Ю.М. Лотман // Об искусстве. – СПб.: Искусство СПб,1998. – 836 с.

24. Топоров В.Н. Пространство и текст / В.Н. Топоров // Текст. Семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – С. 227–385.

25. Faryno J. Wstep do literaturoznawstwa / J. Faryno. – Wyd. II. – Warszawa, 1991. – 325 s.

26. Лейдерман Н.Л. «Пространство Вечности» в динамике хронотопа русской литературы XX века / Н.Л. Лейдерман // Русская литература XX века: направления и течения: ежегодник. – Екатеринбург, 1995. – Вып. 2. – С. 3–19.

27. Шерман О.М. Особливості хронотопу «Ідеалістів і реалістів» Д.Л. Мордовцева / О.М. Шерман // Наукові записки Харківського державного педагогічного університету ім. Г.С. Сковороди. Серія літературознавство. – Харків, 1998. – Вип. 10 (21). – С. 51–55.

28. Нечерда В.Б. Хронотоп дороги в романі П. Загребельного «Первоміст» / В.Б. Нечерда // Ex professo: зб. наук. праць вчених Придніпров'я. – Дніпропетровськ: Пороги, 1999. – С. 46–49.

29. Мірошниченко П.В. Природа хронотопу поеми Т.Г. Шевченка «Великий льох»: синтез часопростору античної трагедії та індивідуально-авторська міфологія / П.В. Мірошниченко // Актуальні проблеми літературознавства: зб. наук. праць. – Дніпропетровськ: ДНУ, 1999. – Т. 5. – С. 5–9.

30. Егоров Б.Ф. Категория времени в русской поэзии XIX века / Б.Ф. Егоров // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Л.: Искусство, 1976. – С. 160–172.

31. Медриш Д.Н. Структура художественного времени в фольклоре и литературе / Д.Н. Медриш // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Л.: Наука, 1976. – С. 121–142.

32. Шалыгина О.В. Развитие идеи времени: от А.П. Чехова к А. Белому / О.В. Шалыгина // Чеховский сборник. – М.: МГУ, 1998. – С. 145–158.

33. Лотман Ю.М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя / Ю.М. Лотман // Избранные статьи: в 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн: Изд-во университета, 1992. – С. 413–447.

34. Мазин А.Н. Символика пространства в романе А.С. Грина «Золотая цепь» / А.Н. Мазин // Наукові записки Харківського державного педагогічного університету ім. Г.С. Сковороди. Серія літературознавство. – Харків: Вид-во ХНУ, 1999. – Вип. 3 (24). – С. 190–202.

35. Разумова Н.Е. Творчество А.П. Чехова: Смысл художественного пространства (1880-е гг.): пособие по спецкурсу / Н.Е. Разумова. – Ч. I. – Томск, 1997. – 77 с.

36. Кушнірова Т.В. Особливості художнього простору у епопеї І. Шмельова «Сонце мертвих» та повісті А. Платонова «Котлован» / Т.В. Кушнірова // И.С. Шмелёв и литературно-эмиграционные процессы XX века: XIV Крымские международные Шмелёвские чтения. – Алушта: Антиква, 2005. – С. 171–177.

37. Захариева И.П. Образ пространства в прозе Леонида Андреева / И.П. Захариева // Русская литература XX века: направления и течения: ежегодник. – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 1995. – Вып. 2. – С. 40–46.

38. Неклюдов С.Ю. Время и пространство в былине / С.Ю. Неклюдов // Славянский фольклор. – М.: Наука, 1972. – С. 18–45.

39. Гей Н.К. Время и пространство в структуре произведения / Н.К. Гей // Контекст, 1974. – М.: Наука, 1975. – С. 210–228.

40. Дзіковська Л.М. Художній час та художній простір у ліриці М. Волошина 1900–1910 років: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.01.02 / Л.М. Дзіковська; Інститут літератури ім. Т.Г. Шевченка. – К., 2001. – 18 с.

41. Цибенко Л.Б. Часово-просторова модель роману Крістофа Рансмайра «Останній світ». Феноменологічне наближення: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.01.04 / Л.Б. Цибенко; Інститут літератури ім. Т.Г. Шевченка. – К., 2001. – 20 с.

42. Сапаров М.А. Об организации пространственно-временного континуума художественного произведения / М.А. Сапаров // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Л.: Искусство, 1974. – С. 85–103.

43. Гуревич А.Я. Пространственно-временной «континуум» «Песни о нибелунгах» / А.Я. Гуревич // Традиция в истории культуры. – М.: Наука, 1978. – С. 112–127.

44. Фрэнк Дж. Пространственная форма в современной литературе / Дж. Фрэнк // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. – М.: Наука, 1987. – С. 194–213.

45. Харламова И. Художественное пространство и время в произведении И.С. Шмелёва «Лето Господне» / И. Харламова // Актуальные проблемы филологической науки: взгляд нового поколения. – Вып. I. – М.: МГУ, 2002. – 213 с.

46. Сергеева А.Г. «Пути небесные» И.С. Шмелёва как духовный роман / А.Г. Сергеева // Творчество И.С. Шмелёва в аксиологическом аспекте: XIII Крымские международные Шмелёвские чтения. – Алушта: Антиква, 2004. – С. 56–67.

47. Лау Н.В. Мотив «духовного странничества» и образы» «нищих духом» в художественных произведениях И.С. Шмелёва / Н.В. Лау // Наследие И.С. Шмелёва: текст, контекст, интертекст: XV Крымские международные Шмелёвские чтения. – Алушта: Антиква, 2006. – С. 288–300.

48. Лепахин В.В. «Неупиваемая Чаша» и Иверская Заступница: По произведениям И.С. Шмелёва / В.В. Лепахин // Икона в русской художественной литературе. – М.: Наука, 2002. – С. 424–440.

49. Шешунова С.В. Роль иконы в романах И.С. Шмелёва / С.В. Шешунова // Творчество И.С. Шмелёва в аксиологическом аспекте. – Алушта: Антиква, 2006. – С. 77–84.

50. Наривская В.Д. О новых подходах к изучению творчества И. Шмелёва / В.Д. Наривская // И.С. Шмелёв и духовная культура православия: IX Крымские международные Шмелёвские чтения. – Симферополь, 2003. – С. 9–14.

51. Черников А.П. Особенности воплощения провинциальной жизни в ранней прозе И. Шмелёва: повесть «Стена» / А.П. Черников // Творчество И.С. Шмелёва в аксиологическом аспекте. – И.С. Шмелёв и духовная культура православия: IX Крымские международные Шмелёвские чтения. – Симферополь, 2003. – С. 47–54.

52. Захарова В.Т. Импрессионизм в поэтике «Лето Господне» И.С. Шмелёва / В.Т. Захарова // И.С. Шмелёв и духовная культура православия. – М.: ИМЛИ, 2004. – С. 64–69.

53. Захарова В. Дооктябрьская проза И. Шмелёва и проблемы импрессионизма / В. Захарова // Русская литература XX века в контексте мировой культуры. VI Крымские международные Шмелёвские чтения. – Алушта: Антиква, 1997. – С. 17–18.

54. Комментарии // Шмелёв И.С. Светлая страница / сост., вступит ст., комментарии А.П. Черникова. – Калуга: Инст-т усовершенств. врачей, 1995. – С. 632–645.

55. Genette G. Palimsestes. La litérature au second dégrée / G. Genette. – P.: Éditions du Seuil, 1982. – 256 p.

56. Шмелёв И.С. По приходу / И.С. Шмелёв // Светлая страница. – Калуга: Инст-т усовершенств. врачей, 1995. – С. 201–213.

57. Шмелёв И. Лето Господне / И. Шмелёв // Сочинения: в 2 т. – М.: Художественная литература, 1989. – Т. 2. – 478 с.

58. Квятковский В.А. Актуальное членение как особенность композиции художественного текста / В.А. Квятковский // Лингвистика текста. Материалы научной конференции. Ч. I. – М.: МГПИ, 1979. – С. 118–121.

59. Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С. Лихачёв. – М.: Наука, 1979. – С. 209–351.

60. Бергсон А. Сновидение. Лекции, прочитанные в Парижском психологическом институте / А. Бергсон. – СПб.: Изд-во Братьев Сабашниковых, 1913. – 28 с.

61. Новиков А.Е. И.С. Шмелёв и В.А. Гиляровский о старой Москве / А.Е. Новиков // Наследие И.С. Шмелёва: текст, контекст, интертекст. – М.: МГУ, 2002. – С. 353–362.

62. Степанова А.А. Алушта как городской текст в романе С. Сергеева-Ценского «Валя» / А.А. Степанова // И.С. Шмелёв и литературно-эмиграционные процессы XX века. – Алушта: Антиква, 2005. – С. 91–102.

63. Гуминский В.М. Творчество И.С. Шмелёва и историко-литературный процесс в России XIX в. (Тема Москвы и Замоскворечья) / В.М. Гуминский // И.С. Шмелёв и духовная культура православия. – М.: ИМЛИ. – С. 29–41.

64. Материалы к словарю терминов Тартуско-московской семиотической школы. – Вып. 2. – Tartu, 1999. – 320 с.

65. Lubbok P. The craft of fiction / P. Lubbok. – L.: Jonathan Cape, 1967. – 274 p.

66. Есаулов И.А. Проблема изучения контекста в поэтике Шмелёва / И.А. Есаулов // Наследие И.С. Шмелёва: текст, контекст, интертекст. – М.: МГУ, 2002. – С. 187–197.

67. Новиков А.Е. Литургические элементы в «Лете Господнем» И.С. Шмелева / А.Е. Новиков // Творчество И.С. Шмелёва в аксиологическом аспекте. – Алушта: Антиква, 2004. – С. 55–56.

68. Грихонина Н.В. Отношения «Я» и «Мир» в исповедальной прозе И.С. Шмелёва / Н.В. Грихонина // Художественный мир И.С. Шмелёва и традиции славянских литератур: XII Крымские международные Шмелёвские чтения. – Симферополь, 2004. – С. 62–66.

69. Гребенщикова Н.С. Проксемное поведение литературного персонажа (на материале автобиографических произведений И. Шмелева «Богомолье», «Лето Господне») / Н.С. Гребенщикова // И.С. Шмелёв и литературно-эмиграционные процессы XX века. – Алушта: Антиква, 2006. – С. 54–62.

70. Любомудров А.М. Православное монашество в творчестве и судьбе И.С. Шмелёва / А.М. Любомудров // Христианство и русская литература. – СПб.: Наука, 1994. – С. 364–365.

71. Строганова Т.В. Вклад Шмелёва в антиапостасийные тенденции развития русской и мировой культуры православия / Т.В. Строганова // И.С. Шмелёв и духовная культура православия. – Цит. изд. – Симферополь, 2003. – С. 139–144.

72. Ильин И.А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин – Ремизов – Шмелёв / И.А. Ильин. – М.: Скифы, 1991. – 216 с.

73. Нямцу А.Е. Интертекстуальность содержательной структуры романа И.А. Гончарова «Обломов» / А.Е. Нямцу // Миф. Легенда. Литература (теоретические аспекты функционирования): монография. – Черновцы: Рута, 2007. – С. 388–394.

74. Спиридонова Л.А. В русле «духовного русского потока» (И. Шмелёв и русская классика) / Л.А. Спиридонова // Художественный мир И.С. Шмелёва и традиции славянских литератур. – Симферополь, 2003. – С. 3–10.

75. Макаров Д.В. Православная традиция мировосприятия в русском слове («Лето Господне» И.С. Шмелёва) / Д.В. Макаров // И.С. Шмелёв и литературно-эмиграционные процессы XX века. – Алушта: Антиква, 2006. – С. 46–54.

76. Демкина С.М. «Сны о Родине». И.С. Шмелёв и В.В. Набоков / С.М. Демкина // Творчество И.С. Шмелёва в аксиологическом аспекте. – Алушта: Антиква, 2004. – С. 131–138.

77. Черников А.П. Великий мастер слова и образа / А.П. Черников // Иван Шмелёв. Светлая страница / Сост., вступит ст., комментарии А.П. Черникова. – Калуга: Инст-т усовершенств.врачей, 1995. – С. 5–34.

78. Макаров Д.В. Мотив «памяти смертной» в прозе И.С. Шмелёва / Д.В. Макаров // Творчество И.С. Шмелёва в аксиологическом аспекте. – Алушта: Антиква, 2004. – С. 106–111.

79. Успенский Б.А. Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы / Б.А. Успенский. – М.: Искусство, 1970. – 225 с.

80. Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения: Для студентов-заочников III-IV курсов ф-тов рус. яз. и лит. пед. ин-тов / Б.О. Корман. – М.: МГУ, 1972. – 110 с.

81. Корман Б.О. Практикум по изучению художественного произведения / Б.О. Корман. – Ижевск: Удмуртия, 1977. – 47 с.

82. Франк С.Л. Из истории русской философской мысли конца XIX – начала XX века. Антология / С.Л. Франк. – Inter Language. Literary associats, 1965.

83. Святость и святые в русской духовной культуре. – М.: Наука, 1995. – Т. 1. – 536 с.

У статті розглядається проблема розвитку концепції та поетики художнього простору і часу від твору-витоку до твору-підсумку. Виділяються елементи подібності, перегуку, трансформації та зміни. Оповідання «По приходу» – своєрідна заявка, предтеча – попри всі концептуальні, жанрові, поетологічні відмінності – багатьох рис просторово-часового континууму повісті «Літо Господнє».

Ключові слова: просторово-часовой континуум, поетика літературного твору, художній світ твору, просторово-темпоральні лейтмотиви.

The article deals with the problem of development of idea and poetics of the art of spatial-temporal continuum from the source- story to the final story. The elements of similarity, allusion, transformation and changes are distinguished. The story «Through the parish» is a kind of a challenge, a predecessor of many spatial-temporal continuum traits of the novel «Summer of God» regarding all conceptual, genre and poetologic differences.

Key words: spatio-temporal continuum, poetics of a literary work, artistic world of a literary work, spatio-temporal leitmotifs.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

УДК 821.161.2

Т. БАРОТИ,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и литературы
Института славянской филологии Сегедского университета (Венгрия)

СВОБОДА ИЛИ РАБСТВО, СЛОВО ИЛИ ДЕЛО? ОБ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ ЗНАЧЕНИЯ «СЛАВЫ» В ДРАМЕ ЛЕСИ УКРАИНКИ «ОРГИЯ»

В статье исследуется специфика интерпретации понятия «слава» в произведениях украинской и русской литератур. В данном контексте акцентируется внимание на основном конфликте драмы Леси Украинки «Оргия» и трактовке писательницей понятий «слава», «вдохновение», «творчество».

Ключевые слова: художественное миропонимание, лирический герой, идейно-литературный источник, символ, культурная традиция, образ поэта-пророка.

Современный исследователь истории украинской литературы Оксана Пахлевская в своей недавно появившейся монографии в главе, трактующей творчество Леси Украинки, залог модернистских стремлений украинской поэтессы видит в ее бунте против традиций народничества, царской империи и православия [1, с. 662]. Автор монографии, вершиной художественных достижений справедливо считает драматические произведения украинской поэтессы, но, анализируя их, О. Пахлевская совершенно игнорирует последнюю драму поэтессы, написанную в Египте в 1913 г., т. е. в год смерти автора – драму «Оргия». Между тем эта драма украинской поэтессы способна открыть немножко отличающуюся от приведенной выше перспективу отношений Леси Украинки к творениям своих предшественников, главным образом, к творчеству основоположника «народничества» Тараса Шевченко. Для более полного осмысления идейного содержания последнего драматического произведения Леси Украинки считаем необходимым указать и на скрытые, но существующие связи художественного миропонимания выдающейся украинской поэтессы с крупнейшими представителями русской и мировой литературы – с Пушкиным и Гоголем. Мотивировкой, среди других аргументов, может служить тот факт, что в творчестве Леси Украинки мы находим аналогичное с Пушкиным явление, указанное в знаменитой речи Достоевского о Пушкине: явление протеизма, т. е. обращения к истории и культуре разных стран и народов, как это обнаруживается в тематике и сюжете драматических произведений писательницы. По аналогии с Пушкиным, в драмах Леси Украинки за чужим сюжетом всегда звучит актуальное, свое, украинское содержание, как и в случае «Оргии», в основе которой лежит античный сюжет из греко-римской истории.

Как известно, создателем-«отцом» индивидуальной, авторской украинской литературы был Иван Котляревский. Год издания первых трех глав «Энеиды» Котляревского, этой шуточно-веселой, бурлескной поэмы – 1798 г. – считается началом, годом рождения украинской литературы. Но первое выражение самостоятельного, отличающегося от русского, оригинального украинского взгляда на жизнь и ракурса ее изображения обнаруживается

© *Т. Бароти, 2012*

только в творчестве крупнейшего национального поэта Тараса Шевченко. Исследователь украинской истории и культуры Орест Субтельный пишет по поводу творчества Ивана Котляревского: «...Сам автор не отдавал себе отчета в том, что в языковом и литературном отношении его произведение явилось поворотным пунктом. Ему по-прежнему казалось, что украинский язык (который он очень любил и на котором продолжал писать) годится лишь для комических эффектов. В пригодности этого языка для «серьёзной» литературы Котляревский так и не переставал сомневаться до конца своих дней» [2, с. 295].

Трактуя немного далее – творчество Траса Шевченко, О. Субтельный пишет о главнейшем открытии украинского поэта: «Стало быть, незачем украинцам зависеть от великолепного в литературном отношении, но чужого русского языка – у них, украинцев, есть все возможности по-своему осмыслить важнейшие проблемы бытия. Так поэзия Шевченко, по сути, стала первой декларацией о независимости Украины – независимости литературной и интеллектуальной. Однако и круг интересов Шевченко, и влияние его поэзии, разумеется, далеко выходили за пределы сугубо литературные. Бывший крепостной никогда не забывал своих «знедолених братів». Громоподобным тоном библейского пророка он обличал крепостников-эксплуататоров» [2, с. 295].

В дальнейшем для рассмотрения и интерпретации драмы Леси Украинки «Оргия» будет иметь большое значение рассмотрение значения и функции пророка в стихотворении Шевченко «Пророк», а также рассмотрение с точки зрения творческой позиции украинского поэта его отношения к своему крупному современнику земляку, ставшему русским писателем, Гоголю. Орест Субтельный пишет по этому поводу: «Художественные достижения Шевченко поставили также под сомнение пример Гоголя и других подобных литераторов – украинцев по происхождению, которые полагали, что талантливый украинец, если он хочет завоевать литературную *славу* и *успех*, непременно должен стать русским писателем» [2, с. 300].

Фигурирующая и в приведенных выше цитатах из книги историка культуры проблематика культуры, призвания пророка – национального поэта, а также выделенных курсивом «славы» и «успеха» является определяющей и проблематики, смысла драматического произведения Леси Украинки «Оргия». Действие последней драмы поэтессы происходит в Греции, в городе Коринфе во время продолжающейся в жизни уже нескольких поколений оккупации римской империей. Само собой разумеется, что исторический сюжет, взятый из истории классической античности, приобретает метафорическое значение, актуальное звучание, становясь выражением всегда и везде выражавшихся свободолюбивых стремлений Леси Украинки.

Аналогичные свободолюбивые стремления в лирике Леси Украинки получают более прямое, лирически-непосредственное выражение агитационно-революционного характера, как в стихотворениях «Мой путь», «Предрассветные огни», в стихотворениях цикла «Слезы-перлы» («О милая родина! Край мой желанный!», «В слезах я стою пред тобою Украина...», «Все наши слезы мукой огневою...»), в стихотворениях цикла «Невольничьи песни» и др. Указанные стихотворения, выражающие свободолюбивые стремления целой нации как культурно-религиозного коллектива, воплощенные трибуном – лирическим героем, своим пафосом и содержанием, несомненно, восходят к радикальным идеям французской революции, выражениям и первым воплощением которых являются уже многие стихотворения основоположника «народничества» в украинской литературе: Тараса Шевченко. Окончание стихотворения Шевченко «Завещание» звучит как перифраза гимна французской революции, «Марсельезы»:

... А покуда
Я не знаю бога
Схороните и вставайте,
Цепи разорвите,
Злою вражескою кровью
Волю окропите... [3, с. 353].

В стихотворении 1844 г. «Гоголю» Шевченко, обращаясь к своему соотечественнику, ставшему русским писателем, задачу представления и выражения украинских националь-

ных стремлений и интересов берет на себя: как бы распределяя роли, за Гоголем признает один смех, а за собой – плач:

Ты смеёшься, а я плачу,
Друже мой великий! [3, с. 271]

Присваивая себе плач, а Гоголю один только смех, Шевченко как бы указывает на то, что выразителем основных украинских народных стремлений является он, ведь душа народа – как об этом пишет и сам Гоголь в своей рецензии на книгу Максимовича «О малороссийских песнях» – выражается в народных песнях, где основным чувством (мотивом) являются грусть и тоска. С другой стороны, присваивая Гоголю смех, Шевченко как бы отодвигает Гоголя – с точки зрения жгучих, насущных проблем Украины – на второй план, уделяя ему место рядом с Котляревским, о котором мы выше привели цитату из работы Субтельного. В стихотворении, обращенном к Гоголю, Шевченко перечисляет и причины своего плача, т. е. бедствия своей Украины:

...Не услышит вольных пушек
Сторона родная.
Не зарежет батько любимого сына
За свободу, честь и славу
Своей Украины.
Не зарежет, а выкормит
Да царю на бойню
И отдаст: «Примите, дескать,
Нашу лепту вдовью»
Он отдаст царю-престолу
Да немцам – собакам...
Что же, пусть их!... А мы будем
Смеяться и плакать [3, с. 271].

Приведенная из стихотворения Шевченко цитата важна для толкования драмы Леси Украинки «Оргия» как один из важнейших идейно-литературных источников, традиций. Ведь кроме упоминания литературного аспекта («смех и слезы»), важного для украинской культуры, в приведенном отрывке изображается и основополагающий и в драматическом конфликте мотив предательства, отрицания прежде значимых, действенных культурных ценностей, регулирующих коллективное и индивидуальное поведение людей. Приведенное в цитате, случившееся в «стороне родной», будь оно в отрицательной или в положительной форме, свидетельствует о предательстве, об отрицании когда-то устойчивых внутренних законов («Не зарежет... И отдаст...»), для пошлого настоящего не представляющих собой ориентира истинного, аутентичного поведения. О постепенной потере аутентичных, внутри человека действующих законов и в результате окончательного предательства наступившем наказании пишет Шевченко в стихотворении «Пророк» 1848 г.:

...Но люди злобны и лукавы!
Они святую божью славу
Растлили... и чужим богам
Воздали жертву! Осквернились!
И мужа свята... Горе вам!
На стогнах камнями побили.
И праведно господь великий,
Как на зверей свирепых, диких [3, с. 271]

Оковы повелел ковать,
И тюрьмы тяжкие копать
И – род лукавый и жестокий! Взамен
смиренного пророка…
Он повелел царя вам дать! [3, с. 487]

Приведенные выше два стихотворения Шевченко – «Гоголю» и «Пророк» – связаны не только названием символа рабства наказания – «царя», но и причинами, вызвавшими такое заслуженное положение, т. е. мотивом духовной и душевной низости, неблагодарности, пошлости и прежде всего предательства, с точки зрения культурно-религиозной самого низкого и преступного человеческого поступка.

Указанные мотивы художественного творчества, славы, истины, а также предательства и пошлости являются основными и в драме Леси Украинки «Оргия». В связи со сказанным Тарасом Шевченко о Гоголе и о гоголевском смехе надо отметить, что сам Гоголь в начале седьмой главы своих «Мертвых душ», характеризуя свой творческий метод, мотив «смеха» связывает с мотивом «слез»: «И долго еще определено мне чудной властью идти об руку с моими странными героями, озирать всю громадно несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы!» [4, с. 139]. И немного раньше Гоголь с горечью указывает на причину непонимания своего «высокого, восторженного смеха»: «... Ибо не признает современный суд, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую из презренной жизни, и возвести ее в перл созданья; ибо не признает современный суд, что высокий, восторженный смех достоин стать рядом с высоким лирическим движеньем и что целая пропасть между ним и кривляньем балаганного скомороха» [4, с. 139].

Различие художественного миропонимания Шевченко и гоголевского миропонимания заключается, однако, не столько в их разном понимании комизма и смеха, сколько в их отличающемся друг от друга понимании истины, связанной с государственностью. Для Гоголя, как и для Пушкина, «государственная истина» заключается в аристократическом монархическом принципе, как он об этом пишет в десятом письме своих «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «О лиризме наших поэтов».

Известно, что вслед за трагическими событиями подавления декабристского восстания Пушкин в стихотворении «Стансы» 1826 г. мотивы «славы», «добра» и «правды» связывает с именем царя Петра I, таким образом, наставляя и побуждая современного ему наследника престола следовать деяниям великого предшественника:

В надежде славы и добра
Гляжу вперёд я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой...

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращуру подобен... [5, с. 342].

В приведенном выше отрывке из стихотворения Шевченко «Пророк» людей, растливших «святую божью славу» и убивших пророка поэт называет «злобными и лукавыми», сравнивая их со «зверями дикими и свирепыми». Гоголь, в указанном выше втором письме из восемнадцатой части «Выбранных мест...» пишет о справедливости высшего указания монарха и о порочном, несовершенном выполнении его «внизу»: «Вот уже почти полтораста лет прошло с тех пор, как государь Петр I прочистил нам глаза чистилищем просвещения европейского, дал в руки нам все средства и орудия для дела, и до сих пор остаются так же пустынны, грустны и безлюдны наши пространства... Сверху раздавались иногда такие вопросы, которые свидетельствуют о рыцарски великодушном движенье многих государей... Указ... есть не более как бланковый лист, если не будет снизу такого же чистого желания применить его к делу той именно стороной, какой нужно и какой следует и какую может прозреть только тот, кто просветлен понятием о справедливости божеской, а не человеческой. Без того всё обратится во зло» [6, с. 129]. Приведенная позиция Гоголя отличается от пушкинской, ведь пушкинская аристократическая позиция поэта-пророка всегда представляет собой провозглашение божественной трансцендентной истины, и хотя знает о пошлости и испорченности «толпы», поэт-пророк резко отделяется от нее, зависит ис-

ключительно от одной высшей истины. Заканчивая свое итоговое стихотворение «Памятник» 1836 г., Пушкин пишет:

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца [7, с. 373].

Свою творческую свободу Пушкин отстаивает, не хочет зависеть ни от царя, ни от народа, как об этом пишет в стихотворении «Из Пиндемонти» 1836 г.:

Никому
Отчёта не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совети, ни помыслов, ни шеи... [8, с. 369].

Муза Пушкина, выполняя «веленье божие», не считает своей обязанностью заботиться о претворении в жизнь воплощенной в произведениях истины. Гоголь, в отличие от Пушкина, не может примириться с фактом, что истина не находит применения в жизни, и из-за этого реальность выглядит такой пустынной, бессмысленной, неодухотворенной. Представляемая Тарасом Шевченко «истина» ближе к идеалам и стремлениям «Кирилло-Мефодиевского общества», просуществовавшего всего 14 месяцев, привлекшего к себе лучших и благороднейших умов Украины. Орест Субтельный пишет о программе общества, разогнанного в марте 1847 г.: оно призвало «перестроить все общество сообразно принципам справедливости, равенства, свободы, братства... ликвидировать крепостное право и межсословные отличия... По мнению Костомарова... украинское общество, самое униженное и угнетенное... является и «самым равноправным», поскольку не имеет своей собственной знати... Автор «Книги бытия» в псевдобиблейском стиле описывает грядущее «воскресение» своей страны: восстав из могилы, она призовет братьев-славян, и поднимутся славяне, и станет Украина свободной республикой в нерушимом славянском союзе...» [2, с. 303].

Указанное воскресение, в первую очередь культурное, духовное воскресение, является содержанием трилогии Тараса Шевченко 1858 г.: «Доля», «Муза», «Слава». Первое стихотворение «Доля» представляет собой уточнение двойственности значения слова «доля», в зависимости от того, употребляется ли оно в значении «самоосуществления», «постижения какого-нибудь положения» в эмпирической, практической жизни (т. е. карьеры), или в значении более возвышенном: как выполнение призвания поэта-пророка, глашатая трансцендентной истины. «Доля» в первом смысле значения двусмысленная, ведь она «солгала», обещав, что, учась, «мы выйдем в люди». Другая возможность осуществления «доли» – путь самоосуществления поэта-пророка, но такое поприще не терпит двусмысленности, неправды и лукавства – это путь представления истины:

И выучился. Ты ж солгала.
Да что! Куда уж в люди нам!
Мы не лукавили с тобою,
Мы прямо шли, и ни зерна
У нас неправды за собою.
Пойдем же, доленька моя,
О друг мой бедный, нелукавый
Пойдем же дальше: дальше слава,
А слава – заповедь моя! [3, с. 640].

Осуществление призвания, назначения поэта, воплощение истины в произведении и его представление еще не значит славы. Слава, как это обнаруживается в третьем стихотворении трилогии «Слава» в имманентном значении, т. е. в повседневном употреблении эмпирической жизни, имеет свой синоним – успех, и вследствие этого факта зависит не исключительно от воплощения истины в художественном произведении, а от приятия-неприятия капризного, иногда не совсем доброжелательного народа. Пушкин в своем сти-

хотворении «Герой» 1830 года пишет об изменчивом, капризном, непостоянном суждении народа:

Да, слава в прихотях вольна.
Как огненный язык, она
По избранным главам летает,
С одной сегодня исчезает
И на другой уже видна.
За новизной бежать смиренно
Народ бессмысленный привык;
Но нам уж то чело священно,
Над коим вспыхнул сей язык... [9, с. 198].

Стихотворение Тараса Шевченко «Слава» тоже подчеркивает капризный, изменчивый характер славы, чаще всего зависящий от человеческой предубежденности и посредственности, не говоря уже о пошлости суждения человека повседневной жизни. Перечисляя случаи недостойного озарения славой «вора» Наполеона III и царя Николая I (потерпевшего поражение в Крымской войне) поэт, олицетворяя Славу, приглашает ее к себе, ведь, как об этом он пишет в первом стихотворении цикла «Доля», его слава (его заповедь) однозначно воскресению народа, заблудшего и убившего пророка, и желанное духовно-культурное воскресение и является залогом осуществления стремлений и надежд, выраженных в программе «Кирилло-Мефодиевского общества». Указанные в приведенных выше произведениях Пушкина, Гоголя и Тараса Шевченко проблемы цивилизации и культуры, вдохновенного художественного творчества и народа (как современного культурно-религиозного коллектива), проблема слова и дела, упомянутая не только Державиным и Пушкиным, но и Гоголем в четвертом письме его «Выбранных мест...» («О том, что такое слово»), в драме Леси Украинки «Оргия» приобретают своеобразное звучание. Основная проблема поэтессы – осуществление свободы, равенства и братства – в данном произведении изображается именно в освещении культурных ценностей, творчества, вдохновения и славы как верности основным ценностям культурной традиции. Основной конфликт в драме изображается не столько в противопоставлении вдохновенного творчества как отстаивания истины, лёгшей в основу культурной традиции, с одной стороны, и требований жизни, приспособляемой к противоречащим традиционным культурным ценностям деспотической власти, – с другой, сколько на конфликте «слова и дела». Изображая развитие конфликта между словом и делом, между вдохновенным воплощением трансцендентной истины, легшей в основу культурной традиции, и необходимостью поступка, предприятия какого-нибудь деяния – индивидуального или коллективно-национального – драма Леси Украинки выражает нетерпимую абсурдность, противоестественность изображенного в произведении положения.

С явлением «оргии» мы встречаемся уже в более ранней драме Леси Украинки «В катакомбах» 1906 г., где герой драмы, молодой неофит-раб яркими красками описывает бесчеловечность принуждения своей жены-рабыни присутствовать на римских оргиях для прихоти пошлых властителей. Само название драмы «Оргия» приобретает двойное значение: согласно примечаниям к драме, «оргия» – у древних греков торжественное празднество в честь бога вина и веселья Вакха; в переносном значении – разгульное, разнузданное пиршество [10, с. 871]. Согласно положенному в основу драмы конфликту между греческой культурой и грубой, аррогантной требовательностью примитивного материализма представителей власти римских поработителей сама «оргия» как явление греческой культуры становится актом бездушным, бессмысленной и материалистической в своей основе, пустой римской роскоши. Исходная ситуация, изображенная в драме, вызывает шевченковские ассоциации: жена главного героя драмы, молодого и талантливого певца-поэта Антея Нерисса была им выкуплена из рабства. В течение драматического действия главное место занимает в характеристике персонажей их осмысление «славы» и на этом основании их отношение к традиционным, возвышенным духовным ценностям, а также к требованиям жизни, что в данном случае обозначает готовность приспособления к требованиям и заказам власти, противоречащим возвышенным требованиям отечественной, родной культуры.

Трагедия главного героя Антея, настоящего певца-поэта, по ходу драматического действия вырисовывается постепенно. Он с потрясением переживает, как близкие ему люди, избранники духа, представители традиций родной греческой культуры один за другим покидают его, отказываются от представления данных в культурной традиции духовных ценностей, меняя их на ничтожные потребительские льготы; возможность постижения вечной, возвышенной славы предают за приманки злободневного успеха. Так поступает и бывший талантливый ученик Антея – Хилон, который греческую школу Антея поменяет на школу Мецената, вступая одновременно в хор панегиристов, на службу к Меценату. Услышав решение своего бывшего ученика, Антей возмущенно отвечает:

Ты? Ты вступишь
В тот хор панегиристов, в эту свору
Врагов искусства жалких и продажных?
О лучше б ты навеки онемел,
Лишился рук, оглох, чем пасть так низко!...
И это был мой лучший ученик!... [10, с. 787].

Следующее за предательством Хилона потрясение Антея происходит при измене талантливого художника-скульптора Федона, изваявшего богиню танца Терпсихору по фигуре и образу Нериссы. Антей с горечью и негодованием слышит сообщение Федона о том, что он продал Меценату скульптуру, обещанную ему самому. Следующие ниже реплики персонажей – Антея и Федона – по этому поводу отсылают нас к сердцевине проблемы, упомянутой нами несколько выше по поводу понимания славы, вдохновения, музы в произведениях Шевченко и русских писателей:

Антей: Так ты Нериссу продал?
Федон: Нет, статую богини Терпсихоры.
Антей: Ты бы самую богиню тоже продал,
Когда сумел бы, в римский дом разврата! [10, с. 805].

В дальнейшем разговоре в словах Федона «слава» сочетается с признанием римлянами «славы», что равнозначно успеху, деньгам, насущному хлебому. По мнению Антея, однако:

Должен
Терпеть все эллин, если хлеб и славу
Добыть он может лишь из римских рук» [10, с. 806].

И несколько ниже он говорит:

А я «без хлеба и без славы» буду,
Как ты сказал, но может, не без чести [10, с. 808].

По мнению Антея, Федон, продав статую, изображающую богиню танца Терпсихору, созданную по подобию Нериссы, обесчестил искусство:

Антей: И ты не выкупишь того, что сделал.
Ты ведь свое искусство опозорил.
Богиню сделал ты простым товаром.
Пускай из плена выходит Терпсихора,
Она богиней все равно не будет.
А мрамор – коль не бог, так просто камень [10, с. 808].

Последняя строка приведенной цитаты рифмуется с общеизвестными словами из стихотворения Пушкина «Поэт и толпа», рассматривавшего аналогичную проблему:

...Тебе бы пользы все – на вес
Кумир ты ценишь Бельведерский.
Ты пользы, пользы в нем не зришь.
Но мрамор сей ведь бог!... Так что же?
Печной горшок тебе дороже:
Ты пищу в нем себе варишь [11, с. 87]

Антей укоряет своего друга-скульптора Федона главным образом потому, что он продал свое искусство, продал свое вдохновение:

Ты отдался
Своим врагам, как мертвенная глина,
И каждый может вылепить, что хочет.
Так кто ж вдохнет в тебя огонь живой,
Коль из творца ты сделался твореньем? [10, с. 810].

В приведенных выше цитатах из драмы Леси Украинки нельзя не заметить скрытые ассоциации с названными выше стихотворениями Тараса Шевченко, прежде всего с его «Пророком» и с «Долей» и «Славой» из трилогии. Ведь с указанием Антея на то, что Федон, продав статую богини Терпсихоры, он как бы продал и богиню, и позднее он же говорит, что «богиню сделал ты простым товаром», что ассоциирует предательство «людей злобных и лукавых», которые «чужим богам воздали жертву», вследствие чего они обрели рабство. По сравнению с произведениями Шевченко в «Оргии» Леси Украинки изображается качественно новая ситуация, когда не народ «бессмысленный», «люди злобные и лукавые» совершают акт предательства, а сам «пророк», оплот духовной целостности культурно-религиозного коллектива: художник слова, поэт или скульптор. Тарас Шевченко в своей «трилогии» даёт пример настоящего поведения поэта-пророка: в стихотворении «Муза» благоговейно-молитвенно обращается он к своей музе, источнику возвышенной истины:

Моя ты доля молодая!
Не оставляй меня. В ночи,
И днём, и в утреннем тумане
Ты надо мной витай, учи,
Учи нелживыми устами
Вещать лишь правду в наши дни,
Молитвой сердце облегчая [3, с. 642].

А в первом стихотворении трилогии («Доле») программа «мы выйдем в люди» может оказаться и неправдой: «Ты ж солгала». Но другое восприятие своей «доли» – как осуществление своего призвания поэта, что равнозначно осуществлению славы – не содержит дальше ни капли лжи:

Мы не лукавили с тобою,
Мы прямо шли, и ни зерна
У нас неправды за собою.
Пойдем же, доленька моя,
О друг мой бедный, нелукавый,
Пойдем же дальше: дальше слава,
А слава – заповедь моя! [3, с. 642].

Третье стихотворение Тараса Шевченко из этого цикла называется «Слава». Слава в повседневной, практической и даже исторической жизни (как, впрочем, и у Пушкина, в стихотворении «Герой») более похожа на ее синоним «успех» или «известность-знаменитость» и как таковая озаряет головы недостойных лиц, перечисленных Шевченко в стихотворении (Наполеон III, а также Николай I). В последнем, третьем, стихотворении цикла лирический герой приглашая ветреную славу остаться с ним:

Дай тобой налюбоваться,
Дай на грудь склониться!
Под крылом твоим хочу я
В тишине забыться [3, с. 644],

соединяя мысль окончания третьего стихотворения с окончанием первого, говорит о том, что, как следует истинному пророку, его вдохновение постоянно открыто для правдивых речей музы, он не может быть не верным ей; но что касается славы, она зависит не от музы

и не от верного служителя ее и вечной истины, а от восприятия и реакции людей. Поэтому нельзя сомневаться в том, что трилогия Тараса Шевченко говорит о том, что восстановление изображенной в стихотворении «Пророк» утраченной свободы народной возможно лишь при условии, если «злобные и лукавые» люди, падшие низко и живущие рабами, возвышаясь духовно до восприятия истины, выраженной в его стихах, тем самым восстанавливают утраченную гармонию. Такое признание будет обозначать и победу истины, представляемой поэтом, что и равнозначно славе.

Мысль драмы Леси Украинки кажется неотделимой от своего литературного источника – Шевченко, несмотря на то, что в драме она развивается в противоположном направлении. Кроме этого, надо отметить, что положение, изображенное в драме Леси Украинки, по сравнению с трилогией Шевченко кажется более безнадежным: хотя в стихах Тараса Шевченко тоже в основном все безрадостно, но есть надежда, что воцарением истины, т. е. славы, нарушенная гармония тоже будет восстановлена. В драме обратный ход мысли, но в изображенных ситуациях самым абсурдным является то, что сам молодой певец и скульптор, т. е. представители искусства, и являются предателями своего высокого предназначения. Самое глубокое потрясение Антею придется пережить тогда, когда его жена, которую он недавно выкупил из рабства, будучи танцовщицей, хочет добыть славу у римлян, у Мецената:

Антей: И хочешь добиваться
У римлян этой славы?
Нерисса: Пусть у них
Иль у других, но мне потребна слава... [10, с. 814].

Антею, явившемуся на оргию Мецената, чтобы своим искусством, добывая славу, нужную для Нериссы, спасти ее от легкомысленного поступка, префект-римлянин излагает свой пошлый, рабовладельческий принцип. По его мнению, славить можно:

...только гений Рима.
Парнас, Олимп и все святые горы
Теперь его империи достались,
И только тем богам живется сладко,
Кого мы взяли в римское гражданство,
Те ж боги, что ему не покорились, Те
были изгнаны или распяты [10, с. 828].

Антей, однако, не из числа «злобного и лукавого» народа, он не готов петь песни чужим богам, а на звуки заказанной вакхической песни поет свободолюбивую песню, дух оргии переосмысливая в дух бунтарский, революционный:

...Голос дай немоте рабов!
Оживи в нас вялую кровь!
Волю дай нашей силе скрытой! [10, с. 835].

Нерисса, однако, в своем детском неведении и из-за неопытности вопреки воспрещению Антея, руководствуясь своим желанием добывать успех и славу, начинает являть свое искусство танцовщицы, в результате чего она вскоре оказывается в довольно двусмысленном положении: вместо того, чтобы в ее танце увидели проявление возвышенного, свободного искусства, ее принимают за обычную рабыню, присутствующую на оргиях для прихоти хозяев. Выкупленная раньше бывшая рабыня, которая не берегла свое искусство и всячески добивалась успеха и славы, утратила свое человеческое достоинство. Антей, который не мог терпеть такое унижение духа и человека, сначала убивает жену, Нериссу-Терпсихору, а потом и себя. Этим поступком Леся Украинка замыкает кольцо литературной преемственности со стихотворением Т. Шевченко «Гоголю», и тем самым восстанавливается духовное и текстовое отношение к словам стихотворения «не зарежет батько любимого сына» (предателя). Такое завершение кольца представляет собой отрицание отрицания, но в то же время является модификацией творческого кредо и А. Пушкина, и М. Лермонтова по отношению к «слову-делу»: в драме Леси Украинки «Оргия» вдохновленный поэт, «поэт-пророк», человек слова обнаруживается человеком поступка.

Список использованной литературы

1. Oxana Pochlovska. Civilta letteraria / Pochlovska Oxana. – Roma: Carocci Editore, 1998. – 1104 p.

2. Орест Субтельный. Украина – История / Субтельный Орест. – К.: Лыбидь, 1994. – 512 с.

3. Шевченко Тарас. Кобзарь / Тарас Шевченко. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1954. – 744 с.

4. Гоголь Н.В. Мертвые души / Н.В. Гоголь // Собр. соч.: в 6 т. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1953. – Т. 5. – С. 7–436.

5. Пушкин А.С. Стансы / А.С. Пушкин // Собр. соч.: в 10 т. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1956–1958. – Т. 2. – 462 с.

6. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями / Н.В. Гоголь // Собр. соч.: в 6 т. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1953. – Т. 6. – С. 123–186.

7. Пушкин А.С. Памятник / А.С. Пушкин // Собр. соч.: в 10 т. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1956–1958. – Т. 3. – 558 с.

8. Пушкин А.С. Из Пиндемонти // А.С. Пушкин // Собр. соч.: в 10 т. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1956–1958. – Т. 3. – 558 с.

9. Пушкин А.С. Герой / А.С. Пушкин // Собр. соч.: в 10 т. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1956–1958. – Т. 3. – 558 с.

10. Украинка Л. Оргия / Л. Украинка // Избранные произведения. – Л.: Советский писатель, 1979. – 880 с.

11. Пушкин А.С. Поэт и толпа / А.С. Пушкин // Собр. соч.: в 10 т. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1956–1958. – Т. 3. – С. 87–89.

У статті досліджується специфіка інтерпретації поняття «слава» у творах української та російської літератури. У цьому контексті акцентується увага на основному конфлікті драми Лесі Українки «Оргія» та трактуванні письменницею понять «слава», «натхнення», «творчість».

Ключові слова: художнє світосприйняття, ліричний герой, ідейно-літературне джерело, символ, культурна традиція, образ поета-пророка.

The article investigates the specific character of interpretation of the concept of «fame» in works of Ukrainian and Russian literature. In this context attention is focused on the main conflict of Lesya Ukrainka's drama «The Orgy» and the writer's interpretation of the concepts of «fame», «inspiration», «creative activity».

Key words: artistic world outlook, lyric hero, conceptual literary source, symbol, cultural tradition, image of a prophetic poet.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

УДК 821.161.1 – 3.09Г58

V. LUBETSKAYA,
PhD in Philology, Lecturer of Russian philology and World literature department of Krivorozhsky pedagogical institute of state higher educational institution «Krivorozhsky National University»

«THE WHOLE WORLD» AND SPIRITUAL *DIS-TUNE* IN N.V. GOGOL'S WORKS

The article investigates N.V. Gogol's artistic work which is primordially characterized by *accord* revealing the essence of the «whole world». *Accord* is opposed to *discord* (existence – non-existence). The author considers the key word for understanding of creative work of different writers – the «whole world». The article points out that where the essence of the «whole world» is exposed to a creator, it is possible to speak about the presence of accord. But where the «whole world» does not continue and even its memory is gone – the ontological accord is lost, which indicates ruination of co-presence of the divine and the human, and it further results in distortion of the divine and the human, and in consequence gives only a caricature of the whole, that is discord.

Key words: poetics, the «whole world», accord, discord.

Tune, which opens the essence of «the whole world» is inherent in N.V. Gogol's artistic creativity from time immemorial; the *tune* is opposed to *dis-tune* (existence-nonexistence). «The germ that is named «Tune» now, which is manifested whether in music or in poetry, is concealing in the depths of the sacral name, by which the «Holy silence» (Dionysius the Areopagite) of divine completeness was broken for the first time» [1, p. 300]. Thus, the tune – is the live primary source of the word, it rings in N.V. Gogol's works («tune – is the ring of the people soul» – A.M. Remizov), regulating the world as a single whole (the whole world).

The disharmony of N.V. Gogol's world is often expressed through the music, and to be more exact – though its extinction, lack. Silence, stillness turns out to be not a concentration of the primary sense completeness, not a silence, but its antipode, being the «muteness» beyond the tune. Lifeless «decrepit faces of old women», from which «the grave is in the air», appear in the final scene of the short story «The Fair at Sorochyntsy» among general merriment, where «everything rushed», «everyone danced». New, laughing, live person is a full-blooded life, concord, thundering song, but the old women – the shadow of life. They dance sensselesly folk after other people, their lives like the life of the song are gradually fading away. The joy and completeness of Christmas service in the «Christmas Eve» turns gloomy for all people, «trembling» voice cannot substitute «the song» of the missing blacksmith. In «A Terrible Vengeance» Cossacks don't sing while crossing the Dnieper, because they are sad to see an evil guest at the wedding – a wizard, and their morose silence is a herald of a new meeting with the «evil spirit» and with the unavoidable trouble: «Why don't the Cossacks sing?... How can they sing, how can they speak about hard things: Danilo gave a thought…» [2, t. 1, p. 148], – and then: «…everything became quiet… Danilo stopped as well: fear and cold penetrated into

© *V. Lubetskaya, 2012*

Cossack's veins. The cross shook on the grave, and a wizened corpse rose quietly above it» [2, t. 1, p. 150]. The disharmony and self-destruction of human soul which has no desire to stay «in tune», is shown distinctly in the story «Viy», where Homa Brutus is dancing along, without music: «Suddenly the philosopher jumped up and said: «I want musicians! Bring some musicians!» – but without waiting for them he began to dance the «tropak» in the court-yard» [2, t. 2, p. 189]. His soul is at the crossroads, irrational power captures the character, he becomes estranged from the people. «Sequential transformation from spectators into performers is typical for the folk dance» [3, p. 16]. It is hard to melt a cool curiosity of spectators in «Viy». Persistent nonparticipation in dancing *without music* «is already an expression of that dreadful boundary which lays between fallen under pernicious power Homa and the rest of the world» [3, p. 16]. «Dirtiness» of the soul brings an evil and misfortune to a living man, that is why Homa is dancing like a dead man, like «a real machine». Catherine in «A Terrible Vengeance» is also dancing absurdly in solitude and silence. Her mind is hazed, she is alienated from the harmonious world: «She was rushing along… looking madly everywhere with her hands on the sides. She was stamping her feet with squealing; without measure, without rhythm… and it seemed as she would either fall down or fly away from this world» [2, t. 1, p. 176–177]. Let's remember wizard's dance in «A Terrible Vengeance». He, not yet recognized, «danced marvelously kazachok and already made surrounded crowd laugh… When Cossack captain lifted the icons… his lips turned blue, his chin became jittering and sharp… a fang sprang out of mouth, a hump arose from the head, and the Cossack turned into – an old man» [2, t. 1, p. 147] (compare with the scene from «Taras Bulba», where dancing people are united by a merry music).

We can observe the deeper *dis-tune* in «Taras Bulba», where «dense sounds» and «thunder» of the organ in the Roman Catholic Church let Andriy forget «the charming music of swords and bullets», plunge him into contradiction and push to the way of comradeship betrayal: «At that moment the magnificent swell of the organ filled up the whole church… swelled into heavy bursts of thunder… turning into heavenly music… and Andriy admired wondrous music with his mouth half-opened» [4, t. 2, p. 473]. Withdrawal from the cathedral comradeship turns into captivity of the individual: that is the destiny of the younger Taras Bulba's son, who accomplished graceless self-will; renouncing his father, brother and native land, he, in effect, renounces his faith: «And the Cossack was ruined. He was lost to Cossack chivalry. *Never* again he will behold Zaporozhe, *nor* his father's house, *nor* the Church of God!» [2, t. 2, p. 92]. The sense of self-existence identifies with the service of the superpersonal origin. «Orthodox wisdom sees the unfreedom in the denial of the following superpersonal faith truths. The criteria of the truth can be considered here as the only word of God…: «There is no greater love than somebody gives his soul for his friends» (Io, 15:13)» [5, p. 408]. The boundaries of human being and his Motherland are common in this world of «comradeship», the man's freedom can be realized the most completely only in love, and author's words sound clearly in the story: «there is no stronger power than faith» [2, t. 2, p. 146]. Certainly, N.V. Gogol notices that «All the Setch prayed in one church, and were willing to defend it to their last drop of blood, although they would not hearken to aught about fasting or abstinence» [2, t. 2, p. 63]. This remark indicates an external religiousness of Cossacks and fast rejection weakens their spirit, leads to self-will and dreadful faith betrayal. V.D. Denisov in his work «The Cossack's image in early N.V. Gogol's works» reviews contradiction which first formed and then ruined «the Cossack's settlement», «comradeship». One should strengthen the spirit with «true piety»: «The reason for all people's misfortune was designated clearly: sinful apostasy. The way of misfortune deliverance was mentioned as well: recurrence to God and repentance» [5, p. 415].

Let's dwell on the story «A Terrible Vengeance», the basis of which is the curse possessing grotesque nature. The curse is connected with the very notion «a terrible vengeance», which is logically moves from one aspect to another: it is a Peter's vengeance to Ivan and Ivan's vengeance to Peter. The laughter in the story is frightful because it shields the spiritual origin in the human being. The frightful laughter can be considered as the indicator of the destruction of the whole world, as the testimony of dis-tune. (Ivan's favour sounds as following: «… Let me enjoy his torture» [2, t. 1, p. 186] (compare with the fratricide's laughter: «Peter laughed and pushed him with his pike» [2, t. 1, p. 184].)

The example of spiritual *dis-tune* is the image of a wizard in «A Terrible Vengeance» who was detached from people and God, and the alliance concluded by him is devilish. Initially, this

image is represented with the help of the particle «not» (compare with the description of the «perished Cossack» Andriy): «The story is about how the wife's father Burulbasha *didn't* come to the feast precedes the appearance of the wizard at the feast: «…The guests were amazed at the plane Catherine's face; but even more They were surprised that her old father *had not* come with her…» [3, p. 39].Catherine's father «would tell much marvelous things… Everything is *not* the same there than it's here: people are *not* the same, and there are *no* Christ churches there…» [2, t. 1, p. 146]. Danilo notices that «he *doesn't* want to drink honey! He *doesn't* even drink gorilka… he *doesn't* even believe in Christ», and then: «…your father *doesn't* want to live *in-tune* with us… He *didn't* want to drink for Cossack's will! *Didn't* rock a baby on his hands… No, his heart is *not* the Cossack's one» [2, t. 1, p. 151]. The same purpose (to reveal foreignness) is in the description of the guns in wizard's castle: «The guns are hanging, but all are *strange*: *neither* Turks *nor* Crimeans, *nor* Poles, *nor* Christians don't wear them…». All this are the signs of nonhuman, outrageous power [3, p. 42]. Even wizard's family cemetery doesn't look like an ordinary one where «his devil forefathers putrefy»: «*neither* arrowwood grows among crosses, *nor* grass becomes green, only the moon warms them up» [2, t. 1, p. 149]. Everyday oddity of Catherine's father casts Danilo down, he «*not* that way… did everything like an orthodox» [2, t. 1, p. 159], he «*doesn't* want to live *in tune*». «Tune» is even impossible for the wizard as he is apostate.

The longing for the tune we observe in the story preceding «A Terrible Vengeance», «St. John's Eve». Peter, like the wizard, having concluded a bargain with a devil, gets a treasure, but sheds human blood and loses his soul: «Collecting all his strength, he set out to run. Everything was covered with *red colour* before him. The trees seemed steeped *in blood*, were on fire and *groaned*. The sky glowed and threatened…» [2, t. 1, p. 48]. Blood red colour in this scene – is the reflection of a general catastrophe, suffering, «groan» of the whole scenery, herald of the approaching misfortune. Peter, having left Bear's ravine and the forest, left a marvelous fern flower there and a memory about that terrible night with it. Pidorka and Peter begin to live «like a gentleman and lady»: «But honest folk shook their heads when they marked their way of living. «From the Devil *no* good can come», they unanimously agreed. «Whence, except from the tempter of orthodox people, came this wealth?»… Say, if you can, that people only imagine things! A month had not passed, and *no* one would have recognized Peter… continually thinking and seemingly trying to recall something» [2, t. 1, p. 49–50]. Fear, melancholy, languor, and after that anger, rage seize Peter. He is exhausted by his vain recalling, neither love nor prosperity make him happy. The characters stopped enjoying their life: «He grew averse, his hair grew long, it was terrible to look at him… But it was impossible to recognize the Pidorka of former days. There were *no* blushes, *no* smiles: she was thin and worn with grief, and had wept her bright eyes away» [2, t. 1, p. 51]. The lifestyle of former days is impossible to restore, it tragically tumbled down, turning into *dis-tune.* Peter still recalls his sin, but nothing can be changed – he perishes, and an «evil» treasure turns into shards. Pidorka makes a vow to go preying, only in Kievskaya lavra, having repented, one can join The Kingdom of Heaven (a chance to reach the tune in this world): «…a Cossack from Kiev reported that he had seen, in lavra, a nun… who prayed unceasingly… that no one heard her utter a word; and that she had come on foot, and had brought a frame for the picture of God's mother, set with such brilliant stones that all were dazzled at the sight» [2, t. 1, p. 52]. We may say that *the longing to the tune* appears when there is a place for a «crying laugh» of N.V. Gogol and, from the specific point of view, for a laughter evoked by a «crying soul» («laughter that is visible to the world through tears, is invisible to the world»). The same is the story «The overcoat», which takes a considerable place in N.V. Gogol's cycle of The Petersburg Stories.

Dis-tune is also shown through the vulgarity which surrounds *Mir-gorod* in «The Tale of How Ivan Ivanovich Quarreled with Ivan Nikiforovich». *Boredom, vulgarity* and *melancholy* by N.V. Gogol represent the true incarnation of the devil on the Earth who bewitches the mankind (in «Easter Sunday» the writer comes to conclusion: «The Devil came out to the world without a mask» [6, p. 267]). The evil enters the world through a man whose soul is primarily bright and kind and then it becomes perverse and dead. «The Tale of How Ivan Ivanovich Quarreled with Ivan Nikiforovich» represents a comical quarrel and dispute of two Mirgorod comrades – Pererepenko and Dovhochhun; their story ends with famous words which reveal a terrible

thing – the memory about the tune is lost, but the soul grieves about – the tune: «How boring it is in this world, gentlemen!».

The quarrel changed the primary prosperity of characters lifes, and bosom friends Ivan Ivanovich and Ivan Nikiforovich become sworn enemies with lightning speed: «So, two respectable men, honour and adorning of Mirgorod, quarreled with each other! And for what? For nonsense, for gander» [2, t. 2, p. 208]. Gogol describes Mirgorod, the place where given events took place, with unconcealed sarcasm. We cannot expect spirituality and high intentions from the inhabitants of the town where the main attraction was «the marvelous puddle». Mirgorod is extremely quiet at the beginning of the story and is filled with noise, because of the fierce battle between two former friends. The peace and harmony of the «peaceful world» are broken, the «whole world» is split up.

Thus, «the whole world» (by A.V. Domashenko) appears to be the key word for the understanding of creative work of different authors. When the creator has an access to the essence of «the whole world» we can speak about the presence of the tune. When there is no such a notion as «the whole world» and even a memory about it is lost – the ontological tune is lost as well which speaks about the destroyed co-presence of divine and human, and then leads to distortion of divine and human and subsequently gives only a caricature of the whole, that means dis-tune.

Bibliography

1. Домащенко А.В. Лад как присутствие / А.В. Домащенко // Актуальні проблеми іноземної філології: Лінгвістика і літературознавство. – Донецьк: Вид-во ДОНнУ, 2009. – Вип. III. – С. 297–305.

2. Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 6 т. / Н. В. Гоголь. – М.: ГИХЛ, 1952–1953.

Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки. – 1952. – 350 с.

Т. 2: Миргород. – 1952. – 338 с.

Т. 5: Мертвые души. – 1953. – 462 с.

Т. 6: Избранные статьи и письма. – 1953. – 455 с.

3. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя / Ю.В. Манн. – М.: Худож. лит., 1988. – 413 с.

4. Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 9 т. / сост. подг. текста и коммент. В.А. Воропаева, И.А. Виноградова. – М.: Русская книга, 1994. – Т. 2. – 1994. – 493 с.

5. Дунаев М.М. Православие и русская литература / М.М. Дунаев. – 2-е изд., испр., доп. – М.: Христианская литература, 2001. – 733 с.

6. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями / Н.В. Гоголь. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 320 с.

В статье исследуется художественное творчество Н.В. Гоголя, которому искони присущ *лад*, открывающий сущность «целого мира». *Лад* противопоставляется *раз-ладу* (бытие-небытие). Рассматривается ключевое слово для понимания творчества различных писателей – «целый мир». Указывается на то, что там, где творцу доступна сущность «целого мира», можно говорить о присутствии лада. Там же, где не осталось «целого мира», и даже память о нем утеряна – утрачен и онтологический лад, что говорит о разрушенном со-присутствии божественного и человеческого, а далее – приводит к искажению божественного и человеческого и в последствии дает лишь карикатуру на целое, то есть разлад.

Ключевые слова: поэтика, «целый мир», лад, раз-лад.

У статті досліджується художня творчість М.В. Гоголя із властивим їй *ладом*, який розкриває сутність «цілого світу». *Лад* протиставляється *роз-ладу* (буття-небуття). Розглядається ключове слово для розуміння творчості різних письменників – «цілий світ». Вказується на те, що там, де творцеві доступна сутність «цілого світу», можна говорити про присутність ладу. Там, де не залишилося «цілого світу», і навіть пам’ять про нього було загублено – втрачено і онтологічний лад, що вже говорить про зруйновану спів-присутність божественного та людського, а далі – призводить до спотворення божественного та людського і потім дає лише карикатуру на ціле, тобто роз-лад.

Ключові слова: поетика, «цілий світ», лад, роз-лад.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

УДК 821.161.2.398

І.В. ГРИЩЕНКО,
кандидат філологічних наук,
докторант кафедри фольклористики Інституту філології
Київського національного університету імені Тараса Шевченка

ІНОЕТНІЧНА ЖІНКА У НАРОДНІЙ ПРОЗІ. СПЕЦИФІКА ФОЛЬКЛОРНОГО ВІДОБРАЖЕННЯ

Статтю присвячено дослідженню відображення в українській фольклорній прозі кінця XIX–XX ст. образу іноетнічної жінки. З'ясовано, що в основі сприйняття іноетнічної жінки лежить архетип іноплемінної жінки – представниці чужого роду.

Ключові слова: образ, персонаж, народна проза, іноетнічна жінка, архетип, чужий, свій, інакший, етнофор.

К. Маслинський до найважливіших проблем сучасної фольклористики відносить дослідження глибинних когнітивних структур і процесів людини, які зафіксовані у фольклорних текстах [8]. Когнітивний потенціал фольклору нині є важливим дослідженням, у фольклорних текстах у закодованій формі зберігається інформація про характерні риси народу, уявлення про різні сторони життя людини.

Важливим аспектом фольклору є відображення взаємин з іноетнічним сусідом, сприйняття іноетнічної жінки. Образ жінки в усіх етнокультурах асоціюється з хранителькою домашнього вогнища, дарувальницею життя і (згідно з уявленнями) долі майбутній дитині: «*Доля человека является даром его матери*. *Достаточно самого беглого знакомства с народными песнями, чтобы тотчас увидеть, что в них мать выводится податель-ницею Доли*» [4, с. 344]. У традиційній культурі майже усіх етносів сім'я завжди фігурувала як ціннісний ідеал, як продовження роду, тобто є обов'язковим моментом у житті кожної людини. У давньому суспільстві у матеріальному відношенні вплив батька на дітей більший, проте у сфері духовності відзначається зв'язок дітей саме з матір'ю: *«Батьків багато, а мати одна», «Жінка для совіту, теща для привіту, матінка рідна луччє всього світу»* [5, с. 40]. Жінці належить головна роль у збереженні та передаванні життєвих традицій нащадкам.

Актуальність дослідження зумовлена необхідністю дослідження опозиції «свій-чужий» та виявлення шляхів переходу до сприйняття етнічної інакшості.

Казкові жіночі персонажі є предметом дослідження В. Проппа, Є. Мелетинського, Л. Дунаєвської, І. Сікорської та багатьох інших.

Казкова традиція пов'язана з багатьма явищами минулого, з іншими жанрами української народної творчості. Тому тексти містять елементи міфологічного, ритуально-обрядового, релігійного, історичного, соціального характеру, відголоски давніх епох, наша-

© *І.В. Грищенко, 2012*

рування пізніших часів, запозичення та перегуки з ліричними чи іншими неказковими жанрами [6, с. 404].

Соціально-побутові казки виникли у період розвинених суспільних відносин, вони більш пізні за походженням, тому «дещо відходять від умовно-метафоричного, фантастичного сприймання дійсності» [6, с. 468]. Проте, на наш погляд, витоки все ж варто шукати у творах міфологічних, а саме – чарівних казках. М.-Л. фон Франц вказує, що у чарівних казках архетипи постають у найпростішій, чистій і короткій формі, завдяки цьому архетипові образи дають нам ключ для осмислення процесів, які відбуваються у колективній психіці. У міфах, легендах або іншому розгорнутішому міфологічному матеріалі ми приходимо до розуміння базисних структурних утворень (патернів) людської психіки, освоюючи їх крізь культурні нашарування [12].

Образи злотворців-жінок у народних казках (мачуха, дружина-змія, зрадлива прислуга царівни, жінка-чарівниця, Баба Яга, людоїдка, зваблені змієм мати або сестра, смерть), на думку Л. Дунаєвської, генетично пов'язані з архетипом іноплемінної жінки, яка приймалася чужим родом вороже. Найяскравіший, синтетичний, такий, що ввібрав типові риси образів злотворців, – це образ мачухи. В. Пропп стверджував, що «при залученні більшого матеріалу можна показати, що мачуха – це зміїха, перенесена на початок казки, яка разом з тим прийняла певні риси яги й певні побутові риси». Дійсно, у давніх записах цей образ близький до образу змія ідейно. Л. Дунаєвська робить висновок, що у фольклорних казках, записаних уже в XIX ст., образ мачухи, зберігаючи в собі риси патріархального роду, уже набуває цілком реалістичних обрисів [3, с. 184]. З одного боку, казкові персонажі демонструють особливості генетичної пам'яті етносу, з іншого – виявляють специфіку їх видозміни під впливом історичних фактів та конкретних реалій. Традиційні образи набувають певного «переформатування», кантомінуються різносюжетні персонажі, з'являються риси нового часу тощо.

Є. Мелетинський, простеживши генезис художньо трансформованих уявлень про іноплемінних жінок у зв'язку з розпадом роду на сім'ї та створення нових сімей, вважає, що в ряді випадків дії мачухи відображають і конкретні реальні історичні обставини. На його думку, це результат страху членів роду перед шаманами, «чарівниками» чужого племені, оскільки у деяких мовах слово «іноплемінник» та людоїд – синоніми. Художні засоби, за допомогою яких зображувався у казці злий дух (людоїд, відьма) [3, с. 186]. На думку О. Бєлової, зарахування представників інших народів до категорії «нелюдських» істот проявляється в універсальному комплексі уявлень, пов'язаних з міфологізацією етнічних сусідів. Оцінка «чужих» як ворожих та небезпечних істот бере початок з архаїчних вірувань про те, що прийшлі і не приналежні ближчій спільноті люди є представниками «іншого» світу і володіють надприродними здібностями [1, с. 47]. Лише представники «свого» етносу наділяються статусом «людини».

У фольклорних творах часто можна зустріти агресивні прояви. На думку Р. Берона та Д. Річардсона, агресія припускає моральну шкоду, образу жертви, нанесення тілесних ушкоджень реципієнту не є обов'язковим. Окрім обра́з діями, існують виставляння когось у невигідному світлі, очорнення або публічне висміювання [2, с. 29]. У відношенні до іноетнічних персонажів це, у першу чергу, проявляється у прагненні принизити опонента, виставити у непривабливому вигляді його культурні, духовні цінності тощо.

У фольклорній прозі релігійне табуювання вживання свинини євреями пояснюється кревною спорідненістю, походженням від цієї тварини. Євреї, бажаючи випробувати Христа («*переконатися, чи Ісус уміє чудеса творити*» [9, с. 103]), заховали під корито єврейську жінку з дитиною і попросили вгадати, що знаходиться під коритом: «*Коли ти бог, то згани, що тут під коритом?*» [9, с. 103], «*А ни, ти такий пророк, то вгадай, що ту с-під коритом?*» [9, с. 216]. Христос відповів: «*Свинья с поросятами*». Коли євреї підняли корито, замість жінки вони побачили там свиню. «*С тех пор свинью называют жидовской теткой, и жиды не едят свиного мяса, как своего тела*» [11, с. 53], «*Від тогда жиди перестали свинину їсти, бо гадают, що нинішні свині від тої жидівки походять*» [9, с. 103], «*Те тому жіді тепер не їдять свинини*» [9, с. 216].

Є. Луньо зафіксував на Херсонщині меморат, в якому старий дід Муха давав поради молодому поколінню щодо вибору супутниці по життю саме в аспекті етнічної ендогамії:

«*Ти, козаче, вибирай жінку, як шаблю. Шаблю викує наш коваль, бо циган – хіба що батога зробить. Знай: Жидівка – злодійка, / циганка – забаганка (для дурня), / росіянка – засранка, / всі чорні – потворні, / німкені – зелені, / полячки – дурні качки. / Ще багацько на світі різних дівок є. Одним словом, всі чужі – як вужі, хоч і не кусаються, а все одно гадюки! Наша українка – найліпша жінка…*» [7, с. 107]. У фольклорі також акцентується на неприємному запахові тіла («*Татарку навіть пес не обнюхує*» [7, с. 106]), непривабливій зовнішності («*Козак зі смерті сміється, бо вона на Хайку похожа*» [7, с. 104], «*У циган коні гарні, бо жінки погані*» [7, с. 106]), глупоті («*Дома й питають у Апрсіньї: / – Била лі у тваєво Ванькі галава? / – А кто єво знаєт, не помню. Ах, постойтє: йон, как щі хлєбал, то бородою завсєгди ківал, знать, галава у няво била*» [9, 81], «*– Ви, матушка, мусите пам'ятати: чи була голова у батюшки? / Матушка думала-думала та й каже: / – Ні, не згадаю!*» [9, с. 204] та ін.

У народній казці з гумором пояснюється необхідність дотримання етнічної ендогамії, за народними уявленнями, після смерті українцями опікується Св. Юрій, а росіянами – Св. Микола: дітей від змішаних шлюбів називають «перевертнями» і вважають, що після смерті їх віддадуть чортам до пекла [9, с. 70].

Звичайно, не можна говорити про реалістичність зображення іноетнічних жінок у зафіксованих текстах кінця XIX–XX ст. Ці записи здебільшого демонструють негативне зображення іноетнічної жінки та прагнення зберегти етнічну «чистоту крові». Проте сучасний фольклор демонструє толерантніше сприйняття іноетнічної жінки. Дозволимо собі подати текст анекдоту, який яскраво презентує спостереження етнофорів про життя іноетнічних сусідів, віднайдення позитивних сторін у сімейно-побутовому плані: «*Сыночек, тебе уже 18 лет. Скоро надо будет жениться. Так ты стазу женись на украинке». – «Мама, а почему?» – «Понимаешь, сыночек, украинки хорошие хозяйки, хорошо готовят. Вот тебе и будет хорошо житься. Но через некоторое время ты с ней разведись и женись на еврейке!» – «Мама, а почему?» – «Сыночек! Еврейки – хорошие мамы! Она хорошо воспитает детей! Но, когда состаришься, разведись с еврейкой и женись на цыганке!» – «Мама, а почему?» – «Ой, сыночек! Как они хорошо хоронят!.. Как они хоронят!..*». Таким чином, можна говорити про зміну сприйняття з етнічного чужого на етнічного інакшого.

Важко не погодитися з висновками І. Сікорської, що «у фольклорному образі жінки поєднані архаїчні й християнські погляди та цінності, спільною для яких стала ідея актуалізації ладотворчого потенціалу жінки (уособлення Природи) під дією конструктивного чоловічого начала, за яким визнавалась культурницька місія. Фольклорний образ жінки постійно еволюціонує, модифікується залежно від історичних та соціальних чинників. Ідеальний образ жінки у фольклорі типізований, узагальнений, він формується у руслі народного світогляду, менталітету і зберігає свою привабливість як зразок для наслідування» [10, с. 6].

Список використаної літератури

1. Белова О.В. Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян (этнолингвистические исследования): дис. … д-ра филол. наук: спец. 10.02.03 «Славянсике языки» / О.В. Белова. – М., 2006. – 264 с.

2. Бэрон Р. Агрессия / Р. Бэрон, Д. Ричардсон. – СПб.: Питер, 1997. – 336 с.

3. Дунаєвська Л. Ф. Українська народна проза (легенда, казка) – еволюція епічних традицій / Л. Ф. Дунаєвська. – 2 вид. – К.: Київський університет, 1997. – 384 с.

4. Иванов П.В. Народные рассказы о доле / П.В. Иванов // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія / Упоряд., прим. та біограф. нариси А.П. Пономарьова, Т.В. Косміної, О.О. Боряк; вступ. ст. А.П. Пономарьова. – К.: Либідь, 1991. – С. 342–375.

5. Иванов П.В. Сила родительского проклятия (по народным рассказам Купянского уезда, Харьковской губернии) / П.В. Иванов // Этнографическое обозрение. – М., 1897. – Кн. XXXII. – № 1. – С. 22–81.

6. Лановик М. Українська усна народна творчість: підручник / М. Лановик, З. Лановик. – 3-тє вид., стер. – К.: Знання-Прес, 2005. – 591 с.

7. Луньо Є. Традиційний фольклор Херсонщини у сучасних записах / Є. Луньо // Міфологія і фольклор. – Л., 2009. – № 2–3 (3). – С. 102–109.

8. Маслинский К. Библиография по теме: Ментальные модели пространства («cognitive map» and «image of environment») [Электронный ресурс] / К. Маслинский. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru

9. Міжетнічні стосунки в українських народних казках / упор., пер., прим., словн. І. Грищенко. – К.: ЗАТ «Миронівська друкарня», 2009. – 251 с.

10. Сікорська І.М. Мати й мачуха в українській та німецькій казковій прозі (опозиція образів): автореф. дис. ... канд. філол. наук: спец. 10.01.07 «Фольклористика» / І.М. Сікорська. – К., 2010. – 19 с.

11. Чубинський П. Мудрість віків. Кн. 1 / П. Чубинський. – К.: Мистецтво, 1995. – 222 с.

12. Франц М.-Л. фон. Психология сказки; Толкование волшебных сказок; Психологический смысл мотива искупления в волшебной сказке [Электронный ресурс] / М.-Л. фон Франц; пер. Р. Березовской, К. Бутырина. – СПб.: Б.С.К., 1998. – 360 с. – Режим доступа: http://fullchaos.com/sites/default/files/books/skazki.pdf

Статья посвящена исследованию отображения в украинской фольклорной прозе конца XIX–XX ст. образа иноэтнической женщины. Выявлено, что в основе восприятия иноэтнической женщины лежит архетип иноплеменной женщины – представительницы чужого рода.

Ключевые слова: образ, персонаж, народная проза, иноэтническая женщина, архетип, чужой, свой, инакий, этнофор.

The article is devoted for the reflection the appearance of inoethnic woman in Ukrainian folk prose of end of XIX–XX cent. It was reveal that perception of inoethnic woman was based on the presentation about inotribe woman as representative of kin.

Key words: appearance, character, folk prose, inoethnic woman, archetype, other, own, another, ethnofor.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

УДК 821.111

K. VIELCHEVA,
Lecturer of English Philology and Translation Department
Alfred Nobel University, Dnipropetrovsk

THE WORLD OF ENGLISH FOURTEENTH-CENTURY ALLITERATIVE DREAM VISIONS

The paper researches into the dream vision genre in late-medieval English literature. The author compares three alliterative anonymous poems – «Pearl», «Winner and Waster» and «The Parliament of Three Ages» – by analyzing some peculiarities of their problems and poetics.

Key words: dream vision, dispute, «Pearl», «Winner and Waster», «The Parliament of Three Ages», English literature of the fourteenth century.

One of the most popular genres in English literature of the second half of the fourteenth century was dream vision. In this period of about thirty major poems no fewer than a third belong to this literary genre [5, p. 22]. The vision had arisen under the influence of antique literature and the Bible, which provided readers with stories about people receiving some important information in a dream. At the earlier stages of development the vision existed as a religious genre but in the thirteenth century the French «Roman de la Rose» became the first secular dream vision in medieval literature. Its appearance resulted in considerable changes in the structure of the genre, in English literature in particular.

In Ukrainian literary studies dream visions in English literature of the fourteenth century have received very little attention. In Soviet literary studies general peculiarities of the dream poems by Langland, Chaucer and Gower were considered by M.P. Alexeyev and A. Dzhivelegov in «History of English Literature» [1]. Among Russian researchers who have taken interest in this sphere we can mention M.I. Nikola whose dissertation for the Doctor's degree focuses on the issue of formation of tradition in English poetry and prose of the fourteenth century [2]. In the context of the allegorical tradition several dream visions have been analysed by M.K. Popova [3]. These works, however, do not settle the whole range of problems connected with functioning of the genre.

This paper considers three anonymous allegorical poems written in alliterative verse – «Pearl», «Winner and Waster» and «The Parliament of Thee Ages». The object of analysis is genre peculiarities of each poem, their set of problems and imagery.

Traditions of the religious vision are developed in the poem «Pearl» approximately dating back to the 80s-90s of the fourteenth century [11]. It survived in one copy in the manuscript Cotton Nero A. x. which also includes the alliterative poems «Cleanness», «Patience» and «Sir Gawain and the Green Knight». The four works are assumed to have been created by the same poet. Analysis of their dialect led to determining the place of origin of the poems as the north-west Midlands. Spearing, however, emphasized the fact that «Pearl» «is no less courtly than Chaucer's [dream poems], being composed perhaps for some great baronial court» [12, p. 111].

© *K. Vielcheva, 2012*

The action of the poem is set in the other world. The narrator grieved by the loss of his pearl comes to the place where it fell into the grass. At first he seems to be speaking about a material treasure («So rounde, so reken in uche araye, / so smal, so smothe her sydes were» [7] – «So round and radiant in each display, so small and smooth were her sides»[1] [7]). But then the narrator mentions the Pearl's purity and its being under the earth now («Ther such ryches to rot is runne» [8] – «where such wealth has fallen into decay» [8], «Ther hit doun drof in moldes dunne» [8] – «There it (i.e. the pearl) sank into the brown mould» [8]). So, the author implies that the narrator is mourning the death of his small daughter. When he lies down near the grave mound, he falls asleep and in his dream finds himself in heaven. The narrator realizes it at seeing fantastic unearthly landscape. The author depicts it in bright colours: indigo trunks of the trees, silver leaves, a beryl bank, golden sand, emeralds and sapphires on the river bottom. Accentuating the radiance produced by the nature around the dreamer, the poet mentions bright crystal of the cliffs, the shine of the silver leaves, gleaming colours of birds, glitter of pearls on the ground and gems under the water. The splendor of the picture is repeatedly emphasized. The author's pictorial mastery does not contradict the canon and his description of heaven is based on the tradition – for instance, starting from antiquity a river and sweet-smelling meadows were a feature of the other world [3, p. 43–44].

At the bottom of a crystal cliff separated by the river the dreamer sees a maiden in white shining clothes embroidered with pearls and in a pearl crown. In the maiden he recognizes his loss transfigured in a wonderful way. The author contrasts the fact that the dreamer remembers the Pearl as a child and the royalty of her present appearance.

The excited dreamer is happy to have a conversation with the Pearl. Her role is close to that of Beatrice in the «Divine Comedy». In both poems a dear person transfigured after her death is a guide to heaven, she explains the meaning of the dreamer's observations and brings him to understanding of religious truths. In «Pearl» the dreamer appears a simpleton who tries to measure his tragedy and the heavenly organization with earthly categories. His reactions to the maiden's words – misunderstanding, inappropriate questions – create a mixture of the comic and the touching [12, p. 124].

The Pearl explains to her father that it is not worth while lamenting the loss of a perishable person because now she has eternal life. She dwells on the necessity of accepting everything given by God, on divine grace, on salvation of the soul of an innocent child. The Pearl also retells the biblical parable about workers in the vineyard, which should help the dreamer to understand why a two-year child without any merits has been rewarded with celestial bliss.

Further, basing on the text of the Apocalypse, the author describes Heavenly Jerusalem which the dreamer is honoured to see from afar. He enumerates all the gems used for building the city, mentions its square form, the twelve gates, the absence of churches. The city itself is radiant:

Sunne ne mone schon never so swete
As that foysoun flode out of that flet;
Swythe hit swange thurgh uch a strete
Wythouten fylthe other galle other glet'
Kyrk therinne was non yete
Chapel ne temple that ever was set:
The Almyghty was her mynster mete;
The Lombe, the sakerfyse, ther to refet [9].

(Neither sun nor moon ever shone so sweetly as that copious flow out of that ground; swiftly it rushed through each street without dirt or impurity or slime. Yet there was no church in that place, neither chapel nor temple was ever built: the Almighty was her noble church; the Lamb the sacrifice there for (the soul's) refreshment) [9].

The narrator sees a long procession of maidens in white clothes and pearls headed by the Lamb. Noticing his Pearl among the maidens, the delighted dreamer whose reason failed him

[1]The poem is cited in the original and in the prose translation into Modern English by Bill Stanton [7–10].

tries to cross the river: «Delyt me drof in yye and ere, / my manes mynde to maddyng malte» [10] – «Delight assailed both eye and ear, and my mortal mind was reduced to a frenzy» [10]. However, it is not for the dreamer to reach Heavenly Jerusalem and he finds himself plunged down into reality. At the end of the poem the narrator describes his changed state: now he humbly accepts anything given him by God. This detail alongside with the fact of visiting the other world and seeing God testifies that the poem preserves the traditional structure of the vision [3, p. 45].

We agree with Spearing's opinion that «Pearl» «is related in complex ways to a complex structure of literary traditions» [12, p. 113]. In the poem scholars trace influences of different kinds. M.K. Popova insisting on the presence of traditional plot elements of the genre of religious vision points out to their interweaving with chivalric literature motifs. For instance, the appearance of the Pearl resembles an idealized portrait of a heroine of a courtly romance: she has golden hair, grey eyes, light skin like ivory and whale-bone. Besides, in the poem the Virgin Mary is named the Queen of Courtesy [3, p. 46]. The poet's interest in chivalric culture is also revealed in his attention to details of the Pearl's refined attire inspired perhaps by apparels of noble ladies of his time.

Observing that in «Pearl» many scholars see Dante's tradition, M.I. Nikola makes a supposition about its closeness to English mystical ornamental prose: «The idea of mystical ascension to Heavenly Jerusalem, the character of movement, the psychic processes being experienced, the questions which became the object of discussion in conversation with the Pearl – these and many other things make one recollect the motifs of R. Rolle, Julian of Norwich and others» [2, p. 279].

Spearing stresses that «Pearl» is immediately based the Apocalypse and also owes to early Christian visions. But the researcher also mentions the influence of the «Roman de la Rose», which becomes noticeable in the poem because «it makes use of a dramatic projection of the Dreamer and his point of view in the highly sophisticated way», which was peculiar to secular visions originated by the Roman [12, p. 113]. In his opinion, there are similarities with the «Divine Comedy» in the structure and imagery of the poem. Besides, Spearing writes about the influence of fashionable French art of that time with its interest in colour and light effects of transparency, translucency and reflection [12, p. 111].

Researchers have noticed that the genre of «Pearl» is an organic fusion of an elegy and an allegorical vision. The poem demonstrates all the four levels of allegorical meaning: «not only a pearl as an aesthetically perfect object of the material world but also an allegory of cleanness and light, a symbol of moral stainlessness, a form of anagogical participation in the transcendent and sacred world» [4, p. 3–4]. The heroine of the poem appears in different incarnations: as a two-year child, a queen, the Lamb's bride. The motif of pearl is many times repeated in the poem. Alongside with «Pearl in pearls», it mentions pearls on the river banks, in the decoration of Heavenly Jerusalem, in the Lamb's attire. The heroine also tells the parable about a merchant who sold everything he had to buy one priceless pearl which symbolizes the Heavenly Kingdom. The motif of pearls renders the symbolic meaning of perfection and cleanness. The semantic field of jewels involves the image of the dreamer who is called a jeweler. This detail does not simply specify his social status; it serves as a means of internal characterization of the dreamer. The jeweler as an expert in material values is contrasted to the merchant who bought the Heavenly Kingdom [12, p. 126]. The image of the jeweler becomes an allegory of attachment to earthly values.

While the spiritual problems raised by «Pearl» are regarded by the poet as timeless, the poems «Winner and Waster» and «The Parliament of Three Ages» concentrate on social problems which are of topical as well as universal character. Shifting attention from salvation of the soul to the social reality, their authors refuse from depicting the other world. However, these works also contain «an appreciable religious and didactic message», which is typical of the majority of the fourteenth-century alliterative poems [2, p. 269].

The only known copy of «Winner and Waster» and one of two copies of «The Parliament of Three Ages» are from Robert Thornton's collection, compiled in about 1450. The first poem is considered to have been written not earlier than 1352, the second poem – between 1352–

53 and 1390. They were created in the Midlands but there is no unanimity among researchers as to a more precise attribution [16].

«Winner and Waster» has elements of topical satire and comments on the political events of 1348–1349. «The poem's perspectives are truly dizzying: on the one hand, economics, politics, ethics, and social relations are seen as an interrelated set of universal, timeless principles; on the other, they appear as actual, contingent conditions that have resulted from specific acts in history» [16]. The images of Winner and Waster personify two contradicting views on the proper way of living that can be typical of people no matter in what historical period they live. Besides, the opinions expressed by the allegorical figures reflect manners of two social groups and they also allude, as some researchers think, to the tension between the two main departments of Edward III's household – the lord chamberlain and the lord steward [16].

The dream is preceded by a frame traditional for this genre: the narrator was wandering on his own somewhere in the west and then lied down «one ane hill ane hawthorne beside» [15] near a brook. The nature is not quiet (he hears loud voices of thrushes and jays, noise of woodpeckers and wild geese, rushing of the stream), which makes a parallel to the action in the dream itself. «The roar of the deep water and the racket of the birds» [14] («dyn of the depe watir and dadillyng of fewllys» [15])[2] kept him awake till dusk when he finally fell asleep. In the dream he finds himself in a place which can be recognized as England of the poet's time.

The dreamer sees a green plain «encircled by earthworks extending a mile» [14]. This is the only thing separating two armies ready to fight. On the top of a cliff there is a red pavilion decorated with gold medallions and pictures of blue garters. The pavilion is embroidered with the words «Dishonoured be the knight who suspects without cause!» [14] alluding to the motto of the Order of the Garter founded by Edward III. On one knight's attire the dreamer notices pictures of leopards and fleurs-de-lis – emblems constituting a part of the English coat of arms of the fourteenth century. The king sitting in the pavilion sends to the armies a knight whose task is to persuade them to dispute before the king instead of fighting. The armies send their representatives – two personified figures of Winner and Waster. The author does not provide the reader with their portrait allowing the figures themselves to characterize one another.

Winner's view on life is close to that of a merchant's. He praises being thrifty and industrious, not wasting time and money on luxurious entertainment. Waster adheres to the knighthood's position. He accuses Winner of stinginess, of unwillingness to share with the needy. Waster takes interest in the art of battle, feasts, courting ladies. Some arguments in the altercation are suggested by the religious faith. Each character thinks that his opponent will go to hell for his sins: Winner for avarice, Waster for prodigality and dislike for labour. Winner argues that the Virgin Mary had much simpler clothes than contemporary fashionable ladies. In confirmation of his words about the importance of field works he alludes to the story of Cain and Abel. Waster insists that his generosity to the poor «gives pleasure to the prince who created Paradise» [14] («It es plesynge to the Prynce that Paradyse wroghte» [15]).

Having heard the arguments, the king gives his judgement. He advises Winner to go through Paris to the pope, which satirizes the financial policy of the papal court of that time. Waster should go to Cheapside – a rich London district. The end of the poem is lost but nevertheless it is clear that the king does not prefer one disputant to the other. The king explains to Winner that sometimes this character is to accompany him and in the lost final fragment he may be telling Waster something similar.

We can make a conclusion that the poem displays the author's closeness to knighthood. He takes pleasure in describing clothes and arms, shows competence in enumerating dishes at a magnificent chivalric feast, points to the social position of the fighters depicting their banners with heraldic emblems on them (for example, the pope's banner is black with three white bulls, lawyers' banner is «with a band of green, / with three white-haired heads wearing hoods» [14], etc.). The brightness of the image of the world in the poem is dictated by heraldic colours. Despite the traditional character of representing a debate as a battle, the use of this form shows a point of view typical of knighthood, because battling is knights' occupation, not merchants'.

[2]The poem is cited in the original [15] and in the prose translation into Modern English [14].

In «The Parliament of Three Ages» the dream is also framed by the narrator' description of what preceded his dream and what followed it. He narrates about his deer hunt in May and about his falling asleep with weariness. The social status of the dreamer is not defined but his behaviour makes researchers think that he is a poacher. He hides the remains of the deer's carcass in the forest to prevent the forester or a hunter from finding them, and leaves the place hastily not to be caught. The dream finishes when the dreamer hears the sound of a horn in the forest and then he hurries to town.

The author shows expertise in describing habits of deer, the shape of their horns, hunting methods, cutting the carcass. Scholars have often praised technical precision of the description and realism of the details [13].

In his dream the narrator saw a heated debate of three persons who allegorically represent three human ages. Timeless problems become closer and more comprehensible for a reader of that time because the figures of ages look like representatives of three social groups. The author begins with portraying each character, creating a kind of emblem, and then gives his name. He also mentions the age of each character: Youth is thirty, Middle Age is about sixty, Old Age is one hundred or even older. Youth is described as «a hathelle on ane heghe horse with hauke appon hande» [13] («a knight on a noble horse, a hawk on his wrist» [6, p. 136][3]). The poet dwells on the beauty of his figure, depicts his garland with red roses, pearls and a carbuncle, his green and gold clothes arrayed richly with gems. This character seems to be admired by the poet.

Middle Age was «a renke alle in rosette that rowmly was schapyn, / In a golyone of graye girde in the myddes, / And iche bagge in his bosome bettir than othere» [13] («a man all in russet, corpulent of shape, / In a gray tunic, girt about in the middle / And every bag on his belt was better than the next» [6, p. 136–137]). He was busy thinking of his wealth and household. The author shows him as a rich land owner good at managing his manor.

Old Age dressed in black looked «ugly»: he was «croked and courbede, encrampeschett for elde» [13] («crooked and curved and contorted with age» [6, p. 137]), white-haired, bald, blind, toothless, with thick lips. His only matter of concern was his crutch and his bed. The poet singles out spite as the main feature of his character. Old Age had beads in his hands, «and cried kenely one Criste and his crede sayde, / With sawtries full sere tymes to sayntes in heven» [13] («cried aloud to Christ and repeated his Creed, / And he said psalms over and over to heaven's saints» [6, p. 137]), which gives him resemblance to clergy.

Each character advocates his values. Youth pledges not to wear a hood or a hat until he accomplishes a feat of arms in honour of his beloved lady. Middle Age argues that feasts and jousting are foolish and disapproves of the knight's having no assets besides his attire. He gives a piece of advice that sounds ridiculous for Youth: «Bye the stirkes with thi stede and stalles thaym make, / Thi brydell of brent golde wolde bullokes the gete, / The pryce of thi perrye wolde purches the londes» [13] («Buy heifers with your steed; make stalls for them; / Your bright gold bridle would buy you well-bred bullocks; / The price of your jewelry could purchase you lands» [6, p. 138]). Youth returns that Middle Age's life is all worry and woe and contrasts with it his description of falconry and other chivalric pleasures. It is rich in realistic details, thus resembling the dreamer's hunt. Middle Age refuses to continue the debate and Youth's story is balanced with Old Age's story. Middle Age's lack of arguments as compared to his opponents might be explained by the fact that eloquence was a duty of knighthood and clergy but not of the social group embodied by him.

The main religious and didactic message of the poem is expressed in Old Age's words. In contrast to Youth's story, his story is of bookish character. Old Age outlines the deeds of the worthiest people of the past – the famous warriors, sages and lovers – in order to convince his opponents in temporality of earthly fame and riches. The story is concluded by biblical quotations reminding of the need to be concerned about one's soul.

M.K. Popova believes that in «Winner and Waster» and «The Parliament of Three Ages» the features of dispute dominate the features of vision. According to her observation, the difference between them is as follows: if the author is «interested in what he *hears* and he reproduces in detail the debate of the allegorical characters leaving only little room for the landscape

[3]The poem is cited in the original [13] and in the prose translation into Modern English [6].

background, his work belongs to the genre of dispute. If it is more important for the author what he *saw* in his dream and if he gives detailed pictures of the other or fantastic world, the poem should be attributed to the genre of vision, though it may contain a dialogue» [3, p. 37].

We would like to add that in the two latter poems the dreamer is only a speechless observer and hearer. He reminds of his existence only by the phrases of the type: «I saw» or «I heard», and by his promises to continue the narration. In his dream he keeps in the background, completely transferring the right to speak to the allegorical characters. The dream becomes a «justification» for narrating the story. On the other hand, in the religious vision «Pearl» very important is the dreamer's image, which is also revealed in the dream. It is the dreamer who participates in the debate, which exposes his psychological and moral state.

Thus, the poems under consideration bring us to the conclusion about enrichment of the genre model of the dream vision in the English poetry of the fourteenth century. Still influential is the religious tradition though the vision absorbs secular motifs, becomes suitable for expression of not only general human but also topical contents. We support M.I. Nikola's idea that the period is characterized by «search for form more suitable for reflecting the world view of the changing epoch, the epoch to a certain extent looking back but even more showing readiness for renewal» [2, p. 226].

Bibliography

1. История английской литературы. Т. I. Вып. I [Электронный ресурс] / под ред. проф. М.П. Алексеева, проф. И.И. Анисимова, проф. А.К. Дживелегова, А.А. Елистратовой, чл.-корр. АН СССР В.М. Жирмунского, проф. М.М. Морозова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1943. – Режим доступа: http://lib.ru/CULTURE/LITSTUDY/history_of_english_litereture1_1.txt

2. Никола М.И. Английская литература XIV века: становление поэзии и прозы, истоки традиций: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.05 / Марина Ивановна Никола; МПГУ им. В.И. Ленина. – М., 1995. – 340 с.

3. Попова М.К. Аллегория в английской литературе Средних веков / М.К. Попова. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993. – 152 с.

4. Хрипун В.А. О поэтике аллегории позднесредневекового английского художественного текста («Жемчужина») / В.А. Хрипун. – К.: Изд-во КГПИ, 1985. – 19 с.

5. Brown Peter. On the Borders of Middle English Dream Visions [Электронный ресурс] / Peter Brown. – P. 22–50. – Режим доступа: http://fds.oup.com/www.oup.com/pdf/13/9780198183631.pdf

6. Gardner John. The Alliterative Morte Arthure: The Owl and the Nightingale, and Five Other Middle English Poems in a Modernized Version / John Gardner. – Carbondale, Il: Southern Illinois University Press, 1973. – 304 p.

7. Pearl [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.billstanton.co.uk/pearl/pearl0203.htm

8. Pearl [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.billstanton.co.uk/pearl/pearl0405.htm

9. Pearl [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.billstanton.co.uk/pearl/pearl9091.htm

10. Pearl [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.billstanton.co.uk/pearl/pearl9899.htm

11. Pearl: Introduction. Ed. by Sarah Stanbury [Электронный ресурс] // Pearl. – Kalamazoo, Michigan: Medieval Institute Publications, 2001. – Режим доступа: http://www.lib.rochester.edu/camelot/teams/pearlint.htm

12. Spearing A.C. Medieval Dream-Poetry / A.C. Spearing. – Cambridge: Cambridge University Press, 1976. – 236 p.

13. The Parlement of the Thre Ages. Ed. by Warren Ginsberg [Электронный ресурс] // Wynnere and Wastoure and The Parlement of the Thre Ages. – Kalamazoo, Michigan: Medieval Institute Publications, 1992. – Режим доступа: http://www.lib.rochester.edu/camelot/teams/ginparl.htm

14. Winner and Waster. Translation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.southampton.ac.uk/~wpwt/trans/winner/wintrans.htm

15. Wynnere and Wastoure. Ed. by Warren Ginsberg [Электронный ресурс] // Wynnere and Wastoure and The Parlement of the Thre Ages. – Kalamazoo, Michigan: Medieval Institute Publications, 1992. – Режим доступа: http://www.lib.rochester.edu/camelot/teams/ginwin.htm

16. Wynnere and Wastoure and The Parlement of the Thre Ages: Introduction. Ed. by Warren Ginsberg [Электронный ресурс] // Wynnere and Wastoure and The Parlement of the Thre Ages. – Kalamazoo, Michigan: Medieval Institute Publications, 1992. – Режим доступа: http://www.lib.rochester.edu/camelot/teams/ginintro.htm

В статье исследуется жанр видения-сна в поздней средневековой английской литературе. Автор сравнивает три аллитеративные анонимные поэмы – «Жемчужина», «Накопитель и Растратчик» и «Парламент трех возрастов», анализируя некоторые особенности их проблематики и поэтики.

Ключевые слова: видение-сон, жанр словопрения, «Жемчужина», «Накопитель и Растратчик», «Парламент трех возрастов», английская литература четырнадцатого века.

У статті досліджується жанр видіння-сну у пізній середньовічній англійській літературі. Автор порівнює три алітеративні анонімні поеми – «Перлина», «Накопичувач і Розтратник» та «Парламент трьох віків», аналізуючи деякі особливості їх проблематики та поетики.

Ключові слова: видіння-сон, жанр сперечання, «Перлина», «Накопичувач і Розтратник», «Парламент трьох віків», англійська література чотирнадцятого століття.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

УДК 821.111/161.2:7.038.6

S. MARTSOVENKO,
Lecturer of Chair of Foreign Languages for Humanities
Taurida National Vernadsky University

ROOTS OF UKRAINIAN MYTHOLOGICAL AND PHILOSOPHICAL THINKING IN THE NARRATIVE OF M. MATIOS «SWEET DARUSYA»

The article attempts to comprehend the narrative of M. Matios «Sweet Darusya» through the prism of mythology of Ukrainian being, traditions and philosophy of people's thinking. Ethnic constants, reflected in the novel, are represented in the article, it focuses on the symbolic image of Darusya, who embodies not only personal tragedy and falls back to the genetic code of the nation.

Key words: mythology, literary tradition, symbolism, image, literary character.

The purpose of the article is an attempt to comprehend the narrative of M. Matios «Sweet Darusya» through the prism of mythology of Ukrainian being, traditions and philosophy of people's thinking, to represent ethnic constants, reflected in the novel, to make focuses on the symbolic image of Darusya, who embodies not only personal tragedy and falls back to the genetic code of the nation.

M. Matios is a writer of a traditional manner who reveals the life of Man in the mirror of national dimension in her novels, and that determined her extraordinary writing in modern literature.

Recently Ukrainian literature has focused on the study of literary works that promote the national idea, demonstrating cultural identity of our people, their mentality and traditions. An example of such literature is M. Matios's narrative «Sweet Darusya» which was awarded Taras Shevchenko National Prize in 2005. Critics truely called the most famous and the most popular Maria Matios's novel «Sweet Darusya» «a tragedy, an adequate history of XX century», and Darusya is «almost biblical image». According to S. Zhila there is nothing unambiguous in this drama of «three lives»: nor characters, nor circumstances, nor dénouement. There are no epochal people or events in the novel, positive or negative characters, but, as critics claim, «when one reads this book the heart hurts». This family saga, which «Sweet Darusya» reflects the true spirit of a past age, which wounds are still preventing the part of modern society from acceptance of Ukrainian history without prejudice [5].

Some writer's intentions are «to improve global injustice with the help of love» (by Lesia Ukraininka) or «to overcome mankind by the nobility of soul» (by Nietzsche) create a gallery of artistic images and symbols that fit very well in the perennial values of the human spirit, ideas about morality and decency. Psychological insight, complex plot on a «reverse» principle and the splendid language generate very attractive prosaic canvas [1].

Even with appearance of the narrative «Sweet Darusya» on the pages of «Suchasnist» literary critics and writers have been generous to rave reviews. Thus, for example, P. Zagrebelniy said: «The writer Maria Matios by the novel «Sweet Darusya» rejected boldly and decisively the rules of political prudence and social taboos – and on her own account she carried out a cruel

© *S. Martsovenko, 2012*

journey in our bloody and no less cruel historical hell, in deep, where it's scary to look into» (Translated by S. Martsovenko) [7, p. 174].

Maria Matios's novel «Sweet Darusya» is called Ukrainian history of 30s-70s of the XX-th century on Bukovyna and Galician areas. The work of the writer gives us understanding of Hutsul life as an object of discriminatory policies in different occupation regimes, presents tensions that existed in Bukovina and Galicia between the Ukrainian majority and Romanian, German and Soviet governments, refraction in philosophy, mentality, world view, perceptions of the world that occur with humans during stunning historical events [5].

«Sweet Darusya» is slender and perfect literary work in terms of composition. The full title of the novel is «Sweet Darusya. Drama for three lives» This genre definition immediately puts the reader to the three-term organization of the work, which the author called «drama». However, it is not about dramatic work, which consists of three acts, a novel that has three parts, all closely connected. Each part of the «drama» has its name. The first is called «Darusya» (daily drama). The second is «Ivan Tsvychok» (previous drama). The third is «Mikhailov miracle» (the main drama). These three dramas are not on the basis of chronology, in the order of semantic gradation [1].

Maria Matios in the novel «Sweet Darusya» suggests such ideas as marginal human existence, human alienation from society, existential belief that man to understand himself as the one, must go through boundary situation, fear, loneliness, anxiety, horror, fear, internal pain.

Literary critics called main character of the narrative Darusya «prerequisite» the embodiment of human guilt at the world or the guilt of the world at the individual [7, p. 157]. The main character is immersed in water when she feels bad (even if it is ringing frost), and only river water is able to extract unbearable pain from her. Water as a prehistoric symbol was considered to be the source of life. In terms of psychology, water is the unconscious deep layers of personality, where there are images of mysterious creatures. According to all the myths of peoples, it forms the heavenly arch. It acts as a universal symbol in all the world's traditions, while is endowed with different functions. Certain water qualities led to its spiritualities (perhaps Thales guided by precisely the properties of water that characterized it as a living principle, when he brought up the water as the first element of the world). Water is always moving. Water, acting as a fundamental principle of the world, symbolizes the completeness of possibilities, blending of elements that preceded all forms and all creation. Perhaps such a fundamental role of water in the universe associated with its assigned ability to transform, change (because of its «transformation» into steam, hail, snow, ice). Thus, the image of water in the M. Matios narrative is very versatile and symbolic, because it is cleansing, and penance, and the life. As the water is an intermediary between the world of the living beings and the dead world, it embodies the eternity and serves Darusya as a kind of opportunity to experience contact with the dead father.

In the M. Matios narrative fate of stoic patience and courage to stay on the cross of life even when you are completely alone and wait for assistance, out of nowhere is reproduced. That is the nature and water as its primary substance which life is born from.

According to the narrative Darusya must bear the universal pain as her own and can't shift her burden. She carries the dug roots of flowers around the village, wrapping it like children in a warm blanket, or decorates peartree with colored ribbons. «Why wood is sad when autumn sun shines when pain to the brain doesn't hurt Darusya?» (Translated by S.Martsovenko) [6, p. 19].

It is difficult to denominate Sweet Darusya, as they call her, as a symbol because the novel is much deeper, to put the emphasis. This is the philosophy of good and evil, spirit and morality, philosophy of life, happiness and suffering, pain and love and destiny of the people and talent of man. «Darusya – the image is almost biblical. The variant of Christ and his Calvary» (Translated by S. Martsovenko) [6, p. 174].

The theme of Ukrainians is dominant in the novel and is reflected in the plot of the novel, in the images, specific details, the language, the general atmosphere. The writer emphasizes the fact that, despite all the tribulations, ridicule, suffering, Ukrainians live, this life-affirming spirit is reflected in the nature, freedom, tradition, culture, echoes in tune where the «смертію смерть поправ...».

«The image of voice and silence are repeatedly referred to in the narrative of M. Matios. Her characters are followed by sense of voice and word as a need for their self-awareness as a separate identity and the whole nation. Darusya is on a thorny path out of silence to the first consciously spoken word, and then there is a dramatic tension out of nothingness into being, from suffering to the ability to win» (Translated by S. Martsovenko) [7, p. 156].

Search for a voice is a search for truth, verity in the novel. It firstly concerns the main character, Darusya; around her muteness all the passions boil up in the village. The writer presents the reader the word as an eternal substance of life, as a form of higher consciousness as a sign of truth. That's why very important character in the M. Matios works is language as a mean and as the content, as a way to the truth, as self-awareness.

M. Yakubovskaya argues that in the narrative «Sweet Darusya» the image of voice grows from an image of silence, being is born from the ashes, the voice of the one weaves in the voice of the crowd. With the voice of a crowd realizes itself as people, declaring the world their right to be». In mythology of being the voice plays a decisive role. But the voice to be matured, one should develop the silence. And M. Matios silence is not the same: it is either angrily disturbing or suddenly solitude or nobly generalized. It is different. There is the silence – as the cause and silence – as a consequence [5].

M. Matios character has patience but it is not blind reconciliation or weakness but strength and love. In Darusya fragile body high strong spirit lives that fueles by the energy of water, earth, greenery – the universe. She has to bear the cross in order to avoid breaking the line of folk fate, to pull the world and people in it by suffering.

By «Sweet Darusya» M. Matios declares the opinion «Woe is no good» – the word is known through silence, music – through silence, love – through suffering, the world – through testing, that there is no joy without sorrow. M. Matios writing is so alive and variegated that every word as if one can taste it. To achieve her goal the writer uses a variety of artistic means and images, among which the most important is address to folk sources. In the works one can ever find allusions to certain mythological stories, folk images, propensity to archaic, myth and collective unconsious is clearly seen, appeal to the mythological beliefs, operating the names of mythical creatures. These techniques make the novel clear, close to people, experiencing the passion and sorrow, joy and pain. There is the most severe pain in the novel, however, because that is people's life.

The idea of literary symbolism of the Darusya's image, who represents Ukraine. She carries her torment, suffering as penance – majestically and stoicly. This is link between the past and the future, it is a chance to stay and save the world.

With the image of Darusya M. Matios builds a new plane of being, which opens unexplored before reserves of the human spirit and courage, integrity and obsession. Just near the graves of ancestors, says M. Matios, our cleansing, our temptation, and our universal progress. Only there there are the root cause of our troubles and successes. To understand the future one should understand the past. This is not just a passive conception, and alive interaction of times. Darusya's voice returnes only at the cemetery near the grave of her father.

The phrase «Yorchyh posture» is connected with the cemetery, it is represented in the novel as a living reminder as a special symbol as a separate plane of fate, because no one can escape that eternal progress, which is seen immediately in a separate dimension, more than trivial. Not everyone can rise to such progress in everyday terms, because it is very difficult to remember about the end of everyday life, and only a few who realize higher truthes through suffering, even at the level of intuition, but they discover the laws of life philosophy. Thus, in the M. Matios narrative the key characters (along with people) are images of pain, voice, silence, speech, liberty, eternity, fate.

M. Matios argues that the present is a visible gap between past and future, and Darusya is a tragic symbol of life of Ukrainian history. Her personal atonement applies to everyone and reaches the roots in the national genetic code.

M. Matios narrative «Sweet Darusya» someone considers the best book of 2004. Thus, I. Vedmid says: «Sweet Darusya» is one of those works that one reads with lightning speed, and then he comes back to it again and again. This is the thing one can not take anything else after it

for a long time. It helps get rid of inferiority complex to someone who got used to feel less like all the others» (Translated by S. Martsovenko) [3, p. 12].

It's difficult to say about M. Matios and her masterpiece narrative better, but we note that in modern Ukrainian literature there are very few works, which would fully represent this unprecedented bound that defines our nation as distinctive and unique. In the narrative «Sweet Darusya» the tragedy of human lives is reproduced when mutism is stronger than the voice. Drama for three lives permeated by Ukrainian spirit and mentality that characterizes the author as a person who feels the history of her nation by naked nerve and can play in his mind the image of a girl – heroine who embodies Ukraine.

Bibliography

1. Адамовська Наталка Марія Матіос «Солодка Даруся» / [Електронний ресурс] / Наталка Адамовська] – Леся Романчук. – Режим доступу: http://romanchuk.org.ua/?p=462

2. Васильєв С.М. Матіос: «Література – не бої без правил» / С.М. Васильєв. – 2007. – № 10. – С. 76–83.

3. Ведмідь І. Три життєві уроки «Солодкої Дарусі» (Спроба акцентувати деякі проблеми роману М. Матіос) / І. Ведмідь // Дивослово. – 2007. – № 6. – С. 12–14.

4. Габор В. Марія Матіос / В. Габор // Незнайома: Антологія української «жіночої» прози та есеїстки другої половини ХХ – початку ХХІ століття. – Львів: ЛА «Піраміда», 2005. – С. 374–375.

5. Жила С.О. «Трагедія адекватна історії»: роман Марії Матіос «Солодка Даруся» та читацька конференція за цим твором [Електронний ресурс] / С.О. Жила // Українська література. – Режим доступу: http://www.ukrlit.vn.ua/article1/1753.html

6. Матіос М. Солодка Даруся / М. Матіос. – Львів: ЛА «Піраміда», 2005. – 176 с.

7. Якубовська М. У дзеркалі слова: Ессеї про сучасну українську літературу / М. Якубовська. – Львів: Каменяр, 2005. – 751 с.

У статті здійснено спробу осягнення повісті М. Матіос «Солодка Даруся» крізь призму міфології буття українців, традицій та філософії мислення народу; представлено етнічні константи, які знайшли своє відображення у творі; акцентується увага на символічності образу Дарусі, який утілює не лише особистісну трагедію, а сягає корінням у генетичний код нації.

Ключові слова: міфологія, літературна традиція, символізм, образ, літературний характер.

В статье предпринята попытка постижения повести М. Матиос «Солодка Даруся» сквозь призму мифологии бытия украинцев, традиций и философии мышления народа, представлены этнические константы, которые нашли свое отражение в произведении; акцентируется внимание на символичности образа Даруси, который воплощает не только личностную трагедию, а уходит корнями в генетический код нации.

Ключевые слова: мифология, литературная традиция, символизм, образ, литературный характер.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

УДК 821.111 “17”

А.В. МАЛИЕНКО,
соискатель кафедры зарубежной литературы
Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ПОЭТИКИ ГОТИЦИЗМА В ПОЗДНИХ ТЕКСТАХ А. РАДКЛИФФ

Анализируются поэтологические особенности воплощения концепции литературной готики в поздних произведениях А. Радклифф «Гастон де Блондевилль» и «Абатство Сент-Олбанс».

Ключевые слова: romance, литературный готицизм, пастораль, элегия, английскость, феминистская критика.

Литературная судьба художественных текстов А. Радклифф, написанных в 1800-е гг., на первый взгляд незавидна. «Гастон де Блондевилль» и «Аббатство Сент-Олбанс» – менее известны, нежели «Удольфские тайны» (1794) и «Итальянец» (1797), которые вошли в канон европейской готики. Издание произведений, предпринятое Уильямом Радклиффом (мужем писательницы, известным журналистом и редактором «English Chronicle») в 1826 г., было встречено неоднозначно[1]. Действительно, поэтологическая тональность «Гастона де Блондевилля» и «Аббатства Сент-Олбанс» значительно отличалась от ее зрелых шедевров и, вероятно, не всегда эстетическая концепция поздней А. Радклифф была оценена современниками. Читатели и литературные критики, быть может, позабыли, что знаменитое эссе А. Радклифф «О сверхъестественном в поэзии» (1826), создавшее ей славу теоретика и законодателя жанра, было извлечено У. Радклиффом из текста «Гастона де Блондевилля» и стало нормой, регламентирующей готицистскую поэтику[2].

Процесс реабилитации «Гастона де Блондевилля» и «Аббатства Сент-Олбанс», осмысления значимости этих сочинений для самой А. Радклифф лишь только начинается. Целью данной статьи станет аналитическое описание поэтики итоговых произведений романистки, демонстрирующих новый этап художественного мышления А. Радклифф. Однако интерпретировать его за пределами эстетики наиболее известных книг писательницы, вероятно, не совсем верно. А. Радклифф остается верна себе, но, в то же время, предлагает дру-

[1]Отмечая привлекательные стороны «Гастона…»: простоту композиции, «красоту и величественность описаний», изящество стиля, «воскрешающего дух поэзии и старинных романов», авторы рецензий все же склонялись к мнению, что книга, «в целом недостойная таланта ее создательницы», едва ли способна вызвать волну интереса, сопровождавшего появление более ранних произведений [5, p. 248–249].

[2]Описывая расхождение авторских подходов к созданию эмоционально напряженной атмосферы повествования («terror gothic» и «horror gothic»), исследователи опираются на терминологический словарь, который предложила А. Радклифф, описавшая эстетические концепты «terror» / «horror» через антитезу «страшного предчувствия и вызывающей отвращение реализации ужасного» [14, p. 130].

© *А.В. Малиенко, 2012*

гие акценты, темы, тональности. Литературные критики редко замечают, что готическая традиция, как сложившийся к тому времени узнаваемый литературный канон, ориентированный на эстетику сенсационности, в поздних книгах станет основной темой авторской рефлексии и во многом будет способствовать поиску свежего языка[3].

Литературные критики долгое время не признавали художественной значимости сочинений. Авторитетные филологи (Дж.М.С. Томпкинс, М. Саммерс, Ю.Б. Мюррей), несколько снисходительно оценивали поэтику «Гастона де Блондевилля» и скорее отводили ему место в ряду произведений конца XVIII в., обращенных к теме национального прошлого, не оставивших яркого следа в литературной истории. Кроме того, тексты «Gaston de Blondeville» и «St. Alban's Abbey» до сих пор едва ли доступны как английскому, так украинскому и российскому читателю, из-за отсутствия комментированных изданий и переводов[4].

Соглашаясь с мнением современников, специалисты не всегда учитывали обстоятельства публикации сочинений романистки, появившихся в тот период, когда увлеченность жанром, свежесть впечатлений от художественных открытий готицистов несколько поблекла, уступив место произведениям писателей другого поколения (В. Скотт, Дж. Остен). Оттесненная на периферию читательского интереса готика, однако, сохранила новизну литературного эксперимента, востребованного не только авторами беллетристики, но и хранителями английской романной традиции XIX в. (Ч. Диккенсом, Ш. Бронте, Т. Гарди, Р.Л. Стивенсоном).

Любопытно, что феминистская критика, в 1980–1990-е гг. как бы заново открывшая литературный готицизм, предложившая переоценку художественного наследия А. Радклифф, исходя из иных социокультурных критериев, оказалась во многом солидарна с академической традицией. Поздние сочинения романистки вновь оказываются за пределами внимания специалистов. Поскольку, в отличие от центральных книг А. Радклифф, эти произведения, подчиненные иной сюжетной стратегии, меняющей устоявшиеся в готике амплуа персонажей, в меньшей степени соответствуют идейно-смысловому комплексу «Female Gothic», обнажающему проблему драматизма «женского» в английской культуре рубежа XVIII–XIX вв.[5]

И все же в последние десятилетия, специалисты начинают спорадически возвращаться к «Гастону де Блондевиллю», открывая его в контексте широких границ литературного наследия писательницы. В рамках социокультурного подхода, актуализирующего идею «Englishness», проблему национальной идентичности, «Гастон де Блондевилль» представляет для исследователей определенный интерес. К. Трампенер, Дж. Уотт, К. Джонсон, Ф. Чиу рассматривают книгу А. Радклифф через призму идей реформистского и радикального движения в Англии конца XVIII – начала XIX в. – важного периода становления национального самосознания [6; 9; 16; 18]. Ф. Чиу, опираясь на замеченное К. Джонсон сходство произведения с «Калебом Уильямсом» (1794) У. Годвина, трактует роман А. Радклифф, текст которого представлен в форме средневековой хроники, как острую сатиру на сложившуюся политическую ситуацию, «правдивую хронику» («trew chronique») последнего

[3]Это не ускользнуло от внимания тех рецензентов, откликнувшихся на публикацию «Гастона…», которые видели в произведении не досадную неудачу романистки, а напротив, признак углубления ее литературного мастерства, где намеренный уход от штампов готики предполагал разрушение читательского ожидания: «… while this simplicity will disappoint the mere romance-reader, or hunter after horrors, the more intellectual reader will not fail to be struck with the beauty of the composition, and the admirable management of the story of Gaston» [5, p. 246].

[4]Долгое время за текстами «Гастона де Блондевилля» и «Аббатства Сент-Олбанс» читатель вынужден был обращаться к ставшему библиографической редкостью репринтному воспроизведению издания 1826 г. (1976) [10]. Справедливость восстановилась лишь в 2006 г., когда появилось первое комментированное издание «Гастона де Блондевилля», подготовленное Ф. Чиу [11].

[5]В «Гастоне де Блондевилле» и «Аббатстве Сент-Олбанс» А. Радклифф уходит от сюжетной модели, которой она, начиная с «Сицилийского романа», неизменно следовала ранее: героини «Романа в лесу» (1791), «Удольфских тайн», «Итальянца», лишенные наследственных прав и родительского тепла, подвергаясь преследованиям, были вынуждены осваивать полный опасностей «мужской» мир и в финале обретали личное счастье и социальное благополучие.

десятилетия XVIII в., созвучную идейно-эстетическому содержанию «якобинского» романа Р. Бейджа, У. Годвина, Э. Инчбальд, Ш. Смит [4, p. xxi].

На восприятие «Гастона де Блондевилля» и «Аббатства Сент-Олбанс» современниками, несомненно, оказала влияние история создания произведений, ставшая частью биографической легенды, воскрешающей образ таинственного автора сенсационного готического романа «The Mysteries of Udolpho», в некоторой степени воссозданная самой писательницей в духе поэтики «недосказанности» ее сочинений. Многие факты обыденного существования романистки оказались сокрытыми не только от читателей последующих поколений, но и от современников[6]. Одним из неразгаданных поступков А. Радклифф является то, что она обрывает свою литературную карьеру, «подобно актрисе в расцвете славы покидая сцену» (В. Скотт) [3, с. 351], и перестает публиковаться. Утвердившаяся литературная репутация изобретательного автора готических романов отчасти предопределила не столь успешную судьбу поздних книг А. Радклифф, мешая критикам без доли предубежденности оценить тот этап ее творчества, когда писательница разрабатывает несколько иную художественную стратегию. Последние сочинения, над которыми романистка работала с 1803 по 1808-е гг., увидели свет лишь спустя двадцать лет, после ухода из жизни писательницы. Вопреки сложившемуся среди современников мнению о переживаемом автором творческом кризисе, завершающая стадия литературной деятельности оказалась не менее плодотворной, нежели годы писательского успеха А. Радклифф. Она пробует себя в различных жанрах: создает роман «Гастон де Блондевилль, или Двор короля Генриха III на празднествах в Арденнах», не уступающий по объему ее более ранним книгам, эпическую поэму «Аббатство Сент-Олбанс», критическое эссе «О сверхъестественном в поэзии», а также цикл стихотворений и ряд путевых заметок.

В своих лучших книгах, написанных в каноне нормативной готики, писательница обращается к миру романских стран (Франции, Италии). Топос Италии, в постклассицистическую эпоху, по словам Дж. Деккера, представлявший в сознании британцев многослойное символическое пространство[7], для А. Радклифф по-своему значим. Музыкальная стихия художественной прозы романистки, экспериментальность ее формы, тяготеющей к синтезу языков музыки, театра, живописи, во многом обязана традиции итальянского оперного искусства, стремительно вошедшего в театральную жизнь Англии XVIII в. Известно, что А. Радклифф принадлежала к числу поклонников итальянской оперы [9]. Кроме того, в последние десятилетия исследователи, стремясь приблизиться к созданию достоверного портрета А. Радклифф, опираясь на философско-политические убеждения людей, сыгравших важную роль в судьбе будущей романистки (Томаса Бентли, родственника по материнской линии, в семье которого Анна Уорд провела большую часть своей юности, Уильяма Радклиффа), говорят о близости ее взглядов унитарианскому движению, позволяющему причислить А. Радклифф к кругу радикальных диссентеров своего времени, в который входили известные женщины-писательницы: Анна Летиция Барболд, Элизабет Инчболд, Мэри Хейз, Мэри Уолстонкрафт [9]. Обращение к образу католицизма, столь притягательному для готицистов как модели инокультурного пространства, «other» английской ментальности, в знаменитых книгах А. Радклифф актуализирует также, вероятно, проблему осмысления автором идей мистицизма, веры, интуитивного постижения истины в контексте полемики с формами ортодоксального англиканства.

---

[6]Литературная история не сохранила документов частной жизни писательницы. Широкому читателю стали доступны лишь отдельные фрагменты путевых заметок, которые Уильям Радклифф предоставил Т.Н. Тальфорду, автору мемуаров, предпосланных посмертному изданию сочинений романистки (1826).

[7]Архетип хранилища античной и ренессансной архитектуры и искусства сосуществует с традицией изображения пороков итальянского общества в духе протестантской критики католического мира: продажности церкви, средневековых суеверий, ужасов инквизиции, преступных интриг, неконтролируемых страстей, высокомерия аристократии, нашедших отражение в ренессансно-барочной драматургии (У. Шекспир, С. Тернер, Дж. Уэбстер, Дж. Марстон, Дж. Форд). На восприятие Италии готицистами и романтиками особое влияние оказала европейская живопись и графика XVII–XVIII в., где яркие картины экзотического южного пейзажа, воссозданные Сальватором Розой, Николя Пуссеном, Клодом Лорреном, драматически оттенены барочными образами руин и темниц Дж.Б. Пиранези («Vedute di Roma» и «Carceri d'Invenzione» (1745–1750) [6, p. 221–222].

С «Гастоном де Блондевиллем» и «Аббатством Сент-Олбанс» писательница возвращается в британскую культуру. Если читатель помнит, А. Радклифф входила на литературную сцену, предложив вниманию публики сочинение в духе любви к национальной старине. В романе «The Castles of Athlin and Dunbayne. A Highland Story» (1789) образ средневековой Шотландии созвучен сложившейся во второй половине XVIII в. поэтической традиции описания Высокогорья как пространства-символа, обращенного к славному прошлому страны, окутанного атмосферой меланхолии и ностальгии по ушедшим временам (Дж. Томсон, Дж. Макферсон, А. Рамсей), которую Э. Милбанк связывает с драматической историей шотландского народа (включение Шотландии в состав объединенного королевства, жестокое подавление якобитского восстания 1745 г.) [8, p. VII].

«Gaston de Blondeville, or The Court of Henry III Keeping Festival in Ardenne» и «St. Alban's Abbey» представляют своеобразную дилогию, воскрешающую драматические моменты истории, когда Англия стояла на пороге гражданской войны. Сюжетные линии представляют собой версии темы разрушения государственности, трагической утраты гармонии[8]. Композиционная структура романа «Гастон де Блондевилль» и поэмы «Аббатство Сент-Олбанс» имеет некоторое сходство[9]. Вводные разделы, выполняющие функцию пролога к основному повествованию «Гастона де Блондевилля» («Introduction»), и «Аббатства Сент-Олбанс» (небольшое вступление, не имеющее заглавия, а также Песнь I «The Abbey»), содержат развернутый эстетический словарь А. Радклифф, где заявлены важные для поэтического мышления романистки образы и мотивы: тема книжного воображения; идеи «возвышенного» («sublime») и живописного («picturesque»); концепты terror / horror; тема времени, связанная с воссозданием особого типа пространства, хранящего в себе прошлое; этический комплекс мести, преступления, вины, раскаяния. Однако узнаваемый поэтологический материал, на первый взгляд, предсказывающий сенсационную интригу более ранних романов писательницы, упорядочен несколько иначе. Повествование, передающее неторопливый ритм размышлений над стихией времени (в «Гастоне де Блондевилле» связанный с фигурой героя фона, а в «Аббатстве…» – с образом поэтического «я», воплощающим нарративную функцию), эксплицирует процесс воссоздания прошлого, рождающегося на стыке архитектурного образа (полуразрушенных памятников средневековой культуры: Кенилвортского замка, монастыря Сент-Олбанс) и пространства творящего сознания. Пролог к романам принимает форму поэтической медитации не только на тему истории, ее жизни в поэтическом слове, но также и самой готики, где важен не столько сюжет внешней событийности, сколько динамика переживания различных эстетических состояний.

А. Райт замечает, что на позднем этапе творчества представление об истинно английской духовности для А. Радклифф неразделимо связано с именем Шекспира [16]. Вступление к тексту «Гастона де Блондевилля», представленное в форме беседы двух путешественников, становится своеобразным эстетическим трактатом о природе поэтического творчества. Дискуссия персонажей, открывающаяся репликой героя Гарри Виллоутона («Well! Now are we in Arden»), декламирующего строки из комедии «Как вам это понравится», развертывается в пространстве, демонстрирующем стереоскопическое совмещение легендарно-биографического и литературного планов. Графство Уорикшир: замки Уорик (Warwick Castle) и Кенилворт (Kenilworth Castle), окружающий их Арденский лес, Стратфорд-на-Эйвоне, воскрешают как образ самого Шекспира, так и пасторальный хронотоп его комедии, символизирующий колыбель английской культурной традиции.

---

[8]Романное действие «Gaston de Blondeville», описывающее эпизод из жизни королевского двора Генриха III (1207–1272) и сосредоточенное вокруг фигур вымышленных персонажей, купца Хью Вудрива и барона Гастона де Блондевилля, происходит накануне «Войны баронов» – восстания англо-французских феодалов (1258–1267). Сюжет «St. Alban's Abbey» соотнесен с более поздним периодом – битвой при Сент-Олбансе (1455), ознаменовавшей начало так называемой «Войны Роз» (1455–1485).

[9]Развитие событий, ограниченных темпоральным отрезком в несколько дней, подчинено природному ритму: «The First Day», … «The Fifth Day and Night», … «The Eighth Day» («Гастон…»); «The Night before the First Battle», «The Day of the First Battle», «The Hour after the Battle», «The Evening after the Battle» («Аббатство…»).

Замок Кенилворт, который автор избирает в качестве эффектного пространственного фона к развернутому рамочному прологу и к основному тексту «Гастона де Блондевилля» (событиям, описанным на страницах старинной книги, случайно обнаруженной могильщиками на кладбище), сам по себе является емким символом – с Кенилвортским замком связаны поворотные этапы в истории государства[10]. Шекспировская тема, сопровождающая акт воскрешения прошлого в сознании Гарри Виллоутона, носителя романтического мироощущения, любителя древности и поклонника шекспировского гения, подготавливает появление текста рукописи. Заглавие найденной книги, «Trew Chronique», отсылает к традиции ренессансного театра, жанру так называемой «Подлинной истории», «Правдивой истории из хроник» или «Правдивой трагедии», к которому относятся ранние драмы Шекспира.

В «St. Alban's Abbey» шекспировский образ не заявлен прямо, а стоит как бы за текстом. Его присутствие ощутимо, прежде всего, в выборе темы, которой посвящено произведение (события начала «Войны Алой и Белой Розы» положены в основу хроники «Генрих VI» (1594). Однако если магистральной темой шекспировских хроник является идея государственности, представленная на широком, панорамном фоне исторических событий общенационального значения, то А. Радклифф сознательно пренебрегает строгими правилами фактуальности, предлагая читателю скорее фантазию на тему английской истории.

В стремлении воссоздать атмосферу ушедших дней автор «Гастона де Блондевилля» и «Аббатства Сент-Олбанс», стилизуя повествование под поэтический слог прошлого (через фигуру монаха-хроникера («Гастон…») либо растворенный в тексте «Аббатства…» образ поэтического «я»), тяготеет к антикварным экспериментам предромантиков Т. Чаттертона, Дж. Макферсона. Архаизируя язык своих произведений, писательница создает собственную версию книжного старо-английского словаря. Преемственность по отношению к опыту «Оссиана» (1763–1773) проступает и в композиционном решении «St. Alban's Abbey». Текст произведения, распадающийся на песни (Canto), напоминает рапсодическую тональность эпической поэмы Дж. Макферсона. Предлагая развернутый исторический комментарий к своим произведениям (тексты «Гастона де Блондевилля» и «Аббатства Сент-Олбанс» дополняют несколько десятков страниц примечаний), А. Радклифф создает образ историка-антиквария, резонирующий с репутацией Дж. Макферсона-комментатора «Поэм Оссиана», а также В. Скотта, уже в «Песнях Шотландской Границы» (1802–1803) широко осваивавшего приемы документирования поэтического текста [2].

Эффект достоверности «Подлинной хроники» разрушает игровая стихия шекспировской комедии, которая замыкает в себе повествование рукописи, вложенное в текстовую раму предисловия («Introduction») и заключения («Conclusion»). В игровое поле включена, прежде всего, фигура автора старинной книги, представленной читателю через иерархию посредников: неизвестный средневековый летописец / переводчик с нормандского монах монастыря Сент-Мэри Гримбальд / переписчик и редактор манускрипта, герой пролога Гарри Виллоутон. Текст романа превращается в процесс воссоздания пространства книги. Каждая из глав открывается подробными описаниями цветных миниатюр старинного манускрипта, принадлежащими одному из заместителей автора, Виллоутону, которые передают визуальный образ рукописи, содержат подсказку к сюжетным событиям, выполняя функцию своеобразных театральных ремарок.

А. Радклифф в ироническом ключе трактует собственную романную традицию. Проблема авторства, подлинности «хроники», не имеющая однозначного толкования, по-своему передающая столь важный для готической эстетики мотив «неполного видения» («obscurity») (Э. Берк), перекликается с поэтикой тайны готических произведений писательницы, а также напоминает концовки ее книг, содержащие рациональные пояснения к, казалось бы, «сверхъестественным» явлениям. Атмосфера оссианической рапсодии, оча-

[10]Королевская резиденция Плантагенетов во время «Второй войны баронов» превращается в театр военных действий. Празднества, устроенные Робертом Дадли, графом Лейстером, в замке в честь приезда королевы Елизаветы (1575), обрели характер поэтического предания. Биографы предполагают, что торжества в Кенилвортском замке, зрителем которых мог быть и юный Шекспир, вдохновили драматурга на создание комедии «Сон в летнюю ночь».

рования встречи с прошлым в финале «Гастона де Блондевилля» рассеивается, по замечанию К. Трампенер, сменяясь скептицизмом в духе С. Джонсона, который, как известно, выражал открытое недоверие Дж. Макферсону, выступившему в роли издателя «Поэм Оссиана» [13, p. 105]. А. Радклифф по-своему обыгрывает тему литературной мистификации, которая звучит в «заключении» книги, замыкающем в себе текст средневековой хроники, где повествователь, снисходительно отзываясь о романтическом легковерии Виллоутона, указывает на множество исторических неточностей, едва ли согласующихся с обозначенной «монахом-переводчиком» датой создания рукописи [11, с. 205].

Сценический язык по-особому структурирует художественное целое как «Гастона де Блондевилля», так и «Аббатства Сент-Олбанс». Текст романов распадается на ряд зрелищных картин (описания королевской охоты, рыцарских турниров и дворцовых церемоний в Кенилворте; эпизоды кровавого сражения у стен Сент-Олбанса), где возникает обязательная для театрального универсума трехмерность: закулисное пространство театральной режиссуры, соотнесенное с голосом повествователя-хроникера; пространство сцены, а также фигура «внутритекстового зрителя». И если «сценические подмостки», как правило, закреплены за персонажами, включенными в исторический поток (Генрих III и его двор; герои битвы при Сент-Олбансе), то пространство «зрительного зала» заполнено простыми людьми, чьи имена не сохранила история (толпа любопытных поселян, сбежавшихся посмотреть на торжественный въезд короля и его свиты в Кенилворт; жители Сент-Олбанса с городских стен и крыш домов, наблюдающие за драматическим развитием событий).

В «Gaston de Blondeville» А. Радклифф обыгрывает законы театральной условности. В пространство «большой истории», представленной как сценическое действие, где внешние атрибуты власти, богатства нередко замещают подлинную жизнь, выходит человек из толпы, внешне не наделенный качествами героя, достойного сцены, но обладающий истинными ценностями милосердия, любви, чести, который случайно оказывается в центре действа, вносит диссонанс в его заранее запланированный ритм[11]. Неожиданная смена амплуа опрокидывает поэтологические каноны готического романа, заставляя читателя, в свою очередь, ощутить себя зрителем, перед которым разыгрывается спектакль о судьбе готики. Тексты «Гастона де Блондевилля» и «Аббатства Сент-Олбанс» объединяет также и фигура монаха-хроникера, свидетеля трагических событий, которому автор передоверяет нарративную функцию. Повествование о прошлом, преломленное в сознании персонажей, сохраняющих дистанцию по отношению к миру человеческих страстей, принимает форму пророчества грядущих бедствий, уготованных английскому народу.

Поэтическая форма «St. Alban's Abbey», в основу которой положен принцип музыкальности, напоминает «плач» по разрушенной гармонии мира и согласия. Образ древних руин Кенилвортского замка, Аббатства Сент-Олбанс, безмолвных свидетелей событий ушедших дней, хранит столь важные для поэтического мира романов А. Радклифф коннотации порушенной целостности, оскверненной святыни, которые улавливаются и в названии «Сент-Олбанс», демонстрирующем сращение фактологического и художественного[12]. В итоговых произведениях А. Радклифф размышляет о рациональном типе культуры Нового Времени

[11]Описание торжественного шествия, составляющее содержание первого раздела хроники, прерывается появлением купца Хью Вудрива, узнающего в окруженном ореолом красоты и славы бароне Гастоне де Блондевилле убийцу своего близкого родственника. В то же время персонаж, соответствующий образу добродетельного героя знаменитых книг А. Радклифф, защитника слабых, оборачивается злодеем (разбойником и двоеженцем); юная леди Барбара супруга Гастона де Блондевилля, обманутая возлюбленным, уходит в монастырь. В «Gaston de Blondeville» и «St. Alban's Abbey» А. Радклифф, на первый взгляд, следует собственному принципу счастливой развязки (купец Вудрив, оправданный и щедро вознагражденный королем, покидает замок вместе с женой; Рыцарь Фитцхардин, принимавший участие в битве при Сент-Олбанс, воссоединяется с супругой и отцом). Однако если в ее ранних книгах разоблачение злодея, раскрытие долгое время тяготившей героев тайны восстанавливает гармонию, то трагическая тональность в финале поздних сочинений сохраняется.

[12]Монастырь Сент-Олбанс, возведенный на месте гибели первого английского мученика, а также связанный с деятельностью Матвея Парижского (1200–1259), знаменитого средневекового монаха-историка, является духовным центром Англии.

и о том кризисе, который оно приносит в мироощущение эпохи. Автор не принимает современность, лишенную магии поэтического слова, возвращая читателя к образам персонажей рамочного повествования «Гастона де Блондевилля», Гарри Виллоутона и мистера Симпсона, воплощающим в себе два полюса английской ментальности: романтический и рациональный. Виллоутона, восторженно цитирующего слова Розалинды, ожидает разочарование при виде современного Арденского леса: «…he could not any where espy a forest scene of dignity sufficient to call up before his fancy the exiled duke and his court… in a scene so different from the one his fancy had represented to him for the forest of Arden» [11, с. 3–4].

Список использованной литературы

1. Антонов С.А. Анна Радклиф и ее роман «Итальянец» / С.А. Антонов, А.А. Чамеев // А. Радклиф. Итальянец. – М.: Академия, 2000. – С. 371–468.

2. Лазарева Т.Г. Историзм в раннем творчестве Вальтера Скотта / Т.Г. Лазарева // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. – 2008. – № 71. – С. 107–114.

3. Скотт В. Миссис Анна Радклиф / В. Скотт // Радклиф А. Итальянец. – М.: Наука, 2000. – С. 341–368.

4. Chiu F. Introduction / F. Chiu // Radcliffe A. Gaston de Blondeville. – Chicago, 2006. – P. VII-XXXVIII.

5. Contemporary Reviews of Gaston de Blondeville // Radcliffe A. Gaston de Blondeville. – Chicago, 2006. – P. 246–257.

6. Dekker G. The Fictions of the Romantic Tourism. Radcliffe, Scott, and Mary Shelley / G. Dekker. – Stanford, 2005. – 314 p.

7. Johnson C. L. Equivocal Beings: Politics, Gender, and Sentimentality in the 1790s / C. L. Johnson. – Chicago, 1995. – 239 p.

8. Milbank A. Introduction / A. Milbank // Radcliffe A. The Sicilian Romance. – Oxford, 1998. – P. IX-XXIX.

9. Norton R. Mistress of Udolpho. The Life of Ann Radcliffe / R. Norton. – L.; N.Y., 1999. – 307 p.

10. Radcliffe A. St. Albans Abbey / A. Radcliffe // Radcliffe A. Gaston de Blondeville and St. Albans Abbey. – Hildesheim, N.Y., 1976. – 276 p.

11. Radcliffe A. Gaston de Blondeville / A. Radcliffe. – Chicago, 2006. – P. 3–209.

12. Talfourd Th.N. Memoir of the Life and Writing of Mrs. Radcliffe / Th.N. Talfourd // Radcliffe A. Gaston de Blondeville and St. Albans Abbey. – Hildesheim, N.Y., 1976. – P. 3–132.

13. Trumpener K. Bardic Nationalism: the Romantic novel and the British Empire / K. Trumpener. – Princeton, 1997. – 426 p.

14. Varma D.P. The Gothic Flame: being a history of the Gothic novel in England, its origins, efflorescence, disintegration, and residuary influences / D.P. Varma. – L., 1966. – 264 p.

15. Watt J. Contesting the Gothic. Fiction, Genre and Cultural Conflict, 1764–1832 / J. Watt. – Cambridge, 2004. – 205 p.

16. Wright A. In Search of Arden: Ann Radcliffe's William Shakespeare / A. Wright // Gothic Shakespeares / Ed. by J. Drakakis, D. Townshend. – N. Y., 2008. – P. 111–130.

Аналізуються поетологічні особливості втілення концепції літературної готики в пізніх творах А. Радкліфф «Гастон де Блондевілль» і «Абатство Сент-Олбанс».

Ключові слова: romance, літературний готицизм, пастораль, елегія, англійськість, феміністська критика.

The article deals with the poetical representation of the conception of literary Gothicism in the late works of Ann Radcliffe «Gaston de Blondeville» and «St. Alban's Abbey».

Key words: romance, literary Gothicism, pastoral, elegy, Englishness, feminist criticism.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

УДК 821.111-311.3.09

И.В. РУССКИХ,
преподаватель кафедры перевода и иностранных языков
Национальной металлургической академии Украины

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ПИКАРЕСКА И РОМАНЫ Т.ДЖ. СМОЛЛЕТТА

В статье рассматривается проблема эстетических оснований творчества Т.Дж. Смоллетта, в частности опыт западноевропейской пикарески в романистике художника.

Ключевые слова: западноевропейская пикареска, комическая традиция, августинианская сатира, поэтика переходности, художественная модальность, концепт игры, пикарескная и антипикарескная линии.

На переломе XX в. можно говорить о том, что для исследователей тема «Смоллетт и опыт западноевропейской пикарески» оказывается одной из сквозных, проблемой «важной», «серьезной» [9; 11, с. 165], не утратившей значимости и сегодня, но в то же время обретающей парадоксальное решение в науке, «порождая больше споров, нежели проливая свет» на достижения прозаика [25, с. 23]. К ней они постоянно возвращаются в течение многих десятилетий, однако особую остроту вопрос о значимости поэтики пикарески для Смоллетта получит в середине 50-х гг. ушедшего века. Автор статьи попытается увидеть сложности и противоречия в понимании этой темы историками литературы до настоящего времени.

Многие из тех, кто обратились к вопросу «Смоллетт и плутовской роман» и посвятили ему в разные годы пространные монографии (Л. Брэндэр, 1951; Р. Гиддингс, 1967; Р. Спектор, 1968) [10; 13; 28], прежде всего, признали за художником приоритет обогащения англоязычной культуры литературными формами пикарески, под его пером обретшими зрелость и мастерство [28, с. 148]. Р. Гиддингс отметит, что «в руках автора такого уровня плутовской роман сумел занять очень высокую позицию», достичь того совершенства и полноты, которых в английской литературе, несмотря на опыт Хэда, Киркмена, Дефо, до Смоллетта еще не было[1] [13, с. 70, 42].

Специалистам представляется убедительной версия об органичности эстетических позиций писателя (не оставившего, в отличие от Филдинга, развернутой концепции жан-

[1]Проблема рождения низовой формы английского романа, появления жанровых образцов, сближающихся с европейской пикареской (знаменитые книги о конни-кетчерах, «Злополучный путешественник, или Жизнь Джека Уилтона» Т. Нэша (1594), а также вопрос о влиянии континентального опыта на тексты, сохраняющие национальную самобытность в решении образа антигероя и его криминальных похождений («Английский вор» Р. Хэда (1665), привлекают исследователей (Л.И. Пастушенко [1], Л.П. Привалова [2], Н.Н. Торкут [3]), становятся предметом системных обобщений в научных сборниках (Л.Я. Якутович, Е.Н. Василина, Н.В. Карначук). Все же значение для Смоллетта открытий английских предшественников, описывающих изломы жизненного пути авантюриста, пока еще освещены недостаточно.

© *И.В. Русских, 2012*

ра) поэтики континентальной пикарески, о чем заявит Смоллетт в предисловии к «Родрику Рэндому» и обозначит как подотворную, восходящую к Сервантесу попытку изменить вкус европейского читателя, показавшего ненатуральность и чужеродность возвышенного мира рыцарского романа прозаизму повседневной жизни. Смоллетт назовет себя последователем испанских и французских авторов и наиболее успешного среди них Лесажа, который «с бесграничным юмором и прозорливостью воссоздал несовершенство жизни и плутовство людское» в «Приключениях Жиль Бласа», правда, оговорит, что в «Родрике Рэндоме», следуя плану Лесажа, он все же сохраняет за собой свободу его воплощения из-за того, что находит ряд эпизодов «экстравагантными и чужеродными той среде, где сцены разворачиваются» [4, с. 5]. Спустя годы, уже предваряя историю «Фердинанда Фатома» небольшим очерком, он изложит собственное видение жанра в известной формуле, которая покажется ему наиболее преемлемой и, на первый взгляд, непротиворечиво дополнит его собственное раннее высказывание. Так, Смоллетт будет утверждать, что «роман являет собой монументальное неупорядоченное полотно, описывающее характеры, взятые из жизни, объединенные в различные группы, изображенные несхожими красками, но подчиненные единому плану и общей перспективе, что и обусловит художественное решение характера каждого из героев. Однако подобный план возможно осуществить, сосредоточившись на истории центрального персонажа, которая связывает разрозненные эпизоды, способствует движению сюжета и обретению им целостности» [26, с. 43].

Полагают, что художественный строй европейской пикарески станет наиболее податливым «инструментом» для воплощения замыслов романиста: его одержимости реальностью (Р. Олтер, 1965) [5, с. 133][2], стремления к «естественности» (Р. Гиддингс, 1967) [13, с. 64], переданное в свободной эпизодической форме, где герой, «жертва космического сговора» (Дж. Бизли, 1982) [8, с. 117], «игрушка фортуны» (Р. Олтер) [4, р. 148], исполняет обилие ролей, постоянно меняет обличья, костюмы, маски, чтобы не утратить статус актера-премьера на «сцене жизни». Пикареска, по мнению критиков, дала возможность Смоллетту преодолеть «книжность» и условность традиционного романа, так как писатель демонстрировал верность неприукрашенной природе, следуя Шекспиру (Lord Gardenstone) [13, с. 73, 74], бесстрастно «регистрировал» повседневность в ее жестких, малопривлекательных проявлениях [4, с. 133; 28, с. 46; 13, с. 15]. Плотность и остроту социального критицизма: тема «мнимых ценностей», культивируемых английским обществом XVIII в., а именно тщеславное увлечение роскошью, погоней за титулами, богатством, драматизм социальной несправедливости, коррупция, продажность правосудия [13, с. 93, 105, 106, 108], – реализованные Смоллеттом через узнаваемые гротескные фигуры и карикатурные нелепые сцены падения нравов, объясняют не только содержательным репертуаром жанра пикарески, запечатлевшего панораму человеческих пороков и слабостей, но и притягательностью для Смоллетта сатирической традиции, мощно заявившей о себе в литературе августинианства, где он оказался «последователем Поупа и Свифта»[3] [28, с. 104].

В то же время нет единства в среде исследователей, размышляющих над степенью зависимости Смоллетта от поэтики пикарески. Большинство филологов убеждены, что Смол-

[2]Мир повседневности в романах Смоллетта изобилует предметными деталями, яркими зарисовками быта, что дало право литературоведам увидеть в писателе «живописца слова» и подчеркнуть близость его художественного мышления Хогарту (Mario Praz, 1956) [13, с. 116; 5, с. 135]. Исследователи высоко оценивают мастерство его «визуальных» текстов [5, с. 116], «насыщенных звуками, запахами жизни» [28, с. 40], часто аутентичных описаниям различных уголков Англии XVIII в. [17].

[3]Отдавая дань мастерству Смоллетта-сатирика, «неистового», «беспощадного» обличителя «английских нравов и социальных институтов», Ф. Грин, А. Фредмэн, Т. Престон, не только назовут имена его старших наставников (Ювенала, Рабле, Драйдена), но и современных (Поупа и Свифта), чей опыт не прошел незамеченным для писателя [12; 30, р. 1; 17, р. 309; 28]. Р. Спектор проницательно выделит темы августинианской сатиры, которые также были небезразличны Смоллетту. Критик укажет на сближение позиций Поупа и Смоллетта в известном «споре о древних и новых», увидит неприятие писателями неразборчивости вкуса читателя, не отличающего произведения гения от текста-однодневки. Смоллетту близки и тревоги Свифта из-за разрушительных искажений норм английского литературного языка. Как и многие августинианцы (Поуп, Свифт), художник обратится к приемам и стилистике ироикомического жанра в ряде своих романов («Фердинанде Фатоме») [28, р. 81, 104, 135].

летт творчески воспользуется открытиями жанра и предложит читателю его обновленные авторские версии. Переосмысление классической пикарески будут связывать с художественным решением Смоллетта характера протагониста, который окажется «более сложным образом», нежели герой испанского барочного романа [8, с. 115; 19, с. 72]. В отличие от Ласарильо, дона Паблоса, Гусмана де Альфараче, персонажи Смоллетта неоднозначны, двойственны [18, с. 52; 22, с. 118], причудливо совмещающают в себе «свойства героя и антигероя, ангела и дьявола» [6, с. 112; 13, с. 15]. «Родрику Рэндому», «Перегрину Пиклю», «Фединанду Фатому», «Ланселоту Гривзу» свойственно более сложное восприятие жизни и ярко выраженное личностное начало. Будучи брошен судьбой в море страстей и «непреодолимых жизненных обстоятельств» [8, с. 117], из «марионетки» [5, с. 118] и героя-функции, разыгрываемого фортуной спектакля о злоключениях человека, смоллеттовский персонаж обретает черты «галантного, обаятельного» авантюриста [30, с. 5], увлеченного социального игрока, у которого в репертуаре много сыгранных ролей. Однако натура его более глубока, он не лишен рефлексии [14, с. 34], чувствительности [12, с. 193], и несмотря на «временами проявляющиеся грубость и циничность», подвержен сентиментальным эмоциям [19, с. 72], не чужд «морального благородства» [8, с. 41] и понимания привлекательности великодушных человеческих свойств. Такую разорванность (‘randomness’) характера персонажа [12, с. 193] Смоллетт часто подчеркивает в его эмблематическом имени, изначально несущем акцент на фрагментации «я» [21, с. 122]. Природная дихотомия зрелых героев Смоллетта, в натуре которых ощутим конфликт между регулятивной нормой и буйством страстей, предстает как «маркер нестабильного, разорванного, двойственного мира» [14, с. 33], где полная превратностей судьба протагониста оставляет за ним право морального выбора и надежды на нравственное излечение, обретение счастья и перемещение из обыденной реальности в конвенционально отграниченное пространство романического и пасторального» [21, с. 110].

Лишь немногие из критиков: Э. Бейкер, А. Росс, Ф. Карл [7; 22; 16] – сохраняют упорство в восприятии романов Смоллетта в границах «чистой» пикарески, и эти взгляды, соотнесенные с исследованиями 40–50-х гг. ушедшего столетия, приобретают архаичный оттенок и пересматриваются в литературоведении. Быть может, с ними связано и изживающее себя мнение о том, что Смоллетт – художник, который не обладает оригинальностью, «использует готовые формы, не преобразуя их» [20, с. 11], а также упреки в том, что при всей занимательности, сочинения писателя представляются рыхлыми, сюжеты романов – «скудными, приводящими в замешательство», а «ситуации – хаотичными и бессмысленными» [14, с. 19]. Эти суждения постепенно уходят, однако периодически они материализуются и звучат на страницах отдельных работ. Все же, с течением времени специалисты полагают очевидным, что дань, отданная Смоллеттом поэтике плутовского романа, скорее свидетельствует о той стадии бытования жанра в европейской культуре XVIII ст., когда он избавляется от видовой гомогенности и оказывается отнюдь не чужд проникновению в него художественного языка иных романных модификаций, а именно воспитательного, биографического романа («Родрик Рэндом), где выписаны стадии взросления героя [15; 13, с 115, 120; 14, с. 38–39], мемуарных форм («Перегрин Пикль»), осуществляется его сращение с литературой о путешествиях («Фердинанд Фатом»), а также происходит расширение его возможностей благодаря обогащению эпистолярной структурой («Хамфри Клинкер»)[4].

Примечательно, что, начиная с 1970-х гг. критики (Ф. Стевик, 1987) [29, с. 65] приходят к пониманию того, что творчество Смоллетта знаменует в английской литературе не только преемственность по отношению к опыту западноевропейской пикарески, не столько виртуозное создание ее зрелой национальной версии, сколько несет в себе знак исчер-

[4]Долгое время о «Фердинанде Фатоме» и «Ланселоте Гривзе», романах, не имевших заметного успеха у читателей Смоллетта, судили весьма невысоко. Однако именно в этих смоллеттовских текстах ощутим смелый эксперимент совмещения пикарески с другими жанровыми образованиями. Так, в «Фердинанде Фатоме» идиллическое пространство провинциальной усадьбы покровителей авантюриста разрушается его неукротимой демонической активностью [28, с. 134; 13, с. 123; 26, с. 16], а в «Ланселоте Гривзе» мир сервантесовского героя заключен в темницу жестокого, уродливого гротеска повседневности [28, с. 107, 11].

панности жанровой традиции [12, с. 206; 5, с. 153], демонстрирует ее преображение в художественную модальность [29, с. 65]. Вероятно, исследователи приблизились к пониманию эстетической загадки Смоллетта, чьи тексты, соприкасаясь с английской реальностью XVIII ст., художественно моделируют и передают переходность эпохи через идею непредсказуемости поведения героя в пространстве подвижных социальных стихий, когда подаренные персонажу эпизодические мгновения покоя [5, с. 151] оборачиваются иллюзией, разрушаются в водовороте грядущих провокаций и испытаний в его судьбе, и этот процесс предполагает нестабильность положения и едва ли имеет завершение. По мнению Ф. Стевика и Р. Спектора, условием преображения плутовского романа в модальность оказывается универсализация концепта игры, проницающей семантико-формальные уровни произведений Смоллетта и предстающей как доминанта мироощущения, художественная стратегия писателя, а также своего рода жанровая рефлексия в его произведениях, что допускает создание в текстах романиста двойственных ситуаций, полярных возможностей, понуждающих героя к выбору-самоопределению [29; 27].

Сложный, антитетичный мир произведений Смоллетта в истории литературы ценителями его таланта уподоблен эффектному сплаву, «амальгаме» [23, с. 136; 21, с. 108], искусно смешивающей жанровые конструкции и поэтологические языки, отражающей в своей протеистичности неоднозначность западноевропейской реальности XVIII в. [14, с. 4–5]. Другие же, более пристрастные критики (Э. Фредмэн, Р. Олтер), отказывают писателю в умении создать целостную непротиворечивую форму, чутко воспринимают диссонирующее, как им представляется, совмещение в романах Смоллетта жесткой прозаической действительности, где действует герой, искатель приключений, и обретение им возможности непротиворечивого вхождения в границы патриархального идиллического существования, реализации себя в любви, мире чувств, в кругу близких ему людей [12, с. 206; 5, с. 153]. Знатоки творчества Смоллетта, отдавая дань его умению протеистично передать сложность жизненных процессов, предостерегают от выбора «взаимоисключающих» [17; 14, с. 5] суждений о романисте и подчеркивают, что это художник глубокий, сложный, отнюдь не склонный к поверхностной эклектике. И хотя авторитетный П.-Г. Бусе в 1970-е гг. напомнит, что «битва за Смоллетта между сторонниками пикарескной линии и антипикарескной еще далека от завершения» [24, с. 78], однако следует помнить диалектическое по духу пожелание Миллера о том, что Смоллетт – писатель, о котором «нельзя говорить, не упоминая плутовской роман, но в то же время нельзя и оценивать его тексты лишь исключительно в границах этого жанра» [24, с. 68].

Список использованной литературы

1. Пастушенко Л.И. К вопросу о своеобразии героя испанского плутовского романа / Л.И. Пастушенко // Проблемы развития романа в зарубежной литературе XVII–XX вв.: сб. науч. тр. / отв. ред. Л.Я. Потемкина. – Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1978. – С. 3–12.

2. Привалова Л.П. Актуальные аспекты изучения английского романа позднего Возрождения / Л.П. Привалова. – Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1996. – 64 с.

3. Торкут Н.М. Проблеми генези і структурування жанрової системи англійської прози пізнього Ренесансу (малі епічні форми та «література факту») / Н.М. Торкут. – Запоріжжя, 2000. – 406 с.

4. Смоллетт Т. Приключения Родрика Рэндома / Т. Смоллетт; пер. с англ. А. Кривцова, Е. Ланн. – М.: Худ. лит., 1949. – 552 с.

5. Alter R. The Picaroon as Fortune's Plaything / R. Alter // Essays on the Eighteenth Century Novel / [edited by R. Spector]. – Bloomington, London, 1965. – P. 131–153.

6. Auty S.G. The Comic Spirit of the Eighteenth-Century Novels / S.G. Auty. – N. Y.; Lnd.: Kennikat Press, 1975. – P. 103–179.

7. Baker E.A. Smollett / E.A. Baker // Baker E.A. The History of the English Novel, Intellectual Realism: From Richardson to Sterne. – Lnd.; N.Y.: H. F. & G. Witherby Ltd., Barnes and Noble, 1930. – P. 197–239.

8. Beasley J.C. Novels of the 1740s / J.C. Beasley. – Athens: The University of Georgia Press, 1982. – P. 23–125.

9. Bouce P.-G. The Novels of Tobias Smollett / P.-G. Bouce; translated by Antonia White in collaboration with the author. – Lnd; N.Y.: Longman, 1976 – 406 p.

10. Brander L. Tobias Smollett / L. Brander. – London; New York; Toronto: Longman, 1951. – 36 p.

11. Bruce D. Radical Doctor Smollett / D. Bruce. – London: Victor Gollancz LTD, 1964. – 250 p.

12. Fredman A. The Picaresque in Decline: Smollett's First Novel / A. Fredman // English Writers of the Eighteenth Century / edited by J. Middendorf. – N.Y.; Lnd: Columbia University Press, 1971. – P. 189–207.

13. Giddings R. The Tradition of Smollett / R. Giddings. – Lnd.: Methuen and Co, Ltd, 1967. – 215 p.

14. Goldberg M.A. Smollett and the Scottish School. Studies in eighteenth-century thought / M.A. Goldberg. – Albuquerque: University of New Mexico Press, 1959. – 191 p.

15. Kahrl G. Tobias Smollett, traveller-novelist / G. Kahrl. – Chicago, Illinois: University of Chicago Press, 1945. – 166 p.

16. Karl F.R. The Adversary Literature: The English Novel in XVIII Century. A Study in Genre / F.R. Karl. – N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 1974. – 360 p.

17. Knapp L.M. Tobias Smollett. Doctor of Men and Manners / L.M. Knapp. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1949. – 362 p.

18. Piper W.B. The Large Diffused Picture of Life in Smollett's Early Novels / W.B. Piper // Studies in Philology. – Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1963. – Vol. LX, January, No. 1. – P. 45–56.

19. Preston Th.R. Not in Timon's Manner. Feeling, Misanthropy, and Satire in Eighteenth-Century England / Th.R. Preston // Studies in Humanities. – Alabama: The University of Alabama Press, 1975. – # 9, Literature. – P. 69–120.

20. Pritchett V. Introduction / V. Pritchett // Smollett T. Hymphry Clinker. – London; Glasgow, 1954. – P. 9–14.

21. Probyn Cl.T. English Fiction of the Eighteenth Century 1700–1789 / Cl.T. Probyn. – Lnd; N. Y.: Longman, 1987. – 244 p.

22. Ross A. Introduction / A. Ross // Smollett T.G. The Expedition of Humphry Clinker / edited with an introduction by A. Ross. – N. Y.: Penguin books, 1986. – P. 7–19.

23. Rousseau G.S. From Swift to Smollett: the satirical tradition in prose narrative / G.S. Rousseau // The Columbia History of the British Novel / edited by J. Richetti. – N.Y.: Columbia University Press, 1994. – P. 126–152.

24. Rousseau G.S. Tobias Smollett. Essays of Two Decades / G.S. Rousseau. – Edinburgh: T.&T. Clark Ltd., 1982. – 207 p.

25. Skinner J. Constructions of Smollett: a study of genre and gender / J. Skinner. – Newark, Lnd.: University of Delaware Press, 1996. – 267 p.

26. Smollett T. The Adventures of Ferdinand count Fathom / T. Smollett / edited with an introduction and notes by P.-G. Bouce. – Lnd: Penguin books, 1990. – 512 p.

27. Spector R.D. Smollett's Women: A Study in eighteenth-Century Masculine Sensibility / R.D. Spector. –Westport, CT.: Greenwood Press, 1994. – 196 p.

28. Spector R. D. Tobias George Smollett / R.D. Spector. – N. Y.: Long Island University, Twayne Publishers, Inc., 1968. – 175 p.

29. Stevick Ph. Smollett's Picaresque Games / Ph. Stevick // Tobias Smollett: modern critical views / edited by H. Bloom. – N.Y.: Chelsea House Publishers, 1987. – P. 51–66.

30. Tobias Smollett. The Critical Heritage / edited by L. Kelly. – Lnd.; N.Y.: Routledge and Kegan Paul, 1987. – 380 p.

У статті розглядається питання естетичних засад творчості Т.Дж. Смоллетта, зокрема досвід західноєвропейської пікарески в романістиці письменника.

Ключові слова: західноєвропейська пікареска, комічна традиція, авгутиніанська сатира, поетика перехідності, художня модальність, концепт гри, пікарескна та антипікарескна лінії.

The article deals with the problem of Smollett's aesthetic preferences, mainly with the role of the picaresque novel in the writer's literary works.

Key words: West-European picaresque novel, comic tradition, Augustan satire, the poetics of transition, artistic modality, the concept of a game, picaresque and antipicaresque approaches.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

АСПЕКТИ СОЦІОКУЛЬТУРНОЇ ПРОБЛЕМАТИКИ СХІДНИХ ЛІТЕРАТУР

УДК 821.111(73) 311.4.09

Т.В. НАДУТА,
викладач кафедри порівняльної філології східних та англомовних країн
Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара

ТРАНСКУЛЬТУРНА МОДЕЛЬ СУЧАСНОЇ СІНО-АМЕРИКАНСЬКОЇ ЛІТЕРАТУРИ: ТЕОРЕТИЧНИЙ АСПЕКТ

У статті тематизується і розроблюється актуальна для компаративістів проблема подолання розмежування Сходу та Заходу у сіно-американській літературі. Розглядається новий, транскультурний, вектор дослідження і теоретизування сіно-американської літератури у сучасному літературознавстві.

Ключові слова: транскультура, транскультурація, транзитивність, транскультурна ідентичність, китайськість.

Останніми роками у сучасному порівняльно-історичному літературознавстві нарівні з проблемами політкоректного мультикультуралізму починається процес активного осмислення «нової епістеми глобального світогляду» – так іменує М.В. Тлостанова ситуацію транскультурацій у світі [1, с. 28]. Л. Хатчен у праці «Rethinking Literary History: A Dialogue on Theory» (2002) обґрунтовує новий підхід до дослідження культури епохи глобалізації і визначає його як «компаративний транснаціональний фокус» [2, с. 26]. Едвард Саїд у монографії «Culture and Imperialism» пропонує «новий порівняльний контрапунктний підхід» [3, с. 51], вважаючи це головною інноваційною парадигмою гуманітаристики.

Культурна інтеграція як історичний процес призводить до універсалізації культури, формування дискурсу транснаціонального культурного простору, що розробляється у працях А. Аппадурай, Дж. Кліффорда, Р. Робертсона, Дж. Фрідмана та ін. Нового осмислення набуває теоретичний дискурс, пов'язаний із образом Сходу, висвітлений у рамках постколоніальної теорії у працях Е. Саїда, Х. Бхабхи та Г. Співак. Культурні, соціально-філософські, політологічні та геополітичні проблеми становлення глобального поля міжцивілізаційних взаємодій висвітлюються також у працях науковців М. Тлостанової, І. Василенка, Н. Висоцької, А. Колєснікова, Г. Широкова та ін. Очевидним стає той факт, що акценти на національній ідентичності, етнічності, расі, які переважали у дослідженнях творчості письменників «через дефіс», виявляються нежиттєздатними у сучасну епоху «планетаризації людства». З'являються теорії, що піддають сумніву попередні концепції двополюсності сучасного світу. Широке поле міжрасових та міжцивілізаційних взаємодій визначає сьогодні новий тип сучасної художньої свідомості як транскультурної.

Існує декілька підходів до трактування феномену транскультури/транскультурації. Для засновника цієї теорії Ф. Ортіза та М. Тлостанової – це феномен взаємодії різних культур при їх «не злитті». Для Р. Трікі процес транскультурації полягає у відкиданні лінгвістичних та культурних ідентичностей шляхом введення інших моделей, що не спонукають до синтезу культур, а сприяють появі нових структур, які надають змогу мислити, бачити по-іншому.

© *Т.В. Надута, 2012*

Найбільш систематизованої розробки концепція транскультурного простору набуває у працях М. Епштейна, що, навпаки, відзначає у транскультурі нову якість «злиття» культур. Транскультура розцінює існуючі культури як такі, що наділені стійкими рисами «фізичності» та «істотності», які зумовлюють їх подальшу трансцендентність, зокрема через взаємодії з іншими культурами. Марі Луїза Прат розглядає транскультурацію як новий феномен «контактної зони» (contact zone), що оцінює постколоніальні взаємозв'язки не з точки зору відмежування, а взаємоприсутності (co-presence), взаємодії, перехресних концепцій і практик у рамках радикально асиметричного розподілу влади [4, с. 6–7].

На відміну від мультикультуралізму, що проголошує ціннісну рівність і самодостатність різних культур, концепція транскультури передбачає їх відкритість та взаємне залучення, що реалізується шляхом «розсіювання» символічних значень однієї культури у полях інших культур. Транскультура – за визначенням М. Епштейна – є стан віртуальної належності індивіда багатьом культурам через його «позазнаходження» (за М. Бахтіним, «вненаходимость») у відношенні до якоїсь певної культури. Методологічною основою для дослідження транскультурної літератури є концепція продуктивної культурної гібридності Х. Бхабхи. Дослідник звертає увагу на національну ідентичність, що будується на кордонах, «з того боку», у просторі «за межами» гомогенної культури або «у проміжку» між різними культурами. Праці М. Бахтіна, О. Лосєва, Ю. Лотмана, Д. Ліхачова, С. Аверінцева, А. Гуревича, Вяч. Іванова, Г. Гачева сприяли розширенню фронтирів культурного поля за межами домінуючої культури та започаткуванню теоретичної бази для «культури культур» (за визначенням М. Епштейна), або універсальної семіосфери, що являє собою нескінченні варіанти всіх існуючих та поки неіснуючих культур. Транскультура, таким чином, розцінюється як «відкрита система символічних альтернатив до існуючих культур та установлених в них знакових систем» [5, с. 25]. Динамічна форма існування, що криється за префіксом «транс-», зумовлює одночасне тлумачення межі розподілу культур і їх перетин або стирання письменниками, митцями, філософами. Процес формування літературного твору з точки зору транскультури, таким чином, передбачає творення нової семіологічної системи.

Дослідження проблеми транскультурного у вітчизняному порівняльному літературознавстві було пунктирно започатковане у працях Н.І. Конрада, Є.І. Мелетинського, В.М. Алексєєва, та за вимогами часу воно набуває ознак самостійного наукового дискурсу, про що свідчить поява світових транскультурних студій у рамах порівняльного літературознавства (Eugenio Benitez, «Proceedings in Pacific Rim Conference in Transcultural Aesthetics», 1997; Stephen Stankman, «Other others: Levinas, Literature, Transcultural Studies», 2010; David Blake, «Transcultural Japan», 2008). Зважаючи на загальну тенденцію розвитку дискурсу, транскультура, поміж іншим, розуміється як інтермедіальна взаємодія різних видів культурних дискурсів.

Проблеми глобалізації привертають увагу не тільки філософів, політологів, соціологів та культурологів, але й літературознавців, що зацікавлені суперечливими тенденціями формування транскультурного простору. Особливої уваги заслуговує дослідження динаміки формування транскультурного феномену в сучасній літературі – тієї її складової, що раніше вивчалась крізь призму етнічного (творчість К. Ісігуро, Ф. Чіна, Т. Моррісон, Е. Тан, Л.М. Сілко, Дж. Кінкейд, Ха Цзіня та ін.), та аспектів транскультурного, які призводять до створення літературного твору, що за тематикою, проблематикою та семантико-поетологічними особливостями являє собою складний феномен. Актуальним вважається вивчення всіх форм дислокації у відношенні до літературної традиції, національно-етнічної ідентичності. З точки зору літературознавства дослідження має зосередитись на художньо-естетичних, а не соціально-політичних аспектах транскультурних процесів, означених протиріччям.

Із розвитком концепції транскультури, що сприймає суб'єкт як потенційно вільний від власної культури, стає актуальним аналіз творчості таких письменників, як Ха Цзінь, Кадзуо Ісігуро, Харукі Муракамі, Емі Тан, Салман Рушді, з точки зору наявності «транскультурної чутливості» у їх творах. Подібне культурне «позазнаходження» приводить до формування транскультурних ідентичностей письменників і транскультурної естетики їх творів. Таке прочитання, передусім, припускає, що світ, створений автором, не є замкнутим, відокремленим простором, а знаходиться всередині всіх існуючих культур.

Відомий російський теоретик мультикультуралізму М. Тлостанова у статті «Transcultural and Transmodern Aesthetics/Aesthesis and Emancipation of Knowledge and of Being» вдається до тлумачення концепції «деколоніального естезису як важливої частини вивільнення знання та буття від обмежень західної естетики. Ґрунтовною працею вченої у рамках компаративної транскультурної естетики вважаємо монографію «The Sublime of Globalization?». Авторка вдається до розгляду письменників сучасного глобального світу як «постнаціональних індивідів, яким доводиться існувати і пристосовуватися до логіки глобалізації. Саме ця глобальна спільнота ніби примхою долі створює неочікувані паралелі у їх працях та відповідає за народження специфічних пограничних естетик та чутливості» [6, с. 10–11].

Зведення досліджень творчості сіно-американських письменників сучасності виключно до проблематики національної ідентичності залишає без уваги аналіз художніх винаходів значних письменників. Процеси транскультурації в літературі, на відміну від кроскультурності, проявляються у створенні художнього світу (герой, сюжет, локус, стиль, інтертекстуальні зв'язки тощо) за межами існуючих національних, художніх, естетичних традицій як «вродженої», так і набутої культур. Тому дослідження подібних феноменів стає центральним завданням порівняльного літературознавства у його планетарно-визначеному масштабі.

Доробок сіно-американської літератури насамперед має розглядатися як сукупність текстів, об'єднаних національно-формуючими темами, з притаманними мовними стратегіями та формальними рисами на тлі історичної динаміки, що пояснюють її різноманітний характер. Сучасне західне літературознавство тяжіє до розглядання сіно-американської літератури у рамках масивного азіатсько-американського канону, що на сьогодні становить окреме і самостійне поле для досліджень. Компаративні дослідження сіно-американської літератури, як наслідок, здебільшого зосереджувались на порівнянні гібридних літератур у рамках самого канону з метою його формування та визначення. Згідно з новими тенденціями у світовому літературознавстві, коли гібридна література перестає бути знаком мультикультуралізму і переходить на якісно вищий рівень транскультурного простору, назріває необхідність до дослідження сіно-американської літератури з точки зору її унікальної поетики та художніх засобів. Оскільки, за визначенням В. Жирмунського, головною передумовою порівняльно-історичного дослідження різних літератур є ідея єдності та закономірності спільного процесу соціально-історичного розвитку людства, назріває необхідність до порівняння сіно-американської літератури зі світовою літературою з метою встановлення закономірностей літературних явищ сучасної епохи глобалізації.

На сьогодні загальноприйнятне коло сіно-американської літератури охоплює твори Максін Хонг Кінгстон, Френка Чіна, Терези Ча, Девіда Генрі Хуана, Емі Тан, Суй Сін Фа, Аделайн Йен-Ма, Анчі Мін, Джейд Сноу-Вонг та ін. Теоретичні перетини і компаративні підходи є найбільш функціональними критичними засобами до дослідження сіно-американської літератури та її виокремлення із загального азіатсько-американського дискурсу. Основним вектором для досліджень вважаємо розгляд сіно-американських авторів з точки зору глобальних, транснаціональних студій.

Позначення «через-дефіс» у визначенні широкого масиву американської літератури, створеної письменниками китайського походження, ми використовуємо умовно, враховуючи «механічність» цього терміна, що відкидається як самими письменниками, зокрема Емі Тан та Максін Хонг Кінгстон, так і теоретиками (Лайза Лоув, Лінда Хатчен, Сазан Коші, Е.Д. Хантлі, Шен-мей Ма, Гарольд Блум, Бела Адамс, Росіо Девіс). В англійському варіанті ця відмова проявляється у зникненні написання через дефіс терміна «Chinese American», що граматично не може реалізуватися в українській та російській мовах. Подібна відмова від маркерів «hyphenated» у визначенні літератури або автора висвітлює новий підхід у вивченні складних транснаціональних явищ культури, якого прагнули самі письменники китайського походження, називаючи свої твори «інтернаціональними» (американці Емі Тан, Френк Чін, Девід Генрі Хуан, француз Гао Сін Цзянь та ін.).

Транскультурацію, як важливу естетичну ознаку сучасної сіно-американської літератури, відзначають як зарубіжні, так і вітчизняні дослідники. Так, професор В.І. Ліпіна у статті «The Transcultural as New Aesthetic Category of Contemporary Literature» вдається до тлу-

мачення творчості «інтернаціональних письменників» Казуо Ішігуро, Френка Чіна, Емі Тан, Тодда Шімоди, Чжоя Кагави у рамках транскультурної естетики.

Важливим аспектом сіно-американської літератури вважаємо її транзитивність, що на думку дослідників Е. Маральд та Д. Куккіолетта є показником транскультурації. Е. Маральд аналізує прояви інтеркультурності та транскультурації у гібридних літературах та доходить висновку, що транскультурна література «розглядає досвід перетину культурних бар'єрів як дещо особливе … і висловлює фактичний досвід міграції», тоді як інтеркультурна література «передає бачення полікультурної інтеграції як значущого розвитку» [7, с. 87]. Д. Куккіолетта вважає обидва явища логічно пов'язаними: інтеркультуралізм – це взаємодія культур, що є важливим наслідком перетину кордонів (транскультурація). Таким чином, транзитивність як властивість сіно-американської літератури охоплює фактичний досвід міграції для авторів-іммігрантів у першому поколінні – Лін Ютханг (林语堂), романістів Ю. Ліхуа (於梨華) і Жон Хон (容阖) – та культурну амбівалентність письменників китайського походження, народжених у США – Максін Хонг Кінгстон, Френк Чін, Тереза Ча, Девід Генрі Хуан, Емі Тан, Суй Сін Фа, Аделайн Йен-Ма, Анчі Мін, Джейд Сноу-Вонг та ін. Сіно-американські транскультурні автори намагаються художньо висвітлити досвід «заселення» перехресть культур, осягнути бікультурні / мультикультурні простори та відобразити конфронтацію різних культурних дискурсів. Та у широкому загалі вони, маючи фактичний досвід перетину культурних бар'єрів та усвідомлення своєї багатоскладової спадщини, доходять висновку, що можуть практично застосувати цей досвід.

Створення літератури на теренах багатонаціональних держав, якими на сьогодні є Сполучені Штати, Канада, Росія, Великобританія, Франція, Нова Зеландія, Австралія, є передумовою виникнення транскультурних літератур. Аналізуючи транскультурний простір сучасної літератури у Канаді в есе «A Crypto-Ethnic Confession», Лінда Хатчен особливу увагу приділяє культурному обміну у полікультурному суспільстві, що стає наслідком прагнення транскультурації до перетину і стирання кордонів, зумовлених мультикультурною політикою. Дослідниця називає концепцію «взаємопосилань між двома та більше культурними традиціями» найбільш плодоносним зображенням транскультурної ситуації [8]. Схожої думки доходить дослідниця Ж.В. Бурцева, доводячи транскультурний характер якутської російськомовної літератури на теренах полікультурної Росії у праці «Транскультурная модель якутской русскоязычной литературы: художественно-эстетические особенности». При виявленні специфіки творчості письменників Якутії дослідниця доводить, що «в умовах унікального розташування між різними культурами існує необхідність звести їх елементи до системної цілісності … цей процес виражається не у простій механіці поєднання різних культурних голосів, але у складному формуванні нової форми світогляду, художнім продуктом якої є феномен транскультурної літератури» [9]. Полікультурність держави спонукає до аналізу сіно-американської літератури, створеної на теренах країни, з точки зору «транскультурної чутливості» у творах сіно-американських письменників.

У Сполучених Штатах Америки, як і в будь-якій іншій країні сьогодення, культури взаємно проникають одна в одну, створюючи простір і можливості для виникнення транскультурних ідентичностей. Л.Л. Чен у праці «Writing Chinese: Reshaping Chinese Cultural Identity» проводить комплексне компаративне дослідження китайської культурної ідентичності на теренах материкового Китаю, у Гонконзі, Тайвані та в діаспорі. Дослідник пропонує «застосування естетики гібридності … для встановлення нової парадигми визначення культурної ідентичності» [10, с. 8]. Гібридна ідентичність сіно-американців, на думку Л.Л. Чена, базується на принципі ствердження/заперечення «китайськості» (dis/claiming Chineseness) [10, с. 6]. Таким чином, гібридна ідентичність та її репрезентація у сіно-американській літературі стає предметом пильної уваги багатьох критиків. Ґрунтовного дослідження проблема набуває у праці російської дослідниці Є.М. Бутеніної «Гибридная идентичность как литературная проблема: на материале китайско-американской женской прозы XX века». Шляхом виявлення засобів репрезентації гібридної свідомості у художньому тексті, звертаючись до таких сіно-американських письменниць, як Едіт Мод Ітон, Дайана Чан, Максін Хонг Кінгстон, Емі Тан та Гіш Джен, дослідниця доводить актуальність проблеми гібридної ідентичності для дискурсу сіно-американської літератури.

Теорія культурної гібридності, що породжує «позадомність», у якій існує сучасний індивід, впливового постколоніального критика Хомі Бхабхи містить основи трактування культурної гібридності як транскультурного феномену [11, с. 212–217]. У праці «The Location of Culture» Хомі Бхабха стверджує, що світову літературу необхідно розглядати через призму таких загальних тем, як історична травма, рабство, геноцид, вигнання, втрата культурної ідентичності. При цьому «культурна відмінність» проявляється у «змішаному та розколотому гібридному тексті» [11, с. 85]. Таким чином, гібридна ідентичність стає одним із центральних принципів будування художнього тексту у світлі транскультури.

Висвітлення проблематики ідентичності, вочевидь, є однією з ключових проблем сіно-американської літературної критики. Проблемам монокультурної, полікультурної, китайсько-американської, американо-китайської, гібридної, «текучої», подвійної ідентичностей присвячено багато праць як зарубіжних, так і вітчизняних науковців. Дослідниця М.В. Тлостанова зауважує, що сучасне мультикультурне багатоголосся Сполучених Штатів у проблемі трактування ідентичності ввело разюче велику кількість нових явищ та імен, але в результаті повернулося до витоків літературної критики, виділивши у розумінні ідентичності не групове, а особистісне начало. Визначення та створення літературних варіантів ідентичностей на матеріалі фрагментарної культури сучасної Америки, на думку М.В. Тлостанової, є практично нездійсненним та потенційно незавершеним питанням, що, однак, не зупиняє авторів у їх постійних спробах знову і знову визначати своє місце у світі.

Новий, транскультурний, вектор трактування ідентичності у глобальному світі відзначає Дебора Л. Медсен у праці «Artefact, Commodity, Fetish: The Aesthetic Turn in Chinese American Literary Study». Дослідниця зауважує, що сприйняття художніх творів сіно-американської літератури не може розцінюватися як естетичний артефакт, допоки ці твори будуть ототожнюватися із поняттями «азіатсько-американськості» або «сіно-американськості» («Asian American-ness» or «Chinese American-ness» [12, с. 187]). Марність подібних спроб зумовлюється дедалі більш невизначеними категоріями цих ідентичностей під впливом сучасної глобалізації. Вчена трактує феномен транскультурації у світлі постструктуралістських та постмодерністських теорій, підкреслюючи притаманну їй рису «невизначеності» (indeterminacy), термін, введений І. Хасаном для характеристики «постмодерністської чутливості», що уникає однозначних вироків. Новий транскультурний вектор естетики сіно-американської літератури Дебора Л. Медсен разом із Г. Марчіано, Гао Цзянпіном бачить у зображенні транскультурних ідентичностей у творах американських письменників китайського походження (зокрема Гіш Джен та Емі Тан). Транскультурний простір, у якому розташовані і текст, і читач, на думку дослідниці, пропонує більш широке поле дослідження процесів творення та споживання «китайськості» у романах згаданих письменниць. «Китайськість» (Chineseness) у транскультурному контексті трактується дослідницею як «відмінність» (difference), що виступає новою ціннісною категорією сіно-американської літератури. Дослідниця відходить від розгляду «китайськості» з точки зору європейського орієнталізму та вводить новий ракурс вивчення, слідуючи постструктуралістським установкам. «Китайськість» перестає розумітися як екзотика, а розглядається у планетарно-гуманістичному вимірі ціннісних відмінностей. Точку зору дослідниці доречно порівняти із теорією Ж. Дерріда, для якого ядром сущого є не «сутність», а «differánce». Таким чином, естетичні принципи транскультурного, втілені у творчості сіно-американських письменників, стають предметом вивчення у дослідженнях ідентичності, художніх особливостей та проблематики творів сіно-американських письменників. Це надає можливість розглянути постать окремого письменника як митця в епоху глобальності, «інтернаціонального письменника», позбувшись характерних для дискурсу мультикультуралізму визначень «сіно-американська» або «азіатсько-американська» література, і розглянути «китайськість» у творах сіно-американських письменників як ціннісно-естетичну категорію.

Важливим питанням залишається розробка певних маркерів, що визначатимуть транскультуральність як ознаку художнього твору. Транскультурна література як феномен глобального порядку у багатьох випадках розглядається крізь призму мови, на якій твориться. На думку багатьох дослідників, потенційно транскультурний текст передбачає його доступність широкому колу читачів. Праці А. Ападураї, С. Гіканді та П. Джея концентруються на проблемі тлумачення «літератури англійською» (literature in English), на відміну від на-

ціональної англійської літератури, як поширеного феномену сучасності та як структурної ланки текстуального аналізу, що має забарвлення глобалізації. Пол Джей навіть припускає, що «ми є свідками «постнаціональної фази» літератури англійською, впровадженої у коло досліджень космополітичними письменниками та письменниками у діаспорі» [13, с. 33]. Схожої думки дотримується і російська дослідниця М. Тлостанова, говорячи що англійська ніби втрачає свою національну належність, виступаючи мовою глобалізації, lingua franca, сучасного світу. Н. Висоцька у статті «Транскультура или культура в трансе?» підкреслює, що використання новими гібридними літературами англійської мови свідчить про зростаючу прірву між локальним та глобальним, оскільки часто є недоступною для її героїв, але разом із тим знаменує появу нової транскультурної, тобто доступнішої ще більшому колу читачів, літератури. Ж.В. Бурцева, говорячи про транскультурну модель якутської прози, вирішального значення надає саме мові. На думку дослідниці, російська мова виступає транскультурним простором для творчості письменників Азербайджану, Узбекистану, Абхазії, Адигеї, Мордовії. Таким чином, англійська мова, якою твориться сіно-американська література, розцінюється нами як своєрідний компонент у творенні художнього твору у світлі транскультурації.

Вище названі особливості є характерними для сіно-американської літератури у транскультурному просторі сучасної глобалізації. Однак творчість окремого письменника у рамках сіно-американського канону залишається оригінальною і самобутньою, що спонукає до дослідження його творчості з точки зору наявності «естетики транскультурного» – саме так науковці визначають комплекс художньо-естетичних маркерів, характерних для мистецтва сучасності в цілому. Центром дослідження обирається простір свідомості транскультурних письменників, аналіз образів нового рівня існування людини у світі, співвідношення загальнолюдського і локального у художньому світі творів, орієнтація на різноманітність духовного життя людства.

Список використаної літератури

1. Тлостанова М.В. Постсоветская литература и эстетика транскультурации. Жить никогда, писать ниоткуда / М.В. Тлостанова. – М.: УРСС, 2004. – 416 с.

2. Hutcheon L. Rethinking Literary History: A Dialogue on Theory / L. Hutcheon. – USA: Oxford University Press, 2002. – 232 p.

3. Said E.W. Culture and Imperialism / E.W. Said. – New York: Alfred A. Knopf, 1994. – 379 p.

4. Pratt M.L. Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation / M.L. Pratt. – London and New York: Routledge, 2007. – 296 p.

5. Berry E. Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication / E. Berry, M. Epstein. – New York: St. Martin's Press, 1999. – 338 p.

6. Tlostanova M. The Sublime of Globalization? Sketches on Transcultural Subjectivity and Aesthetics / M. Tlostanova. – Moscow: Editorial URSS, 2005. – 264 p.

7. Marald E. In Transit: Aspects of Transculturalism in Janice Kulyk Keefer's Travels / E. Marald. – Umea: Umea University, 1996. – 182 p.

8. Hutcheon L. A Crypto-Ethnic Confession / L. Hutcheon. – Режим доступу: http://www.athabascau.ca/cll/writers/english/writers/lhutcheon/confession.php

9. Бурцева Ж.В. Транскультурная модель якутской русскоязычной литературы: художественно-эстетические особенности: автореф. [Электронный ресурс] / Ж.В. Бурцева. – Режим доступа: www.ysu.ru/avtoreferat/bursevazv.doc

10. Chen L.L. Writing Chinese: Reshaping Chinese Cultural Identity / L.L. Chen. – NY: Palgrave Macmillan, 2006. – 222 p.

11. Bhabha H.K. The Location of Culture / H.K. Bhabha. – London: Routledge, 1994. – 408 p.

12. Madsen D.L. Artefact, Commodity, Fetish: The Aesthetic Turn in Chinese American Literary Study / Querying the Genealogy: Comparative and Transnational Studies in Chinese American Literature / D.L. Madsen. – Shanghai: Yi Wen Chu Ban She, 2006. – P.185–197

13. Jay P. Beyond Discipline? Globalization and the Future of English / P. Jay. – PMLA. – Vol. 116. – No. 1. – P. 32–47.

В данной статье тематизируется и разрабатывается актуальная для компаративистов проблема преодоления разделенности Востока и Запада в сино-американской литературе. Рассматривается новый, транскультурный, вектор исследования и теоретизации сино-американской литературы в современном литературоведении.

Ключевые слова: транскультура, транскульутрация, транзитивность, транскультурная идентичность, китайскость.

The paper focuses on the problem that has recently become one of the most urgent for comparativists: negotiation on East-West dichotomies in Chinese American literature. The main emphasis is laid on transcultural approach as new trans-national phenomenon, applied to theorizing of Chinese American literature in modern literary criticism.

Key words: transculture, transculturation, transitivity, transcultural identity, Chineseness.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

УДК 821.521

Є.А. ПРАСОЛ,
викладач, аспірант
кафедри порівняльної філології східних та англомовних країн
Дніпропетровського національного университету імені Олеся Гончара

ЛІТЕРАТУРНО-КУЛЬТУРНІ РЕФЕРЕНЦІЇ В РОМАНІ МАСАХІКО СІМАДА «ПОВЕЛИТЕЛЬ СНІВ» (夢使い)

У статті проведено аналіз роману сучасного японського письменника М. Сімада «Повелитель снів» з точки зору проблеми літературних зв'язків та цитатності, що нерідко в літературознавстві називають гучним терміном «інтертекстуальність». У роботі інтертекстуальність розуміється не як прояв «цитатної свідомості», а у всій складності літературних та культурних референцій роману.

Ключові слова: літературно-культурні референції, інтертекстуальні зв'язки, цитатність, постмодернізм.

Масахіко Сімада – видатний представник сучасної японської літератури, автор відомих в Японії та за її межами романів «Повелитель снів» (夢使い)[1], «Жінка, що пливе, чоловік, що тоне» (浮く女沈む男) та великої кількості оповідань, есе та новел (наприклад, збірки оповідань «Цар Армаділл», «Донна Анна»).

Головна проблематика його творчості в цілому відображає пошук самоідентифікації та місця в сучасній японській літературі. Особливе значення для дослідження має аналіз рецепції письменником літературної класичної традиції Заходу, як і його ставлення до літератури Японії. Вивчення проблеми відображення в його творчості міжкультурних та міжлітературних зв'язків, того, що частіше за все є проявленим в інтертекстах письменника, обумовлює головне завдання нашої роботи.

Значення також набула проблема спадковості, особливо при зіставленні творчості письменника з літературною спадщиною таких знакових фігур японської літератури ХХ ст., як Кобо Абе та Юкіо Місіма, що, у свою чергу, пов'язане з проблемою літературних зв'язків та цитатністю. У роботі ми прагнемо вийти за рамки бачення проблеми «інтертекстуальності» як «цитатної свідомості» постмодернізму і висвітити широкий аспект літературних та культурних референцій.

Масахіко Сімада (народився 13 березня 1961 р.) – один з найбільш визначних прозаїків сучасної Японії, професор Університету Хосей, голова Японської спілки літераторів, лауреат премії Кека Ідзумі за роман «Хіган-сенсей», написаний як скандальне прочитання Нацуме Сосекі. У 1984 р. Сімада отримав премію Номи за свій перший роман «Музика для королівства сомнамбул». За двадцять років письменник випустив близько півсотні творів – романи, оповідання, есе, п'єси. Популяризатором його прози на пострадянському просторі виступав відомий перекладач-японіст, письменник Григорій Чхартішвілі.

Одним з найвідоміших творів М. Сімади є роман «Повелитель снів» («夢使い»). За сюжетом багата вдова двадцять п'ять років тому втратила в Америці сина Масао. Овдо-

[1]Відомий в англійському перекладі як «Dream Messanger» (1988).

© *Є.А. Прасол, 2012*

вівши та вирішивши все ж таки його знайти, вона наймає не приватного детектива, а молоду розумницю-красуню Майко, давши їй у помічники колишнього культового для молоді письменника несповна розуму. Проте Масао за ці двадцять п'ять років устиг перетворитися на Метью та одержати у спеціалізованому дитячому будинку професію дитини напрокат. Згодом він чомусь перебирається до Японії, де працює вже не дитиною, а другом і коханцем напрокат. Єдина зачіпка, що залишилася в руках тих, хто шукає його – загадкове слово «Мікаінайт», і тільки Метью знає, що воно насправді означає.

Роман можна віднести до жанру фантастичної або навіть містичної літератури, бо перше, з чим стикається читач «Повелителя снів» – Мікаінайт, таємничий і неіснуючий співбесідник і друг Метью. Розділи, що стосуються Метью, написані від першої особи, і зазвичай зрозуміти, чи звертається герой до Мікаінайта чи до читача, можливо лише у випадку, коли Мікаінайт відповідає головному герою. Проте Мікаінайт – це і є Метью, тільки Метью не цієї реальності – так званий симулякр (в розумінні Бодрійяра), інша особистість, що мирно співіснує з особистістю героя. Проте здатність Метью подорожувати крізь сни цілком реальна.

У «Повелителі снів» тема снів займає особливе місце. «Сон – хороший засіб комунікації… Стіна між сном і реальністю не така вже й міцна. Можна спокійно зробити в ній отвір і снувати туди й сюди… Сон – частина реальності, реальність – частина сну. Ви живете, переходячи з одного в інше й навпаки. Така наша з Мікаінайтом мораль» [5, с. 97], – говорить Метью. Живопис снів знайшов широке застосування в японській літературі, як стародавній, так і сучасній. Як відомо, зображення снів відіграє велику роль у творчості таких славнозвісних японських письменників, як Нацуме Сосекі, Ясунарі Кавабата, Танідзакі Дзюнітіро та інші, творчість яких, безперечно, мала вплив на становлення письменницької манери Сімада.

Роман Масахіко Сімада «Повелитель снів» складається із шістнадцяти частин: 1. Нюх Майко. 2. Метеорит та комікс. 3. Теорія «нічого не поробиш». 4. Що не день, то оргія. 5. Урасіма Таро. 6. Сироти Урагана. 7. Пенелопа. 8. Неандерталець виходить в Токіо. 9. В пошуках кармічних зв'язків. 10. Рафаель. 11. Повість про дім Тайра. 12. Добрий іновірець. 13. Гонка за привидами. 14. Незвичайна робота. 15. Трубадур у пустелі. 16. Створення світу.

У назвах більшості з цих частин так чи інакше приховані відсилання до інших літературно-культурних дискурсів. Окремою частиною роману можна вважати післямову автора, яка є своєрідною розшифровкою деяких імен і понять, що наведено в романі. Те, що цей додаток, безперечно, є частиною роману, ми спробуємо довести дещо пізніше.

Як стверджує Григорій Чхартішвілі, Сімада ввів у вжиток два нових визначення для героя японської літератури кінця ХХ ст. – «антипатріот» і «сирота». «Антипатріот» – через критичне ставлення до своєї батьківщини (з багатьох причин). «Сирота» – тому що молодий герой Сімади завжди відщепенець і дивак, який живе у власному світі, а тому погано пристосовується до прозаїзму життя. «Сироти» Сімади спочатку підкреслено інфантильні, потім дорослішають, але при цьому, усвідомлюючи своє місце у цьому світі, не позбавляються почуття сирітства – навпаки, воно лише посилюється. Щоправда, виникає божевільна мрія створити Братство Сиріт, бо відщепенців у сучасному світі, виявляється, досить багато. У повісті «Цар Армадил» (1991) з'являється навіть дивовижний Спаситель усіх «сиріт» [6, с.79–136], але, як завжди у Сімади, справа закінчується крахом, бо реальність ніколи не стане утопією. Таким чином, образ сирітства, незахищеності людини у світі – це образ стану кризи людяності і пошуку виходу, набуття рятівного душевного тепла та розуміння.

Персонажі Сімади позбавлені «гравітації»: вони легко подорожують, переміщуючись з місця на місце. Те, що відбувається з ними й навколо них, часто сумне і навіть драматичне, проте у читача не виникає відчуття трагедії – настільки легка, по-постмодерністські не пафосна, глузлива або навіть саркастична інтонація автора, віддалено схожа на анекдоти на тему чорного гумору. В Японії ж, де немає традиції анекдотів, манера Сімада отримала назву «серйозний фарс» [7, с. 243].

В основі майже детективного сюжету роману – пошук однією з героїнь, літньою дамою на ім'я мадам Аміно, свого сина, з яким вона була розлучена багато років тому. Пошуки доручаються молодій дівчині на ім'я Майко Рокудзьо – звідси і назва першої частини.

В іменах багатьох героїв роману прихована інтертекстуальна гра автора, бо більшість персонажів мають так звані «маски», які приховують їх сутність, що ускладнює розуміння тексту. У нотатці після роману сам автор нібито розкриває потаємний смил імен своїх героїв. Так, мадам Аміно виявляється скороченням від *амінокислоти*. Ім'я Майко Рокудзьо являє собою більш складну інтертекстуальну гру: *майко* (舞妓) з японської – молода гейша в Кіото, *Рокудзьо* – назва вулиці в Кіото. Варто зазначити, що героїня Майко ніякого відношення до Кіото не має, і вона є «спеціалістом з цінних паперів», а не гейшею, тобто на прикладі цього імені можна побачити навмисно ігрове руйнування первісного смислу. На прикладі дешифрування цих імен можна помітити безглуздість будь-якої трактовки, своєрідну критику щодо деконструкції смислів.

Привертає увагу ім'я головного героя – Масао, або його американське ім'я Метью. Метью – це англійський варіант більш звичного для слов'янського вуха імені Матвій, який, як відомо, був одним з учнів Христа та автором Евангелія (від Матвія). Але у своїй нотатці-дешифровці М. Сімада пише таке: «Я використовую ім'я Матвій без якого б то не було зв'язку з християнством. Здається, так звали одного з водіїв самосвалу, який їв морозиво на заправці» [5, с. 440]. Таке «пояснення» має на меті ще більше збити з пантелику читача, руйнуючи власноруч створений асоціативний ланцюжок щодо християнських ремінісценцій в тексті. Проте, не так вже й важко побачити в образі Метью (а не тільки в його імені Масао-Метью-Матвій) алюзію на античного бога Морфея – певелителя снів. Подібно до бога з пантеону давньогрецької міфології, Метью – за допомогою свого напівреального друга Мікайнайта – може мандрувати снами, своїми і чужими, чим він і займається.

Інший персонаж роману – Кубі Такехіко. Він постає в тексті як близький друг мадам Аміно, старіючий письменник, колись популярний, але який починає втрачати популярність разом з тягою до написання романів. Цей образ якоюсь мірою є пародією автора на самого себе – в післямові М. Сімада зізнається, що це був його псевдонім у перші роки навчання в університеті [5, с. 440]. Змальовуючи себе майже в гротескно-карикатурному ракурсі, автор продовжує свою постмодерністську автопародійну гру.

Назва п'ятої частини роману, «Урасіма Таро», збігається зі «скороченням» одного з другорядних героїв твору, бомжа з парку Міясіто, повне ім'я якого – Урасіма Уаро, що поступово перетворюється на Міясіта Таро, а потім вже на всім відомого Урасіму Таро, персонажа японської казки, рибалки, який потрапляє під воду до Палацу дракона, де закохується у його доньку, підводну принцесу, та проводить в казковому замку 700 років. Цікавим видається те, що автор не тільки в цьому своєму романі звертається до казки про Урасіму Таро. В іншому романі М. Сімада, «Жінка, що пливе, чоловік, що тоне» (浮く女沈む男), автор дає прізвище «Урасіма» головній героїні роману, Аоі, підкреслюючи її приналежність водному простору та зв'язок з казковим «Палацом дракона». Таким чином, ім'я Урасіма Таро відсилає читача не тільки до контексту давньої японської казки, але й до іншого роману М. Сімада, поєднуючи його героїв у метатекстовому просторі.

Герой роману «Повелитель снів» Урасіма Таро, без певного місця проживання, є, за авторським задумом, ще і йогом та потомком роду Тайра, як і інший персонаж твору, письменник Кубі Такехіко. Тайра – ім'я представників середньовічного японського клану, який бився за владу з іншим кланом – Мінамото, та у ході війни був повністю знищений, після чого представники калану (та їх нащадки), яким вдалося вижити, мали ховатися та тікати все своє життя. У XIII ст. було написано літературний твір у жанрі *гункі* («воєнна епопея») «Хейке-моногатарі» («Повість про дім Тайра»).

Цьому кланові надається в романі велике значення, бо, за задумом автора, він виступає неоднозначною метафорою до становища японської еміграції в Америці, яка в післявоєнні роки – щоб вижити – в «ворожій країні» вимушена вести себе тихіше, ніж представники клану Тайра.

Назва сьомої частини – «Пенелопа». Героїня Пенелопа виступає «сестрою» головного героя, Метью. Справа в тому, що Метью в дитинстві потрапив до дитячого притулку в Америці і все життя вважав себе американцем. Дитячий притулок був невеличким, але все діти так чи інакше володіли специфічними талантами (наприклад, одна дівчинка говорила мовою котів, як і герой роману Харукі Муракамі «Кафка на пляжі» [3], а сам Метью мав можливість проникати в сни інших людей), за що їх названі батьки та вихователі здавали їх у

найм сім'ям, які бажали всиновити дитину, але спершу спробувати, що це таке – жити з дитиною, або таким, які нещодавно втратили дитину і в такий дивний спосіб намагалися подолати свій біль. Метью та Пенелопа – найталановитіші діти притулку. Пенелопа старша за Метью на кілька років, за словами одного з героїв роману – «She was born to be a Rental Child» [5]. Підростаючи, діти закохуються одне в одного, але вирішують не пов'язувати свої життя. Щоб не порвати зв'язок назавжди, вони домовляються бачитися раз на три роки. Якоюсь мірою це нагадує відому в Японії легенду Танабата, про Ткачиху та Волопаса, які, розлучені долею, можуть лише раз на рік зустрітися на пташиному мосту через Чумацький Шлях. Тільки в романі закохані самі ставлять себе в такі умови і зустрічаються раз на три роки, щоб спостерігати, як змінюється кожний із них, при чому вони зовсім не обмежують своє життя заради кохання і няких клятв вірності один одному не дають. Цей термін – три роки – більший, ніж у Волопаса і Ткачихи, проте, як відзначають самі герої, менший за термін у сім років, в який мешканець корабля-привиду мав змогу сходити на берег. Таким чином, деконструюючи образи Волопаса і Ткачихи, Сімада репрезентує «сучану» концепцію кохання без обмежень. Такої ж деконструкції зазнає і зрозуміла алюзія, прихована в імені героїні. Пенелопа, цей європейский символ вірності, який почитався з античних часів, у романі виступає гароною та впевненою в собі жінкою, яка не бажає себе обмежувати ні в чому – в тому числі і в коханцях. Еволюцію образу можна проедмонструвати цитатою з роману: «*Фея и колдунья, Венера и шлюха, старшая сестра и любовница, сирота и мать, Жанна д'Арк и Кармен. Они сосуществовали в Пенелопе в полном согласии. В ней сочеталось множество разных женщин. И не было в мире такого мужчины, который мог бы справиться со всеми. … она превратилась в колдунью, играющую с миром, как ей заблагорассудится*» [5, с. 248]. Тобто відомий та легко прочитуваний код зазнає так званої десакралізації та деканонізації, і автор створює роман-маскарад, ту саму карнавалізацію, про яку писав М. Бахтін [2] та яку яскраво представив у своїй творчості відомий англійський письменник Дж. Джойс.

Так, спостерігаємо явну іронію та пародію, що використовується автром для створення постмодерністького тексту з метою деканонізації звичних кодів – у цьому випадку відомого сюжету про розлучення закоханих – та подолання кризи моносемантичного прочитання тексту.

Далі Сімада вводить в текст героя на ім'я Рафаель. У своїх нотатках після роману, які начебто мають пояснювати та доповнювати роман (натомість, ще більше руйнують його первісний смисл), автор говорить, що ім'я одного його друга-єврея саме Рафаель. У романі герой, якого так звуть, – це свого роду «розрадник скривджених», прекрасний юнак з видатною зовнішністю та нетрадиційною орієнтацією. Його зовнішність настільки прекрасна, а проникливість та тонкий розум настількі неординарні, що скоріше наводять на думку про ангела Рафаїла.

Особливої уваги заслуговують жіночі образи роману. Письменником неодноразово створюється образ сильної жінки, яка тримає в полоні слабкого чоловіка. У романі «Повелитель снів» це мадам Аміно, яка «викупила» собі письменника Кубітаке: «*Как писатель он теперь – полная бездарность. Поэтому-то я и купила его со всеми потрохами. И копирайт на его книги, и его тело – всё принадлежит мне. Это одно из моих развлечений. Похоже на то, чем раньше занимались японские мужчины, правда?*» [5]. За аналогією, в романі «Жінка, що пливе, чоловік, що тоне» жінки також володіли тілами та розумом чоловіків. Наприклад, головний герой Міцуру був одночасно у «чарівному» полоні своєї коханої – жінки, яка зображена автором більш життєздатною та сильною, ніж головні чоловічі образи, а також у буквальному смислі в полоні жінки на ім'я Тетяна, що тримала його прикутим до унітаза в жіночому туалеті [4]. Цікавим видається те, що в романі «Повелитель снів», на відміну від Міцуру, Кубітаке сам продає себе в рабство за виплату боргів.

Інша ідея, яка проходить через весь роман та поєднує його з іншими творами письменника, – це ідея життя між двома країнами, чи взагалі поза межами усіляких країн. Так, «*мадам Амино не считала себя ни японкой, ни американкой. Ее жизнь и в той, и в другой стране не отличалась легкостью и комфортом, поэтому родина для нее находилась где-то «между». Она родилась в городке на границе между Калифорнией и Аризоной, а теперь жила в Камакура, никогда оттуда не выезжая. Но домом, куда можно вернуться,*

был для нее Тихий океан, находившийся «между». Так она думала, или что-то заставляло ее так думать. Наверное, дело было не в родителях или предках, не в Америке или Японии – собственный инстинкт подсказывал ей это» [5, с. 8]. Названий батько сина мадам Аміно, пан Катагірі, який виховував його в місті Нью-Йорк як американця, але такого, який знає японський, таким чином уявляє собі «ідеального» японця: «*Японец в моем понимании – это Crane, летящий над Pacific Ocen. I mean, migration of birds*». [5, с. 150]. Слід зазначити, що задум виховати «ідеального» японця мав успіх. Метью так і став людиною, яка не має визначеної батьківщини. «Куплений» мадам Аміною письменник Кубітаке «*приобрел старый танкер, поставил его на якорь в нейтральных водах Токийского залива и хотел сделать из него «передвижной безвизовый город»… Слова «Экстратерриториальное право победит» стали его лозунгом и убеждением. В его планах было создать «Пристанище беглецов», где бы получили временный приют «Канализационный банк», оперирующий подпольными средствами, нелегальные рабочие, депортированные из Японии, и жители лодок. С другой стороны, он хотел привлечь туристов, открыть бар «Без виз», где слышалась бы разноязыкая речь, и публичные дома с проститутками всех мастей – белыми, черными, желтыми, и казино со всевозможными азартными играми*» [5, с. 21]. На прикладі цієї ідеї «буття на межі» можна простежити інтертекстуальний (метатекстуальний) зв'язок роману «Повелитель снів» з романом «Жінка, що пливе, чоловік, що тоне», а також з резонансними теоріями постмодернізму і таких його теоретиків, як Бхабха, Саїд та ін. Одна з основних ідей останнього роману – це створення безвізової держави у водах Тихого океану, для чого одним з персонажів, американцем китайського походження на ім'я Брюс Лі, було захоплено великий круїзний лайнер разом з багатьма багатими пасажирами на ньому та населенням цього корабля – біженцями з Китаю. Таким чином, те, що планує Кубітаке в романі «Повелитель снів», Брюс Лі в романі «Жінка, що пливе, чоловік, що тоне» впроваджує в життя.

В романі також простежується більш складний інтертекстуальий зв'язок роману з творчістю одного з найвизначніших письменників Японії другої половини XX ст. – Кобо Абе. Такаюкі Тацумі у своїй праці «Creative Masochism As An Approach To Comparative Avant-Pop» порівнює творчість Масахіко Сімада (р. н. 1961) з творчістю видатного японського письменника минулого покоління Кобо Абе (1924–1993) на прикладі п'єси останнього «Друзі» (1967 р.) та досліджуваного нами роману М. Сімада «Повелитель снів» (1989 р.) [1]. «Друзі» – це історія про те, як одного дня молодого чоловіка відвідала дивна сім'я, члени якої стверджують, що вони його друзі та намагаються врятувати його. Ці незнайомці поступово завойовують його помешкання та торують його психічно. Зрештою, вони позбавляють його всього, у тому числі його житла, нареченої та його роботи. Тема твору Абе екзестинційна за визначенням – це страх перед іншим, інакшим, втрата ідентичності і відчуження людини. Роман М. Сімада, з іншого боку, починається не з утрати ідентичності, а з гіперкапіталізації ідентичності (*hyper-capitalization of identity* [1]). Головні герої повісті – «діти, що здаються в оренду». Вони заробляють гроші, граючи ролі кровних дітей для тих, хто втратив дітей або хоче мати власних. Враховуючи те, що Сімада також опублікував квазікіберпанк роман «Місто, що зветься Рококо» (1990), який значною мірою був написаний під впливом трилогії кіберпростору Вільяма Гібсона, а також фільму Рідлі Скотта «Той, що біжить по лезу бритви», читачі можуть спочатку припустити, що його концепція «родини напрокат» належить до світу наукової фантастики. Проте герої «Повелителя снів» не є реплікантами в найближчому майбутньому, але реальними людськими істотами в наш час. Дійсно, публікація «Повелителя снів» збіглася з фактичним зростанням промисловості «родина напрокат» в Японії 1990-х років, що знайшло свій відгук у багатьох серіалах тих років, та в детективному романі Міса Ямамура «Таємниці родини напрокат».

Звісно, концепція «родини напрокат», скоріше за все, виявляється дивовижною та навіть огидною для більшості західних читачів, особливо для таких, хто був народжений та виріс в епоху масового споживання, бо, на перший погляд, ідея, схожа на «родину на прокат», спотворює людську повагу до самих себе, принижуючи гідність людей і змушуючи їх здаватися достатньо мозахістами, щоб продавати своє та чуже. Але для сучасної Японії така ситуація не є фантастичною, і реалія «родини напрокат» сприймається навіть як зручна послуга.

Таким чином, різниця між «Друзями» Абе і «Повелителем снів» Сімада така ж, як, за словами Такаюкі Тацумі, між авангардом і аван-попом [1]. У той час як Абе, починаючи з 40-х років, спробував описати онтологічне скрутне становище, викликане зростанням споживчого суспільства, з точки зору письменника, як виробник, Сімада в 90-х років створив нарратив про «дітей напрокат», з особистістю, яка споживає, з точки зору письменника, який, будучи також споживачем, нагадує значною мірою своїх читачів.

У цій роботі було проаналізовано феномен інтертекстуальності в аспекті більш широкого явища літературно-культурних референцій, присутніх у романі Масахіко Сімада «Повелитель снів». «Всесвітній культурний» контекст, який письменник робить не просто фоном, а центральним образом свого роману, проступає найбільш чітко саме в концепті «сну», через призму якого автор художньо розкриває низку питань щодо соціальних проблем, самоідентичності японської нації, концепту «дітей напрокат».

Сучасна японська література вписана у світовий літературний контекст також і в плані сучасної гуманістичної проблематики і художньої розробки жанрово-стильових літературних традицій XX ст.

Список використаної літератури

1. Takayuki Tatsumi. Creative Masochism As An Approach To Comparative Avant-Pop [Электронный ресурс] / Tatsumi Takayuki. – Режим доступа: http://www.altx.com/memoriam/pomo.html

2. Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.

3. Мураками Х. Кафка на пляже / Х. Мураками. – М.: Эксмо, 2005. – 636 с.

4. Симада М. Плывущая женщина, тонущий мужчина / М. Симада. – Москва: Махаон, 2005. – 398 с.

5. Симада М. Повелитель снов / М. Симада. – М.: Иностранка, 2004. – 446 с.

6. Симада М. Царь Армадил / М. Симада. – М.: Эксмо, 2003. – 208 с.

7. Чхартишвили Г.Ш. Невыносимая тяжесть лёгкости: японская проза в конце века / Г.Ш. Чхартишвили // Иностранная литература. – 1993. – № 5. – С. 239–244.

В статье проведен анализ романа современного японского писателя М. Симада «Повелитель снов» с точки зрения проблемы литературных связей и цитатности, которую нередко в литературоведении называют громким термином «интертекстуальность». В работе мы стремимся выйти за рамки видения проблемы «интертекстуальности» как «цитатного сознания» постмодернизма и осветить широкий аспект литературных и культурных референций романа.

Ключевые слова: литературно-культурные референции, интертекстуальные связи, цитатность, постмодернизм.

The paper analyzes the novel of M. Simada «Dream Messenger» in terms of intertextuality. We go beyond the vision of «intertext» as «quotation consciousness» of postmodernism and illustrate a wide range of literary references of the novel.

Key words: literary and cultural references, quotation, intertextuality, postmodernism.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

УДК 821.521-820

О.П. УСЕНКО,
старший преподаватель кафедры сравнительной филологии восточных и англоязычных стран Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара

МИФОЛОГЕМА ДОМА В ТВОРЧЕСТВЕ КАДЗУО ИСИГУРО

Работа посвящена анализу мифологемы дома в романах японско-британского писателя Кадзуо Исигуро. В ней рассматриваются особенности индивидуальной авторской интерпретации мифологемы дома, а также проблема взаимосвязи между этой мифологемой и идентичностью.

Ключевые слова: мифологема дома, дом-память, антидом, идентичность.

В творчестве японско-британского писателя Кадзуо Исигуро одно из центральных мест занимает мифологема дома как архетипический знак с определенной семантикой. Обращение к этому «коду» культурной памяти в целом характерно для писателей-эмигрантов, ощущающих себя «бездомными», неустроенными, духовно дезориентированными. Мифологема дома тесно связна с проблемой идентичности, поскольку дом воплощает в себе утраченную в результате эмиграции целостность восприятия мира и своего места в нем, а архетип дома, по мнению исследователей, связан с образом Космоса, мира упорядоченного и осмысленного, противопоставленного Хаосу окружающего его «внешнего» мира. В романах Исигуро дом играет важную роль на разных уровнях: сюжетном, семантическом, образном; особенности личной авторской мифологемы дома мы и попробуем рассмотреть в данной работе.

В ранних романах писателя мифологема дома тесно связана с образом Японии. Вопреки ожиданиям, ни герои, ни автор не обнаруживают стремления к идеализации японского жизненного уклада, но в таких произведениях, как «Там, где в дымке холмы» (*Pale View of Hills,* 1982) или «Художник утекающего мира» (*An Artist of the Floating World*, 1986) видим ностальгию по традиционному дому, под крышей которого жили несколько поколений.

В отличие от европейской традиции, в которой зачастую образ дома связан с архетипическим образом Матери, выступающей хранительницей домашнего очага и своеобразным образцом первопорядка, в «японских» романах Исигуро приверженцами и хранителями традиционного уклада жизни являются мужчины, например, герой «Там, где в дымке...» тесть Эцуко Огата-сан или протагонист «Художника» Оно. Экзистенциальная ситуация (война, смерть близких, переоценка ценностей в обществе) изменяет принятый в доме порядок, мужчины берут на себя часть женских функций (вспомним кулинарные опыты обоих героев). Это связано с тем, что, неспособные более реализовывать себя в сфере общественной жизни, они обращаются к дому и быту для того, чтобы ощутить «незыблемость» привычного миропорядка.

В произведениях Исигуро нередко видим и отголоски сакральной функции дома: в жилищах его героев часто есть закрытая комната, не предназначенная для повседневного

© *О.П. Усенко, 2012*

использования. Особенно характерна «комната для приемов» отца Оно, наделенная многими чертами святилища: во-первых, герой не имеет права даже входить в нее до достижения определенного возраста; во-вторых, в ней совершают ритуальные действия, такие как подсчет денег и ведение «священных» бухгалтерских книг; в-третьих, в ее центре – очаг, огонь, на котором отец производит ритуальное жертвоприношение – сжигание полотен Оно – ради продолжения традиционного в их семье дела. Другие примеры закрытых комнат у Исигуро: комната Кейко, гостевая комната Оно, подвальная комната Стивенса, комната, где выбирают работы для музея Мадам.

Дом-память – центральный образ многих романов Исигуро, при этом образ модифицируется из конкретного дома в символ дома-детства в целом. Особенно важен этот образ в романах «Когда мы были сиротами» (*When We Were Orphans*, 2000) и «Не отпускай меня» (*Never Let Me Go*, 2005). Именно здесь ярко воплотилось противопоставление «дома (своего, безопасного, культурного, охраняемого покровительственными богами пространства) Антидому, «лесному дому» (чужому, дьявольскому пространству, месту временной смерти, попадание в которое равносильно путешествию в загробный мир)» [1, с. 348]. Так, для Кристофера дом в Шанхае – идеальный маленький мир, где он ни в чем не испытывает недостатка. Однако за его пределами, а точнее за пределами Международного Поселения, начинается лабиринт из маленьких улочек, забитых повозками и кули, которые являются воплощением Хаоса, в нем европейский ребенок беззащитен и к тому же у всех на виду. Именно в этом чужом пространстве Кристофера бросает его Дядя Филипп в день похищения его матери, которое символизирует окончательный распад дома детства главного героя. Через лабиринт же разрушенных крошечных лачуг через много лет Кристофер пробирается к дому, где, как предполагает, похитители держат его родителей. Так, видим, что мифологема дома у Исигуро часто многофункциональна и представлена в тесной связи с мифологемой Пути. Путь героя лежит из дома в дом. Это может быть утерянный дом детства – единственное место в жизни героя, в котором он чувствовал себя гармонично и безопасно (Шанхайский дом Кристофера, Шелхейм для Кэти). Герои одержимы поисками такого дома: Кристофер жертвует ради поиска своим личным счастьем и даже счастьем удочеренной девочки; Кэти он мерещится на бесчисленных дорогах, по которым она ездит между своими подопечными. Иногда это просто дома-остановки на пути, по которому герой идет к (обычно неясной) цели, подобные «избушке на курьих ножках» в терминологии В. Проппа. Это, например, дом, где после первого замужества жила Эцуко, где все «*словно ждали дня, когда сможем перебраться в место получше*» [3, с. 10]. В ожидании начала своей «профессиональной деятельности» в качестве помощников и доноров живут в Коттеджах Кэти и ее друзья. На пути Райдера – вереница остановок-гостиниц. Старый «слепой» дом – вынужденная остановка на пути Сатико в «обетованную землю» – Америку.

Как заметил Кендзабуро Оэ, в двух ранних романах, «Художнике утекающего мира» и «Остатке дня» (*The Remains of the Day*, 1989), писатель «вводит» нас в роман через дом [4, с. 136] – в обоих случаях это роскошные особняки, теперь пришедшие в упадок. В этих двух романах видим трактовку дома, связанную с проблемой профессионализма – превратного толкования профессионального долга. Так Оно, герою «Художника», удалось купить дорогой дом лишь благодаря тому, что продавцы устроили своеобразный «аукцион престижа», на котором его профессиональные достижения были высоко оценены. Однако война разрушила его семью (он потерял жену и сына), дом (в котором теперь не хватает целого крыла) и репутацию.

Дома, в которых жил Оно, символизируют этапы его профессионального развития: уход из родительского дома является частью древнего обряда инициации, указывающего на переход ребенка к состоянию духовной зрелости, так уход Оно от отца-торговца является отправной точкой его профессиональной карьеры. Следующий этап – работа в мастерской по изготовлению «экзотических» японских картин для европейских покупателей тесно связан с жизнью в крошечной комнатке в шесть татами, забрызганной краской. Уход от массовой «ширпотребной» живописи и переход к богемному образу жизни также ознаменован переездом в новое жилье – большой запущенный загородный особняк, в котором молодые художники живут, как хотят, исследуют ночной мир мимолетных удовольствий; единственным условием, предъявляемым к ним, является лояльность по отноше-

нию к учителю и неуклонное следование его творческим установкам. Отказ от стиля работы учителя ведет к немедленному изгнанию из дома (мотив изгнания из Рая) и началу теперь уже полностью независимого творческого пути художника, в котором он может положиться только на себя. Этот путь оказывается вполне успешным, Оно достигает профессионального признания, материальным воплощением которого и стал дом.

Подобное передвижение «по домам», как по ступеням карьерной лестницы, видим также в романе «Остаток дня». Хотя здесь и нет подробного описания предыдущих мест службы Стивенса, не единожды он говорит о том, что дом, в котором служит дворецкий, и есть мерило его профессионального успеха. Японская исследовательница Кана Оябу предлагает интересную трактовку проблемы дома в романе «Остаток дня». Она утверждает, что служба Стивенса – не то место, куда он идет, несмотря на свои личные нужды, а наоборот – единственное место, где он может успокоиться или же выразить свои страдания. Так, служба несет материнские функции, она же является единственным, что связывает Стивенса и его отца [5, с. 32–38]. А значит, для дворецкого дом как защита от чужого, внешнего мира и сохранение своего, как микромодель вселенной – это его профессия.

В первом романе писателя, «Там, где в дымке холмы», английский дом главной героини Эцуко, так же, как и для Оно или Стивенса, является в некотором смысле ее главным достижением: он символизирует редкую для женщины ее родной страны смелость бросить устоявшуюся жизнь и уехать на другой конец света. Это – единственная черта матери, которой восхищается ее младшая дочь Ники. Однако опустевший, этот дом теперь лишь напоминает ей о потерях. Из его окон она так же задумчиво смотрит «пустыми днями», как смотрела из окна маленькой квартирки в Японии во время своего первого несчастливого брака.

Окна – «глаза дома» – особенно важны для мифопоэтики романов Исигуро, поскольку указывают на связь героя с реальностью. Так, в «Не отпускай меня» по ночам дети заставляют «провинившихся» смотреть на темнеющий вдалеке лес, который у всех вызывает безотчетный страх, потому что как бы подсказывает воспитанникам, ради какого темного будущего они пришли в этот мир. Почти нет окон в доме Сатико, героини «Там, где в дымке», что подчеркивает ее нежелание или неспособность посмотреть правде в глаза и понять, что поездка в Америку – лишь пустая мечта, в погоне за которой она упускает главное – счастье своей дочери. Из окон не раз наблюдают за Стивенсом-старшим дворецкий и Мисс Кентон, и именно в это время они могут по-настоящему понять его и посочувствовать.

Уютный, теплый дом существует лишь в мечтах или воспоминаниях героев Исигуро. Реальность же обычно представлена мифологическим образом «антидома» в образах чердаков и подвалов, «комнат-гробов». Вспомним комнату, в которой заперлась, отгородилась от внешнего мира, даже самых близких людей Кейко; одинокую съемную комнату, в которой она покончила с собой; чердачную коморку Стивенса-старшего, в которой он еще до рассвета сидит, одетый в полную форму, и в которой умирает; театральную гримерную, где умирает носильщик Густав; больничные палаты, в которых доживают свои дни после «выемок» клоны. В. Пропп увидел в мифологеме дома амбивалентность. Действительно, с одной стороны, дом служит человеческим «жилищем», а с другой стороны, дом может трансформироваться – как у Исигуро – в «гроб» («жилище мертвого»). Именно поэтому «пребывание в доме» часто мыслилось как «пребывание в царстве смерти». В случае с героями Исигуро «царство смерти» – это дома, где живут разрушенные надежды и неоправдавшиеся ожидания. Не в силах выносить их гнетущую атмосферу, из этих домов уезжают Ники, Норико и даже Кейко, но их хозяева не могут покинуть эти места, ухаживая за своими слишком большими домами и садами, они как будто ухаживают за своими давними ранами, берегут свою боль.

Как замечает О. Джумайло, потерянный счастливый мир прошлого – мир дома детства – нередко символически «материализуется» в романах Исигуро в лейтмотивные образы коробки, сундука, ящичка с тайными сокровищами, которые герои безуспешно ищут [5, с. 37]. Например, это забытая на прошлой квартире коробка Бориса с «номером девять», потерянный во время морского путешествия сундук Дженнифер, шкатулка с «сокровищами» Кэти. Каждый раз коробка возникает как нечто, связанное с памятью и поисками идентичности. Так, замечает исследователь, она выступает как субститут дома. Марико из «Там,

где в дымке...» делает из выигранной в лотерею коробки дом для котят, и в этой коробке мать топит их перед переездом. Эта коробка – груз памяти – становится обузой, которая не дает героям двигаться дальше.

Таким образом, анализ обнаруживает особую мифопоэтику романов Исигуро, в центре которых мифологема «дом» наполнена разными смыслами, семантическая плотность которых высока: это не только материальная, но и духовная константа жизни человека.

Список использованной литературы

1. Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя / Ю.М. Лотман // О русской литературе. – СПб.: Искусство, 1997. – 848 с.

2. Исигуро Кадзуо. Там, где в дымке холмы / К. Исигуро. – М.: Эксмо, 2007. – 224 с.

3. The novelist in today's world: A conversation. (Kazuo Ishiguro and Oe Kenzaburo) / K. Ishiguro, K. Oe // Japan in the world. Ed. Harootunian H.D., Miyoshi M. – Duke University Press, 1993. – 254 p.

4. Oyabu K. Stevens' Unhomely Home. Profession as Home in Kazuo Ishiguro's The Remains of the Day / K. Oyabu // Studies of language and culture. (Kanazawa University). – 2005. – № 9. – P. 27–40.

5. Джумайло О. За границами игры: английский постмодернистский роман. 1980–2000 / О. Джумайло // Вопросы литературы. – 2007. – № 5. – С. 7–45.

6. Мелетинский Е.В. Поэтика мифа / Е.В. Мелетинский. – М.: Наука, 1976. – 234 с.

7. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996. – 334 с.

8. Ishiguro K. An Artist of the Floating world / K. Ishiguro. – NY, Vintage International, 1989. – 210 p.

9. Ishiguro K. Never Let Me Go / K. Ishiguro. – L., Faber and Faber, 2005. – 304 p.

10. Ishiguro K. The Remains of the Day / K. Ishiguro. – L., Faber and Faber, 1982. – 258 p.

11. Ishiguro K. The Unconsoled / K. Ishiguro. – L., Faber and Faber, 1995. – 544 p.

12. Ishiguro K. When We Were Orphans / K. Ishiguro. – NY, Vintage International, 2001. – 313 p.

Роботу присвячено аналізу міфологеми дому в романах японсько-британського письменника Кадзуо Ісігуро. У ній розглянуто особливості індивідуальної авторської інтерпретації міфологеми дому, а також проблему її взаємозв'язку з ідентичністю.

Ключові слова: міфологема дому, дім-пам'ять, антидім, ідентичність.

This work is dedicated to the analysis of the mythologeme of the house in the novels by Japanese-British writer Kazuo Ishiguro. It deals with the peculiarities of the author's individual interpretation of the mythologeme of the house as well as with the problem of interconnection of this mythologeme and identity.

Key words: mythologeme of the house, antihouse, memory, identity.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ЛІНГВІСТИКИ

УДК 811. 161.373

В.В. ЗИРКА,
доктор филологических наук,
профессор кафедры английской филологии и перевода
Днепропетровского университета имени Альфреда Нобеля

РЕКЛАМА, ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ МОТИВЫ, ВЕРБАЛЬНАЯ САТУРАЦИЯ ТЕКСТА

В статье рассматриваются мотивы в рекламе, которые выступают не только как категория психологии, но и в качестве структурно-семантического компонента рекламного текста. Эти мотивы выступают как организующие семантическое и структурное пространство макротекста рекламы.

Ключевые слова: мотивы, лексика, реклама, сатурация, семантическое пространство текста.

Обучение студентов – будущих переводчиков анализу лексики рекламы и составлению коротких рекламных текстов/слоганов на родном и иностранном языке в Днепропетровским университете имени Альфреда Нобеля связано непосредственно с использованием лексики, идентифицирующей потребительские мотивы. Этот вопрос является актуальным и требует детального рассмотрения. Именно поэтому задачей данной статьи является освещение некоторых отдельных пунктов научной проблемы, важных в процессе преподавания университетского курса «Лексика рекламы» [4].

Как известно, в психологии рекламы изучаются *потребительские мотивы*, к которым относят утилитарные, эстетические, мотивы престижа, достижения, моды, традиции и др. Если потребитель интересуется утилитарными свойствами товара, в рекламе подчеркиваются такие характеристики, как *надежность, производительность, экономичность, простота в эксплуатации*. К эстетическим факторам относят внешний вид изделия, возможность сочетания с другими предметами. В текстах рекламы используются понятия «*современное дизайнерское решение», «оригинальная форма», «благородство линий», «изысканный вкус», «эксклюзивная коллекция».* Со временем меняется структура мотивации. Сегодня первостепенными для потребителя могут быть мотивы комфорта, престижа, обогащения, достижения, а завтра – эстетические, мотивы традиций или утилитарные.

Используемые в рекламных текстах мотивы условно объединяются исследователями (И.Ю. Агапова, В.Л. Музыкант, Е. Ромат и др.) в три группы: 1) рациональные; 2) эмоциональные; 3) нравственные (и социальные).

Рациональные мотивы апеллируют к рационально-логическому мышлению, они характерны для высокообразованной аудитории с аналитическим складом ума. Эмоциональные мотивы связаны с желанием аудитории избавиться от отрицательных эмоций и добиться положительных. Нравственные и социальные мотивы апеллируют к чувству справедливости и порядочности.

Реклама, как большинство видов деятельности, является полимотивированной. Можно выделить следующие виды мотивов, актуализируемые в рекламных текстах:

Утилитарные мотивы. Если доминируют именно они, то рекламный текст представляет собой описание эксплуатационных характеристик товара, его гарантийного срока,

© *В.В. Зирка, 2012*

долговечности, возможности быстрого и качественного ремонта и т. п. Эти мотивы доминируют в рекламе персональных компьютеров, различной бытовой техники: холодильников, стиральных машин, пылесосов, отделочных материалов и т. д. Например:

Автомобили марки ГАЗ всех наименований

- ***Быстрое** оформление*
- ***Предпродажная подготовка***
- *Выдача транзитных номеров*
- ***Доработка** автомобилей до класса **люкс***

НАШИ ЦЕНЫ ПРИЯТНО УДИВЯТ ВАС!

Или, например, реклама пластиковых окон:

- *Использование **высококачественных** комплектующих от **крупного** немецкого производителя*
- ***Жесткий** заводской контроль качества продукции*
- *Замер, установка и доставка оконных и дверных блоков **квалифицированными** специалистами*
- *Служба послепродажного обслуживания.*

Эстетические мотивы. В этом случае в тексте особое внимание уделяется привлекательности формы, оригинальности цветового решения и т. п. Тексты, в которых используются эстетические мотивы, могут делать упор на «хороший вкус» потребителя рекламы. Чаще всего они проявляются в рекламе косметики, мебели, одежды, автомобильных аксессуаров и т. д. Главная задача рекламы в этом случае – выявить отличительные эстетические свойства объекта рекламы, применяя соответствующую лексику: *«обновленный ассортимент», «новинка», «новый дизайн», «радуга тканей», «широкий выбор декоративной отделки, «потрясающие краски», «изысканный запах».* Иногда эстетические мотивы проявляются в самом составлении рекламного текста.

Мотивы престижа. Такие мотивы связаны с желанием подчеркнуть свой статус, материальный достаток, положение в обществе. Им соответствует потребность к самоутверждению, когда товар предлагается как средство принадлежности к определенной (престижной) социальной группе: *«имена Валентино, Ги Ларош, Эспри как всегда объединяют **экстравагантность** стиля и оригинальность форм»; «**престижная** канцелярия»; «**знаменитый гламур** Франции снова входит в моду», «открой **престижную дверь** в Америку».*

Мотивы достижения, уподобления связаны с желанием приобрести товары/услуги, рекламируемые знаменитой личностью. Очень часто подобные мотивы присутствуют в рекламе косметики и косметических услуг, центров здоровья, средств для похудения, одежды. Например: *«Товары для настоящих дам», «Я знаю как стать красивой …», – «лицо» фирмы L'Oreal Катрин Денев.*

Мотив традиции обусловлен национально-культурными особенностями разных народов. В рекламе это, как правило, указание на российскую традицию, на национальный менталитет: *«оконные системы… для российского климата»; «истинно российские двери»; «Империя окон. Специально для России! …»; «Специально адаптированная к российским условиям система. Идеально для самостоятельной установки».*

Мотив безопасности. Чаще всего этот мотив проявляется в рекламе лекарственных препаратов и медицинских услуг и т. п. Например: *«Не бойтесь простудиться», «Домашний доктор – «Дюна» – продлевает жизнь», «Для тех, кто хочет быть здоровым и красивым без лекарств», «Скорая помощь для позвоночника», «Подарите себе здоровье».*

Мотив выгоды обусловлен стремлением человека приобрести дешевый, но, по возможности, качественный товар. Например: *«бесплатная доставка»; «низкие цены»; «Вас ждут подарки»; «Приятная новинка для наших покупателей»; «Вы получите в подарок специальный купон … Для обладателей купонов будет производиться розыгрыш призов. Безвыгрышных купонов нет!!!»; «Гибкая система скидок»; «Акция на весь ассортимент товара».*

Мотив легкодоступности, достижимости является причиной желания потребителя получать все легко, без приложения усилий, реклама в этом случае «играет» на такой слабости человека, как лень: *«Английский?! Это так легко!»*.

Мотив моды предопределен желанием потребителя идти «в ногу со временем»: «*Коллекция сконцентрирована вокруг основных направлений в моде», «… эксклюзивный дистрибьютер фирмы Ларош», «Последнее слово в косметике – активные ингредиенты, заставляющие кожу работать самостоятельно».*

Следует подчеркнуть, что мотивы в рекламе выступают не только как категория психологии, но и в качестве структурно-семантического компонента рекламного текста. Эти мотивы выступают как организующие семантическое и структурное пространство макротекста рекламы. Они реализуются в тех или иных словоформах, являющихся так называемыми «ключевыми словами» рекламных текстов. В качестве примера приведем лексемы, с помощью которых реализуется мотив выгоды: *акция, скидки, бесплатный, низкие (цены), недорого, подарки, призы, распродажа* и т. п.

Основываясь на мотивационных принципах, многие исследователи формулируют задачу рекламы следующим образом: организовать поисковое поведение покупателя, стимулированное актуализированной потребностью, т. е. потребностью, проанализированной в интересах покупателя. Реклама дает, кроме того, предмет, удовлетворяющий этой потребности, т. е. делает активность направленной, мотивирует ее. А.Н. Леонтьев пишет, «что в развитии потребностей открывается новая возможность: формирование потребностей, вообще «отвязанных» от потребностных состояний организма». Возникают специфические человеческие потребности, механизм которых предположительно состоит в «сдвиге» потребностей на звенья, опосредующие все более усложняющие связи человека с миром, действительностью» [7, с. 10].

Поэтому следует признать справедливым распространенное мнение о том, что современная реклама строится не столько на информации о товаре, сколько на показе самой сферы будущего потребления, на показе тех преимуществ, которые покупатель получает, приобретая товар. При этом акцент делается не на собственно потребительских качествах товара, так как эти качества ничем не отличаются от качеств абсолютно аналогичных товаров, производимых другими фирмами, а на символические ценности, реализующиеся в словах-символах и позволяющие в социально стратифицируемом обществе демонстрировать свой социальный статус, принадлежность к престижной социальной группе и т. п. [15, с. 88].

Психологически это значит изменять смысл покупки товара, переосмысливать прежнюю деятельность, а лингвистически – создавать необычные (рекламные!) словосочетания и словоупотребления, что вызывает в рекламе появление «ключевых слов», слов, наиболее часто встречающихся в рекламе. Дж. Лич, Д. Огилви уделили внимание в своих исследованиях именно ключевым словам – как константе рекламных текстов [19; 11]. Несмотря на кажущуюся стертость значений и их навязчивость, вызывающую критику рекламного текста слушателей, зрителей, читателей, их употребление оправдано функциональной целесообразностью, эффективностью. Только функциональная целесообразность объясняет противоестественные, казалось бы, сочетания. Например: *«самый домашний компьютер»; «самый помидорный кетчуп»; «самый новогодний подарок»; «железный выбор» (реклама металлических дверей); «Ваш арсенал косметики»; «отличные подвесные потолки»; «Неужели Вы по мне не скучаете? … Любящий Вас ДИВАН».*

Психологические мотивы стирания значения слова описаны в работах по вербальной сатурации (насыщение, насыщенность) [10]. Проблема вербальной сатурации, с которой реклама впервые столкнулась в первой четверти XX в., была обусловлена необходимостью постоянного использования относительно небольшого количества слов, которые так или иначе использовались при актуализации потребностей покупателя и, следовательно, неизбежно появлялись в вербальной мотивации покупки.

Следует упомянуть еще одну тенденцию в языке рекламы, имеющую место при функционировании рекламных текстов – улучшение значения слов, обозначающих рекламируемые предметы. Обычно этот процесс длительный в системе языка, в рекламе же этот процесс осуществляется целенаправленно и стремительно. Слова, обозначающие рекламируемые предметы, соединяются со словами, которые обозначают предметы и явления, пользующиеся в данном обществе повышенной ценностью и обладающие социальным престижем: *активный, элитный, всеобщий, тонкий (качественный), люкс, марочный, осо-*

бый, специальный, супер, чудесный, экстра, классический, естественный (природный), натуральный, *изысканный* и др. *(тонкий аромат; специальное предложение; СУПЕРЦЕНЫ*; *разумные цены*; *особые цены; элитные услуги; классическое решение).*

Концентрация различных языковых средств необходима для эффективного восприятия рекламного текста. Э.Г. Рябцева пишет, что «употребление на коротком отрезке текста (а именно таковыми являются рекламные объявления) не одного стилистического средства, а пучка приемов значительно повышает эффективность воздействия, увеличивает возможность влияния на восприятие текста реципиентом» [15, с. 28].

Поэтому реклама в языковом плане представляет собой индивидуализированную систему средств выражения и может быть подвергнута анализу в качестве самостоятельного вида общения. Исследование языка рекламы с точки зрения «заданности» в общении, проявления этой «заданности» в языке, убеждающей природы рекламы дает возможность выявить, посредством чего достигается эффективность различных видов рекламы, и в частности коммерческой.

При исследовании всех вопросов, поиска ответа на них необходимо прежде всего учитывать «заданность» этого вида общения, ориентацию на прагматическую установку – убедить аудиторию в преимуществах того или иного товара, того или иного политического деятеля (президента, премьер-министра), того или иного политического устройства и побудить реципиента к ответным действиям (для торговой рекламы это призыв воспользоваться товарами или услугами).

«Заданность» такого рода в рекламе определяет систему речевых средств, используемых для достижения целевой прагматической установки. В исследованиях, ориентированных на прагматическую установку рекламы, разграничивается прагматическая установка рекламы и прагматическая направленность языка рекламы, которая должна быть четко обозначена обеспечением наиболее успешного («адекватного») восприятия сообщений.

В лингвистике термин «прагматика» употребляется для обозначения области исследования в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речевом акте (вопросы, связанные с выбором и варьированием знаков в зависимости от характеристик субъекта и адресата речи, ситуации общения, отношения между коммуникантами, целей и мотивов высказывания и т. д.

Ряд авторов считают наиболее целесообразным изучение рекламы с позиций прежде всего прагматики, так как прагматика изучает высказывание с точки зрения его иллокутивной функции.

Анализ языка рекламы на психологической основе получил свою дальнейшую реализацию в так называемых прагмалингвистических исследованиях [2; 17; 8; 16]. Основные разработки ориентированы на структурные и функционально-коммуникативные аспекты. С одной стороны, в структуре рекламного текста выделяются компоненты в престижных позициях, специально ориентированные на выражение его прагматической направленности: заголовок, слоган и др., с другой же – обозначивается семантическая структура рекламного текста, включающая дополнительные компоненты значения определенной прагматической направленности для разных типов рекламы: *«купите, воспользуйтесь»* для торговой рекламы; *«обратите внимание, доверяйте»* для рекламы корпоративной; «*голосуйте*» для рекламы политической и т. д.

Анализ работ, в центре внимания которых находится собственно лингвистика рекламы, позволяет выделить самые различные аспекты в указанном плане: общая организация языкового материала в рекламном тексте; особенности функционирования языковых средств в рекламном тексте; специфика композиции рекламных текстов, исследуемая как совокупность соответствующих компонентов; язык рекламы на лексическом, синтаксическом, стилевом уровнях; тенденции развития престижных компонентов рекламы, в особенности рекламных слоганов, собственно лингвистическое исследование которых является на сегодняшний день самым активным; попытки классификации рекламных текстов в зависимости от стратегии рекламы; анализируются языковые особенности различных типов рекламы: торговой, политической, социальной и т. п.

Наиболее актуальным для нас является то, что авторы большинства из приведенных работ едины во мнении: при помощи рекламного текста реализуется воздействие на ре-

циипиента, происходит своеобразное его зомбирование, манипулирование его действиями. Язык рекламы в достаточной степени унифицирован, что дает возможность говорить о штампованных языковых средствах, которые используются в рекламе. В частности для коммерческой рекламы характерны:

1) языковые маркеры *«фантастических»* стандартов. Например: *фантастический ряд свойств, великолепный выбор вилл, эпохальное решение; гигантский, сверхбольшой, большой размер, экономичный, великий;*

2) языковые средства интимизации, создающие тональность дружеской коммуникации. Например: *загляните в наш салон; вы будете довольны; ощутите ауру нашей фирмы;*

3) формы «субъективного» синтаксиса: императивы и апеллятивы. Например: *«Будь дизайнером своего дома»; «Мы знаем как приклеить прочно – попробуйте и Вы», «Хочешь иметь ресницы, притягивающие все взгляды к тебе? ОКУТАЙ их!»;*

4) устойчивое использование некоторых слов, в частности прилагательных, которые можно определить как константные или слова-обещания. Например: *«новый», «белый», «свежий», «чистый», «быстрый», «свободный», «прочный», «легкий», «хороший», «элитный», «эксклюзивный;* а также частое использование сравнительной и превосходной степени сравнения прилагательных: «*шире», «свежее», «более», «самый», «самый лучший»;*

5) умелое использование коннотативных значений с целью благоприятного настроя аудитории на определенный товар, услугу, т. е. значений, часто не имеющих никакой связи с самими предметами или лицами. Например: *«концептуально новая единственная в мире студия…»; «изысканная неповторимость»;*

6) номинация товаров посредством запоминающегося, привлекающего внимание аудитории названия. Например: *Sprite, Raid, L'Oreal, Fast, Marlborough, Karloff, Versace, Pleasures, Joy, Great; жизнь, здоровье, любовь, счастье, искусство, красота, семья, дети*, *питание, образование* и т. п.

На рубеже XX–XXI вв. центр исследований в области гуманитарных наук смещается с предметов и явлений, рассматриваемых в отношениях жесткой причинной обусловленности, на речевые акты, дискурсы, протекающие в рамках различных социальных групп. В центре внимания оказываются представления о мире в сознании того или иного субъекта, которые разделяются всеми членами данного социума. Физическая реальность, которая находилась в центре гуманитарных наук, уступила место реальности социально-психологической. Эта реальность может соответствовать или не соответствовать объективному положению вещей – в любом случае она остается единственной, уникальной реальностью для творящих ее субъектов. Любая информация об объектах, которой располагает индивид, – это информация, измененная в соответствии с системой его понятий и представлений. Получаемые из внешней среды данные классифицируются, соотносятся с той или иной категорией, обрабатываются на основе определенной когнитивной схемы, получают названия и становятся предметом коммуникаций [6, с. 112–113]. Однако при этом, как пишет В.А. Маслова, активно развивается сейчас лишь одна из многих гуманитарных областей – это средства пропаганды и воздействия на массы [9, с. 113]. Поэтому-то в центре внимания научной парадигмы оказываются дискурсы, протекающие в рамках того или иного социума.

Наметилась тенденция в исследовании рекламы как рекламного дискурса с точки зрения знакового характера составляющих его компонентов, что представляется нам вполне логичным и позволяет говорить о нем самом как об особого рода знаке, обладающем определенными семантико-прагматическими особенностями. Именно рекламные тексты представляют собой дискурс, ибо они динамичны, всегда суперсовременны и воспринимаются коммуникантами – адресатом и адресантом в контексте происходящих событий. Прагматическая направленность рекламного дискурса состоит не только в отборе языковых (вербальных) и неязыковых (невербальных) средств, но и способов их подачи.

Исследование языка рекламы с позиций когнитивной лингвистики представляется одним из наиболее перспективных направлений в настоящее время, поскольку в основе построения и понимания языковых сообщений лежат моделируемые когнитивные процессы.

Лингвокогнитивный план дискурса непосредственно связан с сознанием говорящего, с теми знаниями и представлениями, которые языковая личность приобретает в процес-

се социализации и которые представляют собой основу того «культурного массива», который транслируется от поколения к поколению в рамках одного этноса. Именно этот план дискурса предопределяет его национальную специфику. Следовательно, при анализе дискурса как такового и прежде всего рекламного дискурса в силу его, так сказать, «всечеловечности» необходимо рассматривать такую важнейшую его составляющую, как ментальность (ментальную составляющую). Сейчас очевидным стало то, что реклама – это феномен и ментальности, и человеческой психики, при этом в центре наблюдения помещаются как лингвальные, так и экстралингвистические компоненты.

Таким образом, многочисленность исследований рекламы в языковом аспекте позволяет говорить о новом направлении в лингвистике – рекламоведении. В сферу этого направления входит изучение моделей создания рекламных текстов, разработка принципов отношения к ним (их принятие или нет), создание номенклатуры способов актуализации языковых единиц в тексте, анализ синтаксиса рекламы с точки зрения его роли в достижении цели рекламной коммуникации; определение жанрового своеобразия рекламы и ее места в системе функциональных стилей и т. п. Признавая актуальность перечисленных задач, нельзя не согласиться с тем, что реклама – это зарождающаяся научная отрасль, это зарождающаяся наука.

Чтобы реклама имела наибольший эффект, она должна сформировать у адресата стереотип, разумеется, положительный, и закрепить его как устойчивый образ предлагаемого товара. Так, Н. Арнольд отмечает: «После выработки стереотипа каждое новое появление того же предмета будит уже заготовленные эмоции и действия, и нужны очень веские основания для того, чтобы убедить мозг сойти с накатанной колеи» [1, с. 45].

Формирование положительного образа рекламируемого товара в современных текстах идет по двум направлениям. Первое – это наращивание, перечисление только положительных сторон товара по принципу «кашу маслом не испортишь». Например, реклама аппарата квантовой терапии перечисляет достоинство своего товара: это *«прорыв в 21-й век», «уникальная возможность эффективно и гарантированно лечить на дому более 150 заболеваний», «не имеет побочных эффектов», «помогает реализовать внутренние резервы, и происходит чудо: … реализуется эффект самоисцеления, присущий всему живому»* и т. п. Часто рекламисты используют гиперболы: *«Витязь» заменяет хорошо оборудованную клинику!».* Нередко градация приводит к плеоназмам: *«Витязь» совершенно уникален и не имеет аналогов в мире».*

Второе – это так называемый метод «от противного», когда в начале рекламного текста обрисовывается «страшная картина» (например, рост различных заболеваний: грипп, гепатит, ожирение и т. п.), а в концовке вам предлагают «панацею»: Веторон, Бионормалайзер, Царские таблетки, Маолокс и т. п. Пример рекламы под заголовком *«Гепатит – смертельная угроза!: «Вирусный гепатит «С» … Это страшная болезнь очень «молода», однако коварна и опасна. Основные осложнения ее – цирроз и первичный рак печени. Поэтому ученые всего мира ищут новые средства борьбы с гепатитом «С» и «В»*. Так обрисовывается негативная ситуация в зачине. А концовка оптимистична*: «Бионормалайзер … подарил надежду на исцеление сотням тысяч больных, считавшихся неизлечимыми».* Подобный метод (в начале рекламы – негатив, в конце – позитив) эффективно воздействует на восприятие предложенного текста, т. к. апеллирует к одному из сильнейших человеческих инстинктов – к чувству страха.

Встречаются и менее заметные противопоставления (антитезы), построенные на менее резком контрасте: *«Всем известно, что шерстяные изделия не любят, когда их сильно трут при стирке или замачивают в горячей воде, т. к. волокна от этого разрушаются, и вещь быстро приходит в негодность».* И концовка: *«… шерстяные капризули после мягкой стирки в «Ласке» не скатываются, остаются объемными и пушистыми, не теряют цвет и восхитительно пахнут розой»*.

Заметим, что с точки зрения адресата воздействие может восприниматься как простое сообщение, когда адресант (отправитель сообщения) лишь констатирует некоторые факты, а воздействие состоит лишь «в подталкивании» адресата к широкому диапазону возможных выводов, то есть дается информация к размышлению.

В другом случае адресант может воздействовать посредством намеков, когда сообщение имплицирует или может имплицировать определенные выводы. При этом возможность импликаций зависит от того, как оценивает адресант коннотативные возможности адресата, то есть степень понимания усвоения сообщения.

В самом общем плане относительно этого факта высказывается М. Роуд, отмечая, что, чтобы управлять людьми, надо их знать; нами весьма успешно управляют с помощью тонкого и деликатного проникновения властей в наши желания, реальности и представления о свободе [13, с. 40]. Между тем из всей массы высказываний о воздействующей функции рекламы по нравственной значимости и прагматической ценности ни одно не может быть поставлено рядом с разграничением убеждения и манипулирования. И дело не только в том, что в таком разграничении просматривается должное уважение к адресату как к субъекту и не в том уж вовсе, что из него следует отрицательная оценка манипулирования. Напротив, упомянутое разграничение и разработка его критериев позволяют объективно оценивать положительные и отрицательные стороны манипулирования и его целостности как коммуникативного явления.

Существуют различные подходы и к назначению рекламы. Согласно первому, реклама не только помогает ориентироваться в мире товаров, но и информирует о наличии товара, его качестве, полезных свойствах, цене. Согласно второму, реклама создает потребность в товаре, который человек ранее не видел. На основе вышесказанного возникает вопрос, что первично: потребность в рекламируемом товаре или воздействие рекламы на потребителя. Американцы Ч. Сэндидж, В. Фрайбургер, К. Ротцолл полагают, что задача рекламы сводится, прежде всего, к информированию. Тем не менее, они не отрицают воздействия рекламы на сознание потребителя. А.Н. Лебедев, А.К. Боковиков высказывают положение, что, помимо основного канала, несущего текст рекламного сообщения, может существовать еще один канал воздействия на психику потребителя. В ряде случаев ни рекламодатель, ни потребитель, ни производитель рекламы не осознают факт программирования.

О.А. Феофанов упоминает о том, что манипулирование – это явление не новое, только сначала реклама информировала о товарах и услугах; сейчас она стала утонченной системой психопрограммирования масс и манипулирования их потребностями. Под «психопрограммированием» следует понимать не прямое, не явное, а скрытое, постепенное и системное воздействие на психику людей, в первую очередь на эмоциональные и бессознательные сферы.

В исследовании этих сторон рекламы решающая роль принадлежит, безусловно, лингвистам, поскольку манипулятивные возможности заложены прежде всего в языке, и они чрезвычайно богаты. О языке в этом плане высказывался Д. Болинджер, называя его «заряженным оружием»: он является не только средством общения, но и разобщения, не только средством самовыражения, но и средством манипулирования, не только средством освобождения, но и порабощения языковыми стереотипами. Общение и передача информации между людьми происходит не ради самих себя, а для достижения некоторых целей [20].

В работах известных российских и зарубежных исследователей рекламы общим моментом стало не только признание функции воздействия как константной функции рекламы, но и прямое указание на то, что именно слово играет значимую роль в реализации этой функции, именно оно обладает внушающим воздействием. Д.Э. Розенталь и Н.Н. Кохтев пишут о том, что среди раздражителей, вызывающих у человека эмоциональную реакцию, наиболее важное место занимает слово, оно оказывает на человека влияние во много раз больше, чем какие-либо другие факторы. Особое значение здесь имеет смысловое содержание слова, его семантика, вызывающая определенные ассоциации. Слово оказывает на получателей рекламы весьма сильное и специфическое воздействие. Цель рекламы – повлиять на потребителей, убедить их в правоте сказанного с помощью таких слов, которые способны вызвать нужные мысли и чувства [10; 5].

Действительно, в рекламе, например, лекарственного препарата «*Номигрен*» присутствуют такие слова, которые, вызывая положительные ассоциации, убеждают в необходимости приобретения препарата: *«Скажи мигрени «по»! …, если принимать «Номигрен»… приступ мигрени можно полностью избежать…».*

Интересными, как нам представляется в связи с этим, являются размышления Ю. Тынянова о силе слова, который писал, что к печатным документам не следует испытывать пиетета, они врут, как люди. Слова (и не только печатные) имеют магическую власть над людьми. Временами им открыт безграничный кредит. Пропаганда и агитация – это прежде всего гипноз слов, основанный на инстинктах масс. Массы идут за словами (цит. по: 3, с. 38–39). И поскольку реклама поглотила и пропаганду, и агитацию, то все сказанное можно отнести непосредственно к самой рекламе.

Абсолютно не претендуя на оригинальность в повторении того, что реклама реализуется прежде всего в рекламном тексте, мы тем самым закрепляем прозрачную истину о том, что рекламе присуще и языковое манипулирование, то есть использование особенностей языка и принципов его употребления с целью скрытого воздействия на адресата в нужном для говорящего направлении. Скрытого означает неосознаваемого адресатом, когда скрытые возможности языка используются говорящим для того, чтобы навязать слушающему определенное представление о действительности, не совпадающее с тем, какое слушающий мог бы сформировать самостоятельно. Язык в таких случаях используется как «инструмент социальной власти». По меткому определению автора книги «Психология массовых коммуникаций» Ричарда Харриса, масс-медиа – «это не только «магическое окно», через которое мы смотрим на мир, но и «дверь», через которую идеи проникают в наше сознание» (цит. по: [18, с. 9]). По нашему мнению, это относится прежде всего к рекламе. И через эту «дверь» приходят не только готовые идеи, но и готовые персонажи, стереотипы и образы, по моделям которых большая часть цивилизованного мира строит свое поведение.

Один из видных французских создателей рекламы Жак Сегела нашел более опоэтизированное сочетание для обозначения манипулятивности рекламы, назвав это явление «магией рекламы» как магией превращения акта потребления в культуру, поскольку потреблять не мечтая – это значит вернуться к животному состоянию» [цит. по: 18, с. 18]. А для того, чтобы понять и раскрыть секрет этой магии, необходим в первую очередь рациональный анализ языковых средств, на базе которых строится рекламное общение.

Итак, нами были рассмотрены информативный, суггестивный и манипулятивный аспекты воздействия рекламы. Каждый из перечисленных выше аспектов воздействия имеет свой набор средств, при помощи которых осуществляется влияние на адресата на информативном уровне, или же по отношению к адресату используют технику внушения, или манипулирования. Подчеркнем, рекламе в первую очередь присуще языковое манипулирование, т. е. использование особенностей языка и принципов его употребления с целью скрытого воздействия на адресата в нужном для говорящего направлении.

Список использованной литературы

1. Арнольд Н.В. Тринадцатый нож в спину российской рекламе и public relation / Н.В. Арнольд. – М.: Прогресс, 1997. – 75 с.

2. Баркова Л.А. Прагматический аспект использования фразеологизмов в рекламных текстах (на материале английского языка): дис. … канд. филол. наук / Л.А. Баркова. – М., 1983. – 217 с.

3. Борисов Б.Л. Технология рекламы и PR / Б.Л. Борисов. – М., 2001. – 617 с.

4. Зирка В.В. Лексика рекламы: учеб. пособие / В.В. Зирка. – Д.: Изд-во ДУЭП, 2006. – 96 с.

5. Кохтев Н.Н. Стилистика рекламы / Н.Н. Кохтев. – М.: Прогресс, 1991. – 91 с.

6. Куриленко В.Б. Функционально-коммуникативный подход к описанию русской грамматической системы / В.Б. Куриленко// Традиции и новации в профессиональной деятельности преподавателя русского языка как иностранного: учеб. монография / под общ. ред. С.А. Хаврониной, Т.М. Балыхиной. – М.: РУДН, М., 2002. – С.110–115.

7. Леонтьев А.А. Потребности, мотивы и эмоции / А.А. Леонтьев // Психология эмоций. Тексты. – М.: МГУ, 1993. – С. 171–180.

8. Лившиц Т.Н. Реклама в прагмалингвистическом аспекте / Т.Н. Лившиц. – Таганрог: Таганрогск. гос. пед. ин-т., 1999. – 212 с.

9. Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: ИЦ «Академия», 2001. – 208 с.

10. Негневицкая Е.Н. Явление словесного насыщения массовой коммуникации / Е.Н. Негневицкая // Психолингвистика и обучение иностранцев русскому языку. – М., 1972.

11. Огилви Д. Откровение рекламного агента / Д. Огилви. – М., 1998. – 185 с.

12. Розенталь Д.Э. Язык рекламных текстов / Д.Э. Розенталь, Н.Н. Кохтев – М.: Высшая школа, 1981. – 125 с.

13. Роуд М. Психология как социальная наука / М. Роуд // Иностранная психология. – М., 1993. – 270 с.

14. Рябцева Э.Г. Конвергенция стилистических приемов в рекламном тексте / Э.Г. Рябцева// Природа. Общество. Человек. Вестник Южно-Рос. Отд. Междунар. Академии наук высшей школы. – Краснодар, 1996. – № 2–3 (5–6). – С.28–29.

15. Тарасов Е.Ф. Психолингвистические особенности языка рекламы / Е.Ф. Тарасов // Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. – М.: Наука, 1974. – С. 80–96.

16. Терпугова Е.А. Рекламный текст как особый тип императивного дискурса: дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Терпугова. – Иркутск, 2000. – 181 с.

17. Толкунова Е.Г. Семантическое описание современных русских рекламных текстов. автореф. дис. … канд. филол. наук. / Е.Г. Толкунова. – Барнаул, 1998. – 21 с.

18. Шатин Ю.В. Построение рекламного текста / Ю.В. Шатин.– М.: Бератор-Пресс, 2003. – 128 с.

19. Leech G. Principles of Pragmatics / G. Leech. – London; New York: Longman, 1983. – 250 p.

20. Bolindger D. Language: The Loaded Weapon / D.Bolindger. – L.; N.Y.: Longman, 1980. – 214 p.

У статті розглядаються мотиви в рекламі, які виступають не лише як категорія психології, але і як структурно-семантичний компонент рекламного тексту. Ці мотиви визначено організуючим семантичним і структурним простором макротексту реклами.

Ключові слова: мотиви, лексика, реклама, сатурація, семантичний простір тексту.

The article examines the motives in an advertisement, which come forward not only as a category of psychology but also as a structural-semantic component of advertisement text. These motives act as organizing means of semantic and structural space of macrotext in advertisement.

Key words: motives, lexis, advertisement, saturation, semantic space of an ad.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

УДК 811.111'42

І.В. МАЛИНОВСЬКА,
кандидат філологічних наук, доцент
докторант Центру наукових досліджень і викладання іноземних мов НАН України

ДЕЯКІ НОВІТНІ ТЕНДЕНЦІЇ ВЕРБАЛІЗАЦІЇ НАУКОВИХ КОНЦЕПТІВ У ПРОСТОРІ АНГЛОМОВНОГО ФІЛОСОФСЬКОГО ДИСКУРСУ

Статтю присвячено аналізу лексикону наук про складність, що розвиваються у зв'язку зі становленням нової методологічної парадигми оновлення, яка охоплює факторіали, хаос, теорію нелінійності, динамічні системи, самоорганізацію, штучний інтелект, нервову систему, мову та подібні складні системи. Термінологія наук про складність переживає процес становлення і являє собою відкриту динамічну систему, яка поповнюється за рахунок залучення концептуальних корелятів з інших галузей знань. Оскільки терміни наук про складність вербалізують наддисциплінарні поняття, вони й самі набувають характеру наддисциплінарності та універсальності, перетворюються на мегалексикон, а відповідна термінологічна система виступає як метамова сучасних міждисциплінарних досліджень.

Ключові слова: філософський дискурс, методологія оновлення, категоріальні терміни, термінологічна система, концепти, поняття, концептуалізація, вербалізовані поняття, дискурс методології наук про складність, мегалексикон.

На сьогоднішньому етапі розвитку англомовний філософський дискурс перетворюється на універсальне джерело глобалізації наукового дискурсу як такого. Сучасний науковий дискурс переживає ключовий етап, під час якого мова (з точки зору дослідника-лінгвіста – еволюційною ходою, а вченого-природознавця, – революційною) виступає агентом вербалізації принципово нових концептуально-ідейних наукових засад, які часто називають оновленою методологічною культурою [1, с. 9–12]. Останні два-три десятиріччя лексикон наукового пізнання поповнюється термінологічними одиницями, які важко розпізнати як новотвори. Спираючись на критерії віднесення термінологічних одиниць до міжнародних, які розроблені провідним термінологом української школи В.В. Акуленком [2, с. 111–129], і ті, що розвинуті у подальших вітчизняних дослідженнях [3], ми виділяємо міжнародні лексеми (інтернаціоналізми) та їх сполучення на кшталт *bifurcation, complexity, context, dissipative structures, complex evolving systems, innovation, multiple results, non-linearity, self-organisation* та ін. (CIJ, NSP, RS, CMML). Більшість із них давно функціонують як у мові окремих наукових галузей, так і в загальному дискурсі, проте сьогодні вони залучені для вербалізації новітніх концептів філософської методології оновлення, що робить їх справжніми «несправжніми друзями» дослідника, який працює в традиційній науковій парадигмі та непосвячений у трансформаційні процеси методологічної культури науки.

Неологізмом є і сам категоріальний термін *complexity* (цим терміном позначається як сама(і) наука(и) про складність, так і її(їх) титульне поняття) та його найбільш часто вживані синонімічні термінологічні сполучення *complexity studies, complexity knowledge, research on complexity.* В українському філософському, природознавчому та, особливо, фізичному дискурсах відповідником виступає новотвір *науки про складність*. Компонент *complexity*

© *І.В. Малиновська, 2012*

тут набуває іншого, ніж у загальному мовленні та метафізиці, значення. *Складність* функціонує як філософський і загальнонауковий термін, який позначає неозору розмаїтість *цілісностей* (*wholeness*), що самоорганізуються, саморозвиваються, трансмутують, самовпливають на себе. Прикладами таких цілісностей можуть бути Всесвіт, екосфера, клімат, погода, планетарне життя, антропність, психіка, мова, соціум, особистість, культура. Кожна *complexity* – це відкрита нелінійна система, режим динамічної поведінки якої може змінюватися спонтанно, індетерміністично і навіть катастрофно.

Complexity (наука про складність) претендує на роль єдиної трансдисциплінарної теорії для всіх можливих типів *worlds (світів складностей, які трансмутують).* Сьогодні вона має сформовану в цілому термінологічну систему, що склалася як певна універсальна міждисциплінарна метамова. Незважаючи на складність та спонтанність розвитку об'єктів, які концептуалізуються, системність наукового пізнання забезпечує смислову єдність термінологічного поля *науки про складності* через ланцюги взаємопов'язаних дефініцій. Наведемо деякі елементи терміносистеми з ядром *complexity*.

Науки про складність досліджують причини та умови виникнення *transmuting complexes (складностей, що трансмутують)* і те, що відбувається після їх виникнення, їх спроможність існувати як *цілісності, що розвиваються* (*totalities)*, спонтанність змін режиму їх буття, ступінь ізольованості таких комплексів одне від одного та їх спроможність за певних умов зрощуватися у своєрідні *spawns of transmuting complexes* (*грибниці складностей, які трансмутують*). Складна система як у просторі матеріальної дійсності, так і суспільства загалом, характеризується двома обов'язковими для неї властивостями: *нелінійною динамікою* (*non-linear dynamics*) і *величезною кількістю елементів з великою кількістю ступенів свободи (great number of top-loose elements)*. Буття кожної такої *складності* нагадує собою не вічне її існування в якомусь режимі, а ланцюг *трансмутацій (transmutations)*, *метаморфоз (metamorphosis)*, *катастроф (accidents), трансформацій (transformations*), які спостерігаються в природі, в духовній сфері та в ході як біологічного, так і психологічного розвитку окремої особистості. Подібне буття – це темпоральний процес зміни *режимів складності*, тобто її становлення, самоорганізації, еволюції. Перехід *складності*, яка *трансмутує (transmutes),* з режиму *самоорганізації (self-organisation)* в режим *буття незмінної присутності (constant being)* є рівноцінним її *деградації (degradation*).

Терміни, наведені вище, позначають поняття, які входять у поле *складність* в різних галузях (від математики до менеджменту) і мають у межах відповідних дискурсів специфічні дефініції. Втім їх не слід вважати міжгалузевими омонімами, оскільки різниця у визначеннях відтворює лише специфіку ідеалізованих об'єктів, які досліджуються цими науками, пов'язану з деталізацією та конкретизацією понять. Судячи з мовного матеріалу, отриманого в результаті аналізу текстів, передусім інтернет-видання «Complexity» Центру досліджень складних систем Іллінойського університету США за 2007 р. (CCRS), який інтегрує дані різних сучасних наукових галузей з їх філософським осмисленням, є підстави для висунення гіпотези про те, що термінологія науки про складності складається і поповнюється ***виключно*** за рахунок одиниць, які вже функціонували в дискурсах інших наук – концептуальних корелятів, що залучаються для осмислення більш загальних понять. У понятійному просторі *complexity* вони набувають нових відтінків значень, або й повністю переосмислюються щодо тих, які притаманні концептам різних наук, що здійснюються в межах класичної методології, але виступають єдиною міжгалузевою мегатерміносистемою в тому комплексі, який позначається як *research on complexity* (CIJ).

Багатовимірність понятійного апарату наук про складність висуває особливі вимоги до чіткості та строгості дефініцій термінів, не допускає будь-яких «вад» на кшталт синонімії, омонімії, багатозначності. Проте в процесі становлення концептуального апарату, який ще триває, в поодиноких випадках породжується явище, яке ми позначимо як «квазібагатозначність» терміна, яка відтворює уточнюючу функцію дефінування концепту залежно від галузі знань та водночас – втілює його загальнонаукове значення.

Це яскраво ілюструється на прикладі ядерного терміна *complexity*, яким позначається «парасольковий» концепт «складність». Незважаючи на те, що в історичному масштабі цей термін з'явився зовсім недавно та вписується в строки функціонування слова як неологізм, наразі нараховується майже сорок його визначень у різних галузях знань (філософ-

ському постмодернізмі, екології, політології, математиці, лінгвістиці, когнітології, психології, теорії менеджменту тощо).

Complexity визначається як складність (структурна, організаційна, текстурна, процесуальна, системна, композиційна…) та пов'язана з тонкою та переплетеною взаємодією матеріальних об'єктів між собою та з біологічними об'єктами, біологічних об'єктів між собою та з матеріальними об'єктами, індивідуумами між собою та з матеріальними артефактами (наприклад, з інформаційними технологіями), а також взаємодією між індивідуумом та суспільним інститутом або організацією залежно від контексту такої взаємодії. Так, якщо йдеться про концептуальний апарат теорії менеджменту, мається на увазі складна взаємодія агент(и) що господарює(ють) ↔ агент(и), що господарює(ють) (внутрішньоорганізаційні зв'язки безпосередньо в секторі діяльності); агент(и), що господарює(ють) ↔ агент(и), що господарює(ють) (зовнішньоорганізаційні зв'язки безпосередньо в секторі діяльності); агент(и), що господарює(ють) ↔ агент(и), що господарює(ють) (взаємодія в контексті споріднених секторів) тощо (RC).

Складність виникає внаслідок пов'язаності та взаємодії елементів, з яких складається система елементів різної природи. Шляхи виникнення їх взаємодії та її спосіб ще не вивчені. Не існує чіткої відповіді на питання, яким чином такі елементи спроможні створювати нові системи, структури та моделі, як в умовах дії елементів різних типів зберігається їх організаційна єдність і «самість» цілого. В цьому плані *складність* має такі характеристики, як нелінійність (*non-linearity*), самоорганізація (*self-organisation*), виникнення нових якостей (*emergent properties*), спроможність функціонувати у нерівноважному стані (*far-from-equilibrium operation*), чутливість до зміни первісних умов (*sensitivity to initial conditions*) (CCSR).

Наведені дефініції та тлумачення в жодному разі не вичерпують семантичної повноти цього терміна, створеної численними дефініціями та контекстами, в яких він функціонує, проте, як найчастотніші, дають змогу отримати цілісне уявлення як про його понятійний обсяг, так і про лексико-семантичне поле, що об'єднує терміни на основі понятійної категорії *складність*. Принципи організації цих одиниць у ієрархічну систему можна простежити, побудувавши концептуальну модель категорії «складність». Якщо спробувати експонувати концепт «складність» (у цій статті оперування термінами «поняття», «концепт», «категорія» та іншими позначеннями квантів знань не коментується, а їх вживання стосовно тієї чи іншої ментальної сутності не аргументується, оскільки це предмет окремого дослідження. Зауважимо лише, що поділяємо висновки про складність визначення, інтуїтуїзм та невпорядкованість цього сегмента метамови сучасної лінгвістики [6; 7; 8; 9; 10; 11]) на основі тих спільних елементів, які містяться в більшості його дефініцій, його мегадефініцію буде змодельовано приблизно в такому вигляді:

€ = [WH (Eạ$\underline{\aleph}$Eb$\underline{\aleph}$Ec$\underline{\aleph}$…En)], де € – складність; WH – складне ціле (комплекс, композит, кластер тощо); Eạ, Eb,Ec…En – невизначена кількість різнорідних елементів цілого. Значком $\underline{\aleph}$ позначено багатовекторні взаємодії елементів, з яких складається це ціле між собою як попарно, так і кожного з кожним.

При всій різноманітності визначень терміна *complexity,* окремі його дефініції мають спільним те, що визначають це поняття (одиниця *complicacy*, яка в загальних словниках виступає повним синонімом слова *complexity,* не функціонує ані в сучасному загальнофілософському дискурсі, ані в дискурсі наук про складність) як певний комплекс, систему, сукупність, набір (*set off elements)* елементів, компонентів, складових частин, що мають різну природу та вступають у складну різнорівневу та різновекторну взаємодію між собою та із зовнішніми об'єктами. Складне ціле (*whole, wholeness, totality*), в яке об'єднані такі компоненти, є відкритою динамічною системою (*open dynamic system*), яка постійно трансмутує та потерпає від інших видів змін, одночасно зберігаючи свою «самість», тобто залишаючись тим, чим вона є.

Проаналізовані дефініції дають достатньо розгорнуте віяло репрезентацій смислового інваріанта «складність». Виходячи з усталених дефініцій та контекстних значень відповідного концептуального терміна, можна побудувати концептуальну модель парцел лексико-семантичного поля «complexity» [4] на базі інтеграції предметноцентричного та акціонального фреймів. Посилаючись на усталені принципи та методику понятійного моделювання,

зазначимо, що будь-який фрейм є системою взаємопов'язаних пропозицій, в кожній з яких центральним логічним суб'єктом виступає дещо-предмет, якому предикуються якісні, кількісні, буттєво-акціональні, локативні та темпоральні ознаки [5]. Ця модель може бути екстрапольована на фреймові структури, які містять понятійний синтез кількох сутностей, як у випадку концепту *complexity*.

Концепт *complexity* в термінах акціонального моделювання може бути інтерпретовано так: ціле, яке існує (матеріальний або духовний об'єкт: всесвіт / клімат / психіка / мова / екосфера / культура) є агентом. Воно еволюціонує, мутує, трансмутує, змінює саме себе і перетворюється на пацієнс. Взаємодіючи з іншими об'єктами, воно виступає водночас агентом і пацієнсом для набуття нового якісного стану і вимагає одиниць для позначення результату.

Лексико-семантичне поле «складність» можна представити як сукупність таких конституентів:

– ДЕЩО: суб'єкт дії, який характеризується за такими параметрами: ДЕЩО-ЦІЛЕ: цілісність/комплекс/сукупність/система; ДЕЩО-ЧАСТИНА: Всесвіт/екосфера/культура/психіка/мова; ДЕЩО-КОНТЕЙНЕР: роль сховища різнорідних елементів; ДЕЩО-ВМІСТ (ЧАСТИНИ): складові, що становлять вміст сховища; ДЕЩО-СТРУКТУРА/СИСТЕМА: співіснування частин на базі відповідної структури (зв'язків, відносин); ДЕЩО-ЗДІБНІСТЬ/АГЕНС: потенційна спроможність виступати в ролі агенсу – основного учасника процесів еволюції, взаємодії, метаморфозу; ДЕЩО-ТАКА ЗДІБНІСТЬ/АГЕНС: спроможність агенса взаємодіяти та змінюватися наділена специфічними якісними характеристиками.

– ДЕЩО → РЕЗУЛЬТАТ: розвиток нового значення «результат метаморфозу або трансмутації».

– ДЕЩО → ЯКІСТЬ: здатність залишатися в межах своїх якісних характеристик, зберігати *wholeness*.

Таким чином, термін «*complexity»* співвідноситься з понятійною категорією, яка може бути змодельована як єдина концептуальна модель, завдяки гармонічному узгодженню парцел відповідного лексико-семантичного поля.

Як і багато інших концептів вищого рівня, двійники *complexity* в загальному дискурсі важко піддаються тлумаченню та характеризуються плинністю та калейдоскопічністю [12, с. 128–129]. В науковому дискурсі вони, незважаючи на абстрактну природу свого референта – ідеалізованого об'єкта дослідження (певна абстрактна цілісність), набувають конкретного визначення. Фундаментальні концепти, пов'язані з науковим світоглядом та методологією, не менш телеоновні, ніж ті, що виражають духовні сутності або світоглядні поняття. Методологічний інструментарій сучасного пізнання, до якого належать усі поняття наук про складність, як і концепти духовної культури «добро», «свобода», «доля», відносять до так званих граничних понять [13]. Вони є результатом максимального ступеня абстрагування, а терміни, що їх позначають, відтворюють рух теоретичної рефлексії та закріплюють її результат [14, с. 2]. На відміну від досить поширеної в лінгвістиці думки, ми не вважаємо їх «семантично порожніми» [15, с. 9], а навпаки, такими що є максимально насиченими в семантичному плані, виражаючи ідеалізовані об'єкти, які самі по собі є «складнощами». Згідно з М.К. Мамардашвілі [16, с. 65], вони спрямовані на «з'ясування обставин людського буття як такого» формуванням у людини адекватних базових уявлень про навколишній світ.

Візьмемо низку пов'язаних між собою дефініціями термінів та покажемо їх взаємозв'язок через поняття, якими описуються деякі моменти основної проблематики наук про складність.

Особливий, рідкісний термін-метафора *spawns of transmuting complexes* позначає не менш особливий світ, який складається з *грибниць складностей, які трансмутують,* і є або універсумом, або мультиверсумом. Наука про складність шукає відповідь, чи існує такий *world of complexities (світ складностей)* в єдиному екземплярі або ж існує неозора множина його різноманітних екземплярів? Очевидна схожість процесів у складних матеріальних і нематеріальних системах дає підстави вважати, що поняття *spawns of transmuting complexes* можна використовувати як універсальний засіб концептуальної репрезентації реальності в науці. Таким чином, метафора *spawns of transmuting complexes* виступає концептуальним репрезентантом різноманітних природних і соціокультурних реалій.

Як фізика, так і математика, давно користуються поняттями про замкнуті та відкриті динамічні системи. Починаючи з останньої третини минулого століття ці терміни ввійшли до понятійного апарату семіотики, соціології, психології.

У *науці про складність* навколишній Всесвіт розглядається як такий, що складається із двох типів динамічних систем – замкнутих і відкритих (*open and closed dynamic systems*). Системи першого типу не обмінюються з навколишнім середовищем ні енергією, ні речовиною, ні інформацією.

Вони ізольовані від нього і в цьому сенсі консервативні. Системи другого типу пов'язані з навколишнім середовищем якимись обмінними процесами (тобто енергетичними, речовинними, інформаційними). Розширення понятійного обсягу концепту *dynamic system* призвело до появи терміна *dissipative structures* (*дисипативні системи)*, тобто такі, які розсіюють енергію, речовину, інформацію. Термін *dissipative structures* був запропонований вченими Пригожиним і Стенжерсом у 1985 р. За цими дослідниками, «all systems contain subsystems which are continually «*fluctuating»*. When one or more fluctuations become so powerful, as a result of positive feedback, that they shatter the *preexisting organisation,* the system has been forced into a far-from-equilibrium condition and has reached a point of bifurcation. It is inherently impossible to determine in advance which direction change will take. The system may disintegrate into instability or leap to a new level of order or organisation called a «dissipative structure». It is given that name because it requires more energy (or information) to sustain it than the simpler structure it replaced. In terms of the flow of information, a stable system can be sustained with a sluggish flow, but a much more vigorous and richer flow is necessary for a system operating far-from-equilibrium. If the flow of information becomes too fast, however, then the system may disintegrate» (CM, Weaver). Наведена дефініція наочно ілюструє логічність та системність термінології науки про складність. У ній до пояснення ключового терміна *dissipative structure* залучено якнайменше три інші терміни цієї терміносистеми: *fluctuating, far-from-equilibrium condition, bifurcation,* а сам термін включено в дефініцію центрального поняття *complexity*.

Лексикон науки про складність ще тільки складається, проте вже зараз має всі ознаки розвинутої терміносистеми. Так, у межах понятійної категорії «складність» взаємозв'язок конкретних концептів забезпечується концептуальною моделлю (структурою представлення знань). Для понятійної категорії «складність» ця структура є схематою (або інтегративним фреймом), яка відтворюється шляхом взаємоположення фреймових моделей патронімічного, предметно центричного і акціонального типів. Патронімічна модель забезпечує загальну організацію фрагментів понятійної категорії (її понятійних парцел, або підкатегорій).

Порівняння семіотико-когнітивних характеристик термінів наук про складність з аналогічними характеристиками терміна *discourse (дискурс)* вказує на їх подібність і дає підстави щодо висунення гіпотези, що міждисциплінарний термін також має право бути включеним у дослідження *складностей*. Якщо перелічити його визначення, яких налічується десятки (найчастотніші – діалог, полілог, функціональний стиль мови, «мова у мові», надфразовий зв'язок слів, самоузгоджений текст, усно-розмовна форма тексту, взаємодія між мовними особистостями, мовленнєва практика, група висловлювань, пов'язаних між собою за змістом, мовний твір, письмова/усна даність думки, текст, занурений в життя, тощо) [17, с. 307–319], очевидно, що в ньому втілена міждисциплінарна концептуальність. Остання й реалізується, окрім лінгвістичних досліджень, у практиці аналізу позалінгвістичних реалій: у дискурс-риториці, дискурс-прагматиці, дискурс-політиці. Таким чином, цей інструмент лінгвістики (одиниця її концептуального апарату) перетворився на інструмент методології трансдисциплінарних досліджень, а теорія дискурсу є комплексною, гетерогенною дисципліною, що склалася на перетині лінгвістики, соціології знання, когнітивної антропології і сучасних критичних досліджень культури [18, с. 15].

Множинність дефініцій поняття *дискурс* відповідає тотальному характеру свого референта, втілює як наукову абстракцію, так і елементи чуттєвого пізнання, які закріплено у суспільній свідомості досвідом минулого зіткнення суб'єкта (колективного та індивідуального) з конкретним сегментом дійсності, а також подальшу «обробку» цих даних абстрактним мисленням. За абстрактним поняттям дискурсу як середовища, як видно з вищенаведено-

го, стоять цілком конкретні речі (письмові та усні тексти), явища (наративу, діалогу, полілогу) й відносини (співробітництва, взаємодії, протиставлення, розуміння і непорозуміння). Присутність у семантиці категоріальної одиниці водночас кількох значень різного рівня абстракції свідчить про те, що в ній відображено репрезентацію сутності референта на різних рівнях його осмислення. «Семантична місткість» виступає як результат дискретного характеру пізнання й фіксації в мові необмеженої множини властивостей об'єкта, що пізнається. Семантична структура терміна *дискурс* поповнюється новими компонентами, які виникають на окремих етапах руху теоретичної думки: від конкретного – такого, що дається в уявленні (конкретні тексти, письмові або усні), до абстрактних побудов (тотальне середовище, мова в мові), тобто від явища до сутності.

Інтелектуально-логічною основою такого виду термінологізації значення є осмислення простої множини в єдності, у сукупній цілісності, що забезпечує формування якісно нового поняття про певний об'єкт. Значення цього категоріального терміна настільки багатовимірне, що може бути охарактеризоване як тотальне, оскільки воно є не просто механічним зібранням відособлених семантичних елементів, а таких, що пов'язані в єдине семантичне ціле і в міру поповнення якого перетікають одне в одне і переплітаються між собою, створюючи нові семантичні утворення, змінюючи статус центрального або периферійного компонента в процесі концептуального розвитку цього поняття. *Discourse,* як і терміни наук про складність, визначається мегадефініцією, схема якої не менш складна і нелінійна: це рухливий комплекс семантичних кластерів, угруповань, шарів, переплетінь, та концептуальних вузлів.

Можна припустити, що наведені семантичні, семіотико-когнітивні та формально-операційні характеристики термінів, що позначають будь-який складний феномен, незважаючи на те, чи є він зараз предметом наук про складність або тільки наближається до цього статусу, розвиватимуться у зазначених вище напрямах.

Термінологія оновленої методології науки, або науки про складності, розвивається унікальним шляхом, використовуючи майже виключно зовнішню форму термінів-запозичень з інших наукових дисциплін. Вона із самого початку складалася в глобальному масштабі на базі англійської мови міжнародними зусиллями вчених із США, Великої Британії та різних країн Європи (Сенджерс, Ніколіс, Пригожин, Аллен, Гудвін та ін.) (RS, CM). По суті, це система інтернаціоналізмів різних типів, які, з огляду на їх семантику та сполучуваність, є неологізмами. Будучи категоріальними термінами, вони позначають абстрактні поняття, які важко піддаються опису і, відповідно, мають розгорнуті, детальні, пов'язані із науковим контекстом дефініції-мікротексти.

Складність семантичної структури цих термінів, пов'язаність мегалексикону науки про складність, який вони утворюють, із загальним дискурсом відносинами нижчий/вищий рівень абстракції та зі спеціальними дискурсами – узагальнення/спеціалізованості на рівні міжгалузевості та надгалузевості – ще одне свідчення невід'ємності процесів наукової рефлексії, наукової номінації та вербалізації наукових концептів. Філософський дискурс виступає як універсальне середовище концептуалізації понять і категорій, їх переосмислення, породження термінів і їх «передавання» галузевим наукам і, таким чином, творцем мегалексикону.

Список використаної літератури

1. Лук'янець В.С. Сучасний науковий дискурс: оновлення методологічної культури: монографія / В.С. Лук'янець, О.М. Кравченко, Л.В. Озадовська. – К.: Наукова думка, 2000. – 304 с.

2. Интернациональные элементы в лексике и терминологии / ред. В.В. Акуленко. – Харьков: Высшая школа, 1980. – 208 с.

3. Дяков А.С. Основи термінотворення: Семантичні та соціолінгвістичні аспекти/ А.С. Дяков, Т.Р. Кияк, З.Б. Куделько. – К.: «КМ Academia», 2000. – 218 с.

4. Рахилина Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики / Е.В. Рахилина // Изв. РАН СЛЯ. – М.: Наука, 2000. – Т. 59, № 3. – С. 3–15.

5. Жаботинская С.А. Концептуальный анализ: типы фреймов / С.А. Жаботинская // Вісник Черкаського ун-ту. Серія «Філологічні науки». – Черкаси, 1999. – Вип. 11. – С. 12–25.

6. Шафиков С.Г. Категории и концепты в лингвистике / С.Г. Шафиков // Вопросы языкознания. 2007. – № 2. – С. 3–17.

7. Васильев Л.М. О понятиях и терминах когнитивной лингвистики / Л.М. Васильев // Исследования по семантике: Межвузовский научный сборник. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – Вып. 22. – С. 10–18.

8. Иванова С.В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: Сопряжение парадигм / С.В. Иванова. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – Вып. 22. – С. 57–74.

9. Рахилина Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики / Е.В. Рахилина // Изв. РАН СЛЯ. – М., 2000. – Т. 59. – № 3. – С. 3–15.

10. Самигуллина А.С. Семиотика концептов: К проблеме интерпретации субъективных смыслов / А.С. Самигуллина. – Уфа: РИО БашГУ, 2006. – 180 с.

11. Селіванова О.О. Актуальні напрямки сучасної лінгвістики (аналітичний огляд) / О.О. Селіванова. – К.: Вид-во Українського фітосоціологічного центру, 1999. – 148 с.

12. Воркачев С.Г. Концепт как «зонтиковый термин» / С.Г. Воркачев // Язык, сознание, коммуникация. – М.: Высшая школа, 2007. – Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

13. Воркачев. С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. – М.: Гнозис, 2003. – 285 с.

14. Малиновская И.В. Язык как средство формирования экономического мышления / И.В. Малиновская. – К.: Знание, 1990. – 48 с.

15. Сорокин Ю.А. Две дискуссионные реплики по поводу когнитивного «бума» / Ю.А. Сорокин // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста. Ч. 1. – Волгоград, 2003. – С. 283–294.

16. Мамардашвили М.К. Философские чтения / М.К. Мамардашвили. – СПб.: Азбука-классика, 2002. – 832 с.

17. Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.А. Секериной. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 480 с.

18. McDermot P. On Cultural Autority: Women's Studies. Feminist Politics Theory / P. McDermot. – N-Y., 1993. – 675 p.

Джерела ілюстративного матеріалу

1. CIJ – Complexity International Journal. http://www.csu.edu.au/ci/ci.html

2. LG – http://www.longman-elt.com/dictionaries

3. NSP – Nonlinear Science Preprints. http://xxx.lanl.gov/archive/nlin-sys

4. CCSR – Center for Complex Systems Research (UIUC)http://www.ccsr.uiuc.edu/

5. CMML – The Complexity and Management Mailing List. http://HOME.EASE.LSOFT.COM/archives/complex-m.html 6. RC – Research on Complexity http://webpages.marshall.edu/~stepp/vri/irc/irc.html

7. LIFE – LIFE via WWW http://life.csu.edu.au/complex/

8. CM – http://home.ease.lsoft.com/scripts/wa.exe?SUBED1=complex-m

9. COMPL – http://en.wikipedia.org/wiki/Complexity

10. Weaver – Weaver W. Science and Complexity, American Scientist 36:536. – http://www.ceptualinstitute.com/genre/weaver/

Статья посвящена анализу лексикона наук о сложности, которые развиваются в связи со становлением новой методологической парадигмы обновления, которая охватывает факториалы, хаос, теорию нелинейности, динамические системы, самоорганизацию, искусственный интеллект, нервную систему, языки и подобные сложные системы. Терминология наук о сложности переживает процесс становления и представляют собой открытую динамическую систему, которая пополняется за счет привлечения концептуальных коррелятов из других областей знаний. Поскольку термины наук о сложности вербализируют сверхдисциплинарные понятия, они сами приобретают зарактер сверхдисциплинарности и универсальности, превращаются в мегалексикон, а соот-

ветствующая терминологическая система выступает в качестве метаязыка современных междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: философский дискурс, методология обновления, категориальные термины, терминологическая система, концепты, понятия, концептуализация, вербализованные понятия, дискурс методологии наук о сложности, мегалексикон.

The lexicon of philosophical research on complexity has been analyzed at the backdrop of an emerging paradigm of thought of renewal encompassing fractals, chaos, nonlinear science, dynamic systems, self-organization, artificial life, neural networks, language and similar complex systems. The complexity terminology hasn't taken its shape yet and remains an open dynamic system which is replenished with the reinterpreted units from other academic lexicons. Complexity terms verbalize novel superdisciplinary concepts and can be referred to as semantic neologisms, though most of them have been long functioning within other conceptual frameworks. Due to the multidisciplinary nature of the concepts they define, such terms obtained superdisciplinary character and are moving to a megalexicon. The system of these terms functions as a universal metalanguage of the state-of –the art multidisciplinary research has been presented.

Key words: philosophical discourse, categorial terms, terminological system, concepts, notions, conceptualization, verbalized concepts, discourse of philosophical research on complexity, megalexicon.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

УДК 81'22:81'27

Л.В. ЧАЙКА,
кандидат філологічних наук, доцент, докторант
Центру наукових досліджень та викладання іноземних мов НАН України

ВЕРБАЛЬНИЙ КОНФЛІКТ В АНТИЧНІЙ ТА СЕРЕДНЬОВІЧНІЙ ЄВРОПЕЙСЬКІЙ ЛІНГВІСТИЧНІЙ ТРАДИЦІЇ

У статті розглядаються етапи осмислення категорії вербального конфлікту як мовного феномена в античній і середньовічній лінгвістичній традиції.

Ключові слова: вербальний конфлікт, антична поетика, риторична практика, патристика.

Під ***вербальним конфліктом*** домовимося розуміти таке порушення процесу людського спілкування за допомогою природної мови, за якого один із комунікантів не повністю або взагалі не розуміє іншого, негативно ставиться до його манери мовленнєвої поведінки, вербально-когнітивної бази або до знаків, використовуваних в акті комунікації [18, с. 89–96]. Таким чином, поняття вербального конфлікту ми розглядаємо як родове для таких лінгвістичних термінів, як «перформативні невдачі» [13, с. 22–129], «комунікативні невдачі» [6, с. 64–78; 7, с. 90–157], «мовний конфлікт» [9; 23], «конфліктна комунікація» [8, с. 72–81], «мовні шуми та перешкоди» [21], і синонімічним до терміна Т.Г. Винокур «конфліктний тип мовленнєвої комунікації» [2; 3]. Ключовим у нашому термінопозначенні виступає слово *вербальний*, тобто «звернений до мови» або «породжуваний мовою»: тому дослідження ґрунтується на мовних даних і об'єднує всі вербальні конфлікти і їх дрібніші категорії на ***лінгвістичній*** основі.

У вітчизняній і зарубіжній лінгвістиці за рідкісними винятками опис і аналіз процесу комунікації проводиться з позицій «позитивного» знання. Так, вивчаються чинники *успішності* мовної діяльності, *збалансованості* секвенцій учасників комунікативного акту, *слушності* актуалізацій мовних знаків у спілкуванні. На цій базі створюються моделі «ідеального мовця» та «ідеального слухача», що виступають абсолютно позаконтекстними компонентами моделі *симетричного* акту комунікації, у якому ледь не повністю збігаються. Проте в реальному спілкуванні *асиметрія* комунікативного акту є першою і єдиною умовою його перебігу і, власне, весь акт спілкування спрямовано на її усунення для досягнення взаєморозуміння між учасниками спілкування і реалізації їхніх комунікативних намірів. Саме тому нами постулюється необхідність вивчення периферійних типів комунікації, не менш частотних, ніж «повне розуміння». До них належить і вербальний конфлікт.

Історіографічне осмислення проблеми вербального конфлікту здійснювалося в різних системах знання (як мовознавчого, так і ширше – гуманітарного, зокрема філософського, психологічного, соціологічного тощо). Необхідність цього пояснюється ще й тим, що питання про вербальні конфлікти в рамках мовознавства є більш вузьким переформулюванням загальнофілософської проблеми розуміння та аксіології мови-мовлення, що усвідомлювалась вже В. фон Гумбольдтом у вигляді антиномії розуміння-нерозуміння [17; 19; 20].

Під час аналізу лінгвістичної (і не тільки) наукової літератури – а ми проаналізували на предмет, так би мовити, «конфліктогенності» усі ключові постаті світового мовознавства –

© *Л.В. Чайка, 2012*

виявилося, що імпліцитне, приховане уявлення про вербальні конфлікти без термінологізації досліджуваного феномену притаманне майже всім мовознавцям. Тут доцільно проводити помітні й аргументовані паралелі з античної теорії мови чи риторичної практики, а також середньовічної патристики (праці святих отців) та екзегетики, тобто у знову ж таки *філологічних* жанрах тлумачення або критики тексту.

Античні граматисти на чолі з ***Аристотелем*** уваги вербальним конфліктам, пов'язаним із нерозумінням або з негативними оцінками мовлення співбесідника, не приділяли. Так, Аристотель у «Поетиці» прямо радить: «Високий і вільний від грубуватості стиль – це той, що користується незвичними словами. А незвичними я називаю діалектизми, метафору, подовження і все, що виходить за межі звичайної мови. Але якщо хтось зробить такою всю мову, то вийде або загадка, або варваризм: якщо вона складатиметься з метафор, то це загадка, а якщо з діалектизмів, то це – варваризм... отже, треба якось перемішувати ці вислови: одне робить мову не грубою і не низькою, це діалектизм, метафора, прикраса та інші зазначені види, а загальновживані слова нададуть їй ясності. Значною мірою сприяють ясності стилю та уникненню повсякденності – подовження, укорочення та зміна слів, відступаючи від звичайної, така мова звучить інакше, ніж розмовна, а те, що в ній є звичайного, надасть їй ясності» [1, с. 77–78].

Еллінізм, навпаки, породжує ідею нормативності, оскільки великої актуальності набула проблема збереження чистоти давньогрецької мови в іншокультурному та іншомовному середовищі середземноморського ареалу, а також, у зв'язку з цим, проблема навчання «правильної» давньогрецької. Особливе місце у розробці ідеї нормативності належить ***олександрійській граматичній школі***. Будь-яке відхилення від правильного літературного мовлення, якщо воно не є естетично забарвленим, можна розглядати, на думку олександрійців, як фактор конфліктогенності, а тому вони значною мірою відмовляються від філософських питань мовознавства та звертаються до вивчення законів і правил сполучення та вживання форм мови. Особливого значення в них набуває поняття аналогії як основного закону побудови морфологічної парадигми.

Приділили увагу питанню вербальних конфліктів й античні та елліністичні риторики. Так, у класичній риториці ***Квінтіліана*** «Про виховання оратора» проблема розкривається в ученні про відбір слів зважаючи на їх уживаність, освяченість стародавньою традицією або авторитетом та «логіку», інші лексичні одиниці оголошувалися варваризмами чи солецизмами, що свідчать про низький смак та не допомагають у вирішенні контроверз (тобто, як ми сказали б сьогодні, не призводять до необхідного перлокутивного ефекту та не забезпечують його надійність). Хоча, як зазначив М.Л. Гаспаров, «межа між «помилкою» (варваризм, солецизм) та «художнім прийомом» (фігура, метаплазм) дуже хибка та може змінюватися» [5, с. 40].

Середньовічна лінгвістична традиція багато в чому успадкувала античну проблематику, надавши їй, однак, або теологічного, або вузько праксеологічного сенсу, причому згадування про вербальні конфлікти зустрічаємо практично в усіх ареалах середньовічної Європи. Так, в Ісландії Олав Тордарсон (середина XIII ст.) перекладає трактат Елія Доната «Про варваризми», використовуючи матеріал власноетнічної скальдичної поезії [10, с. 96]. В Іспанії аз-Зубайді створює працю «Про народний діалект», що співвідноситься з куфійським трактатом «Про помилки народної мови» аль-Кісайї [11, с. 200; 15, с. 104]. Візантієць Максим Плануд «майстерно підібрав антистойхічний ряд слів, які вимовлялися або могли б вимовлятися сучасниками однаково... Антистойхічні ряди потрапили й у лексикони» [4, с. 129]. Григорій Коринфський (XI–XII ст.) досліджує слідом за античними риторами варваризми й солецизми як порушення норми.

Разом із тим розвивається метод християнської екзегетики (Ісидор Севільський) – філологічної дисципліни, що досліджувала та коментувала Святе Письмо з тлумаченням «темних місць» [15, с. 101]. Не дивно тому, що багато відкриттів філософського характеру в лінгвістиці завдячують своїми формулюваннями та інтерпретацією саме отцям церкви раннього середньовіччя. Василій Кесарійський у «Бесідах на Шестоднів» уже виокремлює необхідні компоненти комунікативного акту – мовця, слухача та канал зв'язку, за допомогою якого здійснюється мовленнєве спілкування [16, с. 25]. Про необхідність розуміння виникнення в комунікантів подібних інференцій пише Аврелій Августин [22, с. 167]. Йому ж нале-

жить і одна з перших спроб указати на неадекватність розуміння слів: «Головна причина тут у тому, що розуміння опромінює душу, як спалахом блискавки, і мовлення, довге й неквапливе, так не відповідає думці. І доки воно тягнеться, думка вже сховалася у свої схованки, але залишила сліди в пам'яті, і вони не зникають, як слова. Ми перероблюємо ці сліди, перетворюючи їх на звуки, які називаються словами латинської, грецької, єврейської чи будь-якої іншої мови, але ж ті сліди ні латинськими, ані грецькими, ані єврейськими словами, не будуть належати жодному окремому народові» [22, с. 205].

Учення модистів, що завоювало широку популярність в епоху Пізнього Середньовіччя, було орієнтоване на побудову універсальної філософської граматики, а тому звертало увагу передусім на конструктивні компоненти мовної структури. Модисти навіть відкидають традиційні граматичні розділи орфографії та просодії. Природно, що «уявлення про повний паралелізм сфер існування, пізнання та позначення, про жорстку зв'язаність сфер пізнання та вираження до сфери реальної дійсності» [14, с. 224] не могло призвести до розуміння глибоко комунікативного й когнітивного характеру мови. Проте разом із тим для мовної конструкції модисти висувають функціональну умову завершеності. Томас Ерфуртський зазначив, що «з боку конструкції вимагається, щоб жодна залежність не лишалася незавершеною, адже незавершеність залежностей може відривати конструкцію від її мети, яка полягає у вираженні складного розумового уявлення та у породженні закінченого смислу у свідомості слухача» [14, с. 59].

У середньовічному слов'янському ареалі проблема є значно складнішою, але як конфліктологічні можна розглядати такі ***ідеї древніх слов'янських книжників та реформаторів***:

– аргументація переваг глаголичного, пізніше – і кирилічного – письма перед грецьким, яким слов'яни записували своє мовлення «без устроєнія» («О писменехъ»);

– численні жанрово-конфесійні застереження проти апокрифічних джерел та єретичних творів;

– особлива увага до автентичності перекладів богослужебних та релігійно-філософських текстів;

– уявлення про важливість правильності та краси письма та навіть викриття «погрешающихъ в письме»: так, Костянтин Костенечський у «Книзі о писменехъ» ратує за поширення графіко-орфографічних норм Тирновської школи у переписних майстернях (скрипторіях) Сербії, причому, «відзначаючи лексичні неточності та помилки в перекладах із грецької, він вважає їх меншим злом, ніж орфографічні «погрешенія» [12, с. 144];

– у західнослов'янському ареалі в період Реформації спостерігається прагнення звільнитися від значної частини німецьких запозичень (Ян Гус, Ієронім Празький);

– можливість та конфесійна необхідність символічного тлумачення деяких загальнонародних лексем у східнослов'янській мовній спільноті стимулювала розвиток мистецтва глосування; далі глосування застосовується і для інших цілей – пояснити давнє, застаріле значення слова або прояснити його стилістично, що було досить важливим у зв'язку зі значною генетичною близькістю давньоруської та давньослов'янської літературної мови, – пізніше створюються особливі реєстри слов'яно-російських відповідників;

– усвідомлення стилю як найважливішого з компонентів мовленнєвого утворення в епоху так званого «другого південнослов'янського впливу».

Таким чином, можна стверджувати, що для епох Стародавнього Світу та Середніх віків було притаманне скоріше імпліцитне уявлення про вербальні конфлікти, яке проявилося у прихованому прагненні уникнути їх, або у філологічних жанрах критики та тлумачення тексту (переважно конфесійного).

Тобто досліджуваний феномен опинявся у полі зору мовознавців (від простої констатації фактів нерозуміння або негативних естимацій мовлення співрозмовників до визнання мови тотальною причиною не тільки порушень мовленнєвої взаємодії у кроскультурному аспекті, а й соматичних та психічних розладів). Вербальні конфлікти розглядалися й у рамках інших дисциплінарних підходів – у філософії, соціології та економічній теорії, у літературознавстві та естетиці, у структурній антропології і особливо в соціальній психології, де конфлікт є однією з базових категорій інтеракції міжособистісного або когнітивного типу. Сучасне мовознавство знає декілька праць, що приблизно співвідносяться з нашою темою,

однак вони виконані не з позицій теорії мовленнєвої діяльності, а в рамках більш прикладних лінгвістичних дисциплін: стилістики, теорії художніх стилів і мови художньої літератури, культури мовлення, методики викладання іноземних мов, теорії та практики перекладу тощо. Усі ці праці орієнтовані на актуальні завдання прикладних розділів лінгвістики і, надаючи необхідний «негативний мовний матеріал» для побудови загальної теорії вербальних конфліктів, не можуть претендувати на їх повний і послідовний опис. Узагальнюючі ж дослідження вербальних конфліктів побудовані на різних методологічних базах і можуть застосовуватися в обмеженій кількості випадків.

Список використаної літератури

1. Аристотель. Поетика / Аристотель; пер. Б. Тена. – К.: Мистецтво, 1967. – 84 с.

2. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т.Г. Винокур. – М.: УРСС, 2007. – 176 с.

3. Винокур Т.Г. Речевой портрет современного человека / Т.Г. Винокур // Человек в системе наук. – М.: Наука, 1989. – С. 361–370.

4. Гаврилов А.К. Языкознание византийцев / А.К. Гаврилов // История лингвистических учений: Средневековая Европа / отв. ред. А.В. Десницкая, С.Д. Кацнельсон. – СПб.: Наука, 1985. – С. 109–156.

5. Гаспаров М.Л. Античная риторика как система / М.Л. Гаспаров // Античная поэтика: Риторическая теория и литературная практика / отв. ред. М.Л. Гаспаров. – М.: Наука, 1991. – С. 28–48.

6. Городецкий Б.Ю. К типологии коммуникативных неудач / Б.Ю. Городецкий, И.М. Кобозева, И.Г. Сабурова // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 64–78.

7. Ермакова О.П. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) / О.П. Ермакова, Е.А. Земская // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. – М.: Наука, 1993. – С. 90–157.

8. Кандинский Б.С. Текст как единица конфликтной коммуникации / Б.С. Кандинский // Коммуникативные единицы языка: сб. науч. тр. / Моск. пед. ин-т иностр. яз. – М., 1985. – Вып. 252. – С. 72–81.

9. Крючкова Т.Б. Зарубежная социолингвистика. Германия. Испания / Т.Б. Крючкова, Б.П. Нарумов. – М.: Наука, 1991. – 157 с.

10. Кузьменко Ю.К. Средневековые исландские грамматические трактаты / Ю.К. Кузьменко // История лингвистических учений: Средневековая Европа / отв. ред. А.В. Десницкая, С.Д. Кацнельсон. – СПб.: Наука, 1985. – С. 77–97.

11. Мец А. Мусульманский Ренессанс / А. Мец; пер. с нем., предисл., библиогр. и указатель Д.Е. Бертельса; отв. ред. В.И. Беляев. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1973. – 473 с.

12. Мечковская Н.Б. Знания о языке в средневековой культуре южных и западных славян / Н.Б. Мечковская, А.Е. Супрун // История лингвистических учений: Позднее Средневековье / отв. ред. А.В. Десницкая. – СПб.: Наука, 1991. – С. 125–181.

13. Остин Дж. Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов / сост. и вступ. ст. И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова; общ. ред. Б.Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22–129.

14. Перельмутер И.А. Грамматическое учение модистов / И.А. Перельмутер // История лингвистических учений: Позднее Средневековье / отв. ред. А.В. Десницкая. – СПб.: Наука, 1991. – С. 7–66.

15. Сухачев В.П. Предпосылки развития грамматических учений в Испании / В.П. Сухачев, Н.Л. Григорьев // История лингвистических учений: Средневековая Европа / отв. ред. А.В. Десницкая, С.Д. Кацнельсон. – СПб.: Наука, 1985. – С. 98–108.

16. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийския // Творения святых отцов. – 5-е изд. – М. – Сергиев Посад: Изд. при Московской духовной академии, 1843–1915. – Т. 5–11. – 1900. – Ч. I. – Т. 1.

17. Чайка Л.В. Вербальний конфлікт як антиномія розуміння-нерозуміння в лінгвофілософських концепціях В. фон Гумбольдта та О О. Потебні / Л.В. Чайка. – Івано-Франківськ: Прикарпатський нац. університет, 2009. – С. 58–63.

18. Чайка Л.В. Вербальний конфлікт: результати та перспективи досліджень / Л.В. Чайка // Лінгвістика XXI століття: нові дослідження і перспективи / НАН України, Центр наукових досліджень і викладання іноземних мов. – К.: Логос, 2010. – С. 89–96.

19. Чайка Л.В. Дослідження вербальних конфліктів (допрагматичний період) / Л.В. Чайка. – К.: КНЛУ, 2009. – С. 45–48.

20. Чайка Л.В. Код – інтеракція – сенсопородження у некооперативній комунікації / Л.В. Чайка // V Міжнародна науково-практична конференція «Актуальні проблеми філології та американські й британські студії». – К.: Національний авіаційний університет Гуманітарний інститут, 2012. – С. 93–112.

21. Шанский Н.М. Художественный текст под лингвистическим микроскопом / Н.М. Шанский. – М.: Просвещение, 1986. – 160 с.

22. Эдельштейн Ю.М. Проблемы языка в памятниках патристики / Ю.М. Эдельштейн // История лингвистических учений: Средневековая Европа / отв. ред. А.В. Десницкая, С.Д. Кацнельсон. – СПб.: Наука, 1985. – С. 157–207.

23. Arasil Ll.V. Paperas de sociolingüística / Ll.V. Arasil. – Barcelona: Ediciones de la Magrana, 1982. – 247 p.

В статье рассматриваются этапы осмысления категории вербального конфликта как языкового феномена в античной и средневековой лингвистических традициях.

Ключевые слова: вербальный конфликт, античная поэтика, риторическая практика, патристика.

The article discusses the stages of understanding the category of verbal conflict as a language phenomenon in ancient and medieval traditions of linguistics.

Key words: verbal conflict, ancient poetics, rhetorical practice, patristics.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

УДК 81-11'37

Г.Т. БЕЗКОРОВАЙНАЯ,
декан факультета дополнительного профессионального образования
Московского института иностранных языков

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ КАК СПОСОБ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ: ПОПЫТКА ОБОБЩЕНИЯ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ТЕОРИИ ПОЛЯ

В статье предпринята попытка анализа возникновения и развития теории семантических полей в лингвистике. Исследуются ключевые направления и подходы к изучению поля на современном этапе.

Ключевые слова: лексические единицы, семантическое поле, ономастика, семасиология, комплексный подход.

Понимание системных отношений между языковыми элементами восходит к описанию языка в конце XIX – начале XX в. в работах А.А. Потебни, Ф. де Соссюра и И.А. Бодуэна де Куртенэ [1; 2; 3; 4;]. Системность языка проявляется, в частности, в лексической парадигме, поскольку сложность лексической системы того или иного языка вызвала необходимость создания различных ее моделей. Н.Ф. Алефиренко верно указывает: «…Языковая система – это совокупность языковых единиц, однако система не любая, а лишь определенным образом упорядоченная» [5, с. 65]. Слова объединяются, например, в тематические группы, семантические поля, лексико-семантические поля, функционально-семантические поля, лексико-семантические группы и. т. д. В основе таких объединений лежат определенные общие и дифференциальные признаки языковых единиц.

С точки зрения А.А. Уфимцевой «благодаря многообразию смысловых связей лексем в языковой системе выделяются разнообразные типы групп слов: предметные (или тематические) терминологические, этимологические, лексико-семантические группы, понятийные (семантические) поля и другие общности слов» [6, с. 133–137].

Анализируя важнейшие труды современных языковедов, можно классифицировать основные подходы к систематизации лексики в лингвистике. В современной науке о языке лексические единицы рассматриваются как: 1) конституенты семантического поля – т. н. полевой подход [7–12]; 2) носители элементарных смыслов, образующих семантическую структуру лексемы [14–20]; 3) компоненты лексико-семантической или тематической группы [21–23].

Представляется, что изучение языка как системы нашло свое удачное воплощение в полевом методе. Особенно актуальны объединения слов в семантические поля (далее СП) для создания идеографических словарей, а также компьютерных лексикографических источников, СП используются в процессе обучения иностранным языкам [24]. В работах как российских, так и зарубежных лингвистов, появившихся в XX ст., были исследованы существующие между словами системные связи, однако интерес к семантическим полям как способам объединения лексики в языке, тем не менее, не ослабевает и в XXI в. [25–31]. При

© *Г.Т. Безкоровайная, 2012*

этом в такого рода исследованиях есть и лакуны: многочисленные изыскания в области СП, основанные на семасиологическом и ономастическом подходах, выделяют его структуру, определяют характер семантических отношений между элементами, описывают как универсальные, так и национальные концепты, входящие в те или иные СП в разных языках, но не всегда объясняют характер функционирования языковых единиц в языковой деятельности, мало используют в качестве источников конституентов поля художественные и иные тексты. Оценивая степень разработанности проблемы СП, необходимо подчеркнуть, что лингвисты не пришли ни к однозначному определению, ни к единой классификации, ни к согласию в критериях определения границ СП и принципов отбора конституентов того или иного СП.

Недостаточная изученность СП, применяемых к широкому кругу парадигматических отношений, существующим в разных языках, объясняют неутихающий интерес к данной теме и представляют обширный материал для лингвистов.

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть историю полевого метода, некоторые основные дефиниции, подходы и концепции полей в лингвистике, а также описать современные тенденции развития и использования данной теории в науке о языке.

В истории развития полевого метода можно выделить следующие периоды: доипсеновский (или дотерминологический) период (до конца 20-х годов XX в.), когда существование явления не было оформлено в теорию и терминологически; период появления самого термина «семантическое поле» и теоретическое обобщение (Ипсен, конец 20-х – начало 30-х годов XX в.), когда развивалось исследование слова в семантико-синтаксических связях, осуществлялся его этимологический и словообразовательный анализ. Этот период длился до 60-х гг. XX в. Со второй половины XX в. понятие расширяется, выделяются лексико-грамматические, функционально-семантические, словообразовательные и другие виды полей, дифференцируются работы, изучающие лексико-семантические поля слов и синтактико-семантические поля одного слова. Активное изучение СП в различных языках продолжается и в последние десятилетия.

Рассмотрение лексического состава языка в виде систем слов уже в XIX в. можно найти в работах русского лингвиста М.М. Покровского. В основе взглядов ученого о системном характере лексики лежали словесные ассоциации, которые вызываются связями между предметами окружающей действительности и морфологической общностью слов. Согласно М.М. Покровскому, системность лексики с семантической точки зрения связана с системностью человеческих представлений, отражающих, в свою очередь, тематическую общность явлений жизни людей. По его мнению, слова со сходными или противоположными значениями ассоциируются друг с другом, подвергаются сходным или параллельным значениям в своей истории, в конце концов, приобретая все значения, связанные с классом имен [30]. Дальнейшее исследование СП было продолжено в трудах Г. Ипсена, И. Трира, А.И. Смирницкого, Л.В. Щербы и других языковедов [31–35].

Важно отметить, что в начале XX в. полевой метод активно разрабатывался, прежде всего, немецкими учёными: И. Трир рассматривал совокупность слов в их предметно-понятийных связях, В. Порциг исследовал отдельное слово в его семантико-синтаксических связях, А. Йоллес связал поле с этимолого-словообразовательным анализом слова. Сам термин, как известно, впервые был употреблен Г. Ипсеном, который определял поле в лингвистике как совокупность слов, обладающих общим значением. [31]. Однако основоположником самого полевого метода считается И. Трир, согласно работам которого система языка делится на понятийные (семантические) и словесные (лексические) поля. Эти поля изоморфны, и значение фактически отождествляется с понятием. В 50-е гг. XX в. теорию поля разрабатывает Л. Вайсгербер. Теория поля Трира критиковалась многими лингвистами. Так, А.А. Уфимцева, например, указывала на идеалистическое понимание соотношения языка мышления и реальной действительности [36, с. 33]; вопреки реальности Трир считал поле закрытой группой слов [36, с. 38]; допускал параллелизм между словесными и понятийными полями [36, с. 35] и т. д. Ф.П. Филин считает, в частности, что Трир отвергал значение слова как самостоятельную единицу [38]. В целом концепции поля немецких учёных подвергаются критике в связи с тем, что они использовались для подтверждения идеалистического тезиса о «промежуточном языковом мире» (die sprachliche Zwischenwelt). В

концепции в выделении полей прослеживается определенный субъективизм, невозможность охватить ими весь лексический состав, недооценка самостоятельной роли отдельного слова. Однако, согласно Васильеву, противоречивые идеи теории СП послужили толчком к плодотворным разработкам данной теории в работах последующих исследователей (например, Л. Вайстербер, К. Ройнинг и др.) [19, с. 108].

Идеи теории поля не чужды американским и английским лингвистам. Известный английский языковед Джон Лайонз в своей книге «Введение в теоретическую лингвистику», признавая факт существования большого количества работ по исследованию лексических систем, отмечает: словари разных языков (по крайней мере, в определенных полях) *не изоморфны*, …существуют семантические разграничения, проводимые в одном языке и не проводимые в другом; более того, что категоризация конкретных полей разными языками может проводиться различным образом» [39]. Известны также работы американских лингвистов, в которых признается теория СП [40–43]. Теория СП развивается в работах французских [29; 44], польских [45], израильских [46] ученых. Так, Р.Х. Робинс пишет, что теория семантических полей призвана продемонстрировать, что лексический состав языка в любое время его развития – не простое скопление независимых элементов и что значение слов не всегда можно однозначно трактовать [40, с. 48].

Как уже отмечалось, М.М. Покровский впервые провел параллель между системностью лексики и человеческими представлениями о вещах и явлениях действительности еще в XIX в. В отечественном языковедении основным продолжателем исследований М.М. Покровского в русле семасиологических и ономасиологических исследований явился В.В. Виноградов, в работах которого указывается на свойство русского (и любого другого) языка соединять понятия, их группировки, расслоения, объединения в «пучки», в комплексные единства. В.В. Виноградов считал основной тенденцией слов русского языка группироваться большими кучками вокруг основных центров значений [45, с. 18]. Ученый полагал, что в те или иные периоды исторического развития объем и содержание обозначаемых словами понятий, их классификация и дифференциация, которая изменяется, проясняются постепенно по мере развития языка и науки о нем. «Слова на той или иной стадии развития образуют внутренне объединенную систему морфологических и семантических рядов в их сложных соотношениях и пересечениях» [45].

По мнению В. Абрамова, «в современной лингвистике предметом исследования в теории поля являются лексические единицы, объединенные на основе общности выражаемого ими значения (семантический принцип) или по общности выполняемых ими функций (функциональный принцип), или на основе комбинации двух признаков (функционально-семантический принцип). Поля, выраженные на основании этих признаков, представляют собой семантические системы образования характеризующиеся специфическими связями и отношениями элементов» [49, с. 124].

Глубокий анализ методов интерпретации термина «семантическое поле» дан в фундаментальном исследовании Г.С. Щура «Теории поля в лингвистике» (1974).

Возникновению полевого рассмотрения языковых явлений, как считает Г. Щур, способствовало традиционное объединение языковых единиц в лингвистике в различные группы: инвариантные, функциональные, структурно-функциональные, функционально-инвариантные и ассоциативные [50, с. 11].

В соответствии с направлениями исследования поля в лингвистике Щур выделяет парадигматический (Й. Трир и Л. Вайсгербер) и синтагматический (В. Порциг) подходы. С точки зрения задач синхронного и диахронного изучения полей, интересны определения О. Духачека, который считал задачей синхронного – изучение определения структуры данного поля, а диахронного – выяснение того, какую роль играет появление в данном поле одних и исчезновение других лексем.

Парадигматические и синтагматические подходы к рассмотрению полей – не единственная тенденция. Как пишет Г.С. Щур: «Все явственнее проступает тенденция рассматривать поле как межуровневое явление» [50, с. 64] Среди ученых, использующих такой подход, автор монографии называет Ф. Брюно и О. Есперсена.

Несмотря на разницу в подходах к рассмотрению СП, подавляющее число исследователей в основу объединения элементов, рассматриваемых как поле, кладут общий диф-

ференциальный признак [50, с. 93–94]. Однако «… считать атрибутом поля общий дифференциальный признак оказывается неоправданным, во всяком случае недостаточным, поскольку этот признак может быть как лингвистическим, так и экстралингвистическим» [50, с. 96].

Г.С. Щур заключает: «Если принять в качестве характеристики поля факт взаимодействия между определенными элементами и интерпретировать такого рода взаимодействие как аттракцию или притяжение,… то в качестве полей в языке можно интерпретировать лишь некоторые инвариантные и функционально-инвариантные группы» [50, с. 234].

В словаре лингвистических терминов семантическое поле определяется как: «1) Совокупность явлений или область действительности, имеющие в языке соответствие в виде тематически объединенной совокупности лексических единиц. Семантическое поле времени, семантическое поле пространства, семантическое поле душевных переживаний и т. д. 2) Совокупность слов и выражений, образующих тематический ряд и покрывающих определенную область значений. Семантическое поле времени: год, месяц, неделя, день, ночь, час и т. д.; длительность, продолжительность и т. д.; давно, недавно, скоро и т. д.» [61]. Согласно Большому энциклопедическому словарю, «ПОЛЕ семантическое, совокупность слов, объединяемых смысловыми связями на основе единого общего понятия или сходства признаков их лексических значений (напр., семантическое поле глаголов движения)» [52]. По мнению М.А. Кронгауза, «семантическим полем называется множество слов, объединенных общностью содержания … имеющих общую нетривиальную часть в толковании» [54, с. 130]. Под этим термином также понимается «совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания … и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [55, с. 381].

Б.Ю. Городецкий считает, что СП – это «совокупность семантических единиц, имеющих фиксированное сходство в каком-нибудь семантическом слое и связанных специфическими семантическими отношениями» [56, с. 173].

Французский лингвист Б. Швише пишет: «Семантическое поле – это определенная замкнутая система, связывающая лексическое поле и концептуальное поле; в той степени, в какой концептуальное поле может быть обозначено одним словом (а не парафразой), семантическое поле это связь между совокупностью специальных терминов и общим (обобщающим) термином» [29].

Очевидно, что приведенные выше определения нацелены скорее на уточнение и расширение термина «семантическое поле» с учетом задач исследователя. Вместе с тем основной признак, а именно «общность содержания», «общий семантический признак», «тематическая общность» остается в каждом определении, подчеркивая необходимость использовать эти критерии для определения границ СП. Однако по этим признакам определяются и такие объединения, как тематические группы, лексико-семантические группы. О сложности определения границ поля пишет Л.А. Новиков: «Разделение лексики языка на семантические поля сводится к последовательному разбиению множества слов на подмножества. Самые общие классы слов-понятий подразделяются на крупные категории, а те в свою очередь на более частные и т. д.» [53, с. 25].

Несмотря на различие дефиниций и аспектов рассмотрения СП, все исследователи признают многомерность лексической системы языка.

Важно определить, на основе каких признаков объединяются в поля языковые единицы, а также каково их отличие, например, от тематических групп, тематических сеток, от лексико-семантической группы. Так, в статье «Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка текста» о сходстве этих понятий пишет И.С. Арнольд: «И в полях и в тематических сетках определяющим фактором является отражение действительности, но во втором случае оно обязательно окрашено субъективным отношением автора к изображаемому…» [8, с. 4].

Следует отметить, что, если тематическая группа – это объединение слов, основывающееся не на языковых лексико-семантических связях, а на внеязыковых, т. е. на классификации самих предметов и явлений внешнего мира, то лексико-семантической группой

(ЛСГ) именуется самая обширная по количеству своих членов организация слов, которая объединена общим (базовым) семантическим компонентом.

Лексико-семантические группы изучаются не менее интенситвно, чем СП. Например, Ф.П. Филин понимает под словесным СП лексико-семантическую группу – «лексическое объединение с однородными, сопоставимыми значениями». По его мнению, ЛСГ – «специфическое явление языка, обусловленное ходом его исторического развития» [38, с. 537–538, 529]. Л.М. Васильев считает, что ЛСГ обозначает «любой семантический класс слов (лексем) объединенных хотя бы одной общей парадигматической семой …» [18]. Э.В. Кузнецова, посвятила свое исследование лексико-семантическим группам, определив их структуру и типы связей между лексическими единицами. Она выделила следующие структурные элементы ЛСГ: центр группы, представленный наиболее употребительными, наиболее многозначными словами; периферия – более конкретные и менее употребительные слова, окружающие центр. К периферии относятся те слова, которые стилистически маркированные, специализированные, использующиеся редко. По мнению Э.В. Кузнецовой, в ЛСГ слова вступают и в парадигматические, и в синтагматические отношения Общей характеристикой ЛСЕ является сходство синтагматических характеристик. Наличие общих семантических компонентов в содержании лексических значений слов предопределяет способы их функционирования в составе единиц высшего уровня – предложениях [54, с. 78–81].

Традиционно большинство ученых термины семантическое поле и лексико-семантическое поле рассматриваются как синонимы. Некоторые лингвисты не разделяют эти термины вообще. Например, Ю.Н. Караулов не разделяет понятия «семантическое поле» и «лексико-семантическое поле», считая их синонимами. Под семантическим (лексико-семантическим) полем он понимает группу слов одного языка, тесно связанных друг с другом по смыслу [10, с. 210]. Однако в некоторых случаях мы находим указание на различие лексического и семантического полей и примеры анализа этих различий [29]. Очевидно также, что не существует строгих противопоставлений семантических и понятийных полей. Об это можно прочесть в работах Й. Трира, И.И. Мещанинова, А.В. Бондарко, Л.М. Васильева и других лингвистов [32; 55; 56; 18]. Однако в некоторых работах исследователи находят различия в этих типах полей [29].

Важным является вопрос о признаках СП. Согласно А.В. Бондарко, у поля есть следующие признаки: общность семантических функций элементов, взаимодействие грамматических и лексических элементов, членение, центр-периферия, постепенные переходы от одних группировок к другим, частичные пересечения, общие сегменты [55].

Главные признаки поля были выделены З.Д. Поповой и И.А. Стерниным. По их мнению, ими являются следующие:

1. Поле представляет собой инвентарь элементов, связанных между собой системными отношениями.

2. Элементы, образующие поле, имеют семантическую общность и выполняют в языке единую функцию.

3. Поле объединяет однородные и разнородные элементы.

4. Поле образуется из составных частей – микрополей, число которых должно быть не меньше двух.

5. Поле имеет вертикальную и горизонтальную организацию. Вертикальная организация – структура микрополей, горизонтальная – взаимоотношение микрополей.

6. В составе поля выделяются ядерные и периферийные конституенты. Ядро консолидируется вокруг компомента-доминанты.

7. Ядерные конституенты выполняют функцию поля наиболее однозначно, наиболее частотны по сравнению с другими конституентами и обязательны для данного поля.

8. Между ядром и периферией осуществляется распределение выполняемых полем функций: часть функций приходится на ядро, часть – на периферию.

9. Граница между ядром и периферией является размытой.

10. Конституенты поля могут принадлежать к ядру одного поля и периферии другого поля или полей.

11. Равные поля отчасти накладываются друг на друга, образуя зоны постепенных переходов, что является законом полевой организации системы языка [цит. по: 57].

СП является объемной единицей. В работе А.И. Новикова и Е.И. Ярославцевой высказана мысль о том, что связь слов в пределах поля осуществляется по линии установления общей, пересекающейся части в их лексических значениях, через наличие некоего объединителя группы слов [59].

В работах С.Г. Шафикова подчеркивается, что семантическое поле находится не только в языке, но и в голове человека, т. е. как когнитивная единица мышления, участвующая в формировании определенного понятия [63, с. 38].

Разделение и систематизация слов в семантические поля чрезвычайно важна при создании словарей, особенно идеографических. По сути, такая структуризация и была предпринята с этой целью, например в тезаурусах П. Роже, Кесареса, у Д. Дройзера, В. Фон Вартбурга [62, с. 17].

В российской лексикографии сочетание теории семантического поля с принципами ономасиологического подхода к изучению лексики находим в исследованиях Ю.Н. Караулова. Такое сочетание теории и практики в лексической семантике, по мнению Уфимцевой, «можно назвать большим экспериментом… в практике исследования лексической семантики» [70, с. 34].

Изучая лексические единицы, необходимо учитывать и лингвистические, и экстралингвистические подходы, поскольку «лексика языка непосредственно связана с историей, культурой, наукой, общественно-экономическим развитием народа и находится в тесных связях с внелингвистическими факторами, пренебрегать которыми означало бы сбросить со счетов научного анализа один из основных источников и причин смыслового изменения слова» [36, с. 17].

Полевая концепция языка позволяет решить целый ряд вопросов, неразрешимых в рамках традиционной стратификационно-уровневой концепции [55]. Она обладает достаточной объяснительной силой – с одной стороны, и методологической ценностью – с другой: подтверждение в практических исследованиях полевой организации языка может быть экстраполировано в область метода, т. е. полевый принцип может быть применен в качестве общего приема анализа языковых явлений и категорий, в том числе и лексического значения слова.

Проведя инвентаризацию основных определений и направлений в изучении лексики полевым методом, можно подытожить, что лексические единицы объединяются в поля как на основе лингвистических, так и экстралингвистических принципов. Выделить единое определение поля из множества определений можно только руководствуясь эмпирическим принципом.

Еще одним важным вопросом для исследователей являются отношения между конституентами СП. Основными видами являются парадигматические и синтагматические отношения в СП. Основными подходами к изучению лексики в СП являются ономасиологический и семасиологический.

Лингвисты отбирают конституенты лексико-семантических полей из лексикографических источников разных языков, реже из текстов, при этом внутритекстовые связи и взаимовлияние семантики отдельного ЛСВ и семантики целого, в особенности художественного текста, редко становились предметом серьезного анализа. Актуальным представляется изучение СП комплексно, ведь словарное значение приобретает некую однозначность только в контексте, а значит, более полное представление о репрезентации элементов СП может быть получено на основе изучения слова в рамках художественных текстов. Рассмотрение конституентов СП в тексте позволяет нагляднее представить особенности актуализации значения, позволяет избежать амбивалентности концепта, представить все ЛСВ во взаимодействии с окружающими единицами текста позволяет выявить и актуализировать значения, добавить и «обертоны» смысла (Ларин), которые приобретают в каждом отдельном произведении определенную глубину и силу от общей концепции автора.

Заключая, следует отметить, что, несмотря на определенную историческую протяженность развития СП и накопленный материал, оно остается наименее исследованной единицей. До настоящего времени в языкознании не определены строгие границы применения термина СП. Во многих исследованиях объем понятия поля оказывается неопределенно широким или, наоборот, очень узким. Нет единообразия в употреблении терми-

нов. Несмотря на то, что теория СП имеет давнюю историю, постоянно пополняется работами ученых-филологов России и зарубежья, изучение СП с семасиологической и ономасиологической точек зрения, с учетом экстралингвистических явлений, в междисциплинарных исследованиях представляется важным для систематизация лексики любого языка и по-прежнему остается одним из актуальных направлений современной лингвистики. Теория семантического поля имеет не только теоретическое, но и практическое значение, представляет собой основу для развития лексикографии, а в последнее время и компьютерного перевода.

Список использованной литературы

1. Потебня А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под редакцией проф. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 51–66.

2. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – С. 157–158.

3. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – М.: УРСС Эдиториал, 2007. – 257 с. – (Лингвистическое наследие XX века).

4. Бодуэн де Куртенэ И.А. Введение в языковедение / И.А. де Бодуэн Куртенэ. – М.: Красанд, 2010. – 322 с.

5. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта Наука, 2009 – 416 с.

6. Уфимцева А.А. Теории «семантического поля» и возможности их применения при изучении словарного состава языка / А.А. Уфимцева // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 30–68.

7. Адмони В.Г. Основы теории грамматики / В.Г. Адмони. – М.; Л.: Наука, 1964. – 105 с.

8. Арнольд И.В. Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка текста / И.В. Арнольд // Текст как объект комплексного анализа в вузе. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1984. – С. 3–11.

9. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1981. – 366 с.

10. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 264 с.

11. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: Восток-Запад: АСТ, 2007. – 320 с.

12. Маленкова А.А. Система обозначений добра и зла в русском языке: структурно-смысловой анализ семантического поля: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.А. Маленкова. – М., 2004. – 197 с.

13. Апресян Ю.Д. Избранные труды: Лексическая семантика / Ю.Д. Апресян. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: «Языки русской культуры», Изд-во фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – Т. I. – 472 с.

14. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 368 с.

15. Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения / Н.Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований. – М.: Прогресс, 1980. – С. 156–250.

16. Бабенко Л.Г. Русская глагольная лексика: денотативное пространство / Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 460 с.

17. Берестнев Г.И. К философии слова: (лингвокультурологический аспект) / Г.И. Берестнев // Вопр. языкознания. – 2008. – № 1. – С. 37–65.

18. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика / Л.М. Васильев. – М.: Высшая школа, 1990. – 175 с.

19. Васильев Л.М. Теория семантических полей / Л.М. Васильев // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 105–113.

20. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления / А.А. Зализняк. – М., 2004. – 461 с.

21. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов / Ф.П. Филин // Езиковедски исследвания в чест на акад. Ст. Мла. – София, 1958. – С. 537–538.

22. Вердиева З.Н. Семантический анализ группы слов, обозначающий понятия «бедный», «богатый», в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук / З.Н. Вердиева. – Баку, 1964. – 242 с.

23. Салчак А.Я. Лексико-семантическая группа глаголов поведения в тувинском языке: В сопоставительном аспекте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / А.Я. Салчак. – Новосибирск, 2005. – 241 с.

24. Changhong G. The Application of Semantic Field theory in College English Vocabulary Instructions / G. Changhong. – Код доступа: http://www.celea.org.cn/teic/91/10091704.pdf

25. Глушкова А.А. Лексико-семантическое поле качественно-относительных прилагательных в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук 10.02.04 / А.А. Глушкова. – Нижний Новгород, 2005. – 229 с.

26. Жданова В.И. Семантическое поле этической оценки в его историческом развитии: на материале русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.И. Жданова. – Уфа, 2004. – 18 с.

27. Стойкович Л.Ю. Лексико-семантическое поле английских глаголов речепроизводства: лингвокогнитивный подход: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л.Ю. Стойкович. – Самара, 2007. – 194 с.

28. Howard Jackson Etienne Z Amvela Words Meaning and Vocabulary Continuum. – 2000. – 206 p.

29. Schwischay B. Les champs sémantiques / B. Schwischay //Syntaxe du français (hiver 2001/02) Dernière mise à jour: 03-03-02: – P. 1–9. – Код доступа: http://www.home.uni osnabrueck.de/bschwisc/archives/champ.pdf

30. Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию / М.М. Покровский. – М.: Издательство АН СССР, 1959. – 382 с.

31. Ipsen G. Die alte Orient und die Indogermanen / P. Ipsen // Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft / Festschrift fur W. Striberg. Heidelberg, 1924. – 225 s.

32. Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes Hdlb / J. Trier. – 1931. – 20 s.

33. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – М.: URSS, 2007. – 432 с.

34. Смирницкий А.И. Морфология английского языка / А.И. Смирницкий. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1959. – 440 с.

35. Смирницкий А.И. Очерки по сопоставительной грамматике русского и английских языков (Essentials Of Russian Grammar) / А.И. Смирницкий; под ред. О.С. Ахмановой – М.: Высшая школа, 1975. – 380 с.

36. Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы (на материале английского языка) / А.А. Уфимцева. – М., 1962: Изд-во АН СССР, 1961. – 287 с.

37. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка / А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1968. – 272 с.

38. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов / Ф.П. Филин // Езиковедски исследвания в чест на акад. Ст. Мла. – София, 1958. – С. 537–538.

39. Лайонз Джон. Введение в теоретическую лингвистику / Джон Лайонз; пер. с англ., ред. и предисл. В.А. Звегинцева. – М.: ПРОГРЕСС, 1978 – 544 с.

40. Robins R.H. A short history of linguistics / R.H. Robins. – 2 ed. v L.; N. Y., 1979. – 248 p.

41. Allwood J. On the semantic fields of conflict and conflict resolution in Swedish / J. Allwood. – 2002. – Режим доступа: http://www.ling.gu.seHens/pub

42. Blanc A. Words and concepts in time / A. Blanc. – 2001. – Режим доступа: http://www.metaphoric.de/01/Blanc.pdf

43. Miller G.A. Language and representation / G.A. Miller, P.N. Johnson-Laird. – Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

44. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: УРСС, 2001. – 415 с.

45. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. / В.В. Виноградов. – 3-е изд. – М.: Высшая школа, 1982. – 528 с.

46. Виноградов В.В. Из истории лексики русского литературного языка XVII–XIX вв. / В.В. Виноградов. – Режим доступа: http://www.wordhist.ru/pred.html#history

47. Kleparsky G.A. The Tradition of Field Theory and the Study of Lexical Semantic Change / G.A. Kleparsky, A. Rusichek. – Код доступа: http://www.univ.rzeszow.pl/wfil/ifa/usar4/sar_v4_13.pdf

48. Irit Meir. The morphological realization of semantic fields / Meir Irit. – University of Haifa, Israel. – 2008. – Код доступа: http://www.editora-arara-azul.com.br/ebooks/catalogo/27.pdf

49. Абрамов В.П. Теория ассоциативного поля / В.П. Абрамов // Русский язык: Исторические судьбы и современность. – М., 2001. – С. 124–125.

50. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике / Г.С. Щур. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 264 с.

51. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – Изд. 2-е. – М.: Просвещение, 1976.

52. Большой энциклопедический словарь. – М.: Норрис. – 1998.

53. Новиков Л.А. Избранные труды. Проблемы языкового значения. Т. 1 / Л.А. Новиков. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – 672 с.

54. Кронгауз М.А. Семантика / М.А. Кронгауз. – М.: Академия, 2005. – 352 с.

55. Кузнецов А.М. Поле / А.М. Кузнецов // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – 685 с

56. Городецкий Б.Ю. К проблеме семантической типологии / Б.Ю. Городецкий. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 564 с.

57. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка / Э.В. Кузнецова. – М.: Высш. шк., 1989. – 216 с.

58. Бондарко А.В. К функциональному анализу элементов разных языковых уровней (функционально-семантические категории – поля и микрополя) / А.В. Бондарко // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М.: Наука, 1969. – 332 с.

59. Мещанинов И.И. Проблемы развития языка / И.И. Мещанинов. – Л.: Наука, 1975. – 351 с.

60. Попова З.Д. Полевые структуры в системе языка: монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин, Е.И. Беляева; под ред. З.Д. Поповой. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1989. – 196 с.

61. Муругова Е.В. Полевое рассмотрение системных отношений в словообразовании / Е.В. Муругова // Естествознание и гуманизм: сб. науч. трудов. – Томск, 2005. – С. 14–15.

62. Новиков А.И. Семантические расстояния в языке и тексте / А.И. Новиков, Е.И. Ярославцева. – М.: Наука, 1990. – 136 с.

63. Шафиков С.Г. Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц / С.Г. Шафиков. – Уфа: Изд-во Башк. ун-та, 1999. – 88 с.

64. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов. – Изд. 2-е. – М.: URSS, 2010. – 360 с.

65. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д.Н. Шмелев. – М.: Просвещение, 1964. – 244 с.

Стаття являє собою спробу аналізу виникнення та розвитку теорії семантичних полів у лінгвістиці. Досліджуються ключові напрями та підходи до вивчення поля на сучасному етапі.

Ключові слова: лексичні одиниці, семантичне поле, ономастика, семасіологія, комплексний підхід.

The article studies the main stages and the modern situation in the theory of semantic fields as well as the tendencies of its development.

Key words: language units, semantic fields, onomastics, semasiology, complex studies.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

УДК 165.191:001+37.013.42(091)+81

І.І. ВАКУЛИК,
кандидат філологічних наук,
доцент кафедри української, англійської та латинської мов
імені М.О. Драй-Хмари
Національного університету біоресурсів і природокористування України

Г.М. ІЛЬЧЕНКО,
аспірантка кафедри української, англійської та латинської мов
імені М.О. Драй-Хмари
Національного університету біоресурсів і природокористування України

НАУКОВЕ МИСЛЕННЯ XVIII–XIX СТ. ТА ЙОГО ВПЛИВ НА СТАНОВЛЕННЯ НАУКОВОЇ КАРТИНИ СВІТУ

У статті розглядаються основні етапи розвитку наукової картини світу як продукту теоретичної і практичної діяльності людини, визначаються ключові компоненти, які вплинули на її формування.

Ключові слова: наукова картина світу, наукове пізнання, метафізика, гносеологія, наукова революція.

Розуміння світу – вагомий компонент людської культури. Кожній культурній людині необхідно хоча б у загальних рисах уявляти, як влаштований світ, в якому вона живе, як «функціонують» в ньому закони природи. Розуміння людиною навколишньої дійсності ґрунтується на сприйнятті наукової картини світу, що дає змогу адекватно аналізувати інформацію і бути виваженим у прийнятті відповідальних рішень щодо оточуючої реальності. Наукова картина світу також має підґрунтя: базується на синтезі існуючих у певному історичному періоді наукових знань і частково передається кожній особистості [4; 6; 7; 14; 15; 17].

Загальні та окремі питання формування наукової картини світу розглядалися А. Ейнштейном, М. Планком, І. Пригожиним, А. Фурманом та іншими науковцями у різних царинах наук. Проблеми формування наукового світосприйняття та його вплив на наукове мислення, науковий світогляд вивчали В. Ільченко, М. Мостепаненко, А. Степанюк, І. Гаврилова, Б. Алексєєв, Б. Суханов, І. Сафронов, А. Говорунов, Р. Зобов та ін.

Тому **актуальність** заявленої проблематики безперечна: концепції нового інформаційного суспільства нині репрезентуються знаками, символами, феноменами, стереотипами мислення. На нашу думку, розвиток інформації та культурно марковані знання становитимуть основу ціннісних орієнтацій, що стане основою культурних стереотипів. Нинішня взаємодія соціального й природного викликана комплексними бісоціальними дослідженнями, що не зможе не відобразитись в єдиній науковій картині світу з «єдиною формулою» (мікросвіт фізики елементарних частинок, де зіллються воєдино велике і мале, частина й ціле; світ астрофізики не лише продемонструє екзотичні об’єкти Всесвіту, але й спробує знайти вихід із глобального потепління; синтез органіки й неорганіки нагодує людство; а генетична інженерія «змолодить» вік планети).

© *І.І. Вакулик, Г.М. Ільченко, 2012*

Мета проведеного дослідження полягає у виявленні найхарактерніших рис, що вплинули на становлення наукової картини світу XVIII–XIX ст., та визначенні їх ролі у трансформації поняття «наукові трактати».

Колись наукова картина світу ґрунтувалася на матеріалістичному світогляді (XVI–XVIII ст.) і вирішувала завдання радикального подолання релігійного світогляду. Вона мала обмежений механістичний і метафізичний характер. Вважається, що саме І. Ньютон відіграв фундаментальну роль у формуванні класичної механіки. Він довів існування тяжіння як універсальної сили – сили, яка одночасно примушувала камені падати на Землю і була причиною замкнутих орбіт, по яких планети оберталися навколо Сонця. Після цілого ряду математичних відкриттів, серед яких створення диференціального й інтегрального числень, Ньютон у 1666 р. встановив, що планети утримуються на стійких орбітах із відповідними швидкостями лише тому, що їх притягує до Сонця сила, обернено пропорційна квадрату відстані до Сонця [8]. Цьому ж закону підпорядковувалися і тіла, що падали на Землю. Так у загальних рисах був сформульований закон всесвітнього тяжіння. Також математичним шляхом англійський учений вивів на підставі цього закону еліптичну форму планетних орбіт і зміну їх швидкостей. Закони руху планет постали як наслідок закону всесвітнього тяжіння. У книзі «Математичні початки натуральної філософії» (1687 р.) автор продемонстрував засади нової земної і небесної механіки. Так з'явилася перша фундаментальна фізична теорія, яка до початку XX ст. була основою фізичного пізнання, ядром класичної наукової картини світу Нового часу.

Проте важлива роль у пізнанні світу належала гносеології («Роздуми про метод» Р. Декарта та «Новий органон» Ф. Бекона). Мислителі ставили за мету висвітлити механізм формування важливих наукових істин і розробити ефективний метод їх відкриття. Наука нового типу призвела до радикального переосмислення світу людиною. Вона являла собою спробу опису природи та її історії, підґрунтям якого виступав людський розум, на відміну від релігійної середньовічньої науки. Наукова картина Нового часу полягала в тому, що Богові визначалася «скромна роль» «першодвигуна Всесвіту» або уособлення «морального закону», а на перший план виступили такі поняття, як «природний закон», «рух», «розвиток», «еволюція», «прогрес». Представник французького Просвітництва Ж. Кондорс влучно охарактеризував цю епоху: «Картина прогресса философии и распространения просвещения <…> приводит нас к эпохе, когда влияние этого прогресса на общественное мнение и влияние последнего на народы, или на их повелителей, перестав вдруг быть медленным и нечувствительным, произвело во всей массе некоторых народов переворот, верный залог революции, которая должна охватить всю совокупность человеческого рода» [5, с. 186].

Тогочасна наука характеризує світ як певну цілісність та єдність. Дійсно, єдність – це найважливіша ознака світу, але вчені по-різному трактують це поняття. Наприклад, А. Ейнштейн виражав єдність матерії, енергії і часу формулою $E = mv^2$, де E – енергія, m – маса, v – швидкість. Інакше охарактеризував цю картину І. Пригожин, визначаючи світ як єдність порядку (організації) та хаосу (дезорганізації) [10].

У цілому можна зазначити, що основні поняття наукової картини світу від «простору», «часу», «маси», «сили» як причини руху поглибилися «енергією» [2, с. 69]: утворення парового двигуна; вивчення електрики і магнетизму, які заклали фундамент для розвитку електротехніки й гальванопластики; поява першого телеграфу; відкриття фотографії привело до успіхів в оптиці; відкриття Х.Х. Ерстед і А.М. Ампер лягли в основу нового розділу фізики – електродинаміки; революція М. Фарадея у відкритті явища електромагнітної індукції; Дж. Максвел оприлюднив електромагнітну теорію світла (1865); періодичний закон Д.І. Менделєєва; Ж.Б. Ламарк висуває припущення про роль середовища в процесі еволюції; еволюційна теорія Ч. Дарвіна ґрунтується на трьох фундаментальних положеннях – спадкової мінливості, природного добору і боротьби за існування тощо. Отже, XIX ст. підняло природничу галузь науки на якісно новий щабель: вона перетворилася на систематизуючу науку про предмети й процеси, їх походження та розвиток.

З приходом техногенної цивілізації відкривається новий етап у діалозі між людиною та природою. Бурхливо розвиваються також і гуманітарні науки – глобально змінюється природа, залишаючи відбитки на мисленні, а отже, і психології. «К лейтмотиву мира, переставшего вызывать благоговейное поклонение, примешивается отзвук другого лейтмотива –

господства над окружающим миром. Миром, перед которым не испытываешь благоговения, гораздо легче. Любая наука, исходящая из представления о мире, действующему по единому теоретическому плану и низводящем неисчерпаемое богатство и разнообразие явлений природы к унылому однообразию, приложения общих законов, тем самым становится инструментом доминирования, а человек, чуждый окружающему миру, выступает как хозяин этого мира» [10, с. 74].

І хоча Х.І. Пригожин зазначав, що картина світу класичної науки XVIII ст. виглядає на сучасному етапі майже як «карикатура на еволюцію» [10], з автором можна посперечатися: тогочасна наука має неабияке значення для розуміння тих процесів у розвитку науки, які мали місце в XIX ст. Сучасні вчені і досі «відчувають плече» діячів епохи «класичної науки», а їх роздуми інколи звучать в унісон із думками попередників. Адже будь-яке відкриття, нові експерименти є наслідком попередніх експериментів і теорій – у цьому один із проявів неперервності розвитку науки. Переповідають, що Ньютон говорив: «Якщо я бачив значно більше інших, то це тільки тому, що я стояв на плечах гігантів».

Не оминула заявлена проблематика і лінгвістику, вивівши її на якісно новий науково-пізнавальний рівень. Ще з часів античності філософів цікавили питання мовної природи найменування світу (Аристотель, Платон, Сенека, Прісціан, Демокріт та ін.). У середні віки довіра до розуму щодо позначення і представлення ним дійсності викликала сумніви, що зумовило антагонізм реалістів та номіналістів (XI–XV ст. І. Расцелін, П. Абеляр, школа У. Оккама) [11, 25].

З XVI ст. починаються розробки пазиграфій – систем писемності, які були зорієнтовані на подолання бар'єрів природних мов (неогліфи О. Баті, пікто Х. Йенсена), однак через складність графіки вони не мали успіху. Одне з перших зафіксованих спостережень відносно соціальної диференціації мов належить викладачеві Саламанкського університету Г. де Кореасу (початок XVII ст.), хоча сам соціологічний напрям у мовознавстві виник на межі XIX–XIX ст. [12; 13].

Із формуванням штучних мов всесвітньо відомими стали спрощена латина Ф. Лаббе, всеслов'янська мова Ю. Крижанича, спрощена французька І. Шипфера. У другій половині XIX ст. було організовано Інтернаціональне лінгвістичне товариство, метою якого стала розробка проблем універсальних штучних мов. За зразком природних мов наприкінці XIX ст. здійснено спроби проектування штучних мов: універсал-глотта (1868, Ж. Піро), волапюка (1887, Л. Заменгоф), а у XX ст. на зміну їм прийдуть латіна сіне флексіоне, ідо, есперанто, окциденталь, інтерглоса, новіаль та ін.

Щодо лінгвістичних спостережень над інтернаціональною лексикою, то вони почали проводитися на початку XIX ст. (А. Мейє, Е. Ріхтер, О. Есперсен, В.М. Жирмунський, Е. Вюстер). Штучно створена у 1882 р. варшавським лікарем Л.Л. Заменгофом, есперанто спочатку поширилась у Польщі та Росії, а у XX ст. – у Франції та Англії (нагадаємо, що ця штучна мова побудована на інтернаціональній лексиці – романського походження із залученням германських і слов'янських елементів, яка фіксується латинською графікою. Завдяки словотворчим афіксам словниковий склад есперанто мав необмежені можливості утворення, а 11 неваріативних флексій допомагали розрізняти частини мови та їх граматичні категорії).

У заявлений період як самостійний розділ науки про мову була сформована семасіологія: німецьким вченим Х. Рейзігом науковий термін уведено до наукового обігу; завдяки французькому лінгвісту М. Бреалю з'явилася «семантика» [11, с. 7].

«…Пояснити дещо – отже побачити у новому <…> елементи старого й знайомого, організованого по-новому» [1, с. 73]. Є.М. Панов називав мову універсальною семіотичною матрицею, на якій можна збудувати незліченну кількість найрізноманітніших знакових або інформаційних систем [9, с. 88]. Отже, для відображення картини світу необхідними атрибутами виступають свідомість, пам'ять, мова, знання певного етносу, які здатні акумулюватися задля збереження соціуму. Так здавна створювалися еталони, що «<…> служать етносу своєрідними орієнтирами в процесі сприйняття навколишньої дійсності, а при міжкультурному вивченні надають цінний матеріал для спостережень над специфікою мовно-культурного шифрування нематеріальної сфери людських емоцій» [3].

Таким чином, наука XVIII–XIX ст. дала наступним поколінням не тільки знання про окремі предмети й зовнішні зв'язки між ними, але й намагалась відкрити закони природи

та суспільства. Отже, специфіка науки заявленого періоду полягала в тому, що вона виявляла на практиці – виконувала місію посередника між природою та людиною, допомагала співіснувати у суспільстві.

Таким чином, ми погоджуємося з думкою, що картина світу складається із множинності світів – наукового, побутового, міфологічного, релігійного, наукового – її формування відбувається у свідомості та в внаслідок мовленнєвої діяльності [16, с. 320], вона підпорядкована певним законам, має усталені форми мислення, що знаходять своє відображення у мовних знаках. І кожен, хто оволодіває традиціями культури, знаходить універсальні константи комунікації. Тому у який би спосіб не формувався світогляд та релігійні уявлення представників різних наукових шкіл минулих століть, домінантою залишалося вираження власної думки. Бо мова – той кодовий ключ, який відкривав у кожному окремому суспільстві можливості соціального співжиття, формував і диференціював комунікативні стандарти, вносив корективи в перебіг комунікативної взаємодії, сприяв заохоченню до подальшого спілкування (інколи з не завжди очікуваним результатом).

Список використаної літератури

1. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания [Электронный ресурс] / А. Бергсон // Собрание сочинений. Т. 1, ч. 1. – С. 50–156. – Режим доступа: //http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000739/st000.shtml

2. Герц Г. Три картины мира / Г. Герц // Новые идеи в философии. Теория познания и точные науки: сб. – СПб., 1914. – № 11. – 154 с.

3. Голубовська І. О. Етноспецифічні константи мовної свідомості: автореф. дис. ... д-ра філол. наук: 10.02.15 / І.О. Голубовська; Київський національний ун-т ім. Тараса Шевченка. – К., 2004. – 38 с.

4. Колотило В.В. Сучасна картина світу і світогляд людтни / В.В. Колотило // Філософські проблеми гуманітарних наук. – К.: Київський університет, 2010. – № 19. – С. 156–160.

5. Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / Ж.А. Кондорсе; пер. с франц. И. Шапиро. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1936. – 233 с.

6. Кузнецова Т.Ф. Картина мира [Электронный ресурс] / Т.Ф. Кузнецова // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2008. – № 4. – Культурология. – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/Kuznetsova/#

7. Кузьменко В.В. Розвиток наукових картин світу як продукту історичного становлення науки і освіти [Електронний ресурс] / В.В. Кузьменко // Педагогічний альманах»: зб. наук. праць. – К., 2010. – Вип. 6. – Режим доступу: // http://www.nbuv.gov.ua/Portal/soc_gum/pedalm/texts/2010_6/044.pdf

8. Ньютон И. Математические начала натуральной философии / И. Ньютон; пер. с лат. А.Н. Крилов. – М.: Наука, 1989. – 688 с.

9. Панов Е.Н. Знаки. Символы. Языки / Е.Н. Панов. – Изд. 2-е, доп. – М.: Знание , 1983. – 248 с. – (Библиотека «Знание»).

10. Пригожин И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс; пер. с англ.; общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича, Ю.В. Сачкова. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.

11. Селіванова О. О. Актуальні напрями сучасної лінгвістики (аналітичний огляд): монографія / О.О. Селіванова. – К.: Фітосоціоцентр, 1999. – 148 с.

12. Лінгвістична енциклопедія / О.О. Селіванова. – Полтава: Довкілля-К, 2010. – 844 с.

13. Семчинський С. В. Загальне мовознавство: підручник / С.В. Семчинський. – К.: Преса України, 1996. – 416 с.

14. Философия и развитие естественнонаучной картины мира: межвузовский сборник / отв. ред. А.М. Мостепаненко. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1981. – 224 с.

15. Чернова Л.П. Наукова картина світу як предмет філософського дискурсу / Л.П. Чернова // «Гілея: науковий вісник»: зб. наук. праць. – К., 2010. – Вип. 40 (10) – Режим доступу: // http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Gileya/2010_40/Gileya40/F10

16. Шатун О. К постановке вопроса о сопоставительном анализе научной и наивно-бытовой языковых картин мира в русском и английском языках (на материале общена-

учной лексики) / О. Шатун // Žmogus kalbos erdvoje. – № 6. – Mokslinių straipsnių rinkinys. – Kaunas: Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas, 2010. – С. 320–324.

17. Яременко М.Ю. Інформаційна картина світу як соціокультурна реальність / М.Ю. Яременко // Наука. Релігія. Суспільство. – 2008. – № 1. – С. 234–239.

В статье рассматриваются основные этапы развития научной картины мира как продукта теоретической и практической деятельности человека, определяются ключевые компоненты, которые повлияли на ее формирование.

Ключевые слова: научная картина мира, научное познание, метафизика, гносеология, научная революция.

In this article reviews the main stages of development of the scientific world view as a result of theoretical and practical activity of man. Also identifies key components that influenced on its formation.

Key words: scientific world view, scientific cognition, metaphysics, gnoseology, Scientific Revolution.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

УДК 80.81.2.9

А.В. СОТНІКОВ,
кандидат філологічних наук,
викладач кафедри іноземних мов і перекладу факультету слов'янських мов
Київського національного лінгвістичного університету

НАРИС СУЧАСНИХ ДОСЛІДЖЕНЬ ПОЛІТИЧНОГО ДИСКУРСУ: ЛІНГВІСТИЧНИЙ АСПЕКТ

У статті розглядаються питання розвитку сучасних лінгвістичних досліджень дискурсу. Аналізуються два основних підходи: комунікативний і діяльнісний. Їх специфіку більш конкретно проілюстровано на прикладі досліджень у галузі політичного дискурсу.

Ключові слова: дискурс, комунікативний і діяльнісний підходи у дискурсознавстві, види дискурсу, політичний дискурс, жанр політичної промови.

Проблеми комунікативних властивостей тексту, вираження інтенції, стратегічна спрямованість та прагматична ситуація моделювання дискурсу вже давно привертають увагу лінгвістів. При цьому мовні одиниці найчастіше вивчаються у комунікативно-прагматичному аспекті. Сучасний етап розвитку дискурсознавства характеризується інтегруванням двох основних напрямів дослідження: комунікативного, згідно з яким творення дискурсу пов'язується з розширенням сфер функціонування мови, та діяльнісного, відповідно до якого мова розглядається як один із засобів забезпечення соціальної активності людини [1, с. 7].

У межах діяльнісного підходу дослідники визначають дискурс як соціальне конструювання реальності та форму вияву знань [2, с. 203; 3, с. 20], при цьому мова виступає як засіб реалізації активності людини в когнітивному [4, с. 50; 5, с. 128] і суспільному [6, с. 250–25; 7, с. 20] ракурсах. Дослідники, які займаються діяльнісним підходом, виокремлюють різні види дискурсу: аргументативний [8, с. 131–134], оцінний [9], науковий [10], політичний [11] та ін.

Дослідження комунікації як багатопланового процесу, що відбувається завдяки комплексній взаємодії вербальних і невербальних одиниць, дозволяє розкрити роль різнорівневих мовленнєвих засобів у реалізації їх комунікативної, прагматичної та емоційно-модальної функції [12, с. 1]. Ці аспекти дискурсу досліджувалися Ф.С. Бацевичем [13] та іншими дослідниками. Політичний дискурс є вираженням усього комплексу взаємовідношень людини та суспільства і таким чином функціонально орієнтований на формування в реципієнтів певної картини світу або світогляду [14, с. 26].

Політичний текст містить і позамовну інформацію (картину світу), і знакову інформацію. Як зазначає Дж. Туліс [15, с. 12], публічні політичні промови через детальний опис тієї чи іншої соціальної або політичної ситуації спрямовані не лише на досягнення розуміння основної думки з боку слухачів, але і є засобом формування певного настрою, що призводить до певних дій з боку реципієнта. Політичні промови впливають на формування у населення соціальних і політичних знань і уявлень про світ. З огляду на те, що вищенаведені погляди стосуються перлокутивного ефекту, можна погодитися з тим, що в політичному дис-

© *А.В. Сотніков, 2012*

курсі найбільш чітко виступає прагматичний аспект, оскільки мовець намагається представити свою позицію як єдино правильну та викликати необхідну реакцію [16, с. 184].

Політичному дискурсові притаманний не лише смисл (тобто співвіднесення з реальністю), він суб'єктивно співвідноситься також з певною групою або групами людей. Різні суб'єкти спілкування по-різному відображаються в дискурсі: комунікативні форми породжують власний зміст.

Головним наміром політичного дискурсу є потреба, по-перше, висловити своє бачення світу та, по-друге, переконати адресатів у тому, що бачення мовця є єдиним правильним, тобто змусити адресатів повірити мовцю. Лінгвісти, які досліджували політичну риторику, неодноразово наголошували на тому, що мовець найчастіше оперує подіями майбутнього, тому вибір мовних засобів відіграє важливу роль. Логісти [17, с. 154] вказують на існування певних законів побудови дискурсу: дотримання тактики ввічливості, уникнення прямої погрози, переконання шляхом логічного викладення інформації тощо.

Метою політичного дискурсу є боротьба за владу, а його учасниками стають політичні діячі та суспільство. На нашу думку, політичному дискурсові властиві водночас умотивованість мовленнєвої діяльності та прагматична спрямованість. В нашому дослідженні політичний дискурс розуміємо як сукупність усіх мовленнєвих актів, а також суспільних правил, традицій та досвіду, які обумовлені ситуацією спілкування, при цьому учасники належать до сфери політичної діяльності.

З розвитком прагматичного напряму досліджень виникає можливість виокремлення мови політичної, або мови політичного дискурсу. З огляду на те, що прагматика досліджує складові спілкування, пов'язані з виявом у мовленнєвому коді інтерактивних співвідношень комунікантів, а також їх ставлення до конситуації [13, с. 334], дослідники зосередили свої зусилля на дослідженні прагматичних аспектів політичного дискурсу. Синтез ідей та розробок представників функціонального напряму Празького лінгвістичного гуртка (Р. Якобсона, В. Матезіуса, М.С.Трубецького, Й. Вахека та Ф. Данеша), Лондонської школи (Х. Батлера, М.К. Холлідея), Женевської школи (Ш. Баллі, А. Сеше), Французької школи (Г. Гійом) і Радянської школи (О.В. Бондарко, Г.М. Ільїн, О.В. Падучева) призвели до появи інтегральної наявності різних функціональних підходів щодо дослідження тексту у мовленнєвій комунікації: 1) мовної функціональної категорізації та польового моделювання; 2) аналізу функціонування категоріальних засобів у мовленні; 3) функціонального дослідження комунікативної ситуації на підставі її складників та загальних стратегій мовної особистості [18, с. 92–95].

Дослідники [19], наголошують на важливості інтенції мовця, комунікативній стратегії та фонових знаннях комунікантів, завдяки чому забезпечується інтерактивність дискурсу. Інтенція детермінує вибір комунікативної стратегії мовцем, при цьому при кодуванні свого повідомлення мовець апріорі виходить з того, що фонові знання комунікантів збігаються, тобто при декодуванні повідомлення аудиторія використовує ті самі фонові знання, які використовувалися при кодуванні повідомлення.

Тому в політичній промові найбільш чітко виступає прагматичний аспект, оскільки мовець має на меті максимально вплинути на реципієнтів, переконати аудиторію в правильності своїх суджень, намагається презентувати свою позицію як єдину правильну й викликати необхідну реакцію [16, с. 184]. Таким чином, висловлювання учасників дискурсу в ракурсі прагматичного розуміння тексту пов'язуються з інтенцією. Інтенції не пропозиційні, тобто, не мають мовного характеру, а є «передвербальним, осмисленим наміром мовця». Пропозиційним є зміст висловлювання, а інтенції визначають, яким чином потрібно розуміти зміст повідомлення. Провідною інтенцією політичного дискурсу є боротьба за владу або її утримання, що, на думку К.С. Серажим [11, с. 91], навіть без експліцитного вираження так або інакше впливає на презентацію інформації. Інтенція набуває свого мовного втілення в стратегії, яка виступає єднальною ланкою до комунікативної фази та власне мовної реалізації інтенції мовця [13, с. 120]. Інформаційний потенціал дискурсу забезпечується обов'язковим дотриманням мовцями ***кооперативного принципу*** Г. Грайса, норм ***компетенції*** та ***релевантності.*** Кооперативний принцип Г. Грайса полягає в дотриманні чотирьох категорій, а саме категорій кількості, якості, релевантності та засобу. При цьому Г. Грайс приділяє увагу імплікатурам, серед яких він розрізняє конвенціональні та кому-

нікативні імплікатури. На його думку, конвенціональні імплікатури визначаються значенням лексичних одиниць, використаних мовцем, що дає можливість деяким дослідникам, Дж. Садоку [19, с. 281–282] зокрема, ототожнити її із семантичною пресупозицією. Щодо комунікативних імплікатур, вони визначаються комунікативно значущими відхиленнями від передбачуваного дотримання основних принципів спілкування. Імпліцитною інформацією є така, що мається на увазі автором повідомлення, але виражається опосередковано. Адресат прямо не висловлює свої інтенції, він лише натякає, викликаючи при цьому в адресата певні асоціації, скеровуючи його до певних причинно-наслідкових зв'язків. Тому діяльність реципієнта і включає не лише розшифровку мовних знаків, а й численні висновки, які він робить на основі підтексту і власних фонових знань. Для повного розуміння і правильного сприйняття змісту повідомлення в адресата й адресанта повинна бути спільна ментальна репрезентація картини світу.

Прагматична реалізація мовця в політичній промові визначається як «стратегічний процесс, базисом якого є вибір оптимальних мовних ресурсів» [19, с. 54]. Стратегія належить до специфічних аспектів мовленнєвої поведінки мовця і виражається в сукупності дій та мовних засобів, які використовуються для розв'язання комунікативно-прагматичного завдання політика. Генеральна інформаційна стратегія виступає засобом ефективного досягнення комунікативно-прагматичної мети [21, с. 283]. На думку О.С. Іссерс, будь-яка комунікація є стратегічною, оскільки знаходиться під тиском двох постійно діючих факторів, а саме: ефективності й соціальної спадковості. Стратегічний характер комунікації обумовлюється постійною перевіркою мовцем правильності обраного плану та його коригування. Виділяють основні (когнітивні) та допоміжні стратегії. Виокремлюють три типи когнітивних стратегій: вплив на поведінку, образ мислення та шкалу цінностей. До тактик, що впливають на поведінку особистосі, відносять: мовленнєві тактики підпорядкування (прохання, наказ), тактики поради, застереження, погрози. До мовленнєвих тактик, спрямованих на інтерпретацію ситуації, можна віднести тактику редукції (спрощення) та ускладнення (привнесення в ситуацію додаткових компонентів). Вплив на шкалу цінностей аудиторії здійснюється через мовленнєві тактики звинувачення та виправдання, докору й дискримінації. Крім того, виокремлюють основні та допоміжні стратегії, а також особливий тип риторичних стратегій, які використовують просодичні засоби впливу на адресата [22, с. 106–107].

Комунікативна стратегія визначає план оптимальної реалізації комунікативного наміру адресанта, який регулює: а) зміст або тему закладеної в текст інформації; б) той комунікативний ефект, якого прагне досягти відправник повідомлення; в) вибір і комбінування тих мовних засобів, що забезпечують мовленнєве формулювання цілей висловлювання [24, с. 45]. Таким чином, комунікативна стратегія визначається як комплекс мовленнєвих дій, спрямованих на досягнення кооперативного результату, глобальних або локальних комунікативних цілей, ефективності інформаційного обміну й впливу в процесі мовленнєвого спілкування.

Стратегія розуміється як сукупність мовленнєвих дій, спрямованих на вирішення комунікативної мети мовця, на конкретний мовленнєвий хід стратегічної програми комунікації, одна або декілька мовленнєвих дій, способи здійснення інтенційно-стратегічної програми комунікації, мовленнєві прийоми є тактикою, тому що виступають як окремий інструмент реалізації загальної стратегії [20, с. 46]. Когнітивно-дискурсивні стратегії спрямовані на активацію концептуальної структури адресата, що зумовлює певну організацію дискурсу, а також вибір і розподіл номінативних одиниць. При цьому стратегія розглядається як творча реалізація мовленнєвих дій, яка визначає загальний «стиль взаємодії», підпорядкований досягненню певної мовленнєвої / немовленнєвої мети комунікації (кооперація або конфлікт), як безліч варіантів мовленнєвих реалізацій, можливих у конкретних комунікативних обставинах, і тих, що відображають як спектр смислових потенцій, так і процес вибору конкретного варіанта в певній комунікативній ситуації [22, с. 44].

Тлумачення комунікативних стратегій як сукупності мовних засобів і послідовності дій дозволяє розділити їх на три групи за критерієм мети: конвенціональні (узгодження, припинення конфлікту), конфліктні (наголошення діаметрально протилежних поглядів комунікатнів для створення конфліктної ситуації), маніпуляційні (нав'язування власної стратегії або власного модуля цінностей і картини світу). Комунікативна стратегія, залежно від

мети, узгоджується з п'ятьма основними видами стратегічних функцій: стратегією ввічливості, стратегією захисту або збереження гідності, стратегією переконання або маніпулювання, стратегією узагальнення й наведення прикладів, стратегією оптимальної самопрезентації, є підпорядкованим комунікативній стратегії конкретним засобом реалізації інтенційної програми дискурсу.

Стратегії, за С.І. Потапенком [23, с. 61], визначають конструювання подій за рахунок активації ментальних схем, які репрезентують стан речей, таким чином впливаючи на мотиваційний рівень адресата. Зв'язаність і цільність тексту політичної промови свідчить про взаємодію композиційної і концептуальної організації політичних промов. У політичному дискурсі здебільшого використовуються стратегії презентації та конфронтації. Комунікативна стратегія виявляється планом дій, який автор використовує для досягнення своєї мети. Вона враховує фактори послідовного використання мовних засобів, розміщення інформаційних блоків, орієнтацію на пресупозиції комунікантів (взаємні припущення про фонові знання). Інтенція та комунікативно-прагматична мета мовця залежать не лише від обраних мовних засобів, а ще й від правильної оцінки приблизного рівня комунікативної компетенції мовця.

Мовці найчастіше використовують тактики одиничності, множинності, індефінітності та елімінації. Під тактикою одиничності ми розуміємо прагнення мовця зробити акцент на власній ролі в досягненнях уряду, партії, виборчої кампанії тощо. Тактика множинності полягає в намаганні політика розподілити відповідальність або продемонструвати єдність. Індефінітність та елімінація полягають у бажанні дистанціюватися від проблем, невдалих рішень або поразок. При цьому залежно від комунікативної ситуації тактики розподіляються на активні та пасивні [19, с. 55]. Ми вважаємо, що модель І.С. Шевченко [26, с. 43], яка демонструє внутрішню структуру мовленнєвого акту як єдність трьох блоків, а саме: антропоцентричного (адресант, адресат, інтенція), блоку умов і засобів реалізації мовленнєвого акту (ситуативний, контекстний, метакомунікативний аспекти), та центральний (локутивний, денотативний та ілокутивний аспекти), являє собою модель, за допомогою якої можна описати комунікативно-прагматичну стратегію.

На основі вищевикладеного, ми стверджуємо, що втілення комунікативно-прагматичної стратегії та тактик як засобів досягнення мети комунікації має відповідати характеру умовних імплікатур, які обов'язково з'являються в дискурсі задля економії мовних засобів. При цьому тлумачення вищезгаданих імплікатур виходить не зі значення слів та речень, які утворюють дискурс, а з контексту. Так, Рут Кемпсон наводить п'ять ознак умовних імплікатур: 1) вони залежні від розпізнання кооперативного принципу та його максим; 2) вони не є частиною значення лексичних одиниць, доки їхнє значення зумовлюється попереднім контекстом; 3) імпліцитне значення речення не є єдино можливим. Допускається наявність більш ніж одного значення, які будуть відновлювати дію кооперативного принципу в разі його порушення; 4) закладення імпліцитного значення буде залежати від припущення про стан речей у світі і мовця, і адресата. Пресупозиції комунікантів не можуть бути передбаченими; 5) імплікатури є беззаперечними. При цьому дослідниця припускає, що інтерпретація речень не буде обмежена вимогами форми та експліцитного значення, а буде варіюватися залежно від припущень мовця та адресата [27, с. 71–72].

Список використаної літератури

1. Постникова Л.В. Просодия и политический имидж оратора: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04: «Германские языки» / Л.В. Постникова. – М., МГЛУ, 2003. – 22 с.

2. Лук'янець В. Філософія дискурсу / В. Лук'янець // Вісник НАНУ. – 2002. – № 12. – С. 22–28.

3. Шаховский В.И. Голос эмоций в русском политическом дискурсе / В.И. Шаховский // Политический дискурс в России – 2: Материалы рабочего совещания. – М.: Диалог МГУ, 1998. – 212 с.

4. Воробьева О.П. Текстовые категории и фактор адресата / О.П. Воробьева. – К.: Вища школа, 1993. – 200 с.

5. Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу / А.А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5. – С. 126–139.

6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 476 с.

7. Серио П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: Прогресс, 1999. – 416 с.

8. Пыжова М.Г. Аргументация, убеждение и коммуникация / М.Г. Пыжова // Стратегии коммуникативного поведения: материалы докладов Междунар. науч. конф. (3–4 мая 2001 г. / редкол.: Д.Г. Богушевич и др. – Минск: Минск. гос. ун-т, 2001. – С. 131–134.

9. Миронова Н.Н. Оценочный дискурс: проблемы семантического анализа / Н.Н. Миронова // Известия АН. Серия литературы и языка. – М., 1997. – Т. 56, № 4. – С. 52–59.

10. Ильченко О.С. Семантика грамматики: оппозиция одушевленности-неодушевленности в синхроническом и диахроническом аспектах: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01: «Русский язык» / О.С. Ильченко. – Краснодар, 2004. – 231 с.

11. Серажим К.С. Дискурс як соціолінгвістичне явище: методологія, архітектоніка, варіативність (на матеріалах сучасної газетної публікації): монографія / К.С. Серажим; ред. В. Різуна. – К.: Київ, нац. ун-т ім. Тараса Шевченка, 2002. – 392 с.

12. Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии / С.Л. Рубинштейн. – М.: Наука, 1959. – 351 с.

13. Бацевич Ф.С. Основи комунікативної лінгвістики: підручник / Ф.С. Бацевич. – К.: Академія, 2004. – 344 с.

14. Ухванова-Шмыгова И.Ф. Дискурс-анализ в контексте современных исследований / И.Ф. Ухванова-Шмыгова, А.А. Маркович, В.Н. Ухванов; под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой) // Методология исследования политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов: сб. науч. трудов. – Минск: БГУ, 2002. – Вып. 3. – С. 6–28.

15. Tulis J.K. The Rhetorical presidency / J.K. Tulis. – Princeton: Princeton University press, 1998. – 224 pp.

16. Савчук В.І. Інтенціональність як основний комунікативно-прагматичний чинник англомовного політичного дискурсу / В.І. Савчук // Мова, освіта, культура в контексті євроінтеграції: матеріали науково-практичної конференції (21–23 квітня 2010 р.). – К.: Вид. центр КНЛУ, 2010. – С. 184–185.

17. Burgoon J. Nonverbal Behaviours, Persuasion, and Credibilit / J. Burgoon, T. Birk, M. Pfau // Human Communication Research. – 1990. – Vol. 17, Heft 1. – P. 140–169.

18. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации / Е.А. Селиванова. – К.: ЦУЛ «Фитосоциоцентр», 2002. – 336 с.

19. Sadock J.M. On testing for conversational implicature / J.M. Sadock // Pragmatics / Ed. P. Cole. – N.Y. etc.: Acad. Press, 1978. – P. 281–282.

20. Дорофєєва М.С. Прагматична реалізація суб'єкта в політичній промові (досвід контент-аналізу) / М.С. Дорофєєва // Мовна освіта в контексті Болонських реалій. – К.: Вид. центр КНЛУ, 2005. – С. 54–56.

21. Сотников А.В. Варіативність структури фонетичних слів в англійському публіцистичному дискурсі / А.В. Сотников // Актуальні дослідження іноземних мов і літератур: матеріали міжвузівської наукової конференції молодих учених (13–14 лютого 2003 р.). – Донецьк: Донецький національний університет, 2003. – С. 282–285.

22. Иссерс О.С. Коммуникативные стратеги и тактики русской речи: монография / О.С. Иссерс. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.

23. Потапенко С.І. Сучасний англомовний медіа-дискурс: лінгвокогнітивний та мотиваційний аспекти / С.І. Потапенко. – Ніжин: Видавництво НДУ імені Миколи Гоголя, 2009. – 391 с.

24. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие / В.Е. Чернявская. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.

25. Вохрышева Е.В. Коммуникативные стратегии диалогического взаимодействия: гендерный аспект: монография / Е.В. Вохрышева. – Самара: Изд-во Самарск. науч. центра РАН, 2006. – 134 с.

26. Шевченко И.С. Историческая динамика прагматики предложения: английское вопросительное предложение 16–20 вв.: монография / И.С. Шевченко. – Харьков: Константа, 1998. – 168 с.

27. Kempson R.M. Semantic Theory / R.M. Kempson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 216 p.

В статье рассматриваются вопросы развития современных лингвистических исследований дискурса. Анализируются два основных подхода: коммуникативный и деятельностный. Их специфику более конкретно проиллюстрировано на примере исследований в области политического дискурса.

Ключевые слова: дискурс, коммуникативный и деятельностный подходы в дискурсоведении, виды дискурса, политический дискурс, жанр политической речи.

The article examines the development of modern linguistic studies of discourse. Analyzed have been two main trends: the communicative and activity based approaches. In a more detailed way their specificity is illustrated by research in the field of political discourse.

Key words: discourse, communicative and active approach to translation studies, types of discourse, political discourse, the genre of political speech.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

УДК 811.111-3

О.М. ТЕПЛА,
кандидат педагогічних наук,
доцент кафедри української, англійської і латинської мов
імені М.О. Драй-Хмари
Національного університету біоресурсів и природокористування України

ЛІНГВІСТИЧНА КОНЦЕПЦІЯ ТВОРЕННЯ КОМЕРЦІЙНОЇ НОМІНАЦІЇ

Статтю присвячено дослідженню творення сучасної комерційної номінації. Розглянуто критерії творення власних назв, методики і художні прийоми для створення комерційного імені.

Ключові слова: комерційна номінація, комерційна назва, неймінг, комунікативна ефективність.

Важливість ономастичних досліджень для лінгвістики полягає в тому, що на основі онімів легко простежувати загальні тенденції мовного розвитку. Певна відкритість онімів і доступність аналізу їх структури є джерелом відомостей не тільки про мову, а й про світ. Тому ономастика як особлива дисципліна мовознавства комплексно вивчає мову і культуру.

Сучасна українська ономастика характеризується значною кількістю вагомих досліджень, присвячених специфіці власних назв (Л.О. Белей, С.О. Вербич, В.О. Горпинич, І.М. Желєзняк, М.І. Зубов, Ю.О. Карпенко, В.В. Лучик, В.В. Німчук, Є.С. Отін, А.М. Поповський, М.Л. Худаш, К.К. Цілуйко, П.П. Чучка, В.П. Шульгач та ін.).

Лінгвістична концепція неймінгу є сучасною проекцією теорії номінації в умовах домінанти комунікативно-функціональної парадигми в мовознавстві. Неймінг – це процес і результат створення оригінальної назви об’єкта, тобто неймінг – це присвоєння комерційно релевантного імені. Комерційна номінація – це мовна номінація, орієнтована на отримання комерційного ефекту.

Слово – це система комунікації. Інформація, яку несе в собі слово, сприймається на кількох рівнях: ментальному й емоційному, свідомому і підсвідомому. Окрім прямого лексичного значення, емоційного і стилістичного забарвлення, слова володіють також історією (етимологія), структурою (морфологія), естетикою (внутрішня ритміка, графічність, симетричність, благозвучність, алітерація тощо). Також у творенні назв часто доводиться розглядати асоціативні ряди. Отже, неймінг – це не добір слова за словниками (це може бути лише одним з етапів роботи), а створення унікальної системи комунікації.

У процесі творення імені використовуються багато характеристик, враховуються фонетичні, лінгвістичні, психологічні і семантичні особливості обраної назви. Для прикладу візьмемо назву кондитерського цеху «*Домашній пекар*». Завдання розробників: створення назви для кондитерського цеху, відомого своїм безкомпромісним ставленням до якості власної випічки. Значення назви: смачна випічка, продукція викликає довіру. Результат: «*Домашній пекар*» – кондитерський цех – перетворюється на персону – справжнього майстра кулінарії, який любить пекти і отримує задоволення від процесу. Все що він випікає – він робить як для себе, а хіба можна засумніватися в тому, що ми робимо самі для себе? Інший приклад створення вдалої власної назви: неймінг торговельної марки для продукції

© *О.М. Тепла, 2012*

бакалійної групи (крупи, цукор). Значення назви: якісна продукція + національний український колорит. Результат: назва «*Панська*» – панська, від пана. А пани, як правило, не відмовляють собі в задоволенні смачно і ситно поїсти.

З погляду індивідуальності комерційної назви особливої значущості набувають морфологічні критерії словотворення. Наші спостереження дали змогу виявити, що у створенні імені використовуються такі методики: нейролінгвістичне програмування, лінгвістичні рекламні технології, мовні пресупозиції, створення комплексних еквівалентів.

Практика словотворення показує, що грамотно створене комерційне ім'я має семантичний підтекст і, відповідно, збільшує його комунікативну значущість. У створенні назви необхідно брати до уваги те, що назва має:

1) викликати позитивні емоції і позитивні асоціації;
2) легко виголошуватися і запам'ятовуватися;
3) виражати переваги марки;
4) виділятися на тлі інших назв;
5) не порушувати авторських прав на вже зареєстровану марочну назву.

У Стародавньому Єгипті вірили, що ім'я існує самостійно, незалежно від людини або речі, яким воно належить. Комерційні назви на сучасному ринку перетворили цю віру на реальність. Торгові марки та символи не тільки отримали право на самостійне існування, вони становлять активи, вартість яких визначається чималою сумою грошей. Купуючи той чи інший товар, ми платимо не тільки за той товар, що купуємо, але й за назву та символ на етикетці – назву підприємства-виробника й торгову марку самого товару. Це тому, що виробники та продавці, які пропонують товар з гарною репутацією, можуть вимагати від споживача більш високої ціни ніж та, яку споживач готовий заплатити за невідомий широкому загалові товар. Покупець сплачує більш високу ціну не за ім'я на етикетці, а за ту репутацію, яку мають виробник та його товар.

Нижче ми розглянемо художні прийоми для створення комерційної назви.

Вивчення специфіки використання художніх прийомів у створенні власних назв вимагає знань з лінгвістики, психології, оскільки вони належать до особливостей використання певних мовних знаків та символів і їх впливу на психологію людини. Нижче ми коротко охарактеризуємо кожен із наведених прийомів.

Фонетичні

Фонотека – створення певного психологічного фону з допомогою спеціально підібраних звуків мови, кожен з яких має своє психологічне значення (табл. 1).

Таблиця 1

Значення звуків української фонетики

Звук	Асоціативний вплив
Голосні	
а	Працелюбність, дієздатність
о	Округлість, ситість, обтічність, неконкретність
і	Пронизливість, тонкість, повітряність
е, є	Плавність, співочість, завершеність
и	Важкість, завершеність, надійність
ї	Піднесеність, багатозначність, порядність
у	Довгість, зазивання, болючість
ю	Непостійність, незавершеність, піднесеність
я	Гордість, виразність
Приголосні	
п, б	Відчуття солідності, надійності, поважності
в	Вибух, підйом, оптимістичність
г	Галас, гучність
д	Ідея ударності, що спрямована в усіх напрямах, тільки не вгору, як у прямому, так і в переносному значенні
з, ж	Відчуття дзвінкості, руху, зменшеності

Продовження табл. 1

Звук	Асоціативний вплив
й	Завершеність, сталість, акцентування уваги
к	Прискорення, виявлення «піків», змістове скорочення, вказівка на щось, акцентування уваги
л, н	Яскраво виражене жіноче начало, відчуття легкості, ніжності
м	Ідея розумової праці, масивності
р	Ідея динаміки, рішучості, мужності
с	Сила, перехід з одного стану в інший
т	Важкість, приземленість
ф	У переносному значенні відчуття «надування щік», пихатості, глобальності, безвихідності
х	Дія на майбутнє, нестійкість
ц	Чіпкість, завзяття
ш, щ, ч	Повзання по землі, шипіння, повільність, рух
ь	Пом'якшує дію будь-якого знаку

Рекламістам не обов'язково потрібно бути структурними лінгвістами для того, щоб відчути семантику звуку. Основою фонетичної адекватності рекламної фрази є її милозвучність, відповідність звукового складу змісту рекламного повідомлення. Недарма в усіх посібниках із створення реклами рекомендують використовувати прості слова. Саме прості базові одиниці мови, створені на початку її формування для визначення найважливіших і типових елементів довкілля, найяскравіше відображають відповідність звукового складу зображенню предмета чи явища.

Лексичні

Абстракціонізм і реалізм

Абстрактні слова характеризують абстрактні поняття чи концепції, які неможливо сприйняти за допомогою органів чуття людини. До них належать різні узагальнювальні лексеми, що визначають клас, тип чи групу предметів або явищ («любов», «надійність», «якість», «краса»). *Конкретні* слова характеризують предмети чи явища реального світу, які можна відчути, а саме: доторкнутися до них, понюхати їх, почути тощо. Кожне абстрактне слово можна описати з допомогою кількох конкретних. Враховуючи те, що споживачі не обов'язково мають великий словниковий запас, а також те, що увага та пам'ять людини формуються на основі інформації, отриманої через органи чуття, рекламіст під час створення рекламних текстів має намагатися уникати абстрактних слів і висловів, оскільки реклама пишеться мовою споживача. Однак абсолютна конкретність також не може бути корисною, оскільки кожна людина бажає завершеності.

Тропи та фігури

Тропи – використання у рекламному тексті слів, які мають другий зміст. Фігури – використання у рекламному тексті слів, які мають ступінь первинного значення використаного слова.

Метафори – використання у рекламному тексті слів з переносним значенням на основі аналогії, схожості чи порівняння. Метафори у рекламному тексті бувають:

- конвенційні – ті, які широко використовуються у повсякденній комунікативній практиці і не потребують інтелектуальних зусиль від аудиторії для розкриття їх змісту. Художнє представлення конвенційних метафор називається *алегоріями*;
- неконвенційні – образи, що вперше створені автором.

Гіпербола – посилення словом основних властивостей рекламованого об'єкта.

Словотворчість – створення слів з використанням імені бренда. До словотворчості відносять каламбур, слова-матрьошки, запрограмовані помилки, фразеологізми.

Синтаксичні

Модальність – синтаксична форма речення. Спрямована на спонукання споживачів до певних дій, а саме до прийняття рішення про купівлю чи здійснення самої купівлі. Застосування різних синтаксичних форм рекламних речень багато в чому залежить від цільової аудиторії.

Симетрія – форма побудови речення, коли воно чітко розподілене на кілька частин, складених за єдиною моделлю. Віссю симетрії є розділовий знак, який ділить речення на дві частини. При цьому кількість слів чи знаків в обох частинах мають бути максимально однаковими. Коли одна частина переважає іншу – створюється дисбаланс, який заважає сприймати фразу в цілому.

Під час вивчення особливостей використання цього прийому потрібно звернути увагу на різні конструкції симетричних речень і на те, як ці конструкції можуть бути використані у рекламі різних товарів.

Відкриті конструкції – характеризуються незавершеністю речення, яке позначається крапками або на початку, або наприкінці. Одним із наріжних каменів у роботі зі створення комерційних назв є оцінка їх ефективності. Однак нині це проблематично, оскільки немає цілісної системи критеріїв оцінювання, від якої можна було б відштовхуватися у розробленні чи оцінюванні вже створеного.

Потрібно звернути увагу на методи оцінювання комерційної назви, проте найбільш комплексним вважають метод, що базується на стратегії просування ФОКС. Стратегія ФОКС ґрунтується на методі якісних структур МЯС І.Н. Калінаускаса [2]. МЯС дає змогу виділити умови оптимальності в будь-якому цілому. Цим МЯС схожий на методи ТРВЗ – теорію розв’язання винахідницьких задач Г.С. Альтшуллера [1]. Однак позиції у мисленні з МЯС та в межах ТРВЗ діаметрально протилежні: ТРВЗ ґрунтується на думці про об’єкт на основі минулого досвіду; МЯС дозволяє мислити про суб’єкт із позицій сьогодення.

Отже, комерційна назва є частиною рекламної комунікації. Виходячи із цього, комерційну назву можна оцінити як окремий креативний продукт і як креативний продукт на тлі рекламної комунікації.

Список використаної літератури

1. Альтшуллер Г.С. Поиск новых идей: от озарения к технологии (теория и практика решения изобретательских задач) / Г.С. Альтшуллер. – Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1989. – 243 с.

2. Калинаускас И.Н. Игры, в которые играет «Мы». Основы психологии поведения: теория и типология / И.Н. Калинаускас. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 365 с.

Статья посвящена исследованию создания современной коммерческой номинации. Рассмотрены критерии создания имен, методики и художественные приемы для создания коммерческого имени.

Ключевые слова: коммерческая номинация, коммерческое название, нейминг, коммуникативная эффективность.

The article is devoted to the research of the process in modern commercial nomination. The work is devoted to the research of the creation of modern commercial nomination. The criteria of creation of proper names and artistic methods of create a commercial name are considered.

Key words: commercial nomination, commercial name, naming, communicative efficiency.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

УДК 811. 61.81'342.8/9

І.А. НАВАРЕНКО,
кандидат філологічних наук,
старший викладач кафедри романської філології
Київського національного лінгвістичного університету

ЛІНГВОПРАГМАТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ ІСПАНСЬКОЇ НАРОДНОЇ КАЗКИ

Статтю присвячено дослідженню лінгвопрагматичних особливостей іспанської народної казки. Напрям роботи відображає загальну тенденцію інтересу вчених до концепції взаємозв'язку мови та культури народу, носія мови, з одного боку, та окремих проблем мовознавства теоретичної і прикладної значущості – з іншого. Аналіз загальних ознак іспанських народних казок базується на детальному описі жанру казки з критичним коментарем до підходів науковців до визначення цього жанру як найпростішого і водночас складного, оскільки інтуїтивні знання людини дозволяють їй виокремити казку серед інших видів творів.

Ключові слова: іспанська народна казка, прагматична спрямованість тексту, жанрова специфіка, фольклорний текст.

Тексти казок є предметом вивчення вже багато століть. Вони привертали увагу етнографів (М.І. Костомаров, П.О. Куліш, І.І. Манжура, Є.М. Мелетинський), літературознавців (А. Арне, О.М. Афанасьєв, О.Ю. Бріцина, В.Я. Пропп) педагогів (А.О. Маніченко, Л.Б. Фесюкова), філософів (М. Луїза фон Франц, К. Густав Юнг), які досліджували джерела фольклорних казок і підготували ґрунт для глибокого аналізу казки як невичерпної духовної скарбниці народу. Так, філологи розглядали жанрові особливості літературної казки (Л.В. Овчинникова); мовну картину фантастичної казки (О.Ф. Лавриненко, К.П. Єсипович); семантико-синтаксичну структуру казки (О.Ф. Леонтьєва, С.В. Шевчук); структурну форму мовлення персонажів (Т.І. Вавринюк); жанрові особливості різних видів казок (А.В. Анікін, О.Д. Нефьодова), були визначені поетико-стильові традиції фантастичної казки, особливості комунікативно-прагматичної організації (Н.Л. Мастилко); питання інтонаційної динаміки казки (Т.І. Саєнко).

Саме тому актуальність роботи зумовлюється загальною спрямованістю сучасних досліджень на вияв механізму побудови комунікативно ефективного дискурсу з урахуванням інтеграції одиниць різних мовних рівнів для створення ефективної моделі мовленнєвого акту.

Метою дослідження є визначення лінгвопрагматичних особливостей текстів іспанської народної казки шляхом виявлення їх комунікативних стратегій і тактик.

Досягнення поставленої мети зумовило вирішення таких завдань:

– встановити концептуальні основи дослідження процесу актуалізації текстів іспанської народної казки;

– окреслити жанрові ознаки цих текстів;

– визначити комунікативний та прагматичний потенціал текстів іспанської народної казки;

– виявити їх лінгвопрагматичні особливості.

© *І.А. Наваренко, 2012*

Об'єктом дослідження виступають тексти іспанської народної казки.

Предметом дослідження є лінгвопрагматичний аспект текстів іспанських народних казок та вивчення його особливостей.

Матеріалом дослідження є тексти іспанських казок, відібрані з фольклорних творів іспанської літератури.

Методи дослідження. Досягнення поставленої мети й розв'язання конкретних завдань дослідження ґрунтується на загальних положеннях *системного аналізу* із застосуванням таких методів та прийомів: *метод лінгвістичного спостереження* при визначенні жанрових характеристик іспанської народної казки, *метод семантичного й комунікативно-прагматичного аналізу* для визначення структурної будови зв'язного тексту, *статистичний* – для опрацювання отриманих результатів.

Наукова новизна роботи полягає в тому, що на матеріалі іспанської народної казки здійснено аналіз лінгвопрагматичних особливостей фольклорних текстів у реалізації їх комунікативних стратегій і тактик.

Періодом становлення іспанської народної казки як жанру називають конкретний історичний період: від можливої появи перших усних жанрів місцевою мовою до перших писемних пам'яток іспанською мовою (XV–XVII ст.). Це початок становлення національної мови й літератури, який являє собою період виокремлення художнього повідомлення на фоні інших. Національна літературна мова з'явилася раніше, ніж безпосередньо сама національна література, але писемна літературна мова не є первісним утворенням, вона проростає на ґрунті усної народної творчості і використовує досвід дописемної літератури [1, с. 12]. Історичний взаємозв'язок мови й літератури виражає закономірності розвитку самобутньої духовної культури народу, животворні сили якої – історія, звички, бажання, мета, віра, почуття, пісні, казки тощо – сприяють динаміці вдосконалення мовних форм думки, мовних процесів у мовленнєвій діяльності [2, с. 32].

Сучасні дослідники іспанської народної казки (А. Родрігес Альмодовар, М. Аурільо Еспіноза), зазначаючи її належність до пам'яток усної творчості, говорять про приналежність казкових творів до конкретного історичного періоду, про їхню роль в історії формування національної мови й літератури. Тому, за їхнім визначенням, текстам іспанської народної казки притаманні закріпленість тематики, інваріантність композиційної структури, чітка співвіднесеність із жанровими ознаками.

Саме слово «казка» фігурує в писемних джерелах не раніше XVI ст. і набуває сучасного значення з кінця XVIII – початку XIX ст. Відомо, що слово «казка» *cuento* (ісп.), *conte* (фр.) увійшло в романські мови з латинської *compitus*, що означає *переказування, перерахування*. У XVIII ст., коли вона почала своє самостійне існування, термін «казка» *cuento* або еквівалент *fábula* (хронологічно послідовне зображення подій і пригод у художньому творі; розповідь про події, змальовані в епічних, драматичних, ліро-епічних сюжетах твору) по відношенню до літератури вживається на рівних правах поряд з термінами «роман, повість, оповідання» (cuento, novela). Незважаючи на те, що публікувалися численні збірки казок і казкових оповідань, лише у XIX ст. казка була визначена як літературний твір, домінантними ознаками якого є фольклорна основа та обов'язкова настанова на відсутність вірогідності (*relato sin garantía histórica* / *оповідання без історичної достовірності* – Х. Коромінос). Для позначення відповідного виду усної прози в європейських мовах використовувався також термін «байка» (cuento corto, fabulilla), який був витиснений новим – «казка» (cuento, fábula). Підтвердженням цього є підручники з риторики, які дозволяють судити про початковий період визначення іспанської народної казки як окремого літературного жанру.

Іспанські усні народні казки (*cuento áureo* – золота казка) – це невеликі за обсягом прозові оповіді усної традиції. Їх розповідали на вечірках або зібраннях, в селах або містах, серед селян або поважним персонам, навіть королям та їх оточенню; у час спекотної сієсти або біля нічного ліхтаря, на відпочинку або під час подорожі. Ранні іспанські казки були схожі на анекдоти, якими пожвавлювали бесіду (що є характерною традицією іспанців розказувати анекдоти). Дослідники іспанської народної казки визначають такі функції усної казки періоду її формування як жанру: *розвеселити, захопити, зацікавити* [6, с. 27–30].

Казки здавна посідали в історико-культурному житті народу Іспанії одне з чільних місць, що зумовлювалось їх здатністю проникати в різноманітні сфери життя, відображати найхарактерніші риси повсякденного буття, конкретним виявом прагнень захопити художню уяву найширшого кола різних за своїм характером слухачів. Неодмінною передумовою життєвості казки, запорукою популярності є гармонійне поєднання художнього вимислу з установкою на те, щоб розважити, заінтригувати слухача, полонити його уяву неймовірністю відображуваних подій та ситуацій. В іспанській казці, як і в казках інших європейських народів, фантастичне органічно поєднується з історичним елементом.

Іспанська народна оповідальна творчість, зберігаючи характерні національні риси, водночас виразно тяжіє до загальносвітової фольклорної традиції, перегукується з нею. Розвиваючись протягом тривалого часу, вона постійно збагачувалась, засвоюючи кращі здобутки місцевих традиції та активно взаємодіючи з казками інших народів. Внаслідок цього в іспанських народних казках склалась характерна поетика, розвинувся суто народний стиль художнього відображення дійсності.

Дослідники фольклору називають три джерела походження іспанської народної казки, яка в XVII ст. виокремилась в самостійний жанр:

1) зі Стародавнього Сходу – старі теми і сюжети, які були розповсюдженні по всій Європі (*misoginia – про презирливе ставлення жінки, adulterio – про подружні зради, burlesco – гумористичні*);

2) численні греко-латинські казки, які наслідують лінії католицьких і латинських сюжетів – захоплення класичним світом, гуманізм, релігійна спрямованість казкових творів;

3) короткі анекдоти про відомих людей [6, с. 30].

У текстах іспанських народних казок змальовано антагоністичні стосунки в соціальних сферах – між бідняками й панівною верхівкою («*El pandero de piel de piojo*»), в сім'ї – між чоловіком і дружиною («*Pereza y testarudez*»), в особистих стосунках між простими людьми – лінивим і працьовитим, дурнем і мудрим («*El préstamo*», «*Simón el Tonto*»). Іспанська народна казка порівняно з іншими казковими оповідями є найбільш наближеною до реальної дійсності суспільства. Конфлікт у цих творах переважно виникає у сфері соціальних або сімейних відносин і розв'язується не за допомогою магічного помічника, а завдяки власним зусиллям героїв [3].

У XVI–XVII ст. більше надається перевага літературним опрацюванням, ніж усним народним текстам. Народні казки починають витіснятися на друге місце. Так, Іспанія «золотої доби» – це батьківщина провідного прозового жанру новоєвропейської літератури. Саме в Іспанії роман бере свій початок (науковці говорять про два кореня: від *«Дон Кіхота»* Сервантеса і від шахрайських романів (*«Життя Ласарільо з Тормеса»*), прообразом якого є народні казки. Іспанська література «золотої доби» складається і розвивається під впливом італійської новелістики. Новели остаточно жанрово оформлюються під пером Сервантеса – творця *«Novelas ejemplares»*. Як різновид оповідання з'являються новели (*novela pintoresca, novela picareresca, novela corta, cuento novelado*), суть яких полягає у розширенні можливостей новели порівняно з традиційною казкою [6, с. 50]. До таких перехідних творів – від казки до новели – відносять перші друковані твори *«Las olas del padre Felipe»*, *«La historia de Quiquibio», «El patrañuelo», «Novela cortesana».*

Кортасар і Більєрі, досліджуючи іспанську казку епохи Відродження, характеризують її як вже остаточно сформований окремий жанр і говорять про виникнення в той час чарівної казки і пригодницьких коротких оповідань, першоджерелом яких була казка. Казкові герої епохи Відродження набувають характерних рис, персоніфікуються, ускладнюється сюжет. У тексти вкраплюються діалоги з метою надання мовленню казки більшої експресивності й виразності.

Традиційність норм побудови народної казки, які поширюються як на форму, так і на зміст оповіді, її універсальність та відсутність авторського права на текст остаточно відмежовують у той період народну казку від літературно опрацьованого авторського тексту.

Проте з часом в іспанській бароковій прозі починає переважати риторичний початок. Він підпорядковує собі ренесансне «наслідування природі». Образ «персонажа внутрішнього» в літературі того періоду змінюється типом «персонажа зовнішнього», стурбованого тим, як він виглядає в очах інших, який вибудовує своє «я» за канонами, нав'язаними йому

соціумом. Стиль прози бароко характеризує химерне переплетіння алегоричної образності й натуралістичного гротеску, фантастики й побутописання. Усе частіше прозаїки (наприклад, Ф. де Кеведо) тяжіють до розробки (у тому числі й пародійної) вже існуючих фабульних схем, до стильових кліше фольклорних текстів. Разом з тим «літературність» їхніх текстів парадоксально поєднується з використанням прийомів стилізованого мовлення, «майданного» гротескного слова, низового фольклору (José Manuel Blecua).

У цілому іспанська проза першої половини XVII ст. розвивається по лінії відходу від романної традиції: перевага надається алегоричній «епопеї в прозі» («*El Criticón*» Б. Грасіана), дотепним повчальним висловлюванням («*Oráculo manual*» Б. Грасіана), сатиричному «баченню» («*Los Sueños*» Ф. де Кеведо), виходом перших збірок казок («*Emblemas morales*» С. де Коаррубіаса). Усупереч труднощам історичного шляху, іспанська казка розвивалася і свідчила про те, що в мистецьких пошуках іспанські письменники йшли в ногу з письменниками Європи і світу.

М. Аурілльо Еспіноза, дослідник «золотого періоду», пише, що тексти казок того часу, які збирали і відбирали, підлягали літературній інтерпретації. Вони подорожують від одного автора до іншого, і кожний довершує казковий текст своїми варіантами. Педро Руїс Перес у своїй праці «*La historicidad del discurso y el carácter oral del cuento no literario*» зазначає, що XVI–XVIII ст. – це процес розмежування між фольклорною і літературною казками, це формулювання наукової парадигми, яка наслідується дотепер.

Цей період є періодом виокремлення піджанрів казки: дидактична фабула – didácticos, новели про видатних людей – facecia, оповідання про класичних героїв – apotegma, фабула про тварин – cuento etiológico, виховні короткі оповідання обов'язково з прислів'ям, гумористичні оповідання – chiste. З'являються перші спроби класифікації казки (П. Руїс Перес, М. Чевальєр), ускладнюється її визначення, додаються чарівні й релігійні казки. Герої цих казок – жінки і чоловіки, дурні та кмітливі, красиві або потворні герої. Але найбільш поширеними й популярними все ще залишаються гумористичні казки.

Час і простір в іспанських казках (як і в казках інших народів) обмежені – нема передісторії, зображуються лише деякі фрагменти з життя. Мова йде про події, які почалися й закінчилися в конкретний проміжок часу.

Наприклад, *Un día...,/ Одного дня…; Era maravilloso día de primavera... / Був чудовий весняний день...*

Парадокс текстів іспанської народної казки полягає в тому, що за умови мінімальної інформації віддзеркалюється максимальна площина соціальних звичок: (зображується побут, традиції, відносини між людьми, колорит національної мови тощо). Іспанська казка – це картинка епохи, де є усі соціальні класи, звичаї релігійної церемонії, життя простих і титулованих людей (селян, королів, суддів, шахраїв, хвастливих кавалерів тощо).

Характерною особливістю є також невелика кількість персонажів (1–3). Наприклад, в казці «*La cigarra y la hormiga*» – 2 (цикада й мураха), «*Pulgarcito*» – 2 (чоловік і блоха), «*Sarita y sus ovejitas*» – 3 (дівчина і двоє незнайомців), «*La abejita Isabel*» – 1 (бджілка), «*La rana que se durmió*» – 1 (жабка).

Казкар в іспанських казках – хроніст подій, який лише дозволяє діяти персонажам, він не оцінює героїв, тільки дає їм характеристику: *кульгавий (cojo), потворний (feo), боягузливий (cobarde), дурний (tonto).* Наприклад:

Los dos mayores ***eran inteligentes y aplicados****, pero el tercero* ***era algo_simplote y le gustaba más jugar que estudiar*** *(«La gaita maravillosa»). / Два старших були розумними і старанними, але третій був трохи простуватий, і йому більше подобалося грати, ніж вчитися.*

Зазвичай казкар для аудиторії залишається незнайомим: ми не знаємо ні про його соціальний статус, ні про місце його походження. Ми лише чуємо його розповідь про інших. Наприклад:

Cuéntase que había una vez un Príncipe llamado Andana, hijo del rey Perico y la reina Marí-Castaña, que tenía gravísimo defecto de carecer de memoria («El príncipe desmemoriado»). / Розповідають, що жив колись принц на ім'я Андана, син короля Періко і королеви Марі-Кастаньї, у якого була дуже важка вада – відсутність пам'яті.

Кожний твір іспанської народної казки має свою внутрішню систему, індивідуальну особливість викладення сюжету. Письменники-фольклористи збирали казки, відбирали і згруповували за жанровими ознаками. Спочатку це були зібрання без класифікації за темами або за іншою організацією. Так, першими друкованими збірниками казок, що дійшли до наших часів і в які увійшла казка як рівноправний художній текст, є «*Libro de Alejandro*» (XIII ст.). У цьому збірнику надруковані різні за жанром стародавні тексти. А також збірники казок Тімонеди і видавництва Санта Крус («*La Floresta española*»).

Збірки казок того періоду відповідають законам художньої літератури. Якщо в усних казках не зустрічаються складні форми, то художньо опрацьовані казки стають більш просторими, описовими. Вони вже не нагадують розмову в певний момент, не є продовженням попередньої розмови. Це вже самостійний художній твір з детальними описами, системою образів і домінуванням естетичної ідеї. Але в усіх текстах залишається центральною ідеєю боротьба *добра і зла* і обов'язкова перемога добра.

Іспанські народні казки збереглися у вигляді манускриптів чи у друкованих збірках. У манускриптах залишились тексти, які видавництво вважало несерйозними для того, щоб друкувати («*Luís de Pinedo*», «*Caribay, Arguijo*», «*Zapata*»). Але збереглися збірки, які були не лише надруковані але й передруковані десятками примірників (*Mexía* – 26 примірників, *Santa Cruz* – 20). Дослідник іспанської народної казки «золотого періоду» Педро Руїс Перес вважав, що доступ до видавництва отримали лише ті тексти, які мали виховне значення, а решту не було необхідності друкувати. Надруковані розважальні казки потрапили до збірки Тімонеди лише тому, що він сам був видавцем і самостійно відбирав тексти для видання. Іспанська казка зазнає великого впливу з боку італійської культури у період свого становлення. У цей час виходить велика кількість збірників із перекладеними італійськими казками та іспанськими казками із запозиченими італійськими сюжетами, мотивами й персонажами.

Р. Менендес Підаль зауважував, що з появою друкованих текстів з'являється велика кількість варіантів казок. До традиційних усних оповідань додалися нові персонажі, змінилися місця подій і час, але жорсткий каркас самого тексту й головна його мета залишилися провідними. Важлива деталь: художньо опрацьовані казки набувають своєї соціальності. У діалогах яскраво відображається соціальне походження персонажів: мовлення звичайних людей характеризується простими реченнями, вигуками, однозначними висловлюваннями, тоді як мовлення титулованих персонажів характеризується розширеними реченнями, метафоричністю, багатозначністю лексики.

Наприклад, **розмова двох селян, чоловіка й жінки:**

– *¡María, no me hagas enfadar!*

– ¡Quico, no me pongas nerviosa!

– ¡Yo no amaso!

– ¡Yo tampoco!

– ¡No riñamos!

– Eso, de tí depende («Pereza y testarudez»);

розмова лікаря й султана:

– *El remedio más eficaz para curarte, señor, no se encuentra aquí, en Turquía...*

– ¿Qué remedio es eso?

– Una especie de ungüento hecho con manteca de cristiano y unas hierbas milagrosas que sólo yo conozco... Pero, desgraciadamente, aquí es muy difícil encontrar un cristiano...

– ¿Y las hierbas?

– Las hierbas, pues sí, señor...

– Prepara entonces las hierbas y mis médicos te sacarán la manteca a ti mismo... («El príncipe desmemoriado»).

З наведених прикладів можна побачити різницю між мовленням простих людей і людей, що належать до привілейованого кола: прості люди висловлюються простими непоширеними реченнями – титуловані персонажі говорять поширеними реченнями, використовуючи вставні слова (*entonces, pues, sí*), складні граматичні конструкції (наприклад, дієприкметниковий зворот – *ungüento hecho con manteca de cristiano*). Експресивність мовлен-

ня у простих людей досягається вживанням окличних речень, дієслова стоять у наказовому способі (*no me pongas, no riñamos*). У мовленні заможних людей для надання експресивності застосована оціночна лексика (*desgraciadamente),* метафори *(te sacarán la manteca a ti mismo)* й епітети *(unas hierbas milagrosas),* широке використання прислівників та прикметників у порівняльному ступені *(más eficaz).*

Мета літературної казки – донести якусь ідею чи поняття, привернути увагу до проблеми, показати зразки високої моральності. Тоді як головним у фольклорній казці є, переважним чином, сюжет. Розмежовуються функції казки: фольклорні (від розповіді до слухання), новелістичні (для читання).

У цей період вже чітко виокремлюються як піджанр казки «чарівні казки» (*cuentos maravillosos*). На особливу увагу в чарівних іспанських казках заслуговує образ феї. При уважному розгляді виявляється, що феї є всесильними, всемогутніми, вони не підкоряються законам світу, вони незрозумілі простим смертним [10].

Герої чарівних казок вже не такі схематичні, як прийнято у фольклорній традиції. З'являється психологічний аналіз персонажів: вони думають, страждають, вагаються тощо. Цей психологічний аналіз мотивів поведінки людей набуде свого розвитку і в інших авторських текстах казок початку XIX ст.

Таким чином, можна зробити висновок, що іспанська казка як жанр із давніх часів посідає важливе місце серед фольклорних творів усіх народів світу. На текстах казки позначився вплив різних історичних епох, починаючи від первісного суспільства і до наших днів. Усе це свідчить про важливе місце іспанської народної казки у культурно-побутовій практиці іспанського суспільства на різних етапах історичного розвитку і про тісний зв'язок із життям народу. Цей жанр найлегше переходить кордони. Процес міграції, якого зазнала іспанська казка, є обміном національних цінностей. Поширюючись за межі державних кордонів, казки зазнають місцевого впливу і змін. Казкар вплітає нові мотиви, взяті з інших казок, і деякі з цих мотивів розростаються в самостійні казки. У ході історії тексти деяких казок зазнавали істотних змін, зникали, з'являлися нові, але дотепер основна ідея казки – «боротьба *добра і зла*» – не втратила своєї актуальності, про що свідчить звернення сучасних авторів до казкових традицій фольклорних текстів.

Список використаної літератури

1. Григорьев В.П. Становление языка испанской национальной литературы / В.П. Григорьев. – Л.: Изд-во гос. пед. ин-та, 1975. – 87 с.

2. Данилич В.С. Феномен человека в системе языка и картине мира (по памятникам эпохи становления национального языка и национальной литературы Испании) / В.С. Данилич. – К.: Издат. центр КГЛУ, 2000. – 246 с.

3. Мастилко Н.В. Іспанська народна казка: жанрово-композиційний та лінгвопрагматичний аспекти: дис. ... канд. філол. наук: 10.02.05 / Н.В. Мастилко; Київськ. нац. лінгв. ун-т. – К., 2004. – 186 с.

4. Almodóvar A.R. Los cuentos populares, o la tentativa de un texto infinito / A.R. Almodóvar. – Murcia.: Universidad de Murcia, 1989. – 128 p.

5. Espinosa M. Cuentos populares españoles / M. Espinosa // Cuento folclórico y literaturas del siglo XI. – Brasil: Rio de Janeiro, 1967. – № 78. – P. 384–387.

6. Chevaller M. Cuentecillos tradicionales en la España del Siglo de Oro / M. Chevaller // Cuento tradicional, cultura, literatura. – Salamanca: Universidad de Salamanca, 1999. – P. 12.

7. Biglieri A. Inserción del explum medieval. El Libro de buen amor / A. Biglieri // Revista de Filología española. – Auster, 1990. – P. 81–101.

8. Kortasar J. Algunos aspectos del cuento / J. Kortasar // Casa de las Américas. – 1962. – № 15–16. – P. 63.

9. Menéndez P.R. Cervantes y la epopeya / P.R. Menéndez // Homenaje a Cervantes. – Valencia, 1950. – P. 419–443.

10. Zarzuela A.R. Leyendas de hadas [Електронний ресурс] / A.R. Zarzuela. – Editoria LIBSA, 2005. – Режим доступу: http://www.elmundodelashadas.com/

Статья посвящена исследованию лингвопрагматических особенностей испанской народной сказки. Направление работы отражает общую тенденцию интереса ученых к концепции взаимосвязи языка и культуры народа, носителя языка, с одной стороны, и отдельным проблемам языкознания теоретической и прикладной значимости – с другой. Анализу общих признаков испанских народных сказок предшествует подробное описание жанра сказки с критическим комментарием к подходам ученых к определению этого жанра как самого простого и одновременно сложного, поскольку интуитивные знания человека позволяют ему выделить сказку среди других видов произведений. Установлена роль сказки в изучении лингвистической природы функционального стиля устной речи.

Ключевые слова: испанская народная сказка, прагматическая направленность текста, жанровая специфика, фольклорный текст.

The article deals with the research of linguistic and pragmatic peculiarities of Spanish folk tales. The author investigates general tendency of the concept of interrelation of language and culture of nation.

Key words: Spanish folk tale, interrelation of language and culture of nation, pragmatic character of the text, folklore text.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

УДК 81'1:82:65=133.1

Н.А. ХАБАРОВА,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры романо-германских языков
Днепропетровского университета имени Альфреда Нобеля

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ДОМИНИРУЮЩИХ ФУНКЦИЙ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ (на материале французских аннотаций)

В статье проведен лексический анализ основополагающих функций текстов аннотаций к художественным произведениям. Определены различия функций воздействия и манипулирования, базирующихся как на аргументах, так и на эмоциональной составляющей. Установлено, что базовой функцией текстов аннотаций является когнитивно-информативная с элементами оценивания. Функции убеждения и аргументирования, апеллирующий комплекс, а также коммуникативная функция являются второстепенными и содержат элементы рекламирования.

Ключевые слова: тексты аннотаций, воздействие, манипулирование, когнитивно-информативная и коммуникативная функции, апеллирующий комплекс, аргументирование и убеждение.

Аннотация – это краткая характеристика произведения, к которой обращается читатель, выбирая книгу для специальных целей, либо для проведения досуга. Аннотация, являясь составной частью аппарата издания, представляет аналитико-синтетическую переработку первоисточника, содержит краткую информацию о произведении и устраняет необходимость чтения полного текста в случае, если он представляет для читателя второстепенный интерес. Она (аннотация) дает возможность установить основное содержание произведения, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к первоисточнику.

Аннотации к художественным произведениям включают характеристику основной темы, проблемы, цели, достоинства произведения, место и время действия описываемых событий, сведения о литературном жанре, период, к которому относится творчество автора, общие сведения об авторе первичного текста.

В современных аннотациях сильны функции оценочного информирования и рекламирования. Главное назначение аннотаций – помочь читателю разобраться в массе литературы изданной и вновь издаваемой, франкоязычной и переводной. Аннотации всегда должны быть целенаправленны, рассчитаны на определенного адресата, на сложившуюся читательскую группу.

Как мы уже отмечали, в настоящее время в аннотациях к художественным произведениям на первое место выходит рекламная функция, закодированная К. Стронгом (1929 г.) в формуле под названием «AIDA», которая состоит из четырех элементов: Attention (внимание); Interest (интерес); Desire (желание обладать товаром); Action (действие, покупка).

«**Attention** – как правило, ключевая, интригующая фраза, выраженная в заголовке / подзаголовке, которая обладает коммуникативным эффектом.

© *Н.А.Хабарова, 2012*

Interest – это лексика, информирующая о произведениях, об авторах, об иных сведениях, неизвестных адресату, представленных в первичном тексте.

Desire – это воздействующая часть рекламного текста, воплощенная в слогане, в манипулятивной лексике, которая пробуждает у адресата желание обладать товаром. В аннотации аналогом такого рекламного слогана является, например, наиболее интересная цитата из произведения.

Action – заключительная часть текстов аннотаций, выраженная с помощью глаголов, шкалы оценивания. Их цель – побудить адресата к прочтению аннотации до конца, к совершению покупки и ознакомлению с содержанием первичного текста» [1, с. 134].

Посредством воздействия на эмоциональную сферу потребителя, адресата, читателя текст рекламы превратился в инструмент создания некой элитной атмосферы богатства, роскоши, успеха, одним из атрибутов которой является рекламируемый товар или услуга [2]. В нашей статье рекламными интеллектуальными продуктами являются художественные произведения и непосредственно аннотации к этим произведениям, которые оцениваются с точки зрения содержания, характеристики персонажей, автора и стиля написания.

Особая аксиологическая лексика обольщения ориентирует адресата на доминирующие функции воздействия и манипулирования. Например: *nouveau best-seller intellectuel; best-seller connu dans le monde entier; roman brilliant, éclatant; vedette de la littérature européen*; *roman débutant; mélange de l'humour; le plus nouveau recueil; le grand maître; l'écrivain connu; romancier le plus populaire en France; la nouvelle histoire perçante; le talent littéraire vif; l'audace de la recherche spirituelle; le chef-d'œuvre reconnu de la prose contemporaine anglaise; l'âge or du roman britannique; exemple du progrès étonnante etc.*

Приведенный выше перечень оценочной лексики может быть продолжен бесконечным множеством примеров, к которым прибегают копирайтеры при написании текстов аннотаций, либо при их переводе на французский язык. При определении функций текстов главное значение имеет то, о чем адресант намеревается проинформировать адресата, опираясь при этом на определенные правила языкового и коммуникативного свойства. Выявит ли адресат «скрытое намерение» адресанта, зависит от того, например, есть ли в самом тексте определенные маркеры этого намерения (содержат ли тексты аннотаций информацию, выраженную определенными лингвистическими приемами). Так, Н.А. Остроушко, выделяет функции рекламного текста (воздействия, манипулирования, аргументирования и оценивания), которые «определены не только интенцией адресанта, но ориентированы также интерпретацией ожидания со стороны адресата» [4, с. 186]. Автор отмечает, что одна из основных функций языка – функция воздействия – общепризнанная характеристика языка рекламы, которая подталкивает, побуждает к действию. На фоне общей функции воздействия В.В. Зирка и О.С. Иссерс выделяют манипулятивную функцию рекламных текстов, имплицитно проявляющуюся в языковом плане.

Воздействие отличается от манипулирования на основе коммуникативного признака и связано с несовпадением индивидуальных картин мира и психологической установки. Манипулирование имеет место там, где другому человеку навязываются новые цели, которые им предположительно не преследовались. Отметим, что сознательное и целенаправленное использование особенностей устройства и употребления языка отличает языковое манипулирование от речевого воздействия, основанного на словесной аргументации и риторике, т. е. убеждении словом с помощью тех или иных доводов (прежде всего логических).

Нами отмечено переплетение функций воздействий и манипулирования, выраженных в текстах аннотаций рекламными средствами. Рассмотрим лингвистические показатели указанных функций воздействия и манипулирования на примере переводной аннотации к роману Дианы Сеттерфилд «Тринадцатая сказка»:

«Le Treizième Conte» de Diane Setterfield. Editeur: Plon. Traduit de l'anglais par Claude et Jean Demanuelli.

Выделенные нами фразы в примере, привлекают внимание и являются маркерами функции манипулирования. Они определяют жанр произведения, относятся к реминисценциям и аллюзиям, описывают стиль романа.

Le «Treizième Conte» est un roman écrit au XXI – ème siècle mais qui s'inscrit à la fois indéniablement dans une tradition littéraire anglaise d'époque *victorienne et un livre à succès contemporain. Ce roman est* ***chef d'oeuvre reconnu de la prose anglaise****. L'intrigue n'a rien de réaliste et se rapproche davantage du conte de fée. Ce trait se ressent dans l'écriture mystérieuse de l'auteur.* ***Le livre mêle plusieurs genres littéraires: il s'agit à la fois d'un roman gothique et à suspense, d'une tragédie, d'un livre romantique****... Il met en scène des personnages à l'identité confuse, des mensonges, des vérités à moitié révélées et une atmosphère ensorcelante faite de landes mystérieuses et de nuits noires* ***en ouvrant au public le genre de «neogothique»****. Ce roman pourrait presque être considéré comme* ***un extraordinaire hommage à la littérature anglaise du XVIII et XIX – ème*** *siècle et à l'amour des livres. C'est un roman* ***abondant, riche, extrêmement bien écrit, empreint de mystère et de mélancolie. Les références littéraires anglaises sont très nombreuses:Jane Eyre tout particulièrement mais aussi La Dame en Blanc ou les Hauts de Hurlevent****).*

Информация об авторе, год издания, тираж продаж по всему миру, моментальная покупка прав на экранизацию вызывают интерес и являются прямым воздействием на рациональную сферу читателя. Функция прямого воздействия выражается числовыми маркерами, известными именами, влиятельными издательствами и компаниями, выраженными информативными глаголами, существительными и прилагательными:

Diane Setterfield est spécialiste d'André Gide, vit à Harrogate (Yorkshire)*.*

Le Treizième Conte, ***son premier roman****, vendu dans 34 pays, est devenu* ***d'emblée un best-seller, en particulier aux États-Unis où il est entré numéro 1 sur la liste du New York Times****. Roman dans le roman, mise en abîme, la verve romanesque de Diane Setterfield fait des merveilles.* ***Il n'est pas étonnant que les droits audiovisuels soient déjà vendus à David Heyman, le producteur d'Harry Potter.***

Après plus de 10 jours d'enchères, Orion House*, qui avait fait une offre un jour seulement après avoir reçu le manuscrit, rachète les droits du livre plus de* ***800 000 livres sterling****; et la maison d'édition américaine les a rachetés plus* ***d'un million de dollars****. Au cours des 4 premiers mois, ce sont plus de* ***40 000 exemplaires****, au Royaume-Uni, et* ***400 000, aux États-Unis****, qui se sont vendus.*

Интригующая характеристика произведения и персонажей лишь приоткрывает тайну, которую читатель сможет разгадать, прочитав полный текст романа:

Vida Winter, auteur de best-sellers vivant à l'écart du monde, s'est inventé plusieurs vies à travers des histoires toutes plus étranges les unes que les autres et toutes sorties de son imagination. Aujourd'hui âgée et malade, elle souhaite enfin lever le voile sur l'extraordinaire existence qui fut la sienne.

Sa lettre à sa biographe Margaret Lea est une injonction: elle l'invite à un voyage dans son passé, à la découverte de ses secrets. Margaret Lea, jeune libraire et biographe reçoit une lettre de Vida Winter, l'une des

Apparences trompeuses, apparitions mystérieuses, psychose, souvenirs d'un passé douloureux et lourd de secrets, enquête menée par une anti-héroïne (plus habituée aux rayons de sa bibliothèque qu'à une recherche sur le terrain) Margaret succombe à la séduction de Vida mais, en tant que biographe, elle doit traiter des faits, non de l'imaginaire; et elle ne croit pas au récit de Vida. Les deux femmes confrontent les fantômes qui participent de leur histoire et qui vont les aider à cerner leur propre vérité. Dans la veine du célèbre Rebecca de Daphné Du Maurier, ce roman mystérieux et envoûtant est à la fois un conte gothique où il est question de maisons hantées et de sœurs jumelles au destin funeste, et une ode à la magie des livres.

Ссылки на книжные обозрения, появившиеся в английской прессе, с одной стороны, выражают авторитетные мнения компетентных источников, которые заслуживают внимание, а с другой стороны, являются логическими доводами воздействия, которые побуждают адресата к дальнейшим действиям:

Il est peu probable que ceux qui achèteraient ce roman, complexe, envoûtant et, au final, profondément émouvant, aient l'impression d'avoir perdu au change. Philadelphia Inquirer.

Le premier roman de Diane Setterfield se lit aussi bien au cours d'une après-midi pluvieuse passée dans le canapé, qu'au cours d'une belle journée d'été sur la plage. Library Journal.

Le Treizième Conte est un livre qui suscite un besoin de savoir, et vous réveille en plein milieu de la nuit... À la façon d'un classique de la littérature enfantine, il est éternel, charmant, un vrai régal. San Diego Tribune.

Обычно, изучая функцию воздействия, мы учитываем только ее инвариант, в котором адресат расценивается как объект или инструмент для достижения цели. Управление человеком или группой людей осуществляется явным, авторитарным способом, при котором адресант не скрывает своего намерения заставить адресата делать то, что хочет человек, оказывающий давление. Поэтому лингвисты (в частности И.Г. Морозова) перечисляют те части «инструмента», на который направлено воздействие и манипулирование: воля адресата, эмоциональная сфера, психика адресата, интеллектуальная и рациональная сфера, подсистема организации поведения, отношений и пр. [5, с. 72].

Принципиальное различие функций воздействия и манипулирования состоит в том, что в манипулировании присутствует скрытый смысловой контекст с целью воздействовать на подсознание, психику, эмоции; а в прямом воздействии такой контекст является явным влиянием на рациональную сферу, на разум и может быть построен на убеждении, что недопустимо в механизмах манипулирования. Аргументация и убеждение не являются составляющими компонентами функции манипулирования в отличие от воздействия.

Основные различия функций воздействия и манипулирования представлены в табл. 1.

Таблица 1

Функции воздействия и манипулирования в аннотациях

№	Критерии классификации	Функция воздействия	Функция манипулирования
1	Наличие контекста	Явный контекст	Скрытый смысловой контекст
2	Сфера влияния	Рациональная сфера, разум, сознание	Подсознание, эмоции, психика
3	Механизм влияния	Аргументы, убеждение, прямые доводы,	Намек, завуалированный контекст, выраженный с помощью особой лексики обольщения
4	Способ выражения	Речевые приемы	Особые языковые выражения

Рассмотрим пример проявления функции воздействия в аннотации к детективному роману *Sophie Vigouroux «Engrenage»*. Воздействие основано на аргументах, подтверждающихся примерами; убеждение обращено к рациональной сфере, к разуму. Вопросительные предложения имитируют диалог с адресатом, создают эффект недосказанности; условные предложения, вводимые союзом «*si*», интригуют читателя. Глаголы в форме повелительного наклонения побуждают адресата к прочтению всего текста:

N'avez-vous jamais, ne serait-ce qu'une fois, songé à percer les mystères de votre inconscient ? Si tel est le cas, je vous invite à me suivre dans cette aventure…

Si la confrontation à notre inconscient peut être libérateur, il ne faut pas oublier qu'il peut parfois être dangereux, car on risque de laisser s'échapper des démons de la pire espèce, démons qui, une fois libérés, deviendront un peu plus grands et menaçants chaque jour. *Il faut toujours se méfier de ses démons intérieurs.*

Alors j'espère que cette histoire suffira à vous convaincre de ne pas tenter l'expérience. Car il n'existe pas de pire ennemi que soi-même. ***Ne l'oubliez jamais****. Il en va de votre santé morale.* ***Après tout, l'inconscient ne porterait-il pas si bien son nom ? Si seulement Landry avait su résister à son désir de savoir… Mais le pouvait-il vraiment ? Et surtout, le voulait-il réellement ?***

Пример проявления манипулирования в аннотации к роману *Guillaume Musso «7 ans après»:*

Un divorce les avait séparés…

… le danger va les réunir

Artiste bohème ***au tempérament de feu****, Nikki* ***fait irruption dans la vie sage et bien rangée*** *de Sebastian. Tout les oppose, mais ils s'aiment passionnément. Bientôt, ils se marient et donnent naissance à des jumeaux: Camille et Jeremy.*

Pourtant, le mariage ***tourne court****: reproches, tromperies, mépris; la haine remplace peu à peu l'amour.* ***Au terme d'un divorce orageux****, chacun obtient la garde d'un des enfants:*

Sebastian éduque sa fille avec une grande rigueur alors que Nikki pardonne facilement à son fils ses écarts de conduite.

Les années passent. Chacun a refait sa vie, très loin de l'autre. Jusqu'au jour où Jeremy disparaît mystérieusement. ***Fugue ? Kidnapping*** *? Pour sauver ce qu'elle a de plus cher, Nikki n'a d'autre choix que de se tourner vers son ex-mari qu'elle n'a pas revu depuis sept ans. Contraints d'unir leurs forces, Nikki et Sebastian* ***s'engagent alors dans une course-poursuite****, retrouvant une intimité qu'ils croyaient perdue à jamais.*

Des rues de Paris au coeur de la jungle amazonienne. Un thriller implacable brillamment construit. Un couple inoubliable pris dans un engrenage infernal

«Une réunion de famille en forme de thriller, ***aussi haletante qu'originale****. Guillaume Musso* ***surprend jusqu'à la toute dernière page****». Jérôme Vermelin, Metro.*

Текстовые функции, выделенные В.В. Зиркой, Н.А. Остроушко, Л.А. Кочетовой, а именно: когнитивно-информативная, апеллятивная, аргументации и убеждения, воздействия и манипулирования, коммуникативная функция, базируются на типологии иллокутивных актов Дж.Р. Серля. Она является базовой при изучении приемов воздействия и манипулирования. Типология иллокутивных актов представлена следующими типами: 1) репрезентативы (утверждение, констатация факта, диагноз, описание, предсказание); 2) директивы (приказ, просьба, указание, поручение, совет, предложение, ходатайство); 3) комиссивы (обещание, угроза, гарантия, клятва, торжественное обещание, обет); 4) экспрессивы, выражающие эмоциональное состояние (благодарность, пожелания, соболезнования, жалобы); 5) декларации (присвоение имен, званий; вынесение приговора; объявление об увольнении; объявление войны) [4, с. 190–196].

В основу классификации Дж.Р. Серля положены различные критерии, среди которых следующие два могут быть рассмотрены в нашей статье относительно рекламных текстов аннотаций как самые важные. Первым критерием является выражение коммуникативной цели в ходе произнесения некоторого высказывания. Так, сообщения-репрезентативы дают представление о положении вещей; сообщения-экспрессивы выражают аналогичную установку говорящего к окружающей действительности, а сообщения-директивы побуждают адресата к действию. Вторым критерием можно назвать соответствие между содержанием высказывания и фактами (между словами и действительностью). Например, в то время как в «репрезентативах» слова должны соответствовать действительности (окружающему миру), то в «директивах» и «комиссивах» необходимо так изменить действительность, чтобы она соответствовала словам [4, с. 190–196].

Процесс приобретения адресантом (субъектом) новых знаний и передача этих знаний (информации) другому субъекту (адресату) исследуется учеными (в частности В.П. Новиковым, 2009) на стыке прагмалингвистики и коммуникативной лингвистики как неразрывный процесс, проявляющийся в текстах в особых языковых выражениях и структурно-композиционных построениях. Оценка интегрирована в когнитивно-информативную функцию, поскольку познается, прежде всего то, что представляет для людей ценность (аксиологический компонент когнитивной функции), и передается та информация, которая может способствовать улучшению или ухудшению разнообразных сторон жизнедеятельности человека [6].

В когнитивно-информативной функции выделяют приемы, с помощью которых возможна модификация модели мира адресата. Прилагательные в сочетании с существительными выполняют информативную и рекламную функции. С одной стороны, прилагательные информируют читателей, а с другой стороны, являются оценочными элементами в текстах аннотаций, характеризуя произведение, персонажей и самого автора. Наличие оценочной установки в информативной функции является показателем когнитивности, т. е. понятие одной сферы выражено терминами иной сферы: *personnage intéressant; conte admirable, étonnant, ravissant, surprenant; stupéfiant; épatant (fam.), merveilleux; la plus grande ouverture littéraire, fin ravissante, sujet magnifique, splendide, superbe, excellent, admirable; histoire extraordinaire, insolite, exceptionnel, incomparable; événemen captivant.*

Когнитивно-информативная функция может быть выражена в тексте следующими глаголами: *communiquer à , apprendre à; faire part de à , faire savoir à, annoncer une nouvelle, affirmer, soutenir, avancer; prétendre, supposer, présumer se proposer, constater un fait informer*

(или aviser) de; faire savoir à, porter à la connaissance de, apprendre à; insister sur; réussir (или parvenir) à; argumenter, étayer de preuves; donner des preuves à l'appui (de).

Указанная функция часто связана с тематическими установками, которые основываются на степени уверенности адресанта в знании, передаваемом им адресату. Так, адресант может представить содержание текста как действительное, в большей или меньшей степени вероятное или вообще несуществующее, что выражается при помощи лингвистических приемов: *je sais / on sait, il me connu*...

Адресант может выражать степень своей уверенности в передаваемой им информации разными способами, например, посредством указания источника информации, или используя модальные глаголы и другие языковые средства. В лингвистическом выражении когнитивно-информативная функция характерна для таких типов текста, как сообщение (газетное, телевизионное, радиосообщение), заметка и репортаж, а также для типа текста аннотации как информативного рекламного текста. Когнитивно-информативная функция является одной из доминирующих функций в текстах, в ядре которых находится информация, сообщения, знания с элементами оценивания.

Функциональное проявление текстов аннотаций находит воплощение в коммуникативной оценке, т. е. оценочном отношении копирайтера к первичному тексту:

Guy de Maupassant «Une vie».

Jeanne, fille unique très choyée du baron et de la baronne Le Perthuis des Vauds, avait tout pour être heureuse. Son mariage avec Julien de Lamare, rustre et avare, se révélera une catastrophe. Sa vie sera une suite d'épreuves et de désillusions.

Ce roman, le premier de Guy de Maupassant, est une peinture remarquable des moeurs provinciales de la Normandie du XIXe siècle: hobereaux, domestiques, paysans y sont décrits avec beaucoup de réalisme.

Когнитивные и прагматические механизмы создания и передачи информации в тексте предполагают наличие нескольких компонентов общения, среди которых выделяем адресата, адресанта и текст сообщения. Модель коммуникативной ситуации текстов аннотаций к художественным произведениям представляет собой «системную корреляцию определенных составляющих, опосредующих информационный обмен и коммуникативные действия, а также соотношение некоторых операций, результатом которого является *передача информации* от источника-адресанта через текст к адресату» [3, с. 78].

Адресантами являются люди с высшим образованием и определенной начитанностью, и живут они, как правило, в городах. А целевой аудиторией книги могут быть совсем иные адресаты. Поэтому Э. Барякина при составлении аннотации советует «не выдавать желаемое за действительность» [7, с. 37]. Если на бульварном романе будет написано «Новый Пелевин» – это не привлечет ни образованные слои населения, ни обычных читателей. Людям не особо начитанным не нравится классика. А тех, кому нравится, не обманешь аннотацией.

По связи с источником информации М.Р. Желтухина предлагает выделять следующую типологию адресата:

1) «потенциальный (по совокупности социально-демографических характеристик, по структуре информационных интересов и потребностей ориентирован на потребление периодической печати) и реальный (регулярно и достаточно полно использующий одно или несколько средств массовой информации);

2) специализированный (определяется структурой интересов и отношением к источнику информации на уровне факторов поведения и сознания: предпринимательские слои, массовый читатель;

3) центральный (центральные СМИ) и региональный (местные СМИ)» [8, с. 375].

Существует также классификация аудитории по уровню восприятия информации. Так, Н.В. Вакурова и Л.И. Московкин выделяют три группы:

1) адресата опосредованного восприятия, не воспринимающего информационный поток как информацию, скорее как некий окрашенный шум;

2) регулярно читающие и пытающиеся разобраться, но не имеющие альтернативных источников, воспринимающие происходящее в обществе как виртуальные (чужие) игры, интересные или не очень;

3) погруженные в индустрию ньюсмейкерства, принадлежащие к истеблишменту или находящиеся у него на службе, владеющие в силу профессии и круга общения управляющей информацией, ключевой для расшифровки потока публикаций [9].

В соответствии с жанровым разнообразием информационного дискурса используют семиотическую систему в любой форме эволюционно-творческого текста – знак и символ, которые, сочетаясь в ненавязчивых последовательностях путем ассоциативной игры параллелизмов и контраста, создают мощные, эмоционально активные в зрительском или читательском восприятии инвариантные относительно времени и места стереотипические мифы и символы. Каждый конкретный символ в высокой степени условен в зависимости от индивидуального опыта адресата, и лишь суперпозиция образов от многих использованных знаков создает в восприятии получателя информации богатый содержательный образ.

Кодирование, осуществляемое посредством применения семиотической системы, выполняет основную цель, которая заключается в обеспечении интерпретации сообщения адресатом в соответствии с задачами адресанта. Помимо того, что кодирование – это не только способ передачи информации, но и, как указывает А. Кромптон, техника воздействия. Кодированные тексты, оснащенные различными видами вербальных и невербальных средств, через передачу текстовыми информационными каналами достигают своего адресата и подвергаются процессам декодирования, т. е. переводу сообщения на язык адресата. Автор подчеркивает, что «адекватность восприятия определяется во многом личностными характеристиками, способностями распознавать и интерпретировать коды и в целом носит субъективный характер» [10, с. 214]. В процессе этого кодирования и декодирования информации выражается коммуникативная функция, создающая предпосылки для установления контакта между адресатом и адресантом.

Как мы уже говорили, функция воздействия базируется на аргументах и убеждении. Цель аргументации заключается в том, чтобы мнение адресанта стало мнением адресата, для чего используется естественный язык и обращенность «к человеку «целостному», к его уму, чувствам и воле» [11]. Логически стройный текст информационного дискурса предполагает наличие четкой и ясной главной мысли.

Аргументативная функция в текстах аннотаций формирует у читателя определенное мнение, убеждает в правильности суждений автора, его системы восприятия и оценивания. В качестве примера процитируем аннотацию к роману J.M.G. Le Clézio «Histoire du pied et autres fantaisies»*:*

«Jusqu'où irons-nous? Jusqu'à quand serons-nous vivants? Quelles raisons donnerons-nous à notre histoire? Parce qu'il faudra bien un jour trouver une raison, donner une raison, nous ne pourrons pas accréditer notre innocence. Où que nous soyons, quelle que soit notre destination finale (si une telle chose existe), il nous faudra rendre compte, rendre des comptes. J'ai été, j'ai fait, j'ai possédé. Et un jour je ne serai plus rien. Pareil à ce wagon lancé à une vitesse inimaginable, incalculable, sans doute voisine de l'absolu, entre deux mondes, entre deux états. Et pas question qu'aucun d'entre nous retourne jamais à ses états, je veux dire à son passé, à ce qu'il, à ce qu'elle a aimé. Pour cela les visages sont figés, immobiles, parfois terreux, on dirait des masques de carton bouilli ou de vieux cuir, avec deux fentes par où bouge le regard, une étoile de vie accrochée au noir des prunelles».

Поясним развертывание аргументативной функции в приведенном выше примере. Аргумент, представленный в аннотации, основывается на когнитивной метафоре, в которой наша жизнь сравнивается автором книги с поездом, находящимся между двух миров – прошлым и будущим: *Pareil à ce wagon lancé à une vitesse inimaginable, incalculable, sans doute voisine de l'absolu, entre deux mondes, entre deux états. Et pas question qu'aucun d'entre nous retourne jamais à ses états, je veux dire à son passé, à ce qu'il, à ce qu'elle a aimé.*

Вопрос, вызывающий у адресата когнитивный диссонанс, является, с одной стороны, воображаемым диалогом между адресатом и адресантом, а с другой стороны, побуждает к размышлению: *«Jusqu'où irons-nous? Jusqu'à quand serons-nous vivants? Quelles raisons donnerons-nous à notre histoire?*

Апеллирующий комплекс – это выраженное в обращении, в заголовке, в графическом выделении начало текста. Это те элементы, которые притягивают взгляд, а потом вызывают интерес потенциальных читателей. Основная его прагматическая установка заключает-

ся в том, чтобы привлечь внимание, заинтересовывать адресата и вызвать у него ответную реакцию, т. е. побудить к прочтению аннотации до конца, а потом к приобретению непосредственно художественного произведения. Именно эти средства чаще всего встречаются в таких типах текста, как: анкета, купон, бейксис, модуль и, конечно же, рекламные аннотации.

Апеллятивная функция проявляется эксплицитно в тексте аннотации глаголами в форме повелительного наклонения, которые побуждают, призывают, закликают. Например, аннотация к роману Jean-Paul Dubois «Le Cas Sneijder»:

Victime d'un terrible – et rarissime – accident d'ascenseur dans une tour de Montréal, Paul Sneijder découvre, en sortant du coma, qu'il en est aussi l'unique rescapé. C'est le début d'une étrange retraite spirituelle qui va le conduire à remettre toute son existence en question. Sa femme, ses fils jumeaux, son travail, tout lui devient peu à peu indifférent. Jusqu'au jour où, à la recherche d'un emploi, il tombe sur la petite annonce qui va peut-être lui sauver la vie. ***Stope à la mélancolie._Il faut revenir à la vie. Ce roman plein de mélancolie est aussi une comédie_étincelante. L'auteur d' Une vie française y affirme à nouveau avec éclat son goût pour l'humour noir****.*

Переплетение в аннотациях основополагающих текстовых функций, таких как: коммуникативная, прагматическая, функции воздействия и манипулирования, убеждения и аргументации, когнитивно-информативная, апеллятивная, дает право утверждать о многофункциональности интенциональных установок аннотаций, разнообразных лингвистических способов их выражения, что является темой нашего дальнейшего исследования.

Список использованной литературы

1. Дымшиц М. Манипулирование покупателем / М. Дымшиц. – М.: Омега, 2004. – 256 с.

2. Зирка В.В. Манипулятивные игры в рекламе: лингвистический аспект / В.В. Зирка. – 2-е изд., испр. – М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2010. – 256 с.

3. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью» / О.С. Иссерс. – М.: Флинт: Наука, 2009. – 224 с.

4. Остроушко Н.А. Проблема речевого воздействия в рекламных текстах: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. «Русский язык» / Н.А. Остроушко. – М.: МГУ, 2003. – 286 с.

5. Морозова И.Г. Рекламный сталкер. Теория и практика структурного анализа рекламного пространства / И.Г. Морозова. – М.: Гелла-принт, 2002. – 272 с.

6. Новиков В.П. Компоненты функционального содержания коммуникативной оценки [Электронный ресурс] / В.П. Новиков. – Режим доступа: http://www.nbuv.gov.ua/Portal/Soc_Gum/Dtr/gn/2009

7. Барякина Э.В. Справочник писателя. Как написать и издать успешную книгу / Э.В. Барякина. – М.: Унив. кн., 2009. – 196 с.

8. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография / М.Р. Желтухина. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: ВФ МУПК, 2003. – 656 с.

9. Вакурова Н.В. Типология жанров современной экранной продукции [Электронный ресурс] / под ред. проф. Р.А. Борецкого // Мастерская телевизионной журналистики / Н.В. Вакурова, Л.И. Московкин. – М.: Логос, 1997. – Режим доступа: http://vvww.evartist.narod.ru/text3/08.htm

10. Кромптон А. Мастерская рекламного текста / А. Кромптон. – К.: Довгань, 1998. – 243 с.

11. Тертычный А.А. Жанры периодической печати [Электронный ресурс]: учеб. пособие / А.А. Тертычный. – М.: Аспект Пресс, 2000. – Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text2/01.htm

У статті проведено лексичний аналіз головних функцій текстів анотацій до художніх творів. Було виявлено відмінності функцій впливу та маніпулювання, які базуються на аргументах та емо-

ціях. Встановлено в текстах анотацій когнітивно-інформативну функцію з елементами оцінювання як базову. Функції переконування та аргументування, апелюючий комплекс, а також комунікативна функція є другорядними та містять у собі елементи рекламування.

Ключові слова: тексти анотацій, вплив, маніпулювання, когнітивно-інформативна та комунікативна функції, апелюючий комплекс, аргументування та переконування.

The article deals with the lexical analysis of the fundamental functions in the art works' annotations. Specific character of the influence and manipulation based on the arguments and emotions are revealed. Cognitive and informational functions are established as principal with evaluation elements. Appeal, communicative function, argumentation and persuasion are secondary functions with advertising elements.

Key words: annotations of the art works, function: cognitive and informational, appeal, communicative function, argumentation and persuasion, influence and manipulation.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

УДК 81’37.811.111

I. LYPSKA,
PhD in Pedagogy, Associate Professor
of English Philology and Translation Department
Alfred Nobel University, Dnipropetrovsk

SOCIAL AND CULTURAL PECULIARITIES OF FRENCH LEXIS IN THE ADMINISTRATIVE AND LAW AREA AND CRITERIA OF ITS USAGE BY FUTURE LANGUAGE EXPERTS

The article is devoted to social and cultural features of the vocabulary in the administrative study and law area research as a complex phenomenon of all legal aspects on various historical stages of social development and its current position relative to other countries in the modern world. Substantive aspect of the research is the vocabulary of administrative and law area. Specific features of the vocabulary of administrative and law area are provided by pragmatic approaches to the act of intercourse and based on expansion of lexical knowledge in a given field of communication. The problem of criteria has been determined by the nature of the scope and specificity of its vocabulary.

Key words: the administrative and law area, future language experts, lexical units, socio-cultural competence, terminological blocks.

Analyzing the French lexical system of the administrative and law area it’s important to study its social peculiarities and challenges concerning social and cultural competence development to speak in the area of law.

Every person who is eager to obtain necessary knowledge and skills to provide international communication in the globalized world needs to find efficient ways of international competence development, being an educated person and having got relevant motives [5].

State standard of higher vocational linguistic education of the second generation includes the development of socio-cultural competence of students, mastering of which is important not only for translators, but also for teachers of foreign languages, philology [4]. We must also take into account the fact that communication in the field of law is one of the most effective means of socio-cultural competence, and laws, decrees, international documents help attract students to the culture, traditions, customs, social norms of the country which language is being studied.

Topicality of the problem of socio-cultural competence of future philologists is obvious. However, the development of competence today is declared more, especially when it comes to administrative and law area. Students of language departments are not specialists in the field of law. It is clear that they have communication difficulties connected to lexical features of the given area, narrowness of communication in it; its fullness with terms imperatives and other linguistic difficulties.

The purpose of the article is to study social and cultural features of the vocabulary in the administrative and law area as a complex phenomenon of all legal aspects on various historical stages of social development and its current position relative to other countries in the modern world [7].

© *I. Lypska, 2012*

This complex phenomenon consists of a set of components providing the following **problems** solving:

In this connection, it's necessary to select the following components of social and cultural features of the law area vocabulary, when getting knowledge and learning (French administrative and law vocabulary) is effective:

– cross-cultutal components (lexical units in the area of national cultural semantics and ability to use them in situations of intercultural communication);

– sociolinguistic components (linguistic features of the whole area);

– social and psychological components (working knowledge in social and cultural scenario, national specific models of behavior using communication technology);

– cultural components (cross-cultural, historical and cultural, ethno-cultural background).

Elements of social and cultural features of the vocabulary in law area focused on the development of intercultural competence of students, requiring knowledge extension, development of multilingual competence.

Therefore, modern education programs have to meet new linguistic and cultural requirements [6]. They should encourage the integration of languages, cultures and informative technology in all areas of communication, including administrative and law area to implement the tasks the modern society faces with.

Social and cultural development of students by means of administrative and law sector is largely due to the correct implementation of socio-cultural features of the vocabulary in the process of communication in a foreign language.

The most important feature of the administrative and law vocabulary is availability of special blocks of terminological social and cultural lexical units in the given area.

Special blocks of socio-cultural vocabulary of administrative and law area have been defined as a way to study lexical units with national-cultural component to form the lexical competence in the given area.

Such blocks function as a means of control. In addition, they have other important functions: a) functions in the content of educational material; b) controlling and coordinating functions.

The proposed special terminological blocks provide a gradual submission of information in the area of law. Information is in minimum volume, then it increases and complicated with terms and content.

Special terminological blocks have a determined structure. They contain a class of lexical units with socio-cultural components and related linguistic «software». Linguistic «software» is micro-printing, legislative documents which provide lexical units in the administrative and law area.

Having examined some problems of the vocabulary in the administrative and law area according to its socio-cultural features turn to the analysis of socio-cultural characteristics of the lexical units in the researched area.

It's known the word has lexical meaning, phonetic aspects and grammatical characteristics and is inextricably linked with the activities of the individual. It is a nominative unit which is necessary prerequisite for sequential operations signifying a phenomenon in the formation of opinions and in the structure of expression [1].

According to G.V. Kolshanskiy, in the language structure we determine lexical units on different semantic levels, they, respectively, have exact formal parameters and semantic characteristics [2].

The funds of used lexical units have national character. New formations appearing, culture development extends the differences in the semantic areas of languages. The word represents an informative sign with the aim of communication and it is a full unit of thinking process [8].

To provide functioning of language communication it's important to take into account the fact that information exchange always takes place in the concrete situations of communication (communicative acts) of each concrete communities or peoples [7].

In its turn such kinds of situations are provided by social and cultural factors, «openness» of the national language to certain changes of social cultural plans or its «closeness», «restraint» and «inaccessibility». It's provided in a greater or lesser degree by political, social and economic

processes, global agreements appearing, and international organizations' activities. The number of language units with the same background value is increasing; they gradually acquire the attributes of international words.

In addition to sociality of these international, political, social processes, they have different (subjective) affect on different peoples. Language processing applied to a particular legal decision even to international one, correlated with the customs, norms, mentality of the nation and in the future reflected adequately in the dictionary of peoples [3].

Word-term has special meaning. Special terminology is the established system of signs characterized by certainty and stability [2].

The nature of the terms of administrative and law area can be found in their relationship with the commonly used words but the semantic basis of vocabulary is «narrow» and hardly goes beyond the law as a science.

On the other hand, the scope of the law sector is wide and covers all areas of the individual's life, because the main purpose of this field is to determine the norms and rules of evaluation of individuals in society. In connection with this set of lexical items in the sphere of legal areas is predetermined and obvious non-dynamism of terms does not deny the possibility of their transmission.

Despite the characteristic non-dynamism of terms, lexical units of administrative and law area are mobile and defined as the transition from one sector of society to another without losing their functional and administrative (index) destination.

French vocabulary of administrative and law area is a system of lexical units, that in the functioning of the French language have one or more semantic meanings of law sector. These meanings are important only for communication in the law area; beyond the pale of the given area they have no meaning, even metaphorical one. This is the fact that demonstrates exclusiveness of law terms in law French documents [1].

The reason for the existence of law terms is the tightness and closeness of their meanings, where there is a close relationship between a word and a referent. Being exclusively legal by nature reviewer has no equivalent in everyday life. Therefore, «legislatism» of referent prevents the appearance of the original meaning or use of the word in a different sense. This is typical for concrete and for abstract terms.

Legal terms have no original meaning, because they have equivalents close by sense or synonyms in every day language, but these equivalents, synonyms are more figurative, more understandable to those who study language. Most words of exclusive accessories are monosemes [8].

In general lexical units of French law vocabulary with one or more meanings are commonly used in every day language. More often than not they have another meaning in everyday language. This overlay is called dual membership [6].

Thus, the words of double membership in the law vocabulary are lexical units that simultaneously have one or more meanings in commonly used language. This category includes key lexical units of basic law vocabulary. They are widely used by those who work in law and in law documents.

Among the words of double affiliation we can emphasize two groups:

1) terms in which legal meaning is the dominant

– l'attribution – attribution;
– le tribunal – tribunal;
– le parlement – Parliament;
– les ambassadeurs – ambassadors;
– les élections – elections;
– le préfet – Prefect;
– le Juge Suprême – The Supreme Court;
– les Chambres – houses of Parliament;
– la Convéntion – Convention, la pacte – pact;

2) commonly used as derivative ones, and terms, in which law meaning is derived, and common used words are the basic ones:

– le projet – a plan;
– les recteurs – rectors;

– les attributs – signs;
– les employés – employees;
– les débats – disputes;
– les fonctions – functions;
– les représentants – representatives;
– les textes budgétaires – Laws on Budget;
– publique – social;
– causer – precondition;
– insister – insist;
– la restriction – restriction;
– le pouvoir – power;
– les partis – parties;
– limiter – to limit;
– l'infraction – violation;
– se manifister – announced;
– l'ordre publique – public order;
– un aspect organique – organic aspect.

The law term is a type of vocabulary, creating a system of law. Law in general and in particular regulations are intended to regulate relations between people. Hence the conclusion the main pragmatic orientation is based on the fact the law discourse is a function of socio-politically and economically regulating [5].

In the administrative and law area of communication relations between participants of communication have an official character and associated with the discharge of specific functions of the administrative procedure according to an outline of the hierarchical pyramid in the society.

Language encouraging the individuals is determined by the need to meet their social needs [4]. Typical types of oral communication in administrative and law area is official personal monological communication, dialogical forms and less formal group communication in dialogue forms [2].

Defining characteristics of the terms of administrative and law area allows access to the issue connected with their practical usage by future language experts.

Foreign language in general is associated with knowledge of words with lexical skills to ensure the functioning of the vocabulary to communicate. Substantive aspect of law terms usage is the study of vocabulary and the formation of lexical skills for communication. The special linguistic features of law terms can provide communication of future language experts:

1. Achieving the main purpose of terms usage.

This is due to the fact that the specific administrative and law area is the frequency of its use at the present stage of social development.

2. Development background of future language experts.

Vocabulary of administrative and law area is the so-called legal vocabulary, so, promotes background knowledge. Administrative and law area reveals the notion of law as a science, is the understanding of the polity of a country. Similar concepts are specific to particular countries, and, in most cases are unknown to foreigners that certainly complicate the process of communication.

Understanding is impossible without fundamental knowledge of communicants about the surrounding reality. It should be noted, background knowledge are implemented in some language media. These features are realities and vocabulary background in law areas.

3. Communication within the scope of law.

Because of a crucial role of world politics and economy, one of the important topics for members of communication among linguistic groups has become political events and economic problems. [2].

Knowledge of the vocabulary of administrative and law area, conglomerate which contains the basic political terms, help ensure full participation in such communication.

Besides, lexical units of administrative and law area provide pragmatic approach to the communicative act. A pragmatic approach may be focused on the quantitative expansion of lexical knowledge in administrative and law area.

The level of contact is determined by the nature of communicators' relations, by the role and intentions of each participant in a given communicative situation, and among methods used by the person to realize their social role, one of the most important position is occupied by language or verbal, symbolic means, specific to each national society [7].

To implement a pragmatic approach is becoming more important knowledge of vocabulary that orients a person in a given field of communication. «Understand the language is to use only those phrases and symbols which use is not prohibited, which is the practice in the social group; to denote objects and situations in such a way as the members of this group usually do, have the same expectations as other members, and express their own opinions as everyone else, so to understand the language or properly use it is to comply with the rules of use adopted by this social group of people» [6].

Administrative and law area requires maximum precision in linguistic terms, therefore the above definition defines very high demands on communicator's lexical level. This can be illustrated by examples of specific meanings of lexical units used in law areas:

La durée du mandat – a period of mandate validity.

La lecture – reading of the law.

La Légion – Big Board.

La légion d'honneur – ode of honor wording of the law (але не «сформульований закон»).

La promulgation – law promulgation.

La session extraordinaire – an extraordinary session.

La bureau de l'assemblée nationale – Office of the National Assembly.

Le chefs de l'armée – Chiefs.

Le comité d'une défense nationale – Committee of National Security.

Les conditions d'égalitées – on equal terms.

Les exécuteurs – performers.

Les officiers – employees.

Researching of lexical material in the administrative and law area includes the following procedures: 1) quantitative and qualitative characteristics of the terms; 2) determining the principles, criteria and procedures of the terms using.

Quantitative parameters of vocabulary are defined by: 1) targets of the language, 2) linguistic factors (a possibility to communicate), 3) social conditions.

However, the unit of selection is a word-meaning or semantic unit, that after its nominative function can be equated with words (unambiguous word, lexical-semantic variant, a word-homonym, an abbreviation, and complex lexical units).

We attempted to provide criteria of French law terms usage by future language experts.

These criteria have been determined as functionality, communicativeness and systematic. The last criterion in particular, requires that tokens were selected and presented to communicants as a part of semantic systems, which consist of core semantic fields and semantic periphery.

The criteria for selection of active vocabulary can be:

1) compatibility of words, its ability to engage in a variety of free communication: high compatibility shows rich linguistic features, the importance of communication;

2) ability to carry out official words corresponding to specification of their functions;

3) subjectiveness: required selection of common words, expressions and lexical units, indispensable for communication with a particular theme;

4) selection of the vocabulary of social sphere, providing free and natural oral communication in «dialogue form»;

5) frequency.

The study of lexical features of natural language, basic nature of the word as its sign and its functional cell, comparative analysis of approaches to the selection and organization of linguistic «tools» allowed reasonable approaches to identifying key criteria of French law terms usage by future language experts.

For the same selection, based on the above analysis of the literature, a number of other criteria has been developed. These include the following ones:

1. Necessity and sufficiency of law terms to use them in the given area.

2. Availability of law terms. It's connected to the problem of terminological complexity in the administrative and law area. This problem can be solved by creating special terminological blocks, which was discussed above and referring to different ways of semantization of new lexical units, translated and non-translated ones.

3. Lexical minimum openness. For full participation in the process of communication in administrative and law area a communicant has to be provided with a set of lexical units for communication, so that lexical minimum could always grow richer.

The foregoing leads to the following conclusions:

Substantive aspect of our research is the vocabulary of administrative and law area.

Specific features of the vocabulary of administrative and law area are provided by pragmatic approaches to the act of intercourse, based on expansion of lexical knowledge and implemented in terms of orientations in a given field of communication.

Lexical units of administrative and law area require high precision in linguistic terms, the accuracy of their usage.

The problem of criteria selection is determined by the nature of the scope and specificity of its vocabulary.

Bibliography

1. Круковський В.І. Явище зовнішньої полісемії у французькому юридичному вокабулярі / В. І. Круковський, Я. І. Припишнюк // Лінгвапакс-VII. – 2001. – Вип. 4. – С. 78–85.

2. Костомаров В.Г. Об одной из единиц описания текста в аспекте диалога культур / В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова // Иностр. языки в школе. – 2000. – № 5. – С. 3–6.

3. Кривенко Б. В. Язык массовой коммуникации: лексико-семиотический аспект / Б.В. Кривенко. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1993. – 136 с.

4. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. РКИ / Ю.Е. Прохоров. – М.: 2003. – 26 с.

5. Сафонова В.В. Социокультурный подход к обучению иностранным язикам / В.В. Сафонова. – М.: Высшая школа; Амскорт Интернэшнл, 1991. – С. 46–47.

6. Скалкин В.Л. Основы обучения устной иноязычной речи / В.Л. Скалкин. – М.: Русский язык, 1981. – С. 60–66.

7. Becquart J. Les mots de sens multiples en droit civil français, contribution au perfectionnement du vocabulaire jurudique / J. Becquart // Thèse Droit. – Lille, 1928. – 56 p.

8. Byram M. Définitions, objectifs et évaluation de la compétence socioculturelle / M. Byram, G. Zarate // Apprentissage et usage des langues dans le cadre européen. – Hachette, 1998. FDM. Recherches et applications. Nu,éro spécial. – P. 79.

Статтю присвячено вивченню соціокультурних рис лексичних одиниць адміністративно-правової сфери як складного законодавчого феномена на різних етапах історичного розвитку соціуму в різних країнах світу. Було розглянуто основні аспекти розвитку вокабуляру цієї сфери в рамках прагматичного підходу до необхідності поширення лексичних знань у майбутніх філологів з метою спілкування у сфері права. Запропоновано критерії використання лексики сфери права, виходячи з її лінгвістичної специфіки.

Ключові слова: адміністративно-правова сфера, майбутні мовні експерти, лексичні одиниці, соціокультурна компетенція, термінологічні блоки.

Статья посвящена изучению социокультурных черт лексических единиц административно-правовой сферы как сложного законодательного феномена на разных этапах исторического развития социума в разных странах мира. Рассмотрены основные аспекты развития вокабуляра данной сферы в рамках прагматического подхода к необходимости расширения лексических знаний у будущих филологов с целью общения в сфере права. Предложены критерии использования лексики сферы права, исходя из ее лингвистической специфики.

Ключевые слова: административно-правовая сфера, будущие языковые эксперты, лексические единицы, социокультурная компетенция, терминологические блоки.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

УДК 811.112.2

П.Н. ДУНДІЙ,
доцент кафедри перекладу
Київського інституту перекладачів

АНГЛО-АМЕРИКАНІЗМИ ЯК ТЕРМІНОЛОГІЧНІ ЗАПОЗИЧЕННЯ У НІМЕЦЬКОМУ ЕКОНОМІЧНОМУ ДИСКУРСІ

У статті розглянуто специфіку функціонування англійських лексичних і термінологічних запозичень та їх типів у німецькій галузевій лексиці з економіки. Типи лексичних запозичень досліджуються на тлі лексичних змін у підрозділах економіки з особливо активним запозиченням англо-американізмів.

Ключові слова: лексична одиниця, термін, запозичення, англо-американізм, повне запозичення, калька.

Аналізуючи запозичення англо-американізмів (АА) маємо справу як із загальномовними лексичними, так і термінологічними запозиченнями.

У зв'язку з цим може виникнути питання про розмежування термінологічних одиниць і одиниць лексики, які не належать до термінології та спеціальної лексики.

Оскільки термін є також словом, то він є мовним знаком і разом зі словом належать до однієї знакової системи. Щодо сутнісної характеристики терміну у дослідженнях вчених існують розбіжності. Одні висувають ідею протиставлення термінів загальновживаній лексиці та виведення їх за межі останньої, інші прагнуть ідентифікувати терміни із загальновживаною лексикою, оскільки ні в формі, ні в змісті не виявляють суттєвої різниці між словом і терміном.

Для дослідженні типів запозичень протиставлення терміна та лексичної одиниці є умовним і важливим тільки тоді, коли з'ясовуємо дефінітивні особливості терміна та слова, те що їх об'єднує та різнить у процесах запозичення.

Запозичення економічної термінології один з найдинамічніших процесів лексико-семантичної системи мови, що пов'язаний з появою нових форм господарювання, поглибленням бізнесових зв'язків на міжнародному рівні та розвитком нових технологій.

Мета цього дослідження полягає у тому, щоб проаналізувати типи термінологічних запозичень в економічній лексиці німецької мови на тлі змін у різних підрозділах економіки. Часто ці зміни стаються завдяки запозиченням з англійської мови. Це пояснюється насамперед тим, що США й англомовний науковий і культурний простір надалі залишаться провідними в економічному та науково-технічному розвитку. Тут виникають нові поняття і найменування цих понять, що потім переходять у інші мови, у тому числі в німецьку. АА активно поповнюють німецьку економічну лексику і стають невід'ємною частиною цієї терміносистеми.

Здебільшого німецька економічна термінологія запозичує лексичну одиницю, щоб усунути понятійну лакунарність. Переважно запозичення терміна відбувається через потребу в найменуванні нового поняття або явища, коли мова-реціпієнт не встигає запропонувати для наукової реалії власну мовну одиницю. При цьому важливим аспектом запози-

© *П.Н. Дундій, 2012*

чення може стати однозначність терміна у рамках певної терміносистеми, його стислість та системність.

Аналіз різних термінологій, здійснений окремими авторами, ставить під сумнів правомірність пред'явлення до термінів названих вимог, оскільки чимала частина реально функціонуючої термінології їм не відповідає, однак такі терміни продовжують обслуговувати відповідні галузі знань. Таким чином, ретельне вивчення термінів і термінологічних систем ставить під сумнів той факт, що терміну обов'язково притаманні стислість, однозначність, точність, і наголошується на тому, що терміни необхідно аналізувати в процесі їх функціонування, тобто в текстах, і що полісемія у цьому випадку явище неминуче і природне [1].

Незважаючи на це, чимала кількість запозичених термінів функціонує у формі єдино можливого, тобто незамінного варіанта відображення спеціального поняття та не має інших еквівалентів у німецькій мові, наприклад: das Marketing, das Management, das Swap тощо.

АА-терміни наявні практично у всіх сферах економічної лексики, але головними є ті, що відтворюють основні поняття економічної теорії та політекономії, оскільки вони універсальні, фундаментальні і, як правило, інтернаціональні. Так, термін Marketing є носієм характерного тільки для нього значення і його важко замінити іншим поняттям. Крім того, він став похідним для багатьох інших термінів, зокрема композитів, що вже, здебільшого, не сприймаються як іншомовні: Marketingberatung, Handelsmarketing, Marketingvermittler, Marketingabkommen, Marketinganwendung, Marketingforschung, Marketing der Produktionsmittel. Це означає, що термін продовжує бути продуктивним, тривають процеси його запозичення, що разом із розвитком мови та суспільства він розширює свою функціональність.

Характеризуючи запозичення економічної термінології, варто вказати на розгалуженість та багатоаспектність її сфер і проаналізувати особливості у порівнянні з іншими терміносистемами.

До основних підрозділів економіки, в яких активно відбуваються запозичення, належать:

1. Фінанси, банківська та страхова справа.
2. Виробництво та підприємництво.
3. Торгівля.
4. Транспорт.

Розглядаючи ці напрями, прослідкуємо типи лексичних запозичень АА. Розвиток науково-технічної термінології сприяє переважно прямому лексичному запозиченню (нім. Sach- und Wortentlehnung, англ. borrowing) терміна, тобто безпосередньому переходу фонологічного та морфологічного варіанта лексичної одиниці з однієї мови в іншу. При цьому запозичена внутрішня і зовнішня форма поняття вносить і закріплює нові знання, розширює понятійну модель світу мови-реціпієнта [2; 3].

Повне запозичення відображає поняття, що було повністю або частково відсутнє у німецькомовній лінгвокультурі та є часто безальтернативним. При повному запозиченні відбувається безпосереднє проникнення фонетичного і морфологічного варіанта АА в економічну термінологію німецької мови, де лексична одиниця не втрачає ознак мови-продуцента. Таким чином, йдеться про запозичення як матеріальної оболонки лексичної одиниці, так і її понятійного змісту.

Назвемо найуживаніші повні запозичення у підрозділі економіки «Фінанси, банківська та страхова справа».

Вибраний фактичний матеріал включає мовні одиниці, що семантично заповнюють відсутні або невживані у німецькій мові поняття у сфері банківських рахунків, грошового обігу, фінансової і біржової діяльності, страхуванні:

Averaging, n – послідовна купівля акцій за курсом, що постійно змінюється;
Bear, m – спекулянт;
Blue Chips – акції високої вартості;
Bottom, m – найнижчий рівень курсу акцій в межах певного проміжку часу;
Bonus, m – бонус, знижка;
Daytrading, n – продаж акцій упродовж одного дня;

Dealer, m – біржовий маклер, дилер;
Holding-Bank, f – холдинг-банк;
jobbern – грати на біржі;
Pool, m – пул;
Run, m м – масове вилучення вкладів з банку, біржова паніка;
Report, m – репорт;
Scheck, m – чек, платіжне доручення;
Slump, m – раптове падіння (цін, курсу цінних паперів тощо);
Swap, n – своп;
Swing, m – свінг.

Слід зауважити, що окрім сфери фінансів, банківської, страхової справи повні запозичення активно вживаються практично у всіх підрозділах економіки: виробництві та підприємництві, торгівлі, транспорті, наприклад: Outsourcing, s; Trading, s; Charter, m; Hedging, s; Know-how, n; Konzern m, Management n, Recycling, n; Start-up; Clearing, n; Dumping, n; Salesmanship, n; Telquel-Kurs, m; Pay-Back, n; Voucher, m/n; Flop, m; Management, s; Management-Buy-Out, s; Marketing, s; тощо.

Ці та інші повні запозичення стали складовою німецької економічної термінології та продовжують номінувати нові явища, що виникають у процесі розвитку виробництва та технологій, наприклад, АА Manager:

– утворення дериватів – Managerin, managerkrank, Managertyp тощо;

– поява додаткових семантичних відтінків значення – Manager не тільки професійний керуючий у підприємницькій діяльності, але й бізнесовий радник музикантів, художників;

– вихід за межі економічної термінології і входження в інші лексичні сфери, як от у молодіжну субкультуру: Damager від «to damage» та «Manager» – у комп'ютерних іграх персонаж, головна функція котрого – завдати шкоди ворожим гравцям; Mucker-manager – заводій, головний розбишака.

При взаємодії з мовною системою німецької мови повні АА переходять в економічну термінологію без змін або з незначними модифікаціями у звуковому та графічному оформленні, адаптуючись у німецьку термінологічну лексику на фонетичному, орфографічному та морфологічному рівнях.

Такі процеси виникають через генетичну спорідненість англійської та німецької мов і перш за все у тих випадках, де фонетична, орфографічна та морфологічна структури обох мов мало різняться одна від одної: Export, overdraft, Dealer, Bear, brand, Crash, Pool, Tip, Clearing, salesmanship, cash and carry тощо.

При адаптації АА–терміни можуть зазнавати тих чи інших змін:

– фонетично: англ. clerk [clα:k] – нім. Clerk [clα:rk]; англ. budget – нім. Budget з французькою вимовою [by'ʤe:]; анг. Sponsor – нім. der Sponsor вимовляється відповідно [sp] і [ʃp] тощо;

– орфографічно: англ. Check – нім. Scheck; англ. strike – нім. Streik тощо;

– морфологічно: англ. to charter – нім. chartern; нім. der Jobber – англ. Jobber. При цьому АА-терміни пристосовуються до системи роду, числа та відмінювання німецької мови.

Отже, на сучасному етапі запозичування в німецьку економічну лексику надходить більше повних запозичень без змін або з незначними варіаціями.

Іншою підгрупою прямих запозичень АА в економічній лексиці є часткові запозичення. Якщо в повному запозиченні переймається внутрішня та зовнішня форми, то при частковому – внутрішня форма терміну. Основним способом часткових запозичень є калькування [4, с. 110; 5]. Процес проникнення кальок у німецьку термінологію обґрунтовується білатеральністю мовного знака та появою на основі наявного в мові значення нової лексичної одиниці, що категоризує картину світу. Калька виступає явищем мовного контакту, що внутрішніми ресурсами мови-реципієнта реалізує семантичну модель мови-продуцента через переклад. За певних умов такий спосіб може бути прийнятнішим від повного запозичення, адже калька створюється з матеріалу мови-реципієнта, отже, безпосередньо пов'язана з її лексичною системою. Процес калькування спрощується, якщо структури взаємодіючих мов типологічно близькі [6].

Серед АА економічної терміносистеми було виявлено цілу низку повних кальок та напівкальок.

До повних, або словотвірних кальок належать терміни, що послівно перекладаються, тобто в них переймається внутрішня форма поняття мови-продуцента і створюється засобами мови-реципієнта. В англійському мовознавстві їх називають loantranslation [7; 8], у німецькомовному – Lehnübersetzungen [9], російськомовному – словообразовательные кальки [10], українському – словотвірні чи повні кальки [4].

Повні кальки – завуальовані або приховані запозичення, бо, наприклад, нелегко зрозуміти, що термін Gemeinschaftsunternehmen є запозиченням-калькою англійського joint-venture.

Назвемо найуживаніші повні кальки на прикладі підрозділу економіки «Виробництво та підприємництво»:

Business, n = Geschäft, n – бізнес, справа; комерція; комерційна діяльність;

Boom = Aufschwung, f – бум;

Consulting, n = Beratung, f – консультування продуцентів, продавців та покупців з широкого кола питань економічної діяльності підприємств, фірм, організацій;

Department, n = Abteilung, f – відділ, підрозділ;

Joint-venture, n = Gemeinschaftsunternehmen, n – спільне підприємство;

Outsider, m = Außenseiter, m – аутсайдер, підприємство, яке не входить в монополістичне об’єднання;

Teamwork, s = Gemeinschaftsarbeit, f – групова, командна робота різних спеціалістів;

Research & Development = Forschung und Entwicklung – дослідження та розвиток;

Sales-Manager, m = Verkaufsleiter, m – завідувач відділом збуту, менеджер зі збуту;

Sales-Promoter, r = Vertriebskaufmann, r – особа, яка займається збутом товару, його рекламою;

Sales-Promotion, e = Verkaufsreklame, Verkaufsförderung, e – стимулювання збуту, продажу товару, реклама товару;

Trend, m = Richtung, Entwicklungstendenz, f – тенденція, напрям.

До напівкальок належать слова або словосполучення створені з елементів власного та іншомовного матеріалу, через це в них чітко простежується «чужинний» елемент і їх можна віднести до розряду іншомовних слів. Д.С. Лотте називав їх «трансформними» [11, с. 12]. Німецькомовна література визначає цей вид запозичень як Lehnübertragungen, Mischbildungen [12], англійська – loan-renditions [13, с. 315].

У німецькому мовознавстві Lehnübertragungen [14] вважаються також запозичення, що складаються з не дослівно, а вільно перекладених елементів мови-донора.

Найуживаніші напівкальки у підрозділі економіки «Торгівля та транспортні перевезення»:

Bahn-Card, f = Bahn-Karte, f – залізнична дисконтна карта, надає знижки для проїзду залізницею;

free on Waggon = frei Waggon – франко-вагон;

Minibus, r = Kleinbus – мікроавтобус;

Shopping-center, s = Einkaufszentrum, n – торговельний центр;

terms of payment = die Zahlungsbedingungen – умови виплати;

carriage paid to… = Fracht bezahlt – перевезення сплачене до…;

circular check = Reisescheck, m – дорожній чек;

dead-weight-Tonnage, f = Gesamtzuladungsgewicht, n – повна вантажність судна;

disbursement = Ausgabe, f – витрати з обслуговування судна;

shippingorder = der Verschiffungsauftrag, m – ордер на завантаження;

switch = Switchgeschäft n – зовнішньоторговельна угода;

shopping = das Einkaufen, n – купувати, купівля;

time charter = Zeitcharter, m – тайм-чартер (угода на оренду торговельного судна або його частини на певний строк).

Зазначена лексика покриває поняття і реалії, пов’язані з торгівлею та організацією доставки товару від відправника до одержувача, включаючи вибір виду транспорту, напряму перевезення, способу транспортування.

Головно, кальки входять до термінології німецької мов як синоніми до вже наявної німецької лексики і утворюють лексичні дублети, не заповнюючи мовних лакун. Такі терміни тільки диференціюють або прагматизують певні значення економічної термінології і не виступають їх повними відповідниками.

Підкреслимо, що різнотипні кальки зустрічаються у всіх підрозділах економічної лексики:

Account – Bericht; accounting – Buchführung, Zählung, Rechnung, Berechnung; Accounting Policies – Bewertungsmethoden; added value – Zusatznutzen, Zusatzleistung (Vermarktung); Advance Payment – Vorschuß, Anzahlung; advertainment – Werbeunterhaltung; Auditor – Rechnungsprüfer, Wirtschaftsprüfer; agent – Kundenbetreuer, Kundenberater (telefonisch); agreement – Vertrag, Abmachnung; Annual Accounts – Jahresabschluss; byproduct – Beiprodukt; Credit-Rating – Krediteinstufung, f Cost-Benefit-Analysis – Kosten-Nutzen-Analyse; Break-even-Point – Gewinnschwelle; Career Check – Lebenslaufbewertung; aerospace-industry – Luft- und Raumfahrtindustrie; anti-aging – Altersverzögerung тощо.

Після проникнення кальки у термінологічну систему мови-рецептора сфера її вживання і значення може розширюватися або звужуватися, тобто відбувається семантичний розвиток у нових умовах. Наприклад, АА-термін der/ das Claim, -[s], -s [15] отримав такі значення:

– Besitzanspruch, besonders auf eine Goldgräberparzelle; auch das Grundstück selbst – вимога; претензія на володіння, домагання; земельна ділянка;

– Anrecht, Anteil (bes. an einer Goldmine) – акція, частка (особливо на золотокопальні);

– Schlagwort, Slogan, Spruch, Werbespruch – слоган, рекламний салоган.

Однією з важливих груп термінологічних запозичень у німецькій економічній мові є екзотизми. Назви-екзотизми передають поняття або явища, що нехарактерні для культури народу мови-позичальниці. Такі терміни вживаються, щоб перекрити відсутні у німецькій мові англомовні реалії. Інколи це може бути німецька реалія, що створена англійською мовою, наприклад: Deutsche Corporate Governance Kodex – Німецький кодекс корпоративного управління. Зібраний емпіричний матеріал свідчить, що серед АА німецької економічної термінології можна виділити групи назв-екзотизмів та їх скорочень для означення:

1. Організацій, установ, компаній і назв торгових марок:

Apple Inc. – die Apple Inc, «ЕПЛ» (Apple);

SWIFT (Society for Worldwide Interbank Financial Telekommunications) – SWIFT (Gesellschaft zur Abwicklung des internationalen Zahlungsverkehrs im Rahmen der Außenhandelsfinanzierung), СВІФТ (Міжнародна міжбанківська система передачі інформації та здійснення платежів);

die General Motors Company (GM) – Дженерал моторз;

Association Cambiste Internationale (ACI) – Internationale Devisenhändlervereinigung, Міжнародна асоціація дилерів валютних бірж;

WITSA (World Information Technology and Services Alliance) – Weltweite Vereinigung von IT-Industrievereinigungen, Всесвітня спілка IT-об’єднань інформаційних технологій і послуг;

der Brain-Trust – консультаційна комісія з економіки США;

die American Stock Exchange – Американська фондова біржа;

die New York Stock Exchange – Нью-Йоркська фондова біржа;

die Federal Reserve Bank – Федеральний резервний банк;

die Microsoft Corporation – корпорація Майкрософт;

die International Business Machines Corporation (IBM);

die Wall Street – Волл-стріт.

2. Назв програм, законів, нормативних актів:

Deutsche Corporate Governance Kodex – Німецький кодекс корпоративного управління (регулює систему, структуру та процедури, що використовуються для управління та контролю корпорації);

der Dow-Jones-Index – індекс Доу-Джонса;

New Deal – програма реформ для регламентації в соціальній та економічній сферах Америки;

Sherman act – антитрестівський закон Шермана (США);

single tax – єдиний земельний податок (в США).

3. Найменування посад, звань, професій:

Artdirektor, Lazouter, Visualizer, Streetworker, Sheriff, Cowboy/girl, Broker тощо.

Ці та інші терміни-екзотизми розширюють концептуальну картину світу мови-реціпієнта про певні реалії англомовного світу та несуть важливу інформативну функцію, однак не становлять основи словникового складу німецької мови.

Отже, в економічній галузевій лексиці німецької мови вживаються переважно повні запозичення, кальки (їх кількість значно менша порівняно з повними лексичними запозиченнями) та запозичення-екзотизми (вживаються переважно оказіонально).

Аналізуючи АА як аспект термінологічного економічного дискурсу, варто наголосити на проблематиці інтернаціональної лексики, адже значна кількість АА наявні в інших мовах.

Інтернаціоналізми та запозичення при всіх спільних рисах не є ідентичними явищами. Як зазначав В.В. Акуленко, «інтернаціоналізми є категорією синхронії зі своїми специфічними характеристиками, а запозичення – умовна для синхронії група фактів, що виокремлена за діахронними критеріями. Специфічними рисами лексичних інтернаціоналізмів є також їхня омологічність – міжмовна схожість у планах змісту та вираження» [16, с. 31].

У проблематиці інтернаціональної лексики цікавим є співвідношення «своє – чуже», яке традиційно розглядається як протиставлення близького, знайомого з далеким, невідомим і навіть зловісним. Інтернаціоналізм знімає ці протиріччя, адже інтернаціоналізми не можуть уважатися елементами тільки однієї мови, бо тоді втрачається їх інтернаціональний характер. Тобто лексична одиниця, якщо вона справді інтернаціоналізм, не має сприйматися як «чуже». Таким чином поняття «інтернаціональне» виходить за межі двох протилежних та взаємовиключних понять «своє – чуже». Це, радше, своє та чуже одночасно [17].

Кожне інтернаціональне слово виникає в мові як результат запозичення, однак не кожне запозичення є інтернаціоналізмом. Тобто поняття «запозичення» є ширшим за поняття «інтернаціоналізм», хоча інтернаціоналізми проникають у більшу кількість мов. Сучасна тенденція вказує на те, що інтернаціоналізми-терміни входять практично у всі розвинуті мови. Так, значна кількість запозичених термінів-інтернаціоналізмів економічної сфери вживається у більшості європейських мов, наприклад:

укр. маркетинг, бізнес, євродолар, ваучер, інвестор, стагфляція, капітал, консалтинг, трест, спонсор тощо;

рос. маркетинг, бизнес, евродолар ваучер, стагфляция инвестор, капитал, трест тощо;

фр. marketing, business, eurodollar, voucher, stagflation, investisseur, capital, trust тощо;

нім. Marketing, Eurodollar, Voucher, Stagflation, Investor, Kapital, Trust тощо.

Ці терміни є також в іспанській, польській, фінській та інших мовах.

Передусім наукова термінологія сприймає іншомовні елементи, та отже формує спільний лексичний матеріал різних мов, що полегшує взаєморозуміння носіїв різних мов та міжкультурну комунікацію. Тому не слід виключати того, що дедалі щільніші міжнародні контакти спонукатимуть до частішого вживання термінів-інтернаціоналізмів. Тобто з термінів-синонімів (дублетів), що мають однакове значення das Angebot – die Offerte, das Shopping-center – das Einkaufszentrum, der Kreditbrief – das Akkreditiv будуть вживатися інтернаціоналізми, що стає загальною тенденцією мовного розвитку.

На сучасному етапі запозичення АА має активний і масовий характер. Досягнення наукової і технологічної думки, що створюються англійською мовою, переносяться на інші національні ареали, а ті найважливіші, що продукуються національними мовами, перекладаються англійською. У результаті з’являються і розвиваються спільні сфери, які знаходять адекватне мовне вираження у термінології. Таким чином, терміносистеми національних мов, сприймаючи, головно, англійські іншомовні елементи, формують спільний інтернаціональний лексичний матеріал.

Однозначність тлумачення таких інтернаціональних термінів спрощує міжнародне ділове спілкування, сприяє кращому взаєморозумінню у міжкультурній комунікації і є об’єктивною тенденцією. Однак запозичення як багатоплановий процес може призводити до появи лексичних варіантів та полісемії, що обумовлено самою сутністю мови, бо варіант-

ність є однією з універсальних ознак природного розвитку мови. Запозичений АА-термін може зазнавати змін, модифікуватися як у плані вираження, так і в плані змісту і розпочати «жити» щонайменше у двох трансформаціях, не порушуючи семантичної цілісності. У цих випадках АА-термін як лексична одиниця змінює свою форму або зміст на різних рівнях, у тому числі – фонетичному, морфемному, лексичному, граматичному та словотвірному.

Тобто АА-термін як одиницю плану вираження та змісту можна співвіднести з декількома лексемами і розглянути через призму багатозначності та синонімії, що стане об'єктом подальших досліджень.

Список використаної літератури

1. Головин Б.Н. Роль терминологии в научном и учебном общении / Б.Н. Головин // Термин и слово. – Горький: Изд-во ГГУ им. Н.И. Лобачевского, 1979. – с.14–23.

2. Д'яков А.С. Типологія мовних інтерференцій та їх роль у формуванні національних терміносистем: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.15 Київськ. нац. ун-т ім. Т.Г. Шевченка. / А.С. Д'яков. – Київ, 1997. – 16 с.

3. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминоэлементов / Д.С. Лотте. – М.: Наука, 1982. – 149 с.

4. Д'яков А.С. Основи термінотворення: семантичні та соціолінгвістичні аспекти / А.С. Д'яков, Т.Р. Кияк, З.Б. Куделько. – К.: Вид. дім «КМ Academia», 2000. – 218 с.

5. Степанова М.Д. Теоретические основы словообразования в немецком языке / М.Д. Степанова, В. Фляйшер. – Москва: Высшая школа, 1984. – 264 с.

6. Цима Л.І. Взаємодія англійських та французьких запозичень у сучасній німецькій мові / Л.І. Цима // Проблеми семантики слова, речення та тексту. – К.: Вид. центр Київськ. нац. лінгв. ун-ту. – 2000. – Вип 6. – С. 164–167.

7. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка: Учебник для студентов и факультетов иностранных языков / И.В. Арнольд. – 3-е изд., перер. и доп. – М.: Высшая школа, 1986. – 296 с.

8. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского язика / В.И. Заботкина. – Москва: Высшая школа, 1989. – 126 с.

9. Stepanova M.D. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. – 2., verb. Aufl. / M.D. Stepanova, I.I. Černyševa. – Moskau: Vysšaja Škola, 1986. – 247 S.

10. Алексейчик Г.М. Современный русский язык: Лексикология. Фразеология. Лексикография. Фонетика. Орфоэпия. Графика. Орфография: учебное пособие / Г.М. Алексейчик, Н.И. Астафьева, И.А. Киселёв и др. – Мн.: Изд. Вышэйшая школа, 1990.

11. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминоэлементов / Д.С. Лотте. – М.: Наука, 1982. – 149 с.

12. Lehnert M. Der angloamerikanische Einfluß auf die Sprache der beiden deutschen Staaten / M. Lehnert. – Die amerikanische Bildungselite des 19. Jh. und ihr Image von Dresden / E.Brüning. – Berlin: Akademie-Verlag. – 1991. – S. 5–20.

13. Richard M. Hogg. The Cambridge History of the English Language. Vol. 1: The Beginnings to 1066 / Richard M. Hogg. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

14. Homberger D. Sachwörterbuch zur Sprachwissenschaft / D. Homberger. – Stuttgart, 2003.

15. Duden – Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. – Режим доступу: http://www.duden.de/rechtschreibung/Claim

16. Акуленко В.В. Интернациональные элементы в лексике и терминологии / В.В. Акуленко. – Харьков: Высшая школа, 1980. – С. 10–42.

17. Кияк Т.Р. Запозичення та інтернаціоналізми у фахових мовах / Т.Р. Кияк // Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка. – 2006 / Режим доступу: http://eprints.zu.edu.ua/1068/1/06ktpifm.pdf

В статье рассмотрена специфика функционирования английских терминологических заимствований и их типов в немецкой отраслевой лексике по экономике. Типы лексических заимствований

исследуются на фоне лексических изменений в подразделах экономики с особо активным заимствованием англо-американизмов.

Ключевые слова: лексическая единица, термин, англо-американизм, заимствование, полное заимствование, калька.

The article considers the particularities of the English terminological loanwords in the German language of economics. It analyzes the types of lexical loanwords due to lexical changes in the economic domains which actively borrow Anglo-Americanisms.

Key words: lexical unit, term, Anglo-Americanism, borrowing, complete borrowing, loanword.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

УДК 811.111

С.С. ТРУСОВ,
аспірант кафедри іноземних мов
Центру наукових досліджень і викладання іноземних мов НАН України,
провідний спеціаліст міжнародного департаменту
Секретаріату Уповноваженого Верховної Ради з прав людини

АНГЛОМОВНИЙ ДИСКУРС РАДИ ООН З ПРАВ ЛЮДИНИ ЯК РІЗНОВИД ІНСТИТУЦІОНАЛЬНОГО ДИСКУРСУ

Статтю присвячено розгляду деяких питань, пов'язаних із соціолінгвістичною природою інституціонального дискурсу як такого та, зокрема, дискурсу Ради ООН з прав людини. Цей дискурс розглядається як складно організована статусно-рольова комунікація, яка спрямована на вплив на її учасників з метою забезпечення захисту прав людини.

Ключові слова: дискурс, тип дискурсу, підвид дискурсу, дискурс Ради ООН з прав людини, лінгвальні та соціальні функції дискурсу в галузі прав людини.

За останні декілька десятиліть інтенсивних розвідок у напрямі вивчення дискурсу у світовій і вітчизняній лінгвістиці склалась потужна школа дискурсології. Втім залишаються відкритими багато питань щодо визначення і характеризації численних різновидів дискурсу та їх підвидів. Це повною мірою стосується англомовного дискурсу Ради ООН з прав людини, який ми відносимо до інституціонального дискурсу. Значущість досліджень інституціонального дискурсу на сучасному етапі визначається зростаючою роллю дискурсивних студій спілкування в просторі англійської мови, спрямованих на розробку лінгвотеоретичних проблем комунікації.

Інтерес до мови як явища соціального – одна з особливостей сучасного мовознавства. Один з основоположників соціологічного напряму науки про мову А. Мейе на початку минулого століття зробив висновок, що зрозуміти мову «можна лише з урахуванням її соціальної природи».

Інституційним вираженням дискурсу прав людини є англомовний дискурс Ради ООН з прав людини (АДРООНПР). Базові концепти, які вербалізуються у цьому дискурсі, формують «деонтичну настанову», «політичні цілі, які впливають на сприйняття світу і відносин з державою з боку індивідів, які починають використовувати елементи дискурсу прав людини у дискурсі персональному – на буттєвому рівні» [1, с. 14].

Прогрес у вивченні соціальної природи мови з того часу втілився у відносно самостійній складовій науки про мову – соціальній лінгвістиці, предметом якої є вивчення форм існування мови у її соціальній обумовленості, суспільних функцій і зв'язків мови з соціальними процесами, залежності мови від них і їх відображення в її членуванні і структурі [2, с. 471].

Виходячи з цього, у статті зроблено спробу визначити соціологічні особливості використання англійської мови в умовах Ради ООН з прав людини (РПЛ). З цією метою об'єктом дослідження обрано англомовний дискурс РПЛ. Характерною соціологічною особливістю РПЛ є те, що офіційними – робочими мовами цього міжнародного органу є 6 мов: англій-

© *С.С. Трусов, 2012*

ська, французька, іспанська, російська, арабська і китайська. Проте вибір саме англомовного дискурсу зроблено на підставі аналізу робочого матеріалу дослідження, в результаті якого автором було виявлено тенденцію домінування англійської мови як «загальної» робочої мови Ради ООН з прав людини (під час дискусій і обговорень у ході 17-ї сесії (30 травня – 17 червня 2011 р.) РПЛ більше 60% учасників виступали англійською мовою) [3].

Вивчення мови «в її соціальному контексті» (У. Лабов), тобто вивчення того, як мовою користуються люди, які належать до тієї або іншої спільноти (В.И. Беликов, Л.П. Крысин), пов'язано з рішенням таких загальних і конкретних проблем соціолінгвістики, як вивчення соціально обумовленого варіювання мови, опис групових мов та мовленнєвої поведінки людини як члена соціальної групи, вивчення соціальних умов вибору різних форм ввічливості і впливу соціальних ролей на мовленнєву поведінку тощо.

У результаті проведеного соціолінгвістичного аналізу, ми можемо охарактеризувати дискурс Ради ООН з прав людини (головного органу ООН у галузі прав людини та допоміжного органу Генеральної Асамблеї ООН) як статусно-рольову комунікацію, мета якої – сприяння загальній повазі та захисту прав та основних свобод людини для всіх на справедливій та рівній основі. За Резолюцією 48/141 Генеральної Асамблеї ООН «Про запровадження посади верховного комісара з заохочення й захисту всіх прав людини» (прийнята 20.12.93 на 48-й сесії Генеральної Асамблеї ООН), така комунікації відбувається навколо розгляду ситуацій, пов'язаних з порушенням прав людини, включаючи грубі та систематичні порушення, та надання щодо них своїх рекомендацій, сприяння розвитку міжнародного права у сфері прав людини, ухвалення рішень та формування політики у сфері просування та захисту прав людини, забезпечення ефективної координації та інтеграції діяльності, що стосується прав людини, у рамках системи ООН.

Вище наведено задекларовані цілі дискурсу РПЛ, проте як спостерігач упродовж декількох років за роботою цього міжнародного органу та на підставі проаналізованого матеріалу, автор має підстави стверджувати, що мета цього дискурсу також пролягає і у політичній площині: соціальний контроль (створення передумов для уніфікації поведінки, думок, почуттів і бажань великої кількості соціальних груп (універсалізація світової свідомості); легітимізація дій та політики влади (визнання учасниками дискурсу РПЛ влади як такої, що вдається до системних та грубих порушень прав людини, дає підстави іншим країнам для проголошення її нелегітимною – приклад Лівійської Арабської Джамахерії); орієнтація (через формулювання завдань і викликів сучасності – формування реальності у свідомості міжнародної спільноти); соціальна солідарність або диференціація (відчуження соціальних груп, які вдаються до грубих порушень прав людини); агональна (ініціювання та вирішення соціального конфлікту) [4]. Важливою особливістю дискурсу РПЛ є те, що цей вид інституційного дискурсу перетинається з багатьма іншими. Дискурс РПЛ перетинається з політичним – боротьба за владу над ідеями між різними соціальними групами всередині цього дискурсу; юридичним – вироблення правових норм та стандартів (конвенцій, факультативних протоколів до них) у сфері міжнародного права прав людини; дипломатичним – налагодження та підтримання конструктивних і продуктивних діалогу і співпраці між учасниками дискурсу; науковим – залучення науковців як доповідачів або незалежних експертів.

Оскільки залежно від того, у процесі якого спілкування – особистісного чи статусного – формується дискурс, дискурси можуть бути особистісними (неінституційними) та інституційними [5].

Інституційний дискурс – статусно-орієнтований. Інституційний дискурс являє собою спілкування представників різних соціальних груп в обумовлених рамках статусно-рольових відносин і виокремлюється на підставі двох ознак: мета і учасники спілкування [6].

Дискурс РПЛ характеризується інтерактивністю: спілкування базової пари, рівної за статусом – представниками держав-членів Ради, а також між статусно нерівними – мандатарії спеціальних процедур з членами Ради та спостерігачами, спостерігачі з членами Ради, члени Ради з Головою РПЛ тощо.

Опис різних видів інституціональних дискурсів, які обслуговують суспільні інститути, перебуває в активний динаміці. У рамках соціолінгвістичної дослідницької парадигми є праці, в яких аналізують такі види дискурсів, як політичний (Т. ван Дейк, Р. Водак, Е.И. Шей-

гал, М.Р. Желтухина, М.Ю. Кочкин, А.Н. Райкова), військово-політичний (А.В. Олянич), педагогічний (В.И. Карасик, О.В. Коротеева, О.А. Каратанова), медичний (Л.С. Бейлисон) тощо. Цей перелік не є строгим або усталеним, ми бачимо як він піддається змінам і розширенню.

Дискурс РПЛ є інституційним за наявністю інших конститутивних ознак, а саме: специфічних обставин спілкування, що відбувається в межах регулярних і спеціальних сесій Ради; хронотопом дискурсу РПЛ є Палац Націй, що у Женеві, зала XX, сесії відбуваються тричі на рік (весна, літо, осінь).

Говорячи про дискурс РПЛ як інституційний, необхідно також зазначити шаблонність його побудови. Як і будь-який інший дискурс, дискурс РПЛ має будову у вигляді поля, в центрі якого знаходяться ті жанри, які макимально відповідають основному призначенню цієї комунікації – просування і захист прав людини: заслуховування доповідачів, колективний огляд УПО, проведення тематичних обговорень (день прав дитини, день прав жінок, інвалідів тощо).

З позицій соціолінгвістики дискурс – це спілкування людей, що розглядається з погляду їх приналежності до тієї чи іншої соціальної групи або стосовно тієї чи іншої мовленнєвої поведінки; або ж як цілеспрямована соціальна дія, компонент, що бере участь у взаємодії людей і механізмах їх свідомості (когнітивних процесах) [7, с. 130–133]. До складу РПЛ входять 47 держав-членів, які обираються на основі принципу справедливого географічного поділу більшістю членів ГА ООН шляхом прямого таємного голосування. Місця в Раді розподіляються таким чином: група африканських держав – 13 місць, група азійських держав – 13 місць, група держав Латинської Америки та Карибського басейну – 8 місць, група східноєвропейських країн – 6 місць та група західноєвропейських країн – 7 місць [8].

Матеріали цього дослідження вказують на те, що дискурс РПЛ має здебільшого характер багатоакторного форуму, одним з фундаментальних, з точки зору організації дискурсу, принципів якого є діалог. Цікаво, що лексема «dialogue» (англомовний номінатив цього принципу спілкування) зустрічається у кожному виступі дипломатів та посадовців ООН. Частотними похідними сполученнями із лексемою «dialogue» є: «constructive dialogue» (вживане у 99% проаналізованих текстів; вживане двічі в 20%, тричі – 5%), «objective dialogue» (вживане у 67% текстів, двічі – 2 %); та «unbiased dialogue» (у 64,5%, випадків повторного використання не зафіксовано). Наведені лексеми є безперечними гармонійними центрами мовленнєвих творів цього дискурсу.

У дискурсі РПЛ кожен учасник має свою мету. В різних жанрах цього дискурсу цілі можуть відрізнятися. Серед цілей дискурсу РПЛ можна виділити такі: визначити проблемну ситуацію і виділити предмет вивчення (сесія, спеціальна сесія, дискусія); проаналізувати історію питання, що розглядається (доповідь Спеціального доповідача, мандатарія Спеціальних процедур, Незалежного експерту, Спеціального представника Генерального секретаря ООН); дати оцінку проведеному дослідженню (сесія, спеціальна сесія, дискусія); ухвалити висновки та рекомендації (голосування резолюції).

Головним чином своє завдання учасники дискурсу вбачають у вербально вираженій дії: «promote» та «protect», «advance» та «strengthen», «support» та «assist», «cooperate» та «discuss», «respond» та «remedy», «prevent» та «fight against», «advance» та «enhance», «encourage» та «urge», «commend» та «condemn» тощо.

Основною цінністю англомовного дискурсу РПЛ, його центральним, основоформуючим концептом є «human rights», причому у більш широкому розумінні учасників комунікації цей концепт має такі лексично виражені характеристики, як universal, interrelated та interdependent.

Виходячи з того, що соціолінгвістичний підхід до вивчення дискурсу передбачає проведення аналізу учасників спілкування як представників різних соціальних груп і аналіз умов спілкування в широкому соціокультурному аспекті, автором було виявлено таке.

Учасники англомовного дискурсу РПЛ: дипломати (вони є членами Ради і безпосередньо приймають рішення), високопосадовці країн (політики), посадовці ООН (Верховний комісар ООН з прав людини, Спеціальні представники Генерального секретаря ООН), мандатарії Спеціальних процедур РПЛ (Спеціальні доповідачі, Незалежні експерти), Головуючий сесії (один з представників країн-членів РПЛ; його виокремлення пояснюється нижче), національні інституції з прав людини (омбудсмани, правозахисні комісії, медіатори, захисники

прав людини), неурядові правозахисні організації (науковці, правозахисники, юристи), міжурядові організації (ЄС, Організація ісламської конференції, Африканський Союз, МЕРКОНСУР, Рух неприєднання тощо) та перекладачі, які, як зазначив у своєму виступі Голова Ради на відкритті 17-ї сесії, є «незамінними провідниками» комунікації цього форуму, але з точки зору впливу на формування дискурсу, як вважає автор, є пасивними.

Представники держав, які не членами РПЛ, міжурядових організацій, національних інституцій з прав людини та неурядових організацій мають статус спостерігачів.

У більш широкому розумінні статус учасників дискурсу розкривається через звернення до них, які йдуть у традиційній послідовності: *Mr. President, Distinguished Members, Your Excellencies, Colleagues, Ladies and Gentlemen*, хоча учасники англомовного дискурсу РПЛ не обов'язково перелічують їх усіх у своїх виступах, але як показало дослідження послідовність є строгою.

Цікавою особливістю виступів на РПЛ є те, що Головуючий на сесіях Ради виступає як суперагент комунікації про що свідчать повторювані звернення до аудиторії через нього.

Серед учасників дискурсу РПЛ представлена майже уся різноманітність культур (західноєвропейська, арабська, африканська, латиноамериканська, східна), політичних систем, релігійних вірувань (християни, мусульмани, іудаїсти, буддисти, індуїсти), соціально-економічного розвитку (постіндустріальні, індустріальні, країни, що розвиваються, нерозвинуті країни).

Як показують результати дослідження, це має безпосередній вплив на концептуальне наповнення англомовного дискурсу РПЛ.

Лексичними домінантами/базовими концептами дискурсу є такі номінативи, як *human rights, democracy, accountability, impunity, international law, human rights violations, freedom, justice, transitional justice, development, civiliance, dialogue, discrimination, human rights situations, transitional justice, humanitarian assistance, civil, political, social, economic and cultural rights, rule of law, good governance, reform, reconciliation, consensus, security*.

Як було виявлено в ході дослідження, ці базові концепти англомовного дискурсу РПЛ є головними соціальними цінностями, для реалізації яких Рада з прав людини виробляє універсальні підходи та сприйняття, формуючи таким чином «деонтичну настанову», в її філософському розумінні відомим соціологом Максом Вебером (він їх називає «політичними цілями»). Так, ми також бачимо вплив англомовного дискурсу РПЛ на конструювання деонтичної картини сучасного світу [9, с. 154–165; 1].

Виявлення цих базових концептів/цінностей англомовного дискурсу РПЛ дозволило автору статті побачити лексичні особливості мови учасників цього дискурсу, зумовлені їх належністю до тих чи інших соціальних груп.

Так, наприклад, особливий наголос представники західних демократичних країн роблять на *civil and political rights, repressions, freedom of expression, freedom of assembly, transitional justice, civil society, international crime, illegal immigration, peace and security.*

У свою чергу, країни, що розвиваються та Сходу (або як їх прийнято на міжнародному рівні називати – країни Півдня) активно застосовують такі лексичні номінації*: social, economic and cultural rights, right to development, sovereignty and integrity of state, racism, xenofobia, poverty, equality and mutual respect, respect for self-determination, sustainable growth, double standards.*

Особливим чином англомовний дискурс РПЛ наповнюють представники мусульманських країн та арабського світу, говорячи про *religious intolerance, defamation of religion, freedom of religion, occupation of Palestinian and other arab territories, Holly Koran.*

Тобто ми бачимо чітку межу між загально дискурсивними цінностями та соціально-специфічними цінностями англомовного дискурсу РПЛ.

Дуже важливим з точки зору інституційної природи англомовного дискурсу РПЛ є соціолінгвістичний аналіз мови Верховного комісара ООН з прав людини та Головуючого сесії РПЛ.

При лінгвістичному аналізі виступів Верховного комісара ООН з прав людини, що відіграє роль лідера/провідника в роботі Ради з прав людини, автор побачив її особливість в консолідуючій ролі інституційного англомовного дискурсу РПЛ, адже переважна більшість вищеозначених лексичних одиниць знайшла в них відображення. З цього також мож-

на зрозуміти дискурсивні цілі Верховного комісара: консолідація учасників дискурсу в просуванні та захисті прав людини як універсальних цінностей, підтримання конструктивного і об'єктивного діалогу та оцінці подій у сфері прав людини у світі. Більше того, простежується дискурсоформуюча функція Верховного комісара, яка наповнила дискусію 17-ї сесії Ради з прав людини такими лексичними одиницями, як *Arab spring, historical wind of change, peaceful revolutions, legitimate aspirations of people.* На цьому прикладі ми також бачимо вплив змін у суспільно-політичній сфері світу на формування дискурсу РПЛ. Як зазначав у своїй публікації А.М. Баранов: «Мова є суспільним явищем, тому зміни політичного, економічного та соціального характеру, що відбуваються у суспільстві, знаходять у ній своє відображення» [10, с. 8].

Лексичні особливості мови Головуючого сесії зумовлені його основною функцією, яка полягає в координації та організації засідань та дискусій учасників сесії РПЛ, забезпеченні дотримання інституційних правил та норм, скеровування дискусій відповідно до узгодженого порядку дня. Він говорить про *items of agenda, organisation of general debate, interactive dialogue, panels, follow-ups, constructive spirit of discussions.*

Досліджуючи тексти виступів, промов та доповідей Спеціальних представників Генерального секретаря, Незалежних експертів, Спеціальних доповідачів з тематичних питань (двох останніх прийнято називати mandate holders of Special procedures – мандатарії Спеціальних процедур), автор дійшов висновку, що разом з більш тематично звуженим використанням базових концептів і цінностей англомовного дискурсу РПЛ у своїй мові (наприклад, у галузі прав дітей, боротьби проти торгівлі людьми, бізнесу та прав людини, незалежності суддів та адвокатів) можна виділити специфічні для них цінності і концепти, як то: *standards, norms, challengies, guiding principles* та *recommendations.* Враховуючи це, можна виділити їх основні цілі: інформування, вироблення норм та рекомендацій, просування та сприяння об'єктивному аналізу їх тематичного питання учасниками сесії РПЛ. Спеціальні представники та мандатарії Спеціальних процедур – це здебільшого досвідчені вчені в тій чи іншій тематичній галузі, експерти, які хоч і представляють різні регіони світу і культури, намагаються зробити свою мову об'єктивною і незаангажованою, як показало дослідження.

Говорячи про результати соціолінгвістичного аналізу інших учасників англомовного дискурсу РПЛ – національні інституції з прав людини та неурядові організації – автор вважає за необхідне відзначити зроблений висновок про те, що вони, як і Спеціальні представники і мандатарії Спеціальних процедур, говорять про специфічні тематичні питання, що певним чином обмежує їх вплив на англомовний дискурс РПЛ в загальному плані, проте дозволяє дуже активно впливати на обговорення окремих тематичних питань або ситуацій та надавати незалежну інформацію з місця подій (from the field), а також закликати членів Ради звернути увагу на конкретну проблему. Дуже часто результатом їх дій є проведення днів, присвячених конкретному праву людини або категорії людей, Спеціальних сесій тощо.

Соціолінгвістичні особливості цих учасників дискурсу можна порівняти з тими, про які йшла мова в контексті порівняння лексичного наповнення мови представників різних регіонів та культур. Необхідно підкреслити той результат проведеного дослідження, який показав, що англомовний дискурс РПЛ є результатом наукового, ідеологічного та релігійного осмислення політичних і соціокультурних реалій сучасного світу, адміністративної діяльності Ради ООН з прав людини, та те, що цей різновид інституційного дискурсу дуже активно та швидко реагує на зміни, які відбуваються у світі.

Список використаної літератури

1. Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / М. Вебер; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

2. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / А. Мейе. – М.-Л., 1938. – 471 с.

3. UN Human Rights Council. – Режим доступу: http://www.un.org/webcast/unhrc/archive.asp?go=110606

4. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Е.И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 175 с.

5. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 273 с.

6. Карасик В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.

7. Моісєєва Н.О. Політичний дискурс – форма соціальної взаємодії / Н.О. Моісєєва // Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. – С. 130–133.

8. Рада ООН з прав людини (довідка) [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.mfa.gov.ua/data/upload/news/mfa/ua/13015/humanrights.doc

9. Малиновська І.В. Світоформуючий дискурс в аспекті інтердискурсивності (на прикладі дискурсу політичної філософії і прав людини ООН) / І.В. Малиновська, С.С.Трусов // Лінгвістика XXI століття: нові дослідження і перспективи, Національна академія наук України: Центр наукових досліджень і викладання іноземних мов. – К.: Логос, 2010. – С. 154–165.

10. Баранов А.Н. Что нас убеждает? / А.Н. Баранов. – М.: Знание, 1990. – 63 с.

Статья посвящена рассмотрению некоторых вопросов, связанных с социолингвистической природой институционального дискурса как такового и, в частности, дискурса Совета ООН по правам человека. Данный дискурс рассматривается в качестве сложно организованной статусно-ролевой коммуникации, направленной на воздействие на ее участников с целью обеспечения защиты прав и свобод человека.

Ключевые слова: дискурс, тип дискурса, подвид дискурса, дискурс Совета ООН по правам человека, лингвальные и социальные функции дискурса в области прав человека.

Addressed have been a number of issues concerning sociolinguistic nature of the institutional discourse in general as well as the UN Council on Human Rights in particular. The above discourse is understood as a complex status and role system of communication aiming at influencing its participants in order to ensure human rights and freedoms.

Key words: discourse, type of discourse, institutional discourse, UN Council on Human Rights discourse, lingual and social functions of human rights discourse.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

УДК 81’37.811.111

Л.Л. РИТІКОВА,
старший викладач кафедри англійської мови
для технічних та агробіологічних спеціальностей
Національного університету біоресурсів і природокористування України

О.С. СИРОТІН,
старший викладач кафедри
української, англійської та латинської мов імені М.О. Драй-Хмари
Національного університету біоресурсів і природокористування України

ОСОБЛИВОСТІ ФОРМУВАННЯ БІОТЕХНОЛОГІЧНОЇ ТЕРМІНОЛОГІЇ

Статтю присвячено дослідженню молодої терміносистеми біотехнології та загальних тенденцій її розвитку в англійській мові.

Ключові слова: терміносистема, біотехнології, терміносфера, понятійна парадигма.

В останні десятиліття стрімко зріс інтерес лінгвістів і фахівців різних галузей науки і техніки до проблем галузевих терміносистем, що пояснюється зростаючим потоком наукової і технічної інформації, процесами інтеграції наук, посиленням процесів термінотворчості.

Останній чинник особливо важливий для біотехнології у зв'язку із загостренням екологічних проблем, виснаженням запасів невідновних енергоресурсів, зростанням цін на них. Усе це зумовило глобальний інтерес до проблеми біобезпеки, а саме захищеності суспільства, цивілізації й довкілля від шкідливої дії біологічно небезпечних організмів та їхніх продуктів, що містяться в природних або генно-інженерно-модифікованих біологічних об'єктах.

Часто обговорюються проблеми термінології і у зв'язку з наростаючим застосуванням комп'ютерних технологій для створення банків термінологічних даних, електронних галузевих словників. Сьогодні найбільшу популярність отримують видання змішаного типу (галузеві словники на електронних та паперових носіях), які поєднують у своїй структурі характеристики тлумачних довідників, навчальних, перекладних та ідеографічних словників, що надають користувачеві швидкий доступ до потрібної інформації. Тому одне з головних завдань сучасної термінографії полягає в пошуку набору лексикографічних параметрів, які б забезпечили оптимальне поєднання кількох типів словників в одному. Створення подібних словників і банків даних неможливе без стандартизації та уніфікації термінологічної лексики, вивчення лінгвістичних проблем термінології, виявлення особливостей терміновиробництва в кожній конкретній області знання. Це **з**умовлює «необхідність поглибленого вивчення і подальшої розробки методологічних аспектів розбудови термінології» [1, с. 15].

Сьогодні «вже не викликає сумніву, що для правильного, науково обгрунтованого вирішення термінологічних проблем необхідно вивчати термінологію, виходячи з визнання її природності й закономірності існування в системі загальнонародної мови. З огляду на це дослідження питань термінології повинне проводитися як лінгвістами, так і термінологами – представниками відповідних областей науки і техніки» [2, с. 131].

© *Л.Л. Ритікова, О.С. Сиротін, 2012*

Як інструмент, засобом якого формуються наукові теорії, закони, принципи, положення, терміни та їх сукупності, термінологія є важливою складовою частиною науки і техніки [3, с. 9].

Оскільки наука визначається як мислення, побудоване на дослідженнях, кожен етап цього дослідження закріплюється в термінах – продуктах розумової діяльності людини.

Слід зазначити, що «термінологічна лексика є особливим шаром спеціально культивованої лексики, яка сприяє розвитку науки і культури народу» [4, с. 229]. Тому він потребує систематичного перегляду й упорядкування не лише в окремих національних мовах, але й на міжнародному рівні. Теоретична та практична робота в області термінології, яка ведеться у світі, свідчить про те, що їй надається величезне значення як важливій галузі, що сприяє міжнародній співпраці в царині наукової й виробничої діяльності.

Проблеми теоретичних основ ідеографічного описання лексики та термінології розглядали у своїх дослідженнях О.О. Реформатський, Г.О. Вінокур, С.І. Ожегов, Д.С. Лотте, С.І. Коршунов, Ю.Н. Караулова, С.Є. Нікітіна, Н.В. Васильєва, А.В. Прохоров, І.М. Гетьман, В.Д. Табанакова та інші.

В українській лінгвістиці за останнє десятиліття англомовне термінознавство представлене численними працями із різних галузей суспільної діяльності: кібернетики, економіки, медицини, лінгвістики тощо. Водночас англомовна термінолексика сфери біотехнології майже не досліджувалася у вітчизняному термінознавстві.

Спостереження за розвитком підмов науки і техніки, опис нових засобів позначення у відповідних терміносистемах, укладання й поповнення різногалузевих термінологічних словників – одне з головних завдань лінгвістики й лексикографії в галузі термінології.

Розв'язання теоретичних завдань – визначення природи термінів як знаків спеціальних понять, виявлення дериваційного потенціалу термінологічної лексики, дослідження загальних тенденцій розвитку терміносистем – перебуває в центрі уваги цілого ряду дослідників. Аналізові піддаються різні галузі знань.

Біотехнологічна термінологія, що є предметом нашого дослідження – це молода терміносистема, яка перебуває на етапі формування, тому вивчення загальних тенденцій розвитку термінологій в англійській, українській та російській мовах та окремих її особливостей цікаве, на наш погляд, як з теоретичного, так і практичного поглядів. Вивчення словотвірних і синтаксичних типів термінів біотехнології з погляду їхньої продуктивності/непродуктивності, дослідження дериваційного потенціалу сучасних термінів біотехнології, виявлення синтагматичних і парадигматичних відношень та зв'язки термінів на різних рівнях ієрархії є актуальним проблемами.

Формування терміносистеми з біотехнології тісно пов’язане з формуванням самої біотехнології як наукової галузі. Незважаючи на те, що біотехнологія виникла наприкінці XX ст., її терміносистема є утворенням, пов’язаним з усім перебігом розвитку генетично-біологічної проблематики, починаючи від античних часів.

Методологія біотехнологічних досліджень сприяла зближенню природничо-наукових і гуманітарних наук, а також фундаментальній і прикладній науковій діяльності. У результаті на початку XXI ст. біотехнологія трансформувалася в комплексну інтеграційну науку, що об’єднує декілька десятків розділів і напрямів. Біотехнологічна термінологія містить велику кількість термінів, запозичених із термінологій суміжних дисциплін – біології, генетики, екології, біоетики, філософії, соціології, психології, юриспруденції.

З погляду формального вираження велика кількість біотехнологічних термінів складена з використанням терміноелементів греко-латинського походження, яки є запозиченими з термінологій біології та генетики.

Оскільки термінологія біотехнології має широкі та розгалужені семантичні зв'язки з суміжними термінологіями, чітку межу між нею та іншими провести неможливо.

Після необхідних уточнень було сформовано робочий варіант термінології аграрної біотехнології, який становить головний об'єкт нашого дослідження, в обсязі 500 одиниць.

За своєю структурою біотехнологічні терміни розподіляються так: однослівних лексем – 251, словосполучень – 249.

Серед однослівних термінів є прості слова – (24 %), похідні – (38 %), складні – (38%).

Переважають такі словотвірні суфікси:

-ion *(bioaugmentation, bioremediation, pollination, hybridization, polymerization, population, selection, expression, recombination, replication, reproduction, transcription, transformation, translation, duplication),*

-ing *(cloning, splicing, sequencing, inbreeding, engineering, crossing (breeding), mapping, profiling),*

-ance (-ence) *(dominance , inheritance, sequence, resistance),*

-er *(transfer, marker),*

Частіше вживаються таки словотвірні префікси:

anti- *(antibiotic, antibody, anticodon, antigen, antimicrobial, antisense RNA, anti-oncogene),*

trans- *(transgenic, transcription, transformation, translation),*

re- *(regeneration, replication, remark (replica), recombinant,recombination).*

Двочленні словосполучення, тобто терміни, до складу яких входять два повнозначних слова, належать, головним чином, до таких структурних типів:

N + N *(nucleotide sequence, pesticide resistance, resistance management, semantic codon, stem cell, radiation genetics, gene therapy),*

A + N *(structural gene, asexual reproduction, bacteriostatic agent, biological resourses, monoclonal antibody),*

N + Prep + N *(culture of cells, hybridization of cells, labeling of foods),*

Past Participle + N (*biobased products, linked genes/markers, relaxed plasmid, conserved sequence, applied research),*

Present Participle + N (*flanking region, joining (J) segment, immortalizing oncogene, reading frame, transforming oncogene),*

N + Gerund *(cell engineering, gene splicing, mutation breeding, molecular farming, cromosome walking, antigenic switching, alternative splicing).*

Серед тричленних словосполучень зустрічаються власне словосполучення та лексичні одиниці з перехідним статусом: *gene expression profiling, genetically modified organism, plant-incorporated protectants, single nucleotide polymorphisms, herbicide-tolerant crop, polymerase chain reaction, recombinant DNA molecules, recombinant DNA technology, soil conservation practices, open reading frame, variable surface glycoprotein.*

Серед тричленних словосполучень невелику кількість становлять прийменникові конструкції: *vertical transfer of genes.*

Серед термінів, що складаються з чотирьох слів, так само зустрічаються власне словосполучення та лексичні одиниці з перехідним статусом: *restriction enzyme cutting site, restriction fragment length polymorphism.*

Серед термінів-словосполучень найбільшу частку складають двохслівні – їх налічується 234. Трислівних термінів – 31. Решта – 4 словосполучення з чотирьма компонентами. Максимальна кількість слів у складі терміна – чотири.

Такий розподіл термінів за лексичною довжиною цілком узгоджується із типовими значеннями: за даними С. В. Гриньова 98–99% термінологічної лексики складають терміни, довжина яких не перевищує 4 слів [5, с. 128].

Найбільш типовими значеннями лексичної довжини є 1–3 основи, вони складають майже 99% від загальної кількості термінів біотехнології. Найтиповішими значеннями словотвірної довжини є 1–5 морфем (близько 97%). Найтиповішими значеннями графічної довжини є 7–20 літер (82%).

Розподіл термінів біотехнології за лексичною, словотвірною та графічною довжиною свідчить про те, що у цій сфері лексики, так само, як у мові загалом, відбуваються оптимізаційні процеси. Структурно простіші й коротші терміни є зручними для користування, але можливостей комбінування двох-трьох морфем чи п'яти-шести літер замало для найменування величезної кількості фахових понять. Коротші терміни не завжди задовольняють користувача також з погляду точності, оскільки досить важко виразити зміст складного поняття через дві-три ознаки, враховуючи, що для характеристики однієї ознаки потрібна щонайменше одна коренева чи словотвірна морфема. З іншого боку, довгі терміни, які надають більші можливості для адекватного відображення великої кількості складних фа-

хових понять, «відштовхуються» мовою згідно з законом економії мовленнєвих зусиль. Отже, у процесі становлення та розвитку термінології внаслідок свідомого чи несвідомого відбору, зокрема, внаслідок конкуренції між термінами, перевага надається термінам не найкоротшим і не найдовшим, а таким, довжина яких становить приблизно 20–50% від максимальної. Одиниці меншої довжини функціонують у мові для створення найбільш важливих і часто вживаних термінів (що відповідає вимогам економії зусиль), а більшої – термінів для вираження особливо складних, але рідше вживаних понять (що відповідає вимогам точності).

Дослідники відзначають неухильне зростання й поширення багатокомпонентних термінів у мові науки, зумовлене необхідністю віддзеркалення нових відкриттів, їх інноваційного впровадження у всі сфери життя соціуму. Багатокомпонентні терміни характеризуються здатністю ідентифікувати різноаспектні характеристики об'єкта на рівні видової/підвидової номінації без додаткового описового визначення: *living organ donation, artificial antibody library, plant-incorporated protectants, gene therapy, gene mapping, genomic library.*

Термінологія біотехнології негайно реагує на процеси, що відбуваються в суспільстві. Обговорення морально-етичних і екологічних проблем людства спричиняє проникнення в термінологію лексичних одиниць, в структурі яких присутнє відношення до предмету/явища, що позначається, з боку суб'єкта мови.

Наприклад, *ecological risk – екологічний ризик, environmentally-friendly – екологічно безпечний, нешкідливий для навколишнього середовища, acceptable risk – допустимий ризик, food safety – безпека продуктів харчування.*

Це явище цілком природне, оскільки, з одного боку, спостерігається взаємодія термінології біотехнології та загально-літературної мови, а з іншої – у наявності зростання рівня екологічної і морально-етичної свідомості в сучасному суспільстві. Цікаво зіставити високий відсоток екологічно значущої термінології порівняно з термінами, що маркують морально-етичний аспект використання біотехнології. Такий дисбаланс пояснюється відсутністю офіційно стандартизованих, точно диференційованих термінологічних одиниць в понятійній парадигмі біотехнологічної науки, що склалася.

Таким чином, можна зробити висновок, що англомовна терміносистема біотехнології формується на перетині терміносистем усіх об'єднаних нею природничо-наукових і гуманітарних наук, тому біотехнологічна терміносистема має яскраво виражений інтердісциплінарний характер.

Хоча розробка біотехнології не є пріоритетом лише англо-американського наукового співтовариства, вона обслуговується виключно англомовною терміносферою, в якій провідне місце належить багатокомпонентним термінам, що семантично відображають глобальні і національно специфічні зміни в біологічній і біотехнологічній науці, в технологічному переозброєнні сучасного сільськогосподарського виробництва, харчової промисловості, медицини, успіхи в генній інженерії.

Список використаної літератури

1. Кулебакин В.С. Работы по построению научно-технической терминологии в СССР и советская терминологическая школа / В.С. Кулебакин, А.Я. Климовицкий // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970. – 230 с.

2. Гореликова С.Н. Природа термина и некоторые особенности терминообразования в английском языке / С.Н. Гореликова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2002. – № 6. – С. 129–136.

3. Волкова И.Н. Стандартизация научно-технической терминологии / И.Н. Волкова. – М.: Издательство стандартов, 1984. – 180 с.

4. Суперанская А.В. Общая терминология. Вопросы теории / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. – М.: Наука, 2004. – 246 с.

5. Гринев С.В. Современные исследования эволюции терминологий / С.В. Гринев // Научно-техническая терминология: сб. науч. трудов. – М.: Академия, 2003. – Вып. 2. – С. 124–132.

Предметом исследования статьи является молодая терминосистема биотехнологии и общие тенденции ее развития в английском языке.

Ключевые слова: терминосистема, биотехнологии, терминосфера, понятийная парадигма.

The subject of research of the article is young term system of biotechnology and general trends of its development in the English language.

Key words: terminology system, biotechnologies, terminology sphere, conceptual paradigm.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

УДК 811.161.1

О.Ю. БАЛАЛАЄВА,
старший викладач кафедри
української, англійської та латинської мов імені М.О. Драй-Хмари
Національного університету біоресурсів і природокористування України

ЛІНГВІСТИЧНІ ПРИЧИНИ ДЕЕТИМОЛОГІЗАЦІЇ

У статті розглядається деетимологізація як явище утрати первісної умотивованості слів. Досліджуються лінгвістичні процеси, що викликають і супроводжують деетимологізацію; аналізуються фонетичні, словотворчі та семантичні фактори, що сприяють розриву етимологічних зв'язків слів та перетворенню дериватів на етимоніми.

Ключові слова: деетимологізація, етимон, етимонім, етимологічний зв'язок.

Деетимологізацію слів як лінгвістичне явище вперше описав Л.А. Булаховський (на прикладі російської мови): «Більшою або меншою мірою близьке до етимологічно споріднених слів значення, що спочатку цілком чітко виступало у свідомості при уживанні слова, з часом може втратити здатність вступати з цими словами в значеннєвий зв'язок як своїми безпосередніми родичами. Одне слово, тобто певний звуковий комплекс і соціально приналежне йому значення як продукт психологічної обробки ряду значеннєвих елементів, що стали єдиним цілим, деетимологізується – перестає нагадувати інше слово або слова, з якими воно було раніше пов'язане, втрачає здатність осмислення разом з ними у складі одного гнізда, стає в лексичній системі мови більш ізольованим» [4, с. 148].

Деякі аспекти деетимологізації були предметом досліджень сучасних науковців: Н. Дьячок розглядає явище деетимологізації на прикладі конкретних номінатем [6], Н. Крилов досліджує деетимологізацію у межах морфологічного складу слова [7], В. Ляшчинська відстежує процеси деетимологізації на матеріалі фразеологізмів [8], Г. Цихун досліджує деетимологізацію у порівнянні з номінацією, В. Яровенко описує це лінгвістичне явище на прикладі складних слів [10]. Окреме місце в дослідженні проблем деетимологізації належить Т. Аркадьєвій, яка присвятила низку праць розробці концепції комплексного аналізу етимонімів [1–3].

Мета статті – розглянути та класифікувати лінгвістичні фактори, що викликають утрату первісної вмотивованості слів.

Недостатня вивченість деетимологізації зумовлена проблематичністю і складністю її природи. Ще Л.А. Булаховській указав на труднощі, які можуть виникнути при дослідженні деетимологізації. Передусім виникає питання про об'єктивність оцінки фактів: «Хто той, чиї свідомість і свідчення про збереження або розрив етимологічного зв'язку можуть служити для дослідника опорою у вихідних моментах його міркувань?» [4, с.147]. Дійсно, уявлення про наявність етимологічного зв'язку слів у лінгвіста і людини, менше досвідченої в питаннях філології, суттєво розрізняються. На думку Л. Булаховського, дослідник при вивченні явища деетимологізації повинен спиратися на носія мови, людину із середнім рівнем освіти. Науковець звернув увагу і на складності у встановленні критеріїв деетимологізації, адже

© *О.Ю. Балалаєва, 2012*

деякі етимологічні зв'язки можуть відчуватися не тільки як порушені, а й як слабкі, але не зовсім втрачені [4, с. 149].

У сучасній лексикології під деетимологізацією розуміють «явище, за якого відбувається втрата первісної вмотивованості слова, що спирається на його словотворчі зв'язки всередині етимологічного гнізда» [2, с. 4]. Для деетимологізації характерним і суттєвим є те, що вона є наслідком історичних змін у слові, а її результати представлені в сучасній мові.

У результаті деетимологізації однокореневі слова, у минулому члени однієї усвідомлюваної словотворчої парадигми, в сучасній мові перетворюються на етимоніми. Етимоніми – це лексичні одиниці сучасної літературної мови, що втратили колишні родинні зв'язки, первісну умотивованість і залишилися за межами мікроструктур, що існували на основі етимологічних словотворчих зв'язків [2, с. 5].

Універсальним елементом характеристики невмотивованих для сучасної мови слів вважається етимон. Етимон визначає значення слова в період його виникнення, установлюється за допомогою етимологічних даних і відсилає до етимолого-семантичного поля, що охоплює змістовну сторону однокореневих слів і полісемантів [2, с. 7]. Перетворення внутрішньої форми слова на етимон пов'язується з переходом слова до розряду невмотивованих найменувань. Утрата внутрішньої форми слова, супроводжувана рядом інших змін, – це одне з явищ, що складають сутність перетворення дериватів в етимоніми. Втрата відчуття компонента переносу в похідних значеннях багатозначного слова призводить до розпаду полісемії й утворення омонімів.

У дослідженні вторинних словотворчих зв'язків і лексико-семантичних мікросистем Т.Г. Аркадьєва особливе місце відводить процесам реетимологізації. Реетимологізація – це явище, за якого слово, що втратило зв'язки з етимологічним гніздом і словотворчою умотивованістю, у результаті вторинного осмислення зближається з гніздом співзвучних слів. Різновидами реетимологізації є:

1) народна етимологія, представлена найчастіше при переосмисленні запозичених слів *(спинжак «піджак»← спина; копітал «капітал»← копійка; англ. reindeer «північний олень» ← rein «упряж, запряжка» + deer «олень» (історично: сканд. hrenn «олень» + давньоангл. deer «тварина»); shamefaced «скромний, соромливий» ← shame + faced (історично: давньоангл. scam (modesty)+ faest (confirmed to)*;

2) довільна етимологія, представлена в дитячій мові *(чай – «чоловік чайки»);*

3) навмисна етимологізація, яка використовується в стилістичних цілях у художній літературі.

Питання про причини деетимологізації – одне із найбільш складних у вивченні цього явища. На це вказував ще Л.А. Булаховський: «Причини деетимологізації не завжди можуть бути точно визначені, а там, де вони розпізнаються – зазвичай складні і різноманітні» [5, с. 82]. Серед можливих факторів, що впливають на розпад етимологічних гнізд, він називав: матеріальні зрушення в значеннях; деякі особливості природи найменування (наприклад, за функцією предметів); нечіткість сприйняття при переході слів з однієї соціальної сфери в іншу; розбіжності стилістичних сфер уживання відповідних слів; деякі умовності структурного порядку; фонетичні зміни у слові [4, с. 149–150].

Таким чином, утраті первісної умотивованості слів, руйнуванню етимологічних гнізд сприяють як екстралінгвістичні, так і власне лінгвістичні фактори. На це вказував і М.М. Покровський: «Оскільки реальне життя змінює функції предметів, додаючи їм нові відмінні ознаки, ми часто спостерігаємо, що первісне етимологічне значення слів забувається, особливо якщо зник у мові корінь, від якого це слово походить» [9, с. 45].

Питання про причинно-наслідкові відносини в процесі перетворення однокореневих слів на етимоніми в сучасній лінгвістиці пов'язується зі складовими слова як у його зовнішній (фонетичній та структурній) оформленості, так і в змістовному плані. Це дозволяє класифікувати фактори, що супроводжують деетимологізацію, на фонетичні, словотворчі і семантичні [1, с. 8].

Розрив етимологічних зв'язків слів, їх деетимологізація в найбільш виразних проявах пов'язані з фонетичними змінами слова; перетворення значень слів викликаються, супроводжуються і підтримуються звуковим переоформленням слів. Інколи консервативна графічна форма дозволяє встановити вмотивованість, втрачену звуковим аспектом слова

(англ. forehead «лоб», cupboard «буфет»), однак частіше зміни торкаються і графіки *(англ. window ← wind + ease).*

За даними Т.Г. Аркадьєвої, близько 60% від загального числа випадків розриву словотворчих зв'язків і деетимологізації слів викликані фонетичними розбіжностями кореневої частини етимологічно споріднених слів [3, с. 11]. На процес розриву етимологічних зв'язків слів у східнослов'янських мовах впливали різні фонетичні закони: утрата кількісних змін голосних і перетворення чергувань, що склалися на цій основі (наприклад, *сипати – сопка – віспа)*, утрата дифтонгів (наприклад, *ріка – ринути – роїтися)*, процеси палаталізації приголосних *(початок – кінець)* та ін.

Однак пряму обумовленість деетимологізації фонетичні розбіжності слів створюють не завжди, тому повинні розглядатися в комплексі з іншою складовою зовнішньої форми слова – його словотворчою характеристикою. Деетимологізація визначається також зміною словотворчої норми, ступенем уживаності тих словотворчих засобів, що брали участь у творенні цього слова. Одним зі значущих факторів виникнення етимонімів є зникнення зі словникового складу сучасної мови вихідного кореневого слова словотворчого ряду. Цей процес послаблює, а потім і зовсім стирає структурно-семантичні зв'язки між похідними: «їхнє значення вже не може усвідомлюватися через відношення до значення твірного слова, а первісна словотворча умотивованість утрачає можливість опори на однокореневі за походженням слова». Наприклад: *туша – тил – потилиця* < тути (тыти) «жиріти», *втулка – сутулий – тулуб* < тулъ «сагайдак», *пестити* < *пест* «товкач» *, англ. mermaid* «русалка» < *mere + maiden.*

Однак структурно-семантична співвідносність слів забезпечується не тільки коренями, а й афіксами, що брали участь у їхньому творенні. Відповідність значення похідного слова тому, що пропонується йому семантичною схемою, спостерігається в словах із продуктивними афіксами. Ослабленню або втраті зв'язків, що забезпечують співвідносність твірного і похідного слова, сприяє перетворення афікса в непродуктивний для сучасної системи словотвору, а потім – у мертвий. Наприклад: суфікси -м- *(дим, корм, відьма)*, -н- *(вікно, вино*), -х- *(глухий)* та ін.

Зникнення вихідного кореневого слова або зміна його значення в історії мови, втрата універсальності і продуктивності афіксів або їх десемантизація викликають структурні і семантичні зміни в слові.

У визнанні слова етимонімом сучасної мови головним є зміна його значення, за походженням словотворчо обумовленого. Перетворення, пов'язані з деетимологізацією, відбиваються у сучасних характеристиках багатозначних слів або в переході багатозначного слова в однозначне і навпаки. У цих процесах спостерігаються різні перетворення парадигми значення – перестановки на рівні сем при стабільності обсягу, розширення або звуження семантичного обсягу слова. Наприклад, англ. *sweetmeats* (до середньоанглійського періоду слово *meat* означало будь-яку їжу), *spoon < спільногерм. spon* «паличка, скіпочка».

Одним з факторів, що сприяють деетимологізації, є семні рухи (семантичні зміни) у значенні слова. Синхронний зріз семантичних характеристик слова в сучасній мові може не містити етимон або виявляти його слабко вираженим. Співвідношення стрижневої семи / етимона з іншими компонентами, що входять у структуру значення слова, відбиває розрив етимологічних зв'язків слів. У випадку, якщо опорна ознака найменування стирається, перестає відігравати чільну роль у семантичному аспекті етимологічних словотворчих зв'язків, стрижнева сема утрачає свою первісну актуальність і може бути відзначена лише на периферії значення або зовсім не виявлятися в семантичному обсязі слова.

Т.Г. Аркадьєва виділяє такі семантичні процеси, що сприяють перетворенню дериватів на етимоніми: утрата стрижневої семи в структурі значень етимонімів; утрата стрижневої семи в периферійній частині значень етимонімів; трансформація стрижневої семи в структурі значень етимонімів розщеплення стрижневої семи та деякі інші [3, с. 20–56].

Висновки. Отже, закріпленість у зовнішньому вигляді слів фонетичних перетворень, історично сформовані словотворчі зміни, зміни в структурі значення виявляються значущими як передумови розриву етимологічних зв'язків слів. Як правило, лінгвістичні фактори з'являються в сукупності, доповнюючи один одного, підсилюючи і закріплюючи дієвість змін, що стосуються того чи іншого аспекту слова – звукового, структурного, семантичного.

Список використаної літератури

1. Аркадьева Т.Г. Деэтимологизация и ее обусловленность в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.Г. Аркадьева; Ленингр. пед. ин-т им. А.И. Герцена. – Л., 1973. – 18 с.

2. Аркадьева Т.Г. Преобразования этимологических связей слов в системной организации лексики русского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т.Г. Аркадьева; Ленингр. пед. ин-т им. А. И. Герцена. – Л., 1990. – 20 с.

3. Аркадьева Т.Г. Этимологические связи слов и закономерности их изменения: учеб. пособие к спецкурсу / Т.Г. Аркадьева; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. – Л.: ЛГПИ, 1988. – 82 с.

4. Булаховский Л.А. Деэтимологизация в русском языке / Л.А. Булаховский // Труды института русского языка. – Т. I. – М.-Л.: 1949. – С. 148–156.

5. Булаховский Л.А. Введение в языкознание / Л.А. Булаховский – М.: Учпедгиз, 1953. – Т. 2 – 180 с.

6. Дьячок Н.В. Явление деэтимологизации в рамках номинатем типа «словосочетание + эллиптический универб» / Н.В. Дьячок // Лінгвістика: зб. наук. праць / Держ. закл. «Луган. нац. пед. ун-т імені Тараса Шевченка». – Луганськ: ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2011. – № 3 (24), Ч. 2. – С. 152–156.

7. Крылов Н.А. Деэтимологизация и опрощение / Н.А. Крылов // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. М. Тореза. – М.: Изд-во Ин-та им. Мориса Тореза, 1971. – Т. 58. – С. 49–54.

8. Ляшчынская В. Узаемадзеянне тэрміналагічных і фразеалагічных адзінак мовы / Вольга Ляшчынская // Вісник Нац. ун-ту «Львівська політехніка». Серія «Проблеми української термінології». – 2010. – № 675. – С. 139–143.

9. Покровский М.М. Соображения по поводу изменения значений слов / М.М. Покровский // Избранные работы по языкознанию. – М. Изд-во Академии Наук СССР, 1959. – 381 с.

10. Яровенко В.Ю. До питання про деетимологізацію складних слів / В.Ю. Яровенко // Іноземна філологія: міжвідомчий наук. зб. / Львівський ун-т ім. Івана Франка. – Львів: Світ, 1973. – Вип. 30. – С. 32–36.

В статье рассматривается деэтимологизация как явление утраты первоначальной мотивированности слов. Исследуются лингвистические процессы, вызывающие и сопровождающие деэтимологизацию; анализируются фонетические, словообразовательные и семантические факторы, способствующие разрыву этимологических связей слов и превращению слов в дериваты в этимонимы.

Ключевые слова: деэтимологизация, этимон, этимоним, этимологическая связь.

The article deals with deetymologization as phenomenon of loss of words' initial motivation. The linguistic processes that cause and accompany deetymologization are studied; the phonetic, word-formative and semantic factors contributing to the rupture of etymological relations of words and transform derivatives into etymonyms are analyzed.

Key words: deetymologization, etymonym, etymological connection

Надійшло до редакції 8.06.2012.

УДК 801.732

V. KALINICHENKO,
Lecturer of English Philology and Translation Department
Alfred Nobel University, Dnipropetrovsk

WORDPLAY OUT OF ONE APPROACH

The article deals with a game notion as a pattern of human behavior, the linguistic variant of this behavior – wordplay. The approaches to this linguistic phenomenon analysis have been defined and the main notions of these approaches and their correlation have been analyzed.

Key words: language game, wordplay, pun, ontological approach, aesthetic and cultural approach, cognitive approach, functional and semantic approach, linguistic phenomenon.

It is common known that a game is one of the oldest behavior patterns. It not only stimulates vital information adoption or important skills mastering, but also it encourages a person to enjoy a bunch of emotions, aspiration for which is inherent and can be regarded as an act of subconsciousness. That is why it is not surprising that the term «language game» introduced by Ludwig Wittgenstein, the Austrian-born philosopher, described the game as «a form of living». Under «language games» the philosopher understood «incomplete parts of a language, but as languages complete in themselves, as complete systems of human communication» [1, c. 82]. This definition characters any linguistic act and language interaction with a game. According to the theory, language units are meaningful only in terms of the particular game. So, their meanings can be disclosed just in the specific language mastering situations as they do not represent an abstract category.

But later the term penetrated into other scientific fields. Language play became an important and permanent element of linguistic reality. Due to the fact that it is many-sided, it constitutes linguistic problems as well as extralinguistic. It is an object of different scientific investigations, and researchers not only study and examine language play in terms of various life realia reflections in the language, but also try to implement it into practical use. This fact predetermines the topicality of the given investigation, which is aimed at mastering the principles of the approach separation and trying to focus on their importance for analysis of the linguistic phenomenon.

This phenomenon has been studied from different angles; some of them have been analyzed in our research. We can distinguish *ontological approach* (Ludwig Wittgenstein [1], Pierre Bourdieu [2], Vadim Rudnev [3], Eduard Spranger [4]), *aesthetic and cultural approach* (Hans-Georg Gadamer [6], Sigmund Freud [7], Johan Huizinga [5]), *cognitive approach* (Olesya Zhuravleva [8], Tatiana Gridina [10, 11], Boris Norman [9], Thorsten Schröter [12]), *functional and semantic approach* (Artur Shcherbina [14], Vladimir Sannikov [15], Vladimir Vakurov [20], Svetlana Mikheykina [19], Svetlana Izyumskaya [16], Aleksandr Skovorodnikov [18], Natalya Novohacheva [22]).

As the term was introduced by the representative of ontological approach, it has been decided to consider «wordplay» from this point of view. It is regarded as a variety of human activity because it exists on the edge between objective reality and relative virtual world created

© *V. Kalinichenko, 2012*

by human consciousness. It is possible to find the most appropriate ways of solving life problem by means of leaving conventional stereotypes and limiting real circumstances behind.

Some of the works revealing this phenomenon within ontological approach are worth greater attention. They are «Philosophical Investigations» by Ludwig Wittgenstein, «The Political Ontology of Martin Heidegger» by Pierre Bourdieu, «The Morphology of Reality: a Study of the Philosophy of the text» by Vadim Rudnev, «Two Kinds of Psychology» by Eduard Spranger.

Ludwig Wittgenstein writes in his Philosophical Investigations that language play emphasizes the fact that «using language in the process of communication represents a particular activity» [1, p. 88]. And this activity is an integral part of our life and it is reproduced in the language.

Pierre Bourdieu, studying the relationship between a philosopher and language, writes: «If it is the language that is dominant under a philosopher, but not the philosopher who is dominant under a language, if it is the words that are playing with the philosopher, but not the philosopher who is playing with the words, it means that wordplay is the language of being» [2, p. 182–183]. In other words, to his mind the language is dominant under a person despite the fact that it is a person who created it and now a person is dependant on it.

Vadim Rudnev shares the Wittgenstein's point of view but he considers that language plays can not be examined just as human activities in its narrow sense; the whole human life is to be treated as a combination of language plays [3].

According to Eduard Spranger's approach, the linguistic practice of the language play proves the form of being. It defines the sequence of living forms creation as the peculiar variants of «sociocultural articulation» which belong to human being. These variants are to have such distinctive features as conventional ground, rules standards and others [4, p. 349].

In order to play on words, as Wittgenstein states, we use different «symbols», «words», «sentences». But their usage can not be considered as stable, unchangeable and fixed. It is widely known that one types of language appear, others disappear. This enables to create new and various language games. And this process is constant, it can not be interrupted.

Different situations provide the possibilities to play on words. One of the most common situations is the process of nomination (the process of 'naming' things) which is closely connected with the other spread language play – asking questions. It is thought to be a secret process that unites the word with an object denoting its meaning somehow. Moreover, as the founder of the notion believed, language games are certain models which empower us to come closer to language potential disclosure [1].

The given approach is limited by the language application as the tool not only for expressing the play element of human life, the absence of which makes impossible to consider the being, but also for expressing the life itself. It studies the interaction between the language and being and how it influences the nature of language games. But it does not consider the mechanisms of the language game creation; that is there is an absence of any ideas how to use such and such lexical means. As well it does not cover the idea how to parallel the culture and the people's mentality.

The philosophical practice of the language game study is not limited by only ontological approach, it also includes aesthetic and cultural one. This approach is based on the principle that a game is a factor of cultural life which is stipulated by aspiration for the beauty and perfectibility. What is more, a game in terms of culture represents a particular figure which had appeared earlier than the culture did. These two categories go through history hand in hand.

Let us take a look at some the most important works in this field in our view. They are «Truth and Method» by Hans-Georg Gadamer, «Wit and Its Relation to the Unconscious» by Sigmund Freud, «Homo Ludens» by Johan Huizinga.

As to the game, it is considered to be a universal category of human being because it is the foundation of the culture and its factor [5, p. 25].

Furthermore, inclination and ability of the people to convert all life sides into games can confirm «objective integrity» of the creative drives which have been inherent from time immemorial [5, p. 13].

If we take a look at two notions – «game» and «beauty» – within the given approach, we will see that the culture finds the value of the game as soon as the later is connected with the

beauty. In other words, a game is to be united with an aesthetic effect in different forms and it is closely connected with the exploiting the linguistic potential.

As Hans-Georg Gadamer thinks, language games are not aimed at playing with language units or with the content of world experience or legends. It is aimed at «the game of the language and this game is playing with us, applying to us and calming down, asking us and is being realized in our answer».

In the meanwhile, the «game» notion brings us closer to the discovery of «truth» notion. The meanings of the words, which represent the elements of our understanding, are used in the process of a game, i.e. in the process of communication, in order to make a text clear for us by means of a game.

The philosopher draws the line between our ability to catch the meaning of the text and our aspiration for the beauty. The truth of the game has something that can be met in the experience of the beauty and in understanding the legends sense [6, p. 565–566].

To say it differently, the language is treated as the result of the game, and we are trying to reach the perfect as well as to reveal the truth.

Sigmund Freud in his «Jokes and their relation to the unconscious» says that playing observation is grounded on aesthetic freedom which gave rise to the specific kind of thinking, free from rules and restrictions. Due to this fact he believes that a language game is «a playful judgment», and if we observe the game of ideas, we enjoy aesthetic delight [7, p. 11].

In the process of a play «a speech spirit» leaves the material area and moves to the field of thought. Any abstract expression, to Johan Huizinga's mind, is «a figure of speech», or wordplay. So the people describe their being through two worlds –invented world and a nature's one [5, p. 24].

Our world is not perfect, but here we come across another, very positive feature of play. It creates order. Into an imperfect world and into the conclusion of life it brings «a temporary, a limited perfection». A play can be beautiful and perfect. It is the aesthetic factor that comprises a desire for «absolute and peculiar order which reigns in a play» [7, p. 29–30].

Philosophers and psychologists believe that a game is one of the fundamental features of human nature. This variety of activity does not pursuit any specific practical objectives, that is why the main goal of the game in most cases is a pleasure. Language games do not constitute an exception; they are also aimed at reaching this goal. Moreover, they tend to make us feel aesthetic delight and search for the truth. They comprise the culture which has been created in the process of the game. The given approach as well as ontological one does not focus on the mechanisms of the wordplay creation and ways of world's cognition.

The main principle, which provides the grounds of cognitive approach to wordplay study, can be described in the following way: language can be mastered when playing, but you can play on words in order to cognize the world. In other words, the phenomenon can be regarded as a mechanism that enables a person to develop the thinking skill of self-observation by means of a language while the consciousness is the reflection of the language. When we play on words, there are two simultaneous processes – the manipulation of mind and the manipulation of language norms.

There are some researches whose works have been analyzed in our investigation. They are Olesya Zhuravleva [8], Tatiana Gridina [10, 11], Boris Norman [9], Thorsten Schröter [12].

Language game is considered to be a mental activity that allows us to use cognitive structures, or mental ones. In their turn these structures describes a particular way of the world's cognition (concepts, cognitive stereotypes).

Olesya Zhuravleva believes that the essence of language game can be explained by the fact that the system of symmetrical and stable linguistic components loses its stability and creates new linguistic structure. And this promotes to «the new step of evolution of the linguistic system» [8, p. 8].

It is happening due to the fact that a word loses its «symbolic essence». Making it clear we would like to say that it is connected with the process when a subject treats the word not as an inviolable element but as a thing which cannot influence and restrict its application. On the contrary, the subject can use it depending on his desires and intentions [8, p. 78].

According to the Boris Norman's point of view, the playful objectives of language games are the conditions of pseudo-utterances creation, or the creation of tongue twisters, counting-out rhymes and sayings. These pseudo-utterances summarize the living experience of the language community and stir up some linguistic patterns [9, p. 43].

Tatiana Gridina in her work «A Linguistic Play: Stereotype and Creative Work» offers an associative concept of the language game. The effect of linguistic play is predetermined by the sign inclusion into new associative context that provides the prediction of the linguistic units' perception. And this process is destined for a particular given reaction of the addressee (real or imagined). The linguist believes that it is better to mention a linguistic play as it is realized in the process of communication. It depends on the wish of the interlocutor to maintain conversation, so the results of the game are single and occasional [10, p. 6–7]. She distinguishes the lingo-creative activity as a basis for wordplay, and this activity represents «a desire for revealing speaker's competence in exploiting linguistic potential» [11, p. 26].

Among foreign linguists one can face the similar point of view. «Shun the Pun, Rescue the Rhyme?» by Thorsten Schröter describes the language play as an deliberate manipulation of the linguistic system peculiarities, and draws attention to these peculiarities, so it has a communicative and cognitive effect which goes beyond the utterance [12, p. 71].

Owing to the lingo-creative activity a person can play on linguistic units. The result of this process does not necessary reflect the reality, but it encourages the linguistic potential exploiting which in its turn promotes mastering the principles of language creation and emphasizes the interaction between a person and language. But to our mind the given approach does not focus on cultural differences which have an impact on the main tool – language. On the contrary, the attention has been paid to the human mentality and people's ability to communicate.

The presence of the great variety of the individual or author's neologisms in the literary texts gave an impetus to explain the reasons for the introduction of this device to the text as well as to stress the wordplay use as a peculiar feature of the literary text. As the term «language game» had penetrated into literary texts earlier than into the publicistic ones, it makes sense to study some literary notions which provided the ground for the further publicistic studies. Moreover, Aleksandr Skovorodnikov believes that the postmodern literature had a great impact on the newspapers' language. Some of the tendencies – intertextuality, the axiological and entertaining forms of the comic that are represented by the language games in most cases, aesthetics of the ugly – can be found in the publicistic discourse, but the differences in extralingual factors and the informative function of newspaper do not allow to follow these tendencies entirely [13, p. 69].

Functional and semantic approach has been used during the investigations of the wordplays in the literary texts (Artur Shcherbina [14], Vladimir Sannikov [15]) as well as in the publicistic ones (Vladimir Vakurov [20], Svetlana Mikheykina [19], Svetlana Izyumskaya [16], Aleksandr Skovorodnikov [18], Natalya Novohacheva [22]).

In this light the wordplay is considered to be a stylistic device which serves for producing a witty effect (not always of comical nature), expressing the author's attitude to the utterance and the readership, defining the characters with the help of language.

If we take a closer look at the literary wordplay we will see that it is not the expressive means, it is a indicator of the author's literacy, his/her perception of the world. The publicistic wordplay was developed due to the media democratization.

The greatest contribution to this linguistic phenomenon study was made by Artur Shcherbina. He was the first who paid great attention to the «language play» and introduced the classification of it in the literary texts. The linguist focused not only on the general language aspect, but also on the contextual one. According to this approach, wordplay is created due to the polysemy of the words and their meanings in a metaphorical sense, lexical homonymy, contiguous general language and contextual phenomena (the combination of consonant words in the context, the replacement of the anticipated word in the context by other word that is consonant with it, the substitution of the individual humorous word, the folk imaginary etymology and the deconstruction of the phraseological units) [14, p. 6].

But this study does not consider the distinction between «wordplay» and «pun», these are the interchangeable notions as to his point of view.

The development of the theory brought the new phase when metonymic principle is used in order to distinguish such terms as «language game», «wordplay», and «pun».

Vladimir Sannikov treats language play as a deliberate deviation from the norm which leads to the emergence of the second aspect that differs greatly from the first one. His wordplay is «a language application which is not common» and this process takes place in terms of linguistic experiment [15, p. 14–15].

Svetlana Izyumskaya emphasizes that this linguistic phenomenon is «a way of producing various comic effects – joke, mockery, sarcasm, irony». What is more, she believes that the comic is to be grounded on any contradiction. It is possible to reach it using the words of English origin in the general microtext [16, p. 75].

Within the given approach such foreign linguists as Eleni Antonopoulou and Kiki Nikiforidou follow the idea of «language play» та «wordplay» difference. But their notion of distinction is based on the fact that language play is realized through pragmatic and textual similarity, wordplay – through lexical one [17, p. 290].

Regarding the fullest and the most precise definition, to our mind, belongs to Aleksandr Skovorodnikov. He describes wordplay as a variety of the language play which produces a witty effect due to unconventional use of the words and phraseological units. It is represented in speech due to the pun as a variety of word-play which involves a wit as a result of unconventional use of polysemants, homonyms, paronyms, «pseudosynonyms» and «pseudoantonyms» [18, p. 86].

But Svetlana Mikheykina studies the levels where wordplay can take place, they are phonetic, phonosemantic, lexico-semantic, level of semantic transformation due to dominant concept marking-out, level of punning antonymy, level of onomastic pun, level of lexical repetitions, and level of meaningful elements division [19, p. 68–72].

As to the deconstruction of the phraseological units, Vladimir Vakurov identifies it as «a phraseological pun» that arises from the phraseological unit reconstruction – full combination or punning review of the independent components. This process is accompanied by «double actualization» [20, p. 41].

It is not a secret that lexical borrowing has become a widespread process. We can play on the combination of foreign and Ukrainian words or on the combination of foreign words. This game or an intentional manipulation with the «old» linguistic units is well-known especially in publicistic discourse [21, p. 126].

Occasional word-building as a way of new words or word-forms creation has been studied by Natalya Novohacheva. She defines some forms of its realization. They are play with the inner word form – syngraphemics, word-building play (with the help of affixation, compounding, blending) and morphological play (when the word is used in the field which is «strange» for it [22, p. 166–170].

Syngraphemics enables us to create «an occasional phonosemantic unit» that is a word, phonetically similar or identical, which is different from a customary one because it has another meaning pattern or even another meaning [23, p. 35].

To summarize we would like to mention that there are various mechanisms of wordplay creation from the functional and semantic point of view. This linguistic phenomenon is to be treated as a variety of the language play when linguistic potential is used in terms of linguistic experiment to produce a witty effect (not always of comical nature) due to unconventional word use. It is represented in speech due to the pun (as a variety of word-play which involves a wit as a result of unconventional use of polysemants, homonyms, paronyms, pseudosynonyms and pseudoantonyms), the deconstruction of the phraseological units and other precedent texts, occasional word-building not only within one language but also with the help of foreign language elements. In headlines case we should add syngraphemics and rhyme to the ways of word-play realization.

The given approach provides us with the general notion of the wordplay content and how it can be realized in speech. But it is not sufficient if we want to get the complete analysis of the linguistic phenomenon. If we are aimed at revealing its nature we need to pay attention to hidden motives for its creation, which are developed due to a particular culture, specific attitude

towards the process of communication, wish or desire to uncover anything by means of language units, even emotional state of the author is of great importance.

That is why we believe that the given linguistic phenomenon is to be studied in terms of several approaches which contribute to the complete picture of the perception and designate the principles of the creation, reveal the author's hidden motives and the effects produced, discover the nature of the origin and explain the cognitive processes that tend to express the aspiration for perfection.

Bibliography

1. Витгенштейн Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – с. 79–128.

2. Бурдье Пьер. Политическая онтология Мартина Хайдеггера / Пьер Бурдье; пер. с франц. А.Т. Бикбова, Т.В. Анисимовой. – М.: Праксис, 2003. – 272 с.

3. Руднев В. Морфология реальности: Исследование по «философии текста» / В. Руднев. – М., 1996. – 207 с.

4. Шпрангер Э. Два вида психологии / Э. Шпрангер // История психологии (10-е – 30-е гг. Период открытого кризиса): Тексты. – 2-е изд. / под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. – М., 1992. – с. 347–361.

5. Хейзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры / Й. Хейзинга; пер., сост. и Х 35 вступ. ст. Д.В. Сильвестрова; коммент. Д.Э. Харитоновича – М.: Прогресс – Традиция, 1997. – 416 с.

6. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: пер. с нем. / Х.-Г. Гадамер; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова.– М.: Прогресс, 1988. – 704 с.

7. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному (Der Witz und seine Beziehung zum Unbewussten) / З. Фрейд; пер. с нем. и сост. Л.М. Шлионский. – СПб.: Университетская книга; М.: Аст, 1997. – 317 с.

8. Журавлева О.В. Когнитивные модели языковой игры (на материале заголовков русских и английских публицистических изданий): дис. ... канд. филол. наук:. 10.02.19 / О.В. Журавлева. – Барнаул, 2002. – 207 с.

9. Норман Б.Ю. Псевдовысказывания как лингвистический феномен (на материале славянских языков): [псевдосмысл; языковая игра; языковой эксперимент] / Б. Ю. Норман // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология: научный журнал / Московский университет. – 2010. – 1. – С. 32–53.

10. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотипы и творчество / Т.А. Гридина. – Екатеринбург, 1996. – 214 с.

11. Гридина Т.А. Языковая игра как лингвокреативная деятельность / Т.А. Гридина // Язык. Система. Личность. Языковая игра как вид лингвокреативной деятельности. Формирование языковой личности в онтогенезе: Материалы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции 25–26 апреля 2002 // Уральский гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2002. – С. 26.

12. Schröter Thorsten. Shun the Pun, Rescue the Rhyme? / Thorsten Schröter. – Karlstad University Studies, 2005:10, p. 71.

13. Сковородников А.П. Рефлексы постмодернистской стилистики в языке российских газет / А.П. Сковородников // Русская речь. – 2004. – №6. – С. 68–76.

14. Щербина А.А. Сущность и искусство словесной остроты /каламбура/ / А.А. Щербина. – К.: Изд-во АН СССР, – 1958. – 68 с.

15. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры / В.З. Санников. – М.: Языки славян, культуры, 2002. – 547 с.

16. Изюмская С.С. Новые английские заимствования как средство языковой игры / С.С. Изюмская // Русский язык в школе.– 2000. – № 4. – С. 75–79.

17. Eleni Antonopoulou and Kiki Nikiforidou. Deconstructing verbal humour with Construction Grammar. / Cognitive Poetics: Goals, Gains and Gaps, edited by Jeroen Vandaele, Geert Brone. – Walter de Gruyter & Co (17 April 2009). – 560 p.

18. Сковородников А.П. О понятии и термине «языковая игра» / А.П. Сковородников // Филологические науки. – 2004. – № 2. – С. 79–87.

19. Михейкина С.Г. Когда газетный заголовок – каламбур / С.Г. Михейкина // Русская речь. – 2008. – № 4. – С. 68–72.

20. Вакуров В.Н. Фразеологический каламбур в современной публицистике / В.Н. Вакуров // Русская речь. – 1994. – № 6. – С. 40–47.

21. Прокутина Е.В. Языковая игра как способ образования нестандартной лексики русского языка на базе английских заимствований / Е.В. Прокутина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 7 (188). Филология. Искусствоведение. Вып. 41. – С. 123–127.

22. Новохачёва Н.Ю. Особенности реализации языковых игр в современных глянцевых журналах / Н.Ю. Новохачёва // Мова і культура. Науковий журнал – 2009. – Вип. 11, Том VIII (120). – С. 166.

23. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века): Научное издание / С.И. Сметанина. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 383 с.

У статті розглядається поняття гри як виду людської поведінки, аналізується лінгвістичний прояв цієї поведінки – гра слів, виділяються підходи до вивчення цього мовленнєвого феномена. Подається аналіз основних позицій в цих підходах та їх взаємозв’язку.

Ключові слова: мовна гра, гра слів, каламбур, онтологічний підхід, естетико-культурний підхід, когнітивний підхід, функціонально-семантичний підхід, мовленнєве явище.

В статье рассматривается понятие игры как разновидности человеческого поведения, анализируется лингвистическое проявление этого поведения – игра слов, выделяются подходы к изучению этого лингвистического явления. Анализируются основные позиции в данных подходах и их взаимосвязь.

Ключевые слова: языковая игра, игра слов, каламбур, онтологических подход, эстетико-культурный подход, когнитивный подход, функционально-семантический подход, языковое явление.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

УДК 811.111.161.2

K. SLUSAR,
Lecturer of English Philology and Translation Department
Alfred Nobel University, Dnipropetrovsk

NON-SEMANTIC VERBS AS A PART OF VERB+NOUN PHRASES OF BUSINESS DISCOURSE

The subject of the given article is wide-semantic (non-semantic) verbs as a part of verb + noun phrases of business discourse. The topic is relevant as the problem of verb+ noun phrases classification is one of the most important problems in the modern translation theory.

Key words: verb+noun phrases, non-semantic verbs.

Words with wide semantics have been a subject to careful attention of many Ukrainian, Russian as well as foreign linguists, among them are: N.N. Amosova, B.Y. Plotkin, L.Y. Grosu and many others.

It is worth noting, that the number of words with wide semantics is quite limited in English as well as in any other languages. Nevertheless, they play a very important role in language functioning. N.N. Amosova believes that wide semantic words mainly differ from polysemantic words by their wide meaning «that serves as a base for every specialized variant of a word's contextual meaning»; so that every language situation helps a word with wide semantics to actualize its direct, but not a figurative meaning.

Such phenomenon as wide semantics, which is considered to be a special lexico-semantic category, is usually formed in analytical languages. It is also predetermined by the typological characteristic of a language system, and is believed to be closely connected with a grammatical structure. This fact can easily be revealed not only through the intensive usage of words with wide semantics as syntactical and morphological indicators, but also in the nature of their semantics. Wide meaning of any word is similar to the meaning, which is peculiar to grammatical categories and different groups of words. Therefore, wide meaning is peculiar to pronouns as well as to some prepositions. Nevertheless, according to G.B. Davydova, wide semantics can be seen as lexico-grammatical category only when it embraces the words which belong to independent parts of speech, such as, first of all, nouns and verbs. It is worth noting, that the number of verbs with wide semantics essentially exceeds the one of nouns, so that they can easily be united into microsystems, according to which, the meanings of their consisting elements are formed [3, p. 154].

Beyond the context, the meaning of a verb with wide semantics is easy to determine. The careful analysis of a context clearly shows that combing verbs with wide semantics with different types of referent causes considerable changes and modifications to semantics. As a result, the connection of a primary meaning with derivatives becomes quite unobvious and invisible. Such point of view corresponds to the famous pattern of semasiology, formed by G.V. Kolshans'kyi: «The wider the meaning of the word is, the greater its dependence on a context» [4, p. 130].

Having conducted an extensive research of words with wide semantics, A. S. Kuziakin points out one more characteristic of this linguistic phenomenon, which can only be seen at a syntactical

© *K. Slusar, 2012*

level. Hereby, wide semantics usually goes with wideness of distributive word diapason, which is able to embrace quite different syntactical models. For instance, the English verb with wide semantics – *«to get»* has three different meanings: *«to receive»* – to get a book, *«to become»* – to get rich, *«to reach»* – to get home. It goes without saying that in a context of the expressions given above, the wide meaning gets narrowed and concretized. So that N.N. Amosova states that it is common to a word with wide semantics to have one meaning, but not many of them, and we can not say that in a particular context other meanings have been moved away [5, p. 102].

According to I.S. Lotova, variation of a wide meaning can go beyond the full lexical meaning, when words with wide semantics perform auxiliary functions, for example, as connectors and auxiliary verbs. In accordance with this definition, many linguists consider wide semantics to be equal to a semantic desolation or desemantization. In this particular case the words are characterized by morphological features of any class. Therefore, wide semantics at a lexical level allows these words to perform auxiliary functions. As a result, in such cases, grammatical meaning of a word turns to be more important than the logical one. For example: *«do»* – as a substitute for a verb: *you play better than I* ***do*** [6, p. 94].

Moreover, comparing with other verbs, verbs with wide semantics that are used as the auxiliary ones (grammatical) keep all their lexical meanings during the whole period of their existence in the language. This allows the verbs with wide semantics to save the semantic integrity of their structure.

A.M. Plotnikova points out that words with wide semantics are those, the meanings of which can not only be characterized by the wide denotative correlation but can also be determined by the context. She also states that such verbs of wide semantics as *to give, to get, to take, to put* used with a noun component (or with any other part of speech) are able to form a great number of meanings, which are semantically quite distant [8, p. 24].

According to E.P. Beliayeva, who made a careful study of meanings of the English verbs, «words with wide semantics – are words that have a high level of generality. The fact that they have a wide base of meanings makes it impossible to bring all their lexemes to one single nucleus» [2, p. 88].

E.Y. Mednikova, in turn, claims that the words with wide semantics can be correlated with notions, that reflect the objective reality as generally as possible (to put it differently, the words that have maximum general and wide lexical meanings), as well as those, that have a wide base of meanings in their semantic structure [7, p. 13].

In the view of the above, we can make a conclusion, that every verb with wide semantics has the following characteristics:

– It has a largely developed polysemy (a lot of meanings);
– It is non productive;
– It has a high word building capacity;
– It belongs to the main lexical stock;
– It has a wide denotative correlation (such verbs can name concrete physical actions, functional state, different types of social activity, etc) [8, p. 29].

V.B. Goshylik has also conducted a careful research of a verb component in verb+noun phrases and came to a conclusion that desemantization of a verb component leads to a partial loss of meaning, so that the verb component becomes informationally insufficient, and is not able to perform a nominative function.

Such linguists as Y.V. Shalamov and M.M. Gurman also consider a verb component in verb + noun phrases to be subject to desemantization, for example *to have, to get, to give, to take, etc.* Following the definition given in the dictionary of linguistic terms, desemantized or non-semantic means devoted of its own meaning or, to put it differently, semantically empty.

Some linguists believe that verb component in verb + noun phrases performs only structural and grammatical functions, determining a functional characteristic of the whole construction. They also state that such phrases not only represent a transitive phenomenon leading to transformation of word combination into analytical form of a verb, but also point to a high level of grammatization of the given phrases. In order to prove this point of view, some linguists, first of all, refer to the fact that a verb component of verb + noun phrases is devoted of lexical meaning and can be replaced without violation of a meaning of the whole phrase;

secondly, they also refer to the fact that a verb component does not take part in forming the lexical meaning of the whole phrase and thirdly, to the fact that lexical valence of a verb can be changed if compared with a corresponding verb with full meaning. But it is worth noting that the development of linguistic science led to a severe criticism of this particular approach.

On the other hand, despite the fact that the choice of a verb component of verb + noun phrases does not seem to be quite significant, and therefore the fulfillment of its position does not influence the meaning of the whole phrase, the careful analysis of formation of these phrases clearly shows that speakers choose a verb component not at random, but following a particular system.

Moreover, such linguists as B.S. Arslanov, C.H. Bitokova, V.S. Shvedova, B.I. Mova and many others believe that a verb plays a particular role in determining a meaning of the whole phrase and name this component – a verb with wide semantics.

In a particular context verbs with wide semantics are normally used with some additional elements, such as nouns, pronouns and prepositions, which help to determine the meaning of a verb itself.

F.I. Buslaev mentioned that in some cases we can use verb +noun phrase, in which a noun performs the function of an object, for example: *to make arrangements* instead of *to arrange*, *to give protection* instead of *to protect*, etc. The presence of two elements in such phrases makes it possible to give an additional characteristic to the action or object, for example: *to make necessary arrangements* or *to give strong protection*. In contrast to other forms of verbs, some linguists call these phrases descriptive ones.

A great variety of functional characteristics of verb + noun phrases, containing verbs with wide semantics results in a wide use of these phrases in Business English Discourse.

O.B. Bezugla claims that the presence of a split predicate – the replacement of a simple predicate in a form of a finite verb by a word combination consisting of an infinitive and verbal noun – is a characteristic feature of a business language [1, p. 8].

There are some examples of the most wide spread verb + noun phrases in business discourse, that contain verbs with wide semantics and verbal nouns:

to make	**to give**
to make a protest – to protest; *to make announcement – to announce;* *to make enquiry- to enquire;* *to make a decision – to decide;* *to make reservation – to reserve;* *to make a claim – to claim;* *to make a protest – to protest;*	*to give an estimate – to estimate;* *to give protection – to protect;* *to give an opening – to open;* *to give information – to inform;* *to give an answer – to answer;* *to give an impression – to impress;* *to give a notice – to notice, etc.*
to have	**to take**
to have control – to control; *to have hesitation – to hesitate;* *to have dealing – to deal;* *to have enquires – to enquire;*	*to take decision – to decide;* *to take care – to care;* *to take into consideration – to consider, etc.*

L.I. Galkina, in turn, supports the point of view of many linguists stating that on the other hand, the tendency leading to abstraction as well as to generalization in the given discourse provokes the tendency towards a verb desemantization. First of all, business style is characterized by the wide use of verbs with abstract semantics, secondly, many verbs perform the auxiliary and connecting functions, and thirdly, some verbs play the function of components in verb + noun phrases, where the main semantic load is carried by a noun component and a verb names an action in a wide meaning as well as expresses a grammatical function.

The verbal component of all verb + noun word combinations can perform different syntactical functions, such as: *predicate, a part of a complex predicate, adverbial modifier of purpose and prepositional object.* The noun component in all cases performs the function of a direct or prepositional object, as it is in strict semantic and syntactic relations with a verbal component of a word combination.

Some examples of verb + noun phrases, where verbal component is expressed by the verb with wide semantics are given below:

*We must therefore make use of Clause 4 of our sales Agreement, which **gives** us **the right** to cancel our order within 4 weeks [10, p. 70].*

*With reference to our phone conversation this morning, I would like one of your representatives to visit our store at 443 Halton Road, London, SE4 3TN, **to give an estimate** for a complete refit [9, p. 23].*

*We need a system which would **give** us comprehensive **protection** against robbery and shoplifting throughout all departments [9, p. 32].*

*It is essential that we deliver this consignment to our Greek customers on time as this was an initial order from them and would **give** us **an opening** in the Greek market [9, p. 109].*

*I regret that I cannot **give** you the **information** you asked for as it would be a breach of confidence [9, p. 133].*

*If you can send us this information, and possibly enclose a draft contract, we could **give** you our **answer** within the next few months [9, p. 175].*

*I shall **make arrangements** to open a confirmed letter of credit with the Nigerian International Bank as soon as you have sent me your invoice and details of shipment [9, p. 19].*

*Could you please check this with Barnley's, and if there are any problems let me know, so that I can **make enquiries** here? [9, p. 94].*

*I would like **to make an appointment** with you to discuss an overdraft or a loan to enable me to expand my business [9, p. 144].*

*If the account is still not settled, we will have **to make a** formal **protest** [9, p. 154].*

*Although we have paid for some time on this basis, it does not really suit our accounting system, and as we feel you know us well enough by now, we would like **to make** future **payments** on quarterly statements by international banker's draft [9, p. 125].*

Durafloor is one of the most hardwearing materials of its kind on the market and we were surprised to hear that it had worn away within six months, so we ***made a close inspection** [9, p. 108].*

*We have **had** very little **dealing** with them and they have never asked us for credit of any kind [9, p. 133].*

*We regret this unfortunate situation over which we **had** no **control**, and apologize for the inconveniences caused [9, p. 73].*

*You can **have** every **confidence** in offering this company the facilities they ask for [9, p. 131].*

*However, we would **have** no **hesitation** in offering them the sort of credit you mentioned, i.e. 5, 000 pounds, as they are a large reputable organization and very well-known in this country [9, p. 132].*

Having examined the sentences with verb +noun phrases that contain non-semantic verbs, such as «to give», «to make», «to have», etc, we can see that in a particular business context such verbs can acquire absolutely new meanings, which are not typical of them and cannot be found in a dictionary. These meanings on one hand, are mostly predetermined by the semantics of the noun component, and on the other hand, by the general meaning of the verb itself.

Therefore, the examples given above clearly illustrate that the meanings of non-semantic verbs in verb + noun phrases differ from their general meanings:

For examples, the verb *«to give»* in a business context can have the following meanings: *to authorize or to entitle, to value or to consider, to defend, to open, to inform, to respond;* the verb *«to make» – to arrange, to enquire, to appoint, to protest, to pay, to inspect;* the verb «*to have» – to deal with, to control, to hesitate, etc.*

It is worth noting, that in most cases verb + noun phrases can be easily transformed into one verb. Nevertheless, their structure enables an author of a business text to add additional characteristics to describe an action.

Having conducted careful research of verb + noun phrases in Business English Discourse we can make a conclusion that all the functional characteristics of the verbal component in verb + noun phrases, that is expressed by a verb with wide semantics are similar to the characteristics of a verb component of the same phrases of any other discourse.

Bibliography

1. Безугла О.В. Особливості синтаксичних засобів офіційно-ділового стилю в українській літературній мові [Електронний ресурс]. / О.В. Безугла. – Режим доступу: books.br.com.ua/20510

2. Беляева Е.П. Прототипическая база семантики английских глаголов: дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Е.П. Беляева – СПб., 2001. – 188 с.

3. Давыдова Г.Б. Функциональный анализ конструкций с широкозначными словами в современном английском языке/ Г.Б. Давыдова // Вопрос системной организации речи. – М.: ИПИОП АН СССР, 1987. – С. 154–158.

4. Колшанский Г.В. Контекстная семантика/ Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1980. – 149 с.

5. Кузякин А.С. Роль широкозначных глаголов в речевом общении/ А.С. Кузякин // Проблемы оптимизации речевого общения. – Саранск, 1989. – С. 102–111.

6. Лотова Н.С. Синтаксические структуры с десемантизированным существительным thing в современном английском языке (к проблеме заместителей функции существительных): автореф. дис. … канд. филол. наук / Н.С. Лотова. – М., 1973. – 22 с.

7. Медникова Э.М. Семантика слова. Новые аспекты / Э.М. Медникова // Формальные и семантические аспекты слова. – Калинин: Изд-во Калининского гос. ун-та, 1989. – С. 10–17.

8. Плотникова А.М. Широкозначные глаголы в современном русском языке / А.М. Плотникова // Известия Уральского государственного университета, 2009. – № 1/2. – С. 24–31.

9. Ashley A. Oxford Handbook of Commercial Correspondance. – New Edition, Oxford University press. – 2003. – 304 p.

10. Birgit Abegg Communication for Business: Birgit Abegg, Michael Benford. – Verlagsredaktion: Cornelia Dietz, Munchen, 1999. – 320 p.

Темою цієї статті є вивчення десемантизованих дієслів, що входять до складу дієслівно-іменних словосполучень у діловому англомовному дискурсі. Актуальність статті обумовлена тим, що проблема класифікації дієслівно-іменних словосполучень є однією з найважливіших проблем у сучасному перекладознавстві.

Ключові слова: дієслівно-іменні словосполучення, десемантизовані дієслова.

Темой данной статьи являются десемантизированные глаголы, входящие в состав глагольно-именных словосочетаний в деловом дискурсе английского языка. Актуальность статьи обусловлена тем, что проблема классификации глагольно-именных словосочетаний является одной из важнейших проблем современного переводоведения.

Ключевые слова: глагольно-именные словосочетания, десемантизированные глаголы.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

ПЕРЕКЛАДОЗНАВЧІ СТУДІЇ

УДК 811.111

N. BIDNENKO,
PhD in Philology, Associate Professor
of English Philology and Translation Department
Alfred Nobel University, Dnipropetrovsk

SPECIFIC FEATURES OF ENGLISH TERM-COMBINATIONS CONSISTING OF MULTIPLE ELEMENTS AND THE WAYS OF THEIR TRANSLATION

The questions of appearance of English term combinations consisting of multiple elements are considered in the paper. The author analyses the peculiarities of multi components terms and principles of their translation.

Key words: term, term-combination, term-combinations consisting of multiple elements; multi components term-combinations, translation of term-combinations, context.

At present with expansion of international relationships and commerce in Ukraine and their subsequent development the necessity of studying term-combinations consisting of multiple elements is observed in English terminology. It is explained by the tendency to give the name to a new concept briefly in the language and also the linguistic peculiarities of the English language structure. Nowadays linguists are very interested in the problem of functioning and translating of term-combinations consisting of multiple elements. The recent study devoted to the problem of term-combinations, their peculiarities and ways of their translation has grown remarkably and many new views on various aspects are suggested. The research of structural specific and features of English term-combinations consisting of multiple elements can give an opportunity to develop the principles and ways of their translation.

Firstly to consider the problem of appearance of term combinations consisting of multiple elements it is necessary to give definition to the words which are used for logical representation of scientific concepts. Despite of a great number of the researches concerning the concept «term-combination» there is no formal and adequate definition for this term today. Thus O. Akhmanova defines term-combination as «a word unity of special (scientific, technical and other) language created for exact expression of special concepts and denotation of special objects» [9, p. 16]. «There are words like «soda», «sugar», «spirits», «soap», «fat», «rubber», «plastics», «carbohydrates», «fibre» and so on, which are known to the general user of language and which form the part of his everyday experience. But, there are words like «sodium carbonate», «lactose», «ethanol», «2-chlor butadiene», «polyurethane», etc. which are specific for theoretical chemistry. And then there are the chemical formulae which are suitable and widely used by chemists», – emphasized the researcher [9, p. 16].

There are also linguists who consider this language unit as a combination of words, which are united on the basis of a certain syntactic link and provide nominative function [1; 4; 5; 6; 7]. For instance, V. Arakin regards term-combination as «a combination of two or more definite words united on the basis of their definite syntactic link and execute nominative function» [1, p. 129]. Another linguist V. Deineka adds that term combinations consisting of multiple elements cab be considered as a separate member of the sentence [1, p. 129]. Professor I. Korunec'

© *N. Bidnenko, 2012*

considers term-combinations in two aspects: term-combinations with coordinate links and term combinations with subordinate links [7, p. 90–91]

Thus term and term combinations are words of special language used for professional or scientific communication to represent scientific or technical concepts, which on the basis of syntactic link execute nominative function and express briefly a special concept. Term is the language sign for a concept [5, p. 315]. This language sign mustn't be only a single word, it can also be a set of words – a fixed phrase – used only to denote a specific concept. Most terminologists accept short phrases consisting of two, three and more words as terms [5; 7; 8 Карабан, Корунець, Суперанская,]. But terms as language signs are not independent from concepts. The advantage of using term for word expressions of definite concepts is that the term is more recognizable in its boundaries both electronically and manually.

After the analysis of various classifications of term-combinations consisting of multiple elements represented in the works of modern researchers, such as A. Kovalenko, O. Superanskaya, I. Korunec', which became the basis for many other researches we can conclude that among linguists there is no common opinion on typology and classification of term-combinations. Some linguists consider the differentiation of term combinations according to their grammar structure and correlation of a particular part of speech [6; 3]. Other linguists distinguish term combinations on the basis of their semantic or syntactic links between elements.

The most common classification proposed by A. Kovalenko is based on the specific of grammar structure according to which there are such types of term-combinations consisting of multiple elements:

a) term-combinations of «adjective + adjective + noun» structure – *tactical nuclear weapons – тактична атомна зброя*;

b) term-combinations of «adjective + noun + noun» structure – *multiple tariff system – система множинних тарифів*;

c) term-combinations of «noun + noun + noun + noun» structure – *Bank Credit Regulation Committee – комітет з регулювання банківських кредитів;*

d) term-combinations of "verb + adjective + noun» structure and their variants – *to unload heavy good – розвантажувати важкий товар;*

e) term-combinations of "adjective + Participle I + noun" structure – *Financial Accounting Standards – стандарти фінансового обліку;*

f) term-combinations of "noun + Participle I + noun" structure – *air-retaining device– пристрій, що утримує повітря;*

g) term-combinations of "Participle II + noun + noun" structure – *computed value method – метод визначення вартості шляхом обчислення*

h) term-combinations of "noun + Participle II + noun" structure – *value added tax – податок на додану вартість* and their variants [6, p. 259].

Another common classification proposed by O. Superanskaya is based on the number of elements according to which term-combinations can be divided into simple or elementary (two-word combinations) and compound or consisting of multiple elements (three and more words in term-combinations). In their turn, term-combinations can be:

a) combinations in which the content of elements are expressed with annexation: *load governor – регулятор потужності; brake landing – посадка з гальмуванням;*

b) combinations in which components are grammatically formed with prepositions or endings: rate of exchange – *валютний курс; braking with rocket – гальмування за допомогою ракетного двигуна* [8, p. 83].

On the basis of semantic links existing between elements according to the classification offered by O. Superanskaya term combinations can be:

1. Term-combinations the elements of which are independent words and can be used separately keeping their meaning: *brake – гальмувати; gear – механізм, пристрій, шестерня, brake gear – гальмівний пристрій*. But term-combinations of this type acquire a new meaning and have semantic completeness, for example: *electric motor – двигун, який приводиться в дію за допомогою електрики; ionic rectifier – іонний очищувач*.

2. Term-combinations in which one of the elements is a technical term and the second one is from general vocabulary: *safety switch – аварійний вимикач (елек.); locked switch – закри-*

та стрілка (желез.); change-over switch – перемикач (елек.); change-tune switch – ручка налаштування (рад.); electric eye – фотоелемент; atmospheric disturbances – атмосферні перешкоди (рад).

The elements of such type of term-combinations could: non-combined two nouns, or a noun and adjective. This method of formation of scientific and technical terms is more productive than the first mentioned above where two elements are independent terms: *back coupling – зворотній зв'язок; variable capacitor – змінний конденсатор.*

One of the peculiarities of term-combinations of the second type is that the second element (a noun) can accept the meaning of the whole combination and appear as an independent term in the context: *current* замість *electric current*; *circuit* замість *electric circuit*, *searcher* замість *search engine*.

3. Term-combinations both elements of which are words from general vocabulary and only combination of them becomes a term: *line wire – дріт під напругою (елек.); live stream – свіжий пар (теп.).*

Such method of formation of scientific and technical terms is unproductive. The terms of the third type do not have strong ties between elements. They can be used as an ordinary combination of adjective with a noun in a direct meaning: *thermal stress – термічний тиск (thermal aquarium); progressive illumination –послідовне освітлення (progressive direction).*

Although different types of term combinations without any exception exist in English and are used in scientific and technical texts, the preference is given to some of them. The main element, as a rule, is in the end of a term combination. The element which is before the main element is called attributive and includes the expressions of the concepts characterizing the main element.

Attributive combinations play a great role in human mentality as they convey a definite characteristic of an object and classify it making specific among others. Attributive term-combinations have their own structural and semantic features consisting of semantic links between their elements, thus can be expressed by various constructions. Nouns are often used as a main element of attributive term combinations. Dependable element can be expressed by an adjective, pronoun, numeral, participle and even a noun.

According to contemporary linguistic researches the attributive element is often expressed by adjectives. Adjectives which comprise word combinations with the structure «adjective + noun» (AN) are called attributive. «Attributive adjectives are part of the noun phrase headed by the noun they modify; for example, *happy* is an attributive adjective in «*happy people*». In English, attributive adjectives usually precede their nouns in simple phrases, but often follow their nouns when the adjective is modified or qualified by a phrase acting as an adverb. For example: «I saw three happy kids», and «I saw three kids happy enough to jump up and down with glee» (see Wiki, adjective). Attributive adjectives always express the comments to the objects in speech. Such comments can include state descriptions (*broken, sharp*), quantity descriptions (*one, three, lots*), dimensional descriptions (*large, tiny, square, parallel*), material descriptions (*metal, glass, rubber*), quality descriptions (*thick, liquid, water resistant*) and etc.

Besides the structure «adjective + noun» (AN), which is the most spread in technical literature and scientific researches (*remote control – дистанційне керування; direct current – постійний струм*), attributive relations can be expressed by various constructions in both English and Ukrainian languages. Four different classes of words do the function of an attribute:

1. Participle («Present Participle + noun»: *acting pressure – робочий тиск; alternating current – перемінний струм*; «Past Participle+noun»: *balanced amplifier – сбалансований підсилювач; estimated cost – проектна (кошторисна) вартість).*
2. Pronoun (*his experiment, another element*);
3. Numeral (*the second time, twenty four hours*);
4. Noun (substantive attributive constructions: *peak energy – максимальна енергія; labour capacity – продуктивність праці* or possessive case – *Webster's dictionary – словник Вебстера*);

Also the function of attribute can be expressed by adverb (*room upstairs, man near the door*), by noun with prepositions (prepositive attributive constructions): *lid of frame – кришка корпусу; body of reactor – корпус реактора; the case of law – випадок судової практи-*

ки; the case for defendant – факти на користь підсудного; real density of catalyst – реальна щільність каталізатора.

The problem of translating term-combinations consisting of multiple elements is very complicated. Translator must be not only familiar with modern terminology and definite sphere of science and technology, but also know structural derivational and morphemic features of such terms-combinations in the compared languages, semantic and syntactic links between elements. Moreover translator should consider term-combinations in the boundaries of definite context or terminology system because the lexical meaning of such term-combinations can be changed depending on the sphere where they are used.

Scientists not only studied the problems of translation of multi components term-combinations but proposed various ways of their translation. Thus A. Kovalenko, L. Bilozerskaya and others signify in the translation of term-combinations such basic types as analogue translation, descriptive translation, transcription, transliteration and calquing. Professor V. Karaban defines the translation of term-combinations according to use of different prepositions and genitive case of a noun.

In scientific and scholar literature, along with obviously syntactic or semantic ways of name-giving, attributive term-combinations are wide spread. There is a certain amount of constructions consisting of multiple elements in scientific and technical texts, and information represented in this unit could be not only of huge amount, but also various. But the aim of this unit is to pay attention to the problem of decoding of attributive term-combinations consisting of multiple elements and to attract the researchers of English to reconsiderate and develop certain teaching methods.

Attributive term combinations with their complex semantic and syntactic links became the specific phenomena of the English language, and translation of them requires the knowledge of such links.

The differences between the English and Ukrainian language systems are clear in the translating term combinations: they as a rule have opposing meanings: *high hopes – великі надії*; *breakneck rapidity – шалена швидкість*. The same adjective can be linked with different nouns in English and translated into Ukrainian by different adjectives depending on the meaning of the noun, ср.: *bad headache – сильний головний біль; bad debt – невиплачений борг; bad apple – гниле яблуко.* However, there also exist such term combinations as*: gun control – нормативи придбання і використання громадянами вогнепальної зброї; power lunch – діловий сніданок,* which have different structure and can cause difficulties at the process of their translation.

For correct and adequate translation of such term-combinations it is necessary to know their structural and semantic features, the main content of attributive term combinations, and understand semantic and syntactic links, the context and national realities. Attributive term combinations consisting of two elements are not needed of the explanation of their semantic links between elements: *space age – космічна ера, atomic electron – атомний електрон, functional electronics – функціональна електроніка, contact filtration – контактна фільтрація, radiation exposure – радіоактивне випромінювання.* However attributive term combinations or phrases consisting of multiple elements cause difficulties because they have the structure where several words stand in succession.

To translate such attributive constructions the rule of right hand or the rule of order is used. The order of translation depends on the semantic connections between determination and determined word. So, it is necessary to begin the process of translation with the right part of the term combination to the left one with the last noun, paying attention to the fact that an important role in determination; it is needed to translate into Ukrainian by nouns in cases or with prepositions:

expansion ratio – коефіцієнт розширення

1 2 – 2 1;

products price decrease – зменшення цін на вироби

1 2 3 – 3 2 preposition 1

The connection between determinations is understood on the context, for example:

the electric equipment supply – живлення електрообладнання

1 2 3 – 3 1 2.

In this case the first word «*electric*» is a determination of the second «*equipment*», cp. «*micro spot welder» – апарат для мікроточкового зварювання.*

In term-combination «*oil fields air surveying*» the syntactic links between elements influence the order of translation:

1 2 3 4 – 3 4 2 1

Oil fields air surveying – повітряна розвідка родовищ нафти.

To explain the aforesaid, we may compare two term combinations: *electrical resistance losses* and *losses by electrical resistance*. While comparing these two combinations, it becomes obvious that the base-line knowledge is not quite needed to understand what a determination and what a determined are. It is clear that in such phrases as *absolute zero, high quality, nuclear energy, real number, high frequency, high energy, high speed, small scale;* semantic links of these term combinations require neither deep penetration into the content of the object, nor the use of some special knowledge. These attributive combinations are such stable units that decoding of three or more elements which include these dual element combinations (*absolute zero temperature, high quality level, nuclear energy conversion high, speed computer, real number system, high frequency instrument, small scale body),* can be achieved without any deep knowledge. It happens simply because of the fact that these dual component combinations are so accreted that there can be no possibility to breach their semantic links.

Different case is observed on the example of «mixed» attributive term combinations which have “adjective + noun + noun” structure such, as *large software development, various group elements, regular permutation group, general program system,* where we can understand quickly the correlation of elements without proper special information. If we try to decode this expression as *an intense light beam,* it can be *an intense beam of light* (*інтенсивний промінь світла) or a beam of the intense light (промінь інтенсивного світла).* Naturally, the problem of decoding becomes more difficult when we examine term combinations consisting of four or five elements, i.e. various complicated combinations of «beaded» compound words. This type of construction of word combination is not typical for the Russian or Ukrainian languages. The main word in such group is the last, and all preceding words are its attributives.

Thus, the order of attributive term or phrase translation which consists of multiple elements requires such steps:

1) hence the main word of such term combination is the last, the interpreter must start the translation from the end of the term-combination, i.e. from the last word;

2) next it is necessary to define semantic and syntactic links between elements of attributive term-combinations;

3) in the end the interpreter must conduct back translation to understand that it has done correctly.

An attributive construction may be suggested as a model: *free space wave propagation.* The key word is «*propagation*» (поширення). Then there is the defined word «wave» – хвиля. So, there it could be as «поширення хвилі» as a next step we translate «*free space*» – вільний простір. Thus, the connection between the words in term combination which belong to the key word, could be formed: *Поширення хвилі у вільному просторі.* Compare, *London airport customs officials – представники митниці у Лондонському аеропорту*.

Sometimes for an adequate translation of an attributive term combination an interpreter has to obtain specific knowledge. For instance, the following attributive term-combinations: *high density image sensor, high permeability soft iron core, minimum weight code vector, high pressure wind tunnel, minimal time control systems, high energy fission electrons, logic error correcting capacity, actual estimation error covariance* can not be translated without additional knowledge of the context. The inner semantic relationship in such combinations can be defined only by the knowledge of special background information and those extra linguistic links in which determined objects are between each other. In verbal speech when such term-combinations are read aloud or pronounced, it is explained by prosody, i.e. prosodic means and clear expose of semantic structure of these combinations are used. If we read the term combinations formed without a hyphen, it is obvious, that for decoding them the knowledge of object is required.

If we consider examples from mathematic texts, for everybody, who knows it well, such term-combinations as *mean value theorem, first order approximation, intuitive set theory* are absolutely recognizable. One does not need either prosodic or spelling knowledge to understand that these term-combinations can be translated as *теорема про середню величину, наближення першого порядку, інтуїтивна теорія безлічі.*

The meaning of term combinations becomes clear immediately when there is the base-line knowledge and the use of spelling is not required. However, when the base-line knowledge of a reader or listener is inadequate, difficulties of understanding of such complicated term-combinations increase that is why the question about orthographic expression of attributive term-combinations in scientific texts is still essential nowadays.

Sometimes in order to translate the attributive term combination with several elements the translator has to read an article or a fragment of the text till the end to understand the correct semantic and syntactic links and, of course, after the whole translation of the text, it is necessary to translate its title. For instance, the word «*poll*» can be translated differently depending on the semantic and stylistic links and the context: *poll tax – виборчий податок; poll tax states – штати, в яких сплачується виборчий податок; poll tax states conference – конференція, що проводиться у штатах, в яких сплачується виборчий податок.* Thus, studying the structural and semantic peculiarities of attributive groups shows the greater range of semantic links between the components of word combinations in English than in Ukrainian.

To translate term-combinations with multiple elements different methods of translation are applied.

1. Descriptive translation. This kind of translation is used when there is not any appropriate meaning for the word in the target language and also when it is necessary to explain the word in a dictionary, cp.: *the commercial acid is generally not quite pure – кислота, яка надходить у продаж, не зовсім чиста; primary (standards) laboratory – головна метеорологічна установа відомства, яка зберігає зразки вимірів вищих розрядів.*

2. Translation with the help of cases: *direct current system – система постійного струму; high-power station – силова станція великої потужності.*

3. Calque or loan translation, i.e. translation of English attributive term-combinations with the help of transferring of their structural parts. Such type of translation is often called «word for word translation»*: low-noise engine – малошумний двигун; high-voltage switch – вимикач високої напруги.*

4. Transcription or transliteration, i.e. translation of attributive term-combinations with the help of letters of the target language to express the sound form of term-combinations: *Special System Industry – Спешіал Систем Індастрі*.

5. Translation of attributive term-combinations with the help of different prepositions: *data processing equipment – обладнання для обробки даних.*

A translator can find an appropriate meaning of term-combinations according to the meaning of the words which are in the close link with them (the closest link is between a noun and an adjective, between an adjective and a determined word): *amplifiers are extensively used in radio transmitters – підсилювач широко використовується в радіопередавачах.*

Thus, attributive term combinations with multiple elements include several words and cause difficulties at the process of their translation. Such multi element term constructions take special place in contemporary modern researches and technical literature. However, if the main parts of term-combinations have the structure which corresponds to the structure of the same terms in the target language, these term-combinations do not cause difficulties at their translation. It is only needed to find appropriate meanings of each element, cp.: *polarity of line – полярність лінії (постійного струму); pole of functions – полюс функцій, but natural rubber-based stock – суміш на основі природного каучуку.*

There are term-combinations which cannot be translated with the help of word for word translation though they have appropriate equivalents in the target language. Definite elements of such attributive term-combinations differ from their equivalents in the target language: *mixed melting point – температура плавлення суміші.* It is thought that the main difficulty is the translation of terms the elements of which have not got any similarities with their real meanings. Sometimes they are even opposite to each other.

Besides polysemantic terms, which have different meanings and not only in different spheres of human activity, science and technology, but also in one and the same sphere, are often met: *tile – черепиця, плитка, кахель, цеглина; schedule – каталог, розклад, графік, програма, режим; switch – вимикач, перемикач, комутатор; wot – корінь, вершина (зварювального шва), хвіст лопати.* Such term-combinations which have several variants of their translation in different dictionaries should be translated into the target language according to the context.

Indisputably, translation of terms is a very responsible task for an interpreter, who needs to possess a high degree of knowledge of both SL or TL, as well as a many-sided perception of a linguistic image of the world, and also excellent awareness of that area of science or technology which is actually connected with translation. In fact, regardless of an expansion of international cultural and economic connections in the world, the use of modern facilities of communication, such as world network, the Internet, as well as cooperation of different languages and cultures, a translator deals with the phenomenon that each language is unique and develops separately.

Each language has its own linguistic, cultural and historical realities, but simultaneously there are the realities and concepts which still do not have any equivalents of their translation into other languages. For this reason an interpreter plays the role of an interlingual mediator who helps recipients to get necessary information, and at the same time, creates new terminological lexical units in the vocabulary of a mother tongue. In the process of translation of the English terms an experienced translators select this or that method of translation basing his choice on the content of the context, or on the position of the term, and sometimes combines all aforementioned methods to transfer the lexical meaning more precisely and more adequately saving its sound form and morphemes. And, taking into account the fact that modern English terminology is a producing system, an adequate translation of professional terms acquires especially important value for the successful formation and normalization of the Ukrainian terminology system in accordance with international standards.

After the analysis represented above we can summarize that term-combinations consisting of multiple elements are still very attractive part of terminology for further researches. The problem of classification, differentiation and translation of term-combinations consisting of multiple elements in English terminology always retains its topicality because of the science and technology development and progress.

Bibliography

1. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков: учеб. пособие / В.Д. Аракин. – 3-е изд. – М.: ФИЗМАЛИТ, 2005. – 232 с.

2. Білозерська Л.П. Термінологія та переклад: навч. посіб. для студентів філологічного напряму підготовки / Л.П. Білозерська, Н.В. Возненко, С.В. Раденька. – Вінниця: НОВА КНИГА, 2010. – 232 с.

3. Дейнека В.М. Іншомовна основа термінології митної справи: способи термінотворення / В.М. Дейнека // Вісник СумДУ. – 2006. – № 11 (95) – Том 2. – С. 34–39.

4. Дудка А.О. Класифікації англійських юридичних термінів та прийоми їх перекладу на українську мову / А.О. Дудка // Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка. – 2009. – № 12 (175). – С. 9–15.

5. Карабан В.І. Переклад англійської наукової і технічної літератури. Граматичні труднощі, лексичні, термінологічні та жанрово-стилістичні проблеми / В.І. Карабан. – Вінниця: Нова Книга, 2004. – 576 с.

6. Коваленко А.Я. Общий курс научно-технического перевода: пособие по переводу с англ. языка на рус. / А.Я. Коваленко. – К.: «Фирма «Инкос», 2003. – 320 с.

7. Корунець І.В. Вступ до перекладознавства: підручник / І.В. Корунець. – Вінниця: Нова Книга, 2008. – 512 с.

8. Суперанская А.В. Общая терминология. Вопросы теории / А.В.Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. – М.: Наука, 1989. – 246 с.

9. Terminology. Theory and method. Edited by Olga Akhamanova and Galina Agapova / O. Akhmanova. – M.: MSU, 1974. – 206 p.

У статті розглядаються питання виникнення англійських термінологічних словосполучень, які складаються з декількох елементів. Автор аналізує особливості багатокомпонентних термінів та принципи їх перекладу.

Ключові слова: термін, терміносполучення, терміносполучення, яке складається з декількох елементів, багатокомпонентне терміносполучення, переклад терміносполучень, контекст.

В статье рассматриваются вопросы появления английских терминологических словосочетаний, состоящих из нескольких элементов. Автор анализирует особенности многокомпонентных терминов и принципы их перевода.

Ключевые слова: термин, терминосочетание, терминосочетание, состоящее из нескольких элементов, многокомпонентное терминосочетание, перевод терминосочетаний, контекст.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

УДК 81'36.811.111

M. BIRYUKOVA,
Senior Lecturer of English Philology and Translation Department
Alfred Nobel University, Dnipropetrovsk

STRATEGIES FOR TRANSLATING PASSIVE CONSTRUCTIONS FROM ENGLISH INTO UKRAINIAN

This article is dedicated to the peculiarities of passive constructions in the English language and comparison of their usage and formation in the Ukrainian language. Passive voice as a grammatical category which is used in different types of texts has always attracted attention of linguists. The difference in the usage and formation of passive voice leads to some difficulties while translating passive forms from English into the Ukrainian language. This article includes different ways to deal with the difficulties.

Key words: passive voice, active voice, grammatical category, ways of translation, verb forms, indefinite personal sentences.

During many years such phenomenon as translation has attracted attention of many linguists from different countries. Different scientists give various definitions to this process. For example V.M. Krupnov considers that translation is a difficult creative and analytical process which is connected with rendering the meaning of the original text and which requires all the resources of the translator [10]. At the same time L.S. Barkhudarov defines translation as converting one source language text into the target language text preserving the content and the meaning [2]. Translation plays the great role not only as a science, but also as a means of studying cultures, literature and scientific activity of different countries. Translation helps to realize cross-cultural and multilingual communication which contributes into the cultural development of a person. It is necessary to point out that translation and its parts have always been a topical issue for investigation. During the process of translation a great number of difficulties can arise. These difficulties are connected with diversity in lexical and grammatical structures of languages. Each grammar phenomenon does not always have necessary means of rendering in the target language. Passive voice constructions can be mentioned as one of such grammatical structures. It is clear that the relations between grammatical systems of two languages rarely have full coincidence [2]. This factor makes translators to employ different changes to achieve adequacy in translation. Many linguists consider that translation of passive voice constructions can be accompanied with difficulties as there are some differences in the usage of the passive voice in the English language in comparison with the Ukrainian language. It is these differences which require precise research and comparison in both languages.

As it is known the passive voice is widely used in both English and Ukrainian texts. But there are some differences in the usage of this grammatical form in the mentioned languages. It is necessary to study this grammatical phenomenon thoroughly in order to define the difficulties and find out the ways of their solving. The verbal category of voice shows the direction of the process as regards the participants of the situation reflected in the syntactic construction.

© *M. Biryukova, 2012*

According to the dictionary the category of voice is a verbal form which demonstrates different relations between the subject and the object of the action and is formed by the verb stem. The category of voice shows the relation of the subject (doer) of the action and the object (thing) which the action is directed to. A.L. Pumpyanskiy studies this category as the verbal category whish points to the relation of the subject or the object to the action itself [11]. B.O. Ilyish emphasizes that there are two definitions of this category. According to the first definition the category of voice shows the relations between the subject and the action, according to the second definition the category of voice expresses the relations between the object and the subject [8]. The linguist Y.A. Zhluktenko considers that the category of voice in the English language is the system of two-member oppositions (*to love – is loved*) which show if the action is fulfilled by the subject or by the object. In the Ukrainian language the category of voice is used to express the relations between the subject and the object of the action [6]. So the grammatical core of the category of voice is the possibility to express subject-object relations to the action.

The grammatical system of both languages has both active and passive voice of the verb. Active voice verbs express the action which is performed by the person or the thing which is the subject of the sentence. Sentences with active voice verbs are not difficult for the translation in comparison with the sentences with the passive voice constructions. Passive voice shows the action which is done to the thing which is the subject from the side of the other person or subject. The forms of the passive voice define the action which is directed to the subject when the subject is not the doer or the object of the action.

In the English language the passive voice is formed with the help of auxiliary verb *to be* in the appropriate tense form and *Past Participle* of the notional verb. M.A. Belyayeva in her grammar book emphasizes that the verbs in the passive voice are used in all tense forms as well as the active voice verbs except the forms of Present Perfect Continuous, Past Perfect Continuous, Future Perfect Continuous forms. These forms are replaced by the Present Perfect, Past Perfect, Future Indefinite forms:

By the middle of the nineteenth century about sixty different dements ***had been discovered****.* – До *середини дев'ятнадцятого сторіччя було відкрито приблизно 60 нових елементів* [3].

The negative and interrogative forms in the English language are formed as well as the forms in the active voice.

In the Ukrainian language there are three forms of the passive voice:1) the form made from the non-perfect verbs with the help of reflective particle -ся; 2) passive participles made from the perfect and non-perfect verbs in indicative mood; 3) participial predicative forms in -но, -то. The category of voice shows the subject and object relations which do not coincide with the logical scheme of the utterance. In case there is no object, the subject is used instead of it. The category of voice can be employed only with the transitive verbs in the Ukrainian language. The peculiarity of the English language in comparison with Ukrainian is that the replacement of the active voice into the passive can be made with all types of transitive verbs which can be used either with the prepositions or without them. The presence or the absence of the object does not play any role:

They were expected. – We expected them.

The category of voice has a much broader representation in the system of the English verb than in the system of the Russian verb, since in English not only transitive, but also intransitive objective verbs including prepositional ones can be used in the passive. Besides, verbs taking not one but two objects, as a rule, can feature both of them in the position of the passive subject. Still, not all verbs which are capable to take an object are actually used in the passive. In particular, the passive form is alien to many verbs of the some subclass, such as have, belong, cost, resemble, fail, and misgive, etc. thus, in accord with their relation to the passive voice all the verbs can be divided into two large sets: the set of passivised verbs and the set of non-passivised verbs. A question then should be posed whether; the category of voice is a full-representative verbal category, i.e. represented in the system of the verb as a whole, or a partial representative category, confined only to the passivised verbal set. Considerations of

both form and function tend to interpret voice rather as a full-representative category, the same as person, number, tense and aspect. Three reasons can be given to back this appraisal.

First, the integral categorical presentation of non-passivised verbs fully coincides with that of passivised verbs used in the active voice; second, the active voice as the weak member of the categorical opposition is characterized in general not by the «active» meaning as such, but by the extensive non-passive meaning of a very wide range of actual significations, some of them approaching by their process-direction characteristics those of non-passivised verbs. Third, the demarcation line between the passivised and non-passivised set is by no means rigid, and the verbs of the non-passivised order may migrate into passivised order in various contextual conditions. Thus, the category of voice should be interpreted as being reflected in the whole system of verbs, the active voice form if not directly, then indirectly.

In the Ukrainian language the passive voice forms are made only with the perfect aspect verbs and the replacement from the active into the passive form is not always possible and new grammatical means should be searched for.

Another peculiarity of the English passive constructions is the usage of the prepositions *with* and *by.* According to A.L. Pumpyanskiy the doer or the thing which are expressed with the help of the noun or pronoun can be used in the passive construction with the help of the prepositions *with* and *by.* These prepositions show the relations which are expressed in the Ukrainian language by the instrumental case:

This was done by many scientists. – Це було зроблено багатьма вченими.

Many shops are equiped with automatic machinery. – Багато цехів обладнані автоматичними станками [11].

The issue of the correct usage of the prepositions *with* and *by* is quite complicated and is not fully researched. It is well-known that in the Ukrainian language we use different questions asking about animate and inanimate objects. In the English language we use preposition *by* speaking about animate objects and preposition *with* for inanimate objects:

This method of nitration ***has been reported*** *by several investigators*.
– Цей метод нітрування ***був вже описаний*** *декількома вченими (ким?)*

The protein ***was filtered****, washed thoroughly with water, and the buffer salts* ***were removed*** *with Biodeminrolit resin. – Білок* ***було профільтровано****, промиваючи водою, і буферні солі* ***було видалено*** *смолою біодемінроліт (чим?).*

According to linguists the divergences in the systems of both languages can be found only on the text level. That is why the studying of the peculiarities of the passive voice usage is topical for the full understanding of the voice category and for solving the problem of its adequate translation. Y.V.Breus says that there are two situations when the passive constructions may be used correctly: 1) if the subject is unknown; 2) if the subject is known but cannot be mentioned because of some reasons:

We squander most of our hard-earned petrodollars or spend them on equipment that takes years to come into use – this is what we should be worried about, not the fact that we export oil. – Та обставина, що більша частина грошей проїдається або витрачається на обладнання, яке роками не вводиться в дію, має турбувати нас куди більше, ніж сам факт експорту нафти [4].

The usage of the passive constructions is connected with the general structure of the English language and with the partial absence of cases. In the Ukrainian language the ideas can be expressed in different ways: *1) Це обладнання купувалось згідно з контрактом. 2) Це обладнання закупили згідно з контрактом. 3) Це обладнання було куплено згідно з контрактом.* But in the English language the only construction is possible: *This equipment was bought according to the contract* [9].

In the English language the passive constructions in the scientific texts are used more widely than in Ukrainian. It is connected with some language peculiarities. It is possible to replace a

sentence with the active verb into the passive even if there is a direct or prepositional object. But we cannot do it in the Ukrainian language.

Passive constructions in some English sentences do not have their equivalents in the Ukrainian.

He was told the news. This state of things cannot be put up with.

Moreover, some English transitive verbs can be translated into Ukrainian only with the help of intransitive verbs with prepositional or indirect object. These verbs are **to affect** *діяти, впливати на,***to attend** *бути присутнім на,* **to follow** *іти за,* **to influence** *впливати на,* **to join** *приєднуватися до,* **to need** *відчувати потребу в,* **to treat** *поводитися з,* **to refuse** *відмовлятися від:*

We ***were all deeply affected by*** *the news of his experiments. – На всіх нас вплинула новина про його експерименти* [7].

It is also important that some English phraseological word combinations can be used in passive constructions, for example, **to make use of, to pay attention to, to take notice of**. These word combinations cannot be rendered in Ukrainian by the appropriate verbs without changing passive into active construction:

His remarks ***were taken no notice of.*** *– На його зауваження не звернули уваги* [7].

In the scientific, technical and publicistic texts passive constructions are more widely used form than in other texts. There are several factors which influence the usage of the passive voice. In the first place there is a tendency not to describe the action from the first person. Secondly, most of the verbs which mean action, reaction or process are transitive. And at last many journals and other editions which publish this literature require more compressed style:

The man was orbited around the Earth. – Людину було запущено на орбіту навколо Землі [11].

In the Ukrainian language passive constructions are not widely used even if there is a transitive verb which corresponds to the English passive form of the verb. Passive constructions are usually replaced by the active voice forms according to the stylistic norms in order to express logical stress:

These fears were reiterated by the representative of the Weavers' Association, who said the closure would cause much hardship. – Ці ж побоювання виразив також і представник Асоціації ткачів, який сказав, що закриття шахт викличе більші труднощі [7].

Passive constructions are employed in the specialized texts in several cases. When the active subject that is the doer of the action is unknown or cannot be mentioned:

The lamp is connected in series. – Лампа підключена послідовно.

If the active subject is messed deliberately as the main idea is connected with the passive subject:

The launching of spaceship was carried out with great success. – Запуск космічного корабля було здійснено з великим успіхом. In case the author wants to emphasize the passive subject *e.g. Nearly 600 houses were smashed by the hurricane. – Майже 600 будинків було зруйновано ураганом*.

There are some cases when the active and passive constructions are used together:

Oxygen ***is drawn*** *directly from a cylinder and* ***passes*** *through the cylinder reducing valve. – Кисень беруть прямо з циліндру, і він проходить через зменшувальний клапан циліндру.*

In conclusion we can say that passive constructions are more widely used in the English texts in comparison with the Ukrainian texts and this difference can be the problem of translation which should be solved by the linguists. The problem of translation is also connected with the rules of passive constructions formation in both languages. There are some cases when the passive form

should not be changed and can be left passive in the target text. This can be achieved only if there is an appropriate verb which can be used in passive form:

The banning of taxi tips and the increasing of fares by equivalent amounts is to be suggested in the Commons tomorrow. – Завтра в палаті общин буде внесено пропозицію про заборону брати чаєві від пасажирів таксі та про відповідне збільшення плати за проїзд [4].

There is only one way to express passive voice in the English language, but the Ukrainian language has some of them. The active forms are widely used in the translation instead of passive constructions. Some sentences can be replaced by the indefinite personal ones, some verbs should be changed or sometimes even lexical means can be used to express passive voice:

Thousands of London print workers have been urged by their branches to support Tuesday's lobby of Parliament against the wage-freeze. – Місцеві лондонські організації робітників друкарень закликали своїх членів у вівторок взяти участь у поході до депутатів парламенту з протестом проти замороження заробітної плати.

In case there is an appropriate Ukrainian transitive verb which can be equivalent to the English verb with indirect or prepositional object the English passive construction can be left without changing:

The Sherman Anti-Trust Law is being interefered with. – Закон Шермана, спрямований проти монополій, постійно порушується.

In case there is an appropriate Ukrainian intransitive verb which can be equivalent to the English verb with indirect or prepositional object the English passive construction should be changed into the active one:

The bed was not slept in. – У ліжку ніхто не спав.

There are some cases when the form of the verb coinside but according to the stylistic norms we cannot leave passive construction without changing:

He was the sort of person more at ease being asked than asking. – Він належав до тих людей, які з більшою охотою відповідають на питання, ніж ставлять їх іншим.

The verbs in the form of **Indefinite Passive** can be rendered in Ukrainian with the help of:

a) combination of the verb *бути* and passive participle or passive construction with impersonal undeclined forms in *-но, -то:*

An International movement of scientists for peace and disarmament ***was founded*** *in 1955. – Міжнародний рух вчених за мир та роззброєння* ***було засновано*** *в 1955 році.*

b) verb which has particle *-ся* in its form in the appropriate tense form:

The First Goodwill Games ***were held*** *in Moscow. – Перші Ігри Доброї Волі* ***проводилися*** *в Москві.*

c) indefinite personal sentences:

Planes ***are allowed*** *to take off and land at Heathrow from six in the morning till eleven at night. – Зліт та посадка літаків в аеропорті Хітроу* ***дозволяється*** *з шостої до одинадцятої ночі.*

The verbs in the form of **Continuous Passive** can be translated into Ukrainian by:

a) the non-perfect forms of the verb in *-ся:*

In most industrial cities atmosphere, soil and water ***are being*** *constantly* ***polluted*** *with substances harmful to all living things. – Атмосфера, грунт та вода в більшості промислових міст постійно* ***забруднюються*** *речовинами, які є небезпечними для всього живого.*

б) the indefinite personal sentences:

The Russian language is ***being taught*** *in many countries. – Російська мова* ***викладається*** *в багатьох країнах.*

The verbs in the form of **Perfect Passive** can be rendered in the Ukrainian language with the help of perfect aspect forms of the verb in active or passive voice or by the verbs in the third person plural of active or passive voice in the indefinite personal sentences:

Anti-smog measures such as mandatory pollution control devices on cars and factories ***have been introduced*** *in Los Angeles. – Такі засоби боротьби зі смогом як установка на автомобілях та промислових підприємствах механізмів обов'язкового контролю за забрудненням повітря* ***а) були введені, б) введені, в) ввели*** *в Лос-Анжелесі.*

The linguist A.Y. Kovalenko pays much attention to the passive constructions with the formal subject *it* , for example, i*t is said, it is reported*. He says that such sentences can be rendered by indefinite personal sentences and are accompanied by the *that* which should be translated as *що:* ***It is said*** *that these measurements are very important. –* ***Кажуть****, що ці виміри дуже важливі* [9].

The combination of the modal verb with the infinitive in the passive voice can be translated by the active or passive voice forms:

This technical article ***must be translated****. – а) Ця технічна* ***стаття повинна бути перекладена****. б) Цю технічну статтю* ***потрібно перекласти.***

In the English language the phraseological word combinations can be used in the form of passive voice. These word combinations are sense entities and can be rendered by the appropriate verb or combination of a verb and a noun:

Care must be taken to lower the temperature. – Слід вжити заходів, щоб знизити температуру.

While translating passive constructions with transitive English verbs which have the appropriate Ukrainian equivalents with prepositional object, the preposition is put before the English subject:

The war was followed by the revolution. – Після війни почалася революція.

Taking into account all the peculiarities we can say that translating passive constructions from English into Ukrainian the translator can face many difficulties connected with the differences in this grammatical category in both languages. But at the same time there are a lot of ways and methods to have an adequate translation according to the stylistic, grammar and lexical norms of the target language.

Bibliography

1. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков: учебн. пособие / В.Д. Аракин. – М.: Высшая школа, 2000. – 256 с.

2. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л.С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.

3. Беляева М.А. Грамматика английского языка / М.А. Беляева. – М.: Высшая школа, 1977. – 333 с.

4. Бреус Е.В. Теория и практика перевода с английского языка на русский: учебн. пособие / Е.В. Бреус. – 2-е изд.. – М: Изд-во УРАО, 2003. – 104 с.

5. Бровченко Т.О. Основи контрактивного аналізу мов / Т.О. Бровченко // Порівняльні дослідження з граматики англійської, української, російської мов. – К.: Наукова думка, 1981. – С. 17–62.

6. Жлуктенко Ю.О. Порівняльна граматика англійської та української мов / Ю.О. Жлуктенко. – К.: Радянська школа, 1960. – 157 с.

7. Зражевская Т.А. Трудности перевода с английского языка на русский (на материале газетных статей) / Т.А. Зражевская, Л.М. Беляева. – М.: Международные отношения, 1972. – 140 с.

8. Ильиш Б.А. Строй современного английского языка / Б.А. Ильиш. – Л.: Просвещение, 1971. – 367 с.

9. Коваленко А.Я. Загальний курс науково-технічного перекладу: учбов. посіб. / А.Я. Коваленко. – К.: Вища школа, 2001. – 290 с.

10. Крупнов В.Н. В творческой лаборатории переводчика / В.Н. Крупнов. – М.: Сов. писатель, 1968. – 449 с.

11. Пумпянский А.Л. Чтение и перевод английской научной и технической литературы / А.Л. Пумпянский. – М.: Наука, 1964. – 383 с.

Статтю присвячено вивченню особливостей пасивних конструкцій в англійській мові та порівнянню випадків використання та побудови форм пасивного стану в українській мові. Пасивний стан як граматична категорія, яка використовується в різних типах текстів, завжди привертала увагу науковців. Відмінності у використанні та формуванні форм пасивного стану є причинами виникнення труднощів при його перекладі з англійської на українську мову. У цій статті наведено можливі способи подолання таких труднощів.

Ключові слова: пасивний стан, активний стан, граматична категорія, способи перекладу, форми дієслова, неозначено-особові речення.

Статья посвящена изучению особенностей пассивных конструкций в английском языке и сравнению случаев использования и образования форм пассивного залога в украинском языке. Пассивный залог как грамматическая категория, которая используется в разных типах текстов, всегда привлекал внимание ученых. Отличие в использовании и образовании пассивного залога являються причинами возникновения трудностей при его переводе с английского на украинский язык. В данной статье приводятся возможные способы преодоления таких трудностей.

Ключевые слова: пассивный залог, активный залог, грамматическая категория, способы перевода, формы глагола, неопределенно-личные предложения.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

УДК 81`25=111

G. BYELYAKOVA,
Lecturer of English Philology and Translation Department
Alfred Nobel University, Dnipropetrovsk

THE PECULIARITIES OF AMERICAN BUSINESS REALIA TRANSLATION INTO UKRAINIAN

The article deals with the analysis of peculiarities in the process of translation of American Business realia into Ukrainian. The author finds the aspect of American Business realia translation to be poorly studied. In addition, the author provides her own definition and classification of American Business realia and determines the most appropriate ways of translation into Ukrainian.

Key words: realia, cross-cultural aspect of translation, American Business English realia, classification.

In our current era of globalization countries try to break down barriers separating them with the language barrier being one of a kind. Ukraine is also involved in this process as a prospective candidate to join EU. As a part of such efforts Ukraine tries to establish and develop cooperation with other countries, and this implies cross-cultural communication. A successful communication process can be fruitful only if we possess the knowledge such countries' not just the language but their culture and customs as well.

In 1827 Goethe wrote that translating labor was and still is one of the most important and worthy matters connecting the entire universe together. These words characterize the translator as a creative person who carries the works beyond the limits of one's national culture. A translator within the realm of his work enriches language and culture of the target and source languages.

In the process a translator may face a lot of problems and realia translation is one of the most difficult and topical one, and it suggests a perfect ground for our investigation.

The word realia comes from medieval Latin, in which it originally meant «the real things», i.e. material things, as opposed to abstract ones. In translation, **Realia** are words and expressions for culture-specific material things. S. Vlakhov and S. Florin, the Bulgarian translators, were the first to carry out and in-depth study of realia. They indicated that since realia carry a very local overtone, they often pose a challenge for the translation [1].

S. Vlakhov and S. Florin determine realia to be a particular category of the expressive vocabulary, including words and word-combinations naming the objects of life, culture, history of a nation which are unfamiliar to another one. The researchers note that the process of realia translation needs a particular approach, because they do not have a corresponding equivalent in other languages, as they are bearers of national and historical connotation [1, p. 2].

There are many definitions of term «realia». Some of linguists examine realia as a variety of nonequivalent words, another confirm that it is the same.

However, we incline V. Komissarovs' point of view. He says that realia is not only facts of culture life of the country but also proper names, geographical names, names of buildings etc [3, p. 4].

There are many classifications of realia, depending on the sign, which provides the basis.

© *G. Byelyakova, 2012*

Thus, Z. Proshina proposes to divide realia into 4 types: unique realia (balalaika – balalaika, matrioshka – Matryoshka); analoges (drug-store – pharmacy); similar realia with different functions (cuckoo 's call – asked for by an American girl to find out how soon she will get married) – call of the cuckoo – counted by a Russian to find out how long s / he will live); language lacunae of similar notions (clover-leaf – автомобильная развязка в виде клеверного листа) [5].

G.Tomakhin defines onomastics realia, which include: geographical names (toponyms), especially with the cultural and historical associations; anthroponomy realia these are the names of historical figures and characters of fiction and folklore, historical facts and events in the life of the country, the names of state-institutions and governmental agencies and many others.

The words, denoted by the appellative lexicon: geographical terms, features of the natural geographic environment, flora and fauna, and some words (including general terms) relating to the political system, socio-political life, legislative system, military affairs, the arts, education, manufacturing and industrial relations, customs and traditions [6].

All of the given definitions characterize the notion of «realia» as a linguistic unit, naming the elements of the «alien» culture, which have national, historical, local and every-day life coloring and absent in other cultures and languages.

The category of realia as a linguistic unit is not finalized, and there are a lot of opinions. However, majority of scholars (A.F. Fedorov, S.I. Vlakhov, S.T. Florin, etc.) agree that realia can be expressed by independent words and word-combinations, which are semantically equivalent to these realia [1; 2; 7; 8].

Distinctive feature of realia is nature of its content (connection of the specific object with a certain country, nation, social community) and the link to a certain period of time. On the basis of these features, S. Vlakhov and S. Florin proposed the detailed classification of cultural realia:

a) geographic realia:

1) physical geography and meteorology (tornado, tsunami);
2) endemic species (iguana, cheryomucha).

b) ethnographic realia:

1) everyday life (spaghetti, koumiss, sauna);
2) work (rancho, kolkhoz, consierge);
3) art and culture (kazachok, balalaika, chastushki);
4) ethnic objects (cockney, yankee);
5) measures and money (arshin, pud, peseta).

c) political and social realia:

1) reginal administrative agencies (county, hutor);
2) offices (duma, forum, khan)
3) social and political life (Bolshevik, samurai, madame);
4) military realia (katyusha, marshal, ataman) [1].

However in the view of the globalization process and wide international business relations, we would like to address the problem connected with translation of American Business English realia into Ukrainian.

Having reviewed the theoretical basis of this aspect we have found American Business English realia to be poorly studied.

Therefore, we decided to provide our own definition and classification of American Business realia:

Realia of business are vocabulary units peculiar to a certain nation which denote objects, notions, situations, practices and phenomena as an integral part of the business and economic relations between people as to organization of business, management, production, distribution, marketing and so on.

The classification of American Business realia:

I. Names of US companies and organizations: General Motors Corp., MGA, Starbucks.

II. Work:

1. **Personnel and Human Resources**: CEO, back office.
2. **Business tools**: silo, ticker tape.
3. **Organization of labor**: bylaws, an entry level.
4. **Recruitment and dismissal:** pink slip, stress interview.

Wages, salary and benefits: wage price spiral.

III. Trade:

1. **Names of goods and services:** squashes, spa.
2. **Production:** farm out, beta test.
3. **Marketing:** brand makeover, cash cow.
4. **Price policy:** prestige pricing**,** year end sale, rain check.
5. **Sales:** Joe six pack, bundling strategy.
6. **Promotion:** icebreaker, clutter.

IV. Measures and money: foot, visa card, gallon.

V. Accounting: allocation, massage.

VI. Finances: factoring, credit line.

VII. Bank operations: T-bills, blue chips.

VIII. US tax legislation: tax shelter.

IX. Insurance: underwriter,

X. Ethics: code of ethics,

XI. Business documentation: Occupational Safety and Health Act.

XII. Associations, Trade Unions and Government Organizations: American Bar Association, Food and Drug Administration, Illinois CPA Society

Culturally-bound expressions like realia are among the prominent translation problems, especially when translation occurs between two distinct languages like English and Ukrainian which are considerably separated both linguistically and culturally. Yet, we ought to ask ourselves if there are any set strategies that a translator can employ to tackle realia despite the obvious specificity of the issue? As with other questions of relative character there is no universal approach meant to solve all problems with realia either.

Indeed, the correct variant of realia translation – an equivalent which is able to impress the reader in a way as the author of the origin composed. Frequently, it is the key element which represents the describing picture in a whole. In order to achieve this goal, the translator should consider all possible options of translation and choose the most appropriate.

Means of realia translation are predefined with:

– the character of the text,
– importance of the realia in the context,
– nature of the realia,
– reader of the translated text.

According to A. Fedorov, the following three methods can be distinguished:

1) transliteration (complete and partial),
2) creation of new words or word-combinations,
3) finding close equivalent [7].

A more detailed classification of the methods of translation was offered by S. Vlakhov and S. Florin:

I. Transcription.

II. Translation (replacement):

a) neologism:
b) calque
c) semi-calque;
d) the semantic neologism.

III. Approximate translation:

a) the genus-species line;
b) the functional equvalent;
c) a description, explanation or interpretation.

IV. Contextual interpretation [1].

With the purpose to define the peculiarities in translation American Business realia into Ukrainian we have studied both different sources of theoretical literature and analyzed the number of authentic American editions of business orientation [8; 9; 10].

The carried out analysis has proved that the main difficulty in translation of American Business realia into Ukrainian is the semantic component contained in each realia. Thus, translator may use the following means in order to render them correctly:

1. By Transcription or Transliteration

By «transcription» we mean: transmission of **sounds** of a foreign language using the letters of the alphabet of the receiving culture.

Eg.: ABC – «Ей-Бі-Сі».

Whether or not the receiving culture and the source culture use the same or different alphabets involves further inconsistencies if the alphabet is different, the change is all the more necessary (although there are also text insertions in different alphabets) so that the receiving culture reader is able to process the message. If the alphabet is the same, there can be cases of adaptation reproducing the pronunciation (for example, the English chewing gum can become in Italian «ciuinga», and be treated as an Italian word of feminine gender).

Transliterarion is on the other hand transmission of letters of a foreign word using the letters of the alphabet of the receiving culture.

Eg.: Burger King – «Бургер Кінг».

The emphasis of transcription is, therefore, on sound, while the emphasis of transliteration is on the graphic form. When transliteration is taken to the extreme, it is possible to anyone (even a computer) to reconstruct the original form of a word, as if it were the coding/decoding of the Morse alphabet.

One could even go further, and say that the transcription approach is useful in direct interpersonal relationships, in everyday, matter-of-fact situations, while transliteration is useful in the more intellectual relationships, mediated by written formulation.

2. **By Transcription or Transliteration and Explication of Their Genuine Nationally Specific Meaning.**

In many cases the lingual form of realia conveyed through transcription or transliteration can not provide a full expression of its lexical meaning. As a result an additional explication of its sense becomes necessary. It happens when the realia are introduced in the Target Language for the first time or when the realia are not yet known to the broad public of the Target Language readers. The explanation may be given either in the translated passage/speech flow, where the realia are based, or in a footnote – when a lengthy explication becomes necessary:

Eg.: DuPont – «ДюПонт», одна з найвпливовіших груп фінансового капіталу США.

3. By calque

Calque or **loan translation** is a word or phrase borrowed from another language by literal, word-for-word (Latin: «verbum pro verbo») or root-for-root translation.

Eg.: Shadow Cabinet – тіньовий кабінет.

4. By Translation of Componential Parts and Additional Explication of Realia

The proper meaning of some realia can be faithfully rendered by the way of regular translation of all or some of their componential parts and explication **of** the denotative meaning pertaining to the source language unit. Such and the like explanations can not, naturally, be made in the text of translation, hence they are given usually in the footnotes:

Eg.: blue chips – «блакитні фішки»1

1– першокласні цінні папери, які завжди відрізняються низьким ризиком знецінення.

6. By Descriptive Explaining/Explication Only

When the transcription/transliteration can not be helpful in expressing the sense of realia or when it might bring about an unnecessary ambiguity in the Target Language narration/text explications and explaining are used.

Eg.: tabloids – малоформатні газети бульварного напряму.

7. **By Ways of Word-for-word or Loan Translation**

A faithful translation of sense realia may be achieved either by the way of word for-word translation or by the way of loan translation.

Eg. Salvation Army – Армія порятунку.

6. Translation by Means of Semantic Analogies/Equivalents

There are some peculiar notions in both the languages. Consequently, similar/analogous national notions in different languages may appear as a result of direct or indirect borrowings [12]:

Eg.: Food and Drug Administration – Управління з контролю за продуктами і ліками.

In conclusion, it is essential to emphasize that the problem connected with the translation of American Business realia into Ukrainian is considered to be a topical one, since there is a great number of these realia in a language and the aspect is poorly studied. Moreover, in order to feel free in a foreign culture a person should constantly refresh his knowledge as the society development influences language enrichment. New realia appear and old may become just ordinary words; therefore, the aspect will be topical at all times.

Bibliography

1. Влахов С. Непереводимое в переводе. Реалии. «Министерство Перевода». Сборник статей. 1969 / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Советский писатель, 1970. – 320 с.

2. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика / А.Д. Швейцер. – М.: Воениздат., 1973. – 326 с.

3. Комисаров В.Н. Лингвистика перевода / В.Н. Комисаров. – М.: Международные отношения, 1980. – 167с.

4. Комисаров В.Н. Пособие по переводу с английского языка на русский / В.Н. Комисаров, Я.И. Рецкер, В.И. Тархов. – М.: Высшая школа, 1965. – 268 с.

5. Прошина З.Г. Теория перевода / З.Г. Прошина. – Владивосток: ДВГУ, 2002. – 254 с.

6. Томахин Г.Д. Прагматический аспект лексического фона слова / Г.Д. Томахин // Филологические науки. – 1988. – № 5. – С. 54–67.

7. Федоров А.В. Основа общей теории перевода (Лингвистический очерк) / А.В. Федоров. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 1968. – 234 с.

8. Зорівчак Р.П. Реалія в художньому мовленні; перекладознавчий аспект / Р.П. Зорівчак. – Львів: Іноземна філологія, 1994. – 286 с.

9. Зорівчак Р.П. Реалія і переклад / Р.П. Зорівчак. – Львів: Іноземна філологія, 1989. – 198 с.

10. Лапоногова Н.А. Языковые реалии американского бизнеса / Н.А. Лапоногова. – К.: Парламенское издательство, 2004. – 224 с.

11. Суперанская А.В. Принципы передачи безэквивалентной лексики / А.В. Суперанская // Великобритания, лингвострановедческий словарь. – М.: Филологическая мысль, 1978. – 568 с.

12. Фененко Н.А. Язык реалий и реалии языка [Электронный ресурс] / под ред. А. А. Кретова. Воронеж: ВГУ, 2001. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/18_EN_2009/Philologia/48556.doc.htm

Статтю присвячено особливостям передачі реалій американського бізнесу українською мовою. Автор висловлює думку, що аспект передачі реалій американського бізнесу недостатньо вивчений, пропонує своє визначення поняття, класифікацію реалій американського бізнесу і виділяє найбільш прийнятні способи передачі.

Ключові слова: реалія, міжкультурний аспект у перекладі, реалії американського бізнесу, класифікація.

Статья посвящена особенностям передачи реалий американского бизнеса украинским языком. Автор выражает мнение, что аспект передачи реалий американского бизнеса недостаточно изучен и предлагает свое определение понятия, классификацию реалий американского бизнеса и выделяет наиболее предпочтительные способы передачи.

Ключевые слова: реалия, межкультурный аспект в переводе, реалии американского бизнеса, классификация.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

УДК 81'2.811.111

I. ISCHENKO,
Senior Lecturer of English Philology and Translation Department
Alfred Nobel University, Dnipropetrovsk

DIFFICULTIES WHILE TRANSLATING REALIA

This article deals with translation of realia and their classification. It provides the analysis of the role which correct rendering of realia plays for conveying a source text. There are presented the ways to solve the difficulties which may occur in the process of translation.

Key words: communicative competence, realia, connotative lexicon, background lexicon, equivalence, transcription, transliteration.

The main purpose of teaching any foreign language is not only acquisition of knowledge and skills but also acquiring of cultural, traditional and linguistic background by the students of the Translation Department. Therefore there arises a question of the country-study aspect.

Culture-oriented linguistics studies the language itself as well as the cultural and traditional background. The main aim of this subject is to provide the communicative competence in the act of communication, mainly through the adequate perception of the interlocutor's speech and understanding of the authentic texts.

The main task of the culture-oriented linguistics is to study the linguistic units, which the most brightly show the national peculiarities of the culture of the native speakers: realia, connotative lexicon, background lexicon.

Any translator considers the translation of relias to be an interesting as well as difficult work, because insufficient awareness of history, culture, traditions, social order, political life can result in inadequate translation which can fail to be perceived by the recipient or be perceived in a wrong way.

Such a situation can occur because realias are the words which may convey the cultural identity of the native-speaking population. The peculiarities of the culture may be unknown to the definite person from another country so the translator is that very person who is responsible for the 'clear' translation.

Translation as a term has a polysemic nature, its most commonly known and the most general meaning is connected with the process of communicating the meaning of the word, group of words, sentence or abstracts from the text from the source language into the target language [5, p. 203]. The term 'translation' is also a replacement of the textual material of the source language with the equivalent textual material of the original language [2, p. 132]. The main task of any translator is to provide the adequacy. The adequacy is a complete rendering of the meaning content of the original and full functionally-stylistic corresponding to it. It is clear that it is necessary for the content of the source text and the target text to be identical, thus we may make a conclusion that the translation has to preserve the content of the source text: full-value of the translation means the complete communication of the source content and full functionally-stylistic correspondence to it [4, c. 203]. But A.S. Burkhudarov considers the full correspondence to be quite relative, as it is impossible to avoid omissions while translating, or

© *I. Ischenko, 2012*

there appears incomplete conveying of the notions from the original texts [2, c. 100]. According to this the target text may never be full and completely equivalent to the original text. Hence it is necessary to specify that the terms «equivalence» and «adequacy» are different in some way.

Equivalence performs the function of the base of the communicative interchangeability, which makes the text be a translation.

The term «equivalence» means conveying the content of the original text by means of translating, which is regarded as the total information contained in the text including emotional, stylistic, imaginative, aesthetic functions of the linguistic units. This way equivalence is a wider notion, than «accuracy» of translation, which only means the preservation of the logical content of the original text. That is to say, the level of equivalence is a demand for the maximum correspondence to the original text.

By its meaning adequate translation is equivalent, though the level of the notional similarity between the original text and the target one may be different. The most complete equivalence means the most possible similarity between the texts. Equivalent translation will not always be considered adequate only because it satisfies the demand for the notional approximation to the original.

A lot of Ukrainian, Russian and foreign researchers devoted their work to the study of the realia. This issue has been researched intensively and skillfully enough, but from our point of view it still remains relevant and, in some way, quite new for the modern scientists, because life of people is developing and changing thus creating new realia, notions which need to be studied. Also this issue is still relevant, because we may find the fields of the realia research which have not been studied well and try to observe the realia in these unknown fields.

To enter this field it is necessary to understand what «realia» means in the first place, both within translation studies, and without; in this we will be helped by two Bulgarian researchers, Sergej Vlahov e Sider Florin, who in 1980 published a whole book covering what is normally called «untranslatable», realia included.

The word «realia» has its origins in Latin, not the language spoken by Romans, that used by Middle Age scholars in many European countries as a language of science, research, philosophy. Since in Latin the plural neuter nominative of an adjective transforms it into a name, «realia» means «the real things», as opposed to words, that are considered neither «things» nor «real». For this reason, the word is a plural of «realis» (real), that, however, is not found in most Latin dictionaries because they usually contain the Classical, not Medieval, Latin occurrences.

In this meaning, the word signifies the objects of the material culture.

Entering in the field of translation studies, a radical terminological change must be enforced: «realia», in fact, does not mean objects, but signs, words and, more precisely, those words signifying objects of the material culture, especially pertaining to a local culture. It is, therefore, necessary to distinguish realia-objects (mostly outside translation studies) and realia-words (mostly inside translation studies).

In every language, there are words that, without in any way distinguishing themselves in the original from the verbal co-text, nonetheless they are not easily transmissible into another language through the usual means and demand from the translator a peculiar attitude: some of these pass to the text of the translation in unaltered form (they are transcribed), others may only partially preserve in translation their morphological or phonetic structure, still others must sometimes be substituted for lexical units of a completely different value or even «composed». Among these words, we meet denominations of element of everyday life, of history, of culture etc. of a given people, country, place that do not exist in other peoples, countries and places. Exactly these words have received in translation studies the name of «realia».

Linguistic differences notwithstanding, we need to be careful not to confuse the field of realia with the field of terms. Let's get Vlahov and Florin's opinion on the subject.

Between realia and terms there is a fundamental difference. Terms are the basis of scientific lexicon; their scope is specialized, scientific literature; in other spheres, above all in artistic literature, they are used with a definite stylistic aim. Realia are not met mainly in artistic literature, as it is well known they represent elements of the local and historical color; we find them in some descriptive sciences also, but they are now used, above all, as denominations of described objects or even as pure terms [3, p.102].

There exist several classifications of the notion «realia», but all of them are quite similar.

Realia as the units of translation are divided into abbreviations and phrases. Also they may be divided into the geographic and ethnographic realia. The geographic realias are names of the geographic and atmospheric objects and endemic species. Etnographic realia describe everyday life and culture of nations, their spiritual and material culture, traditions, religion, art, folklore etc. Etnographic realias are those connected with everyday life, art and culture, names of residents and ethnic objects, currency units.

Within one language we should distinguish own realias and borrowed realias which in their turn are divided into national (known to all the citizens of the country), local (belonging to one dialect), microlocal (peculiar to definite locality).

Comparing several languages we may distinguish regional realias and international, existing in the lexicon of many languages, which entered the vocabulary though preserving their initial colour.

Taking into consideration everything mentioned above we may say that the main feature of the realia is their colouring. To convey this colouring is the most difficult task for any translator while translating.

Some researchers such as Vereschagin and Kostomarov refer realias to the non-equivalent lexicon, claiming that they may not undergo any translation. However, realia is a part of the source text that is why its correct interpretation in the target text is one of the conditions for the translation to be adequate. Therefore the question whether to translate the realia is not the problem, but that of the way of its interpreting.

Translation of the realia demands the translator to be especially careful. Although we mean the notions and objects which may be accurately described and defined, while translating them into the target language there may occur remarkable deviations and variations. It is connected with the fact that by the frequency of use, by the role in the language, by the household meaning, the words naming the realias do not have any term colouring; they do not outstand even in the most everyday content of the source text thus being usual for the source language which is the biggest difficulty for the translator.

To translate the realia in a correct way it is necessary to take into account the following factors: the type of the text, the meaning of the realia in the text, the type of th realia and its systematic role in the culture of the source language, the degree of perception of the unusual word-collocations and «exotic» expressions in the target language.

It is clear that to communicate the definition of the objects used in the source language and the images connected with them, it is necessary to have definite awareness of the reality described in the source text. In the theory of translation such awareness is called «background» which is a complex of the ideas about the real background of the life in the country of the source language [1, p. 93]. Background lexicon is the words or expressions bearing some additional meaning and definite semantic and stylistic flavor, which affect the main meaning and are known to all the people belonging to some peculiar language group.

There exist four ways to render the realia into the target language: transcription or transliteration; neologism (calque, half calque, appropriation, semantic neologism); realia substitution; approximate translation (generalization, functional analogue, description, explanation, interpretation).

Transcription is, in its turn, divided into transcription proper and transliteration. By «transcription» we mean transmission of sounds of a foreign language (usually proper name, geographic name, scientific term) using the letters of the alphabet of the receiving culture.

Whether or not the target language and the source language use the same or different alphabets involves further differences. If the alphabet is different, the change is even more necessary (although there are also text insertions in different alphabets) so that the target language reader could be able to process the message. If the alphabet is the same, there can be cases of adaptation reproducing the pronunciation. Transliteration is on the other hand a transmission of letters of a foreign word using the letters of the alphabet of the target language.

Transcription makes emphasis on the sound, while the emphasis of transliteration is on the graphic form. When transliteration is taken to the extreme, it is possible to anyone (even

a computer) reconstruct the original form of a word, as if it were the coding/decoding of the Morse alphabet.

One could even go further, and say that the transcription approach is useful in direct interpersonal relationships, in everyday, matter-of-fact situations, while transliteration is useful in the more intellectual relationships, mediated by written formulation.

Next way of translation realia is the neologism, often amounting to a calque. By «calque» we usually mean the «translation calque»: with material of the receiving language a simple or composed word is formed by literally translating the elements of the expression in the source culture. One classic example is the English *skyscraper*, that has many calques in different languages: the Russian *neboskreb*, the Italian *grattacielo*, the French *gratte-ciel*, the German *Wolkenkratzer*, for example.

Then there are half-calques, in which just a part of a composed expression in preserved.

There are instances of appropriation, i.e. of adaptation of foreign realia: a word in the receiving language is created that, however, fundamentally is worn over the frame – even from a phonemic point of view – of the original word.

The semantic neologism, on the other hand, is different from the calque due to the absence of an etymological connection to the original word. It is a word, or word combination, «created» by the translator in order to permit the rendering of the meaning contents of realia. It is also called semantic calque. One example is the English *snowshoes* from which the Russian *snegostupy* derives, formed with the sneg-root, meaning «snow» and the root stup-, meaning «step» (and having the same etymology of the English word).

There are also instances of fake calques, or pseudocalques, or presumed calques. For example, in American English the Italian word latte is used to mean not what in Italian is meant by latte (milk), but «espresso coffee mixed with steamed milk», i.e. «cappuccino», another element of realia that, by contrast, has passed unchanged in the English-speaking culture.

According to Vlahov and Florin, this method causes an unacceptable «substitution» of the prototext's colour with a different colour. There are paradoxical situations in which the nearest realia to foreign realia in the receiving culture are realia, often themselves adopted (from a foreign culture), often international, but close, understandable to the reader and somehow colourless, for which reason they are preferred [2]. They are chosen, implicitly, by translators preferring such a strategy. Even on this plane, it is impossible to state that one strategy is absolutely better or worse than another. Realia substitution can make sense, especially if the text has a pragmatic, utilitarian dominant, and the style can be given a low priority. It is clear that such a strategy, whenever applied to literary texts, tends to flatten the cultural differences, to negate them, to alter reality in order to render a text understandable, better, to make it understood without the effort to accept its diversity.

Then there is approximate translation of realia that, according to Vlahov and Florin, is the most popular. This approach allows to translate the material content of an expression at least in a vague way, but the color is nearly always lost, because instead of the connotation prescribed by the author's strategy, we have an expression necessarily deprived of that intent connotation, having a neutral style. Within such approach there are some subtypes:

The principle of substitution with a generic expression of broader meaning is resorting to the noted translation principle of generalization. The approach is indicated whenever the translator arbitrarily decides not to translate the local colour, knowing that in this way he can give an idea of the objective, material reference. Another subtype provides the substitution with a functional analogue. The definition of this strategy is very poor, because it merely says that the substituted element arouses a similar reaction in the receiving culture reader to the one aroused by the prototext on the source culture reader. Speaking of aroused reactions is very dangerous, because there is neither objective confirmation nor the possibility of distinguishing the reactions of one reader from those of another, there is a supposition on a sort of standard reader.

Based on such a technique, for example, a not widely known game very popular in the source culture can be substituted for a very popular game in the receiving culture. In a translation from Russian into Bulgarian, since *chess* was not well known, a translator has transformed a *chess game* into a *checkers game* (and maybe he would have turned it into a volleyball game, but he couldn't, because the two men had «sit to play»).

A third subtype is regarded as the description, explanation and interpretation of the realia elements instead of realia, a periphrasis is introduced explicitating the denotative content. For example, instead of a Russian *armyak* you write *«rough cloth coat»*.

There is a fourth translation strategy consisting in the contextual translation of the realia. Realia elements are substituted with words that, in the context and co-text in which they are placed in the original, explain the sense of such a collocation. Instead of translating the lexical meaning, the systemic, relational meaning is translated, that would be, naturally, vane to search for in the dictionary. This option is followed when the translator thinks that the context is the dominating factor in a given message. The example reported by Vlahov and Florin is the Russian sentence *Skol´ko stoit putyovka na sovetskij kurort?*that is translated: *How much are accommodations at Soviet spas?*In this way the sense of *putyovka* is lost, it being a sort of official certificate given to someone going on vacation, or taking a refresher course, or going on retreat, that, in Soviet times, could have been free or cost a symbolic sum. Evidently this word has no 'analogue' in cultures outside the Russian-Soviet one.

Obviously all those types of translation realia are almost never used separately, they are usually combined as if using only one way of rendering the text may lose its national peculiarity or, vice versa, can be over flooded with the foreign speech (for example while using transliteration only).

Now we proceed to the choice of one or the other strategy.

The first choice to be taken is, of course, between transliteration and translation. It is possible synthesize the variables on which such a choice depends into five points: the type of text; the significance of the realia in the context; the type of realia, their systemic role in the source culture and in the receiving culture; the languages, the collocations, the degree of acceptance of unusual collocations and exotic expressions in the receiving culture, and the translator's will to «force» the reader to overcome mental laziness in favor of a richer world awareness.

If the text is a scientific text, there are probably not many realia, and the few present are mostly actually terms (words of technical terminology), that usually have the corresponding term in the receiving culture as the resulting translation. In public affairs writing, transliteration is statistically more frequent, while in fiction the choice depends mostly on the translation strategy.

The presence of realia in the text can be more or less significant, their role can have a greater or lesser semantic value. The realia elements being alien or proper to the source language constitutes a major difference in their consideration. When realia are alien to the source culture, it is probable that a neuter translation strategy consists in transliterating or transcribing them. The presence of realia pertaining to the source culture, on the contrary, poses a much more serious problem to the translator.

In the different national dictionaries, there is no uniform quota of foreign words. Some cultures are more inclined to adsorb words from «alien» cultures than others. And, for historical reasons of the single nations, some cultures leave their mark on others. For example, in the former Soviet countries, like the Baltic countries that are entering the European Union, until 1991 the quantity of Russian borrowings was very high, due to the political domination. It is very probable that, within the bounds of reason, such borrowings have been going into disuse since 1991, when these republics became independent again.

The degree of awareness of determined realia in a given culture is an essential parameter. Some hardly ever arouse any doubts: it is the case of ruble, franc, Bolshevik, toreador, Thermidor, Jacobin. These are words found in almost any dictionary, and in these cases transcription is a nearly obliged choice, because the reader that could in the event not being aware of their meaning can easily indirectly access it. The realia that really challenge are national, regional and local realia (of the source culture). Of these, the ones semantically more active can be transcribed, the secondary ones can be translated, according to the whole translation strategy.

While translating realia the translator may face some difference between the semantic systems of different languages. There are three main types of correspondence between lexical units of the two languages: 1) full correspondence; 2) partial correspondence; 3) absence of correspondence.

Full correspondence is quite rare to meet. As a rule these are the words, which have only lexical meaning in both languages. They are proper names and geographical names (*Homer –*

Гомер; Poland – Польша); Scientific and technical terms (*logarithm – логарифм, sodium – натрий)*.

Partial correspondence means that a word from the source language has several semantic equivalents in the target language. For example, a Russian word *рука* has two corresponding translations into English – *arm* and *hand*, each of them having more narrow meaning: *arm* means the upper part of the limb whereas *hand* means its lower part.

In other cases visa versa the English words may be semantically non-differentiate in comparison with the Russian ones. For example, stove – *печь* and *плита.*

It is necessary to mention that to have the most adequate translation the translator needs to use the reconstruction of the syntactic structure of the sentence, lexical replacements with full change of the meaning of the word from the target language or both of those methods at same time, thus using so called lexico-grammatical transformations.

Bibliography

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод / Л.С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 235 с.

2. Влахов С. Непереводимое в переводе. Реалии. «Министерство Перевода». Сборник статей / С. Влахов, С. Флорин. – 1969. М.: Советский писатель, 1970. – 320 с.

3. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода / В.Н. Комиссаров. – М.: Международные отношения, 1980. – 167с.

4. Федоров А.В. Основы общей теории перевода / А.В. Федоров. – М.: ООО Филология три, 2002. – 416 с.

5. Korunets I.V. Theory and Practice of Translation / I.V. Korunets. – Vinnytsia.: 2001. – Nova Knyha Publishers. – 446 p.

У статті розглядаються способи перекладу реалій та їх класифікація. Подається аналіз того, наскільки важливим є правильний переклад реалій для передачі змісту вихідного тексту, а також труднощів, які можуть виникнути в процесі перекладу.

Ключові слова: комунікативна компетенція, реалія, конотативна лексика, фонова лексика, еквівалентність, транскрипція, транслітерація.

В статье исследуются способы перевода реалий и их классификация. Даётся анализ того, насколько важным является правильный перевод реалий для передачи смысла исходного текста, а также трудности, которые могут возникнуть в процессе перевода.

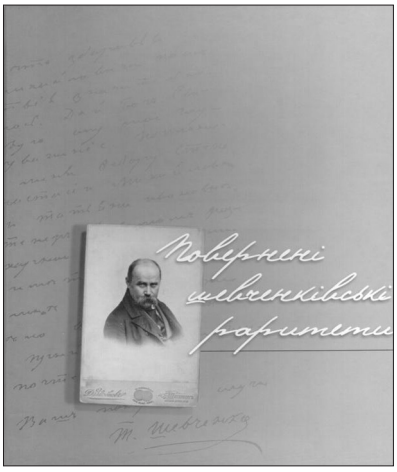
Ключевые слова: коммуникативная компетенция, реалия, конотативная лексика, фоновая лексика, эквивалентность, транскрипция, транслитерация.

Надійшло до редакції 8.06.2012.

РЕЦЕНЗІЇ, ХРОНІКИ НАУКОВОГО ЖИТТЯ

В.Д. НАРІВСЬКА,
доктор філологічних наук, професор
кафедри зарубіжної літератури
Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара

Рецензія на книгу «Повернені шевченківські раритети» / авт. проекту С. Гальченко; упорядкування, наук. опис колекції, примітки С. Гальченка, Н. Лисенко. – Дніпродзержинськ: Видавничий дім «Андрій», 2010. – 288 с., 514 іл.



У 2014 р. світова спільнота святкуватиме знаменну дату – 200-річчя з дня народження Тараса Григоровича Шевченка. Цій події присвячені значні проекти Інституту літератури ім. Т.Г. Шевченка Національної академії наук України. Ініціатором найбільш цікавих з них є Сергій Анастасійович Гальченко – відомий і за межами України вчений, дослідник багатогранної шевченкової творчої спадщини, що сприяє зміцненню суто наукової позиції щодо «проблеми Т. Шевченка» всупереч наявним популістським тенденціям.

Книга «Повернені шевченківські раритети» – унікальне видання, що становить величезну цінність не тільки для української культури. Воно містить репродукції оригінальних гравюр, рукописів, фотографій, листів, унікальних видань (першого «Кобзаря» 1840 р., декілька самописних рукописних «Кобзарів», які розповсюджувалися серед читачів у другій половині XIX ст.) і численні інші не менш унікальні матеріали – загалом 514 ілюстрацій. Кожен з цих матеріалів уже становить велику цінність, як і все, що пов'язане з життям та творчою долею поета й художника. Але у цих матеріалів особлива доля. У видання увійшла найбільш цікава частина гравюр, рукописів, фото, видань та листів Т. Шевченка, а також документів і матеріалів, що були вивезені з України у жовтні 1943 р. тодішнім директором Будинку-музею Т. Шевченка Андрієм Терещенком. Про складну долю директора музею, пережиті ним випробування, про його подвижницький шлях, життя, що було присвячене меті збереження музейної колекції, її мандри по світу и про процес тривалого повернення в Україну, що розпочався у 1992 р. і завершився лише у 2006-му (майже 15 років) – розповідає у передмові до видання С. Гальченко. Вчений виклав великий фактичний матеріал про долю музею у роки Великої Вітчизняної війни, коли геть не всі шевченківські архіви та музейні експонати були евакуйовані до Башкірії та Сибіру перед фашистською окупацією Києва. Значну частину цих скарбів було залишено напризволяще, як і директора Андрія Терещенка, його дружину Любину та декілька співробітників. Саме вони й зайнялись порятунком колекції, оскільки, як відомо, після стрімкої капітуляції Києва та приходу гітлерівців центр міста стрясали вибухи, пожежі. Постраждав і Будинок-музей. Проте А. Терещенку та його співробітникам вдалося зберегти колекцію і всупереч складним умовам окупації протриматись до осені 1943 р. «Напівпухлий від голодування й хворий, підпираючись двома ціпками, він (А. Терещенко – В.Н.) заходився коло того музею, пошклив у ньому всі вікна, поновив експозицію з етикетками і отримав дозвіл відкрити музей-будинок

© *В.Д. Нарівська, 2012*

для відвідування. Але зима була люта, все замерзло, палива не було. Харчів також майже не було – давали хліб з молотого несіяного проса», – писала у своїх спогадах Любина Терещенко, які цитує С. Гальченко.

Потім розпочалась сповнена пригод і таємниць одисея шевченківських раритетів. А.Терещенко намагався зберегти колекцію не тільки від знищення, але й від безслідного зникнення, тому прийняв рішення відправити її до Праги, до університету, але не мав для цього ані коштів, ані транспорту. Але у німців були, безумовно, свої плани. Тому шевченкіану було розкидано по Європі. Насилу А.Терещенку вдалось частково дізнатися, куди й що було вивезено. Так, частина колекції опинилась у Познані, але його до неї так і не допустили. Намагаючись зберегти ті цінності, що в нього були, А. Терещенко йшов на Захід (Словаччина, Австрія, Німеччина). У 1951 р. зі всім, що мав, – знайденим та збереженим – А. Терещенко зміг виїхати до США. Матеріали розійшлися по українських закладах Америки і Канади, оскільки перебування подружжя Терещенків за океаном було нелегким. За своїм фахом вченим так і не довелося працювати, але зберегти деякі, найдорожчі, вивезені з Києва у 1943 р., раритети вони змогли. Здійснилася і мрія подружжя – цінності повернулися в Україну, і у 2006 р. експонувалися (вперше після 1943 р.!) у Київському Будинку-музеї Т.Г. Шевченка.

Розповідь про долю А. Терещенка, про воєнні та повоєнні мандри колекції, що є народним надбанням, перетинається із викладенням фактів подвижницької діяльності вчених, які за радянських часів змогли зберегти та збагатити музейну шевченкіану, – академіка Миколи Білешевського і професора Данили Щербаківського. Доля їх склалася трагічно. Ще у 1924 р. М. Білешевського звільнили від керівництва музеєм (тоді ще Всеукраїнським історичним), незабаром він помер, а Д. Щербаківський, вчений-музейник від Бога, не витримав того, що відбувалось, і наклав на себе руки у 1927 р. Музеєм заволоділи люди випадкові, які не змогли евакуювати колекцію у 1941 р.

Людські долі видатних вчених-професіоналів, що жертвували життям заради збереження шевченкіани, нерозривно пов’язані не тільки між собою, але і з долею раритетів, і без них не сприймаються. Видання, що підготували С. Гальченко та Н. Лисенко, становить не тільки культурну, але й високо наукову цінність, у ньому втілена одна із найцікавіших наукових концепцій – «культурної пам’яті про минуле» (за Я. Ассманом), що передбачає наявність явищ «довгочасності» існування нації. Ця пам’ять і зв’язок відчутна у книзі не тільки у логічних ланках-переходах від однієї теми до іншої, але й у викладеній цілісності, яка не має часових обмежень.

В альбомній частині видання представлені репродукції оригінальних гравюр Т. Шевченка «Вірсавія» та «Приятелі» з дарчими авторськими надписами братам Михайлу та Федору Лазаревським, автографи фрагментів вірша «До Основ’яненка» і поеми «Іванъ Підкова» з редакторськими правками П. Куліша, зажиттєві фото поета, рідкісні фотографії його сучасників, родичів, дослідників та шанувальників його творчості.

Як відомо, одним з найбільш закритих, крамольних у шевченкіані радянських часів було питання про перепоховання Шевченка. Про це не дозволялося не тільки говорити або писати, але й приходити до пам’ятників поету в цей травневий день. У книзі, в розділі «Memoria» представлені дорожні замальовки художника Григорія Честахівського про перепоховання тіла Т. Шевченка, його перевезення із Петербурга до Києва, поховання у Каневі, а також фотокопія його малюнка могили поета на Смоленському цвинтарі у Петербурзі, опис малюнків, які залишилися після смерті в його помешканні, спогади поета, списки учасників поховальної процесії (у травні 1861 р.), замальовки панахиди в Успенському соборі, первісного виду могили Т. Шевченка, інтер’єра хати доглядача могили на Чернечій горі у Каневі та багато іншого.

Особливу увагу привертає розділ «Рідні. Друзі. Послідовники. Дослідники» і та його частина, що містить портрет батька поета, написаний Шевченком, фото братів поета Йосипа й Микити, троюрідного брата Варфоломея Шевченка, а також Андрія Варфоломейовича Шевченка. У цьому розділі розміщені фото М. Костомарова, П. Куліша, багатьох інших діячів української культури, серед яких Ганна Барвінок, І. Нечуй-Левицький та ін.

«Шевченківський Київ» – розділ, який приваблює вишуканістю підібраних старовинних літографій, майстерно виконаних, що закарбували та випромінюють красоти велично-

го Києва та неоглядність київських далей часів Т. Шевченка. Тематично пов'язаний із ним і розділ «Простір», в якому розкривається смисл унікального явища – шевченкового простору з фотозображенням групи музеїв на батьківщині поета у селах Моринці і Кирилівка, зроблених у травні 1935 р., на жаль, вже тільки із загальним видом садиби, де народився Т. Шевченко, зруйнованої хати в садибі, де мешкав поет, з пам'ятником на місці тієї хати, з видами сільського простору в різних ракурсах. Прикрий факт, що місце народження, дитячих років життя Шевченка, вже тільки позначене, безумовно, викликає ностальгію за втраченим, за зниклими географічними культурними раритетами. Але розташування знімків, їх компонування створюють масштабний, величний географічний образ шевченківського краю з вельми широким, об'ємним контекстом. Цей простір, явленний крізь фотографічну цілісність, несе в собі потужне ідеологічне навантаження на всі часи. Місце приходу у світ Генія стає як своєрідне анізотропне середовище, що здатне перетворити і світ, і людину, яка з ним стикнулася. Вона, ця частина, ніби здіймається і над матеріалами про Будинок-музей у Києві, про меморіальний комплекс у Каневі, про скульптурну шевченкіану, яскравими прикладами любові до поета і навіть «нелюбові» (звертає на себе увагу така смілива назва розділу з документальним підтвердженням тривалої боротьби царської влади з поетом і художником до самої заборони творити).

Упорядники видання наголошують, що в ньому наявні найбільш цікаві матеріали. У примітках до кожного документа представлений максимальний обсяг інформації. Проте за задумом передбачається більш детальна й глибока їх обробка.

До культурного та наукового ужитку України повернений безцінний матеріал. Спільна праця Інституту літератури ім. Т.Г. Шевченка з Українською Вільною Академією наук у США, Американським посольським фондом збереження культурної пам'яті вилилася у прекрасне видання, здійснене Видавничим домом «Андрій».

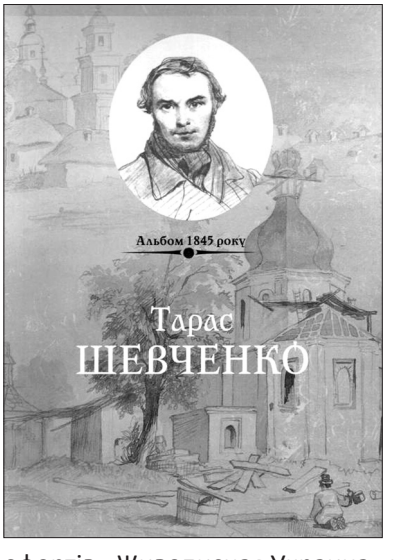
Величезний обсяг роботи здійснено відомими вченими Наталією Лисенко та заступником директора Інституту літератури Сергієм Гальченком – науковий опис колекції, примітки, ретельно і з любов'ю підібраний матеріал.

У вступній до видання статті С.А. Гальченко – у недалекому минулому директор Будинка-музею Т. Шевченка, – підсумовуючи багатолітні зусилля з повернення цінностей, не без смутку відзначив: «В Україну повернулися шевченківські раритети, але це лише невеличка часточка того, що було зібрано в довоєнні роки, а решту ще треба шукати у США, в Європі. Варто продовжити пошуки у Львові, а потім шукати в Польщі, у Познані». Схоже, шевченківські раритети поповнили список зниклих за роки війни цінностей разом з янтарною кімнатою, сліди якої загубились у світі, рукописами А. Чехова, які хтось бачив в одному з домашніх архівів США, з нібито загиблими полотнами М. Башкірцевої…

Робота передбачається багаторічна. Але те, що вже видане, вражає долученням до високого духовного світу української культури.

В.Д. НАРІВСЬКА,
доктор філологічних наук, професор
кафедри зарубіжної літератури
Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара

Рецензія на книгу «Шевченко Тарас. Альбом 1845 року» / Авт. проекту, упорядкування, передмови та коментарі С. Гальченко. – Дніпродзержинськ: Видавничий дім «Андрій», 2010. – с., іл. (Факсимільне відтворення).



Достеменно відомо, що «абсолютно геніальний поет» і «російський Рембрандт» Тарас Шевченко створив (всупереч заборонам і безлічі завад!) більш ніж тисячу творів графіки та живопису. Сьогодні це національне надбання, як і все Шевченківське, та складова нашого життя, без якої український світ неповний. Відчуття повноти додають такі видання, як «Альбом 1845 року», в якому представлена лише частина з того, що побачив, пережив і утілив художник за декілька місяців роботи у Київській археологічній комісії під час своїх мандрів по містах і селах Київської та Полтавської губерній – малюнки аквареллю і сепією, олівцеві замальовки та фрагменти фольклорних записів.

Автор проекту, коментарів, передмови, упорядник видання заступник директора Інституту літератури ім. Т.Г. Шевченка НАН України С.А. Гальченко – відомий дослідник творчої спадщини поета і художника – сюжетно, захопливо репрезентував історію утворення і видання офортів «Живописная Украина» через найбільш яскраві факти життя та творчої долі Т. Шевченка, що висвітлюють ідею створення альбому. Озвучений грандіозний задум був у листі Тараса Шевченка до Чернігівського губернатора П.І. Гессе від 1 жовтня 1848 р.: «История Южной России изумляет каждого своими происшествиями и полусказочными героями, народ удивительно оригинален, земля прекрасная. И все это до сих пор не представлено пред очи образованного мира…». У цьому листі, як відомо, Шевченко виклав у подробицях свої наміри: «Обладая в мале искусством в живописи, предпринял я издание, названное мною «Живописная Украина». Издание разделяется на три части. 1-е виды, примечательные или красотою, или историческими воспоминаниями. 2-е народный быт настоящего времени и 3-я история». Такі були плани, надії та незмінна мольба про підтримку у листах до О. Бодянського, М. Цертелева, С. Муханова, М. Долгорукова, П. Гессе – «представить труд мой почтенным землякам моим, труд, для которого крайне искреннее мое желание издать как нельзя лучше, недостает собственных средств» (Шевченко Т.Г. Повне зібрання творів: У 12 т. – К.: Наукова думка, 2001. – Т. 6). Перші три відбитки було надіслано П. Гессе.

У нинішньому факсимільному виданні Альбому 20 аркушів. Кожен з наявних малюнків оснащений коментарями – високо науковими, інформаційно насиченими, мистецтвознавчо вишуканими. За своєю суттю, кожний коментар можна позначити як своєрідне наукове

© *В.Д. Нарівська, 2012*

дослідження, що містить відомості про час та місце створення малюнка, його жанр, що на ньому відображено, описана його доля у часі і просторі, коли вперше був уведений до наукового обігу. Ці коментарі становлять не тільки науковий, але й загальнолюдський сенс, оскільки зіткнення з шевченківськими матеріалами викликає відчуття причетності до великої культури.

Серед найбільш ґрунтовних, насичених, ледве не з пригодницьким сюжетом – коментар до малюнка «Комора в Потоках», в якому тісно перетинаються викладені «подробиці з життя Шевченка» у Потоках, зокрема те, що разом з Надією Василівною Тарновською, дочкою титулярного радника, хрестив дочку тамтешнього диякона, як був заарештований, про очікувані обшуки у тих, у кого мешкав, як переховувалися твори, листи та малюнки Шевченка, їх історико-літературна доля. Особливу роль у цьому відіграла Н.В. Тарновська, «Кумася», як звав її Шевченко. За спогадами, поет їй дуже довіряв і залишив для збереження дуже цінні для нього твори, які, на жаль, безслідно зникли після її смерті. Їхні сліди загубились серед родичів Н. Тарновської. Фахівці вважають, що, можливо, загинула дуже цінна частина спадку поета, що іменується «потіцьким скарбом». Найбільший жаль і у самого Т. Шевченка, його близьких та дослідників викликала втрата написаного у цей період твору «Ян Гус», з якого відомий лише початок. Першу публікацію поеми було здійснено у 1907 р.

Є припущення, що на картині «Комора в Потоках» Шевченко зобразив Н.В. Тарновську, Кумасю (жіноча фігура перед коморою, хлібним гамазеєм). Про неї та про драматичну долю скарбу пронизлива оповідь, у якій перетинаються науковий підхід з теплотою та ліризмом викладення. При цьому жодних власних версій ані в цьому коментарі, ані в інших упорядник не висуває, оперує лише документами – маловідомими, рідкісними, унікальними, розпорошеними у просторі об'ємної української Шевченкіани, цитує у великій кількості епістолярії Шевченка – найяскравіші, вражаючі, мистецтвознавчі роботи. Зібраний докупи такий обсяг матеріалу виходить за межі власне коментування – відтворений образ Шевченківської епохи. Очами Шевченка ми бачимо красоти, історичні пам'ятники України, ті її сакральні місця – «Кам'яний хрест св. Бориса», «В густині. Церква Петра і Павла», «Вознесенський собор в Переяславі», «Церква святого Михаїла в Переяславі», «В Переяславі. Церква Покрови», «Мотрин монастир», «В Суботові. Богданові руїни в Суботові», «Богданова церква в Суботові» та ін., які перемежаються зображенням побуту українців – «Жанрова сцена. Селянин із косою», «Селянське подвір'я», «Косар», «Андруші», «Хата під водою», «Селяни», «Кашовари» та інші миттєвості життя – «Кобзар із хлопчиком», «Жіноча постать», – що так само стали джерелом натхнення для поезії та живопису.

Час вніс свої поправки щодо сприйняття Шевченкових малюнків – вони давно вже набули статусу культурних архетипів українського простору. Сприяє тому і якість нинішнього видання – факсимільне, що зберегло не тільки сліди, але й дух шевченківської епохи.

Творчий спадок кожного великого художника минулих культурних епох, як правило, зазнавав усілякого роду випробувань, тим паче шевченківський. Одисея серії офортів детально викладена у статті С. Гальченка «…На славу імені України», що передує факсиміле серії. У статті є підзаголовок «Рік творчого піднесення Т.Г. Шевченка», тобто йдеться про 1845 р., коли було створено класику з класики – поезії «Заповіт», «І мертвим, і живим…», «Холодний Яр», «Чигрине, Чигрине», «Великий льох», «Розрита могила», що тісно переплелися з малюнками, створеними у Густині, Переяславі, Андрушах, Потоках, Чигрині, Суботові, В'юнищі всупереч заборонам писати та малювати. Як геніальна цілісність ці творіння і сприймаються, але до цього був складний шлях.

Первісно це була приватна колекція – Музей українських старожитностей Тарновського, яку її власник подарував Чернігівському земству, оскільки Київська міська дума відмовилась прийняти її як подарунок. А після цього настав період розпорошеності колекції по світу.

Збереглися лише чотири альбоми Шевченка – 1842–1843 рр., 1845 р., 1846–1850 рр., 1848–1850 рр. П'ятий, що отримав у наукових колах назву «сулієвський» (за прізвищем одного з його власників), або «корсунський» (за місцем створення малюнків «В Корсуні», «Коло Канева», «В Межирічі», «В Черкасах» та ін.) цілісно не зберігся: є тринадцять розрізнених аркушів, що зберігаються у Національному музеї Тараса Шевченка.

Тільки у 1926 р., коли у Харкові був створений Інститут Тараса Шевченка, вчені розпочали збір та обробку шевченківських матеріалів. Рукописний та мистецький спадок, архівні документи, прижиттєві та посмертні видання, матеріали про Шевченка були скупчені у державному сховищі УРСР. У 1932 р. мистецьку спадщину було скупчено в музеї Шевченка при цьому ж Інституті. Проте, коли Інститут Тараса Шевченка в результаті реформації став Інститутом української літератури ім. Т.Г. Шевченка, перше, чого позбулися, – живописного спадку Шевченка, з подальшими переходами від одного закладу до іншого, але на щастя, у 1933 р. чотири альбоми Шевченка знайшли місце свого постійного зберігання в Інституті літератури. Вони надійшли з Чернігівського державного музею у 1933 р., після передачі всієї мистецької спадщини до Галереї картин Т. Шевченка у Харкові. З часом, у 1939 р., колекція «переїхала» до нової столиці, м. Києва, до 125-річчя поета та художника. Там і була відкрита її експозиція в Центральному музеї Т.Г. Шевченка, розташованому у Маріїнському палаці, у квітні 1941 р.

На початку війни, стрімкого наступу гітлерівців було прийнято рішення евакуювати спадщину Шевченка до Уфи та Новосибірська. Після звільнення Києва від фашистів колекції повернулися. У 1949 р. музей імені Т.Г. Шевченка був відкритий у палаці, що у минулому належав цукрозаводчику та меценату М.А. Терещенку. Тут він перебуває і нині, але вже в статусі Національного музею Тараса Шевченка.

У передмові С. Гальченко із сумом наголосив: «Напевно, спадщина жодного класика літератури чи мистецтва не зазнавала такої міграції, як це відбувалося з рукописами та малярськими творами Шевченка… Майже всім творам Шевченка судилося таке ж мандрівне життя, як і їхньому авторові» (с. 9). Сумна констатація, особливо, якщо звернути увагу на, здавалося б, незначні факти: Альбом 1945 р. (К.: Наукова думка, 2000, упорядник С. Гальченко), що став бібліографічною рідкістю, був виданий за підтримки Фонду розвитку мистецтв України; нинішнє видання – за підтримки групи народних депутатів. А для того, щоб такий альбом був наявний у домашній бібліотеці, довелось згадати та скористуватися, здавалося б, назавжди зниклим з обігу радянським слівцем «дістати». У цьому – вирішення сучасних дискусій про нібито непотрібність за чиєюсь злою волею української книги. Коли тримаєш у руках таке видання, маєш змогу продемонструвати його у студентській аудиторії, саме собою вирішується питання і про національну ідею, і про цінність української книги.

А поки що, за поголосками, невтомний С. Гальченко зі своїми однодумцями, в тому числі і прекрасними майстрами видання «Андрій», завершили роботу над новим проектом до 200-річчя Т. Шевченка. Залишається тільки чекати і вірити, що усі шедеври Шевченкіани будуть видані.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ «ВЕРНУТЬСЯ В РОССИЮ СТИХАМИ И ПРОЗОЙ: РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ПИСАТЕЛИ ВНЕ РОССИИ» (Польша, г. Слупск, июнь 2012 г.)

Международные научные конференции, посвященные литературе русской эмиграции, давно уже стали культурной традицией не только на постсоветском пространстве, но и за рубежом. Несмотря на общую направленность, круг проблем, предложенных для осмысления, довольно обширен: «Картина мира в литературе и мысли русской эмиграции» (Краков, 2002), «Владимир Набоков и литература русской эмиграции» (Санкт-Петербург, 2005), «Русские писатели в Париже: Взгляд на французскую литературу 1920–1940» (Женева, 2005), «От Бунина до Пастернака: русская литература в зарубежном восприятии» (Москва, 2009), имеющие свою многолетнюю историю «Крымские международные Шмелевские чтения» (Алушта, 1991–2012) и многие другие. При этом интерес ученых к русской эмигрантской литературе не угасает, что вполне закономерно: многие имена открываются заново, многие пласты эмигрантской литературы остаются неисследованными, наконец, заявляют о себе новые поколения русских писателей-эмигрантов, чье творчество становится живым материалом для литературоведческого восприятия.

Международные конгрессы, конференции, семинары по проблемам русской эмиграции представляют собой традиционный формат научных мероприятий, и он, безусловно, актуален, когда речь идет об исследовании литературного наследия, уже ставшего историей. Подобные мероприятия – своего рода диалог с культурным прошлым. Когда же речь идет о писателях-современниках, возникает потребность в творческом культурном диалоге между учеными и представителями творческой интеллигенции, для которого необходим иной формат научно-культурного мероприятия. И такой формат был найден нашими польскими коллегами.

27–30 июня 2012 г. в г. Слупске (Польша) прошел Международный фестиваль «Вернуться в Россию стихами и прозой: русскоязычные писатели вне России». Организаторами фестиваля выступили Институт неофилологии Поморской академии и Центр русского языка и культуры в г. Слупске при поддержке Фонда «Русский мир», мэрии г. Слупска, Музея Центрального Поморья. Фестиваль собрал более 80 поэтов, писателей и ученых из России, Украины, Беларуси, Казахстана, Польши, Канады, США, Израиля, Австрии, Германии, Норвегии и других стран.

На торжественном открытии в Поморской академии участников фестиваля приветствовали консул Генерального консульства РФ в Польше Сергей Семёнов, представитель Фонда «Русский мир» Владимир Кочин, директор администрации президента Слупска Войцех Шульц, вице-бургомистр г. Устка Рышард Квятковский, ректор Поморской академии профессор Роман Дрозд, декан филолого-исторического факультета проф. Данута Герчинска, а также представители творческих союзов писателей России и Польши. Были представлены современные творческие организации русских писателей-эмигрантов, русскоязычные альманахи и журналы: санкт-петербургский клуб «Возвращение забытых имен», русскоязычные издания Финляндии, Польши, Норвегии, Швеции и др.

27 июня состоялся творческий семинар «Нравственная ответственность писателя в современном мире», в рамках которого осуществился диалог писателей и ученых.

Свои художественные произведения представили Марина Велькович (Норвегия), Антонина Шнайдер-Стремякова (Германия), Анатолий Андреев (Беларусь), Алексей Бердников (Канада), Владимир Штокман (Польша), Анна Сохрина (Германия). Возможность познакомиться с произведениями русских писателей была предоставлена и на выставке книг по эмиграции «Возвращение», которая прошла на следующий день. Выступление писателей вызвало живой интерес исследователей и положило начало дискуссии, посвященной проблемам современной русской литературы.

Творческая дискуссия получила свое продолжение на открывшейся в рамках фестиваля Международной научной конференции «Родина, вера, любовь в литературе эмиграции». Программа конференции предусматривала работу ученых-филологов, историков и культурологов в нескольких секциях: «Литература и культура первой волны эмиграции», «Литература второй волны эмиграции: судьбы и время», «Поэтика современной литературы русского зарубежья», «Русскоязычные писатели на постсоветском пространстве», «Язык, переводы, рецепция произведений литературной эмиграции».

На пленарном заседании выступили проф. Иоанна Мяновска (Польша), посвятившая свой доклад проблемам польской научной критики в кругу известных, малоизвестных и неизвестных имен культуры русского зарубежья; проф. Бронислав Кодзис (Польша), чей доклад содержал анализ особенностей драматургии первой волны эмиграции; Вера Виногорова, осветившая в своем докладе проблемы перевода произведений русских зарубежных авторов; проф. Анатолий Андреев (Беларусь) представил доклад об особенностях развития русскоязычной литературы в Беларуси.

Секция «Литература и культура первой волны эмиграции» открылась докладом Антона Бакунцева, содержащим анализ лекции И.А. Бунина «Великий дурман», ознаменовавшей начало журналистской деятельности писателя и сыгравшей важную роль в его личной и творческой биографии. Ивона Анна Ндяйе (Польша) представила доклад «Под маской Талии…», посвященный проблемам эмигрантского творчества Тэффи; Лев Мнухин (Россия) в своем докладе ознакомил участников секции с новыми материалами эпистолярного наследия Марины Цветаевой, явившими летопись жизни и творчества поэтессы; тему творчества Марины Цветаевой продолжил доклад Майи Полехиной (Россия), посвященный вопросам любви и пола в эпистолярном наследии поэтессы

Работа секции 1 «Литература и культура первой волны эмиграции».
Руководитель – доктор филологических наук, профессор Олег Федотов (Россия)

1920–1930-х гг.; доклад Анны Степановой (Украина) заключал исследование мотива революционного правосудия в романе Виктора Сержа «Завоеванный город»; в выступлении Альфии Смирновой (Россия) был предложен анализ мотивов судьбы и дороги в романе Гайто Газданова «Ночные дороги»; вопросам автобиографизма книги Романа Гуля «Ледяной поход» был посвящен доклад Нэлли Щедриной (Россия); мотив чужбины в лирике В. Набокова «Кембридж» стал предметом исследования в докладе Олега Федотова (Россия); проблемам литературной деятельности русской поэтессы и балерины было посвящено выступление Галины Эфендиевой (Россия) «Лариса Андерсен: творчество и судьба»; осмысление феномена детства в русской мемуаристике на материале произведений Д. Абрикосова, Т. Аксаковой-Сиверс и З. Шаховской было положено в основу доклада Татьяны Пудовой (Польша); историю создания и художественное своеобразие последней поэтической книги К. Бальмонта проанализировал в своем докладе Григорий Певцов (Россия); творчеству известного белорусского поэта был посвящен доклад Антонины Шелемовой (Россия) «Невольный эмигрант – Максим Богданович».

Многоаспектной была тематика и стендовых докладов секции, которые представили: Маргарита Берсенева (Россия) «Перекресток культур в творчестве Б.К. Зайцева»; Наталья Блищ (Беларусь) «А.М. Ремизов как литературный персонаж в творчестве русских писателей»; Владимир Калашников (Австрия) «Ненависть Богов: эмигрантские судьбы М. Цветаевой и В. Иванова»; Анна Пашкевич (Польша) «Протсранство факта и пространство вымысла в биографических повестях Н. Берберовой»; Людмила Яковлева (Финляндия) «Поэт-акмеист Вадим Гарднер»; Александр Леденев (Россия) «Наследие В. Набокова и современная русская литература»; Светлана Зажицкая (Россия) «Возвращение произведений Владимира Набокова в программу российских школ»; Оксана Виллис (США) «В.Набоков и В. Сорокин: Набоков-7 и «голубое сало» русской эмиграции»; Ольга Демидова (Россия) «Эмиграция как мысли о России».

Секция «Литература второй волны эмиграции: судьбы и время» объединила ученых, внимание которых было сосредоточено на русской эмигрантской литературе 1940-х гг. Исследованию образа Родины в произведениях эмигрантской литературы посвятил свой доклад «В поисках «иной» России» Тадеуш Сухарски (Польша); автобиография русского ученого-эмигранта как художественное произведение была осмыслена в докладе Натальи Колотиловой (Россия) «Автобиографическая повесть микробиолога С.Н. Виноградского «Летопись нашей жизни» (Париж, 1942)»; антология эпохи и перипетии творческой судьбы в рефлексии русского писателя рассмотрела Лариса Щелокова (Россия) в докладе «Борис Филиппов о времени и о себе»; с материалами неопубликованной переписки Владимира Познера познакомила коллег Ирина Кабанова (Россия) в докладе «Младший «Серапионов брат» Владимир Познер: связи с Россией».

Стендовые доклады секции представили: Галина Нефагина (Польша) «Уповаю на Бога»: христианские мотивы в творчестве эмигрантов второй волны» и Андрей Коновалов (Россия) «Леонид Денисович Ржевский (Суражевский) – писатель второй волны русской эмиграции».

Секция «Поэтика современной литературы русского зарубежья» включала доклады, посвященные исследованиям творчества писателей последней волны эмиграции. Участники секции в своих выступлениях затронули широкий круг проблем современной русской эмигрантской литературы, обратились к исследованию внутреннего мира писателя-современника. Работу секции открыл доклад Светланы Брыкиной (Россия), посвященный исследованию авторского видения Ташкента в романе Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы»; к художественному своеобразию прозы М. Шишкина обратилась Анна Скотницка (Польша) в докладе «Как устроен мир? Письмовник Михаила Шишкина»; опыт преемственности традиций Г.-Х.Андерсена в произведении Евгения Клюева «Сказки на всякий случай» рассмотрела в своем докладе Ирена Хубицка (Польша); исследованию стратегии «ускользания» в книге Евгения Клюева «Зеленая Земля» был посвящен доклад Нины Барковской (Россия); особенности преломления любовной тематики были исследованы в докладе Людмилы Шевченко (Польша) «Страна не для любви» в романе Сергея Юрьенена «Дочь генерального секретаря»; доклад Сауле Абишевой (Казахстан) был посвящен исследованию образов отечественного и эмигрантского пространств в цикле Б. Кенжеева «Послания».

Поэтологический и социокультуный аспекты исследования превалировали в тематике стендовых докладов секции: «Авторская концепция свободы в прозе С. Довлатова»

(Петр Ганцаж, Польша); «Социокультурное пространство русского человека вне России в творчестве Леонида Корниенко» (Ольга Пуссинен, Финляндия); «Ю.В. Трифонов и русские эмигранты» (Януш Свежий, Польша); «Стратегии удвоения в пьесе В. Максимова «Кто боится Рэя Брэдбери?» (Валентина Головчинер, Россия); «Поэтика романов Юрия Дружникова» (Франтишек Апанович, Польша).

Секция «Русскоязычные писатели на постсоветском пространстве» открылась докладом Татьяны Мегрелешвили (Грузия), посвященным исследованию моделей самоидентификации и саморефлексии в прозе представителей современной русскоязычной литературы Грузии; предметом исследования в докладе Светланы Гончаровой-Грабовской (Беларусь) стали авторские модели современной русскоязычной драматургии Беларуси; художественное своеобразие пейзажной лирики Е. Зуслина исследовала Лола Звонарева (Россия) в докладе «Ефим Зуслин: поэтический мост от урочища Медео до реки Луары»; проблемам русскоязычной женской прозы Беларуси был посвящен доклад Валентины Кулешовой (Беларусь); основные моменты творческой рефлексии писателя были осмыслены в докладе Амины Газизовой (Россия) «Споры с самим собой: Литературная беседа с Ч.Т. Айтматовым»; Элеонора Шафранская (Россия) в своем докладе обратилась к проблемам постколониальной русской литературы на материале прозы Сухбата Афлатуни; феномен двойной эмиграции явился предметом исследования в докладе Ульяны Вериной (Беларусь) «Иона во чреве кита: двойная эмиграция Вениамина Блаженного»; Зинаида Поляк (Казахстан) обратилась к проблеме художественного осмысления архива реэмигрантов Н.Н. Кнорринга и Ю.Б. Софиева в творчестве казахстанской писательницы Надежды Черновой.

Стендовые доклады секции представили: Валентина Наривская (Украина) «Роман-донос» и его автор Гелий Снегирев – киевский «диссидент поневоле»; Алексей Иванов (Беларусь) «Этнокультурные коды в прозе Анатолия Андреева»; Татьяна Алешка (Беларусь) «Я был поэтом на Руси» (репрезентация национального в поэзии Вениамина Блаженного)».

Секция «Язык, переводы, рецепция произведений литературной эмиграции» была представлена выступлениями Натальи Зинуковой (Украина), обратившейся в своем докладе к проблеме семантических преобразований в переводе В. Набоковым сказки Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес»; Изольды Кивель (Беларусь), посвятившей свой доклад исследованию языковой рефлексии в дилогии Александра Станюты «Сцены из минской жизни» и «Городские сны»; Ольги Ладохиной (Россия), раскрывшей в своем докладе особенности языковой личности на материале романа Сергея Довлатова «Компромисс»; Кесаря Мехраби (Иран), исследовавшем специфику грамматической семантики причастий в романе И. Бунина «Жизнь Арсеньева».

В качестве стендовых докладов секции были представлены: «Информативность наречных лексем в поэтическом тексте» (Татьяна Волынец, Беларусь); «Специфика жаргонного словообразования на примере произведений современного российского детектива» (Гражина Лисовска, Польша); «Писатели-эмигранты о Чехове» (Тадеуш Осух, Польша); «Эпитет в художественном тексте И.С. Шмелева» (Елена Руднева, Россия); «Маркиз де Кюстин и его «Записки из России» в христианском дискурсе» (Иоланта Казимерчик, Польша).

Творческому диалогу участников фестиваля способствовала и культурная программа, заключавшая в себе концерт лауреата международных конкурсов группы «Джаз-классик трио» (Беларусь), экскурсию по г. Слупску и поездку в г. Шимбарк, – мемориально-этнический музей под открытым небом, в культурно-образовательном центре которого состоялись выездные выступления писателей – участников фестиваля.

Высокий научный уровень фестиваля, безупречная организация мероприятия были отмечены всеми его участниками. Осмысление рассмотренных на конференции проблем русской эмигрантской литературы, исследования, представленные участниками, являются весомым вкладом в развитие эмигрантологии. Проведенная в рамках фестиваля работа ученых и писателей позволила организаторам мероприятия достигнуть своей цели – консолидировать ученых-литературоведов, историков, философов, культурологов для изучения эмигрантского художественного наследия и возвращения его в русскую культуру. Хочется выразить надежду, что фестиваль, проведенный в г. Слупске, положит начало новой научно-культурной традиции.

А.А. Степанова,
Днепропетровск

НАШІ АВТОРИ

Балалаєва Олена Юріївна – старший викладач кафедри української, англійської та латинської мов імені М.О. Драй-Хмари Національного університету біоресурсів та природокористування України.

Барковська Ніна Володимирівна – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри сучасної російської літератури Уральського державного педагогічного університету, Єкатеринбург, Росія.

Бароті Тібор – доктор філологічних наук, професор кафедри російської мови та літератури Інституту слов'янської філології Університету в Сегеді (Угорщина).

Безкоровайна Галина Тигранівна – старший викладач кафедри міжкультурної комунікації та перекладу Московського державного університету друку імені Івана Федорова; декан факультету додаткової професійної освіти Московського університету іноземних мов.

Белякова Ганна Олександрівна – викладач кафедри англійської філології та перекладу Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля.

Бідненко Наталія Петрівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри англійської філології та перекладу Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля.

Бірюкова Марія Сергіївна – старший викладач кафедри англійської філології та перекладу Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля.

Вакулик Ірина Іванівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри української, англійської та латинської мов імені М.О. Драй-Хмари Національного університету біоресурсів та природокористування України.

Ватченко Світлана Олексіївна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри зарубіжної літератури Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара.

Вєльчева Ксенія Олександрівна – викладач кафедри англійської філології та перекладу Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля.

Грищенко Ірина Василівна – кандидат філологічних наук, доцент, докторант кафедри фольклористики Інституту філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка.

Дундій Петро Ніканорович – доцент кафедри перекладу Київського інституту перекладачів.

Зірка Віра Василівна – доктор філологічних наук, професор кафедри англійської філології та перекладу Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля.

Ільїнська Ніна Іллівна – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри світової літератури та культури імені професора О. Мішукова Херсонського державного університету.

Ільченко Ганна Миколаївна – аспірантка кафедри української, англійської та латинської мов імені М.О. Драй-Хмари Національного університету біоресурсів та природокористування України.

Іщенко Ірина Володимирівна – старший викладач кафедри англійської філології та перекладу Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля.

Калініченко Валерія Володимирівна – викладач кафедри англійської філології та перекладу Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля.

Кравінська Юлія Юріївна – старший викладач кафедри іноземних мов факультетів гуманітарного профілю Таврійського національного університету імені В.І. Вернадського.

Липська Інна Іванівна – кандидат педагогічних наук, доцент кафедри іноземних мов Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля.

Любецька Вікторія Валеріївна – кандидат філологічних наук, викладач кафедри російської філології і іноземної літератури Криворізького педагогічного інституту державного закладу вищої освіти «Криворізький національний університет».

Максютенко Олена Валеріївна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри зарубіжної літератури Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара.

Малієнко Ганна Валентинівна – пошукувач кафедри зарубіжної літератури Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара, викладач зарубіжної літератури Європейської гімназії м. Дніпропетровська.

Малиновська Ірина Віталіївна – кандидат філологічних наук, доцент, докторант Центру наукових досліджень та викладання іноземних мов Національної академії наук України.

Марцовенко Софія Ігорівна – викладач кафедри іноземних мов факультетів гуманітарного профілю Таврійського національного університету імені В.І. Вернадського.

Мудрак Катерина Ігорівна – пошукувач кафедри зарубіжної літератури Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара, викладач англійської мови Європейської гімназії м. Дніпропетровська.

Мяновська Іоанна – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри досліджень культури Росії Університету імені Казиміра Великого в Бигодщі (Польща).

Наваренко Інна Анатоліївна – кандидат філологічних наук, старший викладач кафедри романської філології Київського національного лінгвістичного університету.

Надута Тетяна Вікторівна – викладач кафедри порівняльної філології східних та англомовних країн Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара.

Наєнко Михайло Кузьмович – доктор філологічних наук, професор кафедри теорії літератури і компаративістики Інституту філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка.

Прасол Євгенія Анатоліївна – викладач, аспірант кафедри порівняльної філології східних та англомовних країн Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара.

Руських Ірина Валеріївна – викладач кафедри перекладу та іноземних мов Національної металургійної академії України.

Ритікова Лариса Леонідівна – старший викладач кафедри англійської мови для технічних та агробіологічних спеціальностей Національного університету біоресурсів та природокористування України.

Сиротін Олексій Сергійович – старший викладач кафедри української, англійської та латинської мов імені М.О. Драй-Хмари Національного університету біоресурсів та природокористування України.

Слюсар Катерина Артемівна – викладач кафедри англійської філології та перекладу Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля.

Соколянський Марк Георгійович – доктор філологічних наук, професор, член Міжнародної Шекспірівської Асоціації (International Shakespeare Association), європейської асоціації шекспірознавства (ESRA), міжнародної федерації театрознавства (FIRT).

Сотніков Андрій В'ячеславович – кандидат філологічних наук, викладач кафедри іноземних мов і перекладу факультету слов'янських мов Київського національного лінгвістичного університету.

Тепла Оксана Миколаївна – кандидат педагогічних наук, доцент кафедри української, англійської та латинської мов імені М.О. Драй-Хмари Національного університету біоресурсів та природокористування України.

Трусов Сергій Сергійович – аспірант кафедри іноземних мов Центру наукових досліджень та викладання іноземних мов Національної академії наук України, провідний спеціаліст міжнародного департаменту Секретаріату Уповноваженого Верховної Ради з прав людини.

Усенко Ольга Петрівна – старший викладач кафедри порівняльної філології східних та англомовних країн Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара.

Філат Тетяна Віталіївна – доктор філологічних наук, професор, завідувач кафедри мовної підготовки Дніпропетровської державної медичної академії.

Хабарова Наталія Анатоліївна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри романо-германських мов Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля.

Чайка Лариса Василівна – кандидат філологічних наук, доцент, докторант Центру наукових досліджень та викладання іноземних мов Національної академії наук України.

Шестакова Элеонора Георгіївна – доктор філологічних наук.

OUR AUTHORS

Balalaieva Yelena Yurievna – Senior Lecturer of M. A. Dray-Khmara Ukrainian, English and Latin Languages Department of National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine.

Barkovskaya Nina Vladimirovna – Doctor of Sciences in Philology, Professor, Head of Modern Russian Literature Department of Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia.

Baroti Tibor – Doctor of Sciences in Philology, Professor of the Russian Language and Literature Department of the Institute of Slavic Philology of the University of Szeged (Hungary).

Bezkorovainaia Galina Tigranovna – Senior Lecturer of Cross-Cultural Communication and Translation Department of Ivan Fedorov Moscow State University of Printing Arts; Dean of Additional Professional Education Faculty of Moscow Institute of Foreign Languages.

Byelyakova Anna Aleksandrovna – Lecturer of English Philology and Translation Department of Alfred Nobel University, Dnipropetrovsk.

Bidnenko Natalia Petrovna – PhD in Philology, Associate Professor of English Philology and Translation Department of Alfred Nobel University, Dnipropetrovsk.

Biryukova Mariya Sergeyevna – Senior Lecturer of English Philology and Translation Department of Alfred Nobel University, Dnipropetrovsk.

Vakulik Irina Ivanovna – PhD in Philology, Associate Professor of M.A. Dray-Khmara Ukrainian, English and Latin Languages Department of National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine.

Vatchenko Svetlana Alekseyevna – PhD in Philology, Associate Professor of Foreign Literature Department of Oles Honchar Dnipropetrovsk National University.

Vielchieva Kseniia Aleksandrovna – Lecturer of English Philology and Translation Department of Alfred Nobel University, Dnipropetrovsk.

Grischenko Irina Vasilievna – PhD in Philology, Associate Professor, postgraduate student of Folklore Studies Department of the Institute of Philology of Taras Shevchenko National University of Kyiv.

Dundii Piotr Nikanorovich – Associate Professor of Translation Department of Kyiv Institute for Translators and Interpreters.

Zirka Vera Vasilievna – Doctor of Sciences in Philology, Professor of English Philology and Translation Department of Alfred Nobel University, Dnipropetrovsk.

Ilinskaia Nina Ilinichna – Doctor of Sciences in Philology, Professor, Head of Professor O. Mishukov World Literature and Culture Department of Kherson State University.

Ilchenko Anna Nikolaievna – graduate student of M.A. Dray-Khmara Ukrainian, English and Latin Languages Department of National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine.

Ischenko Irina Vladimirovna – Senior Lecturer of English Philology and Translation Department of Alfred Nobel University, Dnipropetrovsk.

Kalinichenko Valeriya Vladimirovna – Lecturer of English Philology and Translation Department of Alfred Nobel University, Dnipropetrovsk.

Kravinskaia Yuliia Yurievna – Senior Lecturer of Foreign Languages Department for Humanities of Taurida National V.I.Vernadsky University.

Lipskaia Inna Ivanovna – PhD in Pedagogy, Associate Professor of Foreign Languages Department of Alfred Nobel University, Dnipropetrovsk.

Lubetskaya Viktoriia Valerievna – PhD in Philology, Lecturer of Russian Philology and Foreign Literature Department of Krivoi Rog Pedagogical Institute of the State Educational Establishment of Higher Education “Krivoy Rog National University”.

Maksiutenko Yelena Valerievna – PhD in Philology, Associate Professor of Foreign Literature Department of Oles Honchar Dnipropetrovsk National University.

Maliienko Anna Valentinovna – graduate student of Foreign Literature Department of Oles Honchar Dnipropetrovsk National University, English Teacher of Dnipropetrovsk European Gymnasium.

Malinovskaia Irina Vitalievna – PhD in Philology, Associate Professor, postgraduate student of the Research and Educational Center of Foreign Languages of the National Academy of Sciences of Ukraine.

Martsovenko Sofiia Igorevna – Lecturer of Foreign Languages Department for Humanities of Taurida National V.I.Vernadsky University.

Mudrak Yekaterina Igorevna – graduate student of Foreign Literature Department of Oles Honchar Dnipropetrovsk National University, English Teacher of Dnipropetrovsk European Gymnasium.

Mianovska Ioanna – Doctor of Sciences in Philology, Professor, Head of Russian Culture Research Department of Kazimierz Wielki University in Bydgoszcz (Poland).

Navarenko Inna Anatolievna – PhD in Philology, Senior Lecturer of Roman Philology Department of Kyiv National Linguistic University.

Nadutaia Tatiana Viktorovna – Lecturer of Comparative Philology of Eastern and English Speaking Countries Department of Oles Honchar Dnipropetrovsk National University.

Naienko Mikhail Kuzmich – Doctor of Sciences in Philology, Professor of Literary Theory and Comparative Studies Department of Taras Shevchenko National University of Kyiv.

Prasol Yevgeniia Anatolievna – Lecturer, graduate student of Comparative Philology of Eastern and English Speaking Countries Department of Oles Honchar Dnipropetrovsk National University.

Russkikh Irina Valerievna – Lecturer of Translation and Foreign Languages Department of the National Metallurgical Academy of Ukraine.

Rytikova Larisa Leonidovna – Senior Lecturer of English for Technology and Agrobiology Department of National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine.

Sirotin Aleksei Sergeievich – Senior Lecturer of M.A. Dray-Khmara Ukrainian, English and Latin Languages Department of National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine.

Slusar Yekaterina Artiomovna – Lecturer of English Philology and Translation Department of Alfred Nobel University, Dnipropetrovsk.

Sokolianskiy Mark Georgiievich – Doctor of Sciences in Philology, Professor, member of International Shakespeare Association, the European Shakespeare Research Association, the International Federation for Theatre Research.

Sotnikov Andrei Viacheslavovich – PhD in Philology, Lecturer of Foreign Languages and Translation Department of Slavic Languages Faculty of Kyiv National Linguistic University.

Tioplaia Oksana Nikolaievna – PhD in Pedagogy, Associate Professor of M.A. Dray-Khmara Ukrainian, English and Latin Languages Department of National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine.

Trusov Sergei Sergeievich – graduate student of Foreign Languages Department of the Research and Educational Center of Foreign Languages of the National Academy of Sciences of Ukraine, Leading Specialist of the International Department of the Secretariat of the Supreme Council Commissioner for Human Rights.

Usenko Olga Petrovna – Senior Lecturer of Comparative Philology of Eastern and English Speaking Countries Department of Oles Honchar Dnipropetrovsk National University.

Filat Tatiana Vitalievna – Doctor of Sciences in Philology, Professor, Head of Language Preparation Department of Dnipropetrovsk State Medical Academy.

Khabarova Natalia Anatolievna – PhD in Philology, Associate Professor of Roman and Germanic Languages Department of Alfred Nobel University, Dnipropetrovsk.

Chaika Larisa Vasilievna – PhD in Philology, Associate Professor, postgraduate student of the Research and Educational Center of Foreign Languages of the National Academy of Sciences of Ukraine.

Shestakova Eleonora Georgiievna – Doctor of Sciences in Philology.